

Олег Айрапетов

ИСТОРИЯ

ВНЕШНЕЙ

Внешняя политика

ПОЛИТИКИ

императора

РОССИЙСКОЙ

Александра I

ИМПЕРИИ

1801–1914

1801–1825

ИСТОРИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
1801–1914

1801
1825

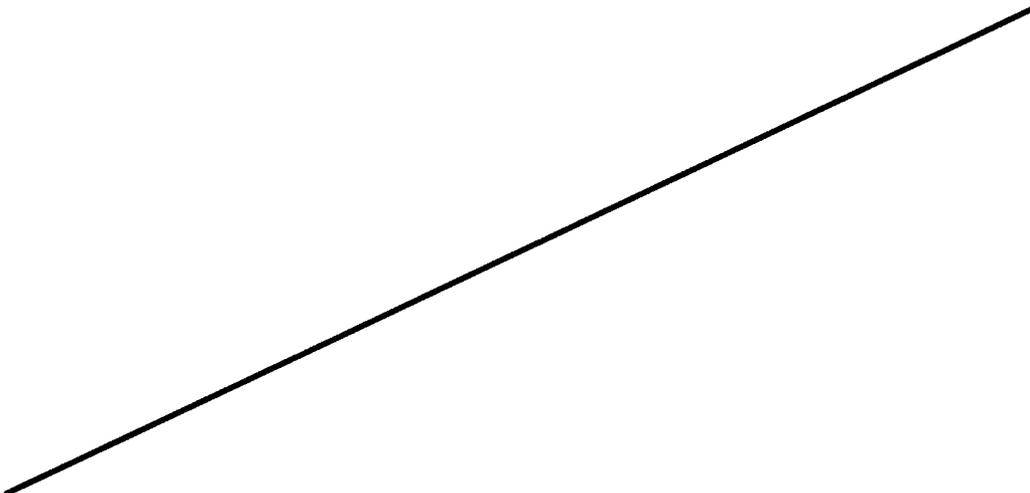

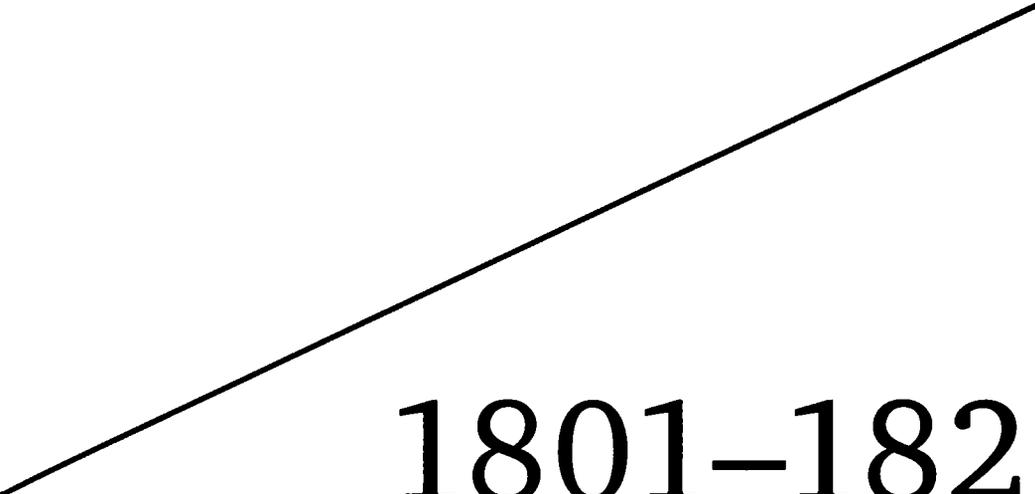
ИСТОРИЯ
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

1801
/ 1914

Олег Айрапетов

ИСТОРИЯ
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
1801–1914

1801–1825

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

УДК 327(470)
ББК 66.3(2)6-6
А11

Рецензенты:

д.и.н. В. М. Безотосный
(Государственный исторический музей, Москва);
д.и.н., проф. В. В. Дегоев (МГИМО(У) МИД РФ),
д.и.н., проф. Д. Ливен (Тринити-колледж, Кембридж);
д.и.н., проф. Б. Меннинг (университет Канзаса);
д.и.н., проф. Д. Схиммелпенник ван дер Ойе
(университет Брока, Сент-Катаринс);
д.и.н. А. Л. Шемякин (Институт славяноведения РАН);
к.и.н., доц. М. М. Шевченко (МГУ имени М. В. Ломоносова).

Под общей редакцией к.и.н. М. А. Колерова

Айрапетов О. Р.

А11 История внешней политики Российской империи. 1801–1914 : в 4 т. Т. 1. Внешняя политика императора Александра I. 1801–1825. — М. : Кучково поле, 2017. — 608 с.

ISBN 978-5-9950-0847-7

ISBN 978-5-9950-0848-4 (т. 1)

Обобщающий труд известного ученого предлагает системную версию основных внешнеполитических событий истории Российской империи XIX — начала XX века. Первый том посвящен бурной для России и Европы эпохе правления Александра I. Это время ознаменовано расширением границ России на Кавказе, войнами с Наполеоном, тяжелой победой в Отечественной войне 1812 года и созданием Священного союза монархов. Издание основано на многочисленных первоисточниках, снабжено научным аппаратом и именованным указателем.

УДК 327(470)
ББК 66.3(2)6-6

ISBN 978-5-9950-0847-7
ISBN 978-5-9950-0848-4 (т. 1)

© Айрапетов О. Р., текст, 2017
© ООО «Кучково поле»,
макет, издание, 2017

Дорогой Маше

Содержание

Вступление	8
Первые шаги императора, нормализация отношений с Великобританией	13
Новый курс — охрана европейского политического равновесия, преобразования императора	24
1802–1805 годы: на пути к Третьей коалиции	28
Третья коалиция (1805)	43
Четвертая коалиция (1806)	60
Формирование системы континентальной блокады	68
Четвертая коалиция (1807)	70
Тильзит и его последствия	84
Русско-шведская война 1808–1809 годов: первый этап	99

Эрфурт и его последствия	110
Ухудшение русско-французских отношений: на пути к войне	131
Русско-турецкая война 1806–1812 годов	157
Русско-персидская война 1804–1813 годов	215
Отечественная война 1812 года	249
Заграничные походы русской армии и сокрушение Наполеона	316
Венский конгресс и послевоенное устройство Европы	351
Священный союз и его последствия. Противоречия политики Александра I	376
Греческое восстание 1821 года и его влияние на внешнюю политику Александра I. Тупик	413
Примечания	461
Именной указатель	584

Вступление

Настоящая работа является продолжением труда, начатого мною с публикации в 2006 г. в издательстве «Европа» учебного пособия «Внешняя политика Российской империи 1801–1914 гг.». Начав изучение истории внешней политики России XIX в. в семинаре моего учителя д. и. н. проф. Н. С. Киняпиной на кафедре истории СССР периода капитализма исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, к окончанию учебы на факультете я решил временно отойти от этой темы. Написав дипломную работу, посвященную А. М. Горчакову, я, с санкции учителя, выбрал себе другую тему для кандидатской диссертации. Меня все больше стали интересовать Генеральный штаб Императорской русской армии и лица, его возглавлявшие. Область реальной политики, рождавшейся на грани усилий дипломатов и военных, учета финансовых возможностей, потенциала нашей страны, ее союзников и противников, казалась гораздо более интересной и менее изученной.

Беседы с несколькими коллегами: Максимом Михайловичем Шевченко, Максимом Аркадьевичем Чепелкиным, Владимиром Владимировичем Дегоевым и Брюсом Меннингом, которые мне довелось вести в разное время — будучи студентом, аспирантом и преподавателем МГУ, — поддерживали интерес к подобным темам. Все мы сходились во мнении о необходимости создания более сложной и комплексной картины истории внешней политики Российской империи, чем та, которая была заложена концепцией «Истории дипломатии» — выдающейся работы советских историков, заложивших традицию написания истории внешней политики государства как преимущественно истории его дипломатического ведомства. Как часто бывает, продолжатели оказались явно слабее начинателей. «То, что один граф сказал одному барону» — так мы в своем кружке не без доли ехидства называли то, к чему в результате привела эта традиция. Но... критиковать гораздо проще, чем делать что-либо самому. Справедливость этой

простой истины очевидна, тем не менее прочно усвоить ее возможно лишь эмпирическим путем.

Первой самостоятельной попыткой представить системную версию основных внешнеполитических событий Российской империи в XIX в. стал для меня исторический очерк по этой теме, опубликованный в 2003 г. в томе «Россия» «Новой Российской энциклопедии», второй — упомянутое выше учебное пособие. Судя по всему, оно имело определенный успех, хотя рамки пособия и делали, на мой взгляд, невозможными доведение до логического конца тех приемов и максимально широкую реализацию тех принципов, которые казались мне необходимыми. После выхода «Внешней политики Российской империи» мои коллеги по историческому факультету МГУ — Максим Михайлович Шевченко и Федор Александрович Гайда — обратились ко мне с просьбой продолжить начатую работу и довести ее до 1917 г., что я и попытался сделать. Высшим вызовом для специалиста является собственная версия изучаемого предмета в изучаемый период.

Вызов был велик, и на решение задачи было затрачено немало времени и сил. Правда, мне пришлось отказаться от первоначальных планов, в частности от проекта пятого тома, который планировалось посвятить участию императорской России в Первой мировой войне. Последние три года империи были настолько насыщены событиями из области экономической, внутренней, внешней политики и, естественно, собственно войны, что они потребовали отдельного исследования. Это пришлось сделать, и четырехтомная работа по участию России в мировой войне вышла в 2014 и 2015 гг. в издательстве «Кучково поле». Так уж случилось, что завершение давно задуманного проекта появилось ранее его начала.

При написании данной книги я исходил из необходимости сочетания трех основных принципов: собственно исследования, а также справочника персоналий и справочника основных источников и наиболее важной литературы по изучаемому вопросу. В связи с этим я поставил перед собой задачу использования всех основных опубликованных комплексов документов по данному предмету («Полное собрание законов Российской империи», «Ежегодник Министерства иностранных дел», «Акты Кавказской археографической комиссии», «Международные отношения в эпоху империализма», «Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами», «Сборник Русского исторического общества», «Архив князя Воронцова», «Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского Министерства иностранных дел» и т. д.) а также наиболее важных периодических изданий («Артиллерийский вестник» (Белград), «Артиллерийский журнал», «Вестник Европы», «Вестник русской конницы», «Военная быль» (Париж), «Военно-исторический

вестник» (Париж), «Возрождение» (Париж), «Война и мир» (Берлин), «Военный журнал», «Военный сборник», «Военный сборник общества ревнителей военных знаний» (Белград), «Голос минувшего», «Журнал Императорского Русского военно-исторического общества», «Зарубежный Морской сборник» (Пльзень), «Известия Министерства иностранных дел», «Известия Николаевской академии Генерального штаба», «Исторический вестник», «Инженерный журнал», «Инженерные записки», «Кавказский сборник», «Киевская старина», «Красный архив», «Море», «Морские записки» (Нью-Йорк), «Морской журнал» (Прага), «Морской сборник», «Морской сборник» (Бизерта), «Оружейный сборник», «Отечественные записки», «Офицерская жизнь», «Российский архив», «Русский архив», «Русский вестник», «Русская старина», «Сборник Главного управления Генерального штаба», «Старина и новизна», «Сын Отечества», «Туркестанский сборник», «Часовой» (Париж) и т. д.), что позволяет сделать сноски на принципиально важные публикации всех документов, касающихся основных внешнеполитических событий: высочайшие манифесты о заключении мира и объявлении войны, опубликованные тексты мирных договоров и соглашений, основная дипломатическая и военная переписка, базовые работы по истории войн и внешней политики России XIX — начала XX в.

Хронологические рамки данной работы ограничены 1801 и 1914 гг., то есть фактически XIX в., несколько пережившим свои формальные границы. Таким образом, рассматривается период от восшествия на престол императора Александра I и до начала Первой мировой войны. Внешняя политика Российской империи в рассматриваемый период определялась целым рядом причин, среди которых можно назвать стратегические или экономические — как, например, стремление к контролю над Черноморскими проливами или благоприятному режиму плавания через них, политические — сохранение равновесия в Европе, а иногда и идеологические — как, например, борьба с революцией или поддержка славянских освободительных движений. В процессе принятия решения по внешнеполитическим вопросам были задействованы самые различные ведомства и силы, следовательно, при изучении истории внешней политики империи необходимо учитывать и их.

Немаловажное значение имеют фон и контекст того или иного внешнеполитического действия страны — военная, военно-морская, финансовая и внутривосточная составляющие, причем речь идет не только о собственно русском потенциале, но и о возможностях партнеров и противников России в каждом конкретном случае. Безусловно, говорить об этом подходе можно лишь с оговоркой, в любом случае он удастся лишь настолько, насколько способен автор. Не берусь оценивать собственные возможности, но оставаться в рамках старой традиции считаю более целесообразным.

Тем паче что эта традиция имела и идеологическую компоненту, а именно инфернализацию самого слова «империя» вообще и словосочетания «Российская империя» в частности. Результатом было отрицание права Русского государства на собственные внешнеполитические интересы и терминологическое манихейство в границах понятий «русское» и «царское», где одно противопоставлялось другому.

После 1991 г. к этому наследию 1917 г. добавился еще и термин «росийское», противопоставленный первым двум, особенно первому. Последним приемом весьма активно злоупотребляет сонм профессиональных поборников политкорректности в истории, премудрость которых дано понять не каждому. Признаюсь, я никогда не пытался сделать это, вполне сознательно методологически ограничивая себя более скромной задачей, а именно дать объяснение истории внешней политики Российской империи с точки зрения ее собственных интересов, на которые она, на мой взгляд, имела безусловное право. Один из моих знакомых британских исследователей как-то раз со смехом рассказал мне о том, как бывший партийный активист из Венгрии, быстро переквалифицировавшийся в историка, сформулировал сферу своих научных интересов следующим образом: «специалист по теории теории международных отношений» (the theory of the theory of the international relationship). К сожалению, таких специалистов становится все больше и у нас.

Одним из безусловных достижений таких людей является наметившееся в последнее десятилетие движение, внешне направленное в обратном направлении 1991 г. направлении. Это безудержное восхваление имперского периода, и основано оно, по сути дела, на том же принципе, что и у предшественников — на незнании фактов и терминологической эквилибристике. Между тем пока бьются представители этих двух подходов, положение образования в современной России не позволяет надеяться на блестящие перспективы в будущем. Распад средней школы, все более набирающий темпы, на наших глазах начал охватывать и систему высшего образования. Понижение уровня знаний и уровня требований к учащимся в нашей стране привело к неизбежным и весьма болезненным последствиям, во всяком случае для гуманитарных дисциплин. Теоретизирование без знания фактов становится все более популярным. Показателями падения уровня культуры исследования становятся рост использования бессодержательных, а значит, бессмысленных терминов, непотребное в прямом смысле, то есть ненужное, загромождение оными текстов и т. п. В Армении говорят, что от кривой палки не бывает прямой тени. Сознательно выбранный курс на традиции и стандарты историков консервативного направления, признающих первенство факта над измышлениями, дает мне надежду на то, что кривизны удастся избежать.

Мой скромный личный потенциал при написании этой книги был значительно подкреплён друзьями и коллегами, существенно помогавшими мне на разных этапах работы. Приношу свою глубокую благодарность всем им: д.ф.н. С. Т. Золян (Ереван), д.и.н. М. М. Йовановичу (Белград), д.и.н. Д. Ливену (Лондон), д.и.н. Б. Меннингу (Форт Ливенворт, Канзас, США), д.и.н. Д. Схиммелпенник ван дер Ойе (Сент-Катаринс, Онтарио, Канада), д.и.н. Х. Томатсу (Токио), д.ф.н. Д. В. Фролову (Москва), д.п.н. П. Чейсти (Оксфорд), д.и.н. В. М. Безотосному (Москва), д.и.н. А. В. Ганину (Москва), к.и.н. Х. Гумбу (Берлин), к.и.н. В. Б. Каширину (Москва), к.и.н. Ким Ен-су (Сеул), к.и.н. Р. В. Кондратенко (Санкт-Петербург), к.и.н. Н. Папастратигакису (Афины), к.и.н. А. В. Рандину (Братислава), к.и.н. А. А. Смирнову (Москва), к.и.н. М. М. Шевченко (Москва), д.и.н. К. В. Шевченко (Минск), к.и.н. Я. А. Шулатову (Хабаровск), П. М. Ляшуку (Севастополь).

Первые шаги императора, нормализация отношений с Великобританией

Пределы территориального расширения империи на европейском направлении были достигнуты в правление Александра I. Искусный дипломат по своей природе, молодой император в 1801 г. был еще начинающим политиком. Одним из первых его действий в качестве такового стала нормализация русско-британских отношений. Близкие союзные отношения казались безоблачными еще совсем недавно. Британские и русские моряки и солдаты вместе воевали против Франции. Поддержка русского союзника была чрезвычайно важной для Лондона. Русская эскадра под командованием вице-адмирала М. К. Макарова помогла Англии в 1797 г. во время бунта экипажей 15 линейных кораблей в Портсмуте. Блокада французского Бреста оказалась под угрозой, что могло сорвать и блокаду голландского побережья, откуда готовилась перевозка французского десанта в Ирландию. Эскадра Балтийского флота, которую Павел I собирался вернуть в Кронштадт для отдыха и починки, была оставлена на позициях и оказала серьезную поддержку британцам, до того как боеспособность их флота была восстановлена¹.

Но вскоре русско-британские связи претерпели значительные изменения. 1 (13) февраля 1800 г. Павел I издал рескрипт с требованием отзыва посла Великобритании в России лорда Витворта, «желая избежать неприятных последствий, какие могут произойти от дальнейшего пребывания лживых министров»². Об этом был поставлен в известность и русский посол в Англии граф С. Р. Воронцов³. В мае 1800 г. британское посольство было выслано из России⁴. Первоначально послу разрешили оставить в Петербурге поверенного в делах, но вскоре и он был выслан. Опала настигла и русского посла в Англии. Император был весьма недоволен им⁵. Еще в 1798 г. граф С. Р. Воронцов отказался принять пост

канцлера, ссылаясь на плохое состояние здоровья, и получил отставку в июне 1800 г.⁶ В это же время дипломатические связи между Англией и Россией были разорваны⁷.

Павел I и Бонапарт были единственными правителями Европы, не поздравившими британского монарха после неудачного на него покушения в Лондоне (в короля стреляли в театре)⁸. Англия и Россия к этому времени если не юридически, то фактически находились в состоянии войны. Павел I, несмотря на неприязнь к политике своей матери, попытался пойти по ее пути в области обеспечения свободы морской торговли. 6 (18) декабря 1800 г. Пруссия и Россия заключили трактат «Об охране нейтральной торговли». К русско-прусской конвенции 5–6 (17–18) декабря 1800 г. присоединились Дания и Швеция⁹. Скандинавские государства несли значительные потери от диктата Великобритании. 29 августа 1800 г. Дания была вынуждена признать право английских судов обыскивать датские. Под Барселоной был захвачен шведский бриг, под его флагом британцы вошли в порт и внезапным ударом овладели двумя построенными для Батавской республики фрегатами. Король пребывал в ярости, остальным оставалось только гадать, когда такие же меры будут применены и к ним¹⁰. В сентябре 1800 г. русский поверенный в делах поспешно оставил Англию¹¹.

Пруссия и Россия решили не ждать, а сформулировать свои правила. Петербург и Берлин объявляли контрабандой «только следующие товары, а именно: пушки, мортиры, огнестрельное оружие, пистолеты, бомбы, гранаты, ядра, пули, ружья, кремни, фитили, порох, селитру, серу, латы, копья, шпаги, портупей, патронные сумы, седла и узды: исключая, однако ж, количество, могущее быть нужным для обороны корабля и для составляющих экипаж оною; все же прочие, каковые бы ни были, предметы в сей статье не означенные, не имеют быть почитаемы военной и морской амуницей, не подвержены конфискации и следовательно должны быть свободно без наималейшего затруднения. Равно соглашено, чтоб сей статье ничем не быть предосудительной особливим прежних договоров с воюющими сторонами постановлениям, которыми товары подобного рода недохранены, запрещены или дозволены»¹².

Пруссия и Россия определяли и принципы свободной морской торговли: 1) всякий корабль под нейтральным флагом может свободно посещать порты воюющих государств; 2) товары подданных воюющих государств (исключая военную контрабанду) могут свободно перевозиться под нейтральным флагом; 3) определялось понятие заблокированного порта: «...такое наименование должно даваться единственно

тому порту, в который войти предстоит очевидная опасность по распоряжением державы, его атакующей кораблями, постановленными и на довольно близкое расстояние приближенными; и что всякое судно, к блокированному порту плывущее, может единственно тогда почтено быть нарушающим сию конвенцию, когда, по уведомлении оно начальствующего над блокадой о состоянии порта, сделает он покушение пробраться в оный, употребляя силу или хитрость», иначе говоря, признавалась только фактическая блокада портов воюющих стран; 4) нейтральные суда могли быть арестованы только на законных основаниях, по очевидной причине, судопроизводство должно быть законным и быстрым, в случае незаконного ареста пострадавшим полагалась компенсация; 5) в случае сопровождения торгового каравана кораблем или кораблями русского или прусского военных флотов объявление старшего офицера об отсутствии контрабанды на сопровождаемых судах достаточно для «отвращения осмотра на его борту или на бортах его конвоя»¹³.

Еще ранее, 22 ноября (4 декабря) 1800 г., высочайшим указом был наложен секвестр на все английские товары в русских магазинах и лавках, кроме того, был приостановлен платеж всех долгов англичанам¹⁴. Запретительные по отношению к английской торговле указы Павла I следовали один за другим. 8 (20) декабря 1800 г. под предлогом борьбы с чумой для англичан были закрыты все морские границы империи от Финского залива до Черного моря, 23 декабря 1800 г. (4 января 1801 г.) последовал запрет на ввоз шелковых, бумажных, льняных и пеньковых тканей — одной из основных статей британского импорта. Такой запрет исключал и возможность реэкспорта под флагом третьей страны. 8 (20) февраля 1801 г. русским купцам было разрешено торговать с Францией. 9 (21) февраля 1801 г. был запрещен вывоз русских товаров в союзную Пруссию, чтобы не допустить их реэкспорта из ее портов. С той же целью 18 февраля (2 марта) русские товары запретили продавать на вывоз иностранцам. 11 (23) марта последовал запрет на вывоз товаров вообще, «дабы лишить Англию возможности получать наши произведения, даже через посредство другой страны». Теперь для этого требовалось высочайшее разрешение¹⁵. На британские торговые суда, находившиеся в русских портах, было наложено эмбарго¹⁶.

19 (31) декабря 1800 г. Павел I обратился к русскому послу в Париже: «Желая умиротворить Европу, терзаемую уже одиннадцать лет бичем войны, я решился вступить в прямые сношения с Французским правительством и для этой цели обратился к первому консулу Бонапарту»¹⁷. Это было весьма своевременное предложение для Парижа. Переворот 18–19 брюмера VIII года республики (9–10 ноября 1799 г.)

»

был встречен во французском обществе как первый шаг к долгожданному окончанию войны. На улицах французской столицы толпа кричала «Бонапарт! Мир!»¹⁸. Павел I предлагал в кратчайшие сроки подписать соглашение, где говорилось о решительном ослаблении Габсбургов в пределах, которые должен был определить Париж; проведении границ Франции по Рейну; компенсации королю Сардинскому, курфюрсту Баденскому и герцогу Вюртембергскому за счет австрийских владений; передаче Мальты Павлу I как гроссмейстеру ордена (французы без особого труда захватили остров в 1798 г., флот и армия ордена перешли на их сторону, в ходе войны его осаждали англичане¹⁹); возвращении Египта султану; переселении папы в Россию и его размещении в католических областях ее; признании Французской республики Петербургом. В секретном приложении русскому посланнику давались полномочия склонить консула к совместным действиям против Англии и даже к принятию королевского титула и учреждению династии²⁰. В некоторых своих положениях это была фантастическая программа, но сближение между двумя странами уже становилось очевидным.

Демонстративно изменилось отношение императора к французским эмигрантам. С октября 1797 г. на Волыни по распоряжению Павла I и по просьбе графа Прованского разместили корпус принца Конде (около 7 тыс. человек: три пехотных, два кавалерийских полка и две артиллерийские роты). С 1798 г. вместе со своим двором в Митаве (совр. Елгава, Латвия) пребывал и сам Людовик XVIII. В 1797 г. Павел I признал его королем Франции и Наварры и пригласил переехать в Россию из Брауншвейга, куда тот перебрался в 1796 г. из Венеции, власти которой предпочли избавиться от этого гостя. Признание Петербурга и предложение разместиться в Курляндии оказалось весьма своевременным, так как и власти герцогства уже начали тяготиться пребыванием короля-эмигранта. Ежегодно на содержание французского двора выделялось 200 тыс. рублей. Император поначалу надеялся, что и остальные монархи внесут свой вклад в материальную поддержку короля-изгнанника, однако этого не произошло. Исключение составляла Испания, высылавшая по 90 тыс. франков королю и королеве ежегодно. Двор постоянно нуждался в средствах.

Павла I давно уже раздражали и малодисциплинированные французские отряды, и претенциозные августейшие гости. В феврале 1800 г. корпус Конде был распущен, в январе 1801 г. Павел I принял решение о выдворении из пределов империи и королевского двора. Посланнику Людовика XVIII было приказано покинуть Петербург, а когда Людовик XVIII попытался вежливо поинтересоваться причинами про-

исходящего и предложить кандидатуру другого представителя, последовала раздражительная реакция императора, который не без оснований считал, что он может быть хозяином в собственном доме. Королю в изгнании было направлено письмо, в котором говорилось, что «гостеприимство — добродетель, но не обязанность», и рекомендовалось отправиться к супруге в Киль. Людовику XVIII и его сторонникам пришлось спешно покинуть Россию. Он поблагодарил за гостеприимство и возможность устроить судьбу детей (здесь поженились его племянник и племянница), после чего королевская чета отправилась в путь. Их положение было чрезвычайно тяжелым, поскольку не было уверенности в том, что двор примет какая-либо страна. Поначалу они остановились в Пруссии, в Варшаве, откуда смогли вернуться в Россию уже после восшествия на престол Александра I²¹.

На фоне постоянно ухудшавшихся англо-русских отношений возник план нанесения удара по самому важному колониальному владению Лондона. Наполеон Бонапарт убеждал Павла I предпринять поход на Индию, согласно планам первого консула, в персидском Астрабаде на побережье Каспия должна была собраться 70-тысячная русско-французская армия. Сначала 35 тыс. русских солдат должны были прибыть туда из Астрахани морем. Одновременно такое же количество французских войск предполагалось спустить по Дунаю в Черное море и пересадить на русские корабли, которые обязан был обеспечить Петербург для перевозки французов в Таганрог, и далее вверх по Дону, откуда они перешли бы к Царицыну и спустились по Волге вниз, к Астрахани, где вторым эшелонам их перевезли бы в персидский порт. На поход от Астрабада до Инда консул планировал потратить 45 дней, всего же на передвижения своей армии — 120 дней²². Численность английских и туземных войск в Индии в конце XVIII в. составляла приблизительно 30 тыс. человек. Эти войска были хорошо обучены, дисциплинированы и разделены на три армии: Калькуттскую, Мадрасскую и Бомбейскую. Однако, по мнению английского командования, индийские части не отличались надежностью, в случае осложнения полагаться на них было бы опасно²³.

Впрочем, до Индии требовалось еще дойти, а сделать это было весьма непросто. Сам Наполеон сомневался в осуществимости той части проекта, которая касалась обеспечения коммуникационной линии экспедиции транспортными средствами на Нижнем Дунае, в Черном и Каспийском морях²⁴. Павел I убеждал, что возможности Черноморского флота вполне достаточны, чего, впрочем, никак нельзя было сказать о Каспийской флотилии. Она не могла обеспечить перевозку

и снабжение столь большого количества войск. Поэтому первый консул и предлагал договориться с султаном и шахом о пропуске армии союзников через Малую Азию, долину Евфрата и Персию²⁵. Весной 1801 г. русско-английские отношения были уже опасно близки к войне. 12 (24) января 1801 г. Павел I отдал рескрипт войсковому атаману Всевеликого войска Донского генералу от кавалерии В. П. Орлову: «Англичане приготовляются сделать нападение флотом и войском на Меня и на союзников Моих — шведов и датчан. Я и готов их принять, но нужно их самих атаковать, и там, где удар им может быть чувствительнее и где меньше ожидают. Индия — лучшее для сего место. От нас ходу до Индии, от Оренбурга, месяца три, да и от Вас туда месяц, а всего месяца четыре. Поручаю всю сию экспедицию Вам и войску Вашему, Василий Петрович»²⁶.

Подобного рода действия планом Наполеона не предусматривались, однако Павел I торопил свои войска. Он вызвал генерал-майора М. И. Платова, сидевшего в Петропавловской крепости. М. И. Платова быстро побрили, помыли и одели в чистое платье. На аудиенции император показал ему карту. На большом и преимущественно чистом листе был начерчен пунктир. Это был предположительный путь в Индию. На вопрос, знает ли он эту дорогу, М. И. Платов ответил утвердительно. Ему не хотелось возвращаться в камеру, так что в результате генерал был назначен командовать казаками в походе²⁷. Было собрано 22,5 тыс. казаков при 24 орудиях, передовая колонна шла под командованием генерала. Отряд должен был пройти до Хивы и Бухары и далее двинуться на Индию. На 12 единорогов было взято 960 гранат, 120 ядер, 360 выстрелов картечи, на 12 пушек — 1080 ядер и 360 выстрелов картечи. С этим запасом требовалось пройти через степи и горы и встретиться потом с англо-индийскими войсками. В случае необходимости император обещал поддержку пехотой, но считал, что лучше обойтись без этого²⁸. Целью похода было не только разорение торговых владений Англии. Император повелевал «угнетенных владельцев освободить и землю привести России в ту же зависимость, в какой она у англичан, и торг обратить к нам»²⁹.

Казачьи полки собирались у Саратова³⁰. Они выступили в поход 28 февраля (12 марта) 1801 г. Почти одновременно закончилась и еще одна история, ставшая началом русско-французского сближения. В 1799 г. в Голландии и Швейцарии, по большей части из-за провалов союзников под командованием герцога Йоркского, в плен попало до 7 тыс. русских пленных, значительная часть которых была ранена и больна. Выводя свой корпус в Англию, герцог в октябре 1799 г. заклю-

чил капитуляцию. Он освобождал 8 тыс. пленных, а французы не мешали англичанам грузиться на корабли. Наполеон поначалу хотел обменивать русских пленных на французских, содержащихся в Австрии и Англии, но Лондон и Вена категорически отказались от этого предложения.

Тогда первый консул приказал Ш. М. Талейрану сообщить в Петербург о своей готовности освободить пленных без предварительных условий, «без обмена и со всеми военными почестями», заново обмундировав, вооружив их и вернув им знамена. 7 (19) июля 1800 г. такое письмо было составлено³¹, его передали через русского представителя в Гамбурге. Документ содержал комплименты в адрес русской армии и явный выпад в сторону австрийцев и британцев, не пожелавших помочь союзникам. Следует отметить, что немалая часть французов была захвачена русскими. Так, например, только при отступлении из Швейцарии А. В. Суворов передал австрийцам 1,4 тыс. французских пленных. Затем последовало письмо о передаче Мальты ее законному владельцу — великому гроссмейстеру ордена императору Павлу I³². И это предложение произвело очень сильное впечатление на императора³³. Мысль о том, что Мальта будет принадлежать не ему, а англичанам, раздражала монарха, стремившегося любимыми путями поддержать «свой» орден³⁴.

9 (21) марта 1801 г. в Париже была подписана русско-французская конвенция о порядке возвращения русских пленных на родину на весьма льготных условиях. Так было реализовано предложение, сделанное Парижем в июле 1800 г.³⁵ Прибывший для приема пленных генерал Г. М. Спренгтпортен приятно порадовал французов заявлениями о том, что император рад «смене анархии консульством» и что Павел I «проникнут уважением к первому консулу и его талантам».³⁶ Не менее радостной была новость о том, что северные державы в случае необходимости готовы начать действовать против Англии (в частности Пруссия может атаковать Ганновер)³⁷. Войска двинулись домой шестью колоннами по тысяче человек в каждой и вернулись через Брест-Литовский с 21 июня по 8 июля (с 3 по 20 июля) 1801 г.³⁸ Символично, что формальное закрытие вопроса, стоявшего в самом начале русско-французского сближения, почти совпало с началом правления в России нового монарха, отнюдь не стремившегося к военным авантюрам во имя интересов Франции.

Уже 12 (24) марта 1801 г. Александр I отменил приказ о походе на Индию. Генералу В. П. Орлову было направлено распоряжение: «По получении сего повелеваю Вам со всеми казачьими полками,

следующими ныне с Вами по Секретной экспедиции, возвратиться на Дон и распустить их по домам»³⁹. 23 марта (4 апреля), к моменту получения этого приказа, плохо подготовленный и плохо снаряженный для такого похода отряд В. П. Орлова находился в селе Мечетном Самарской губернии⁴⁰. Его движение с самого начала сопровождалось большими проблемами. Ранние оттепели затруднили поход по степи, особенно переход через Волгу. Фактически полки перешли реку по большой тающей льдине⁴¹. Прямыми следствиями похода было дальнейшее углубление внешнеполитического англо-русского кризиса и потеря свыше 1,67 млн рублей, выделенных на экспедицию⁴². 25 марта (6 апреля), обращаясь к своим подчиненным, В. П. Орлов сказал: «Жалуют вас, ребята, Бог и Государь родительскими домами». Поход был окончен. В конце апреля казаки вернулись назад, потеряв за время движения 886 лошадей из 44 424. За два месяца отряд прошел 16 564 версты и всегда был далек от Индии⁴³. Казаки были счастливы тем, что им дали возможность вернуться⁴⁴.

13 (25) марта 1801 г. из Петербурга в Лондон было отправлено предложение нормализовать отношения между двумя странами при условии признания Великобританией конвенции о вооруженном нейтралитете, заключенной по инициативе Павла I в Петербурге 4 (16) декабря 1800 г. между Россией и Пруссией⁴⁵. С. Р. Воронцов после своего ухода с поста посла в Лондоне так и не вернулся в Россию. Граф был сторонником добрых отношений между Англией и Россией. По его мнению, сильнейшей в мире морской державе и сильнейшей в мире сухопутной державе нечего было делить, а их экономики не являлись конкурентами⁴⁶. Он не мог поддерживать того, что происходило на Родине в последние месяцы правления Павла I. Конфискации имущества британских подданных проводились весьма жестко, любые упущения сурово наказывались по личному приказу императора⁴⁷. В феврале 1801 г. имения опального дипломата также были конфискованы⁴⁸. И именно С. Р. Воронцову было отправлено письмо с полномочиями приступить к переговорам на этом «непременном условии», которое должно было обеспечить «безопасность торговли и мореплавания нейтральных держав» немедленно после восстановления дипломатических отношений. Письмо прибыло 2 (14) апреля 1801 г.⁴⁹

Лондон, не признавший и первую конвенцию о вооруженном нейтралитете 1780–1783 гг., не торопился признавать вторую. Принятие ее условий означало отказ от контроля над морской торговлей вообще и над морской торговлей Франции в частности. Союзники могли быстро выставить в первой линии 24 линейных корабля, а потом еще

50 линкоров и 25 фрегатов. Англичане имели 120 линкоров под флагом, а с учетом резерва — 205 линкоров и 284 фрегата⁵⁰. Но союзники имели возможность концентрации сил на Балтике, если, конечно, у них нашлось бы время собрать и объединить силы. Естественно, что Лондон не собирался предоставлять им такую возможность. 2 апреля 1801 г. британская эскадра под руководством вице-адмирала Г. Нельсона бомбардировала датский флот на рейде Копенгагена и вынудила Данию к капитуляции, вслед за этим английский флот вошел в Балтику, собираясь уничтожить русский и шведский флоты. Британские политики не стремились к полноценной, масштабной войне с Россией, а Александр I хотел избежать как ненужного, по его мнению, столкновения, так и действий, которые могли быть сочтены как предательство союзников. Русская дипломатия призывала Берлин и Стокгольм к сдержанности, а Лондону 6 (18) апреля 1801 г. было сделано новое предложение — восстановить отношения только при условии отказа военных действий англичан против Дании и Швеции. На принятии Лондоном условий вооруженного нейтралитета больше не настаивали⁵¹.

Это были разумные предложения, и правительство Великобритании приняло их, тем более что перед ним возникла другая угроза. Мирному урегулированию теперь угрожало отсутствие быстрой связи между Лондоном и его флотом на Балтике. 8 (20) апреля Александр I распорядился отправить легкое судно с парламентаром к острову Нарген, чтобы при первом визуальном контакте с британскими кораблями вступить с ними в переговоры и известить об изменениях в отношениях между двумя странами⁵². Пользуясь тем, что море освобождалось от льда ранее, чем на рейдах балтийских портов, Г. Нельсон прежде всего хотел разбить русские эскадры, стоявшие отдельно в Ревеле и Кронштадте. 12 мая 1801 г. англичане появились у Ревеля, откуда русские корабли ушли тремя днями ранее⁵³. Секретные инструкции молодого императора предписывали командующему флотом адмиралу М. К. Макарову именно такие действия в случае появления британского флота⁵⁴. Еще в начале 1801 г. Павел I распорядился, чтобы в случае появления англичан в русских водах или захода их эскадры на рейд Ревеля все секвестрированные английские суда, находившиеся на Ревельском рейде, были сожжены⁵⁵. Шаги, которые сделали бы трудным (если вообще возможным) примирение, так и не были сделаны ни одной из сторон. С 12 по 17 мая британская эскадра находилась у Ревеля⁵⁶.

Г. Нельсон предложил переговоры, ответом ему было предложение немедленно удалиться для того, чтобы они стали возможны. Положение было сложным. Состояние главной русской морской крепости

Кронштадта, по мнению контр-адмирала П. В. Чичагова, было таковым, что исключало возможность ее обороны⁵⁷. Укрепления долгое время не обновлялись и устарели. В 1800 г. было построено одноярусное деревянное укрепление на ряжах — Рисбанк, которое представляло собой два бастиона, соединенных ломаной куртиной. На линии огня в 408 метров было установлено 66 орудий и несколько мортир. В начале 1801 г. еще возвели две деревянные батареи по 12 орудий каждая⁵⁸. И этого было совершенно недостаточно для борьбы с английской эскадрой. Не лучшим было и положение Архангельского порта, подходы к которому с осени 1800 г. лихорадочно укреплялись⁵⁹. Ввиду серьезной угрозы главной русской морской крепости на Балтике в пригород северной столицы в 1801 г. была перевезена часть оборудования Кронштадтского завода. Так было положено начало Петербургскому, будущему Путиловскому заводу — в дальнейшем одному из главных арсеналов Российской империи⁶⁰.

2 (14) мая 1801 г. император информировал российского посла в Лондоне о своем осуждении образа действий британского правительства и категорически потребовал удаления английского флота из русских вод. В присутствии угрозы своим берегам Александр I отказывался начинать переговоры⁶¹. 8 (20) мая Г. Нельсон был оповещен о готовности Петербурга возобновить традиционные дружеские связи с Лондоном⁶². Еще ранее, 2 (14) мая, С. Р. Воронцов получил известие о желательности восстановления дружественных англо-русских отношений без каких-либо предварительных условий и с одновременным взаимным снятием секвестра с задержанных судов⁶³. Это и стало основой программы выхода из кризиса. Граф торопился, поскольку понимал, что нормализовать отношения необходимо до открытия навигации, так как речь шла о судьбе 80% русского экспорта, объем стоимости которого колебался от 20 до 24 млн рублей⁶⁴. С. Р. Воронцов сделал все возможное, чтобы избежать таких потерь. По его словам, он не готов был «жертвовать интересами России для пользы Швеции, Дании, Пруссии и Франции»⁶⁵. Послу удалось добиться многого. 6 (18) мая Александр I издал указ об освобождении имущества британских подданных от секвестра и британских судов от эмбарго⁶⁶ (таких набралось около трехсот), а 4 июня Великобритания также освободила русские, датские и шведские суда, задержанные в ее портах⁶⁷.

Окончательно конец разрыву между Россией и Британией положила морская конвенция, подписанная 5 (17) июня 1801 г. в Петербурге. Корабли нейтральных стран получали право свободно плавать у берегов воюющих стран и перевозить товары, произведенные в этих

странах, за исключением военной контрабанды, описание которой соответствовало русско-прусскому соглашению. Право осуществления контроля над торговыми судами нейтрального государства признавалось за воюющей стороной на основании проверки документов, но не досмотра корабля. В случае применения насилия со стороны проверяющего или проверяемого вина за последствия возлагалась на него, а гарантом компенсации становилось правительство. Стокгольму и Копенгагену было предложено присоединиться к данной конвенции. Секретными статьями конвенции действующее перемирие между Англией, Данией и Швецией было продлено на три месяца для окончательной нормализации отношений между этими странами⁶⁸.

Вслед за этим 11 (23) июня были сняты кордоны с побережья Финского залива, войска стали возвращаться в казармы⁶⁹. Британский флот получил право заправиться водой в Ревеле, после чего вернулся домой⁷⁰. В Англии опасались французского десанта. «Здесьнее правление, — докладывал 16 (28) июля Александру I С. Р. Воронцов, — будучи уведомяно, что неприятель намеряется сделать сильные высадки войск на здешние берега и в неукоснительном времени, приняло всевозможные меры для уничтожения сих неприятельских намерений... по всей внутренности Великобритании все вооружаются и готовы с радостью и бодрым духом следовать туда, где неприятель может, прокравшись способом туманом, избегнуть от встречи морских флотилий и сделать высадку на какую ни есть часть сего острова. Вообще здесь думают, что сии попытки Франции и зависящей от нее больше аки преданной, чем союзной мнимой республики Батавской (Голландии. — О. А.), будут произведены в действие в весьма скором времени»⁷¹. Эскадра Г. Нельсона приступила к блокаде Булони, она должна была не допустить выхода вражеской транспортной флотилии в море⁷².

В этой обстановке и Лондон, и Петербург предпочли пойти на уступки. Фактически Россия пошла на отказ от принципа вооруженного нейтралитета, но отстояла принцип свободной нейтральной торговли. «Будучи, таким образом, убежден, что им в полной мере выполнены те добрые услуги, которых могли ожидать от него его союзники, — общал 10 (22) июня 1801 г. шведскому послу в России, пересылая ему текст конвенции, князь А. Б. Куракин, — что сохранено их достоинство и обеспечены их интересы в равной степени с его собственными, Его Императорское Величество полагал, что он погрешил бы против того, чего требует от него благо его народов, если бы отложил выполнение чаяний человечества»⁷³. 8 (20) октября были подписаны дополнительные статьи к англо-русской морской конвенции, которые уточняли

некоторые ее положения. Прежде всего отмечалось, что нейтральные торговые суда не могут перевозить товары и продовольствие из воюющей страны в ее колонии и наоборот⁷⁴. Устанавливался порядок компенсаций владельцам нейтральных торговых судов в случае неправомерного применения к ним силы воюющей стороной. Первичным следствием должны были заниматься Адмиралтейства, а в случае необходимости — Правительствующий сенат и Королевский совет⁷⁵. 18 (30) марта 1801 г. к морской конвенции присоединилась Швеция, а 11 (23) октября 1801 г. — Дания⁷⁶.

Новый курс — охрана европейского политического равновесия, преобразования императора

В след за выходом из весеннего кризиса 4 (16) июля 1801 г. последовали инструкции русским представителям при дворах иностранных держав, где определялись основные задачи русской политики: отказ от завоеваний и охрана европейского политического равновесия. «Если я подниму оружие, — заявлял император, — то это единственно для обороны от нападения, для защиты моих народов или жертв честолюбия, опасного для спокойствия Европы. Я никогда не приму участия во внутренних раздорах, которые будут волновать другие государства, и каковы бы ни были правительственные формы, принятые народами по общему желанию, они не нарушат мира между этими народами и Моей Империей, если только они будут относиться к ней с одинаковым уважением»¹. 10 (22) июля 1801 г. заседание Негласного комитета, в состав которого входили близкие друзья и единомышленники Александра I, было целиком посвящено обсуждению внешней политики империи.

В результате появилась следующая формула: «Быть искренними в иностранной политике, но не связывать себя никакими договорами; стараться обуздать Францию, не принимая крайних мер, и быть в согласии с Англией, потому что англичане — наши естественные друзья»². Реализовать эту программу предполагалось путем осуществления политики нейтралитета, поддерживая отношения как с Великобританией, так и с Венским двором, с Пруссией и с наполеоновской Францией³. Как отмечал князь А. А. Чарторыйский, хотели «быть в хороших отношениях со всеми и совершенно не вмешиваться в европейские дела, чтобы

не быть завлеченным далее, чем этого желали»⁴. Приоритетным направлением была внутренняя политика.

«Я буду стараться следовать преимущественно национальной системе, то есть системе, основанной на пользе государства, — писал император 31 октября (12 ноября) 1801 г. графу С. Р. Воронцову, — а не на пристрастии к той или другой державе, как это часто случалось. Если я найду это выгодным для России, буду хорош с Францией точно так же, как та же самая выгода России побуждает меня теперь поддерживать дружбу с Великобританией». Никаких враждебных планов не имелось у молодого монарха и в отношении Турции. Александр I одной из основ своей политики на Востоке считал «стремление поддерживать всеми силами государство, слабость и дурная администрация которого служат ручательством безопасности»⁵. Император был уверен в своей правоте. «Великая держава, — писал он 5 (17) июля 1801 г. своему посланнику во Франции, — если она руководствуется справедливостью, может действовать открыто и предоставить хитрость, которой прикрывается слабость, тем, кто не может рассчитывать на свои собственные силы»⁶.

Первый консул был весьма вежлив. В ответ на новость о смерти своего союзника он направил в Россию своего первого адъютанта Ж. Дюрока, который должен был передать письмо Бонапарта со словами: «Мы были глубоко тронуты потерей, понесенной Вашим Величеством. Мы почувствовали истинное облегчение лишь тогда, когда узнали о восшествии на престол Вашего Величества. Вы увидите, что мы готовы сделать все, что будет от нас зависеть, чтобы быть Вам приятными»⁷. Посланник, прибывший в Петербург в мае 1801 г., приветствовал молодого императора от лица первого консула и предложил Александру I продолжить политику его отца, прежде всего в вопросе «о свободе и равновесии морей»⁸.

Франция имела все основания поддерживать русско-британский конфликт. Но эти предложения опоздали. «Мне лично ничего не нужно, — заявил император, — я желаю только содействовать спокойствию Европы»⁹. Впрочем, Александр I не принял бы предложений Бонапарта и раньше, ему нужен был мир для осуществления реформ и финансовой стабилизации. Короткое правление Павла I имело тяжелые финансовые последствия. В 1801 и 1802 гг. расходы государства доходили до 107 млн рублей, в то время как доходы равнялись 77 и 78 млн рублей. Мир позволял приступить к экономии на самых существенных статьях государственных расходов. В 1801 г. бюджет Военного министерства составил 34 млн рублей, Морского — 12 млн рублей. В 1802 г. эти цифры

составили 31,5 и 10 млн рублей соответственно¹⁰. Таким образом, первые действия императора привели к желаемым результатам.

Показателем настроений общества могут послужить слова этой песни:

После бури, бури преужасной,
После самых грозных туч
Днесь настал нам день прекрасный
И приятный солнца луч.
Александр на российском троне:
Перестанем вздыхать!
Он в порфире и в короне,
Что же нам еще желать?¹¹

Общество ликовало. Первый номер издаваемого Н. М. Карамзинным журнала, который вышел в январе 1802 г., начинался с таких же славословий времени: «...когда сердца наши под кротким и добродетельным правлением юного Монарха покойны и веселы; когда вся Европа, наскучив беспорядками и кровопролитием, заключает мир, который по всем вероятностям будет тверд и продолжителен»¹². Однако ликования никогда не длятся долго. Между тем как во внутренней, так и во внешней политике в первый период этого правления просматривается одна и та же закономерность — непоследовательность, бессистемность, слабое соотношение между декларируемыми теоретическими принципами и реальной политикой.

Показателем может служить история реформ центральных внешнеполитических учреждений империи и сменяющаяся череда их руководителей. В сентябре 1802 г. Коллегия иностранных дел, учрежденная еще Петром I и управляемая в это время ближайшим единомышленником императора графом В. П. Кочубеем, была преобразована в министерство. Но, несмотря на ряд мер, существенно изменивших ее устройство и значение, эта коллегия окончательно прекратила свое существование только лишь в 1832 г. Первым министром иностранных дел и государственным канцлером стал граф А. Р. Воронцов (1801–1804), опытный вельможа екатерининской школы, покинувший свой пост по болезни. А. Р. Воронцов был убежденным сторонником союза с Англией против Франции. Его преемник князь А. А. Чарторыйский (1804–1806) был противником и в какой-то степени жертвой политики Екатерины II, исправление «ошибок» которой в отношении Польши он и сделал своим основным принципом. Его абстрактные идеи славян-

ского единения и борьбы с германизмом мало соответствовали интересам собственно России.

Впрочем, на первом месте у А. А. Чарторыйского стояли интересы Польши и планы ее восстановления. Он надеялся для начала сделать все возможное для улучшения положения поляков как в России, так и в Австрии и Пруссии¹³. Император доверял князю, с которым сблизился еще в бытность наследником¹⁴. Он не скрывал тогда от собеседника своих симпатий к Польше и осуждал политику бабушки в этом вопросе¹⁵. «Он не думал тогда, — утверждал потом А. А. Чарторыйский, — что истинное благо России несовместимо с благом Польши»¹⁶. Современники со скепсисом смотрели на нового министра. «Он высокомерен, скрытен и неприятен, — писал о князе сардинский посол, — хотя и не сверх того. Сомневаюсь, что поляк, который претендовал на корону, может стать настоящим русским и нелицеприятным другом французов»¹⁷. В высшей степени характерно, что именно этот польский радетель славянской идеи, находясь на посту управляющего русским министерством на должности товарища министра, окончательно изгнал из дипломатической переписки русский язык и заменил его французским¹⁸.

А. А. Чарторыйского сменил барон А. Я. Будберг (1806–1807) — сторонник союза с Австрией и Пруссией. С 1807 по 1814 г. министерство возглавлял граф Н. П. Румянцев, крупный дипломат и политический деятель, занимавший пост государственного канцлера. Можно без преувеличений сказать, что к его приходу в МИД 30-летний император Александр I был уже достаточно опытным политиком, чтобы нуждаться не в сотrudниках, а исключительно в исполнителях собственной воли.

В делах с Францией император, после обсуждения со своим ближайшим окружением, пришел к следующей формуле, предложенной А. А. Чарторыйским: «Лучшая политика с французами состоит именно в том, чтобы внушать им доверие прямою собственными действиями, но в то же время и давать им чувствовать, что мы вовсе не имеем отращения к тому, чтобы противодействовать силою оружия их властолюбивым замыслам в случае, если они не захотят от них отказаться»¹⁹. 26 сентября (8 октября) 1801 г. был заключен Парижский мирный договор с Францией, а через два дня секретной русско-французской конвенцией между Парижем и Петербургом было установлено соглашение по согласованной политике в Италии, Германии и в восточном вопросе²⁰. Казалось, русская дипломатия, постоянно уже добивавшаяся равновесия сил в Европе и вывода французских войск из итальянских и германских земель, достигла полного успеха²¹. Многие надеялись и на то, что сотрудничество с Францией даст возможность «хранить

мир Европы»²². Однако очень скоро выяснилось, что этот документ не оправдал возлагавшихся на него надежд.

27 марта 1802 г. Франция и ее союзники — Испания и Батавская республика — заключили Амьенский мирный договор с Великобританией, по которому Лондон обязывался вывести войска из Египта и бывших французских владений в Индии, возвратить союзникам все захваченные у них колонии: Гаити, Малые Антильские острова, Французскую Гвиану, удержав острова Цейлон (Голландия) и Тринидад (Испания), и вывести войска с острова Мальта, где должна была быть восстановлена власть ордена Св. Иоанна Иерусалимского. Нейтралитет ордена гарантировался Францией, Англией, Россией, Австрией, Испанией и Пруссией. Со своей стороны, Париж должен был вывести свои войска из Рима, Неаполя и острова Эльба. Договор гарантировал целостность владений Турции в довоенных границах. Вторая антифранцузская коалиция распалась.

1802–1805 годы: на пути к Третьей коалиции

Наполеон больше не нуждался в уступках России, 25 января 1802 г. он добился своего избрания президентом Итальянской и Цизальпинской республик. Франция, не считаясь ни с кем, оккупировала Швейцарию, Геную, отказалась от посредничества России при переговорах с Пруссией. При этом в Париже не отказывались посетовать на перемены в системе русской политики. 20 января (1 февраля) 1803 г. А. Р. Воронцов инструктировал русского посла во Франции графа А. И. Моркова относительно основных положений этой системы, которые дипломат должен был довести до Бонапарта: «Его Императорское Величество проникнут убеждением, что каждое правительство должно употребить все возможные меры, чтобы охранять мир извне, дабы сосредоточить все свои усилия на увеличении счастья народов, вверенных его заботам; и мы думаем, что этому принципу в особенности должны следовать все большие государства, сильные своими собственными средствами, в развитии которых они могут искать главным образом своей безопасности, а не во внешних планах и надеждах. В этом и состоит вся теперешняя система русского двора, которая подходит к характеру императора и которую его заставило избрать самое положение его империи. Россия в некотором роде

находится в уголке земного шара и доступна нападению лишь с одной стороны; она не имеет никакой причины желать войны и еще менее имеет причин ее бояться. Она не хочет ни повелевать, ни повиноваться. Работать над своим внутренним благополучием и для этого сохранять свое спокойствие и спокойствие Европы — вот самое пламенное желание императора»¹.

Все эти рассуждения, разумеется, не могли остановить новую войну. Амьенский мир был недолговечен, и Париж, и Лондон воспринимали его скорее как необходимость, как вынужденную передышку, вызванную необходимостью. Поначалу договор вызвал в Англии всеобщую радость. Исключением стали бывший глава правительства и его сторонники². «Англия похожа на крепость, которая потеряла свои внешние укрепления, — заявляла в парламенте оппозиция. — Амьенский договор представляет собой прелиминарии смертного приговора Англии»³. Во Франции опасались наводнения страны дешевой английской продукцией и не верили в возможность полного возвращения колоний, в Англии подозревали Наполеона в том, что он не допустит свободы торговли⁴. В этот период русско-французские отношения постепенно обострялись по польскому и восточному вопросам, по вопросу о французских эмигрантах, принятых на русскую службу, по проблеме Мальты. 26 августа 1802 г. Франция присоединила к себе остров Эльба, в ответ на что Англия отказалась эвакуировать Мальту. Эти действия были восприняты в Петербурге крайне негативно. Отношения между Францией и Англией быстро шли к разрыву. В Лондоне активно готовились к войне, стараясь быстрее завершить вооружение новых эскадр⁵.

Кризис 1801 г. заставил обратить особое внимание на состояние русского флота. В августе 1802 г. был создан Комитет по строительству флота, который в первую очередь должен был «войти в подробное исследование всех причин, особенное влияние имеющих на определение величины флота нашего»⁶. Ревизия, проведенная в 1803 г., показала, что большая часть судов непригодна к службе⁷. Комитет при планировании исходил из состояния флотов Дании, Швеции и Турции и возможности поддержания сил собственного. Предполагалось создать адмиралтейства в Петербурге, Кронштадте и Севастополе, определены штаты флотов⁸. Соответственно принятому документу предполагалось содержать Балтийский флот, равносильный шведскому и датскому флотам (семь линейных кораблей, 26 фрегатов, 189 судов гребного флота), а Черноморский — морским силам Турции (21 линейный корабль, восемь фрегатов, 140 судов гребного флота)⁹. Это было значительное усиление.

По предыдущей программе (1794) Черноморский флот должен был иметь 15 линейных кораблей, 18 фрегатов, три катера, 36 гребных судов и 50 канонерских лодок¹⁰.

Основываясь на расчетах 1803 г., Александр I принял программу оборонительного флота, «соображаясь с морскими силами соседних государств»¹¹. Следует отметить, что русские корабли в этот период отличались относительной дешевизной и низким качеством постройки. По ироничному замечанию историка русского флота, их главным врагом в то время было море¹². 70-пушечный корабль обходился русской казне примерно в 300 тыс. рублей, в то время как в Голландии он стоил от 600 до 700 тыс. гульденов, то есть несколько больше, а в Англии — до 70 тыс. фунтов стерлингов (560 тыс. рублей по тогдашнему курсу). Правда, корабли английской постройки служили до 50 лет, а русские в несколько раз меньше. Сырой лес, замена при строительстве медных болтов железными — все это приводило к тому, что корабли быстро гнивали и требовали замены. При этом в России 74-пушечный корабль строился за два года, а в Англии — за год¹³.

Выполнить программу 1803 г. к началу войны с Францией не удалось. В немалой степени этому препятствовали проблемы с финансами. Если в 1803 г. на нужды Министерства морских сил было выделено 10 671 827 рублей 74 ³/₄ копейки¹⁴, то в 1804 г. — 9 199 695 рублей 83 ³/₄ копейки¹⁵, в 1805 г. — 12 419 920 рублей 13 ¹/₄ копейки¹⁶ и в 1806 г. — 12 736 017 рублей 95 ¹/₄ копейки¹⁷.

Наполеон жаловался Александру I на нарушение англичанами условий Амьенского мира, особенно подчеркивая проблему Мальты. Первый консул просил императора как покровителя Мальтийского ордена вмешаться в пользу своего протекже¹⁸. В Париже явно рассчитывали вновь сыграть на мальтийском вопросе для ухудшения русско-английских отношений. 4 (16) марта 1803 г. на приеме у своей супруги Наполеон подошел к британскому послу Ч. Витворту и закричал на весь зал: «Мальта или война, и горе тем, которые нарушают трактаты»¹⁹. Обращаясь к стоявшим рядом русскому и испанскому послам, он добавил: «Англичане хотят войны, но если они первые обнажат шпагу, то я последний вложу ее в ножны; они не уважают договоров, которые должно покрыть черным крепом»²⁰. Наполеон попросту не владел собой от гнева, его душили эмоции. Британский дипломат сделал все возможное, чтобы не обратить внимание на происходившее, хотя и был оскорблен ситуацией²¹. «Более пятидесяти присутствующих, — отмечал А. И. Морков в донесении в Петербург, — не пропустили ни слова из странной сцены. Я не могу не нахвалиться благоразумием английского послан-

ника. Он употребил все старания, чтобы сократить срок этого необычайного взрыва»²².

10 (22) апреля 1803 г. Александр I обратился к Наполеону с предложением о посредничестве во имя сохранения мира, которое не только не остановило войну, но позже даже вызвало упреки Парижа в том, что она действительно началась²³. Между тем гарантии Мальтийскому ордену со стороны нейтральной России виделись императору средством «угодить обеим державам, подписавшим мир в Амьене»²⁴. Демагогические приемы французской дипломатии продолжались, что отнюдь не способствовало сохранению доверия между Парижем и Петербургом. 10 мая британский посол вручил Ш. М. Талейрану проект конвенции, предполагавший очищение французскими войсками Голландии и Италии, признание Лондоном королевства Этрурийского, Итальянской и Лигурийской республик, право на занятие Мальты англичанами на десять лет. Через два дня, не получив ответа на это предложение, Ч. Витворт покинул Париж. 16 мая британское правительство наложило эмбарго на все французские и батавские суда, в ответ Наполеон приказал арестовать всех английских подданных, находившихся во Франции и Голландии. 18 мая Англия объявила войну Франции²⁵.

22 мая 1803 г. возобновились военные действия, английская дипломатия вновь приступила к активному поиску континентальных союзников. Наполеон оккупировал Ганновер, находившийся в личной унии с Великобританией, и начал собирать «армию вторжения» в Англию, центром подготовки которой стал Булонский лагерь. По побережью Северной и Северо-Западной Франции стали готовить десантные средства — свыше 1000 плоскодонных лодок, каждая из которых должна была вместить от 60 до 100 солдат и от двух до четырех орудий. По плану первого консула через Ла-Манш в его узком месте, не превышающем 40 миль, должно быть переправлено 62 тыс. солдат, кроме того, в Кале, Дюнкерке и Остенде был сосредоточен резерв в 27 тыс. солдат и 2500 лошадей²⁶. На 1802 г. численность всех британских войск составляла 151 тыс. человек, а регулярная армия — только 98 тыс. Резко увеличить ее численность в короткий срок было невозможно²⁷. Угроза вторжения вызвала невиданный подъем патриотизма — волонтеры патрулировали побережье от Кумберленда до Кента²⁸. Опасность, с точки зрения британского правительства, была столь велика, что в июле 1803 г. оно пошло на беспрецедентную меру — внесение в парламент билля о подготовке поголовного ополчения мужчин в возрасте от 17 до 55 лет, который был поддержан и в палате общин,

и в палате лордов. Британский флот приступил к блокаде французского побережья²⁹.

Между тем занятие французскими войсками Ганновера вызвало весьма значительное возмущение в германских государствах, особенно в Берлине и Вене. Эти государства были гарантами сохранения целостности земель Германской империи. Следует отметить, что до этих событий Пруссия не особенно противилась французской политике, что позволило проезжавшему через Берлин в 1802 г. графу С. Р. Воронцову едко заметить: «Пруссия есть не что иное, как большая французская провинция; из Парижа приходят приказания, как вести дипломатические дела; что министры прусские при всех дворах Европы суть адъютанты министров французских, которым они сообщают все и служат видам Франции, или, лучше сказать, ее деспота Бонапарте»³⁰. Русский дипломат был категоричен: «...на добровольное содействие Е. В. короля Прусского в освобождении Европы ни под каким видом надеяться не можно»³¹. Объяснение этому было простым. Пруссию интересовали только дела Северной Европы и более ничего³². Российский император негодовал на поведение Берлина, он понимал, что пруссаки не сделают ничего против Франции³³. «Вы идете по дороге, которая приведет вас к гибели, — предупреждал своих будущих союзников Александр I, — и кто знает, куда заведет вас ваша робость»³⁴. Причины подобного поведения прусской дипломатии коренились в надеждах использовать сотрудничество с Парижем для укрепления своих позиций в Германии.

Тот же С. Р. Воронцов в письме к своему брату-канцлеру охарактеризовал прусское правительство следующим образом: «...люди неутомимые и честные, разумеется, относительно только собственного государя и отечества, ибо где можно стянуть несколько тысяч талеров или отхватить у соседа землю, то нет коварства, какого бы они себе не позволили... В этой стране все уступает системе захвата»³⁵. Действительно, Берлин весной 1803 г. обсуждал вопрос занятия Ганновера собственными войсками, однако вынужден был отступить, не получив поддержки ни в Лондоне, где боялись, что временное занятие может превратиться в постоянное, ни в Петербурге. Что касается Вены, то она никогда не согласилась бы на подобное усиление Пруссии³⁶. Ей оставалось только надеяться на Францию и возможный союз с ней. Разочарование в этих надеждах постепенно порождало новый курс Берлина, внимательно следившего за Петербургом и Парижем.

Поначалу Александр I был настроен весьма спокойно. «У русского императора, — отмечал 17 (29) июля 1803 г. посол Сардинии в Рос-

сии, — лишь два помышления: мир и бережливость»³⁷. Этим помышлениям не дано было утвердиться. Русско-французские отношения продолжали ухудшаться. Императору оставалось только констатировать, что ему не удалось спасти Европу от очередной войны. «Бесконечно сожалею, — писал он Бонапарту 16 (28) октября 1803 г., — что мои заботы не могли достигнуть этой цели: по крайней мере я могу сказать в свое удовлетворение, что для достижения ее я не пренебрег ничем, что было в моих силах»³⁸. Особенно беспокоила Петербург активизация Парижа на Востоке. Понимание этого беспокойства естественно было искать в Лондоне. 17 (29) февраля 1804 г. князь А. А. Чарторыйский докладывал императору: «По указанию Его Императорского Величества государственный канцлер поручил графу Воронцову обратить внимание английского правительства на ту опасность, которая в настоящее время грозит Европейской Турции со стороны французов»³⁹. В случае высадки французского десанта в Албании или Греции или попытки враждебных действий против опекаемых Россией Ионических островов предлагались совместные действия. Русские предложения вызвали интерес и доверие, началось обсуждение конкретных вопросов, прежде всего касающихся отношения двух стран к проблеме сохранения Оттоманской империи или раздела ее наследства⁴⁰.

Пиком кризиса русско-французских отношений стал расстрел герцога Энгиенского, схваченного 15 марта 1804 г. французскими драгунами, в мирное время и на территории нейтрального германского государства. Причиной стали подозрения о причастности герцога к роялистскому заговору во главе с Ж. Кадудалем и организации покушения на жизнь Бонапарта в 1800 г.⁴¹ В это время сторонники монархии на северо-западе Франции попытались вновь активизировать свою борьбу с республикой. Казалось, они добились значительных успехов⁴². Наполеон пытался вести переговоры с лидером роялистов Вандеи, но, как отмечал Ш. М. Талейран, «железное сердце Жоржа могло забиться только при двух словах: Бог и Король; это были единственные его идеи»⁴³.

Заговор был раскрыт, герцог привезен в Париж 19 марта и уже на следующий день предстал перед судом трибунала, а в ночь с 20 на 21 марта его расстреляли. Спасти принца было невозможно — Наполеон был уверен в его виновности и желал его смерти⁴⁴. Герцог вел себя мужественно, и его казнь, по словам русского посланника, вызвала всеобщее осуждение даже в столице Франции⁴⁵. Энгиенский был Бурбоном, в других доказательствах Наполеон не нуждался⁴⁶. Даже в ссылке на острове Святой Елены он был уверен: «...в тогдашнем моем положении оставалось одно средство — направить обратно на Лондон тот

удар, который мне готовились нанести оттуда»⁴⁷. В результате монархам Европы предстояло решить, оправдывала ли такая решимость такое решение. В Петербурге новость о казни принца поначалу вызвала шок, французский посол оказался словно в вакууме, его попросту не замечали⁴⁸.

5 (17) апреля 1804 г. на совещании у Александра I была оглашена позиция России: «Вторжение, которое французы позволили себе сделать во владения Германской империи, чтобы схватить там герцога Энгийенского и повести этого принца немедленно на казнь, — событие, которое служит мерилем того, чего можно ожидать от правительства, не признающего более границ в своих насилиях и попирающего самые священные принципы. Его Императорское Величество, возмущенный столь явным нарушением всяких обязательств, которые могут быть предписаны справедливостью и международным правом, не может сохранять доле сношения с правительством, которое не признает ни узды, ни каких бы то ни было обязанностей и которое запятнано таким ужасным убийством, что на него можно смотреть лишь как на вертеп разбойников, и, несмотря на свое могущество, оно тем не менее заслуживает этого названия. Покушение, совершенное Бонапартом, должно бы привлечь на Францию крик мести и осуждения со стороны всех государств Европы и подать знак ко всеобщей оппозиции; но если другие державы, пораженные ужасом и бессилием, униженно хранят молчание в подобную минуту, то прилично ли России следовать этому примеру? Не ей ли, наоборот, следует первой подать пример, которому остальная Европа должна следовать, чтобы спастись от неизбежного переворота, который ей угрожает? Его Императорское Величество в силу этих соображений, следуя велениям своего отзывчивого и благородного сердца и чувства достоинства, считает необходимым наложить на свой двор траур по случаю смерти герцога Энгийенского и намерен выразить открыто все свое негодование на незаконные поступки Бонапарта. Его Величество тем более желал бы следовать этому образу действий, что нарушение международного права произошло во владениях принца, близко связанного с императором узами родства, и оскорбление, нанесенное в этом случае всему сонму европейских государств и самому человечеству, может в силу этого лишь вдвое оскорбить его. Наш августейший Государь, признавая с этих пор постыдным и бесполезным продолжать связи с правительством, которое столь же мало уважает истинную справедливость, как и внешние приличия, и перед которым совершенно бесполезно вступаться за права и против угнетения, считает своим долгом прекратить с ним сношения и намерева-

ется отослать отсюда французскую миссию и в то же время отозвать из Парижа русскую»⁴⁹.

Русский двор объявил семидневный траур⁵⁰. Почти сразу же возникли проблемы с французским посольством, естественно, не желавшим его признавать⁵¹. Сардинский посол сравнил все эти события с разорвавшейся бомбой, война теперь была неизбежна: «Негодование достигло высших пределов. Добрые императрицы прослезились. Великий князь в бешенстве, а Его Императорское Величество огорчен не менее глубоко. Членов французского посольства не принимают, даже не говорят с ними»⁵². На совещании 5 (17) апреля было высказана надежда, что к протестам Петербурга присоединятся Вена и Берлин⁵³. Александр I особенно надеялся на поддержку Пруссии.

«Поверьте мне, Государь, — писал император Фридриху-Вильгельму III 9 (21) апреля 1804 г., — панический страх, который Бонапарт сумел внушить всем правительствам, есть главная основа его могущества. Стоит ему встретить твердое противодействие своим всевозможным насилиям, и его пыл остынет. Побуждаемый как чувствами, так и рассудком, я решил предпринять по отношению к французскому правительству энергичные демарши, которые одни только способны заставить его прекратить беззакония. Я надеюсь, что Ваше Величество не оставите меня действовать в одиночку в защиту оскорбленной чести и нарушенной неприкосновенности Германской империи и вместе со мной выступите с демаршами, чтобы не допустить впредь столь явных нарушений международного права, то ли путем совместных переговоров в Париже, которые следует вести в твердом и достойном тоне, неведомом до сего времени французскому правительству, то ли противопоставив решительное сопротивление его пагубным предприятиям. Я очень далек от того, чтобы желать войны, но я нисколько не боюсь ее. Единственная цель моих забот — спасти Европу от неминуемого потрясения и покончить с состоянием тревоги, опасений и неуверенности, которое становится с каждым днем все более постыдным и невыносимым для стран, пребывающих в нем»⁵⁴.

На короля это обращение не подействовало. Он предпочитал не торопиться и не рисковать. Единственное, на что Фридрих-Вильгельм III готов был пойти немедленно, было лишь обсуждение в переписке с Александром I возможности заключения русско-прусского союза в случае нападения Франции на его собственную страну⁵⁵. Уже 22 апреля (4 мая) Александр I подписал декларацию о совместных с Пруссией действиях по защите Северной Германии. Берлину в случае войны была предложена помощь войсками численностью

от 40 до 50 тыс. человек. Теперь этот документ должен был подписать король Прусский⁵⁶. Однако дальнейшие события стали развиваться столь бурно, что Берлин вновь погрузился в задумчивое выжидание.

4 (16) мая 1804 г. русский протест был отвергнут в грубой и оскорбительной для Александра I форме⁵⁷. Прежде всего министр иностранных дел Франции Ш. М. Талейран выразил свое глубокое удивление тем, что протест заявила одна Россия, тогда как все германские государства и сам баденский герцог, во владениях которого был арестован принц из династии Бурбонов, предпочли хранить молчание: «Если германские государи не протестуют, то из-за чего протестует Россия?»⁵⁸ Действительно, у Германии был формальный глава — император Священной Римской империи германской нации, но он выступил только после того, как 9 (21) апреля 1804 г. Петербург выразил свое удивление по поводу «упорного молчания» венского двора⁵⁹. Впрочем, Вена протестовала в весьма осторожной форме. Австрийская дипломатия предложила Парижу дать успокаивающее объяснение случившемуся. А вслед за этим через посольство последовало извинение: необходимость действий Вена объясняла тем, что просто не могла молчать после русского протеста⁶⁰.

Сильнейшее возмущение казнь герцога вызвала у короля Швеции, совершавшего в это время поездку по Германии и Австрии. Густав IV Адольф публично, демонстративно негодовал. Первое, что он сделал, узнав об аресте герцога, — отправил своего адъютанта в Париж с требованием освободить принца. Но Наполеон даже не принял шведского офицера⁶¹. В результате к действиям России присоединились Швеция, также являющаяся гарантом status quo в немецких землях, и представитель Ганновера как члена Германской империи.

Формальный ответ Александру I был действительно весьма жестким и никоим образом не менее резким, чем русский протест. Париж считал инцидент вопросом исключительно двусторонних франко-баденских отношений. При этом Наполеон фактически намекнул на причастность русского монарха к смерти отца, заявив, что если бы в России узнали, что убийцы Павла I находились вблизи ее границы, то действовали точно таким же способом⁶².

5 (17) мая, на следующий день после ответа на русскую ноту, Наполеон отправил приказ французскому послу в Петербурге покинуть Россию в течение 48 часов после получения данного распоряжения⁶³. Вслед за этим, 18 мая 1804 г., первый консул провозгласил себя императором. Само восстановление монархии казалось вполне логичным⁶⁴. Но то, как это было сделано и чем сопровождалось... Это была демон-

страция торжества грубой силы. Бывший Первый консул республики заявлял о своем вхождении в семью европейских монархов, хладнокровно уничтожив одного из самых знатных людей Европы. Эти события ускорили отход России от политики нейтралитета, наметившегося в 1803 г., вслед за возобновлением франко-английской войны. При этом французская дипломатия предпочитала обвинять Россию во всех смертных грехах, вмешательстве во внутренние дела Франции и нарушении дипломатических приличий. «Впрочем, в Петербурге могут говорить, что угодно, но в Париже, — заявлял Ш. М. Талейран, — не должны позволять себе подобных выражений уже из одного чувства приличия»⁶⁵.

В августе 1804 г. русский поверенный в делах во Франции П. Я. Убри выехал из Парижа, а в сентябре французский посол покинул Петербург. В отличие от П. Я. Убри, столкнувшегося с проблемами при получении паспортов, французский дипломат был окружен вниманием по личному распоряжению императора⁶⁶. 14 августа 1804 г. последовал разрыв франко-шведских отношений⁶⁷. То, что столкновение с Францией произойдет в ближайшее время, стало очевидно для многих. Теперь вопрос был лишь в том, кто будет противостоять новой империи и новому императору.

17 (29) марта 1804 г., то есть уже через несколько дней после расстрела герцога Энгиенского, было подписано русско-датское соглашение о совместных действиях по защите Северной Германии от французской агрессии. В случае французского вторжения в Голштейн или Мекленбург датчане обязались выставить в их защиту армию численностью в 20–25 тыс. человек, на помощь которым Александр I обещал выслать 40-тысячный корпус. В случае войны Россия обещала не приступать к переговорам и не прекращать военные действия без предварительного согласования с датским правительством⁶⁸. Попытка Петербурга обрести союзника в Вене поначалу не увенчалась успехом. На предложение союза 1 (13) апреля 1804 г. последовал отказ, мотивированный сложным финансовым положением⁶⁹. Крупнейший военный авторитет страны — эрцгерцог Карл — считал, что ранее весны 1806 г. армия не будет готова к войне⁷⁰. 25 апреля (7 мая) Александр I заверил Франца II в том, что французскую агрессию против него или его союзников он будет рассматривать как недружественный России акт и в этом случае окажет вооруженную помощь⁷¹.

В Вене отнюдь не стремились к новому конфликту с Францией, во всяком случае, весной и летом 1804 г. Канцлер граф Людвиг фон Кобенцль инструктировал графа Филиппа фон Стадиона, посла в Петербурге, исключительно ясным образом: «Старайтесь поставить

нас в наилучшие отношения к России, но чтобы при этом мы не обязаны были вести войну»⁷². 27 апреля (9 мая) Франц II в беседе с русским послом говорил «об осторожности и осмотрительности, которые он должен соблюдать в его особом положении по отношению к Франции, чтобы не пострадать в результате первых приступов ярости со стороны державы, чьи силы и средства в такой степени превосходят то, что он может ей противопоставить»⁷³. Австрийцы пытались не раздражать ни Наполеона своей готовностью к военным действиям, ни Александра своей неподготовленностью к ним же⁷⁴.

Тем временем усиление влияния Франции в Германии начало сказываться на поведении Берлина. С весны 1804 г. действия русской дипломатии, нацеленные на вовлечение Пруссии в общую борьбу с французской агрессией, казалось, начали приносить определенные плоды. Король Фридрих-Вильгельм III был возмущен расстрелом герцога Энгиенского и постоянными нарушениями со стороны французов неприкосновенности земель Германской империи. 24 мая 1804 г. он подписал декларацию, которая должна была стать первым шагом на пути к русско-прусскому сближению: «Сколь бы ни тягостно было занятие Ганновера и проистекающее от него закрытие рек, Мы, истощив для прекращения такового положения дел все средства, кроме войны, решились принести в пользу мира сию жертву, дабы не возвращаться к прошедшему и не приступать к активным мерам, пока новые узурпации нас к тому не принудят. Но если бы, несмотря на торжественные обещания, данные французским правительством, оно простерло бы далее нынешнего status quo свои предприятия против безопасности которого-либо из северных государств, Мы решились противопоставить им силы, которые вручило Нам Провидение»⁷⁵. Россия и Пруссия соглашались, что в случае расширения французской агрессии в Северной Германии они выступят вместе в защиту ее⁷⁶. Однако серьезных последствий эта декларация не имела. Боязнь участия в войне с неясными последствиями возобладала при прусском дворе, и вплоть до осени Петербург и Берлин вели переписку и секретные переговоры⁷⁷.

Между тем Наполеон был настроен весьма решительно. «Престол, на который вошел я по воле Провидения и нации, — заявил он 27 декабря 1804 г. в собрании Законодательного корпуса, — полезен только потому, что он один может защитить и сохранить выгоды французского народа. Без правления твердого и отеческого Франция опять подпала бы тем несчастьям, которые уже претерпела. Слабость верховной власти есть испытание народных бедствий»⁷⁸. Вскоре силу верховной власти Франции почувствовали и соседи. Император навязал Ис-

пани договор о нейтралитете, по которому та обязывалась оказывать помощь французскому флоту и выплачивать Франции по 6 млн франков ежемесячно. Эта сумма была достаточной для годового содержания 15 линейных кораблей и 200-тысячной армии. 12 декабря 1804 г. Испания объявила Англии войну, образовался франко-испанский союз. Русская дипломатия приняла участие в формировании Третьей антифранцузской коалиции в составе Англии, Австрии и Швеции. Колебавшаяся Вена решилась на войну в последний момент, и причиной тому стало усиление Франции в Северной Италии, прежде всего присоединение к империи Наполеона Генуи⁷⁹.

Эта коалиция, в отличие от первых двух, носила исключительно оборонительный характер. Не ставилась цель восстановления династии Бурбонов, коалиция создавалась в первую очередь для того, чтобы остановить дальнейшее распространение французской экспансии в Европе. Впрочем, и принцип невмешательства во внутренние дела Франции, и подчеркнутое стремление противостоять агрессии Парижа были во многом декларативными и подчиненными настроению момента. Во всяком случае, в 1804 г. Россия вновь продемонстрировала свое нежелание оказывать гостеприимство Людовику XVIII. В августе, опасаясь покушений со стороны агентов Наполеона, король и его окружение покинули Варшаву и переехали в Россию, в Гродно, где их ждал не очень сердечный прием. Александр I сочувствовал положению короля-беженца, но отнюдь не желал, чтобы король злоупотреблял своим положением. Несколько лет король вновь провел в Митаве, живя в довольно скромной обстановке. В 1807 г., после заключения Тильзитского мира, он выехал в Швецию, а затем и в Англию, где и прожил до 1814 г.⁸⁰

В 1804 г. в Петербурге хотели объединить все антинаполеоновские силы во Франции и все антифранцузские силы вне ее границ. Как отмечал еще 10 (22) сентября 1804 г. А. А. Чарторыйский: «Желание внести изменения во внутреннее устройство Франции, несомненно, не должно ни в коем случае разглашаться раньше времени, и лишь дальнейшие события позволят разрешить вопрос о том, когда можно будет подумать об осуществлении таких изменений; однако если наши державы сумеют доказать своими действиями, что они желают лишь блага страдающей нации и что, ничего не навязывая в этом отношении, они лишь направляют ее к ее наибольшей выгоде, то можно было бы ожидать, что благомыслящая масса и все различные партии, равно настроенные против нынешнего правительства, оказали бы активное содействие успеху этого предприятия. Именно для того, чтобы обеспечить себе это преимущество, которое ранее недостаточно имели

в виду, следовало бы признать за правило убеждать население тех стран, которые будут постепенно освобождаться от французского ига, в том, что мы хотим лишь вернуть им благоденствие и предоставить им возможность иметь такую форму правления, которая наиболее соответствует их пожеланиям. Объединив, таким образом, по возможности все силы, которые можно употребить для защиты правого дела, и обеспечив себе все средства, которые может использовать правительство, пользующееся полным доверием своего народа, а следовательно, и доверием всей Европы, можно было бы надеяться на верный успех»⁸¹.

2 (14) января 1805 г. был подписан союзный договор со Швецией⁸², 30 марта (11 апреля) 1805 г. — с Великобританией⁸³. Целью союза было очищение Ганновера и Северной Германии от французских войск, восстановление независимости Голландской и Швейцарской республик, восстановление власти короля Сардинского в Пьемонте и расширение владений этого королевства, обеспечение безопасности королевства Неаполитанского и полное очищение Италии (считая под последней и остров Эльба) от французских войск, учреждение в Европе такого порядка, «который в действительности гарантировал безопасность и независимость различных государств и представлял бы твердую опору против будущих узурпаций»⁸⁴. Таковым Александр I считал конституционную монархию, при этом вопрос о династии был для него «второстепенным»⁸⁵. «Главное из этих условий, — писал он в инструкции Н. Н. Новосильцеву перед отправкой того в Англию в сентябре 1804 г., — должно будет состоять в необходимости подчинения этой конституции, которая будет выработана»⁸⁶.

Император уже думал о будущем Европы. Он писал: «Ничто не помешает по установлении мира заняться выработкой такого трактата, который сделался бы основой международных отношений европейских держав»⁸⁷. Договор ради будущего мира должен был быть основан «на ясных и точных принципах требования международного права»⁸⁸. Ну а пока мир оставался лишь надеждой, по условиям соглашения Россия и ее союзники должны были выставить армию численностью до 500 тыс. человек (потом эта цифра была уточнена до 400 тыс. человек, из них 250 тыс. австрийцев, 115 тыс. русских, остальные — неаполитанские, сардинские, ганноверские и другие войска), а Англия обязывалась выплачивать по 1 250 000 фунтов (около 8 млн рублей) за каждые 100 000 человек ежегодно⁸⁹. Страх решения итальянского вопроса в пользу Франции и того, что за этим может последовать таковое же решение восточного вопроса, а также британские субсидии сломили колебания венских политиков⁹⁰.

В конце мая 1805 г. Н. Н. Новосильцев был отправлен уже в Париж. Александр I попытался избежать войны, предложив посредничество при заключении франко-английского мира. Миссия должна была закончиться не позднее 18 (30) августа. Император предлагал Наполеону соглашение на основе Люневильского договора при условии немедленной эвакуации французами всей Италии, Голландии, Швейцарии, возвращения королю Сардинскому Пьемонта, передачи русским войскам Мальты, возвращения Франции и Голландии их территорий, захваченных когда-то Англией, обеспечения независимости Ионических островов и созыва европейского конгресса для решения прочих территориальных вопросов⁹¹. Однако переговоры не состоялись. В Берлине посланник императора узнал о том, что 26 мая 1805 г. Наполеон провозгласил себя в Милане королем Италии, и вернулся назад в Россию. Впрочем, следовало ожидать, что в Париже отказались бы от этих предложений.

Принятие итальянской короны Наполеоном и присоединение к Франции Генуэзской республики привели к тому, что Австрия окончательно преодолела свои колебания. «Полагаясь на подкрепление России, — отмечал в конце 1805 г. А. А. Чарторыйский, — почитая ее единственной своей опорой и опасаясь в другое время лишиться оной, Венский двор усиленно просил нашей скорой помощи. Сколько нерешимости и боязни оказывал оный в поведении своем в продолжение немалого времени, столько ныне изъявлял твердости и настояния»⁹². Ш. М. Талейран был явно недоволен развитием событий и заявил, что миссия Н. Н. Новосильцева стала проявлением слабости русской дипломатии и зависимости ее от англичан⁹³. «Так как посольство было плохой мерой, — писал он, — то оно послужило скорее препятствием, чем средством к миру»⁹⁴.

Продолжалась интенсивная подготовка к войне. 29 августа (10 сентября) была заключена конвенция между Россией и Королевством обеих Сицилий. Неаполь присоединялся к коалиции, а та брала его под свою защиту⁹⁵. Огромное значение для выполнения этих обещаний со стороны России приобретали Ионические острова, которые с 1798 г. формально находились в совместном управлении Турции и России. На самом деле это был исключительно русский протекторат. «Республика Семи соединенных островов, составленная из островов, известных под названием Венецианских, — докладывал Александру I 18 (30) декабря 1801 г. граф В. П. Кочубей, — имеет свое начало от нас... Мы желать можем соблюсти некоторую инфлюенцию между народов, с нами единоверных»⁹⁶. Для укрепления этого влияния 23 ноября

(5 декабря) 1803 г. была принята новая конституция, укрепившая государственный строй республики⁹⁷. По предложению В. П. Кочубея, на островах был учрежден постоянный русский гарнизон, и они пользовались русскими кораблями в качестве якорной стоянки. К осени 1804 г. только морское ведомство имело здесь 97 офицеров и 2222 матроса, из Севастополя регулярно приходило подкрепление. Матросы и солдаты вместе с жителями приводили в порядок укрепления островов⁹⁸.

Секретная инструкция императора требовала от командующего войсками и флотом генерала И. Р. Анрепа, чтобы «соблюдалась строгая дисциплина, дабы ни под каким видом не делали команды воинские жителям притеснений, обид или неприличных каких требований и чтобы все чины, от высших до низших, благонравным и ласковым обхождением старались приобрести любовь и привязанность жителей, каковое поведение войск Наших, споспешествуя к укреплению имени Российского, не к чему иному не отнесется, как собственно к чести вашей»⁹⁹. В сентябре 1805 г. И. Р. Анреп получил приказ выдвинуться в Неаполь, оставив на островах минимум войск. Состояние оборонительных сооружений островов по-прежнему вызывало тревогу в Петербурге, что заставило ускорить подготовку эскадры на Балтике под командованием вице-адмирала Д. Н. Сенявина¹⁰⁰. Положение было очень тяжелым, к концу августа на кораблях был значительный недостаток личного состава, по штату не хватало 450 человек, имелось 2482¹⁰¹.

31 августа (12 сентября) император подписал секретный рескрипт на имя Д. Н. Сенявина: «Приняв Республику Семи соединенных островов под особенное покровительство мое и желая изъять опыт моего к ней благопризнания, почел я за нужное при настоящем положении дел Европы усугубить средства к обеспечению ее пределов. Поелику же республика сия по приморскому местоположению своему не может надежнее ограждаема быть, как единственно, так сказать, под щитом морских сил и военных действий оных, то по сему уважению повелел я отправить туда дивизию, состоящую из пяти кораблей и одного фрегата, и тем усилить ныне там пребывающее ополчение наше»¹⁰². В сентябре 1803 г. на Корфу находилось всего 1,3 тыс. русских солдат, через полтора года их число выросло уже до 8 тыс. человек¹⁰³.

Количество солдат и добровольцев на Ионических островах постоянно росло, в начале 1805 г. здесь ожидали скорого начала войны с Францией и прихода подкреплений из России¹⁰⁴. В поход к Корфу была собрана эскадра из пяти линейных кораблей, одного фрегата и двух корветов¹⁰⁵. Корабли вышли из Кронштадта 10 (22) сентября 1805 г.¹⁰⁶ Ионические острова нуждались в подкреплении. В ноябре И. Р. Анреп

отправился в Неаполь с двумя полками пехоты, батальоном егерей и легионом албанцев¹⁰⁷. Но решающие события ожидались не в Неаполитанском королевстве, а на севере Италии и на Рейне, где должна была действовать русско-австрийская армия. Вена также активно готовилась к столкновению. Генерал-квартирмейстер К. Мак обещал своему императору, что армия будет готова к выступлению через два месяца¹⁰⁸. Русско-австрийский союз был заключен еще 25 октября (6 ноября) 1804 г.¹⁰⁹, а 28 июля (9 августа) 1805 г. Вена особой декларацией заявила о своем присоединении к русско-английскому соглашению¹¹⁰.

Третья коалиция (1805)

По плану союзников, Россия должна была выставить свыше 180 тыс. человек (на начало 1805 г. все ее сухопутные силы равнялись 550 496, из которых полевая армия — 276 032 человека); Австрия — 250 тыс. человек (из армии численностью 373 435 человек). Русские силы предполагалось разделить на несколько армий: 1-я, 50 тыс. человек, должна была выступить в Галицию из Радзивилова Волынской губернии; 2-я, также 50 тыс., выдвигалась в Богемию из Бреста; 3-я, 40 тыс., располагалась на границе с Пруссией. 16-тысячный корпус перевозился морем в Штральзунд, то есть в Шведскую Померанию, для совместных действий со шведами и англичанами в направлении Голландии. 25-тысячный корпус должен был высадиться в Неаполе из Корфу. Александр I стремился присоединить к коалиции и Пруссию, чтобы она пропустила через свои земли 56 тыс. русских и 16 тыс. шведских солдат в Северную Германию. Император рассчитывал, что присоединение Пруссии вызовет цепную реакцию и к коалиции примкнут Дания и мелкие немецкие государства, а это даст ей армию численностью 622 тыс. человек, которая будет действовать от Неаполя до Голландии, везде имея преимущество в силах. Численность французской армии оценивалась в 464 505 человек¹.

Однако традиционные противоречия между Берлином и Веной по вопросу о первенстве в Германии были слишком сильны, для того чтобы увидеть очевидную, казалось бы, угрозу со стороны третьей державы — Франции. Прусский король считал, что майская декларация 1804 г. дает ему право оставаться нейтральным, ведь в ней сохранились гарантии *status quo* только севера Германии². «Король, —

отмечал в своем исследовании современник событий К. Клаузевиц, — не имевший еще опыта, доверия и уверенности в себе, предоставил решение другим. Он был слишком разумным и проницательным, чтобы не чувствовать недостатка всей военной организации и не понимать, насколько она отстала от французской военной мощи, выросшей на победах; но он также видел все трудности полной реорганизации, а из окружавших его лиц никто не был способен помочь ему советом и делом. Таким образом, и во время Третьей коалиции против Франции, именно в 1805 г., решено было оставаться нейтральными, или, вернее, нейтралитет получился сам собой, так как не могли прийти ни к какому решению»³.

Все попытки вывести прусского монарха из этого состояния заканчивались неудачей. Тем не менее король был не прочь изменить принципам, когда был уверен в безболезненном расширении своих владений. Осенью 1804 г., находясь в неизменном ожидании французского подарка в виде Ганновера, Берлин захотел ввести войска в Шведскую Померанию⁴. 6 (18) октября 1804 г. А. А. Чарторыйский поручил русскому послу в Берлине довести до сведения короля, что Петербург придет на помощь союзнику при первом требовании Стокгольма⁵. Фридрих-Вильгельм III был готов на все, лишь бы не принимать решения о войне, тем более что снова ожидал от Франции санкции на расширение своих владений, и снова в виде Ганновера, но на этот раз в результате вооруженного нейтралитета. Еще 5 (17) декабря 1804 г. А. А. Чарторыйский извещал русского посла в Берлине о крайне негативном отношении Петербурга к подобному рода сделке, которая была бы признанием права «издевательства» над нейтралитетом Германии и единственным следствием которой стало бы высвобождение французских оккупационных войск для будущей войны⁶.

Это не подействовало. «Много государей, — заявил король в частной беседе, — погибло от страсти к войне, а я погибну от того, что люблю мир»⁷. Тем не менее 24 декабря прусское правительство представило ноту о своей готовности ввести свои войска в Шведскую Померанию. Теперь уже лично Александр I вынужден был предупредить своего соседа об опасности такого решения⁸. Вторжение не состоялось, и в марте 1805 г. Пруссия заверила Россию, что она не планирует более занятия шведской территории⁹, но не был реализован и союзнический план. Опыт кампании 1799 г. не вдохновлял русских и австрийцев на взаимное доверие, Вена не была уверена в силе собственной армии, а Берлин находился под сильнейшим влиянием Франции. По едкому замечанию австрийского посла в Пруссии К. Меттерниха, министр

иностранных дел королевства граф Х. А. Гаутвиц даже перестал брать взятки — внешнеполитическая ориентация страны была очевидной¹⁰.

Несмотря на благоприятную политическую обстановку, противники Наполеона не смогли преодолеть противоречия в своем лагере, зачастую вызванные доминированием частных интересов над общими, и разумно распорядиться своими силами в начале военных действий. 1 (13) сентября 1805 г. в России был объявлен рекрутский набор — по четыре человека с 500 ревизских душ¹¹, 9 (21) сентября император отправился из Петербурга к своей армии¹². Так как на стороне Франции выступили Бавария, Вюртемберг и Дармштадт, 9 сентября 1805 г. 90-тысячная австрийская армия во главе с эрцгерцогом Фердинандом (настоящим командующим был формально исполняющий должность начальника штаба фельдмаршал-лейтенант К. Мак) вторглась в Баварию и оккупировала ее. На соединение с ними была двинута русская армия под командованием М. И. Кутузова — 46 405 человек¹³. К сожалению, Александр I счел необходимым подчинить его венским властям — императору Францу II, эрцгерцогу Карлу или любому другому принцу крови, назначенному главнокомандующим¹⁴. На деле это означало подчинение М. И. Кутузова К. Маку. Это абсурдное решение, правда, так и не было реализовано. Австрийцы, которые ранее не торопились вступать в войну, теперь спешили действовать, но еще более торопили движение русских войск, и без того идущих форсированным маршем. Это вызвало протесты М. И. Кутузова, не желавшего привести на поле боя абсолютно истощенную армию¹⁵.

Впрочем, Наполеон не допустил объединения сил союзников. Еще в июле и августе 1805 г. в Лондоне всерьез опасались угрозы французского десанта¹⁶. К августу 1805 г. в районе Булони было сосредоточено уже свыше 120 тыс. человек, 450 орудий и 16 654 лошади. По всему побережью собирались лодки, способные выйти в море. 15 августа Наполеон провел смотр армии в Булони. Войска были готовы¹⁷. Но уже в сентябре опасность перестала быть реальной. Оставив Булонский лагерь, Наполеон быстро сосредоточил 220 тыс. человек при 340 орудиях на Рейне. 25–26 сентября эта армия переправилась через Дунай и нанесла поражение австрийцам. К. Мак был разбит и отброшен в крепость Ульм. 10–12 октября австрийская армия безуспешно пыталась вырваться из окружения. 15 октября французы заняли господствующие высоты над городом и подвергли его артиллерийскому обстрелу. К. Мак вынужден был вступить в переговоры и подписать капитуляцию, по условиям которой он должен был сдать через восемь дней, если до этого времени его не выручат русские союзники. Впрочем, у австрийцев

не имелось запаса продовольствия на это время, так что 20 октября 1805 г. армия вынуждена была капитулировать. 23 800 человек попали в плен, 59 орудий стали трофеями победителя¹⁸. Только незначительной части этой армии — несколькими тысячам кавалеристов во главе с эрцгерцогом Фердинандом удалось прорваться и уйти в Богемию¹⁹.

Ульмский разгром застал армию М. И. Кутузова уже на правом, западном берегу Дуная, там же, где и основные силы французов во главе с Наполеоном. За месяц с небольшим русские войска прошли 900 верст, проходя в среднем по 23–26 версты в день²⁰. Ускоренные марши привели к тому, что русская армия вынуждена была оставить около 6 тыс. заболевших по пути следования. Вместе с приданными австрийскими отрядами она насчитывала теперь 50 тыс. человек²¹. Гораздо хуже было то, что долгое время М. И. Кутузов не имел точной информации ни о противнике, ни о союзнике. Еще 6 (18) октября в штабе русской армии в Браунау праздновали новость о победе австрийцев над М. Неем²². Ситуация разъяснилась только 11 (23) октября, когда в русский штаб приехал К. Мак, лично рассказавший о том, что произошло под Ульмом²³. Оказавшись в Верхней Австрии перед 200-тысячной армией противника, русский командующий начал отступление в направлении на Моравию, навстречу идущим под командованием генерала Ф. Ф. Буксгевдена подкреплениям. Ситуация ухудшалась тем, что на левом берегу Дуная уже действовал сводный корпус маршала Э. А. Мортье.

Таким образом, передовые силы русской армии находились в полуокружении, а подходившие резервы вытянуты в тонкую линию между Карпатами и Дунаем. Русские передовые силы превратились в арьергард, который должен был обеспечивать общее отступление. «После сего тот должен быть изверг роду христианского, — писал 14 (26) октября 1805 г. командовавший этим отрядом генерал-майор князь П. И. Багратион, — кто не пойдет один на шесть и на двенадцать французов. Авангард то доказал, 5000 стали против 30 000, сохранил армию, честь, славу и священные знамена»²⁴. В этой кампании генералу П. И. Багратиону пришлось не раз подтвердить свои слова делом в тяжелейшей обстановке. 19 (31) и 24 октября (5 ноября) при Ламбахе и Амштеттене он отразил пятикратно превосходившие его силы французского авангарда во главе с маршалом И. Мюратом²⁵.

Поражения военных до известной степени компенсировались успехами дипломатии. Нежелание Берлина пропускать через прусскую территорию русские войска граничило с готовностью сопротивляться этому силой. Поначалу русская дипломатия исключала для себя воз-

возможность «прибегать к каким-либо угрозам»²⁶. От позиции Пруссии зависело очень многое. 7 (19) августа 1805 г. русский посол в королевстве был извещен, что «здесь полагают, что нейтралитет Пруссии слишком полезен Бонапарту, слишком пагубен для Европы и слишком тревожит Россию, чтобы его можно было допустить; это решено, и здесь скорее предпочитают иметь Пруссию в числе врагов, чем позволить ей быть нейтральной»²⁷. Кризис в Австрии только усилил эти настроения, в то время как король в письмах к императору неоднократно подтверждал свою готовность защищать свой нейтралитет от любых на него поползновений²⁸. 7 и 19 сентября Берлин мобилизовал и сосредоточил на восточных своих границах до 80 тыс. человек²⁹. 28 сентября (10 октября) 1805 г. сопровождавший Александра I в его поездке в армию А. А. Чарторыйский отметил: «Его Величество твердо решился начать войну против Пруссии»³⁰.

Такое развитие событий полностью соответствовало планам польского князя, связывавшего с войной надежды на восстановление Польского королевства, соединенного династической унией с Россией. Польское дворянство готово было поддержать эти планы³¹. Однако они так и не были реализованы. Не ограничившись дипломатической перепиской с Фридрихом-Вильгельмом III, император лично отправился в Берлин на свидание с ним. 13 (25) октября он въехал в столицу королевства. Приезд Александра I совпал с грубым нарушением нейтралитета Пруссии — в начале войны Наполеон провел через принадлежавший ей перевал Аншпах войска на помощь своей союзнице Баварии. Это вызвало бурю негодования, и миссия российского императора, протекавшая на фоне военных неудач союзников, была значительно облегчена³².

Министр иностранных дел барон Карл-Август Гарденберг, сторонник немедленного вступления Пруссии в войну, узнав о действиях французских войск, воскликнул: «Бог пришел нам на помощь!»³³ Фридрих-Вильгельм III был в ярости и поначалу решил выдать паспорта французскому посланнику. Александр I был встречен с восторгом³⁴. 22 октября (3 ноября) 1805 г. в Потсдаме был заключен русско-пруссский трактат, первая статья которого гласила: «Его Величество Король Прусский принимает на себя посредничество между воюющими Державами, но посредничество вооруженное, которого последствием должно быть или немедленное восстановление мира на континенте, на основаниях, изложенных в следующей статье, или же действительное участие Пруссии в войне, которую союзники ведут против Франции»³⁵.

Условия были достаточно жесткими. Франция могла сохранить приобретения, полученные по Люневильскому миру, Италия очищалась

от французских войск, в северной ее части увеличивались владения Австрии и Сардинии, гарантировались независимость и неприкосновенность Германской империи, Неаполитанского королевства, Голландии и Швейцарии, союзники гарантировали Османскую империю от возможных враждебных действий со стороны Франции³⁶.

Не было сомнений, что Франция даже в случае поражения не примет таких условий. Как раз это и усиливало колебания Берлина, где шли споры между сторонниками и противниками вмешательства в войну. Казалось, что время работает в пользу союзников по коалиции и их сторонников в Пруссии, поэтому королевству была предоставлена возможность выступить в качестве вооруженного посредника³⁷. Прусский король брал на себя обязательство немедленно отправить в ставку Наполеона своего уполномоченного, чтобы известить об этих предложениях, и приготовить к выступлению 180-тысячную армию. Статья 8-я гласила: «Во время переговоров прусские войска будут двигаться вперед, к тем пунктам, откуда они должны будут действовать в случае разрыва; переговоры же будут ведены таким образом, чтобы они были окончены в продолжение четырех недель, считая со дня отправления уполномоченного, которое последует немедленно»³⁸.

Сразу же после заключения Потсдамской конвенции прусские войска, уже находившиеся на военном положении, были направлены к австрийским границам. Они были разделены на четыре армии, первая из которых должна была сосредоточиться в Нижней Саксонии, вторая — в Вестфалии, третья — во Франконии, четвертая, наблюдательная, — в Силезии, и резерв, сформировавшийся на Одере. Подобная дислокация позволяла пруссакам в случае необходимости достаточно быстро прийти на помощь союзникам в Богемии или на Рейне. 4 ноября 1805 г., накануне отъезда российского императора из Потсдама, Александр I, Фридрих-Вильгельм III и королева Луиза дали клятву в вечной дружбе у гроба Фридриха II Великого³⁹. Правда, почти сразу же после этого в Берлин пришло известие об Ульме, что моментально подействовало охлаждающе на прусский двор⁴⁰. В результате король выбрал в качестве своего посланника к Наполеону графа Х. А. Гаугвица, убежденного сторонника сотрудничества именно с Францией, и это решение уже не сулило надежд на выполнение только что заключенного договора⁴¹.

28 октября (9 ноября) М. И. Кутузову удалось переправиться на левый берег Дуная под Кремсом, уничтожив за собой мост. 29–30 октября (10–11 ноября) русские войска разбили недалеко от Кремса изолированный французский корпус под командованием Э. А. Мортье, взяв

1,5 тыс. пленных, пять орудий и штандарт⁴². После этого отступление продолжилось. Остатки своего корпуса Э. А. Мортье быстро перевел на правый берег Дуная, чем значительно облегчил действия М. И. Кутузову⁴³. Но русский успех был неполным. Французам, несмотря на потери, удалось избежать разгрома⁴⁴. Тем не менее французская армия впервые потерпела поражение в этой войне.

Впрочем, вскоре эта неудача была компенсирована крупным успехом. 1 (13) ноября французы вошли в Вену, где находилась единственная в районе мостовая переправа, и на следующий день русская армия вновь оказалась под угрозой окружения в районе Цнайма. Император Франц II смог известить русского командующего о том, что Вена с неповрежденным мостом находится под контролем противника, только 3 (15) ноября⁴⁵. Между тем уже за день до этого к Цнайму подошли крупные французские силы под командованием маршала И. Мюрата, предложившего заключить перемирие (французы приписывают эту инициативу русским⁴⁶). Маршал рассчитывал выиграть время, необходимое для подхода основных сил под командованием Наполеона.

М. И. Кутузов сделал вид, что поверил этим предложениям, и до 3 (15) ноября вывел из окружения свои силы, прикрываясь арьергардом генерала князя П. И. Багратиона. По словам командующего, он жертвовал частью армии во имя ее спасения. Целый день 4 (16) ноября 5 тыс. русских солдат сдерживали атаки 30 тыс. французов. Потеряв 2 тыс. человек убитыми, ранеными и пленными, П. И. Багратион привел оставшуюся часть своего отряда на соединение с армией⁴⁷. 6 (18) ноября Ф. Ф. Буксгевден писал М. И. Кутузову: «Такая славная ретирада навсегда останется достопамятна, и можно утвердительно сказать, что другой генерал, находящийся на Вашем месте и не имеющий опытности Вашей и храбрости, не устоял бы против таких усиленных нападений. Но наилучший успех венчал Ваши подвиги! Положение храброго князя Багратиона также было весьма затруднительно — таким образом отбиться от превосходнейшего силами неприятеля, сие должно служить примером всем, упражняющимся в военном ремесле!»⁴⁸ 7 (19) ноября М. И. Кутузов соединился с Ф. Ф. Буксгевденом, таким образом, непосредственные последствия ульмского кризиса были преодолены. М. И. Кутузову удалось самым блестящим образом вырваться из окружения и нанести французам ряд чувствительных ударов. Планы Наполеона были сорваны, однако войны не выигрываются даже прекрасно организованными отступлениями. Это был успешный уход от поражения.

Единственной значительной победой союзников стал разгром франко-испанского флота под Трафальгаром (Кадисом), который состоялся 21 октября 1805 г., то есть на следующий день после Ульма. Из 33 линейных кораблей, бывших под командой адмирала П.-Ш. Вильнёва, в Кадис вернулись только пять испанских и шесть французских кораблей в состоянии, исключавшем возможность их выхода в море. Ни один из 27 линкоров британского флота, сражавшихся под командованием адмирала Г. Нельсона, не был потерян. 14 июня 1810 г., после вторжения французов в Испанию, адмирал Розили в результате двухдневного боя с береговыми батареями сдал эти корабли с 4 тыс. экипажа. Французский флот перестал существовать⁴⁹.

Самой значительной потерей англичан в Трафальгарской битве стала гибель Г. Нельсона. 25 октября новость о Трафальгаре достигла Портсмута. Она вызвала и радость победы, и глубокое горе потери. Праздники и стенания продолжались несколько дней. Смерть адмирала была потерей для каждого⁵⁰. «Невозможно описать ту печаль, — докладывал 27 октября (8 ноября) 1805 г. русский дипломат из Лондона, — которую она внесла в душу каждого англичанина. Вся нация его обожала, и нет человека, который произнес бы сейчас его имя без глубокой печали»⁵¹.

Военные действия на суше были не столь успешны. Несмотря на ряд частных достижений союзников, поставивших Наполеона если не в критическое, то в весьма сложное положение, война закончилась полной победой французов. По плану М. И. Кутузова русская армия благополучно совершила 400-километровый Ольмюцкий марш-маневр, соединяясь с подходившими русскими и австрийскими подкреплениями. 10 (22) ноября она заняла удобные для обороны ольшанские позиции, ожидая подхода пополнений и австрийских войск. Из Италии на помощь должна была подойти армия эрцгерцога Карла. В начале войны она насчитывала 80 тыс. человек против 56 тыс. французов под командованием маршала А. Массены. Эту армию планировалось усилить до 100 тыс., что считалось достаточным для перехода в наступление при помощи соединенных русско-англо-неаполитанских сил, которые должны были начать действовать против французов с юга Италии. Подкрепления к эрцгерцогу Карлу не подошли, зато сразу после Кульма ему приказали отправить к Вене 20-тысячный корпус. Силы противников уравнились, и А. Массена, узнав об этом, немедленно перешел в наступление.

30 октября в битве при Кальдиеро австрийцы отбили все атаки французов, после чего, по приказу императора, эрцгерцог оставил сильный гарнизон в Венеции в качестве заслона и 20 ноября начал медленно отступать в направлении Ольмюца. Медлительность объяснялась

опасениями активных действий А. Массены, однако тот воздержался от них. 19 ноября в Неаполе высадился 13-тысячный русский корпус, к которому присоединились и 7,5 тыс. англичан. Надежды на помощь неаполитанской армии оказались несостоятельными. Вместо планируемых 20 тыс. в ней оказалось 7600 человек, причем отвратительно подготовленных. Достаточно сказать, что неаполитанские артиллеристы три года подряд не проводили учения с использованием пороха. Король обещал за два месяца увеличить численность своей армии до 15 тыс., и до этого союзники предпочли воздержаться от наступления. Тем не менее объединенных сил оказалось довольно для того, чтобы создать или имитировать угрозу, достаточную для удержания А. Массены на севере Италии⁵².

Попытки окружения Александра I удержать его от поездки в армию не увенчались успехом. Он решил остаться с войсками⁵³. 12 (24) ноября в Ольмюц под командованием великого князя Константина Павловича пришла русская гвардия — 8,5 тыс. человек. Это увеличило союзную армию до 68,5 тыс. человек, из которых только 14 тыс. были австрийцами⁵⁴. Существовала обоснованная надежда и на то, что Пруссия преодолет свои колебания и нарушит нейтралитет в пользу союзников. Александр I в письмах к ее королю говорил о том, что судьба Европы находится теперь в руках Фридриха-Вильгельма III, и призывал его выполнить свои обязательства⁵⁵. В этом случае силы двух императоров в Ольмюце могли бы рассчитывать на поддержку Пруссии, к которой готовы были присоединиться саксонцы и веймарцы.

Прусская армия насчитывала 242 694 человека, из которых полевые войска составляли 170 тыс. человек⁵⁶. Берлин мог выдвинуть не менее 100 тыс. солдат в Богемию, прикрыв остальными силами Рейн. Однако пруссаки по-прежнему колебались. Король, вроде бы принявший решение выступить вооруженным посредником, отправил к Наполеону противника такого вмешательства. Граф Х. А. Гаугвиц был уверен в будущей победе французов и поэтому не торопился выполнять поручение своего монарха. Выехав из Берлина 14 ноября 1805 г., он прибыл в Вену только 26 ноября⁵⁷. Прусский дипломат в ходе этой миссии полностью оправдал характеристику, данную ему двумя годами ранее С. Р. Воронцовым: «Гаугвиц очень умен и образован, гибок, двоедушен и лжив в высшей степени...»⁵⁸. Он не торопился и посылал королю письма, в которых убеждал его не рисковать и выжидать до тех пор, пока не определится явный победитель⁵⁹.

Между тем ценность прусского вмешательства напрямую зависела от времени выступления этого государства. К концу ноября под

знаменами союзников насчитывалось уже 86 тыс. человек при 340 орудиях. Численность французской армии в это время составила около 73 тыс. человек при 250 орудиях. Положение Наполеона было критическим и ухудшалось с каждым днем, что и было использовано им в собственных интересах. Французскому императору удалось убедить своих противников в собственной слабости и создать ложное представление о состоянии французской армии. 15 (27) ноября произошло авангардное дело под Вишау, в котором 56 союзных эскадронов, поддержанные пехотой, отогнали восемь французских эскадронов. Здесь император Александр I впервые присутствовал на поле боя. Столь незначительный успех убедил его и Франца II в неизбежности будущей победы. Несмотря на советы М. И. Кутузова не торопиться с генеральным сражением, императоры настояли на наступлении. М. И. Кутузов фактически был отстранен от руководства войсками⁶⁰.

После боя у Вишау Наполеон отправил для переговоров к союзникам генерала А. Ж. Савари. На самом деле это была рекогносцировочная поездка, с которой французский военный и дипломат справился блестяще. Он убедился в самоуверенности «пылкой и неопытной молодежи с князем Петром Долгоруким во главе». А. Ж. Савари удалось своей уступчивостью создать впечатление неуверенности Наполеона в своих силах, что только усилило решительность и неуступчивость Франца II и Александра I. На встречу с императором французов был отправлен П. П. Долгорукий, который, по словам Наполеона, вел себя так надменно, как будто он был боярином, которого собираются сослать в Сибирь, или как будто русские уже стояли на Монмартре⁶¹. В такой обстановке советы проявить сдержанность и благоразумие союзными монархами попросту не воспринимались.

За решающее сражение прежде всего выступали австрийцы. «Это несчастье, — с полным основанием отмечал участник битвы, — было приуготовлено Австрийским кабинетом»⁶². Сильным доводом в пользу активного образа действия была проблема снабжения — за два дня до Аустерлица войска фактически перестали получать продовольствие, а лошади фураж. Австрийцы говорили, что надо «брать неприятельские магазины или мереть с голоду»⁶³. План сражения был составлен австрийским генерал-майором Ф. Вейротером, предлагавшим пятью колоннами обойти Наполеона, отрезать его от связи с Веной и вслед за этим разбить. Перед сражением Ф. Вейротер лично зачитал его на военном совете, педантично перечислив все детали предполагаемых действий каждой из колонн. Доклад был зачитан на немецком. Большинство участников совета игнорировали доклад как совершен-

но бессмысленный. М. И. Кутузов дремал. На вопрос генерал-лейтенанта А. Ф. Ланжерона, как предполагается действовать в случае, если французы сами атакуют союзников у Працена, последовал ответ: «Нельзя предполагать, чтобы Наполеон решился напасть на нас; если бы он считал это возможным, то давно уже атаковал бы нашу армию. У него не более сорока тысяч человек. Быть может, что он займет другую позицию у Тураса, в таком случае отданная позиция остается во всей силе, и даже мы, овладев без сопротивления теснинами Гольдбаха, легче достигнем своей цели»⁶⁴. План Ф. Вейротера был основан на предположении неподвижности противника и при его осуществлении привел к катастрофе.

20 ноября (2 декабря) 1805 г. в битве «трех императоров» под Аустерлицем (совр. Славково, Чехия) объединенные русско-австрийские войска были разбиты французами. М. И. Кутузов до самого последнего момента пытался удержать войска от выполнения губительного плана и очищения господствующей в центре позиции — Праценских высот. В конце концов туда подъехали два императора со свитой, и между Александром I и командующим состоялся весьма показательный диалог:

— Михайло Ларионович! Почему не идете вы вперед?

— Я поджидаю, чтобы все войска собрались.

— Ведь мы не на Царицыном лугу, где не начинают парада, пока не придут все полки.

— Государь, потому я не начинаю, что мы не на Царицыном лугу. Впрочем, прикажите!

Приказ последовал, и М. И. Кутузов вынужден был подчиниться, после чего при нем фактически осталась только одна бригада, он уже никак не мог повлиять на ход сражения⁶⁵. Через десять дней после битвы М. И. Кутузов писал жене: «Могу сказать в утешение, что я себя не обвиняю ни в чем, хотя я к себе очень строг»⁶⁶. Тем не менее именно он был позже объявлен виновником случившегося. Один из свидетелей этих событий отметил: «Теперь генерал терпит за то, что не осмелился говорить правду»⁶⁷. Александр I, впавший при отступлении в глубокое уныние⁶⁸, уже никогда более не благоволил ему. Как верно определил дореволюционный историк: «Кутузов был для него, так сказать, живым напоминанием позорной катастрофы, и он систематически избегал давать ему какие бы то ни было выдающиеся поручения»⁶⁹. Только исключительные обстоятельства могли заставить монарха отступить от этого правила.

Французы захватили Працен, рассекли союзные армии и нанесли им решительное поражение. Отступать пришлось между двумя

прудами. Отходившие вышли на лед, по которому начала бить артиллерия противника. Люди проваливались по грудь в ледяную воду⁷⁰. Потери союзников составили 27 тыс. человек и 155 орудий, причем большую часть потеряли русские — около 18 тыс. человек и 131 орудие⁷¹. Бой повсюду носил исключительно ожесточенный характер, вплоть до самого конца битвы русские воины переходили в контратаки и отступили в организованном порядке. Французы потеряли около 8 тыс. человек (по другим данным — свыше 12 тыс.)⁷². Наполеон, уже находясь в изгнании на острове Святой Елены, вспоминал: «В битве под Аустерлицем у русских было превосходнейшее войско, с тех никогда уже не было у них подобного»⁷³. Особенно стойко дралась гвардия⁷⁴. 22 ноября (4 декабря) 1805 г., через два дня после сражения, император Франц II встретился с Наполеоном на нейтральной полосе, между передовыми позициями. «Верьте мне, — заявил победитель побежденному, — не смешивайте ваших дел с делами императора Александра. Одна лишь Россия может теперь вести войну без надобности. Русская армия, будучи побеждена, возвратится в свои пустыни, а вы должны будете вознаградить военные издержки уступкою областей своих»⁷⁵.

В первые дни после поражения русская армия беспорядочно отходила на восток. Многие части утратили организацию и были небоеспособны⁷⁶. 8 декабря было подписано австро-французское перемирие. Александр I сохранил нейтралитет к этому соглашению, но заявил, что сам мира с Францией не заключит и в будущем всегда будет готов прийти на помощь императору Францу II по первой его просьбе. Александр I не захотел присутствовать при переговорах о перемирии и заключении мира и уехал в Россию. Австрия фактически капитулировала. Русским войскам оставалось только покинуть территорию своего бывшего австрийского союзника. Предварительно была достигнута договоренность, что русские и французы одновременно очистят земли Габсбургов. Наполеон нарушил это условие, а М. И. Кутузов 9 декабря начал отвод своей армии⁷⁷. Что касается самого императора, то российское общество встретило его «обожанием»⁷⁸. 12 (24) декабря 1805 г. Георгиевская дума просила его возложить на себя орден Св. Георгия Победоносца 1-й степени. Александр I отказался от столь высокой награды, мотивировав свой отказ тем, что не командовал войсками, но «в доказательство, сколь он военный орден уважает», счел «приличным принять только знак 4-го класса оногo»⁷⁹.

Несмотря на поражение и сильнейшее негодование против своих недавних союзников⁸⁰, русская армия вскоре восстановилась и отступала в столь образцовом порядке, что это решил особо отметить

в письме к М. И. Кутузову главный австрийский комиссар. «Господин граф и генерал-аншеф! — писал он 27 декабря 1805 г. — Расставшись с Вашим Превосходительством на границах Венгрии, буду считать незаконченными возложенные на меня обязанности, если не подтвержу и хорошую выправку, и строгую дисциплину армии Императора Всероссийского под командой Вашего Превосходительства»⁸¹. 26 декабря 1805 г. (7 января 1806 г.) русские войска прибыли в Радзивилов, в полном составе покинув Австрию⁸². К ужасу неаполитанского двора, они выводились и из этого королевства. Пунктом их назначения был Корфу. Англичане также покидали Неаполь. Позже часть русского корпуса было разрешено использовать для защиты Сицилии совместно с англичанами, но при обязательном условии сохранения основной его силы на Ионических островах⁸³.

Тем временем Наполеон укреплял свои позиции в Германии. 25 ноября (7 декабря) он принял Х. А. Гаугвица в Шенбруннском дворце в Вене, где тот попытался поздравить императора французов с победой под Аустерлицем. Ответ был резок и холоден: «Ваше приветствие было назначено другим, Фортуна переменила его адрес»⁸⁴. Несколько дней спустя Наполеон высказал Х. А. Гаугвицу все, что думал о прусской политике: «Почетнее было бы для вашего государя прямо объявить мне войну; он бы этим услужил своим новым союзникам; я бы дважды подумал прежде, чем дать сражение. Но вы хотите быть союзниками целого света: так нельзя, надобно выбирать между ними и мною. Будьте со мною искренни, или я с вами расстанусь. Я предпочитаю открытых врагов ложным друзьям. Я мог бы отомстить вам, заняв Силезию, поднять Польшу и нанести Пруссии такие удары, от которых она никогда бы не оправилась. Но я хочу забыть прошлое и явиться великодушным; я прощаю за минутное увлечение, но с одним условием, чтоб Пруссия соединилась с Францией самым тесным и неразрывным союзом и взяла Ганновер»⁸⁵. Генерал Л. Л. Беннигсен имел все основания для того, чтобы утверждать позже: «Падение Пруссии ведет свое начало с того времени, как она примкнула к системе нейтралитета»⁸⁶.

Посланник Фридриха-Вильгельма III оказался в двусмысленной ситуации. Победитель двух императоров предлагал ему выбор — союз и Ганновер или войну. Х. А. Гаугвиц поспешил немедленно принять предложения Наполеона. Союзный франко-прусский договор был подписан 15 декабря 1805 г. во всем том же Шенбруннском дворце. Отказываясь от части своих владений на границах Баварии, Швейцарии и по Рейну, Пруссия получала отнятый Наполеоном у британской королевской

династии Ганновер. Франция и Пруссия взаимно гарантировали друг другу свои новые владения⁸⁷.

В Берлине поначалу опешили от такого поступка своего дипломата, отправленного объявлять войну Наполеону, а вернувшегося с союзным договором с Францией. Однако, потеряв доверие всех своих потенциальных союзников, предпочли не рисковать и 15 февраля 1806 г. подтвердили условия договора⁸⁸.

Правда, Пруссия попыталась сохранить оговорками хорошие отношения и с Веной, и с Петербургом, и с Лондоном. Король заявил, что вступает во временное владение Ганновером до тех пор, пока этот переход не будет признан в англо-французском договоре. Более того, он считал союз с Францией только оборонительным, а потому, с его точки зрения, Потсдамское соглашение с Александром I также не полностью утратило свою силу⁸⁹. 16 февраля, то есть на следующий день после ратификации договора с Францией, Фридрих-Вильгельм III обратился с письмом к своему русскому союзнику со словами: «Пусть злопыхательство или неведение клеветают на меня или меня не понимают. Я признаю только двух судей: Вас и мою совесть!»⁹⁰ Трудно сказать, какой из судей был более жесток, но в это время пруссаки часто твердили о чистоте своих намерений⁹¹. Впрочем, оговорки эти никого не обманывали и в сути своей ничего не меняли.

26 декабря 1805 г. Австрия подписала с Францией мирный договор в Пресбурге (совр. Братислава, Словакия). Извещая о нем на следующий день жителей Вены, Наполеон не забыл поблагодарить их за дисциплину и порядок в городе, который они поддерживали, «когда я гонялся за сомнительным счастьем военным»⁹². Габсбурги вышли из войны с крупными территориальными и политическими потерями, уплачивая 40 млн флоринов контрибуции. Третья коалиция распалась. Россия, формально прекратив войну, не возобновила мира и по-прежнему оставалась готовой к военным действиям. Франция и Россия продолжали воевать в Адриатике. В начале 1806 г., после тяжелого похода⁹³, эскадра Балтийского флота прибыла на Ионические острова. Она существенно укрепила русский гарнизон. Здесь было собрано 10 линейных кораблей, пять фрегатов и 24 судна меньшего размера — 8 тыс. моряков и 12 тыс. сухопутных войск (семь полков пехоты и албанский легион)⁹⁴. Войска разместились вполне комфортно, в весьма дружественном окружении⁹⁵.

Население островов (самым многочисленным был Корфу — около 70 тыс. жителей⁹⁶) к этому времени фактически признавало только русскую власть⁹⁷. Французы оставили о себе неприятную память⁹⁸. На острова бежали греки с континента и островов, в 1806 г. количество

беженцев достигло 6 тыс. человек⁹⁹. Никто не бедствовал. Свободная торговля и большие средства, которые тратились на содержание флота и армии на островах, значительно обогатили их население¹⁰⁰. Это сказалось на его поведении. «Корфу, — отмечал в своем дневнике офицер русской эскадры П. И. Панафидин, — представляет собой почти русский город: большая часть жителей понимает русский язык, а молодые порядочно уже говорят по-русски»¹⁰¹. По вечерам на центральной площади города собиралось лучшее общество города и русские офицеры. Общественное было таким же, как и в России¹⁰². Д. Н. Сенявин оказался в тяжелом положении — в начале 1806 г. он не имел ни информации об условиях Пресбургского мира, ни инструкций из Петербурга. Тем не менее адмирал угадал, что французы попытаются поставить под контроль Далматинское побережье, и решил не допустить этого¹⁰³.

Рагуза (совр. Дубровник, Хорватия) была занята русским десантом и черногорцами в феврале 1806 г., попытки французских войск и части сочувствующего им местного населения удержать город были быстро сломлены. Вскоре на его укреплениях развивались русские флаги¹⁰⁴. Переход власти к русским войскам произошел без столкновений с австрийскими гарнизонами. Узнав, что приходят русские, рагузцы почти повсеместно вооружились и выступили на стороне десанта, в районе Каттаро (совр. Котор, Черногория) под русский флаг таким образом перешли восемь крепостей. Местные жители очень радостно встречали наших солдат, матросов и офицеров¹⁰⁵.

Вскоре возникли неожиданные проблемы. Незадолго до этих событий Петербург вновь, как и накануне войны 1805 г., попытался найти мирное решение назревающего кризиса. Почти сразу же после Аустерлицкого сражения — 31 декабря 1805 г. (12 января 1806 г.) князь А. Б. Куракин направил императору письмо, призывая его немедленно приступить к разработке условий будущего мира с Францией¹⁰⁶.

В это время русское общество было едино в одном — презрении к своим бывшим австрийским союзникам, во всем остальном единения уже не было¹⁰⁷. В конце апреля 1806 г., в ответ на французские предложения достичь договоренности, в Париж был отправлен П. Я. Убри. Об этой миссии было в деталях проинформировано союзное английское правительство¹⁰⁸. П. Я. Убри был выбран как второстепенный на этот момент чиновник, хорошо знавший Францию и пользовавшийся доверием А. А. Чарторыйского. Переговоры в Париже шли сложно, и в конечном итоге, опасаясь, что они будут сорваны, П. Я. Убри пошел на уступки¹⁰⁹. 8 (20) июля 1806 г. он подписал мирный договор с Францией, предусматривавший серьезные уступки ей в Неаполе

и на Балканах¹¹⁰. П. Я. Убри явно нарушил данные ему перед отъездом инструкции, запрещавшие затрагивать вопрос о Корфу и признавать передачу Ганновера Пруссии, связывавшие признание императорского титула за Наполеоном с эвакуацией французами Далматинского побережья Адриатики, признание изменений на севере Германии — с уступками королям Сардинскому и Неаполитанскому и т. п.¹¹¹

Отправляясь домой, дипломат сказал: «Несу в Петербург повинную голову»¹¹². Условия договора сразу же были подвергнуты самой жесточайшей критике со стороны русских дипломатов. Находившийся с особой миссией в Лондоне граф П. А. Строганов предупредил императора о том, что принятие их не даст России нового верного союзника. При этом он не сомневался назвать эти условия предательством Черногории, называвшей себя «верноподданной императора»: «Вот чем мы оплачиваем за их постоянную готовность проливать за нас свою кровь по первому нашему знаку! Такова-то награда за их бескорыстную верность! Если черногорцев станут утеснять, чем можем мы помочь им при обещании, данном г. Убри, от Вашего имени, что Вы, Государь, не будете содержать на этих островах более четырех тысяч человек? Не постыдно ли соглашаться на такое смешливое условие? Содержать такой незначительный отряд равносильно вовсе не держать там войска»¹¹³. П. А. Строганов был убежден, что договор не принесет гарантии безопасности ни Австрии, ни Неаполю и Сардинии и будет способствовать ухудшению русско-английских отношений¹¹⁴.

Необходимость и выгодность такого рода уступок для России действительно были в высшей степени сомнительны. Наполеон ратифицировал договор уже через шесть часов после его подписания, однако Александр I отказался признать его¹¹⁵. До того как в Петербурге приняли решение, в Далмацию пришло сообщение о подписанном П. Я. Убри соглашении. Французы требовали от Д. Н. Сенявина выполнения его условий и сдачи крепостей. В Каттаро стоял стон, там никто не ожидал ничего хорошего от прихода армии Бонапарта. Местные жители обращались с петициями к адмиралу с просьбой разрешить переселение в Россию¹¹⁶. Александр I нашел проект соглашения «противным чести и обязанностям России в рассуждении союзников ее, безопасности государства и общему спокойствию Европы»¹¹⁷. Тем не менее он не сразу нашел выход из сложившегося положения. Поначалу Н. Д. Сенявин получил из Петербурга приказ оставить побережье¹¹⁸.

Главной задачей адмирала после прекращения военных действий в Неаполитанском королевстве было, согласно инструкции Александра I от 23 мая (4 июня) 1806 г., сохранение Ионической республи-

ки, а также Греции «от всякого неприятельского нападения»¹¹⁹. Под таким подразумевалась любая попытка французов расширить сферу своего влияния на Балканах. Фактически Н. Д. Сенявин выполнял это распоряжение, затягивая исполнение предыдущего, — он не торопился уходить из занятых крепостей¹²⁰. Но в мае того же года дивизия генерала Ж. Лористона, воспользовавшись поддержкой городских верхов и малочисленностью русского гарнизона, овладела Рагузой. В июне русские войска при помощи черногорских отрядов и флота разбили французов в поле и осадили город. Блокада не продлилась долго, в конце месяца ее пришлось снять и эвакуироваться¹²¹.

2 (14) августа А. Я. Будберг вынужден был сделать специальное разъяснение о том, что П. Я. Убри, отправленный в Париж для помощи военнопленным, превысил данные ему полномочия. Франции было сделано предложение вернуться к переговорам на основании первичной русской программы¹²². Война вновь стала неизбежностью, во всяком случае, с точки зрения Александра I¹²³. В августе 1806 г. Н. Д. Сенявин получил приказ императора продолжить военные действия¹²⁴. В это же время из Кронштадта вышла вспомогательная эскадра — пять линейных кораблей, фрегат и два шлюпа. Их приход помог Н. Д. Сенявину активизировать действия на побережье Адриатики. Совместно с ополчениями черногорцев и герцеговинцев адмирал овладел гаванью Каттаро и достаточно успешно действовал против французских войск, не допустив вплоть до конца 1806 г. их овладения значительной частью Далматинского побережья¹²⁵.

Россия готовилась к продолжению войны на более серьезном уровне. Настроение русского дворянства было однозначным. Наполеон виделся чудовищем, покрытым кровью невинных жертв, и император не мог быть лишен мужества, чтобы желать мира «с этим бесчестным корсиканцем»¹²⁶. Сам Александр I изложил свое видение ситуации в письме, отправленном 23 января (4 февраля) 1806 г. русскому послу в Лондоне: «...находиться в сильном оборонительном положении, имея армии, готовые идти на помощь соседей, если они будут атакованы Наполеоном, сохранять самые тесные связи с Англией, удерживать Австрию и Пруссию от излишней покорности Наполеону»¹²⁷. Единственной победой союзников на континенте был срыв планов французского вторжения в Англию. Лагерь в Булони, где готовился десант на Британские острова, был заброшен, транспортная флотилия, готовившаяся к перевозке армии, уже к 1807 г. пришла в полный упадок. Инспекция, проведенная по приказу Наполеона, выявила, что из 1200 судов выйти в море могут не более 300, а почти 900 транспортов использовать невозможно¹²⁸.

Четвертая коалиция (1806)

По окончании кампании новый министр иностранных дел России генерал от инфантерии барон А. Я. Будберг, при полной поддержке со стороны императора, начал активную подготовку к будущей войне¹. «В настоящее время, — отмечал 17 (28) января 1806 г. А. А. Чарторыйский, — судьба европейского материка в руках трех держав: России, Франции и Пруссии. От отношений между ними, от образа действий каждой из них, от умеренности, жадности, рвения или слабости, которые будут руководить видами и мерами каждой из них, зависит или порабощение второстепенных государств, или обеспечение за Европой, хотя бы на некоторое время, спокойствия и тишины, если не независимости и постоянного благоденствия»².

Периода стабильности не последовало. Присоединение Ганновера к Пруссии и закрытие портов Северной Германии для британских судов вызвало англо-прусскую войну. Уже 20 апреля 1806 г. Георг III объявил ее, королевский манифест заканчивался словами: «Никогда не отступлюсь от курфюршества»³. Россия, по мнению А. А. Чарторыйского, ставила единственную цель: она «не желает и не должна потерять место и роль среди европейских держав, доставленные ей целым веком славных трудов»⁴. Теперь эта цель оказалась под угрозой. Военные действия чрезвычайно болезненно отразились на русской балтийской торговле. Английский флот практически полностью закрыл подступы к прусским портам на Балтике и в Северном море. В кратчайший срок в британских гаванях и на море было арестовано и перехвачено более 400 прусских судов⁵.

К Англии присоединилась и Швеция. Пруссия оказалась изолированной, и вот теперь Наполеон использовал оговорки ее короля и задержку ратификации прусско-французского договора, чтобы поставить перед ней ультиматум относительно заключения нового договора о тесном союзе, уступок территории и безусловной аннексии Ганновера. По настоянию Парижа из состава правительства были удалены все наиболее патриотично настроенные министры⁶. Кажется, что Берлин, колебавшийся между Петербургом и стремящимся к гегемонии на континенте Парижем, сделал окончательный выбор⁷.

«Трудно поверить, — писал 12 (24) апреля 1806 г. А. А. Чарторыйский русскому послу в Берлине графу Г. О. Штакельбергу, — что король добровольно идет на эти постоянные унижения, и тем не менее характер приобретений, которые он закрепляет за собой, заставляет думать,

что он ослеплен их ценностью и, следуя по ложному пути в политике, полагает, что именно в тех выгодах, из-за которых он роняет себя в глазах Европы, он найдет благо своей монархии»⁸. Франко-прусское сближение оказалось недолговечным, надежды Берлина на достижение гегемонии в Германии с опорой на союз с Наполеоном быстро рассеялись. 12 июля 1806 г. в Париже был подписан договор о создании Рейнского союза¹. Это было политическое преобразование запада Германии по французскому проекту: значительная часть феодальных владений теряла независимость, оставшиеся укрупнялись, съезд покорных Наполеону рейнских князьков заявил об отказе признавать далее Священную Римскую империю германской нации. Ее император Франц II немедленно сложил с себя этот титул, став императором Австрии. Протектором союза стал Наполеон. Впечатление, произведенное этими действиями в Германии, было тяжелейшим. Попытки проявления любого недовольства жестоко пресекались. Нюрнбергский книготорговец, осмелившийся продавать брошюру «Германия в глубоком унижении своем», по личному приказу Наполеона был арестован, предан военному суду и расстрелян⁹. Если в немецких землях, куда Франция простерла свою власть, люди опасались демонстрировать свои чувства по отношению к этой стране и ее императору, то в Пруссии общество не скрывало негодования¹⁰.

Французские войска оставались на германских землях, занятых во время войны с Австрией и Россией, и не собирались их покидать. Их численность равнялась примерно 170 тыс. человек, это были самые боеспособные части французской армии¹¹. Такое соседство вызывало все большее беспокойство и даже раздражение в Берлине. В столице Пруссии открыто демонстрировались антифранцузские настроения, несколько раз толпа забрасывала камнями окна в доме Х. А. Гаугвица¹². В сложившейся ситуации Александр I счел необходимым вновь заверить Фридриха-Вильгельма III в своей дружбе. «Самый тесный союз между Пруссией и Россией, — писал император королю, — кажется мне более чем когда-либо необходимым, и это в то же время — самое дорогое желание моего сердца. В минуты опасности Ваше Величество должны помнить, что имеете во мне друга, готового лететь к Вам

¹ Конфедерация германских государств под протекторатом Наполеона I (1806–1813). Создание союза было оформлено Парижским договором (12 июля 1806 г.) о наступательном и оборонительном союзе между Францией и 16 государствами Западной и Южной Германии (Бавария, Вюртемберг, Баден, Гессен-Дармштадт, Клеве-Берг и др.). К 1811 г. в состав Союза вошли еще 20 государств Западной, Центральной и Северной Германии, в том числе Саксония и Вестфальское королевство. В случае войны члены Союза выделяли Франции 63 тыс. солдат. После поражения французов под Лейпцигом в 1813 г. Союз распался.

на помощь»¹³. Почти одновременно с образованием Рейнского союза — 19 июня и 12 июля 1806 г. были заключены секретные союзные декларации между Россией и Пруссией. Осенью 1806 г. сложилась Четвертая антифранцузская коалиция в составе Англии, Швеции, России и Пруссии. В отличие от предыдущей она не была оформлена соответствующими союзными договорами, а ее юридическую основу составил русско-пруссский союз.

30 августа (11 сентября) 1806 г. был издан манифест «О предстоящей войне с Францией»¹⁴. Вина за начало войны возлагалась на Францию. Основной задачей политики первых лет правления императора называлось сохранение мира и восстановление «общего спокойствия». «Несчастья, постигшие союзные оружия, — говорилось в манифесте, — приостановили действие сих намерений наших, но не переменили правил, на коих они утверждались. Французское правительство в начале настоящего года изъявило склонность к мирным сближениям; Мы повелели немедленно войти о сем с ним в изъяснение. Основанием сих изъяснений положено было достижение мира, с достоинством и безопасностью Нашей Империи, с пользами наших союзников и с общим Европы спокойствием сопряженного. Но, к сожалению Нашему, условия мирные с Францией, на мере положенные, не соответствовали ни достоинству Империи Нашей, ни пользам союзников наших. Мы отреклись дать условиям сим Наше утверждение. Но, чтоб означить в то же время непременимость наших начал среди разных происшествий, всегда к одной цели устремленных, Мы вместе с тем предложили способы и основания, на коих склонны Мы паки открыть с Французским правительством переговоры. Основания, нами предложенные, с одной стороны, столько умеренны, что отвергнуть их без явного угрожения общей безопасности невозможно, а с другой, они столько с пользами всех участвующих держав сообразны, что с приятием их общий мир паки и прочным образом в Европе может утвердиться. Таким образом, мир или продолжение войны будут последствием сей меры, Мы желаем мира, но если мир прочный и на взаимных пользах основанный не совершится, тогда уже, перейдя все степени мирных соглашений, Мы обязаны будем честью Российского имени, безопасностью нашего Отечества, святостью наших союзов, общим спасением Европы поступить к усилиям, какие по всем сим уважениям представляются Нам необходимыми»¹⁵.

Инициатором военных действий стала Пруссия, бесцеремонность французских действий в Германии и особенно на левом берегу Рейна привели к тому, что даже постоянно колебавшийся Берлин

предъявил 1 октября 1806 г. Наполеону неслыханной дерзости ультиматум, среди условий которого были очищение французами немецких земель, роспуск Рейнского союза, созыв конгресса для всеобщего мира и т. п. Ответ предлагали дать не позже 8 октября. К. Клаузевиц позже назвал прусскую мобилизацию и последовавшие за ней действия актом отчаяния¹⁶. «Можно было подумать, что лишь вчера произошло Росбахское сражение¹, — вспоминал Наполеон. — Ошибка подобного поведения берлинского кабинета была тем большей, что он был заинтересован в выигрыше времени. Если бы он потребовал у меня в более приличных выражениях эвакуации Германии к обоюдно установленному сроку, он был бы прав, а вся вина агрессии легла бы на меня. Напав на меня в тот момент, когда у меня были трения с русскими и австрийцами, пруссаки могли причинить мне много зла. Но то, что они собирались объявить мне войну одни и так некстати, было настолько необычайно, что я сразу этому не поверил. Тем не менее это было так, пришлось выступить в поход»¹⁷.

9 октября 1806 г. король подписал манифест об объявлении войны Франции, наполненный обвинениями в адрес коварной французской политики¹⁸. Причина войны была указана довольно искренно: «Из всех трактатов, заключенных Пруссией с Францией, она не получила никаких плодов, кроме унижения и потерь. Только одна выгода оставалась у Пруссии. Судьба Ганновера была в ее руках, и она должна была остаться в этих руках, если не должен был быть уничтоженным последний залог безопасности севера (Германии. — О. А.). Наполеон торжественно гарантировал такое положение дел. Он вел переговоры с Англией на почве обратного возвращения курфюршества. Король располагает к тому доказательствами. Этим поступком война была объявлена. Каждая мера, принятая Францией, возвещала о ней»¹⁹. Перечислив нарушения французами ранее заключенных договоров, король заявлял, что его цель — освободить Германию от ига, «под коим она изнемогает»²⁰.

Война началась в обстановке невиданного подъема германского национального духа²¹. Впрочем, она почти сразу же закончилась катастрофой. «Все непредубежденные люди, наблюдавшие за Пруссией до 1806 года и в этом году, — вспоминал К. Клаузевиц, — высказали о ней суждение, что она погибла из-за своих форм государственного устройства. Безмерное, с примесью тщеславия доверие к этим формам заставило упустить из виду, что они уже лишились своего духовного

¹ 5 ноября 1757 г. в битве под Росбахом 24-тысячная прусская армия под командованием Фридриха II Великого наголову разгромила 42-тысячную франко-австрийскую армию.

содержания. Было еще слышно, как стучит машина, и поэтому никто не спрашивал, исполняет ли она свою работу»²². Свой вклад в дело разгрома внесла и политика, которую вела Пруссия. «Поражения, которые она терпела в войну 1806 года, — отмечал Л. Л. Беннигсен, — были только следствием и дальнейшим развитием ее собственного образа действия»²³. За заигрывание с Наполеоном пришлось расплачиваться.

Берлин первоначально привел в военное состояние лишь те части армии, которые находились в западных районах королевства, неизбежным последствием чего стала путаница в первые дни войны²⁴. Полностью использовать свой военный потенциал так и не удалось. Имея по спискам приблизительно 200-тысячную армию (174 полевых батальона и две роты, 58 запасных батальонов, 255 эскадронов, 56 8-орудийных батарей), Пруссия могла выставить в поле около 150 тыс. человек. Этого было совершенно недостаточно для действий против Франции, и по логике собственных интересов Берлин должен был загодя обратиться за помощью к своему естественному союзнику — России, после чего выждать время до подхода русских войск. Однако этого сделано не было²⁵. Пруссаки были уверены в своей победе. Берлин вручил королю на военные нужды 1 млн талеров, в столице несколько тысяч добровольцев вступили в ряды армии²⁶. Прусские офицеры, проходя через Веймар, давали обещание «покончить разом с санкулотами». И только командующий — старый герцог Брауншвейгский со скепсисом смотрел в будущее²⁷.

Трезвый взгляд герцога был исключением. После Аустерлица его подчиненные считали только себя способными противостоять Наполеону²⁸. В прусской армии этого времени вообще насаждалась своего рода лихость, которая считалась неременным атрибутом военного²⁹. Эти настроения затронули практически всех. В письмах к Александру I король уже предлагал обсудить планы передела завоеванных территорий³⁰. К Пруссии присоединилась и Саксония. Ее войска были организованы по прусскому образцу, но практически не обучены — две трети пехотинцев никогда не стреляли боевыми патронами³¹. 27 сентября (9 октября) император подчинил Фридриху-Вильгельму III командующего русским корпусом генерала Л. Л. Беннигсена, который должен был войти в Пруссию для оказания помощи³².

Вскоре выяснилось, что Берлин переоценил свои силы и недооценил возможности противника. Наполеон предвидел неизбежность возобновления военных действий и не торопился эвакуировать занятые в 1805 г. германские территории, что дало ему возможность быстро сосредоточить значительные силы во Франконии и самому перейти

в наступление. Прусское командование было чрезвычайно запутано, армия разделена на самостоятельные группировки. Присутствие при главной из них короля и активное вмешательство в командование его окружения сделало чрезвычайно сложным исполнение далеко не блестящего плана³³. 14 октября 1806 г. при Йене и Ауэрштедте прусские армии принца Гогенлоэ и герцога Брауншвейгского были наголову разбиты. «Тело без души» — так назвал прусскую армию 1806 г. ее победитель³⁴.

За 22 года до этого, еще во время безусловного авторитета прусской военной машины, генерал Г. Ллойд дал ей следующую провидческую оценку: «Прусская армия представляет сброд иностранцев всех национальностей, самых разных нравов, религий, обычаев и характеров; их связывают в одно целое только железные узы зверской дисциплины. Эти суровость и внимание, вечно обращенное на строгое соблюдение установленного порядка, обращают армию в большую, регулярно работающую машину, поддерживаемую и одухотворенную могучим гением (имеется в виду Фридрих II. — О. А.), создавшим ее. В таких условиях прусская армия должна учитываться как одна из наиболее грозных в Европе, но если только на одно мгновение будет ослаблена пружина, которая приводит ее в действие, и все ее разнородные части отделятся друг от друга, то машина обратится в развалину, после нее останется лишь воспоминание о ее коротком и славном существовании»³⁵.

Даже в 1805 г. четверть высших кавалерийских командиров и треть всех офицеров пехоты в звании подполковника и выше не были пруссаками, из 57 высших офицеров легкой пехоты 28 не были пруссаками, а 10 не были даже немцами. Количество иностранцев в армии к началу XIX в. существенно сократилось, и тем не менее они составляли 36% всех военнослужащих Пруссии³⁶. «В прусских армиях, — писал современник, — имеют силу наследственного преимущества: простой солдат почитается токмо частицею машины; нравственное образование и познания его ни к чему не полезные и не ведут его также ни к чему. Как машина стоит в ружье, как с машиною с ним и поступают»³⁷. Преимущества подобного механизма имели и отрицательные стороны — он оказался весьма нестойким.

Предвоенные настроения Берлина на короткий период передалась Петербургу. 5 (17) октября, еще не зная о том, что произошло с прусской армией, А. Я. Будберг предписывал русскому послу в Вене максимально способствовать преодолению прусско-австрийского соперничества, которое не должно было стать препятствием к справедливому устройству мира после победы над Наполеоном³⁸. Тем временем

поражение Пруссии привело к полному развалу ее вооруженной силы. Предвидение Г. Ллойда полностью подтвердилось после сражений 14 октября 1806 г. Потери пруссаков составили приблизительно 45 тыс. человек и 315 орудий, в результате 100-тысячная армия как организованная сила Пруссии перестала существовать в один день. Узнав об этом 21 октября (5 ноября), Александр I немедленно подтвердил перед королем Прусским все свои обязательства по заключенным ранее договорам³⁹.

Русские войска выступили в поход, но было уже поздно. Вслед за поражениями прусской армии произошло крушение и самого королевства, которое в течение трех недель было завоевано французами. Прусская армия находилась в ужасном состоянии. К поражению добавилось отсутствие верховного командования: герцог Брауншвейгский был смертельно ранен, принц Гогенлоэ ранен и вскоре пленен, королевский двор бежал, управление перепуталось, наступил хаос⁴⁰. «Прусско-саксонская армия, — отмечал германский историк, — фактически моментально перестала быть орудием, годным в руках своих начальников для ведения войны. Правда, были батальоны, даже полки, совершенно годные к употреблению, но часть этих тактических соединений, равно как и все высшие, начиная с бригад, распались. Командный механизм совершенно расстроился»⁴¹.

Единицы из прусской армии смогли добраться до Одера и перейти через него. Сразу после поражения жители столицы были извещены военным губернатором: «Король проиграл сражение. Спокойствие является первой гражданской обязанностью. Я требую этого от всех жителей Берлина. Король и его братья живы»⁴². С 3 октября по 20 ноября без боя французам сдались восемь крепостей: Эрфурт, Шпандау, Штеттин, Кюстрин, Магдебург, Гамельн, Ниенбург, Глогау. Их гарнизоны — 58 200 человек — отправились в плен, артиллерия и многочисленные запасы боеприпасов и продовольствия стали трофеями Наполеона⁴³. Штеттин, имея на валах 100 орудий и 5-тысячный гарнизон, сдался гусарской бригаде⁴⁴. В строю под знаменами у пруссаков осталось около 21 тыс. человек⁴⁵. 24 октября Наполеон въехал в Потсдам, где осмотрел дворец Фридриха II. На следующий день он принял делегацию Берлина с ключами от прусской столицы⁴⁶. Французы уже были в Берлине. 27 октября состоялся торжественный въезд императора французов в прусскую столицу⁴⁷.

Колебания Пруссии дорого обошлись ей. Фридрих-Вильгельм III, бежавший в Восточную Пруссию, был потрясен масштабом своего молниеносного поражения. Уже 21 октября он обратился к Наполеону с просьбой о мире. Тот первоначально выставил условием уплату

контрибуции в 100 млн франков, уступку земель между Эльбой и Рейном и отказ Пруссии от вмешательства в германские дела. 30 октября представители короля согласились с этими предложениями, но Наполеон решил продолжить военные действия⁴⁸. Незадолго до своего согласия на капитуляцию Фридрих-Вильгельм III озабочился войти в очередное соглашение с Александром I. 16 (28) октября 1806 г. в Гродно была подписана русско-прусская военная конвенция, определявшая порядок вступления русских войск на территорию королевства⁴⁹. Впрочем, их приход не мог существенно повлиять на положение прусской армии, фактически оказывать помощь было уже некому, были лишь те, кого следовало спасать. Наполеон, не ожидавший, что Россия так быстро восстановит свои силы, в раздражении сказал: «Если русские будут побиты, то не будет больше короля Прусского».⁵⁰ Очевидно, Фридрих-Вильгельм III не верил в победу коалиции и боялся того же, о чем говорил его противник.

7 ноября в письме к императору французов прусский король рассыпался в любезностях перед победителем: «Желая неотлагательно явить доказательством доверия к Вам искренность моих чувств, я, не ожидая даже подписания мирных условий, остановил движение русских войск. Душевно желаю, чтобы вы были приняты в моем дворце как можно лучше, к чему принял я все зависящие от меня меры. Позвольте мне, с моей стороны, поручить великодушию Вашего Императорского Величества мою столицу и Бранденбург. Скучно одаренная природой эта область есть как бы создание моего бессмертного деда. Благоволите, Государь, считать ее памятником, им воздвигнутым самому себе: сходство между Вами и сим великим мужем, конечно, побудит Вас пощадить его творение. Осмеливаюсь также просить Вас об исключении из тяжких жертв, от меня требуемых, Гальберштадтской области и земель, принадлежащих к герцогству Магдебургскому. Исполнение этой просьбы почту драгоценным знаком Вашего ко мне благорасположения»⁵¹.

«Пруссия, — писал своему королю его представитель в Петербурге, — как и следовало ожидать, кончила тем, что оказалась полностью поработанной. Если кто думает, что возможно повиноваться лишь наполовину, тот плохо понимает Бонапарте и его замыслы...»⁵² Император французов отказался проявить «благорасположение» к разгромленному королю, от Пруссии требовались уже и союзные обязательства на случай вступления русских войск на территорию Молдавии⁵³. В качестве условий перемирия предлагалось отступление остатков прусской армии за Нижнюю Вислу, в Кёнигсберг, сдачу всех важнейших крепостей,

в которых еще оставались прусские гарнизоны, отказ от ввода на территорию Пруссии войск третьего государства. Королевство в это время уже обложили военной контрибуцией. Еще 15 октября последовал указ Наполеона о взыскании 100 млн франков с Пруссии, 25 млн с Саксонии, 9 млн с Ганновера. Всего союзники и подданные Фридриха-Вильгельма III должны были заплатить 159 млн франков. Король не отличался сильным характером, но тем не менее он не принял перемирия⁵⁴.

Разгром продолжился, и вскоре Фридрих-Вильгельм III утратил контроль над большей частью своего государства. Исключением стали несколько пограничных крепостей в Восточной Пруссии, в одной из них — Мемеле (совр. Клайпеда, Литва) в январе 1807 г. укрылся прусский королевский двор⁵⁵. Все надежды король и его окружение возлагали теперь на помощь Александра I⁵⁶. По просьбе Фридриха-Вильгельма III 14 (26) декабря 1806 г. казна государства на время войны была перевезена в Россию⁵⁷. Победоносная трехнедельная кампания Наполеона, решенная в самом своем начале за один день, теперь затягивалась. Именно это в какой-то момент надеялся использовать Александр I. 12 (24) ноября 1806 г. он обратился к Францу I с призывом разработать совместный план действий против французской армии. В Вену с соответствующими предложениями был отправлен полковник К. О. Поццо ди Борго⁵⁸. Петербург предупреждал о возможных последствиях случившегося в Польше, нежелательных для обеих империй, и об опасности австрийской политики, направленной на соблюдение нейтралитета. 170-тысячная русская армия должна была связать французские силы, и австрийцам предоставлялась неплохая возможность обрушиться на тыл своих вчерашних противников в Германии⁵⁹. Вена не сочла возможным выступить.

Формирование системы континентальной блокады

26 октября 1806 г. Наполеон вошел в Берлин и расположился в резиденции прусских королей. В Париж были отправлены 345 прусских знамен, шарф, шпага и орден Черного Орла Фридриха II¹. 21 ноября «гость короля» подписал в его дворце в Берлине декрет о «блокаде Британских островов»: «Настоящий декрет будет считаться основным принципом Империи, пока Англия не признает, что законы войны одни и те же как на суше,

так и на море, что военные действия не могут быть направлены ни против частного имущества какого бы то ни было рода, ни против личности людей, не имеющих воинского звания, и что применение права блокады должно быть ограничено только укрепленными местами, действительно обложенными достаточными силами»². Предлогом для берлинского декрета стал королевский указ от 16 мая 1806 г., вводивший блокаду берегов континента от Бреста до Эльбы. Утверждая, что право блокады применяется только к военным, а не коммерческим портам, император вводил новые правила³. По ним торговые и прочие связи с Великобританией запрещались, любой англичанин, обнаруженный на контролируемой Францией территории, объявлялся военнопленным, товары, принадлежащие британским подданным, подлежали конфискации. Ни одно судно, следующее из Соединенного королевства или его колоний, либо заходившее в их порты, не допускалось во французские или союзные Франции порты под угрозой конфискации груза и судна. Запрещались пересылка писем в Англию и даже корреспонденция на английском языке⁴.

Наполеон продолжал традицию, заложенную еще Директорией, издавшей 10 брюмера 5 года Республики (31 октября 1796 г.) закон, запрещавший ввоз во Францию каких бы то ни было британских мануфактурных товаров, причем все лица, владевшие ими, должны были заявить о них в течение трех дней для немедленного складирования и обратного вывоза из страны⁵. В 1807 г. к «континентальной блокаде» присоединились Италия, Испания, Нидерланды, после Тильзита — Россия и Пруссия, в 1809 г. — Австрия. В ответ на этот акт Лондон ответил королевскими приказами от 7 января и 11 ноября 1807 г., по которым нейтральным государствам запрещалось вести морскую торговлю с враждебными Англии странами и обязывавшими эти суда заходить в британские порты для уплаты налогов, пошлин и проверки места назначения груза. «Все порты и укрепленные места Франции и ее союзников или другого государства, ведущего войну с Его Величеством, и все прочие порты и укрепленные места Европы, хотя бы и не ведущие войны с Его Величеством, но в которые британский флот не допускается, и все порты колоний неприятелей Его Величества будут отныне подвергнуты тем же самым ограничениям относительно торговли и мореплавания, как будто бы они были действительно блокированы самым строгим и жестоким образом»⁶.

23 ноября и 17 декабря 1807 г. Наполеон подписал Миланские декреты, по которым всякий корабль, подчинившийся распоряжениям правительства Англии, приравнивался к вражеским и подлежал захвату.

Блокада распространялась не только на товары и суда, принадлежащие англичанам, но и на товары английского происхождения, кому бы они ни принадлежали на момент задержания груза. Этого показалось мало, и 5 августа 1810 г. император французов подписал Трианонский тариф, значительно повысивший пошлины на все колониальные товары (кофе, сахар, хлопок и т. п.) и к тому же имевший силу обратного действия. Наполеон надеялся изгнать из Европы дороговизной потребность в английских товарах и перевозках. Эти меры были усилены декретом от 18 октября 1810 г., по которому все британские товары, обнаруженные на твердой земле, подлежали сожжению⁷.

Несмотря на все эти жесткие действия, Франции так и не удалось нанести смертельный удар по экономике своего островного противника. Контролируя морские перевозки, Лондон сумел выйти из кризиса, прибегая к контрабанде в Европе и увеличивая вывоз в Латинскую Америку. В результате рост британского экспорта оставался достаточно стабильным: 21,7 млн фунтов в 1794–1796 гг., 37,5 млн фунтов в 1804–1806 гг. и 44,4 млн фунтов в 1814–1816 гг. Производство железа, достигшее 68 000 т в 1788 г., выросло до 244 000 т в 1806 г. и до 325 000 т в 1811 г. Налоги и таможенные сборы, составившие 13,5 млн фунтов в 1793 г., поднялись до 44,8 млн фунтов в 1815 г.⁸ Экономическая война Наполеона была неудачной, но его армиям еще сопутствовал успех.

Четвертая коалиция (1807)

На этот раз война с Францией приобретала гораздо более жесткий характер. Весьма примечательно, что манифест «О начатии войны с французами» был объявлен только 16 (28) ноября 1806 г.¹ «Объявляем верным Нашим подданным, — говорилось в нем, — манифестом Нашим, в 30-й день августа изданным, возвестили Мы положение дел наших с Французским правительством. В сем неприязненном положении Пруссия была еще преградою между нами и французами, в разных частях Германии преобладавшими. Но вскоре огонь войны разгорелся и в пределах Пруссии. После разных неудач и важных с ее стороны уроков ныне собственные наши пограничные владения им угрожаются. Россиянам, обыхшим любить славу своего Отечества и всем ему жертвовать,

нет нужды изъяснять, сколь происшествия сии делают настоящую войну необходимою. Меч, извлеченный честью на защиту наших союзников, колико с большею справедливостью должен обратиться в оборону собственной нашей безопасности. Прежде нежели сии происшествия могли приблизиться к нашим пределам, мы заранее приняли все меры встретить их в готовности. Повелев заблаговременно армии нашей двинуться за границу, мы поручили ныне нашему генерал-фельдмаршалу графу Каменскому, предводительствуя оною, действовать против неприятеля всеми вверенными ему силами»².

В обращении Святейшего синода Наполеон был назван врагом христианства вообще и православия в частности, бесчеловечным злодеем и т. п.³ 28 ноября (10 декабря) 1806 г. по распоряжению Александра I все французские подданные, проживавшие в России (собственно французы, жители земель левого берега Рейна, Генуи, «так называемых» королевств Итальянского и Неаполитанского), должны были или покинуть страну в течение десяти дней, или дать присягу в том, что они не имеют никаких связей с Францией и контролируемые ей государствами, или принять русское подданство. Исключение делалось только для офицеров бывшей французской королевской армии или «известных лиц», которые должны были подать местным властям по месту проживания прошение о предоставлении вида на жительство, который предоставлялся губернаторами. Русским купцам запрещалась торговля со странами, входящими во Французскую империю⁴. В тот же день последовало распоряжение об отправке французских пленных в отдаленные губернии: рядовых — в Вятскую и Пермскую, офицеров — в Симбирск⁵.

Военные действия в Восточной Пруссии и прусской Польше продолжали русские войска, вновь, как и в 1805 г., не успевшие подойти на театр военных действий до разгрома основных сил своего союзника. Положение французов было далеко от идеального. Наполеоновская армия была не слишком велика — около 162 тыс. человек, примерно 15 тыс. находилось в госпиталях на севере Германии, где города и дороги очень слабо контролировались⁶. Во всей русской действующей армии предполагалось иметь 159 902 человека с 624 орудиями под командованием генерал-фельдмаршала М. Ф. Каменского, но в ноябре 1806 г. на Висле находилось около 70 тыс. русских войск при 276 орудиях под командованием генерала Л. Л. Беннигсена. В тылу у него находились еще два корпуса — 55 тыс. человек с 216 орудиями и 37 тыс. человек со 132 орудиями⁷.

Фельдмаршал был популярен в войсках. «Этот выбор, — вспоминал его преемник, — был сделан по желанию и почти единодушному

указанию всего общества и народа»⁸. Приезда М. Ф. Каменского ждали с нетерпением. Он имел репутацию настоящего волевого военного лидера, что было особенно важно для армии, в которой значительную часть составляли молодые офицеры и необстрелянные солдаты⁹. Войска понесли значительные потери в 1805 г., после чего в связи с формированием новых полков старые выделили для них кадры, что еще более ослабило ряды ветеранов. Новобранцы не успели еще пройти достаточного обучения и слиться с реалиями армейской жизни. Молодые солдаты не были готовы ни к длинным переходам, ни к боям. В результате части теряли массу солдат отставшими¹⁰.

Положение было очень тяжелым. Приближались французы, русская армия была рассредоточена, собственных запасов снабжения не имелось, пруссаки даже в условиях приближения противника не топились открыть для союзника свои магазины, состояние путей сообщения исключало возможность обеспечения войск должным образом¹¹. Осень 1806 г. была очень дождливой, дороги превратились в непролазное месиво. Даже пехотинцу движение давалось с большим трудом, что касается обозов и артиллерии, то они попросту тонули в грязи. И русским, и французам приходилось даже бросать орудия и фуры¹². Снабжение продовольствием было столь скверным, что даже штаб командующего страдал от недостатка хлеба. В голодающих частях, слабо связанных дисциплиной, началось мародерство¹³. Армия слабела.

Тем временем французы начали использовать еще один мощный и опасный фактор. Войдя в Позен (совр. Познань, Польша), маршал Л. Даву издал прокламацию от имени Наполеона, призывая поляков к восстанию. 19 ноября император французозв принял польскую делегацию в Берлине и заявил о необходимости быть готовым к жертвам во имя восстановления Отечества. Зримая демонстрация мощи Франции в королевском дворце настраивала на подъем, а то, что речь Наполеона не была опубликована ни одним из официальных органов печати, освобождала его от каких-либо обязательств¹⁴. Это отнюдь не означало, что он не воспользовался сумбуром, царившим в русском командовании. 1 декабря Наполеон захватил Варшаву и ее пригород Прагу, а следовательно и переправы через Вислу. По его плану три французских корпуса должны были окружить и уничтожить передовые части русской армии¹⁵. Пруссаки при отходе сожгли мост через Вислу, но французы установили наплавной мост уже 5 декабря. Прага активно укреплялась, мост был наведен и в Торне¹⁶.

Варшава встретила солдат Наполеона как освободителей. На улицах стояли столы, за которыми пили и ели французы и поляки.

Бывшая столица Польши лихорадочно готовилась к приезду победителя — строились арки, заготавливались венки, но чествование было сорвано. Наполеон приехал ранним утром 19 декабря и сразу же занялся делами¹⁷. Тем временем М. Ф. Каменский по пути движения к своим подчиненным слал письма императору, умоляя его освободить от командования. Выхав 16 (28) ноября из Петербурга, он уже через десять дней просил Александра I из Вильно об отставке по причине слабости зрения, невозможности самостоятельно читать карты и ездить верхом¹⁸. Жалобы фельдмаршала были бесконечны. «Стар я для армии, ничего не вижу, ездить верхом почти не могу, — писал он 7 (19) декабря, — но не от лени, как другие; мест на ландкартах отыскивать совсем не могу, а земли не знаю... дерзаю испрашивать себе перемены. Подписываю не знаю что»¹⁹.

Это, правда, не помешало старому командующему, отличавшемуся тяжелым и вспыльчивым характером²⁰, за несколько дней проявить энергию, достаточную для того, чтобы привести в почти полный хаос управление армией. М. Ф. Каменский вмешивался в управление полками через головы командиров дивизий, отдавал приказания, противоречившие одно другому. Он то планировал вторжение в Силезию, то приказывал отступить к русским границам, бросая в случае необходимости артиллерию и обозы. К счастью для армии, в ночь с 13 (25) на 14 (26) декабря, сославшись на слабое здоровье, не позволявшее ему ездить верхом, он отказался от командования и сдал его Л. Л. Беннигсену²¹. Состоявший при командующем К. В. Нессельроде не без оснований назвал его «ветераном с придуриью»²². Как отмечал будущий министр иностранных дел России, ожидания императора были «уничтожены в несколько дней начальствованием гр[афа] Каменского через непостижимые его поступки»²³.

23 декабря 1806 г. (4 января 1807 г.) Л. Л. Беннигсен сообщал генералу А. М. Римскому-Корсакову в частном письме: «Мне столь же трудно описать, как и Вашему Превосходительству понять тот беспорядок, который всюду распространил фельдмаршал. Армия настолько дезорганизована, что теперь очень трудно этому помочь. Поведение фельдмаршала вообще непонятно, а особенно для того, кто думал найти в нем столько же силы, сколько таланта. Он доказал, что не обладает ни тем, ни другим»²⁴. Фельдмаршал отправился в свое имение, где вскоре погиб. Он приказал высечь двух отправленных им на учебу в Лейпцигский университет крепостных — учителей музыки. В отместку они проникли ночью в его спальню и зарубили спящего топорами²⁵. С прекращением двоевластия в армии, по словам одного из русских

исследователей этой войны, закончился «период полного безначалия и неимоверного хаоса в наших операциях»²⁶.

11 декабря 1806 г. Наполеон заключил мир с Саксонией. Курфюршество становилось королевством и членом Рейнского союза. Оно теряло ряд территорий, которые Париж обещал компенсировать после заключения мира с Пруссией за счет последней. Французские войска выводились с территории Саксонии, военный налог в 25 млн франков отменялся. Король обязался выставить вспомогательный 20-тысячный корпус в распоряжение императора французов²⁷. Накануне столкновения с русской армией Наполеон стремился выставить в поле все, что возможно. Тем не менее осуществить окружение на правом берегу Вислы так и не удалось. План Наполеона был сорван 14 (26) декабря 1806 г. под Пултуском (недалеко от Варшавы), где один из наступавших наполеоновских корпусов (20 тыс. человек при 120 орудиях) натолкнулся на войска Л. Л. Беннигсена (насчитывавшие тогда 45 тыс. человек при 200 орудиях) и был отброшен после тяжелого боя, продолжавшегося с 11 утра до 8 часов вечера. Потери французов составили, по русским данным, от 7 до 10 тыс. человек, русских — 3,5 тыс. человек²⁸.

Неразбериха в командовании, которую внес прибывший на несколько дней в армию М. Ф. Каменский, помогла французам отойти на соединение с главными силами, избежав катастрофы²⁹. Командующие русскими дивизиями получали совершенно противоречивые указания³⁰. В этих условиях Л. Л. Беннигсен не мог отдать приказ о преследовании собственными силами, так как опасался того, что свежие французские корпуса вступят в дело и превратят его успех в поражение³¹. Впрочем, генерал поставил в тяжелое положение и собственные войска. Не сумев решить проблему снабжения, он обрек солдат на голод и вынужденное мародерство. Александр I, узнав об этом, приказал навести порядок самыми жестокими мерами, вплоть до расстрелов³². Весьма тяжело пришлось и французам, Польша просто не в состоянии была обеспечить их продовольствием, даже привычным хлебом³³.

В это же время, 5 декабря 1806 г., А. А. Чарторыйский подал Александру I записку о восстановлении Польши, в которой предлагал упредить в этом деле Бонапарта. Он считал необходимым объявить воссоздание королевства с наследственным владением его трон императором всероссийским. «Величайшие преимущества этого столь же великодушного, как и политичного шага неизмеримы, — писал князь. — Он возбудит всеобщий энтузиазм в польских сердцах, всегда мечтавших об этом моменте, соревнование в любви и благодарности объединит все желания и все силы вокруг польского трона, и это со-

вершенно изменит положение наше, а тем самым и положение наших врагов»³⁴. Перспектива была столь радужной, что император предпочел не верить в нее. Поляки уже встретили французов как освободителей³⁵. Наполеон при этом воздерживался от обещаний. «С поляками, — иронично заметил французский историк, — он говорил благосклонно, но загадками»³⁶. Этого оказалось достаточно.

3 (15) января русские войска соединились, что увеличило количество войск, находившихся в распоряжении Л. Л. Беннигсена, до 75 тыс. человек против 140–150 тыс. французов за Вислой³⁷. 15 (27) января Наполеон начал движение против русского флангового корпуса, надеясь уничтожить его, а затем отрезать армию от Кёнисберга и России и прижать ее к Фришгафу (совр. Куршский залив). 19 (31) января этот план стал известен русскому командованию, когда кавалерия перехватила секретные письма с инструкциями Наполеона к маршалу Ж. Бернадоту. Первые же действия генерала П. И. Багратиона, верно оценившего обстановку, сорвали возможность выполнения плана противника³⁸. В конечном итоге Л. Л. Беннигсену все же удалось нанести серьезный удар по Наполеону и сорвать его план отсечения русской армии от Кёнисберга и России и уничтожения ее по частям.

26–27 января (7–8 февраля) 1807 г. произошло сражение под Прейсиш-Эйлау (совр. Багратиновск Калининградской области), где 70 тыс. русских и 8 тыс. прусских солдат при 400 орудиях отбили все атаки французов со значительными для нападающих потерями. Наполеон, имевший в строю 80 тыс. человек при 450 орудиях, потерял около 25 тыс. человек, союзники — 8 тыс. убитыми и 18 тыс. ранеными³⁹. Атаковавший французский корпус П. Ожеро попал под исключительно интенсивный огонь русской артиллерии. «В минуту, — вспоминал участник боя, — наши две дивизии были искромсаны этим железным дождем»⁴⁰. Апофеозом стал 30-минутный штыковой бой, когда с двух сторон холодным оружием сражалось около 20 тыс. человек. В ходе этого боя был разгромлен корпус П. Ожеро⁴¹ (в строю осталось не более 3 тыс. человек из 15 тыс., причем остатками соединения командовал полковник, все остальные были убиты или ранены⁴²). Вслед за этим русской пехоте пришлось отражать тяжелый удар кавалерии противника, которую вел в бой И. Мюрат. Французы прорвались через две русские линии, но были остановлены на третьей, после чего последовал мощнейший контрудар русской конницы⁴³.

Л. Л. Беннигсен действовал так же, как и его противники, — держал крупные резервы и бросал на колонны неприятеля собственные колонны. Прорвать русскую линию противник не смог⁴⁴. Встречный

бой приобрел исключительно упорный и кровопролитный характер. Приход свежего русского корпуса позволил создать перелом на решающем участке сражения, у так называемой Березовой рощи⁴⁵. В решающий момент в распоряжении Наполеона остался единственный резерв — его гвардия, которую он так и не бросил в бой⁴⁶. 27 января (8 февраля) Л. Л. Беннигсен заявил: «Я отбросил его на всех пунктах и разбил совершенно»⁴⁷.

Тем не менее в ночь после сражения русский командующий приказал отступить. Генералы его штаба советовали наступать на следующий день, но командующий решил действовать иначе⁴⁸. Для принятия решения об отходе большое значение сыграл тот факт, что ожидался подход корпуса маршала Ж. Бернадота, который существенно усилил бы французскую армию⁴⁹. И все же после такой битвы отдать приказ отступить было непросто, спор Л. Л. Беннигсена и его помощника Б. Ф. Кнорринга чуть было не закончился дуэлью на шпагах⁵⁰. Для войск отступление было тем более неожиданным⁵¹.

«Всякий опытный военный человек, — вспоминал Л. Л. Беннигсен, — может беспристрастно судить о том, что предписывало мне делать в этом случае благоразумие. Следовало ли мне оставаться на позиции при Прейсиш-Эйлау и на другой день снова отважиться на третье сражение (ибо уже два дня дрались на этой позиции) или же принять другое, более благоразумное решение. Не лучше ли было, отразив неприятеля на всех пунктах его нападения, оставить его, после значительных потерь, им понесенных, в снегах Прейсиш-Эйлау и его окрестностях, где он был лишен всех средств, необходимых для своего существования и продовольствия, для лечения и ухода за ранеными, для исправления артиллерии и т. д., а самому приблизиться к Кёнигсбергу, где я находил все необходимое для приведения в порядок моей армии, для вполне удовлетворительного пользования раненых, для ремонта нашей артиллерии, для пополнения снарядов и патронов и т. д. Кроме того, под Кёнигсбергом имелась позиция, которая хорошо прикрывала оба фланга; ее можно было усилить некоторыми полевыми сооружениями, которые я и приказал сделать»⁵².

Отход начался приблизительно в 23 часа, его условия были тяжелейшими. Войска были крайне утомлены сражением, об ожесточении которого можно судить по малому количеству пленных — всего 700 русских и 1000 французов⁵³. Часть трофейных орудий пришлось бросить, уставшие лошади не в состоянии были тащить их по снегу⁵⁴. Французы не преследовали отступавших. По-прежнему не решенная проблема снабжения войск привела к тому, что отход в очередной раз

сопровождался грабежами мародеров⁵⁵. Битва закончилась с ничейным результатом, и обе стороны заявили о своей победе. В донесении императору Л. Л. Беннигсен скромно сообщил: «Неприятель совершенно разбит»⁵⁶. Уже Пултуск сделал Л. Л. Беннигсена знаменитым в столице. В нем увидели человека, способного противостоять Наполеону⁵⁷. Теперь эти чувства переросли в убежденность. Александр I был в восторге, 8 (20) февраля последовал высочайший рескрипт. Армия получила треть жалования, командующий — орден Св. Андрея Первозванного и ежегодный пенсион в 12 тыс. рублей⁵⁸.

5 (17) февраля французы также начали отходить с поля боя. Их преследовала русская кавалерия. Отступление «победившей» армии было чрезвычайно тяжелым⁵⁹. Настроение ее солдат и офицеров было таким же⁶⁰. Голодная армия начала роптать⁶¹. «Находясь в авангарде, — вспоминал Д. В. Давыдов, — я был свидетелем кровавых следов ее от Эйлау до Гутштадта. Весь путь был усеян ее обломками. Не было пустого места. Везде встречали мы сотни лошадей, умирающих или заваливших трупами своими путь, по коему мы следовали, и лазаретные фуры, полные умершими или умирающими и искаженными в Эйлауском сражении солдатами и чиновниками. Торопливость в отступлении до того достигла, что кроме страдальцев, оставленных в повозках, мы находили многих из них выброшенными на снег, без покрова и одежды, истекающими кровью. Таких было на каждой версте не один, не два, но десятки и сотни. Сверх того, все деревни, находившиеся на нашем пути, завалены были больными и ранеными, без врачей, пищи и без малейшего призора. В сем преследовании казаки наши захватили множество усталых, много мародеров и восемь орудий, завязших в снегу и без упряжек»⁶⁵.

Положение Наполеона было чрезвычайно сложным, и он предложил прусскому королю заключить сепаратный мир на условиях невозстановления Польши и возвращения его владений. В Мемеле сочли за лучшее не доверять этим словам. Они ни к чему не обязывали Францию, но могли лишить то, что осталось от Пруссии, единственного союзника⁶³. Зимой 1807 г. армия приступила к малой партизанской войне, успеху которой способствовала поддержка со стороны немецкого населения⁶⁴. Действия русской легкой кавалерии на коммуникациях противника сразу же после Прейсиш-Эйлау стали более активными⁶⁵. «Армия наша в духе, — писал в апреле 1807 г. Н. Н. Раевский, — и, если хорошо поведут, я уверен, что будем победителями»⁶⁶. Особенно активными и успешными были казачьи полки⁶⁷. Их легкие неприхотливые кони оказались лучше приспособленными к зимней бескормице

Польши. По мере слабения французской кавалерии казаки все увереннее чувствовали себя в тылах противника⁶⁸. Жаль, что при этом и собственные тылы по-прежнему были устроены безобразно, реквизиции и грабежи все больше раздражали население Пруссии⁶⁹.

Единственным дипломатическим достижением коалиции стала русско-прусская союзная конвенция. Л. Л. Беннигсен опасался того, что прусско-французские контакты могут привести к заключению сепаратного мира, и 9 (21) марта отправил письмо Александру I, в котором настоятельно советовал императору прибыть в армию и попытаться вывести Австрию из состояния нейтралитета⁷⁰. Для поддержки своего союзника 16 (28) марта 1807 г. Александр I отправился из Санкт-Петербурга в армию. Вслед за ним выступила гвардия. 24 марта (5 апреля) император встретился с королем Прусским в Мемеле, через три дня союзные монархи провели смотр прибывшей русской гвардии. После ряда встреч и смотров, убедивших Фридриха-Вильгельма III в силе русской армии, 14 (26) апреля в небольшом городке Бертенштейне и была заключена конвенция между Пруссией и Россией⁷¹. Союзники декларировали свою решимость довести войну до победного конца и не заключать сепаратного мира.

Определялась и цель войны: «Предоставить человечеству блага всеобщего и прочного мира, устроенного на основании порядка владений, обеспеченного наконец за каждую Державою и поставленного под гарантию всех...»⁷² Статья 4 конвенции содержала обязательство России способствовать восстановлению Пруссии в ее прежних владениях или, в случае потери той или иной территории, предоставлении королевству равноценных компенсаций взамен. Союзники не признавали Рейнский союз и заявляли о желании создать в Германии «конституционную федерацию и обеспечить ее посредством хорошей военной границы и оборонительной линии, параллельной Рейну»⁷³. Протекторами федерации кроме Австрии и Пруссии должны были стать Англия, Швеция и Россия. Кроме того, подчеркивалась необходимость возвращения отторгнутых у Австрии земель, восстановления владений королей Сардинского и Неаполитанского в Италии, гарантировалась целостность владений Османской империи⁷⁴.

Это была программа, которая должна была послужить основанием для присоединения других государств Европы к новому антинаполеоновскому союзу. 29 апреля (11 мая) император оставил армию. На этот раз он предпочел не вмешиваться в руководство военными действиями, заявив перед отъездом Л. Л. Беннигсену: «Я вверил Вам армию и не хочу мешаться в Ваши распоряжения. Поступайте по усмотре-

нию»⁷⁵. 4 (16) мая Александр I информировал Франца I о заключении русско-прусской конвенции и призвал его присоединиться к коалиции⁷⁶. Русский монарх рассчитывал на впечатление, произведенное Прейсиш-Эйлау, и в определенный момент казалось, что эти надежды оправдаются. Однако вскоре о планах расширения коалиции пришлось забыть. Австрийцы сначала заявили о своей готовности вступить в войну в середине мая 1807 г., но потом решили ограничиться предложением о посредничестве между воюющими странами. Оно было отвергнуто Наполеоном. По расчетам австрийского генералитета, армия Дунайской монархии после поражений, понесенных в последней войне, могла быть готова к действиям не ранее 1809 г.⁷⁷ Между тем Пруссия и Россия, сдерживая основные силы Наполеона, рассчитывали не только на австрийскую, но и на шведскую и британскую помощь. Повторялась ситуация 1805 г.⁷⁸

Пруссия также делала предложения Вене сосредоточить свои войска в районе Моравии еще осенью 1806 г., накануне обострения отношений с Францией, и получила на них ответы в самых общих и ни к чему не обязывающих выражениях. Франц I не забыл ни двусмысленного поведения Пруссии в 1805 г., ни Шенбруннского мира и не хотел рисковать ради спасения монархии Гогенцоллернов. После Йены и Ауэрштедта Австрия колебалась еще сильнее, так как боялась и Франции, и ее окончательного поражения в войне с Пруссией и Россией (после Пултуска и Прейсиш-Эйлау), что могло превратить Берлин в столицу государства, освободившего Германию от ига Наполеона, и восстановления Польши, и уничтожения Пруссии в случае победоносного исхода войны для Франции. Но еще более того в Шенбрунне боялись, что в конце концов Франция и Россия придут к соглашению о разделе Европы и Наполеон выступит союзником Александра I в начавшейся уже русско-турецкой войне. В итоге в Вене победила точка зрения эрцгерцога Карла, который был убежден, что армия не готова к войне, и поэтому считал необходимым придерживаться выжидательной политики⁷⁹.

В первой половине 1807 г. Австрия, по собственным расчетам, могла бы выставить до 340 тыс. человек, но для этого требовалось 110 млн гульденов, из которых казна выделила только 40 млн. В результате в непосредственном распоряжении эрцгерцога могло находиться от 100 до 150 тыс. человек, чего, по мнению Вены, было недостаточно⁸⁰. В мае 1807 г. стало абсолютно ясно, что союзникам нет смысла надеяться на помощь Австрии. Тем временем 15 (27) мая капитулировал осажденный французами Данциг (совр. Гданьск, Польша), его

пруссский и русский гарнизон (около 7 тыс. человек) вынужден был сдать-ся. Сколько-нибудь серьезной помощи от шведов и англичан не последовало⁸¹. Л. Л. Беннигсен вынужден был активизировать свои действия. Поначалу ему удалось достичь успехов, однако вскоре последовала неудача. Командующий расположил армию у города Фридланд (совр. Правдинск Калининградской области). Войска были развернуты в дугу, которая упиралась основаниями в реку Алле в тылу русских позиций. Это было чрезвычайно опасное положение, риск должны были компенсировать спешно наведенные через реку четыре моста. Л. Л. Беннигсен позже признался: «Я не был намерен принимать сражение и думал только дать дневку войскам, находившимся с 21 мая в почти беспрестанном движении»⁸². Однако у Наполеона были другие планы, он решил начать атаку сам.

2 (14) июня 1807 г. русская армия была разбита под Фридландом. Потери русских, вынужденных отступить по городу к единственному мосту через реку Алле, достигли 15 тыс. человек. Французы потеряли около 12 тыс. человек⁸³. В результате неразберихи построенные мосты были подожжены до того, как основная часть войск успела переправиться, офицерам пришлось искать броды под убийственным огнем французских пушек⁸⁴. Войска перемешались, вытянувшись в городе в ниточку, ожидая очередь на мост и броды. Город горел, пространство у мостов простреливалось артиллерией противника. В ряде частей управление было утеряно, там начался хаос⁸⁵. К счастью, большая часть артиллерии была спасена и переправлена через обнаруженный брод, потеряно оказалось всего 13 орудий⁸⁶. Сделать это удалось лишь благодаря железной дисциплине и отсутствию паники. Британский генерал Р. Вильсон, участвовавший в сражении, вспоминал: «...каким бы ни был исход, офицеры и солдаты русской армии выполнили свой долг самым благородным образом и полностью заслужили похвалу и восхищение каждого, кто был свидетелем их поведения»⁸⁷.

Несмотря на поражение, армия сохранила боеспособность и была в полном порядке выведена за Неман. Отход прикрывали казаки М. И. Платова. Французы предпочитали не особенно тревожить русский арьергард⁸⁸. «Слава Богу, чести не потеряли, — писал через неделю после боя Н. Н. Раевский, — но выиграли мало»⁸⁹. Л. Л. Беннигсен назвал поражение «пустой неудачей»⁹⁰, однако последствия проигранного сражения превосходили эту оценку. В тылу поползли слухи о громадном поражении, население побежало в сторону Мемеля⁹¹. Наполеон не попытался атаковать русских во время переправы через эту реку, которая заняла почти десять часов: у войск был единственный

мост на сваях, который затем сожгли. Воспользовавшись успехом под Фридландом, французские войска 4 (16) июня овладели Кёнигсбергом, оставленным накануне русским гарнизоном, а вслед за этим и остатками прусской территории, за исключением крепости Мемель, где находился королевский двор и откуда Фридрих-Вильгельм III обращался к Александру I с заверениями в дружбе и верности. Император в ответ призывал своего союзника не отчаиваться и продолжать борьбу. Король принял меры к отправке в Ригу жены и детей. В случае необходимости предусматривалась возможность переезда и самого прусского монарха вместе со двором на территорию России⁹².

В начале лета 1807 г. Наполеон стоял на русской границе. Надежных союзников на континенте у России не было, зато в это время она вынуждена была вести еще две войны — с Турцией и Ираном. Подготовленных резервов армия не имела, значительная часть артиллерийского парка была утеряна в 1805–1806 гг. Еще 30 ноября (12 декабря) 1806 г. Александр I издал Манифест «О составлении и образовании повсеместных временных ополчений или милиции»⁹³. Инструкция от 4 (16) декабря 1806 г. определяла порядок и последовательность мер по сбору ополчения⁹⁴. 31 губерния, сведенная в семь областей, должна была выставить 612 тыс. ополченцев⁹⁵.

Даже на бумаге боевая ценность этой массы была невелика. Сразу же возникла проблема вооружения ратников ополчения. В отличие от артиллерии, имевшей запас в арсеналах (впрочем, достаточно удаленных от Польши и Восточной Пруссии, поскольку они располагались в Петербурге, Москве, Брянске и Киеве), потребности в ручном стрелковом оружии еще перед войной далеко не исчерпывались собственным производством. Этот период известный конструктор и исследователь истории стрелкового оружия В. Г. Федоров не без основания назвал «самым смутным временем» в истории вооружения русской армии⁹⁶. В некоторых полках солдаты были вооружены еще фузеями 1700 г., на вооружении пехоты стояли ружья 25 разных калибров, схожий разнобой наблюдался в кавалерии и у егерей⁹⁷. В сентябре 1806 г. в Англии было заказано 60 тыс. ружей, 300 тыс. ружейных кремней и 60 форм для литья пуль, однако это оружие необходимо было для резервных полков и рекрутов⁹⁸. В некоторых отрядах, как, например, в Казани, на 8 тыс. ратников имелось только 500 ружей самого разного вида и калибра, включая охотничьи. Имевших военный опыт людей практически не было⁹⁹.

Только пятая часть запланированного к сбору ополчения могла быть вооружена огнестрельным оружием, остальные получали пики

и копья. Ратников предполагали выстраивать в четыре или пять шеренг, из которых только первая имела бы ружья. В Лондоне и Вене планировалось закупить 160 тыс. ружей, но на это требовалось время¹⁰⁰. Английское оружие сентябрьского заказа 1806 г. стало поступать в балтийские порты империи только с мая 1807 г., а в тыловые районы действующей армии, под Вильно, его первые партии (23 080 ружей) смогли перевезти из Ревеля лишь в июне 1807 г. Что касается Австрии, то разрешение на вывоз закупленного там оружия (около 50 тыс. ружей, большое количество сабель и пистолетов) удалось получить лишь после окончания войны с Наполеоном¹⁰¹.

Также необходимо было обучить «временную милицию» и обеспечить офицерскими и унтер-офицерскими кадрами для обращения ее в боеспособные части. Превратить эти массы в нечто полезное для столкновения с армией Наполеона к лету 1807 г. было невозможно¹⁰². Более того, в таких числах они были не только бесполезны, но и крайне неудобны для бюджета и администрации. Финансовое положение России было весьма тяжелым и не позволяло быстро восстановить понесенные потери. В 1805 г. доходы государства равнялись 100,8 млн рублей, расходы — 125,4 млн; в 1806 г. — 100 и 122,5 млн рублей соответственно, 1807 г. — 121,6 и 170 млн рублей. При этом расходы на армию и флот в 1805 г. составили почти 57,2 млн, в 1806 г. — 60 млн и в 1807 г. — 80,5 млн рублей¹⁰³. Огромные взносы на нужды ополчения внесли все сословия, прежде всего дворянство и купечество. В Петербургской губернии было собрано свыше 1,709 млн рублей, в Московской — свыше 1,226 млн, в Смоленской — 0,462 млн и т. п. Пожертвования вносились оружием, сукном, продовольствием и фуражом¹⁰⁴.

17 (29) декабря 1806 г. министр внутренних дел направил губернаторам секретную инструкцию: «К успешному образованию милиции прежде всего нужно, чтобы все имели истинное понятие о цели и существе ее. Цель сего вооружения есть — иметь к готовности сильный отпор против неприятеля, который приобьк, пользуясь своим счастьем, действовать не одной силой оружия, но и всеми способами оболъщения черни, который, врываясь в пределы воюющих с ним держав, всегда старается прежде всего ниспровергать всякое повиновение внутренней власти, возбуждать поселян против законных их владельцев, уничтожать всяческое помещичье право, истреблять дворянство и, подрывая коренные основания государств, похищать законное достояние и собственность прежних владельцев, возводить на места их людей, ему преданных, и, таким образом переменяя весь вид правительства, на развалинах прежнего порядка утверждать свое жестокое самовластие.

Из сего видно, что война с таковым неприятелем не есть война обыкновенная, где одна держава спорит с другою о праве или пространстве владений. В настоящей войне каждый владелец собственности, каждый помещик должен признавать себя лично и непосредственно участвующим, ибо цель неприятеля есть ниспровергнуть всякое личное преимущество, всякое право собственности, в государстве существующее»¹⁰⁵.

Для решения столь важной задачи, как удержание контроля над страной от угрозы проникновения в нее не только армий, но и идей неприятеля, такая импровизация, как временное ополчение, явно не годилась. Уже в январе 1807 г. генерал-лейтенант Ф. П. Уваров подал всеподданнейшую записку, где предложил сократить численность милиции до 200 тыс. человек, которых предполагалось готовить в качестве резерва, а остальных ратников распустить¹⁰⁶. Этим благоразумным советом решили воспользоваться, но и 200-тысячный резерв так и не успели сделать ни боеспособным, ни даже надежным¹⁰⁷. В результате к концу кампании действующая армия получила лишь несколько полков башкирского ополчения, вооруженного холодным оружием и луками¹⁰⁸.

Уверенности в победе среди русского генералитета не было. За мирные переговоры для выигрыша времени выступал Л. Л. Беннигсен¹⁰⁹. Прибывший к армии великий князь Константин Павлович активно выступал за мир с Францией. Он отмечал, что численность подготовленных резервов не превышает 35 тыс. человек, а армия испытывает недостаток в оружии, продовольствии и деньгах¹¹⁰. Великий князь был настолько потрясен поражением у Фридланда, что заявил своему старшему брату: «Государь, если Вы не желаете заключить мир с Францией, то дайте каждому Вашему солдату хорошо заряженный пистолет и прикажите им выстрелить в себя, в таком случае Вы получите тот же результат, какой Вам дало бы новое и последнее сражение, которое наверно открыло бы двери Вашей империи французским войскам, привыкшим к битвам и всегда победоносным»¹¹¹.

Александр I и сам понимал сложность создавшегося положения. «Мы потеряли страшное количество офицеров и солдат, — говорил он, — почти все наши генералы, и именно лучшие, ранены или больны; в армии осталось пять-шесть генерал-лейтенантов, не имеющих ни опытности, ни военных талантов. Мне нельзя продолжать войну одному, без союзников; Англия дурно вела себя с самого начала и теперь дает ничего не значащие обещания выставить 10–12 тысяч человек, не означая срока; субсидий обещает не более 2 200 000 фунтов в год, и эта сумма должна быть разделена между Россией, Пруссией

и Австрией: этого слишком мало»¹¹². С другой стороны, и Франция была далеко еще не готова к продолжению войны, тем более на русском пространстве, имея в виду незакрепленные тылы в Германии, ненадежную Австрию и ожидаемый англо-шведский десант в Померании¹¹³.

Каким было бы возможное движение французов за Неман, трудно сказать, потому что оно в этих условиях фактически было невозможно. Довольно точную и во многом провидческую оценку ситуации дал современник событий: «Проигранное вновь русскими сражение сделало бы французов обладателями некоторого пространства земли, которая совсем не нужна им, из которой не могли ничего получить они и где каждый житель был бы им неприятелем. Потерянное сражение французами было бы решительно по своим следствиям; отступая, армия их везде встречала бы неприятелей; и австрийцы, по нужде подписавшие Пресбургский мир, не пропустили бы покойно в Отечество остатки разбитой и уничтоженной армии»¹¹⁴.

Тильзит и его последствия

Взаимная неспособность и победителя, и побежденного добиться решающих результатов привела их к временно-безальтернативному сотрудничеству. 4 (16) июня император разрешил Л. Л. Беннигсену вступить в переговоры о перемирии от своего имени¹, 7 (19) июня встретились парламентареры². Переговоры были длительными, но успешными³. Александра I представлял генерал-лейтенант князь Д. И. Лобанов-Ростовский, весьма мало подходящий для роли дипломата, Наполеона — маршал Л. Бертье. 7 (19) июня Д. И. Лобанов докладывал императору: «При первой встрече упредил его, что при всем желании положить конец кровопролитию Россия оскорбительного ее достоинству мира не примет и тем менее еще потерпит, чтоб какая ни есть перемена коснуться могла до границ ее»⁴.

Л. Бертье ответил, что «он обижается и предположением таким»⁵. Позже маршал вел уже себя весьма надменно. Французы требовали передачи прусских крепостей — Кольберга, Грауденца и Пиллау, на что последовал вежливый отказ русского монарха, заявившего, что он не может распоряжаться чужими владениями⁶. 9 (21) июня 1807 г. перемирие было подписано, и через два дня его ратифицировал Александр I. Военные действия останавливались, разделительной линией между армиями признавался Неман, Франция обязалась заключить

перемирие и с Пруссией⁷. Это позволило перейти к мирным переговорам. «Бывают обстоятельства, — сказал 10 (22) июня своему другу князю А. Б. Куракину император, — среди которых надобно думать преимущественно о самом себе и руководствоваться одним побуждением: благом государства»⁸.

13 (25) июня состоялась встреча двух императоров на плоту посреди реки Неман, напротив города Тильзит (совр. Советск Калининградской области). Плот был установлен на двух барках, на нем построили домик из двух комнат, стены которых украсили цветами. Одна из них была предназначена для личной встречи монархов, другая — для их адъютантов⁹. Встреча продолжалась 1 час 50 минут и началась со слов Александра I: «Я ненавижу англичан не менее Вас и готов поддерживать во всем, что Вы предпримете против них». «Если так, — отвечал Наполеон, — то все может быть улажено и мир упрочен»¹⁰. Попытка Александра I привлечь к диалогу двух империй Австрию была пресечена его *vis-à-vis*: «Я часто спал вдвоем, но никогда втроем». Император отреагировал спокойным «прелестно»¹¹. Еще накануне, в ходе переговоров о перемирии, Наполеон изложил свое видение будущей договоренности между империями — раздел сфер влияния в Европе, границей которых первоначально называлась Висла¹². Александр I сумел произвести впечатление. «Это молодой, чрезвычайно добрый, красивый император, — написал в день встречи Наполеон Жозефине, — он гораздо умнее, чем думают»¹³. 25 июня (7 июля) в Тильзите вместе с мирным договором был подписан трактат об оборонительном и наступательном союзе с Францией¹⁴. Это был союз, вынужденный обстоятельствами.

Насколько решение, принятое в Тильзите, было непростым для русского монарха, можно судить хотя бы по тому объявлению, которое было сделано Святейшим синодом в начале войны. После столь энергичных обвинений, звучавших с амвона каждой церкви империи в каждый воскресный и праздничный день, было непросто переходить даже от войны к миру¹⁵. Манифест «О заключении мира с Французской империей» с приложением текста трактата последовал лишь 9 (21) августа¹⁶. «Я сделал все, что было в силах человеческих, — писал 14 (26) сентября 1807 г. Александр I. — Но в том положении, до которого по неосмотрительности других доведены были дела, когда Мне одному пришлось сражаться с Францией, подкрепленной огромными силами Германии, Италии, Голландии и даже Испании, когда Я был совершенно оставлен союзниками, на коих полагался; наконец, когда увидел, что границы Моего Государства подвергались опасности от сцепления ошибок

и обстоятельств, коих Мне нельзя было тотчас отвратить, Я рассудил, что имею полное право воспользоваться предложениями, несколько раз сделанными Мне в течение войны Наполеоном. Тогда и Я в Свою очередь решился предложить ему перемирие, после чего вскоре последовал мир, подписанный в Тильзите 25 июня 1807 года»¹⁷.

Первоначально российский император хотел ограничиться заключением мира, однако Наполеон хотел не только прекращения войны, но и союза, так как лишь союз с Россией гарантировал Франции невозможность возникновения новой коалиции. Избежать союзного соглашения Александр I не мог хотя бы потому, что далеко еще не решенным оставался вопрос о дальнейшей судьбе союзника России по коалиции — Прусского королевства¹⁸. Ради этого еще перед началом переговоров Александр I предполагал возможным пойти на уступки и предложить Франции Ионические острова и очищение Дунайских княжеств¹⁹. В результате император все же вынужден был пойти еще на одну временную уступку. «Союз с Наполеоном, — писал он своей матери вдовствующей императрице Марии Федоровне, — лишь изменение способов борьбы против него. Он нужен России для того, чтобы иметь возможность некоторое время дышать свободно и увеличивать в течение этого столь драгоценного времени наши средства и силы»²⁰. Сходные цели преследовала и французская дипломатия, активно подталкивавшая Россию к продолжению войны с Турцией и войне со Швецией. «Правда, — говорил Наполеон Александру I, — шведский король — ваш зять и ваш союзник, обязанный следовать вашей политике либо испытать последствия своего упрямства. Петербург слишком близок к Финляндской границе; русские красавицы в Петербурге не должны более слышать из своих дворцов грома шведских пушек»²¹.

Если отношения между Стокгольмом и Петербургом не были идеальными и шведские войска не участвовали в боях, то отношение Александра I к Пруссии было совершенно другим. Этот союзник России оказался в весьма сложном положении. В ходе первой встречи двух императоров Фридрих-Вильгельм III вынужден был остаться на берегу Немана, наблюдая за происходившим издалека. Наполеон поначалу не хотел даже видеть прусского короля²². Он считал этот шаг лишним и не скрывал своего презрения к Пруссии: «Это деревенский король, деревенская нация, деревенская армия...»²³. Вензеля Фридриха-Вильгельма III на знаменитом плоту также не было к великому неудовольствию и беспокойству пруссаков²⁴. Однако в ходе переговоров русскому монарху удалось все же убедить Наполеона отказаться от планов уничтожения Пруссии²⁵.

Надо отдать должное Александру I — он сделал это быстро. 14 (26) июля, уже на следующий день после первой встречи императоров, прусский король был допущен к свиданию на плоту²⁶. Наполеон встретил его весьма высокомерно, с насмешкой отзываясь о прусской армии и королевстве. Императора французов не смогла поколебать и прибывшая в Тильзит королева Луиза²⁷. Для начала Фридрих-Вильгельм III был вынужден согласиться на требование уволить в отставку ряд министров. Всем было ясно, что будущее не сулит Гогенцоллернам ничего хорошего²⁸. Их государство все же удалось спасти, но потери были значительными. Король лишился приблизительно половины своих подданных — 4,6 млн человек. Королевство обязалось примкнуть к континентальной блокаде, его территория существенно сокращалась — земли на левом берегу Эльбы отходили к новосозданному Вестфальскому королевству, город Данциг объявлялся вольным городом под покровительством Пруссии и Саксонии. Значительная часть польских территорий, полученных Пруссией по разделам Польши, образовывала герцогство Варшавское²⁹.

Если Александр I мечтал о создании такой Польши, которая была бы охранительной оградой для России, то Наполеон видел в ней плацдарм против северных монархий³⁰. 22 июля 1807 г. конституция герцогства была утверждена императором французов в Дрездене. Наследственное правление в новом государстве переходило к саксонским королям, во главе управления был поставлен Государственный совет, решения которого имели силу только после утверждения герцога-короля, раз в два года собирался двухпалатный сейм, обсуждавший проекты законов, разработанные в Государственном совете. Административная система, суд, армия (30 тыс. человек) были выстроены по французскому образцу³¹. 4-я статья Конституции упраздняла «рабство» и провозглашала равенство всех граждан перед законом³². Положение крестьян оставалось тяжелым — они были безземельными. 21 декабря 1807 г. король Саксонский — герцог Варшавский издал декрет, по которому все население получало свободу перемещений (статья 1), но крестьяне могли это сделать, лишь только передав (вернув) землю, рабочий скот и посевы помещику (статья 5)³³. Формально находившееся под управлением саксонского короля герцогство de facto превратилось во французский протекторат и плацдарм для действий против Пруссии, России и Австрии.

России передавался Белостокский округ на русско-прусской границе. Прусская армия сокращалась до 42 тыс. человек, в стране, опустошенной войной, была расквартирована 160-тысячная французская

армия, королевство обязывалось выплатить Франции 120 млн франков контрибуции. Это была колоссальная сумма, для покрытия которой государство вынуждено было выпустить заем, и окончательно погасить долги по нему Берлин смог лишь в конце XIX в. Берлин должен был погасить контрибуцию за 30 месяцев, выплачивая по 4 млн в месяц. Весь годовой доход Пруссии равнялся 40 млн франков, и без займа ей неоткуда было взять дополнительные 48 млн для покрытия контрибуционного долга за год³⁴. Оккупационные силы Франции оставались на территории Пруссии вплоть до уплаты контрибуции³⁵.

Контрибуции и усиленное налоговое обложение завоеванных стран были важнейшим источником дохода наполеоновской империи. В 1803 г., например, среднестатистический французский налогоплательщик выплатил 15,2 франка налогов, в то время как голландский — 64,3 франка. Впрочем, все это меркнет по сравнению с доходами, полученными победителями в Пруссии. В 1806–1807 гг. треть всех государственных доходов Франции составили военные контрибуции на завоеванных прусских землях³⁶. В Пруссии хозяйничали оккупационные войска, французские гарнизоны были оставлены в Кёнигсберге и Пиллау (совр. Балтийск Калининградской области), то есть на тех территориях, которые по договору возвращались Берлину. В течение двух лет оккупации французскими войсками население прусских земель уплатило в виде денежных контрибуций, реквизиций и всевозможных поставок колоссальную сумму в 1129 млн франков³⁷. Пруссия была обязана присоединиться к континентальной блокаде, в результате торговля почти полностью остановилась. Тысячи офицеров, чиновников и солдат получили отставку без пенсии, а в это время оккупационные власти устраивали балы и праздники, которые вынуждены были оплачивать местные жители³⁸.

Ущерб, нанесенный оккупантами только в Восточной Пруссии и только за 1807 г., составил 40 млн талеров. Подозрения в антифранцузской деятельности или даже в настроениях подобного рода было достаточно, чтобы по приказу императора Франции в отставку отправлялись члены прусского правительства. В отчаянии Фридрих-Вильгельм III обращался за помощью к России, называя себя «добрым братом, другом и союзником» ее монарха³⁹. Король надеялся на лучший исход, он был «возбужден и разгневан»⁴⁰, но сделать что-либо было невозможно. Вряд ли будет преувеличением утверждение, что только личное заступничество императора Александра I спасло Пруссию от полного уничтожения или смены династии. Более того, 9 (21) октября 1808 г. Россия и Пруссия подписали конвенцию, по которой Петербург

выплатил своей бывшей союзнице 5,5 млн талеров долга за содержание русских войск, сражавшихся с французами⁴¹. Однако наиболее чувствительным ударом Тильзита были обязательства, взятые на себя Россией по отношению к Англии и к собственной политике на Балканах.

Это и было самой дорогой ценой, уплаченной за сохранение Пруссии и за право удержания за Берлином Силезии, которую Наполеон поначалу планировал присоединить к Варшавскому герцогству⁴². Более того, уже в ходе переговоров стало ясно, что Наполеон совершенно исключает даже умозрительную перспективу перехода Константинополя под власть России⁴³. Тем не менее статья 8 русско-французского оборонительного и наступательного договора предполагала возможность совместного выступления Франции и России против Турции через три месяца после его заключения с целью изгнания турок из Европы (за исключением Константинополя и Румелии)⁴⁴.

При этом Петербург вынужден был согласиться на посредничество между Парижем и Лондоном, причем в случае отказа последнего заключить мир до 1 ноября 1807 г. Россия должна была разорвать с Англией торговые и дипломатические отношения (статья 4). Франция и Россия должны были в этом случае предложить Швеции, Дании и Португалии присоединиться к ним (статья 5). Кроме того, Россия обязывалась вывести войска из Молдавии и Валахии, передать французам бухту Каттаро на Адриатическом море и признать суверенитет Франции над Ионическими островами, согласиться на посредничество Наполеона при заключении мира с Турцией и, наконец, присоединиться к континентальной блокаде⁴⁵. Передача островов была явно неприятна Александру I, но Наполеон был категоричен — архипелаг был нужен ему как военная позиция, прикрывавшая вход в Адриатику. Все остальное его не интересовало. «Будет ли население в восемьдесят тысяч душ пользоваться большим или меньшим благосостоянием, — писал он русскому монарху, — это ничего не изменит в общей системе»⁴⁶. Уступки были неизбежны. Через месяц после заключения Тильзитского мира с поста министра иностранных дел был отставлен барон А. Я. Будберг.

20 июля (1 августа) 1807 г. в Лондон была отправлена русская нота, извещающая о подписании Тильзитского мира и о предложении посредничества при заключении мира между Францией и Великобританией⁴⁷. 24 июля (5 августа), вслед за ее получением, последовал ответ: Англия была готова принять посредничество при условии сообщения ей всех статей Тильзитского договора и предоставлении доказательств готовности Франции заключить почетный мир⁴⁸.

В начале августа 1807 г. в Балтику вошла английская эскадра из 25 линейных кораблей, конвоировавших транспорты с 27 тыс. солдат, которые высадились у Копенгагена. Датскому правительству было предложено сдать свой флот под охрану Великобритании под ручательство, что после заключения мира все они и прочие изъятые морские вооружения будут возвращены. Датчане протестовали, но получили ответ: «Слабый должен уступать сильному»⁴⁹. Копенгаген обратился за помощью к России и отверг британское предложение со столь безупречной мотивацией. Россия в сложившейся ситуации не могла оказать помощи Дании. В Петербурге было принято решение готовить к обороне Балтийское побережье и по возможности оттягивать время разрыва с Англией, чтобы дать возможность эскадре вице-адмирала Д. Н. Сенявина вернуться из Средиземного моря в Балтику⁵⁰.

Эта часть русского флота оказалась в весьма сложном положении. Ее начальник после заключения Тильзитского мира получил приказ оставить архипелаг, сдать Ионические острова и другие русские опорные пункты на Средиземном море французам и вернуться с эскадрой в Россию. Идеальным вариантом было открытие Проливов в результате заключения перемирия или мира и уход в Черное море (этот вариант также рассматривался Петербургом). В противном и более реальном случае — движение к Неаполю (часть кораблей предполагалось отправить в Венецию) и далее на Балтику⁵¹. Двигаться по последнему пути нужно было, избегая встреч с англичанами. Командующий войсками на островах также получил приказ сдать укрепления и склады и отправиться в Венецию⁵². В Корфу, который был главной базой русской эскадры, высадились французы. Отношения между вчерашними врагами и новыми союзниками складывались самые враждебные⁵³.

Дело дошло до того, что Наполеон лично обратился с жалобой к Александру I на невежливость подчиненных Д. Н. Сенявина⁵⁴. Что касается греческого населения, то, привыкшее к русской власти, оно не скрывало своего негативного отношения к французам и симпатий к русским, и русский адмирал поспешил увести свои суда⁵⁵. Перед их уходом греки по-братски прощались с русскими солдатами и матросами, эскадру провожали со слезами на глазах⁵⁶. Русские войска в Каттаро также получили приказ передать крепости французам и уходить в Венецию⁵⁷. Их командующему категорически запрещалось позволять втягивать себя в конфликты с англичанами и неаполитанцами⁵⁸. В конечном итоге Наполеон был доволен выполнением условий соглашения. Русские гарнизоны Каттаро и Корфу уходили в Венецию вместе с частью эскадры⁵⁹. Остальные шли на Балтику в обход Европы. По пути назад

они легко могли стать жертвой британского флота. Бесцеремонность англичан на Балтике, у берегов Дании вызывала сильнейшее раздражение в Петербурге. За свое побережье здесь не опасались⁶⁰. Что касается кораблей русской эскадры, то при движении в Кронштадт они были попросту обречены. Тем не менее 20 августа (1 сентября) английскому послу в России была вручена нота протеста против британских требований к Дании, «противных обычаям и несовместимых с достоинством любой независимой державы»⁶¹.

С этим достоинством не собирались считаться. Со 2 по 5 сентября столица Дании была подвергнута бомбардировке. В городе загорелись огромные склады сена, строевого леса, и вскоре он весь запылал. Дальнейшая оборона была невозможна⁶². Сгорел центральный собор, рухнул его шпиль, выгорело от 2 до 3 тыс. домов. Вечером 5 сентября город сдался, 7 сентября была подписана капитуляция. По официальной версии, министр иностранных дел Дж. Каннинг был потрясен случившемся, он якобы до последнего надеялся, что обойдется без насилия⁶³. По условиям капитуляции британские войска вводились в цитадель (статья 1) и в морской арсенал (статья 2), осуществлялась передача судов и корабельных запасов (статья 3)⁶⁴. Особенного беспокойства в британском обществе и правительстве в это время заметно не было. Праздновалась победа, достигнутая с мизерными общими потерями (200 человек в армии и 50 во флоте). Англичане получили 16 линейных кораблей, девять фрегатов, 14 шлюпов, множество мелких кораблей, очистили адмиралтейство от запасов и вернулись в Англию⁶⁵.

Уже 2 сентября британский посол в России объяснил действия своего правительства нежеланием допустить перехода датского флота в руки Наполеона. Морской министр адмирал П. В. Чичагов назвал эти объяснения «предлогом из басни о волке и ягненке». В ответ на эти действия Лондона русское правительство приступило к укреплению обороны Кронштадта и устья Невы⁶⁶. На подходах к крепости было построено несколько новых батарей и затоплено 25 старых кораблей, груженных камнем⁶⁷. Эти новости вызвали восторженную реакцию в Париже. Особенно радовал Наполеона тот факт, что предметом столкновения Лондона и Петербурга стали события в Дании⁶⁸. 24 октября (5 ноября) 1807 г. русское правительство заявило о разрыве русско-английских отношений, министр коммерции получил указ о недопущении в Россию английских товаров⁶⁹. В тот же день Александр I подписал декларацию «О разрыве мира с Англией»⁷⁰.

Император был возмущен не только действиями против Дании, но и нападениями британских каперов на русские торговые суда. Лондон,

как правило, спокойно наблюдал за нарушениями прав своего русского союзника. «С большей еще чувствительностью и прискорбием, — говорилось в декларации, — Его Императорское Величество видел, что против доброй веры и точных и самых явственных выражений трактатов Англия угнетала на море торговлю подданных Его Величества; и в какое время? Тогда, как кровь россиян проливалась в знаменитых сражениях, где против войск Его Величества были направлены все воинские силы Е. В. Императора Французского, с коим Англия была, как и теперь еще находится, в войне»⁷¹.

Петербург отзывал своего представителя из Лондона и заявлял о нежелании принимать у себя более британское посольство. Все договоры, заключенные с Англией с 5 (17) июня 1801 г. включительно, были разорваны, Россия возвращалась к принципам вооруженного нейтралитета. «Его Величество предваряет, — гласила декларация, — что не восстановятся никакие сношения между Россией и Англией, доколе Дания удовлетворена не будет. Император Всероссийский ожидает, что Его Величество Король Великобританский, внемля своей чувствительности, вместо того чтоб позволять своим министрам расширить вновь пламя войны, поступит к заключению мира с Его Величеством Императором Французским, мира, коего совершение может распространить на все народы неоцененные плоды общего спокойствия»⁷². 28 октября (9 ноября) на английские суда, находившиеся в русских портах, было наложено эмбарго⁷³. Вновь началось укрепление основных портов на Балтике и в Белом море⁷⁴, английские корабли принялись нападать на русские торговые суда даже у берегов Норвегии⁷⁵.

С английской стороны последовали точно такие же действия, как и в начале 1801 г. Наиболее заметной для России потерей стал захват в Портсмуте русского транспорта «Вильгельмина» и фрегата «Спешный», на борту которого находилась наличность в размере 3 млн рублей⁷⁶. Фрегат вез необходимые эскадре Д. Н. Сенявина деньги — 140 197 голландских червонцев и 601 167 испанских пиастров, транспорт — материалы для обмундирования эскадры⁷⁷. «Спешный» был отличным, быстрым кораблем, однако инструкции предписывали его командиру следовать вместе с тихоходным транспортом. Вырвавшись вперед, он дожидаясь «Вильгельмину» в Портсмуте. Когда она пришла, в воздухе уже чувствовалась напряженность. Русский поверенный в делах в Англии предлагал сдать деньги на хранение в британский банк, однако решение не было принято вовремя. Английский курьер прибыл с новостью о начале войны на 12 часов раньше русского. Проформа была соблюдена. Англичане захватили оба судна, у которых не было ни единого шанса

на успешное или даже сколько-нибудь длительное сопротивление⁷⁸. Таким образом, повторилась ситуация 1801 г. Ближайшее окружение императора, его единомышленники начала царствования — Н. Н. Новосильцев, А. А. Чарторыйский, С. Р. Воронцов, недовольные уже Тильзитом, крайне негативно отнеслись к разрыву с Англией⁷⁹. Впрочем, это уже ничего не могло изменить. Началась англо-русская война 1807–1812 гг.

Тем временем часть эскадры Д. Н. Сенявина по причине ветхости отправилась в Триест, где была передана французам⁸⁰. Остальные корабли пришли в Гибралтар в октябре 1807 г., когда явного разрыва еще не произошло. Тем не менее британцы, встретив Д. Н. Сенявина дружелюбно, воздержались от содействия в удовлетворении потребностей эскадры. Выйдя в Атлантику, она попала в сильный шторм и вынуждена была зайти в Лиссабон. Корабли были ветхими и все без исключения получили повреждения и течи в корпусах. Для ремонта Д. Н. Сенявин испросил у принца-регента Жоана разрешения на стоянку вплоть до весны 1808 г. Разрешение было дано. 27 октября 1807 г. в Фонтенбло был заключен франко-испанский договор, по которому Париж и Мадрид обязались вместе действовать против Лиссабона. В Испанию была направлена 40-тысячная армия генерала Ж. Жюно, в Португалию она вошла при поддержке трех небольших испанских корпусов. Португальская армия — около 75 тыс. регулярных войск и 50 тыс. ополченцев — находилась в таком состоянии, что о сопротивлении не могло быть и речи. 27 ноября авангарды Ж. Жюно уже подходили к столице Португалии.

7 (19) ноября принц Жоан издал обращение к народу, в котором говорилось о том, что он вынужден будет покинуть страну. К моменту прибытия Д. Н. Сенявина португальский королевский двор во главе с принцем-регентом вместе с флотом и казной готовился удалиться в Бразилию. Наполеон надеялся на помощь со стороны русских кораблей, этого же боялись португальцы, весь флот которых состоял из 12 слабых линейных кораблей (от 56 до 80 орудий), 14 фрегатов, к тому же не сосредоточенных в одном месте. Д. Н. Сенявин категорически отказался препятствовать эвакуации королевской фамилии на восьми линейных кораблях и двух фрегатах. 17 (29) ноября она отплыла к берегам Бразилии. Вскоре к городу подошла английская эскадра, которая блокировала порт⁸¹. Еще 8 (20) ноября через русского поверенного в делах в Португалии Д. Н. Сенявин запросил инструкций из Петербурга. Не зная о том, что произошло между Лондоном и Петербургом, он советовал не признавать «англичан за российских неприятелей, а потому и имеет он наблюдать при могущем случиться со стороны их на сие место нападения совершенный нейтралитет»⁸².

Только 11 (23) декабря 1807 г. Н. Д. Сенявин получил официальное извещение о начале войны с Англией⁸³. 1 (13) марта 1808 г. вице-адмирал П. В. Чичагов известил французского посла А. Коленкура о том, что русская эскадра в Лиссабоне передается в распоряжение императора Наполеона, но при условии сохранения власти Д. Н. Сенявина над кораблями, которые после выполнения задачи должны были получить возможность ремонта в портах, контролируемых французами⁸⁴. Тем не менее в Лиссабоне никто не спешил помогать французам. Войдя в столицу Португалии, Ж. Жюно конфисковал собственность, принадлежавшую британским подданным⁸⁵, и обложил город контрибуцией в 40 млн крузаду¹. Генерал открыто жаловался на русского адмирала, уклонявшегося от сотрудничества⁸⁶. За два месяца неоднократных просьб французского генерала о помощи путем высадки десанта или атаки английских кораблей Д. Н. Сенявин под разными предложениями не сделал ничего⁸⁷.

В Португалии для противодействия французам в это время уже действовали английские войска. Англичане не встретили сопротивления в стране. Оказавшись между бывшими союзниками и бывшими врагами, Д. Н. Сенявин предпочел договориться с первыми. Опираясь на французов он поначалу не хотел, а потом и не мог, так как 23 августа 1808 г. между англичанами и французами было достигнуто первичное соглашение о прекращении огня. Согласно его условиям, части Ж. Жюно обязаны были очистить столицу, а затем и остальные земли этого королевства. 30 августа соглашение было подтверждено договором, на следующий день произошел обмен документами и заложниками. Части французов стягивались в Лиссабон, откуда уходили по морю во Францию. Они имели право увести с собой свои и португальские военные корабли, а также тех французов и португальцев, проживавших в стране, которые захотели бы последовать за ними⁸⁸.

Первоначально предполагалось, что стороны будут соблюдать нейтралитет русской эскадры, не беспокоить ее в гавани, не мешать выйти в море и т. п. Но в окончательный текст соглашения эти условия не вошли⁸⁹. В результате о кораблях Д. Н. Сенявина в договоре не было сказано ни слова⁹⁰. Командующий британским флотом официально известил русского адмирала, что отказывается считать Лиссабон нейтральным портом⁹¹. В общем, он и не являлся нейтральным, город был переполнен французскими войсками, готовящимися к эвакуации, наиболее важные точки города контролировали англичане.

¹ Португальская серебряная монета.

Их присутствие гарантировало выполнение договора, так как население столицы Португалии было настроено весьма решительно — люди ненавидели французов и их сторонников и жалели о том, что их придется выпустить из ловушки⁹².

Русская эскадра состояла из семи потрепанных бурей линейных кораблей и двух фрегатов, причем последние были настолько слабы, что не могли быть выведены в море. Англичане контролировали Лиссабон, его крепостные сооружения, в море находилась их эскадра из 15 линейных кораблей и 10 фрегатов. Даже в случае победы или прорыва из португальской столицы русским кораблям не удалось бы пройти в блокированные французские порты, а уж тем более в Балтику⁹³. В это время года погода отнюдь не предполагала возможности легкого плавания. Французские корабли с войсками Ж. Жюно на борту, уходившие из Лиссабона, очень пострадали от бурь, многие из них потонули в Бискайском заливе⁹⁴.

По инструкции, полученной от императора, командующий эскадрой в случае неизбежности столкновения должен был сжечь свои корабли, но он на свой риск отказался подчиниться. 23 августа (3 сентября) 1808 г. Д. Н. Сенявин заключил соглашение с командующим британской эскадрой, по условиям которого русские суда (девять линейных кораблей и фрегат) передавались на сохранение британскому правительству, которое обязано было возвратить их через шесть месяцев после заключения мира с Россией в том же состоянии, в каком они были приняты⁹⁵ (в 1813 г. в Кронштадт были возвращены два линейных корабля, а за остальные, пришедшие к тому времени в негодность, было заплачено, как за новые). Флаги на русских кораблях не спускались до тех пор, пока адмирал и капитаны не оставят их с соответствующими почестями, что и произошло в Портсмуте 29 сентября (10 октября) 1808 г. Д. Н. Сенявин и экипажи судов (5685 человек) 8 (20) сентября 1809 г. были возвращены в Россию на средства Англии⁹⁶.

«Наше положение было критическое, нам предстояла славная и бесполезная для Отечества смерть... — писал в своем дневнике русский офицер. — Не хвала ли Сенявину, умевшему вывести нас с такой славой из бедственного нашего положения!»⁹⁷ Что касается Петербурга, то можно лишь гадать о силе гнева Александра I, который еще в октябре 1807 г. энергично протестовал против информации, распространяемой французами, о возможной передаче его эскадры англичанам и заверял союзников, что «нет ни одной жертвы, которую я не принес бы, когда речь идет о том, чтобы сдержать мое слово и защищать столь справедливое дело, от которого зависит счастье Франции, России

и всей Европы»⁹⁸. Думается, прав был другой современник, назвавший случившееся «славной капитуляцией»⁹⁹. На фоне того, как складывались взаимоотношения между Лондоном и Петербургом, это было удивительно выгодное для России соглашение. В Англии оно вызвало большое недовольство, тем не менее его условия были выполнены¹⁰⁰. После Тильзита торговля между двумя странами стала стремительно сокращаться. Военные действия практически не велись, хотя и имел место ряд незначительных столкновений на Балтике.

Гораздо более тяжелым по последствиям для русских финансов, и без того истощенных двумя проигранными и двумя ведущимися войнами, а также и чрезвычайно неурожайным 1806 г., был разрыв торговых отношений. Англия являлась не только крупнейшим торговым партнером, но и морским перевозчиком. В среднем в 1802–1804 гг. в русские порты прибыло и ушло 7530 судов вместимостью 575 803 ластва¹, из них английские суда составили 2100 (против 697 русских и 25 французских), а их вместимость — 217 503 ластва (против 54 162 у русских судов и 2081 у французов). В среднем в период 1801–1806 гг. общий оборот русской торговли равнялся 94,9 млн рублей серебром, причем на экспорт приходилось 54,1 млн рублей, а на импорт — 40,8 млн рублей, что давало положительное сальдо в 13,3 млн рублей. Абсолютное преимущество принадлежало морской торговле: в среднем 69,1 млн рублей против 12,8 млн рублей сухопутной. Большая часть хлебного вывоза также приходилась на море, а главным морем для русских перевозок была Балтика. В 1802 г., например, доля балтийской торговли составила 63,6% всей внешней торговли России и 88,5% ее торговли по европейской границе (на торговлю по Белому морю приходилось 4,2%, по Черному морю — 4,01%, правда, через четыре года последние показатели почти удвоились)¹⁰¹. В 1803 г. таможенные поступления составили 13 121 545 рублей, из них доходы от петербургских таможен — 7 063 402 рубля, рижской — 1 472 719 рублей, ревельской — 526 006 рублей, архангельской — 364 869 рублей¹⁰². Эти доходы постоянно сокращались.

Уже 1806 г., когда Россия вынуждена была вести войну с Францией и Турцией, неблагоприятно сказался на внешней торговле, объем сократился на 16,2 млн рублей (вывоз — на 11,1 млн рублей, ввоз — на 5,1 млн рублей). Но худшее было впереди. В 1807 г. экспорт из России опустился до цифры в 40,4 млн рублей, импорт — до 27,2 млн рублей, в 1808 г. эти показатели составили 28,3 и 16,2 млн рублей¹⁰³. В 1807 г. резко сократился вывоз (в основном за счет хлеба) из балтийских портов и Архангель-

¹ Ласт — мера в 12 четвертей хлеба или другого сыпучего вещества. При измерении вместимости купеческого судна равнялся 120 пудам, или 2 тоннам.

ска, в то время как черноморские гавани были закрыты для европейской торговли в связи с русско-турецкой войной¹⁰⁴. Между тем с конца XVIII и начала XIX в. показатели экспорта хлеба постоянно росли, достигнув к 1802–1806 гг. 20,4% русского вывоза. Если в 1792 г. вывоз пшеницы оценивался в 294 тыс. рублей серебром, то в 1802 г. — 2895 тыс. рублей серебром, в 1805 г. — 9048 тыс. рублей серебром, в неурожайном 1806 г. — 2538 тыс. рублей серебром. Россия также вывозила в Европу рожь, ячмень и овес. Средние показатели по экспорту этих продуктов в 1802–1806 гг. составили 5243 тыс. рублей серебром. Весьма важным и превосходящим показатели хлебной торговли был вывоз льна, пеньки и пакли. В среднем удельный вес этих продуктов в экспорте 1802–1806 гг. составил 28,4%, а вместе с льняным и конопляным семенем и маслом — 33,5%. Средние показатели за те же годы по вывозу сала составили 14,4%. Основным потребителем этих продуктов была Англия¹⁰⁵.

Если в среднем в 1802–1806 гг. торговый оборот портов Балтийского моря составил 59,2 млн рублей серебром, Белого — 3,3 млн, а Черного и Азовского — 6,6 млн, то в 1807 г. эти показатели опустились до 47,5, 2,6 и 0,6 млн рублей серебром соответственно, в 1808 г. — до 10,6, 1,7 и 5,1 млн, а в 1809 г. они составили 26, 5,6 и 2,8 млн рублей серебром¹⁰⁶. Наиболее тяжелым для торговли был, таким образом, 1808 г. Почти в полном торговом бездействии находились и Архангельск, и Петербург, и Рига¹⁰⁷. Это происходило в том самом году, когда после потерь, понесенных при Аустерлице и Фридланде, России пришлось восстанавливать армию и готовить ее для войны со Швецией. В результате расходы по армии и флоту составили 140 млн рублей, в то время как доходы государства равнялись 111,5 млн рублей, а общая сумма расходов — уже 240 млн рублей¹⁰⁸. Прекращение торговли привело к резкому снижению курса рубля на основных европейских биржах и падению цен на лес, хлеб, лен и другие основные товары русского экспорта. С другой стороны, резко выросли цены на импортные товары. Например, цена на пуд пеньки к 1809 г. упала с 36 до 25 рублей, сала — с 48 до 26 рублей, железа — с 1,8 рубля до 96 копеек, льна — с 4,8 до 3,07 рубля, в то время как цена пуда сахара выросла 14 до 24 рублей, а табака — с 2 до 4,6 рубля¹⁰⁹.

Начался отток серебра из страны. Начиная с 1805 г. курс бумажного рубля постоянно падал, с 78 копеек серебром в 1806 г. до 66 копеек в 1807 г. и 48 копеек в 1808 г., 35 копеек в 1809 г. и даже 20 копеек в 1810 г.¹¹⁰ Дефицит в условиях резкого сокращения внешней торговли покрывался за счет эмиссии ассигнаций. «Невероятное печатание денег, вызванное войнами в чужих краях, — отмечал в сентябре 1809 г.

сардинский посол, — и приостановление торговли из-за войны с Англией каждый день усиливает внутренние тяготы, я бы даже сказал, внутреннюю чахотку, съедающую нас. Нет никакого предела изготовлению бумажек и, следовательно, падению оных»¹¹¹. Падение курса рубля привело к сокращению французского экспорта в Россию. Когда обеспокоенный последним Наполеон сделал запрос в собственное Министерство внутренних дел о том, что нужно сделать для преодоления этого кризиса, то оно ответило, ссылаясь на данные торговых палат, что без морской торговли Россия обойтись не может.

Иначе говоря, чтобы покупать товары у Франции, она должна была сначала продать собственную продукцию Англии или обратиться к ее посредничеству для перевозок по морю. Наполеоновская империя не могла заменить Великобританию ни в качестве покупателя (хотя потребность на корабельный лес, например, во Франции была довольно значительной), ни в качестве перевозчика, а главные русские экспортные товары ввиду их громоздкости и тяжести бессмысленно было перевозить сухим путем на далекие расстояния¹¹². Россия стояла на пороге государственного банкротства. Недовольство становилось все более сильным, даже высшие чиновники начали обращать на это внимание монарха¹¹³. Выход из кризиса лежал в области внешней политики. Неудивительно, что государственный канцлер Н. П. Румянцев стал министром иностранных дел, сохраняя за собой портфель министра коммерции.

Поначалу он был настроен оптимистически, откровенно и охотно делился с французским послом своими надеждами: «Настоящий союз должен быть союзом на века. Наши обычаи, наши вкусы влекут нас к Франции. Нужно, чтобы выгода нас тоже к ней привязывала»¹¹⁴. Далеко не все русские дипломаты испытывали доверие к Франции и ее повелителю. Посол в Париже, несмотря на оказанный ему блестящий прием, со скепсисом относился к перспективам сотрудничества¹¹⁵. Уже в декабре 1807 г. он предупреждал Александра I о бессмысленности надежд на долгий мир с Наполеоном¹¹⁶. Унизительное, крайне тяжелое и невыгодное для страны обязательство участвовать в континентальной блокаде тем не менее формально соблюдалось вплоть до вторжения Наполеона в Россию. 6 (18) июля 1812 г. в Эрбру (Швеция) был подписан мирный договор с Великобританией, и империя возобновила контакты с Лондоном. 4 (16) августа 1812 г. последовал именной указ Сенату о восстановлении мира и торговли с этой страной: «Желанный мир с Англией восстановлен. Поспешаем возвестить о том всенародно, ведая, что оный с обеих сторон вожделен, толико же любезным Нашим верноподданным, колико и самой Англии»¹¹⁷. Указом разрешалось

немедленное восстановление торговли, еще до ратификации мирного соглашения. 12 (24) сентября 1812 г., уже после размена ратификационными грамотами, император издал манифест о возобновлении торговых отношений между двумя странами¹¹⁸, после чего 15 (27) сентября последовал указ о снятии эмбарго с британских судов и секвестра с имущества британских подданных¹¹⁹.

Это сказалось самым положительным образом на русской торговле, но последствия указа проявились не сразу. Он вышел уже практически в конце навигации, что объясняет относительно скромные цифры русского экспорта и импорта в 1812 г. (38,8 и 23,2 млн рублей). Кроме того, 1812 и 1813 гг. трудно было назвать удачными для торговли. Вывоз из России в 1813 г. составил 33,4 млн рублей, а ввоз — 29,5 млн рублей. Перелом наметился в 1814 г., когда было вывезено товаров на сумму 50,4 млн рублей, а ввезено — на 35,6 млн рублей. И только в 1815 г. показатели русского экспорта и импорта приблизились к доблокадным — 54,6 и 30,3 млн рублей¹²⁰.

Русско-шведская война 1808–1809 годов: первый этап

В 1803 г. русско-шведские отношения уже прошли через кризис, вызванный действиями Густава IV Адольфа. Король был недоволен наметившимся сближением Франции и России и приказал выкрасить пограничный мост, традиционно носивший цвета двух государств, только в шведские цвета. На протесты русского посланника последовал недвусмысленный намек на то, что Стокгольм считает себя в праве претендовать не только на весь мост, но и на нечто большее за ним. Инцидент был исчерпан только после демонстрации русской армии и флота в пограничной территории¹. В 1804 г. Густав IV Адольф объявил войну Пруссии по случаю занятия ею Ганновера и был готов перейти от слов к делу². Он ненавидел Наполеона и называл его «апокалиптическим зверем». Считая себя наследником дел Карла XII, он любил одеваться в форму своего великого предка, носить его оружие и т. п. К росту популярности в армии это не приводило, так как король не любил появляться перед войсками во время боя. Что касается Наполеона — тот просто считал Густава IV Адольфа сумасшедшим³. Но гораздо хуже для короля было то, что его солдаты после похода в Померанию начали считать его трусом⁴.

Александр I был не менее категоричен: «Этот Дон Кихот, который жертвует интересами своей страны и своего народа... ради своего чванства и ради самой смешной страсти...»⁵. Король не всегда действовал как идеалист. По условиям 4-й дополнительной статьи к Петербургскому договору 1804 г. союзники обязались повлиять на Англию в том смысле, чтобы Лондон включил Швецию в помощь субсидиями за 25-тысячную армию, которую Стокгольм выделил бы для войны⁶. В Швеции считали, что Россия должна была обеспечить ежегодную помощь королевству в 200 тыс. риксталеров. В начале 1807 г. ввиду финансового кризиса Густав IV Адольф принял решение удержать часть британских субсидий, которые пересылались через Швецию в Россию. Он решил таким образом взыскать долг Петербурга. 375 тыс. риксталеров были удержаны, что вызвало раздражение Александра I. Но пока шла война в Восточной Пруссии, император предпочел не обращать на это внимания⁷.

Действия короля были явно замечены Наполеоном. Но все попытки Парижа добиться восстановления отношений со Стокгольмом, разорванных после расстрела герцога Энгийенского, закончились крахом, и в результате в 1807 г. в Шведской Померании начались столкновения между французскими и шведскими войсками. Особыми успехами шведы не могли похвастаться, хотя при армии состоял и сам король, что в очередной раз отразилось на его репутации⁸. Сразу же после британской атаки на Данию отношения России и Швеции вновь резко ухудшились. 24 сентября (6 октября) 1807 г. Н. П. Румянцев вручил шведскому послу в России ноту с напоминанием об условиях соглашений 1780 и 1800 гг. о сохранении режима Балтийского моря как закрытого. 27 сентября (9 октября) Александр I предложил совместно добиться выполнения этих договоров в письме к королю⁹.

Тот ответил контрпредложением, которое было равносильно отказу. Он предложил для начала убрать французские войска из портов Балтийского побережья и обеспечить свободу торговли. Подразумевалась единственно возможная в сложившихся условиях свобода судоходства под английским флагом¹⁰. Более того, король отказался осудить и действия Англии относительно Дании, напомнив русскому правительству, что год назад именно оно пригласило английские суда войти в Балтику для блокирования портов, занятых неприятелем¹¹. Нападение на Копенгаген, несмотря на традиционно враждебные отношения Дании и Швеции, вызвало в последней сильнейшее раздражение. Но шведы опасались и того, что сами подвергнутся нападению британцев, поэтому не хотели рисковать, опасаясь вызвать недовольство Лондона¹². Тем

не менее король отказался от предложения оставить под Стокгольмом на зимовку 10–12 тыс. британских солдат для совместной гарантии обороны Швеции и контроля над берегами Зунда. 21 октября 1807 г. ввиду близости холодов британский флот отправился назад¹³.

19 (31) октября король заявил русскому посланнику Д. М. Алопеусу следующее: «С неприятелем, каков Наполеон, не разбирающий средств для достижения своей цели, надобно употреблять меры чрезвычайные, отвергаемые нравственностью, но признаваемые необходимостью. Англия должна была заключать, что тайные условия Тильзитского договора направлены против нее, а потому благоразумие требовало предупредить их. Очевидно было, что французские войска займут Голштинию, для принуждения датчан выдать Франции флот свой и запереть англичанам проход через Зунд. Притом распри между Россией и Англией произошли не от дела, касающегося трех северных держав, но от тесных связей, заключенных Россией и Францией в Тильзите, совершенно чуждых Швеции»¹⁴.

После разрыва Петербурга и Лондона русско-шведские отношения вступили в полосу глубокого кризиса. «Что Ваше Величество писали королю Шведскому, и что он Вам ответил? Вы просили его объединиться с Вами с тем, чтобы стереть, так сказать, оскорбление, нанесенное Англией трем северным дворам в лице датского короля, — докладывал Н. П. Румянцев императору в ноябре 1807 г. — Вы просили его ответить, какие меры он собирается принять в данном случае, и сообщали что охотно будете содействовать тем из них, которые могли бы показать, что северные державы совсем не зря взаимно обязались не допускать нарушения спокойствия на Балтике. А вот как король заканчивает письмо, написанное в ответ на письмо Вашего Величества: «Считаю нужным добавить, что если Швеция выступит заодно с Россией как защитница Балтийского моря, то она окажется в состоянии войны с Великобританией, своим давным союзником, который защищает то же самое дело и который никогда не отделял своих интересов от интересов своего союзника. Таковы, Государь, брат мой, серьезные основания, не позволяющие мне содействовать видам Вашего Величества и заставляющие меня желать, чтобы доброе согласие между Россией и Великобританией не было нарушено». Таким образом, король отвечает прямо Вашему Величеству, что он не может содействовать Вашим видам, так как это означало бы войну между Швецией и Англией, его давным союзником. Другими словами, король не отрицает, что Великобритания является его союзником и что в данный момент они защищают общее дело. Все, что Ваше Величество можете ожидать,

так это то, что король Швеции останется нейтральным или, что точнее, наденет маску нейтралитета, но сбросит ее и выступит против Вашего Величества на стороне Англии, как только сочтет это выгодным. Стоит ли терпеть, чтобы этот государь, сохраняющий спокойствие, при малейшем неблагоприятном для нас повороте событий или неудаче усугубил наши затруднения и неприятности?»¹⁵

Александр I вновь предложил Густаву IV выполнить союзные обязательства, фактически это было предложение присоединиться к антианглийской коалиции. 9 (21) января 1808 г. снова последовал отказ. По мнению короля, договоры 1780 и 1800 гг. утратили силу после прихода французов на Балтику¹⁶. Более того, Густав IV Адольф возвратил Фридриху-Вильгельму III орден Черного Орла, а Александру I — орден Св. Андрея Первозванного, написав, что не может носить такие же ордена, как и Бонапарт, который получил эти награды в Тильзите¹⁷. Король попытался передать знаки ордена через Д. М. Алопеуса на прощальной аудиенции, но тот категорически отказался принять на себя эту миссию. Тогда Густав IV Адольф направил орден в Петербург с курьером¹⁸. Еще до его приезда, 10 (23) ноября, Александр I вернул знаки ордена Серафимов: «Мой Брат, Шурин и Кузен. Предвидя, что Ваше Величество намерены вернуть мне орден Св. Андрея, я, дабы обеспечить Вам это, делаю первый шаг и возвращаю Вам орден Серафимов, который я от Вас получил»¹⁹.

Тем временем Наполеон активно подталкивал Россию к войне со Швецией и Англией, но отказывался брать на себя какие-либо обязательства поддержки России в восточном вопросе²⁰. Париж предпочитал действия на севере Европы. 31 октября 1807 г. в Фонтенбло был подписан датско-французский договор о совместных действиях против Швеции²¹. Поначалу Александра I не прельщали посулы в Финляндии. В разговоре с французским послом А. Ж. Савари он заявил, что «это пустыня, обладание которой никого не может соблазнить»²². Вскоре ситуация изменилась. В начале 1808 г. всем стало ясно, что война неизбежна²³. В конце января в Петербурге получили информацию о том, что шведы готовятся к высадке десанта в Зеландии, то есть намереваются начать действовать против Дании. 20 января (1 февраля) главнокомандующим русских войск на шведском направлении был назначен генерал от инфантерии граф Ф. Ф. Буксгевден. В именном указе императора ему было приказано особое внимание обратить на дисциплину войск и защиту мирных жителей: «...где нарушится спокойствие их Нашими войсками, вы тотчас должны будете сие исправить, обиженных удовлетворить и виновным строгое и достойное сделать наказание»²⁴.

Попытка в последний момент повлиять на короля предъявлением ему ультиматума сорвалась из-за дурной погоды. Плавучие льды прервали судоходство в Ботническом заливе на три недели. Русский курьер опоздал в Стокгольм²⁵. Это стало причиной того, что 9 (21) февраля 1808 г. русские войска под командованием Ф. Ф. Буксгевдена вторглись в Финляндию без объявления войны. На следующий день император издал декларацию «О положении дипломатических сношений России со Швецией касательно защиты Балтийского моря от насильственных действий англичан», в которой объяснял причины своих действий и буквально повторял доводы своего министра иностранных дел: «Его Императорское Величество не может оставить в неопределительности расположений Швеции к России и, следовательно, не должен допускать ее нейтралитета. Расположения Короля Шведского обнаружены; Императору Всероссийскому остается прибегнуть без отлагательства к способам, кои провидение ему вверило именно на тот конец, чтобы ими действовать для сохранения его империи. Его Императорское Величество предвзывает о сем Его Величество Короля Шведского и всю Европу»²⁶.

В декларации содержалось и последнее приглашение Стокгольму примкнуть к своим старым союзникам — Дании и России. Документ содержал и последнее предупреждение о последствиях отказа: «Император Всероссийский с чувствительным прискорбием будет видеть разрыв Швеции с Россией, и от Его Величества Короля Шведского зависит еще решиться, принять меру, которая сохранила бы между обоими Государствами тесный союз и совершенное согласие»²⁷. На деле говорить о союзе и мире было уже поздно. Накануне войны как в русском обществе, так и среди военных царили шапкозакладательские настроения, никто не сомневался в том, что завоевание Финляндии будет легким²⁸. При этом сама война не была популярной, все видели в ней результат интриг Наполеона²⁹. В немалой степени это соответствовало действительности.

Шведская армия состояла из поселенных (38 тыс. в Швеции и 14–15 тыс. в Финляндии) и вербованных (8 тыс. в Швеции и 6 тыс. в Финляндии) войск, всего 66 850 человек, из них 19 765 — в Финляндии. Вооружение, обучение и экипировка — все находилось на довольно низком уровне³⁰. Ф. Ф. Буксгевден имел под командой 24 тыс. человек, небольшая численность объяснялась тем, что особого сопротивления не ожидалось. Шведские войска были разбросаны по зимним квартирам по всей территории Финляндии. Самым крупным гарнизоном в 7 тыс. человек обладал Свеаборг (совр. Суоменлинна, Финляндия). Море было еще сковано льдом, значительная часть шведского гребного флота оставалась неподвижной в своих базах. При условии быстрых

успешных действий они были обречены, что изменяло расклад сил на Балтике в пользу России. Русский Балтийский флот был немногочисленен, качество кораблей — невысоким. В море могли быть выведены девять линейных кораблей с 740 орудиями на борту и семь фрегатов со 296 орудиями. В составе флота имелось еще шесть бомбардирских и 19 мелких судов (322 орудия) и 168 гребных судов. Шведы имели 11 линкоров и пять фрегатов и 300 гребных судов. Кроме того, в Балтику вскоре пришла и британская эскадра — 16 линкоров и 20 других судов. Обстановка на море резко изменилась в пользу шведов, что заставило русскую сторону приступить к строительству укреплений по всему Балтийскому побережью, включая Кронштадт и устье Невы³¹.

Шведские планы исходили из положения о невозможности ведения военных действий в зимнее время, русские составлялись на основе низкого уровня знаний о противнике, существенного сопротивления в Финляндии не ожидалось. Большое влияние на составление планов Петербурга оказал генерал Г. М. Спренгтпортен³². Военные действия начались довольно успешно. 24-тысячная русская армия почти повсюду имела преимущество в силах. Немногочисленные шведско-финские гарнизоны повсюду отступали из Южной Финляндии, русские распространяли воззвания к армии и населению, отпечатанные на русском, финском и шведском языках, призывая не оказывать сопротивления ради «блага самих финнов». Среди благ обещалось сохранение всех вольностей, прав, привилегий, свободы вероисповедания и сбор в ближайшее время сейма³³.

Как показали дальнейшие события, эти обращения успеха не имели и остались безответными. 18 февраля (2 марта) 1808 г. без боя был занят Гельсингфорс (совр. Хельсинки, Финляндия), где было захвачено 19 орудий, 20 тыс. ядер, 4 тыс. бомб и много другого имущества³⁴. Гельсингфорс не был подготовлен для отражения нападения со стороны суши, хотя для атаки со стороны моря здесь имелись солидные укрепления. Удар казачьей кавалерии решил все³⁵. Даже важнейший центр дорог Южной Финляндии — Тавастегус (совр. Хяменлинна, Финляндия) был брошен без боя. 24 февраля (8 марта) шведы, бросив в близлежащее озеро пушки, ружья и продовольствие, ретировались так быстро, что в карательной остались стоявшие в козлах ружья³⁶. Узнав о вступлении русских войск в Финляндию, Густав IV приказал арестовать Д. М. Алопеуса и всех сотрудников русского посольства и опечатать бумаги русской миссии. 20 февраля (4 марта) арест был произведен, шведы действовали вежливо, но условия ареста были максимально жесткими³⁷. Протесты представителей других стран были проигнорированы. Король объявил созыв

в ополчение всех мужчин от 18 до 25 лет. Эти события убедили Александра I в том, что полумерами обойтись не удастся³⁸.

15 (27) февраля 1808 г. шведскому послу были вручены паспорта, чтобы он смог покинуть Россию. Посольство выехало домой через Мемель, препятствий ему не чинилось³⁹. 16 (28) марта 1808 г. последовала декларация «О разрыве мира со Швецией», в которой император высказал свое возмущение арестом миссии в Стокгольме: «Сим поступком нанесено вопиющее оскорбление преимуществам и достоинству Престола. Не Россия только, но и все державы Европы сим оскорбляются. Все дипломатическое сословие, в Стокгольме пребывающее, ощутило в полной мере сию обиду и в то же время предъявило свое негодование на столь беспримерное насилие, одним турецким обычаям приличное. Его Императорское Величество мог воздать за сей поступок праведное возмездие, но Император Всероссийский признал за благо вместо того повелеть Своему Министерству усугубить внимательность и благоприятство к послу шведскому, в Санкт-Петербурге пребывающему, и принять все попечения, чтоб он мог отбыть, когда пожелает, без малейшего беспокойства и неприятности как здесь, так и в пути его. Его Императорское Величество возвещает всем державам европейским, что отныне часть Финляндии, которая доселе называлась Шведской и которую войска Российские не иначе могли занять, как выдержав разные сражения, признается областью, Российским оружием покоренной, и навсегда присоединяется к Российской империи»⁴⁰. 20 марта (1 апреля) был издан манифест «О покорении Шведской Финляндии и присоединении оной навсегда к России»⁴¹. В тот же день последовал указ о запрете импорта в империю английских мануфактурных товаров, под каким бы флагом они ни ввозились⁴².

До наступления оттепели русские войска осадили крепость Свеаборг и вытеснили шведскую армию на север Финляндии, отступавшие шведы вынуждены были уничтожить около 140 галер⁴³. Русские успехи были велики, но чрезвычайно неустойчивы. 30-тысячный русский корпус вынужден был одновременно решать три задачи — преследовать отходившие на север шведские войска, осуществлять эффективный контроль на оккупированных территориях и действовать против крепостей противника⁴⁴. Это исключало возможность концентрации сил на одном направлении и создавало предпосылки для успешного контрудара. Между тем армия противника показала себя с самой лучшей стороны, шведы отходили при страшных морозах, укрывшись овчинами и шкурами диких зверей, потеряв вид регулярных войск, но сохранив высокую дисциплину и спайку, о чем свидетельствовали порядок

и почти полное отсутствие отставших⁴⁵. Военное положение Стокгольма тоже не было блестящим.

Датчане объявили войну Швеции 29 февраля 1808 г., объявление было получено в Стокгольме 14 марта⁴⁶, то есть формально Копенгаген начал войну до того, как ее объявила Россия⁴⁷. Линейные войска датского королевства насчитывали около 37,7 тыс. человек, обученный резерв — 32,2 тыс. человек, вместе с вооруженными ополченцами и добровольцами общая численность армии могла достигнуть 96,2 тыс. человек⁴⁸. Кроме того, в Норвегии находилось 35,7 тыс. линейных войск и ополчения⁴⁹. В Норвегии датские войска ограничились пассивной обороной, никоим образом не тревожившей шведов. Стокгольм беспокоила южная провинция Скония (совр. Скания, завоевана Швецией в 1679 г.), населенная в основном датчанами. От самой Дании ее отделял только Зундский пролив, и здесь всю войну простоял 15-тысячный шведский корпус. Петербург надеялся, что датский десант будет поддержан и французскими войсками. На возможность этого намекали французские дипломаты⁵⁰.

Французы поддержали союзника, их корпус под командованием Ж. Бернадота числом в 22 тыс. человек вошел в Данию и вместе 14 тыс. датчан начал подготовку к переправе через Зунд⁵¹. Однако Дания оказалась не в состоянии реализовать эту угрозу. Не имея возможности прочно контролировать Зунд, Копенгаген не стал рисковать армией. Что касается Бернадота, то он не был полностью уверен в своих солдатах, в составе его корпуса имелось немало испанцев, а Наполеон уже начал вторжение в Испанию. Французское командование предпочло рассредоточить войска по побережью и островам. С другой стороны, отсутствие флота не оставляло значительного выбора. У датчан имелись всего лишь два линейных корабля, один из которых был ветхим. Отсутствие гарантированного снабжения десанта в Швеции могло превратить вполне возможные первые успехи в катастрофу⁵².

На море по-прежнему господствовали англичане. Союзный шведам британский флот из 62 кораблей с транспортными судами, перевозящими 14-тысячный десант, в конце мая вошел в Балтику, но значительной помощи шведам оказать не успел⁵³. С самого начала между британским командованием и королем Густавом IV сложились напряженные отношения. Тот сперва отказывался давать разрешение на высадку союзников, пока они не перейдут под его командование. Британский командующий, инструкции которого запрещали использование войск против Дании или в Норвегии, отказывался сделать это без санкции Лондона. В конечном итоге разрешение было получено, но разно-

гласия зашли так далеко, что Густав IV приказал арестовать британского командующего. Тому пришлось бежать из Стокгольма⁵⁴. Время было потеряно, а английский десантный корпус вскоре отправлен в Испанию. Эскадра осталась, но военные действия между Россией и Англией ограничились атакой британских судов нескольких русских кораблей на Балтике и небольших приморских поселений на Белом море⁵⁵. Тем временем Ф. Ф. Буксгевден активно вел осаду Свеаборга, 8 (20) марта крепость подверглась первому обстрелу русских осадных батарей⁵⁶.

Командовавший осадными работами генерал П. К. Сухтелен сделал все возможное для того, чтобы использовать слабый фронт крепости, обращенный к Гельсингфорсу⁵⁷. Это был результат героического напряжения сил, ведь первая осадная батарея была заложена 3 марта. Земляные работы велись на промерзшем грунте, песок приходилось выбивать кирками из-под льда и снега, осадную артиллерию везти из Петербурга. Свеаборг был самой сильной шведской крепостью в Финляндии. Он был основан в 1747 г. и активно строился двадцать лет. Наиболее серьезными были укрепления, обращенные к морю, что, впрочем, естественно для крепости, расположенной на острове. По планам предполагалось, что в случае неудачи здесь найдут убежище все шведские силы в герцогстве и отсидаются за его гранитными стенами вплоть до подхода подкреплений из королевства, потому на укрепления не скупилась. До 1767 г. крепость стоила Швеции 17 млн финских марок⁵⁸.

Тем не менее к началу военных действий в крепости не было колодцев и цистерн (снежной зимой это не было страшным упущением), запас продовольствия вместо положенных пяти месяцев на 6 тыс. человек равнялся только трем (вместо 900 тыс. ежедневных пайков только 540 тыс.). С другой стороны, в крепости было много женщин и детей, вывести их за верки комендант вице-адмирал К. Кронстед так и не решился⁵⁹. Уже 5 апреля Александр I известил своего союзника в Париже о том, что Финляндия завоевана, держится только Свеаборг, но уже начались переговоры с комендантом крепости, «и я надеюсь, что она вскоре будет капитулировать»⁶⁰. 3 апреля К. Кронстед собрал совет офицеров, на котором заявил, что вынужден будет сдать крепость, если не получит помощь к 3 мая. Протестов не последовало⁶¹.

При осаде «шведского Гибралтара» русский командующий не отказывался и от переговоров и подкупа, на что ему нужны были деньги. Испрашиваемая сумма и санкция были получены. 8 (20) апреля 1808 г. А. А. Аракчеев отправил генералу письмо, извещая: «Государь Император надеется, что если старанием и опытностью Вашей сила золотого пороха ослабила уже несколько пружину военную, то и окончательное

уничтожение оной должно, кажется, исполниться»⁶². 26 апреля (8 мая) 1808 г. Ф. Ф. Буксгевден обратился к императору с письмом: «События оправдывают могущество Вашего Императорского Величества. Сдана Свеаборг»⁶³.

После долгих переговоров гарнизон шведской твердыни капитулировал. Под барабанный бой из ворот крепости на лед выходили солдаты и офицеры, последним крепость покинул комендант⁶⁴. Его авторитет и безусловное уважение к нему солдат гарнизона были не последней причиной их согласия сдаться⁶⁵. Шведы были отправлены в Россию пленными, финские солдаты распущены по домам⁶⁶. Было взято 7500 пленных и 2033 орудия, значительное количество оружия, боеприпасов и продовольствия, 110 военных судов⁶⁷. После 101 пушечного салюта и молебна над Свеаборгом взвился русский флаг⁶⁸. «И сей новый Гибралтар, — писал современник, — через несколько недель осады пал от нескольких пушечных выстрелов: он стоил нам одной сотни воинов и не многих переговоров»⁶⁹.

На этом период легких успехов закончился. Для того чтобы развить их в решающую победу, у Ф. Ф. Буксгевдена не хватало сил. Крестьяне и помещики уходили вслед за шведскими войсками вместе со скотиной и имуществом. Морозы до -25°C весьма скверно сказывались на людях и лошадях, купить что-либо из еды и фуража было невозможно⁷⁰. Весной уже 23-тысячная русская армия оказалась рассредоточенной по значительному пространству — приблизительно 300 на 500 верст. Пожалуй, еще хуже было то, что противника не опасались, а возобновления военных действий не ожидали раньше начала навигации⁷¹. Этот момент не упустили шведы. В апреле в ряде мест, воспользовавшись преимуществом в силах, которое теперь принадлежало им, они перешли в контрнаступление и разбили русские отряды. Это немедленно привело к подъему духа в королевстве и народной войне в герцогстве⁷². 18 (30) марта батальон русской пехоты и около полусотни казаков и гусаров под командованием полковника Н. В. Вуича заняли Аландские острова. Не будучи обеспеченным продовольствием, не имея прочной связи с финским побережьем, Н. В. Вуич покинул острова через семь дней. Вскоре он снова был направлен назад. 31 марта (12 апреля) 1808 г. небольшой русский отряд — егерский батальон (всего 716 пехотинцев и 22 казака) — вернулся на Аланды⁷³.

Появление русских войск на островах, падение Свеаборга — все это весьма беспокоило королевский двор. Опираясь на помощь союзников, они решили активизировать свои действия на море. Английская эскадра должна была обеспечить безопасность берегов Шве-

ции от возможного франко-датского десанта в западной части Балтики, а шведская — сосредоточиться на действиях в восточной части моря⁷⁴. С открытием от льда моря англо-шведский флот начал высаживать десанты. На Аландах началось восстание. 24 апреля (6 мая) на островах высадилось около 3 тыс. шведских солдат, к которым немедленно присоединились местные жители. Умелые охотники и рыбаки, они стали опасными противниками для немногочисленного и рассредоточенного отряда. 28 апреля (10 мая) после упорного сопротивления Н. В. Вуич вынужден был сдать⁷⁵.

Та же судьба постигла и русский гарнизон на острове Готланд. 1600 человек не могли контролировать почти 200-километровый в длину остров с населением в 33 тыс. человек. 1 (13) мая там высадился шведский десант — 5 тыс. человек при 20 орудиях, и население почти поголовно восстало. Русские войска сдались при условии сохранения своих знамен. Оружие пришлось сдать⁷⁶. Солдаты не хотели сдаваться, но подчинились приказу, правда, все оружие перед этим было испорчено⁷⁷. Русские солдаты и офицеры при этом оставили по себе хорошие воспоминания, за время их пребывания на острове не было грабежей, никто из его жителей не был ранен или убит⁷⁸. Но мягкий оккупационный режим не гарантировал немедленной поддержки подданных Густава IV. В тылу у немногочисленной русской армии в Финляндии начались партизанские действия, местное население охотно поднималось на восстания в ответ на призывы шведского короля⁷⁹. Русское командование отреагировало на это резким ужесточением оккупационной политики⁸⁰. Кризис в известной степени был преодолен перерывом в военных действиях приблизительно на месяц. Снежная зима закончилась исключительно сильными разливами рек и слякотью весной. Но в этот раз трудности, создаваемые природой, были в пользу русских войск⁸¹.

Одними репрессиями русские власти не ограничились, тем более что с самого начала большие надежды возлагались именно на поддержку со стороны не только финского, но и шведского населения. 5 (17) июня 1808 г. император издал манифест, объявлявший Финляндии, что ее судьба решена: «По непреложным судьбам Вышнего, благословляющего оружие Наше, присоединив навсегда Финляндию к России, с удовольствием Мы зрели торжественные обеты, обывателями сего края принесенные на верное и вечное их скипетру Российскому подданство. Вместе с сим восприяли Мы на себя священную обязанность хранить сие достояние, промыслом Нам врученное, во всей его незыблемости и в непрременном и вечном с Россией единстве»⁸². Жителям предлагались прекрасные перспективы на будущее: «Сверх древних

установлений, стране вашей свойственных и свято Нами хранимых, новое поле вашей деятельности и трудолюбию открывается. Под сильным щитом России земледелие ваше, торговля, промыслы, все источники народного богатства и благосостояния воспримут новую жизнь и расширение. Мы познаем вскоре все ваши нужды и не умедлим простереть вам руку помощи и облегчения»⁸³. Тем, кто еще оставался в рядах шведской армии, предоставлялось шесть недель для возвращения домой, что гарантировало амнистию⁸⁴.

Александр I не собирался ограничиваться словами. Шведы при поддержке англичан попытались перехватить инициативу. В тяжелом положении оказался русский флот. 14 (26) августа британцам удалось отрезать от основной эскадры и уничтожить старый линейный 74-пушечный корабль «Всеволод»⁸⁵. Доблестно дравшаяся в окружении команда была отпущена под честное слово не воевать с англичанами⁸⁶. Переворота в военных действиях так и не последовало. К лету численность армии Ф. Ф. Буксгевдена была увеличена до 34 тыс. человек, что позволило ему активизировать свои действия. Шведская армия к середине сентября вновь была отброшена на север, а высаженный на юге Финляндии во главе с королем десант разбит, остатки его вернулись на корабли. В сентябре численность русских войск выросла до 44 614 человек⁸⁷. 17 (29) сентября было подписано перемирие «на неограниченный срок с момента подписания настоящего акта и до истечения восьми дней после того, как обе стороны уведомят друг друга о его прекращении», при условии сохранения войсками занимаемых ими позиций⁸⁸. Оно вызвало крайне сильное недовольство Александра I, назвавшего соглашение «непростительной ошибкой». 8 (20) октября боевые действия возобновились⁸⁹. Император становился все больше заинтересован в прекращении военных действий, так как нуждался в свободе рук для действий в Европе.

Эрфурт и его последствия

Русско-шведская война началась при дружественных и партнерских отношениях официального Петербурга и Парижа. Завершалась она уже в совсем другой обстановке. Отправляя своего посла генерала А. Ж. Савари в Россию после подписания мира в Тильзите, Наполеон лично инструктировал его: «В ваших разговорах избегайте всего, что могло бы оскорбить. Так, например, никогда не говорите о войне, не порицайте никакого обычая, не замечайте ни-

чего смешного: у каждого народа свои привычки, а природе французов слишком присуще стремление все мерять по себе и выставлять себя образцами. Это было бы плохое средство и помешало бы вам достигнуть успеха, сделало бы вас невыносимым для всего общества. Наконец, если возможно скрепить союз мой с этой страной и создать что-либо прочное в этом отношении, то ничем не пренебрегайте для достижения этой цели»¹. Наполеон рекомендовал генерала как лицо, пользующееся его особым доверием, и просил Александра I «принять его с той добротой, которая Вам свойственна»². А. Ж. Савари по прибытии в Петербург был очень тепло встречен императором³, который на первой же аудиенции заверил посла в своих самых искренних симпатиях к Наполеону. Остальной Петербург не был столь дипломатичным. Генерал застал там серьезное недовольство условиями Тильзитского мира⁴.

Оно появилось не сразу. По мнению А. Ж. Савари, публикация известий о заключении Тильзитского мира произвела хорошее впечатление⁵. В Манифесте от 7 (19) августа император счел необходимым подчеркнуть, что цели войны достигнуты: «Постановлением настоящего мира не токмо прежние пределы России во всей их неприкосновенности обеспечены, но и приведены в лучшее положение присоединением к ним выгодной и естественной грани. Союзнику Нашему возвращены многие страны и области, жребием войны отторгнутые и оружием покоренные»⁶. Поначалу Тильзитский мир вызвал в русском обществе почти единодушную радость. Из провинции в столицу шли сообщения о торжествах, благодарственных молебнах и пушечных салютах⁷. Тильзит считали результатом победы, как его и хотел представить своим подданным Александр I. Но вскоре отношение к договору резко изменилось. Повсюду господствовало единодушное возмущение. Обе столицы порицали соглашение с императором, которого, несмотря на запрет, все продолжали называть не Наполеоном, а Бонапартом. Провинция не могла забыть того, как новоявленного союзника называли на проповедях врагом христианства, запрещение читать соответствующее воззвание Священного синода в церквях последовало только 17 (29) июля 1807 г.⁸

Даже сторонников сотрудничества с Францией раздражала ее политика по отношению к России, особенно сопротивление Парижа русским планам и действиям на Балканах. Новый министр иностранных дел граф Н. П. Румянцев был предельно искренен, когда объяснял французскому послу причины этого раздражения: «Единственная красивая сторона союза с вами, которую мы можем представить народу, состоит в приобретении Молдавии и Валахии, а вы хотите отнять у нас

эту возможность. Что мы будем отвечать, когда нас спросят, зачем мы не стояли за них крепко и как позволили лишиться себя этой выгоды, когда мы терпим такие потери в войне с Англией? Не говорите о Европе, Европа ничего не скажет. Что такое Европа, где она? Вся Европа в нас с вами»⁹. Действия французского посла были не очень успешными, двери домов знати для него оказались закрыты, общались с ним лишь те официальные лица, которым это было положено по службе¹⁰. А. Ж. Савари, удачно сочетавший в себе качества дипломата и военного, делал все, что мог, для укрепления русско-французского союза¹¹.

Ничего не помогало. Никто не хотел общаться с человеком, связанным с делом герцога Энгиенского¹². При этом отношение к французам в северной столице, по мнению самого представителя Наполеона, было вполне приличным¹³. Французский посол объяснял часть проблем высоким уровнем влияния англичан на русское общество. Он предлагал уравновесить его отправкой большого и пышного посольства, которое должно было своим величием и блеском произвести соответствующее впечатление в Петербурге и назначить посла, происхождение которого могло привлечь симпатии петербургского света¹⁴. Вскоре Наполеон решил заменить А. Ж. Савари на генерала Армана де Коленкура. 25 ноября (7 декабря) 1807 г. император французов известил об этом Александра I, объяснив свой выбор тем фактом, что А. Коленкур произвел в Тильзите хорошее впечатление на русского монарха¹⁵. Перед назначением новый посол также получил исчерпывающие указания от своего императора: «Там вершатся дела всего мира. Ключ к всеобщему миру находится в Петербурге»¹⁶. Ситуация в столице России не изменилась. Французского дипломата и его блестящее окружение, несмотря на самую теплую встречу со стороны монарха¹⁷, привязанность высшего света ко всему французскому и благоприятное отношение двора, категорически не хотели принимать частным образом¹⁸.

В феврале 1808 г. Наполеон предложил Александру I план действий против Швеции и похода в Индию через владения Турции: «Армия в 50 000 человек, франко-русская, быть может, несколько австрийская, которая направится через Константинополь в Азию, не дойдет еще до Евфрата, как Англия затрепещет и бросится на колени пред континентом. Я твердо стою в Далмации, Ваше Величество — на Дунае. Через месяц после того, как мы уговоримся, армия может быть на Босфоре. Удар отзовется в Индии, и Англия будет поработана. Я не отказываюсь ни от каких предварительных условий, необходимых для достижения столь великой цели»¹⁹. 1 марта эти предложения обсуждались А. Коленкуром во время аудиенции у императора²⁰. Подобного рода планы

не интересовали Петербург, который прежде всего хотел добиться от Наполеона отказа от притязаний на Дарданеллы. Александр I не желал оказаться «в менее выгодных по сравнению с нынешними условиями». Париж отказывался обсуждать планы раздела Турции. В результате 1 (13) марта Наполеону было сделано предложение рассмотреть планы относительно Турции и Индии в Эрфурте²¹.

Русско-французские отношения формально оставались союзническими, но тем не менее постоянно ухудшались. Союзники требовали компенсации практически за любой шаг, сделанный каждым из них в своей «зоне ответственности». И Париж, и Петербург стремились не допустить расширения влияния партнера по Тильзиту. Это создавало практически нерешаемые проблемы. Например, даже присоединение к России занятых ее войсками Дунайских княжеств император Франции связывал с расширением своих владений в Германии, прежде всего за счет Пруссии. Париж по-прежнему планировал увеличить территорию Варшавского герцогства за счет Силезии, что, естественно, было неприемлемо для Петербурга²². До определенного времени все эти противоречия еще можно было обсудить и найти для них компромиссное решение, но ситуация стала гораздо более опасной для сотрудничества, когда добавилось искреннее взаимное недоверие.

Первым действительно серьезным облаком на небе русско-французского союза стало вмешательство Наполеона в испанские дела. 5 мая 1808 г. в Байонне было подписано франко-испанское соглашение об отречении Бурбонов от испанского престола. По иронии судьбы самую активную роль в этом сыграл вызванный из Петербурга А. Ж. Савари. В марте 1808 г. Карл IV Испанский отрекся в пользу своего сына Фердинанда, но позже под давлением маршала И. Мюрата объявил свое отречение вынужденным и обратился к арбитражу Наполеона. Тот пригласил на переговоры отца и сына, где вынудил Фердинанда отказаться от своих прав в пользу отца, а Карла IV — отречься от престола в пользу императора Франции при условии сохранения целостности, независимости королевства и господства католической церкви. Карл IV вместе с семьей получил «убежище» во Франции — замок Компьен. Александр I был возмущен этими событиями.

Так как наполеоновская Франция к этому времени достаточно глубоко увязла в Испании, куда французы вторглись после ареста испанской королевской семьи (военные действия на Иберийском полуострове потребовали от Франции значительных военных усилий — количество французских войск, задействованных там, иногда доходило до 370 тыс. человек, а общие потери французов превысили 40 тыс. человек),

а Австрия очевидно готовилась к реваншу, то Наполеону опять потребовалось соглашение с Россией. Его посол в России маркиз А. Коленкур перед новой встречей императоров сделал предложение о разделе османских владений в Европе, России предлагались Дунайские княжества и Босфор взамен на ее согласие на переход Дарданелл и западной части Балканского полуострова к Франции²³. Наполеон явно стремился использовать восточный вопрос для того, чтобы поднять заинтересованность Петербурга в русско-французском союзе. Частично это ему удалось, хотя Александр I и не верил его обещаниям относительно Прованса. Уезжая в Германию, император написал своей сестре великой княгине Екатерине Павловне: «Бонапарте думает, что я больше ничего, как дурак. Смеется хорошо тот, кто смеется последним. Я же полагаюсь на Бога!»²⁴

Следует отметить, что против этой поездки протестовало ближайшее окружение Александра I. А. А. Чарторыйский подал записку, в которой предостерегал императора от развития союза с Францией. «Я думаю, — писал он, — что Ваши теперешние отношения к французскому правительству кончатся для Вашего Императорского Величества самым гибельным образом. У Наполеона только одна цель, которую он преследует непрерывно, с тех пор как управляет Францией, — эта цель состоит в том, чтобы унижать, порабощать и уничтожать все существующие правительства для того, чтобы его собственная власть и его династия стали непоколебимыми. Он не может не желать унижения России. Это государство не может не внушать ему недоверия. Пока Россия будет подчиняться его желаниям, пока она будет помогать исполнению его планов, он, может быть, оставит ее в покое. Но с минуты, когда он заметит противодействие с ее стороны, он постарается сломить ее открытой силой. Затруднительнее и досаднее всего в нашем положении то, что, уступая во всем воле Наполеона, Россия служит лишь интересам этого завоевателя; она увеличивает его средства и уменьшает в значительно большей пропорции свои собственные; она лишает себя возможности противостоять Наполеону, когда он со временем заблагорассудит нанести ей последний удар; последнее же он не замедлит сделать, как только будет уверен в успехе»²⁵.

Не менее категоричной была и вдовствующая императрица Мария Федоровна, опасавшаяся, что в Эрфурте ее сына может постигнуть судьба испанской королевской семьи. Она указывала на губительные для России последствия французской политики в Европе, Швеции и Турции²⁶, ее участия в континентальной блокаде: «Так как произведения страны остаются у нас на руках, денежных оборотов более не происхо-

дит и, следовательно, рудники, заводы, мануфактуры падут; само государство вследствие потерь таможенного дохода видит свои средства значительно уменьшившимися, а между тем расходы постепенно растут под влиянием обстоятельств, одновременно угнетающих и деревенского жителя, и дворянина, — одним словом, нет сословия, которое не страдало бы, не было бы отягощено»²⁷.

Саму встречу с Наполеоном Мария Федоровна считала позором: «Убедитесь, дорогой Александр, что все в нашем государстве, которые уважают, любят Вас и которым дорога Ваша слава, носят в своем сердце величайшую печаль об этом свидании, которое чернит Вашу репутацию и кладет на нее неизгладимое пятно, за которое когда-нибудь даже грядущие поколения будут упрекать Вас, каково бы ни было Ваше дальнейшее царствование... Не оскорбляйте Вашего народа во всем том, что для него священо и дорого в Вашей Августейшей особе, признайте его любовь в удрученном настроении данной минуты и не преклоняйте добровольно своего чела, украшенного прекраснейшим из венцов, перед кумиром счастья, но кумиром, проклятым настоящим и грядущим поколениями; остановитесь на краю бездны»²⁸.

Письмо императрицы заканчивалось весьма эмоционально: «Ради Бога, Александр, уклонитесь от этого свидания; уважение народа утрачивается легко, но не столь же легко завоевывается обратно. Вы потеряете его через это свидание, и Вы потеряете Вашу империю и Вашу семью: остановитесь, есть еще время, послушайте голоса чести, просьб, молений Вашей матери; она громогласно взывает к Вашему сердцу, остановитесь, мое дитя, мой друг»²⁹. Император ответил предельно ясно: современная Франция является слишком большой угрозой для того, чтобы игнорировать ее или выступать против³⁰. Что касается мнения общества, то Александр I не собирался им руководствоваться: «Я удовольствуюсь, сказав, что было бы преступно с моей стороны, если бы я приостановился осуществлением того, что считаю полезным для интересов империи, под влиянием разговоров, которые позволяют себе в обществе без малейшего знания дела, не углубляясь в сущность обстоятельств, не желая даже узнать побудительных причин моего образа действий»³¹.

Александр I все же отправился в Эрфурт (Тюрингия), где с 15 (27) сентября по 2 (14) октября 1808 г. проходила его встреча с Наполеоном³². Внешне все обстояло прекрасно. Город был переполнен войсками и высокими гостями самых разных рангов. Население Эрфурта выросло в три раза. Его двадцать гостиниц были переполнены, частные дома тоже³³. Император французов встретил своего союзника на правах

хозяина за городом, они обнялись и дошли пешком почти до городских ворот, где, к радости обывателей, сели в открытую коляску и въехали в Эрфурт. Каждое утро Наполеон приходил навещать Александра I, и они общались по 2–3 часа³⁴. Театральные представления, стрельба по животным из специально выстроенного павильона (это называлось охотой), обеды, приемы — все было помпезно и внушительно³⁵. Обстановка была торжественной, Наполеон ходил в орденской ленте Андрея Первозванного, Александр I — Почетного Легиона, с лица русского монарха не сходила улыбка³⁶. Император французов был подчеркнуто любезен со своим гостем, его паж с удивлением записал: «...он употребляет все усилия, чтобы понравиться»³⁷.

В ходе переговоров 30 сентября (12 октября) министрами иностранных дел России и Франции Н. П. Румянцевым и Ж. Б. Шампаньи была заключена секретная союзная конвенция сроком на десять лет. Франция признавала права России на Финляндию, Молдавию и Валахию и даже обещала оказать вооруженную помощь в случае, если присоединение Дунайских княжеств вызовет протест со стороны Австрии или Англии. Петербург признавал новый порядок в Испании³⁸. Вновь возникла проблема Пруссии. В 1808 г. Наполеон все же решил начать выводить войска из Пруссии, так как они были ему нужны для войны в Испании. Но даже это передвижение французов должна была оплатить прусская казна. Первоначально речь шла о сумме в 194 млн франков, которые Наполеон согласился сократить до 140 млн, а потом, пойдя навстречу просьбе Александра I, до 120 млн. При этом три прусские крепости на Одере — Штеттин, Кюстрин и Глогау — остались в руках французов³⁹. За уступки, сделанные на юге и севере России, Наполеон ожидал обещания поддержки в случае войны с Австрией.

Еще в конце августа 1808 г. Александр I убеждал А. Коленкура в том, что он твердо выскажет Австрии свое негативное мнение насчет войны с Францией⁴⁰. Австрийская подготовка к ней давно уже не составляла секрета для Петербурга⁴¹, а русский посол в Вене практически одновременно с императором (и следуя его же инструкциям) заверял австрийцев в дружеских чувствах своего монарха, что весьма повышало решительность Вены. Впрочем, Александр I отнюдь не стремился поддерживать воинственные настроения Габсбургов, он все еще надеялся на возможность оттянуть этот конфликт. Причина была проста — император не верил в победу австрийцев⁴². В крайнем случае, если война оказалась бы неизбежной, наиболее желательным для России вариантом стал бы тот, при котором инициатором военных действий выступила бы Франция, а не Австрия, что дало бы возможность Петербургу

уклониться от участия в войне. Вена довольно ясно была извещена об этом в сентябре 1808 г.⁴³

Встреча в Эрфурте внешне выглядела блестяще. В качестве гостей Наполеона были приглашены короли Саксонии, Вюртемберга, Баварии и Вестфалии, 27 герцогов и князей Рейнского союза⁴⁴. Прибывшие монархи соревновались между собой, пытаясь заслужить благосклонность хозяина Европы, чтобы получить от него кусочек владений соседа⁴⁵. Из Парижа прибыли несколько театральных трупп. Постановки драм и балетов следовали за парадами, и наоборот. Два императора демонстрировали искренность своей дружбы Европе. Наполеон всячески подчеркивал уважение к гостю и союзнику, во всяком случае, на людях⁴⁶. Во время личных встреч он прибегал к другой тактике и иногда резко менял поведение. Однажды император французов в гневе (настоящем или напускном) бросил на пол свою шляпу и начал топтать ее ногами. Однако на его собеседника это не произвело никакого впечатления. Александр I ответил: «Вы вспыльчивы, а я упрям. Со мною ничего нельзя поделаться при помощи гнева. Будем говорить и рассуждать, или же я уйду»⁴⁷. Представление было немедленно закончено.

Александр I снова обещал Наполеону помощь, но в несколько неопределенной форме. Переговоры велись в крайне тяжелой обстановке, оба императора уже не доверяли друг другу и не хотели уступать. «И государи, и министры, и оба двора, — вспоминал их участник А. Колленкур, — начали скучать и уставать от всех парадов, а в особенности от бесконечных споров. Споры между императорами часто принимали резкий характер. Наполеон пробовал быть ловким, уступчивым, обаятельным, порою настойчивым и, видя, что он не может ничего добиться от своего противника, все время остававшегося в очерченном им для себя круге, два раза пробовал рассердиться. Но это средство ничего не изменило в решениях Александра, а так как вспышки гнева со стороны Наполеона были скорее дипломатической хитростью, чем действительным порывом, то он быстро успокаивался и возвращался к более мирному тону»⁴⁸.

Может быть, благодаря тому, что Александр I хорошо понимал склонность Наполеона к игре, а тот, в свою очередь, не заходил в ней слишком далеко, переговоры не закончились безрезультатно. Императоры договорились о совместном обращении к правительству Великобритании с предложением о заключении мира при обязательном условии признания перехода к России Финляндии, Молдавии и Валахии, а испанского престола — к династии Бонапартов, что и было сделано

30 сентября (12 октября) 1808 г. (в декабре того же года Лондон отказался принять данные условия)⁴⁹. В случае неудачи этого обращения предусматривалось совещание императоров о совместных военных действиях против Англии. При этом так и не удалось достигнуть соглашения относительно вопросов, чрезвычайно важных для безопасности западных границ России. Наполеон отказался полностью вывести войска с территории Пруссии, дать обязательства не способствовать расширению границ герцогства Варшавского и прекратить усиление польской армии.

Эрфуртская встреча стала апогеем русско-французского сотрудничества. В своей записке конца 1811 г. М. М. Сперанский отмечал: «Эрфуртское свидание произвело ту существенную перемену в вероятностях войны, что дало ей на время другое направление. Под предлогом общего мира Франция искала только удостовериться в России и достигла сей цели. Тщетно Шварценберг домогался здесь переменить сие положение: оно было принято невозвратно. Период сей можно считать самым благоприятнейшим в истории наших сношений с Францией. Благоприятство сие основано было не на словах, но самом коренном начале всякого мира — на невозможности воевать. Россия вела войну с Турцией и заканчивала войну финляндскую. Франция имела на руках войну испанскую и начинала австрийскую. Следовательно, в обоюдном положении сих держав существовало твердое ручательство взаимного их доверия. Положение сие вскоре изменилось: Россия окончила финляндскую войну в сентябре, а Франция австрийскую — в октябре»⁵⁰.

Падение русско-французского сотрудничества с высшей точки началось также в Эрфурте. Это был компромисс, который уже никого не устраивал. На вершине могущества императора французов ему стали изменять ближайшие и наиболее дальновидные сотрудники. В ходе встречи Ш. М. Талейран, уволенный в 1807 г. с поста главы французского МИДа и участвовавший в переговорах в качестве дипломатического советника, начал оказывать русской стороне конфиденциальные услуги⁵¹. Он делал это через посредство чиновника русского посольства во Франции К. В. Нессельроде⁵². В переписке Ш. М. Талейрана называли «юрисконсультom, прекрасным Леандром, Анной Ивановной» и пр.⁵³

На тайной встрече с Александром I Ш. М. Талейран заявил: «Государь, зачем приехали вы сюда? Вам надлежит спасти Европу, а Вы достигнете этого, только ни в чем не уступая Наполеону. Французский народ цивилизован, его государь не цивилизован. Русский государь

цивилизирован, его народ нет. Следовательно, русскому государю надлежит быть союзником французского народа»⁵⁴. Практически сразу же по окончании переговоров Александр I лично известил прусского короля и австрийского императора о результатах переговоров, подчеркнув в письме к последнему свое желание сохранить целостность его владений⁵⁵. Уже в конце января 1809 г. подозрения Наполеона привели Ш. М. Талейрана к опале. Его положение при дворе было утрачено, а жизнь спасло только то, что император французов так и не смог получить доказательств своих подозрений. Вскоре в секретную переписку с Ш. М. Талейраном вступил Александр I, получивший таким образом в Париже весьма ценный источник информации⁵⁶.

Австрийцы весьма опасались того, что Наполеон предложит России присоединение Восточной или Западной Галиции, а им — обмен этих провинций. Заявление о целостности владений Габсбургов, следовавшее сразу после Эрфурта, в какой-то степени успокоило эти тревоги⁵⁷. Тем не менее положение было весьма сложным и опасным, и 4 (16) октября русский монарх лично инструктировал своего посла в Вене А. Б. Куракина: «Я трудился над тем, чтобы сохранить мир между Австрией и Францией. Я попытаюсь добиться мира между Англией и всем континентом. Я выяснил кое-что относительно того, чего мне следует ожидать от войны, к которой меня принудили турки и Швеция. Да будет мне позволено считать, что я выполнил свой долг по отношению к империи, которую доверила мне милость Божья. Ее благоденствию подчинены все мои мысли и все мои действия»⁵⁸. Очевидно, что в первом, да и во втором достижениях своей политики император не был полностью убежден и поэтому особенно сильно нуждался в прекращении хотя бы одной из четырех войн, которые ему пришлось вести (с Англией, Персией, Турцией и Швецией). Об этом его просили и австрийцы, которые накануне решающего сражения с Францией готовы были пойти так далеко, что даже согласиться с присоединением к России Дунайских княжеств, чтобы иметь за своей спиной дружественную русскую армию⁵⁹.

Именно после возвращения из Эрфурта Александр I в ожидании неизбежного столкновения Наполеона с Австрией потребовал ускорить завершение шведской войны. В декабре 1808 г. на место Ф. Ф. Буксгевдена, которым после заключения перемирия был очень недоволен император, был назначен генерал Б. Ф. Кнорринг⁶⁰. Александр I вообще недолюбливал Ф. Ф. Буксгевдена, к тому же против него активно интриговал А. А. Аракчеев. Смена оказалась неудачной, Б. Ф. Кнорринг лично был храбрым человеком, но не любил брать на себя ответственность

за принимаемые решения⁶¹. К тому же именно шведам удалось максимально использовать передышку, и после перемирия они добились ряда частных успехов, особенно важных для повышения морального духа войск и страны⁶².

Впрочем, шведам так и не удалось добиться перелома. К концу года Финляндия была очищена от шведско-финских войск, на 1 (13) января 1809 г. численность русской армии достигла уже 42 439 человек⁶³. Тем временем под руководством и наблюдением графа А. А. Аракчеева и при участии генерала Г. М. Спренгтпортена 19 ноября (1 декабря) 1808 г. было выработано «Положение об учреждении главного правления в Новой Финляндии», вводившее новое управление в крае: при власти генерал-губернатора учреждался комитет из 12 выборных членов, одну половину которых составляли дворяне, другую — представители «прочих сословий». Комитет ведал военными и внутренними делами, юстицией, финансами и коммерцией, делопроизводство велось на «языке страны». «Положение» признавало необходимым созвать в ближайшее время «генеральное конституционное собрание»⁶⁴.

1 (13) февраля 1809 г. Б. Ф. Кнорринг получил приказ императора завершить войну переходом через Ботнический залив, для того чтобы перенести военные действия на территорию собственно Швеции и создать угрозу ее столице⁶⁵. Новый главнокомандующий сомневался в успехе наступления через ненадежный лед залива, и 12 (24) февраля император вновь повторил свое распоряжение, заканчивавшееся грозным предупреждением: «Нерешительности с Вашей стороны тут не могло никакой быть. Указ мой от 1 февраля ясен, и Вам следовало его исполнить. При сем копию сего прилагаю. Я привык требовать точности исполнения моих повелений и не люблю их повторять. Надеюсь, что в последний раз Вы к оному меня принуждаете»⁶⁶.

В качестве наблюдателя к Б. Ф. Кноррингу был отправлен граф А. А. Аракчеев. 1 (13) марта 1809 г. армия под личным предводительством Б. Ф. Кнорринга начала движение через Ботнический залив тремя колоннами, главной из которых командовал П. И. Багратион. Шведский гарнизон остался на островах по приказу короля, но положение его было тяжелым. Зима была очень суровой, пролив Аландсхаф, отделявший острова от Швеции, стянуло тонким льдом. Плавание по нему было невозможно, движение — опасно. Со стороны Финляндии ледовая обстановка была получше, но при ветре и тут лед покрывался водой⁶⁷. Гарнизон Аландов состоял из 6 тыс. солдат и 4 тыс. вооруженных жителей, в экспедицию против них было отправлено около 17 тыс. человек⁶⁸.

Для перехода в Швецию по льду Ботнического залива между Або (совр. Турку, Финляндия) и Ништадтом (совр. Уусикаупунки, Финляндия) в пяти колоннах было сосредоточено 15,5 тыс. пехотинцев и около 2 тыс. кавалеристов под командованием П. И. Багратиона. Переход был хорошо подготовлен, войска снабжены полушубками, валенками и другими теплыми вещами. Все необходимое везли за ними в санном обозе⁶⁹. Переход проводился в тяжелейших условиях, тем не менее закончился удачно. 2 (14) марта П. И. Багратион занял Аландские острова, уничтожив местный гарнизон и захватив 3 тыс. пленных и 30 орудий⁷⁰. Кроме того, были захвачены большие склады с самого разного рода запасами, включая 10 тыс. новых ружей английского производства⁷¹. Сопротивления практически не оказывалось, жители разошлись по домам, части войск удалось уйти на шведский берег⁷². Вплоть до берегов их преследовали казаки⁷³.

Тем временем в самой Швеции начался кризис власти. Занятие русскими войсками Финляндии, их вторжение собственно на шведскую территорию — все это привело к низложению Густава IV Адольфа. Король становился все более непопулярным. Когда для продолжения войны он приступил к выпуску ассигнаций и введению чрезвычайного налога в 5 млн риксталеров, недовольство стало всеобщим. Для преодоления финансового кризиса Густав IV обратился за помощью к английскому посланнику и даже попытался прибегнуть к реквизиции 2 млн риксталеров в банке, но было уже поздно⁷⁴. 1 (13) марта 1809 г. группа офицеров при поддержке прибывшего в столицу корпуса шведской армии совершила государственный переворот⁷⁵. Король был арестован, власть перешла к регенту — герцогу Зюдерманландскому⁷⁶.

Русские войска продолжали наступление. Вслед за Аландами наступил черед Центральной Швеции. В ночь с 6 на 7 (с 18 на 19) марта 1809 г. командующий авангардом генерал-майор Я. П. Кульнев отдал своим подчиненным приказ: «Бог с нами! Я пред вами, князь Багратион за вами. Поход до шведских берегов венчает все труды наши. Сии волны — истинная награда, честь и слава бессмертная... Море не страшно тому, кто упоает на Бога. Отдыхайте, товарищи!»⁷⁷ В 3 часа 30 минут кавалерия выступила и утром 7 (19) марта достигла берега. Впереди шло не более 400 человек⁷⁸. В тот же день отряд Я. П. Кульнева — три эскадрона гродненских гусар и три сотни казаков — вступил в Грисельгам в 80 километрах к северу от Стокгольма. На следующий день Я. П. Кульнев получил приказ отойти. В это время шли переговоры о заключении очередного перемирия, условием которого было бы отсутствие русских войск на территории шведского королевства⁷⁹.

Почти одновременно с этим одна из русских колонн под командованием генерала М. Б. Барклая де Толли, также перейдя через Ботнический залив, достигла шведского берега и заняла город Умео. Это был тяжелейший переход. Солдаты шли по рыхлому уже льду, обходя многочисленные полыньи. Дорога в 40 верст заняла 12 часов. Их внезапное появление поставило шведскую армию в Северной Финляндии в тиски между русскими войсками. Оказать помощь своей столице эта армия уже не могла. В Стокгольме началась паника, жители покидали город. 13 (25) марта «финская» армия вынуждена была сдаться. Шведы были отпущены под честное слово не воевать против России, финляндцы отправлены домой⁸⁰.

Среди мирного шведского населения распространялось обращение русского командующего: «Главнокомандующий российской императорской армией в Финляндии генерал Кнорринг, приближаясь к границам Швеции, уполномочен торжественно объявить жителям всех сословий, что Его Императорское Величество Всемиловитвейший Государь, побуждаемый чувствами человечности и принципами великодушия, примеры которых Европа видела столько раз, весьма далек от стремления расширить границы свои за пределы Ботнического залива за счет народа, которому император всегда воздавал должную справедливость. Он желает только мира и добрых отношений со своим отважным соседом; вынужденный прибегнуть к оружию, он взялся за него неохотно после того, как оказались бесплодными все средства к достижению согласия, чтобы добиться столь желаемого всеобщего мира. Но для этого необходимо, чтобы шведы поняли, какой большой ущерб причиняет им поддержка системы, которая бесспорно противоречит их пользе, но которую враги их славы и процветания своекорыстно представляли в ложном свете»⁸¹.

Возможные действия нового правителя Швеции были трудно-предсказуемыми, а между тем Б. Ф. Кнорринг и сам опасался оказаться отрезанным от основных сил в Финляндии. В результате он принял решение ограничиться этой диверсией, и 8 (20) марта отряд Я. П. Кульнева, а 13 (25) марта войска М. Б. Барклая де Толли вернулись назад, оставив гарнизон на Аландах. Император Александр I был очень недоволен медлительностью и нерешительностью Б. Ф. Кнорринга и дал ему понять, что он должен подать в отставку. Новым главнокомандующим был назначен М. Б. Барклай де Толли. Война продолжалась, тем временем в Стокгольме детронизация короля получила окончательное завершение. 17 (29) марта Густав IV был вынужден подписать акт об отречении в пользу своего сына⁸². За день до этого произошло собы-

тие, ставшее чрезвычайно важной вехой в финляндской политике императора. 16 (28) марта 1809 г. прибывший в Финляндию Александр I открыл в Борго заседание местного сейма⁸³. Церемония открытия была пышной и торжественной⁸⁴.

Накануне он подписал грамоту, положившую начало будущей автономии: «Произволением Всевышнего вступив в обладание великим княжеством Финляндией, признали Мы за благо сим вновь утвердить и удостоверить религию, коренные законы, права и преимущества, которыми каждое состояние сего княжества в особенности и все подданные, оное населяющие, от мала до велика, по Конституциям их доселе пользовались, обещая хранить оные в ненарушимой их силе и действии»⁸⁵. 17 (29) марта депутаты сейма присягали своему новому монарху, представители сословий герцогства делали это по очереди за себя и своих выборщиков⁸⁶. Политический кризис в Швеции был использован русским командованием для заключения перемирия. 19 мая риксдаг при сильнейшем давлении армии лишил права наследования всю семью Густава IV Адольфа, которая вскоре была вынуждена покинуть Швецию. 5 мая регент провозгласил себя королем Карлом XIII. Военные столкновения вскоре возобновились и продолжались до лета 1809 г., неизменно неудачно для шведов, которые вскоре убедились в бесперспективности сопротивления.

Условия прекращения войны со Швецией были сформулированы Александром I еще весной 1809 г.: 1) мир должен быть заключен не только с Россией, но и со всеми ее союзниками; 2) Швеция должна присоединиться к континентальной блокаде; 3) Финляндия и Аланды присоединяются к России⁸⁷. Присутствовавший при первых встречах со шведскими представителями А. А. Аракчеев сразу же отменил разговоры о перемирии. Мир на русских условиях или война — вопрос стоял именно так⁸⁸. 5 (17) сентября 1809 г. во Фридрихсгаме (совр. Хамина, Финляндия) был подписан мирный договор, по условиям которого вся Финляндия, включая Аландские острова, отходила к России⁸⁹. Швеция обязывалась расторгнуть союз с Англией, заключить мир с Францией и Данией и присоединиться к континентальной блокаде. Восстанавливалась русско-шведская торговля, причем шведы получали право на ежегодную беспощинную покупку 50 тыс. четвертей¹ зерна в России⁹⁰.

«Путь к победам, — гласил манифест от 1 (13) октября 1809 г., — невзирая на все сопротивление, еще был отверзт, но как скоро надежда

¹ Четверть, или куль, — единица измерения сыпучих тел, равняется 8 пудам (210 литрам).

к прочному миру представилась возможной, Мы с удовольствием, оставив все выгоды воинского Нашего положения, обратились к миру»⁹¹. Финляндия входила в состав империи в качестве великого княжества (герцогства), связанного с Россией династической унией, сохраняя права и привилегии, получив сейм и самую широкую автономию. 7 (19) июля 1809 г., еще во время войны, Александр I вновь посетил Финляндию, но теперь уже для закрытия сейма⁹².

Император обещал депутатам, что им не придется жалеть о присоединении к России, и успокоил их обещаниями, которых он не нарушил: «Обратив ваше внимание на важнейшие отрасли общего благосостояния, доверив благородству чувствований ваших и опираясь на чистоту Моих намерений, ибо имею в виду счастье Финляндии, даровал я совещаниям вашим полную свободу, повелев устранить от них всякие посторонние власть и влияние. Я хотел, чтобы мнения ваши были свободны»⁹³. 6 (18) августа император утвердил регламент правящего совета великого княжества — Финляндия получила документ, учреждавший ее правительство⁹⁴. 11 (23) декабря 1811 г. к великому княжеству была присоединена Финляндская (Выборгская) губерния, находившаяся в составе России по условиям Ништадтского мира с 1721 г.⁹⁵ Александр I давно вынашивал этот план и рассчитывал таким образом добиться двух целей — облегчить положение крестьян (в Финляндии не было крепостного права) и укрепить признательность финляндцев⁹⁶.

Вопрос о Выборге, или Старой Финляндии, обсуждался с начала 1811 г., активным сторонником принятого решения был генерал-губернатор граф Армфельд⁹⁷. Как ни странно, но особых недоразумений это решение императора не вызвало. Как отмечал один из современников, «некоторые посмотрели на то, как на уступку немногих десятин богатой вотчины другой небольшой соседней деревне, одному же с ней помещику принадлежащей. Все взоры устремлены были на запад и на юг, до севера никому дела не было»⁹⁸. Между тем финская администрация с самого начала повела последовательную борьбу с русским дворянством и русским влиянием в губернии. Петербург предпочитал не замечать этого⁹⁹.

На сейме 1809 г. было проведено и решение об упразднении поселенных войск, то есть формально они оставались, но службы от них больше не требовалось. Манифестом от 15 (27) марта 1810 г. это положение было утверждено, 9,5 тыс. поселенных и 6 тыс. вербованных войск были освобождены от самой тяжелой государственной обязанности, в княжестве вводилась особая военная подать¹⁰⁰. 31 января (12 февраля)

1812 г. манифестом «О постоянной повинности жителей Финляндии» император подтвердил освобождение жителей великого княжества от воинской службы, местное милиционное войско собиралось только в особых случаях, а в остальное время ответственность за оборону страны и соблюдение порядка была возложена на русскую армию. Подданные княжества несли постоянную повинность¹⁰¹. Она не была слишком уж велика: 2790 рублей (1812 г.), 3045 рублей (1813 г.), 4840 рублей (1814 г.), к 1825 г. она составила 16 540 рублей¹⁰².

Александр I намеревался также образовать особую область на западной границе империи из губерний, возвращенных в результате разделов Польши, однако благодаря влиянию К. О. Поццо ди Борго и Н. М. Карамзина отказался от этой идеи, реализация которой могла иметь опаснейшие для России последствия. Император в определенное время склонялся к идее окружения империи, по примеру Наполеона, вассальными или объединенными личной унией владениями¹⁰³, что частично объясняет его политику в отношении Финляндии в 1809 и 1810 гг., Бессарабии в 1812 г. и Польши в 1815 г. Что касается Швеции, то ближайшим следствием проигранной войны для нее стало избрание 21 августа 1810 г. наполеоновского маршала Ж. Бернадота наследным принцем под именем Карла Юхана.

Некоторую пикантность этому придавал тот факт, что сам Ж. Бернадот был в свое время настолько убежденным республиканцем, что даже отказался помогать Наполеону в перевороте 1799 г.¹⁰⁴ Впрочем, для шведов это не имело никакого значения, их призывали ориентироваться на союз «с державой, от которой наиболее можем надеяться и всего менее опасаться. Каждый видит, что сия держава есть Франция». Залогом успешного союза мог стать французский принц в качестве шведского престолонаследника¹⁰⁵. Династия Ваза прекратила существование на шведском королевском престоле. Последний ее представитель Карл XIII остался в стране, а в 1814 г., после провозглашения унии Швеции и Норвегии, стал номинальным королем Норвегии, проживавшим в Стокгольме.

Весна и лето 1809 г., когда военные действия со шведами завершились и велись русской стороной с явным желанием ускорить их завершение, совпали по времени с гораздо более важными для Александра I событиями. Со второй половины 1808 г. разрыв между Францией и Австрией стал неизбежен. Действия французского императора в Испании лишили австрийский двор последних иллюзий относительно возможности договориться с ним о мирном сосуществовании и полном мирном разделе сфер влияния в Турции. «Планы Наполеона стали

ясны, — говорил эрцгерцог Карл, — нечего спрашивать, чего он хочет: он хочет всего»¹⁰⁶. Вена активно готовилась к новой войне, а Наполеон, со своей стороны, стал сосредотачивать войска и открыто демонстрировал презрение к Австрийской империи, сожалея, что не уничтожил ее в 1805 г. Решительный отказ императора Франца I исполнить желание Наполеона и признать его брата Жозефа королем Испании сделал будущий конфликт очевидным для всех¹⁰⁷. Париж требовал разоружения Австрии и грозил, что на этот раз война приведет к полному уничтожению империи Габсбургов. Австрийцы опасались того, что в Эрфурте Россия и Франция договорятся о совместных действиях против Дунайской монархии, и поначалу решили уступить¹⁰⁸.

Александр I счел необходимым лично заверить австрийского посланника князя Карла Филиппа фон Шварценберга в том, что Россия не нанесет удара по Австрии: «Я даю великое доказательство доверия, обещая Вам, что сделано будет все человечески возможное, чтоб не нанести Вам ударов с нашей стороны; мое положение так странно, что хотя мы с Вами стоим на противоположенных линиях, однако я не могу не желать Вам успеха»¹⁰⁹. Убедившись, что им не надо опасаться за свой тыл в Галиции, австрийцы все же решили действовать. Русская дипломатия стремилась предотвратить столкновение между Парижем и Веной, но без особого успеха. Будучи уверенным в поражении Австрии, Александр I стремился теперь к одному — не допустить вовлечения в войну Пруссии. В начале 1809 г. Петербург посетила прусская королевская чета. Здесь ее ждал дружеский и блестящий прием, а также заверения в том, что Россия не допустит дальнейшего унижения и ослабления Пруссии. Необходимо отметить, что в королевстве усиливалась партия сторонников реванша, и Фридриху-Вильгельму III недвусмысленно было рекомендовано воздержаться от вмешательства в конфликт. Александр I считал, что Пруссия еще не готова к новой войне¹¹⁰.

Австрия готовилась к реваншу, и это понимал ее противник. Уже с февраля 1809 г. Наполеон начал запрашивать русского посла во Франции князя А. Б. Куракина о возможных совместных действиях против Вены с целью принуждения ее к разоружению¹¹¹. В Париже были уверены в своих силах, победа казалась неизбежной, Наполеон предлагал своему союзнику встретиться в Вене¹¹². А в Вене также царили радужные ожидания и воинственные настроения¹¹³. Практически все сословия монархии объединились в желании реванша¹¹⁴. В марте 1809 г. Австрия вступила в союз с Англией и 9 апреля начала войну с Францией. Австрийская армия выставила 280 тыс. человек при 790 орудиях,

ее главные силы (около 200 тыс. человек) под командованием эрцгерцога Карла были сосредоточены в районе Верхнего Дуная, где Наполеон сумел к началу военных действий собрать около 200 тыс. человек и 428 орудий.

10 апреля австрийцы вторглись в Баварию, но после боев 19–23 апреля при Тейгене, Абенберге, Ландсхуте, Экмюле и Регенсбурге понесли значительные потери (до 45 тыс. человек) и вынуждены были отойти к Вене. Прусский король остался нейтральным. На этот раз он не колебался. Его настроения прекрасно отражает письмо к Александру I от 12 мая 1809 г.: «Я остался глух, и я долгое время противостоял всем попыткам, сделанным у меня как со стороны Австрии, так и со стороны почти всех моих подданных с целью заставить меня высказаться за Австрию. Умы до такой степени возбуждены и агитация и общее возбуждение настолько велики, что я рискую всем, если не приму решения, которого особенно желает народ... Я повторяю, если Австрия будет побита, я буду неминуемым образом вовлечен в ее гибель, потому что я не могу скрыть от себя, что в сердце своем Наполеон поклялся погубить меня, и он достаточно найдет поводов, чтобы придрататься ко мне»¹¹⁵.

Император заверил французского посла в России, что выполнит свои обязательства перед Францией в случае ее войны с Австрией, но оговорил их определенными условиями, предупредив Наполеона, что возможности России ограничены ведущимися уже войнами. Вновь возникла проблема «польского наследства». Россия была категорически против расширения герцогства Варшавского за счет Галиции, Франция не хотела допустить перехода Галиции к России¹¹⁶. В результате официальный Петербург более активно расточал любезности, чем оказывал помощь¹¹⁷. Между тем она была необходима «союзникам». 12 (24) апреля австрийцы распространили прокламацию к жителям Варшавского герцогства, призывая их к восстанию против французов, после чего начали вторжение силами до 40 тыс. человек. Польская армия насчитывала около 36 тыс. человек, из которых две трети были распределены по гарнизонам, в поле военный министр герцогства Варшавского генерал князь Понятовский мог вывести не более 12 тыс. человек. Уже 21 апреля австрийцы взяли Варшаву, польские части отступили на левый берег Вислы, удержав Прагу¹¹⁸.

Александр I отправил на русско-австрийскую границу, на Вольный, 32-тысячный корпус¹¹⁹, а 22 апреля (4 мая) 1809 г. русский поверенный в делах в Австрии официально затребовал паспорта для отъезда¹²⁰. Формально война была объявлена, но фактически далее

этого Петербург не пошел. Со своей стороны, и австрийское правительство еще в начале войны распорядилось, чтобы «пограничные власти не оказали никакого сопротивления русским войскам, которым приказано будет вступить на австрийскую территорию»¹²¹. Позиция, которую займет в войне Россия, весьма интересовала Берлин, где не хотели идти на риск нового столкновения с Францией без санкции Александра I. «Ничто не может сокрушить Наполеона, — сказал император в частном разговоре в мае 1809 г., — и если я поссорюсь с ним, Россия погибнет»¹²².

Император считал, что даже совместных сил двух сильнейших германских государств, пусть и при помощи России, не будет достаточно для того, чтобы освободиться от французского диктата, и не собирався вмешиваться в конфликт. «Наконец, — отвечал он в конце мая в Берлин, — мои обязанности в отношении моей страны священны. Я не могу подвергнуть ее неминуемой гибели, и потому я твердо решил следовать принятой системе, и ничто меня не заставит отступить от нее. Возбуждение умов — такой путеводитель, которому следовать опасно. Оно навлекло на Австрию все бедствия, и позвольте верному другу, человеку, любящему Вас до глубины души, умолять Вас всмотреться при помощи Вашего благоразумия в глубину пропасти, которая открывается у Ваших ног»¹²³. События поначалу, казалось бы, доказывали правильность опасений императора Александра I, и Фридрих-Вильгельм III сохранил нейтралитет.

13 мая французы заняли столицу Австрии, а ее армия заняла оборону по левому берегу Дуная, напротив города. Александр I поздравил Наполеона с этим успехом¹²⁴. В ночь на 21 мая часть французской армии (около 40 тыс. человек при 50 орудиях) переправилась через реку в районе селения Асперн, в нескольких километрах восточнее Вены, и была атакована 80 тыс. австрийцев при 288 орудиях. Наступление французов было остановлено. Контрнаступление Наполеона 22 мая силами до 70 тыс. человек при поддержке 114 орудий было отражено 105 тыс. австрийцев с 288 орудиями с большими потерями для французов. Подъем воды в реке, в результате которого смыло мост, соединяющий южный берег реки с островом Лобау (8–11 километров восточнее Вены) на ее середине, сделал для Наполеона невозможной задачу подкрепления своей армии на северном берегу. Ночью император отвел свои войска оттуда на Лобау и начал тщательно готовиться к форсированию Дуная. Военные действия приобрели неблагоприятный для Наполеона оборот.

Русские войска уклонились от оказания помощи франко-саксонско-польской армии в герцогстве Варшавском, оказавшейся в тяжелей-

шем положении в первый период военных действий¹²⁵. После того как австрийцы заняли Варшаву, князь Понятовский начал диверсию в сторону Галиции¹²⁶. Наиболее боеспособные части эрцгерцога Карл взял отсюда на Дунай. Поляков, идущих под польскими знаменами, встречали как освободителей. Небольшие австрийские гарнизоны или уходили, или переходили на сторону войск Понятовского. Русские войска стояли на границах. Только через 53 дня после начала военных действий они вступили в Галицию, уже в значительной части занятую поляками¹²⁷. Вступавшие в Галицию войска не встретили никакого сопротивления со стороны австрийцев, которые наступали в герцогстве Варшавском¹²⁸. Инструкции, данные командующему русской армией императором и министром иностранных дел 6 (18) мая, предписывали и мягкое отношение к местным жителям, и дружелюбие к союзникам — саксонским и польским войскам. Кроме того, он должен был по возможности воздерживаться от совместных с ними действий¹²⁹. Между «противниками» произошла единственная стычка, да и то по ошибке, австрийцы приняли русский разъезд за польский и обстреляли его. В остальном все шло прекрасно. Русские авангарды и австрийские арьергарды относились друг к другу вежливо и приветливо. Их встречи неоднократно заканчивались совместными трапезами и выпивками¹³⁰.

С «союзниками» столь сердечных встреч не было. Русские войска заняли Краков (фактически город был передан австрийцами русским) и часть Галиции, что позволило перебросить освободившиеся части на Дунай¹³¹. Понятовский вошел в город без разрешения, и почти сразу же между русскими и поляками начались стычки¹³². Впрочем, взаимодействие с поляками было практически невозможно. Понятовский с самого начала занял враждебную позицию по отношению к России. Он издавал воззвания к полякам, призывавшие к полному восстановлению Польши, переманивал солдат и офицеров польского происхождения из русской армии, старался не допустить русские войска в Галицию, опасаясь, что из-за русской оккупации поляки не получат ее после войны, постоянно провоцировал конфликты и т. п.¹³³ Не удивительно, что при оккупации Кракова «союзными» русскими и польскими войсками между ними установились далеко не дружественные отношения. Начавшись с дуэлей, вражда порой выливалась в стычки между караулами¹³⁴.

Все было наполнено противоречиями. Если Восточная Галиция с ее преимущественно малороссийским населением приветствовала русские войска, неоднократно высказывая надежды на присоединение к России, то Западная, где преобладал польский элемент, — польские¹³⁵.

За время похода против Австрии русские войска понесли только случайные потери: были убиты два казака, ранены один подполковник и один казачий сотник¹³⁶. Впрочем, даже и такое содействие формальному союзнику, по мнению французского посла в России, вызывало в петербургском обществе резкое осуждение¹³⁷. Начальник 18-й пехотной дивизии генерал-лейтенант князь А. И. Горчаков 2-й вступил в переписку с командовавшим австрийскими войсками эрцгерцогом Фердинандом. Оба они высказали пожелание, чтобы австрийские и русские войска вскоре встретились «на поле чести». Переписка была перехвачена, и Наполеон переправил ее своему союзнику в Петербург. А. И. Горчаков 2-й был арестован и направлен в Вильно, где был предан суду и разжалован в рядовые. Александр I отправил его в отставку с запретом посещать обе столицы¹³⁸. Наполеон был возмущен и назвал все случившееся «предательским поведением»¹³⁹.

Возмущался и Александр I. Он был недоволен столкновениями с поляками и хотел сохранить союз с Наполеоном. Император требовал от командующего войсками генерала князя С. Ф. Голицына немедленно прекратить конфликтовать с союзниками и заигрывать с австрийцами — оставлять их чиновников на местах, сохранять поступление доходов в австрийскую казну и т. п.¹⁴⁰ «Ведя открытую войну против Австрии, — писал он в рескрипте от 8 (20) июля 1809 г., — ни скрывать от Вас Моих намерений, ни вводить Вас в какие-либо побочные заключения не имел Я ни намерения, ни причины. Цель вверенной Вам армии известна: она состоит в том, чтобы действовать против Австрии, и действовать не одним движением, но и силою оружия. Всякое другое изъяснение Вашей цели есть внушение ложное, от единого ухищрения неприятеля происходящее»¹⁴¹. Правда, пока военные действия шли, он не останавливался перед тем, чтобы обещать России Лемберг (совр. Львов, Украина) и Восточную Галицию¹⁴².

Впрочем, общее ощущение от результатов совместных действий у союзников не изменилось. «Я никогда не рассчитывал на русскую помощь», — сказал К. Меттерниху после окончания войны Наполеон¹⁴³. Разумеется, император Франц I придерживался совсем других воззрений. Во время переговоров с посланцем Александра I в августе 1809 г. он заявил: «Я никогда не признавал и не буду признавать неприятеля в императоре Александре. Я слишком убежден в том, что его выгодам противно допустить до падения Австрию, единственную преграду между Россией и Францией»¹⁴⁴. Серьезных столкновений у русских с австрийцами не было, русское военное присутствие скорее помогало, чем мешало Габсбургам, поддерживая стабильность на бывшей территории

Польши и прикрывая так называемый Богемский коридор, открывавший дорогу на Будапешт и Вену.

Вечером 4 июля французы начали форсирование Дуная крупными силами (170 тыс. человек при 584 орудиях) с острова Лобау на левый берег реки в районе селения Ваграм, в 16 км к северо-востоку от Вены. 110 тыс. австрийцев при 452 орудиях 5 июля 1809 г. отразили все атаки французов, но 6 июля, отразив контрнаступление австрийцев, Наполеон нанес сильнейший удар по центральной позиции эрцгерцога Карла и заставил его отступить. Потери сторон были приблизительно равными — около 25 тыс. человек, и французы не преследовали отступавших. Военные действия в Италии, Далмации и Тироле развивались не в пользу австрийцев, несмотря на их героическое сопротивление. 12 июля 1809 г. было заключено перемирие, а 14 октября Вена была вынуждена согласиться на подписание Шенбруннского мирного договора с Францией. Австрия потеряла 2000 квадратных миль территории и 3,5 млн подданных, а вместе с ними — выход в Адриатику, сокращала армию до 150 тыс. человек, присоединялась к континентальной блокаде. Под властью Парижа теперь находилось 72 млн человек, Вены — 20 млн¹⁴⁵.

Ухудшение русско-французских отношений: на пути к войне

Среди многочисленных территориальных потерь Дунайской монархии наиболее важными для России были следующие: присоединение к герцогству Варшавскому Западной Галиции с центром в Кракове и населением свыше 1,25 млн человек, а Тарнопольской области Восточной Галиции с населением 400 тыс. человек — к России. Резкий рост могущества Франции, увеличение ее плацдарма на западных границах Российской империи, которое воспринималось как этап на пути восстановления границ 1772 г., то есть до первого раздела Польши, — все это вызвало негативную реакцию в Петербурге¹. Территориальное приращение не вызвало позитивной реакции в обществе². За увеличение своих польских владений саксонский король обязался ежегодно выплачивать Франции по 10 млн франков и увеличить армию герцогства до 60 тыс. человек. Эти изменения шли вразрез с русскими предложениями. «Если Галиция должна быть отделена от Австрии, — говорил перед заключением

Шенбруннского мира Александр I, — то пусть отдадут ее одному из эрцгерцогов, я не стану противиться этому; но если хотят разделить ее между мною и Варшавским герцогством, то надобно, чтобы оно получило меньшую, а я большую ее часть»³.

Император опасался, и не без оснований, что окончательной целью политики Наполеона на востоке Европы является традиционная для французской политики середины XVII–XVIII вв. система, опиравшаяся на польско-шведско-турецкую ось, одинаково враждебную и России, и Австрии, и Пруссии. Подозрения усилились после отказа императора Франции ратифицировать конвенцию о невостановлении Польского королевства, которую 23 декабря 1809 г. (4 января 1810 г.) подписал в Петербурге его посол в России А. Коленкур⁴. Этот документ содержал в себе определенные гарантии спокойствия на западных границах России. Герцогство Варшавское превратилось в центр антирусской пропаганды, стремившейся возмутить Волынь, Подолию и Литву, а точнее, польское дворянство этих областей Российской империи.

Еще во время австро-французской войны император Александр I открыто заявлял А. Коленкуру: «Я не претендую, чтоб князь Понятовский занимал что-либо в Австрии моим именем, но точно так же я не могу согласиться, чтоб именем императора Наполеона занимали земли, завоеванные моим оружием. Какое намерение Франции? Что, она хочет удержать Галицию за собой? Но я никогда не соглашусь, чтоб на моей границе была французская провинция. Ни народ мой, ни потомство мне этого никогда бы не простили. Сколько жертвований принесено мною французскому союзу! Война с Англией причинила страшный вред русской торговле; война с Австрией стоит громадных издержек; после таких жертвований я имею полное право удивляться тому, что происходит в Польше: Варшава пылает бешеной ненавистью к русским, только о том и речей, чтоб возбудить восстание в Литве, и неужели это согласно с союзом между Россией и Францией?»⁵

Наполеон с готовностью поддерживал эти настроения, поляки ему были нужны в качестве пушечного мяса, особенно на случай войны с Россией. В случае победы над ней восстановленная Польша стала бы гарантом нового политического порядка на востоке Европы⁶. Эти расчеты были достаточно очевидны. Канцлер Н. П. Румянцев был более категоричен, чем его монарх, в разговорах с французским послом: «Вы спокойно смотрите, как разгораются политические страсти во всех городах Варшавского герцогства; вы позволяете делать воззвания к жи-

телям прежней Польши; я Вам объявляю, господин посол: мы пожертвуем последним человеком, мы продадим последние наши рубашки, а не согласимся на восстановление Польши»⁷. Подозрения Петербурга относительно искренности поведения союзников лишь усиливались, поскольку французы не торопились вступать в переговоры и ответили на русские запросы только после четвертой ноты Н. П. Румянцева по польскому вопросу⁸.

Русско-французская конвенция и должна была успокоить эти опасения. Ее статьи гласили: Польское королевство никогда не будет восстановлено; термины «Польша» и «поляки» не будут применяться ни к одной из частей бывшего королевства; польские ордена не будут восстановлены; подданные саксонского короля в герцогстве Варшавском не будут приниматься на русскую службу и наоборот; территория герцогства не будет расширяться; «смешанных подданных» между Россией и Варшавским герцогством не будет⁹. Конвенцию подписали 21 декабря 1809 г. (2 января 1810 г.), ратификация должна была быть проведена не позднее 50 дней после подписания¹⁰. Но Наполеон не подписал соглашения по Польше. Ее судьба явно зависела от судьбы матримониальных проектов императора. Ж. Б. Шампаньи уклонялся от переговоров и принятия предложенного варианта конвенции, и никакие заверения в преданности и дружбе не могли этого скрыть¹¹.

Почти одновременно с этим закончились неудачей переговоры о браке великой княжны Анны Павловны с Наполеоном¹². Впервые этот вопрос был затронут еще во время встречи в Эрфурте. Александр I не отказал, но предупредил о возможном сопротивлении данному плану со стороны матери¹³. Официально предложение руки императора французам было сделано 10 (22) ноября 1809 г. в депеше, направленной А. Коленкуру. Почти месяцем позже в дополнительной ноте подтверждалась готовность Парижа пойти на все необходимые с точки зрения Петербурга уступки (сохранение вероисповедания и т. п.)¹⁴. Александр I вновь ответил уклончиво, сославшись на завещание отца, по которому право распоряжаться судьбою дочерей было всецело предоставлено вдовствующей императрице Марии Федоровне, которая категорически отказалась отдать 15-летнюю великую княжну «корсиканскому чудовищу». 23 января (4 февраля) 1810 г. император Александр I передал французскому послу мнение матери — бракосочетание не может состояться ранее, чем через два года. Это был вежливый отказ¹⁵. Наполеон воспринял его как оскорбление, зато русское общество встретило эту новость весьма сочувственно¹⁶. С конца 1809 г. русско-французские отношения неизменно ухудшались.

После провала своих матримониальных планов в Петербурге Наполеон немедленно приступил к подготовке другого семейного союза и быстро преуспел. 11 марта 1810 г. в Вене состоялось его бракосочетание с австрийской эрцгерцогиней Марией-Луизой. Императора французов представлял его посол, невесту к алтарю вел ее дядя эрцгерцог Карл. Ее отец Франц I связывал с этим браком надежды на улучшение отношений с Францией. Активно содействовал браку австрийский посол в Париже К. Меттерних¹⁷. Планы Наполеона после победы 1809 г. были гораздо более страшными для Габсбургов, чем те, которые были реализованы потом в Пресбурге. Поначалу он открыто заявлял о своем желании уничтожить Австрию как единое государство. Александр I активно заступился за Дунайскую монархию, и в результате император французов решил отказаться от своих планов, решив использовать австрийцев в настоящем как гарантию спокойствия и контроля над разноплеменными землями, а в будущем — как союзника против России¹⁸.

Александр I был доволен браком Наполеона. «А ведь хорошо, что возраст сестры моей остановил нас здесь», — заявил он французскому послу в Петербурге¹⁹. Однако практически немедленно после отказа сватовства из Петербурга последовал отказ Наполеона ратифицировать конвенцию по Польше. Он предложил целый ряд изменений, которые сводили на нет смысл соглашения. Переговоры ничем не кончились²⁰. Отказ от проекта договора по Польше, естественно, не способствовал доверию Петербурга к Парижу. 13 марта, под гром салютовавших орудий, сопровождаемая ликованием венцев, императрица Мария-Луиза отправилась навстречу ожидавшему ее в Компьене супругу²¹. Уже 16 марта 1810 г. по приказу Наполеона его министром иностранных дел Ж. Б. Шампаньи был составлен доклад, в котором говорилось о настоятельной необходимости войны с Россией во имя сохранения первенствующего положения Франции в Европе. Причиной было названо неизбежное сближение Петербурга с Лондоном²². Министр предлагал восстановить силу и значение трех старых союзников Франции, которые были приведены в «угнетенное состояние» Россией, — Швеции, Турции и Польши и в будущем опираться на них²³.

Систему, установленную наполеоновской дипломатией на севере Европы, автор доклада считал абсолютно невыгодной для Парижа, участие держав этой части континента в континентальной блокаде — иллюзорной, а их отношение к франко-английскому конфликту в лучшем случае нейтральным: «При таком положении вещей чему служит для Франции мнимая коалиция северных государств против англичан?

Не обладая морскими силами для действительного воздействия на последних, расположенные втайне покровительствовать обману, заменяющему для них дозволенную торговлю, они, отдавая пустые приказания, лишь делают вид, что способствуют целям Вашего Величества и исполняют свои обязательства. Поэтому-то и блокада, которая должна была заставить Англию умереть от голода среди сокровищ обеих Индий, свелась к системе бессвязной, лишенной единства и безрезультатной. Россия, Пруссия, Дания, Швеция под видом открытого разрыва с лондонским двором и близких отношений к Франции сохраняют настоящий нейтралитет, выгодный лишь для англичан, так как состояние нашего флота делает его совершенно призрачным для нас. И тогда преимущества, которых мы ожидали от союза с Россией, с каждым днем исчезают. Россия, напротив того, быстро пользуется всеми выгодами, вытекающими для нее из союза с нами. Она уже мирно владеет Финляндией и для полного осуществления всех секретных соглашений тильзитского и эрфуртского ей остается лишь обеспечить себе договором обладание Молдавией, Валахией и Бессарабией, с давних пор покоренных и занятых ее войсками»²⁴.

Париж был недоволен поведением России в 1809 г., а также нарушениями континентальной блокады, на которые, с французской точки зрения, русские власти все чаще начинали смотреть более или менее снисходительно. Между тем в 1808 и 1809 гг. Александром I был издан ряд весьма жестких указов, направленных на ограничение торговли британскими товарами и возможностей их реэкспорта: указ от 16 (28) марта 1808 г. вводил конфискацию таких товаров²⁵; указ от 14 (26) мая 1809 г. предписывал всем кораблям, входившим в русские порты, иметь документы, подтверждавшие нейтральное происхождение груза, и если английские товары составляли половину груза — он конфисковался, если более — конфискации подвергался и корабль²⁶. Эти законы неукоснительно исполнялись²⁷.

По данным А. Коленкура, в 1809–1810 гг. в северных русских портах было конфисковано до 200 контрабандных судов и грузов. По словам Александра I, эта цифра была больше, только за 1810 г. было конфисковано 170 судов²⁸. На деле количество конфискованных судов было гораздо меньше: в навигацию 1808 г. — один, 1809 г. — 24, 1810 г. — семь кораблей. Гораздо чаще конфисковались грузы. В 1810 г. к этой мере прибегали 94 раза²⁹. Понижение таможенного контроля немедленно сказалось и на поведении британских эскадр на Балтике. К 1809 г. они фактически соблюдали нейтралитет в отношении берега. Не было нападений и обстрелов, командиры судов и береговых батарей

поддерживали контакты, морякам разрешали пополнять запасы пресной воды и провизии³⁰.

Наполеон по-прежнему был недоволен и не скрывал этого от русского посла в Париже. Претензии становились бесконечными: действия русских дипломатов, поведение России во время войны Франции с Австрией и т. п. Но, разумеется, главной проблемой оставалась континентальная блокада³¹. Император категорически требовал конфискации грузов, доставляемых в русские балтийские порты на судах под нейтральными флагами, а также ареста этих судов. 23 октября 1810 г. он писал Александру I: «Какими бы они ни были снабжены свидетельствами, явятся ли они под именем французских, немецких, испанских, датских, русских, шведских, Ваше Величество можете быть уверены, что все это — англичане»³². Император французов настаивал на принятии в России торговых правил, установленных им во Франции³³. Он открыто говорил о том, что Россия твердо решила «броситься в объятия Англии»³⁴. Петербург категорически отказался принять иностранные торговые постановления и тарифы. «Каждый вправе распоряжаться у себя для собственной пользы», — заявил Александр I французскому послу в день принятия таможенного постановления от 19 (31) декабря 1810 г.³⁵ Главная цель «Положения о нейтральной торговле на 1811 год в портах Белого, Балтийского, Черного и Азовского морей и по всей Западной сухопутной границе» была сформулирована следующим образом: «...преградить усиление непомерной роскоши, сократить привоз товаров иностранных и поощрить, сколь возможно, произведения внутреннего труда и промышленности»³⁶.

Из прежних 600 статей товаров допущено было всего 208 статей, всего же под запретом вместе с сохраненными положениями прежнего тарифа оказалось 500 статей импорта. При этом пошлины на основные товары русского экспорта были значительно сокращены³⁷. Среди запрещенных товаров были шелковые материи, полотна, ленты, сукно, батист, кружева, бронзовые и фарфоровые вещи, виноградные вина и т. п. Россия просто не была в состоянии компенсировать ввоз этих предметов соответствующими объемами вывоза своих товаров, тяжелых и объемных, тем более что море, то есть дешевый водный путь, для экспорта было закрыто³⁸. «Положения о нейтральной торговле», повысившие на 50% пошлины на все ввозимые товары, полностью запрещали ввоз в Россию предметов роскоши, которые также поступали главным образом из Франции. Н. П. Румянцев на протесты А. Коленкура ответил, что Петербург делает то же, что и Париж, напомнив про запреты Наполеона на ввоз в его империю из России рыбьего жира, пота-

ша и астраханского хлопка³⁹. Тарифы 1810 г. буквально спасли русские финансы от окончательного разорения.

Доходы государства в этом году составили 191,5 млн рублей (вместе с займами и учитывая выпуск ассигнаций — 278,6 млн рублей), расходы — 279 млн рублей. Большую часть последних составляли расходы на армию — 128 млн рублей, гораздо меньшую, но все же чувствительную, на содержание флота — 19,6 млн рублей⁴⁰. «Положения о нейтральной торговле» разрешали и импорт «колониальных товаров» под флагом США и других нейтральных государств⁴¹. Еще ранее, 21 декабря 1809 г. (2 января 1810 г.), разрешение на посещение русских портов было предоставлено Бразилии как нейтральной стране, в которой находился принц-регент Португалии, и судам из других португальских колоний. Сама Португалия, являясь страной, занятой английскими войсками, такого права не получала⁴². В результате образовалась лазейка, весьма удобная для обхода существующих правил. Это немедленно сказалось на торговом судоходстве. Если за период 1802–1806 гг. в среднем в русские порты на Балтике пришло и ушло 6083 судна, на Белом море — 451, на Черном и Азовском морях — 1783, в 1807 г. соответственно 4676, 375 и 115, в 1808 г. — 743, 215 и 1614, то в 1809 г. — 2341, 370 и 337. Общий торговый оборот вырос почти в два с половиной раза, а экспорт — почти в три раза. Эта тенденция продолжилась и в 1810 г.⁴³

Значительная часть британских судов приходила в Россию под флагами нейтральных государств, например США. Поначалу фальшивые документы мало помогали⁴⁴, но потом все изменилось. Практика «нейтрализации», то есть фиктивной, по сути дела, передачи судна фирме из нейтральной страны, при которой судно оставалось собственностью передающего лица или компании, была широко распространена в это время. Признание этой практики фактически означало отказ России от участия в континентальной блокаде. С 1811 г. русские власти становились все менее требовательными к документам нейтральных судов. Реквизиции еще имели место, но их количество резко сократилось (две в 1811 г. и ни одной в 1812 г.)⁴⁵. Если учесть тот факт, что по новым таможенным правилам часть французских товаров запрещалась к ввозу в Россию, а часть подлежала повышенному налоговому обложению, то понятными становятся многочисленные протесты Парижа. Однако у русского правительства не было иного выхода борьбы с надвигающейся финансовой катастрофой, среди прочих причин вызванной и участием в торговой блокаде Великобритании.

Франция, поставлявшая в основном предметы роскоши и не нуждавшаяся в русском сырье и полуфабрикатах (льняные и пеньковые

ткани), не могла заменить Англию в качестве торгового партнера. Даже Наполеон вынужден был признать, что только половина стоимости французского ввоза в Россию (12 млн франков) покрывалась вывозом русских товаров, за остальное приходилось рассчитываться деньгами⁴⁶. 21 января (2 февраля) 1812 г. положение о нейтральной торговле было продолжено и на 1812 г.⁴⁷ В результате введения нового таможенного тарифа пошлинные сборы начали неуклонно расти, к 1812 г. их объем составил 20 млн рублей ассигнациями, в основном полученных от иностранцев⁴⁸. Допуск колониальных товаров под нейтральными флагами и возможность вывоза русских товаров немедленно сказались самым положительным образом на курсе рубля после начала навигации по Балтике. Даже война с Францией не переломила эту тенденцию (см. таблицу).

Стоимость ассигнационного рубля в серебряных копейках⁴⁹

	1811 г.	1812 г.
Январь	19,8	31,6
Февраль	19,3	31,1
Март	19,8	27,4
Апрель	28	26,9
Май	19,3	26,9
Июнь	21,5	28,4
Июль	23,0	34
Август	24,7	56,2
Сентябрь	24,9	64,0
Октябрь	25,4	55,6
Ноябрь	22,5	44,6
Декабрь	29,7	42,0
В среднем	22,5	38,8

Ухудшение русско-французских отношений было обусловлено не только экономическими причинами. В своем мартовском докладе 1810 г. Ж. Б. Шампаньи рекомендовал Наполеону политику отбрасывания русских западных границ к Днепру⁵⁰. Для этого, по его мнению, необходимо было восстановить трех традиционных союзников Франции на востоке, которые помогали бы ей сдерживать рост влияния России, то есть турок, шведов и поляков⁵¹. «Все трое продолжают еще существовать, — писал министр, — несчастные, ослабленные, унылые,

но могущие воспринять новую жизнь и даже быть возвращенными к их прежней политике творческой рукой Вашего Величества»⁵². Естественно, что для войны с Россией нужна была помощь не только «ослабленных и унылых», и Наполеон активно занялся поиском потенциальных союзников. С осени 1810 г. он начал зондировать почву на предмет возможности соглашения с Веной. Удобным поводом для последней задачи стало избрание Ж. Бернадота. Необходимо отметить, что выбор Швеции не очень порадовал Наполеона, который недолюбливал своего маршала и считал его недостаточно либеральным для роли монарха⁵³.

Что касается России, то ее император почти сразу же занял принципиальную позицию. «Его Императорское Величество, верный своим принципам, — писал канцлер послу в Швеции 21 августа (2 сентября) 1810 г., — при оценке событий в Европе признает и стремится лишь к тому, что способно привести ее к миру и вернуть континенту состояние спокойствия и процветания, из которого он был вырван более десяти лет назад. И если выборы, только что произошедшие в Швеции, в состоянии каким-нибудь образом способствовать этому, тогда Его Величество готов им рукоплескать»⁵⁴. Тем не менее Наполеону явно пришлась по душе кажущаяся негативная реакция Петербурга на изменения в Стокгольме. «Я смотрю на шведский вопрос как на причину более или менее близкой войны с Россией, — заявил он в сентябре 1810 г. К. Меттерниху. — Я буду иметь войну с Россией по причинам, чуждым человеческой воле, но которые вызываются самой сущностью вещей. Наступит вскоре день, — и я далек от того, чтобы вызывать его моими действиями, — когда разрыв станет неизбежным. Какую роль вы тогда примете? Я говорю об этом не официально, еще менее с целью сделать вам какое-нибудь предложение, но просто так, как если бы мы говорили о предмете самом обыкновенном. Так или иначе, но вам нужно будет или соединиться с Францией, или стать на сторону России, в этом случае остаться нейтральной нельзя. В таком положении вы ничего не достигнете. Если же вы намерены сохранить нейтралитет только по внешности, с тем чтобы в конце борьбы броситься в объятия сильнейшего, то победитель не очень вам будет рад, вы мало извлечете пользы от такого образа действий»⁵⁵.

Интересно, что Ж. Бернадот почти одновременно начал улавливать отношения с Александром I. В октябре 1810 г. маршал обратился к нему со словами: «В новом положении, которое я вскоре займу, прошу Ваше Величество сохранить Ваше благорасположение; я приложу все усилия, чтобы заслужить это. И если когда-либо смогу быть чем-то любезен Вашему Величеству, то, смею надеяться, Вы будете

всецело мною располагать»⁵⁶. Последовала немедленная реакция русского МИДа, посол в Швеции должен был донести до принца позицию своего монарха: «Его Величество приложит все усилия, дабы поддержать фактами и доказать Его Королевскому Высочеству, какое уважение он питает к его особе»⁵⁷. 11 (23) ноября на аудиенции, данной послу России в Стокгольме генералу П. К. Сухтелену, принц между прочим заявил: «Я верю, что счастье Швеции неотделимо от мира с Россией»⁵⁸. Эти слова были встречены в Петербурге самым радушным образом. 19 (31) декабря 1810 г. Александр I лично обратился к наследному принцу с письмом: «Заверяю Вас, что благоденствие и счастье Швеции более всего отвечают моим политическим интересам, поэтому я не упущу ни малейшего случая, чтобы давать тому очевидные доказательства»⁵⁹.

Разговаривая с К. Меттернихом, Наполеон явно не предвидел такого хода событий. Что касается австрийского дипломата, то он, естественно, уклонился от определенного ответа и даже не стал протестовать против планов восстановления Польши, тем более что его собеседник намекнул на возможность в будущем обмена австрийской части Галиции (которую планировалось присоединить к польскому государству) на Далмацию и Иллирию, то есть на возвращение выхода в Адриатику. В своем донесении в Вену К. Меттерних сделал категоричный вывод: «В течение 1811 года мир на континенте не будет поколеблен поднятием наполеоновского меча. В этот год Наполеон по увеличении своих собственных сил соединит своих союзников с целью напасть на Россию и нанести ей страшный удар. Наполеон откроет кампанию весной 1812 года»⁶⁰. Несколько ранее этой беседы, но в том же 1810 г. Наполеон сформулировал программу своей будущей политики следующим образом: «Через пять лет я буду владеть светом... Остается только Россия, но я подавлю ее... Я строю ежегодно по пятнадцать кораблей, как только у меня их будет полтораста, я буду господствовать и на море»⁶¹.

Направленность действий Парижа становилась все более и более очевидной. В результате 1 (13) декабря 1810 г. к Французской империи были присоединены Ганзейские города и все побережье Немецкого моря вплоть до Эльбы, то есть более 600 квадратных миль с населением 1,173 млн жителей⁶². Из этих приобретений Парижа 561,5 квадратных миль и 926 550 жителей были отняты Наполеоном у владельцев Рейнского союза, протектором которого он являлся. Вместе с новыми владениями в Северной Германии Франция захватила и Ольденбургское герцогство⁶³. Еще в декабре 1807 г. на его территорию был введен значительный отряд войск, что немедленно вызвало протесты Петербурга, просившего учесть династическую близость монархов и ссылав-

шегося на 13-ю статью Тильзитского мира⁶⁴, которая предусматривала восстановление в правах герцогов Ольденбургских, Саксен-Кобургских и Мекленбург-Шверинских⁶⁵.

Уже в январе 1808 г. Наполеон заверил Александра I через своего посла в том, что на территории герцогства будет заняты только порты, а участие русского императора к судьбе родственника будет разделено его союзником⁶⁶. В конце 1810 г. с герцогом уже не церемонились. Первоначально ему предложили согласиться с размещением на собственной территории трехтысячного французского отряда, который герцог к тому же должен был взять на содержание. При этом ежедневные расходы на этот отряд составили бы 10 000 франков, в три раза больше дохода герцога. Тем не менее он согласился с этим требованием, но это ему не помогло⁶⁷. В Ольденбург прибыли французские чиновники, которые опечатали казенные здания и суммы и заявили герцогу, что ему назначено новое владение — Эрфурт⁶⁸. По территории оно составляло примерно пятую часть Ольденбургского герцогства⁶⁹.

Причиной действий Наполеона стали, в свою очередь, нарушения континентальной блокады и желание продемонстрировать свою силу в Северной Германии⁷⁰. На острове Гельголанд англичанами были устроены огромные склады колониальных товаров, откуда они переправлялись на побережье Германии и Голландии, остров также служил опорной точкой для набегов на французские таможенные посты⁷¹. При общем постоянном населении в 3 тыс. человек там имелось около 50 довольно крупных торговых домов, не считая филиалов лондонских фирм. Цены на колониальные товары, обложенные во Франции непомерно высоким Трианонским тарифом, на Гельголанде были в десятки раз меньше, что создавало непреодолимый соблазн для контрабандистов. Население Северной Германии ненавидело французов и, безусловно, помогало англичанам как в контрабандной торговле, так и в действиях против оккупационных властей. Британские товары проникали в Ольденбург довольно свободно⁷². С другой стороны, независимость Ольденбургского герцогства гарантировала статья 12 Тильзитского трактата.

После этого присоединения отношения между Парижем и Петербургом приобрели явно враждебный характер. Ольденбургский дом был младшей линией Голштейн-Готторпского, то есть российского императорского дома, отказавшегося от этих владений при Петре III. Сын правителя герцогства принц Ольденбургский был женат на сестре Александра I, который воспринял решение Наполеона об Ольденбурге как личное оскорбление⁷³. Поначалу он все же надеялся на то, что

проблема может быть решена дипломатическим путем, тем более что, по его мнению, она ставила под вопрос Тильзитские соглашения. «Какую важность могли бы иметь союзы, — гласила русская нота II (23) марта 1811 г., — если бы договоры, служащие им основанием, не сохраняли бы своей силы?»⁷⁴ На энергичные и неоднократные протесты России⁷⁵ последовало пространное объяснение МИДа Франции о том, что хотя Эрфурт гораздо меньше Ольденбурга по территории и населению, но земля там богаче, а жители «промышленнее», и что таковой обмен является знаком внимания к российскому императору. Что до неудобств для герцога, связанных, например, с отсутствием дворца, то он вполне может разместиться в одном из больших домов и т. п.⁷⁶ Позиция, занятая Наполеоном, граничила с откровенным издевательством. Сам Александр I позже назвал ее «насмешкой»⁷⁷.

6 (18) февраля 1811 г. русский посланник в Париже князь А. Б. Куракин предельно ясно изложил в письме императору сложившуюся обстановку: «Слухи о войне Франции с Россией распространены во Франции и Германии; впрочем, можно сказать, что они и не прекращались со времени женитьбы императора Наполеона. Как ни старалось заглушить их французское правительство, его попытки в этом отношении были безуспешны, оно не могло их уничтожить вполне, потому что предпринимаемые им меры были в совершенном противоречии с его речами и уверениями, которые оно так щедро расточало. Присоединение целых государств во время мира и без всяких к тому поводов кроме удобства Франции, изгнание из его владений государя, ближайшего родственника Вашего Величества, который своими владениями обязан великодушию покойного Вашего родителя и которого обладание ими восстановлено было Тильзитским договором, составляющим главное основание наших нынешних отношений к Франции, — это, конечно, такие действия, которых значения нельзя изменить никакими словами и уверениями. Испуганная Европа видит в них предвестников нового переворота. Все государства или подчинены Франции, или находятся под влиянием ее правительства, и потому взоры всех устремлены на Россию, и все считают поступки Наполеона направленными против нее и грозящими рано или поздно, но неизбежно привести к разрыву. Новый тариф, а особенно то впечатление, которое он здесь произвел, подтвердил это предположение. Если оно основано на знании характера Наполеона, самолюбивого и страстного к разрушению, то нельзя отвергать и того, что в то же время оно подтверждается и многими положительными данными и поэтому должно обратить на себя внимание. Впрочем, всякое сомнение в этом случае было бы весьма опасно.

Напротив, если мы остановимся на этом предположении и с ним будем сообразовывать свои расчеты и действия, то от этого произойдет несомненная польза. Если мы в настоящее время будем смотреть на войну как на дело неизбежное, то успеем сделать все приготовления, чтобы вести ее с успехом. Чем более затруднений мы в состоянии будем противопоставить Наполеону, тем более мы можем надеяться обратит и его самого к миролюбивым видам. Наоборот, чем менее мы будем приготовлены, тем более он будет склонен начать войну, которая увлекает его надеждой побороть единственную великую державу, еще сохраняющую возможность быть независимой и отклонять своей помощью ту гибель, которая постоянно угрожает другим державам»⁷⁸.

«События движутся с быстротою, какой я не предполагал, — писал 9 (21) марта 1811 г. К. В. Нессельроде. — Я надеялся, что этот год еще будем пользоваться миром, но всё со обеих сторон принимает такой враждебный вид, что, по-моему, война неизбежна вскорости. Франция действует все по-прежнему. Десять лет уже Европа борется с Наполеоном насмерть, потому что та безграничная власть, которой он достиг, не совместна с существованием какой-либо иной независимой державы. Наполеон сделает все, чтобы принудить нас принимать меры, необходимые для нашего собственного охранения; он сам проявляет вид как бы мирных отношений и миролюбивых к нам намерений и, исходя из этого, обвиняет нас в том, что мы вызываем войну, делая у себя дома самые простые распоряжения к обороне. Он уже два года укрепляет Прагу, Замостье и другие места в герцогстве Варшавском, принуждает Саксонию строить новую крепость в Торгау, увеличивает крепости на Эльбе и Рейне, отказывается передать Глогау Пруссии и т. д., а сам находит враждебным с нашей стороны действием, что мы исправляем укрепления в Риге и воздвигаем ретраншементы на Двине!»⁷⁹

С 1811 г. Россия и Франция начали активную подготовку к войне. В сентябре 1810 г. военный министр генерал М. Б. Барклай де Толли учредил при русских посольствах должности военных агентов, в чьи обязанности входил сбор информации о состоянии вооруженных сил страны, в которой они находились. Военным агентом во Францию был назначен полковник А. И. Чернышев. «Превосходное состояние физических и военных сил Французской империи, — писал ему 23 сентября (5 октября) 1810 г. М. Б. Барклай де Толли, — и непосредственное влияние ее на большую часть европейских держав заключают в себе все виды нашего внимания. Я поставлю себе приятной обязанностью начертать Вашему Высокоблагородию цель и правила сего поручения. Благоразумие Ваше убеждает меня, что во всех действиях, по возлагаемой на Вас

обязанности, Вы сохраните надлежащие скромность и осторожность. Пользуясь всеми удобствами нахождения Вашего в Париже, Вы должны прилагать неусыпное старание к приобретению точных познаний статистических и физических о состоянии Французской империи, обращая наиболее на военное состояние оной внимание. Вследствие чего потщитесь собирать достаточные известия обо всех относительно военного соображения отношениях Франции к зависимым от ее влияния державам и, рассмотрев оные основательным образом, доставьте ко мне описание о числе войск во Франции, устройстве, образовании и вооружении их, расположении их по квартирам с означением мест главных запасов, о состоянии крепостей, о свойствах, способностях и достоинствах лучших генералов и о расположении духа войск»⁸⁰.

А. И. Чернышеву пришлось начать работу в тяжелой обстановке: после брака Наполеона с австрийской принцессой русских в Париже сторонились. А. И. Чернышев был единственным представителем Петербурга, принятым при дворе. Примеру монарха следовали и его министры, общение в свете облегчало сбор информации, а важных новостей было немало⁸¹. Уже в конце декабря 1810 г. Наполеон подписал декрет о призыве конскрипции¹ 1811 г. В результате было призвано около 80 тыс. человек, началось формирование новых подразделений французской армии. Под предлогом необходимости быть готовым к отражению английского десанта начались работы по укреплению Данцига, гарнизон этой крепости был увеличен. В конце июня 1811 г. Эльбский наблюдательный корпус маршала Л. Даву вырос до 51 337 человек, в августе его численность увеличилась до 70 тыс. Вместе с саксонской армией (22 тыс. человек), войсками герцогства Варшавского (60 тыс. человек) эти силы уже составили значительную угрозу западным границам Российской империи. В конце 1811 г. численность войск, которыми располагал здесь Наполеон, выросла до 240 тыс. человек, в декабре он подписал декрет об очередном призыве 120 тыс. конскриптов в армию и 12 тыс. во флот. Корпус Л. Даву стал ядром будущей Великой армии — армии вторжения в Россию⁸². Активную подготовку ничто не могло остановить, в том числе и голод, который поразил Францию

¹ Конскрипция — система воинской повинности, впервые введенная во Франции в 1798 г., предусматривавшая возможность выборочного призыва на воинскую службу. Согласно закону от 5 сентября 1798 г. все граждане мужского пола от 20 до 25 лет делились на пять возрастных классов, которые подлежали призыву в очередности начиная с «младшего» класса. Число призывников определялось постановлением правительства, то есть с самого начала «класс» не призывался полностью. Кроме того, из списков исключались лица, не подлежавшие призыву по состоянию здоровья, единственные кормильцы, государственные чиновники, священники, студенты, женатые (льгота действовала до 1809 г.). С 1803 г. в мирное время действовала система найма «заместителей». Ряду категорий конскриптов могли вместо призыва вестись плату.

в конце 1811 г., причем в ряде департаментов дошло до голодных бунтов. Разумеется, это не мешало Наполеону готовиться к войне⁸³.

Активно вела подготовку и Россия. Положение ее было достаточно сложным. Ведя войну одновременно с Турцией, Персией и Англией, она должна была фактически заново создавать армию, которая смогла бы встретить чрезвычайно опасного противника. Потери в кампаниях 1805–1809 гг. были значительными, рекрутские наборы не могли их быстро компенсировать. В 1809–1811 гг. в армию было призвано свыше 270 тыс. человек. В марте 1812 г. назначили новый набор — по два рекрута с 500 ревизских душ, что должно было дать от 65 до 70 тыс. человек⁸⁴. По прибытии в рекрутское депо новобранец проходил девятимесячный курс обучения: два месяца на обучение без оружия, два месяца на ружейные приемы и шаржирование (заряжание оружия), месяц на марш фронтом, рядами, равнение и т. п., четыре месяца на повторение пройденного и стрельбу⁸⁵.

Этого оказалось недостаточно, во всяком случае, для того чтобы с успехом противостоять наполеоновским ветеранам, имевшим значительный опыт, и силам, собранным практически по всей Европе. «Вместо сильных и мужественных войск, — писал 18 (30) августа 1810 г. М. Б. Барклай де Толли, — полки наши составлены теперь большей частью из солдат неопытных и к тягостям войны не приобвыкших»⁸⁶. Совершенно закономерно, что военный министр сразу же обратил внимание на подготовку солдата, прежде всего на интенсивное обучение его владению ручным огнестрельным оружием. 6 (18) сентября 1810 г. министр издал инструкцию, в которой подчеркивалось, что «главное в военных экзерсциях занятие солдата должно быть в цельной стрельбе»⁸⁷. Проводилось и перевооружение армии новыми ружьями стандартизированного образца и калибра⁸⁸.

Процесс этот шел медленно, русские оружейные заводы не справлялись с казенными нарядами. Тульский, самый мощный из них, развернул массовое производство — до 70 тыс. ружей в месяц — только в 1812 г.⁸⁹ Сестрорецкий завод в 1805–1806 гг. производил примерно по 10 тыс. ружей в год, в 1809 г. — 7 тыс. вместо заказанных 20 тыс., в 1810 г. — 18 040 вместо заказанных 40 тыс. (данных по производству за 1807–1808 гг. нет)⁹⁰. В феврале 1807 г. императором был издан именной Указ Сенату «Об умножении оружейных заводов и о дозволении частным заводчикам делать оружия и ставить оные в казну»⁹¹. В Ижевске планировалось основать новый завод, который должен был производить от 50 до 75 тыс. единиц огнестрельного и холодного оружия в год⁹². Завод так и не достиг указанного объема производства

в правление императора Александра I. В 1807 г. он произвел только семь ружей и шесть тесаков, в 1808 г. — 25 ружей и 40 тесаков, в 1809 г. — 95 ружей и 120 тесаков и только в 1812 г. — 5877 ружей и 860 тесаков. Цифра в 30 тыс. ружей была преодолена только при Николае I⁹³.

В результате огромных усилий военного министра и его сотрудников в марте 1812 г. было создано: из артиллерийских депо — 17 пеших и семь конных артиллерийских рот; из 123 резервных батальонов рекрутских депо — 10 пехотных дивизий; из 58 резервных эскадронов рекрутских депо — четыре кавалерийские дивизии⁹⁴. Войны, рост армии, в том числе и ее артиллерии, требовали увеличения производства пороха. В 1807 г. три казенных (Охтинский, Шостенский и Казанский) и два небольших частных завода произвели его 116 135 пудов⁹⁵. Качество пороха была неплохим⁹⁶, правительству удалось решить проблему увеличения его производства⁹⁷. Об этих усилиях можно судить по Охтинскому заводу. В 1801 г. на нем работало 348 человек и производилось 13 780 пудов пороха, в 1806 г. 998 человек произвели 37 848 пудов, а в 1813 г. 1806 человек произвели 40 000 пудов⁹⁸.

5 (17) июня 1811 г. А. И. Чернышев известил Александра I, что все, чего хочет добиться Наполеон, — всего лишь выигрыш времени⁹⁹. Впрочем, готовясь к войне, обе империи не были заинтересованы в немедленном развязывании конфликта. И Парижу, и Петербургу требовалось время. Французам оно было необходимо для того, чтобы привести к успокоению Испанию¹⁰⁰, русским — для укрепления армии и поиска будущих союзников. В цитируемом выше докладе А. Б. Куракин советовал императору искать союзника в Австрии как государстве, еще имевшем на континенте достаточно сильную армию — до 200 тыс. человек. Что же касается Пруссии, то ее способность к сопротивлению, по мнению русского дипломата, была фактически сведена к нулю. Значительно сокращенная в численности армия, территория, окруженная союзниками или вассалами Наполеона, и занятые французами крепости — все это обрекало Пруссию на поражение до того, как она будет готова к каким-либо действиям¹⁰¹. С весны 1811 г. Наполеон уже не скрывал своих намерений и ответственность за них возложил на Россию. «Я должен это делать: ваши значительные вооружения, — заявил он русскому послу 7 мая 1811 г., — в которых не признаются, которые у вас окружают глубокой тайной, вынуждают меня к тому...»¹⁰²

Французская экспансия, охватившая континент, делала столкновение неизбежным. А. Б. Куракин дал ей краткое и верное определение: «От Пиренеев до Одера, от Зунда и до Мессинского пролива — все Франция»¹⁰³. Понимание силы подталкивало к действиям. Найти

причины для них не было сложно. В беседе 7 мая с А. Б. Куракиным Наполеон зашел в своих фантазиях уже достаточно далеко, чтобы произнести слова, которые свидетельствовали о многом: «Вы мне грозите! Но никогда не боялся я угроз: не с теми силами, которыми я располагаю, могу я их бояться. Не угрозами заставят меня сделать то, чего от меня хотят. Вы хотите войны, а ее не хочу. Хорошо же, мы будем воевать...»¹⁰⁴ Очевидность настоящей, а не придуманной Парижем угрозы была столь велика, что дипломаты не расходились в ее оценках с военными. «Минута великой борьбы приближается, — докладывал императору 5 (17) июля 1811 г. из Парижа полковник А. И. Чернышев. — Буря, угрожающая нам, остановлена только тем, что Наполеону неудобно теперь открывать поход, но не менее того опасность очевидна и уже не далека»¹⁰⁵.

5 (17) октября 1811 г. была подписана русско-прусская военная конвенция, предполагавшая совместные действия государств в случае нападения Франции на одно из них¹⁰⁶. Сделать это было весьма непросто, учитывая тот ужас, который испытывал Берлин перед перспективой русско-французской войны. «Во всех возможных случаях, — говорил прусский король, — при разрыве России с Францией Пруссия будет первой жертвой, и я уверен, что она исчезнет с карты Европы»¹⁰⁷. Учитывая сложность ситуации и опасения короля, в тексте конвенции специально оговаривалось, что ее задачей было исключительно сохранение мира: «Для избежания войны не должно быть поэтому в военном отношении никакого скопления войск на этой стороне в таких пунктах, в которых таковое могло бы возбудить во французском императоре основательное опасение, что на него хотят напасть. Не следует также считать действительным открытием неприязненных действий военные вызовы, которые исходят от подчиненных начальников, или незначительные передвижения войск, равно как рекрутов и т. п., кои могут случиться на французской стороне. По сию сторону такие проявления войнолюбия со стороны отдельных лиц строго воспрещаются, и начальники ограничиваются тем, что о взаимных случаях такого рода представляют взаимным высшим властям жалобы, приличные их достоинству»¹⁰⁸.

Как и следовало ожидать, готовность не поддаваться на пограничные провокации мало чем помогла России. «Может ли Франция скрыть, что она сама подала все поводы к разрыву? — писал князь А. Б. Куракин графу Н. П. Румянцеву 10 (22) ноября 1811 г. из Парижа. — Наш образ действий в продолжение союза с ней, который мы постоянно старались поддерживать, был безукоризнен. В чем мы, собственно,

виноваты? Не будем скрывать от себя нашей вины: мы весьма виноваты в глазах такого завоевателя, которому до сих пор все удавалось, каков император Наполеон, который только и стремится к тому, чтобы не было ему равных, но мы виноваты только в том, что Россия — единственная из великих держав в Европе, сохранившая свою независимость, самостоятельность и целостность своих владений. Конечно, в этом мы не можем винить себя, не нам желать нашего собственного унижения»¹⁰⁹.

Пруссия находилась совсем в другом положении. Ее король, боявшийся потерять и страну, и трон, предпочел не ратифицировать соглашение с Россией, а в феврале и марте 1812 г. Наполеону удалось заключить союзные соглашения с Пруссией и Австрией. Император лелеял мечту об окружении России кольцом враждебных ей держав во главе с Францией. Большое значение в этих планах имела позиция Швеции и ее наследного принца. Однако Ж. Бернадот не оправдал надежд Парижа. Принц был недоволен бесцеремонным вмешательством Наполеона в политику Швеции, которое ставило под угрозу его будущее в этой стране. Франция выдвигала заведомо неприемлемые требования: отдать шведскую таможню под руководство французских чиновников, отправить в Брест 6 тыс. матросов для французских кораблей и т. п. При этом французские корсары совершали нападения на шведские суда как на корабли под враждебным флагом. Швеция действительно торговала с Англией и категорически отказывалась примкнуть к континентальной блокаде. Для шведских финансов и торговли это стало бы самоубийственным шагом, кроме того, нанятые французским правительством пираты могли с разным успехом совершать набеги на торговые пути, но они были не в состоянии защитить берега Швеции от действий британского флота в случае войны против Англии¹¹⁰.

Франция могла только угрожать Швеции, но осуществить угрозу вторжения в королевство были в силах лишь две державы — Англия и Россия. При этом русского вторжения в Швецию опасались гораздо больше, чем английской атаки. По требованию Наполеона наследный принц 17 ноября 1810 г. объявил войну Англии, но с самого начала старался не идти дальше деклараций¹¹¹. К услугам Швеции была и торговля под нейтральными флагами, королевство не могло отказаться от вывоза своего железа и ввоза соли¹¹². Основным потребителем первого продукта и поставщиком второго была Англия. Что касается русской дипломатии, то она всячески старалась показать, что считает период противостояния со Швецией оконченным и не настаивает ни на чем, кроме мира между двумя соседями¹¹³.

В декабре 1810 г. Ж. Бернадот заверил посланца А. И. Чернышева: «При настоящем положении дел я понимаю, что Россия есть единственная держава, от благорасположения и покровительства которой зависит не только благосостояние Швеции, но и самое ее существование. О нем-то я прошу императора и поручаю Вам передать ему мою просьбу. Что касается меня, то я даю решительное обещание, что шведское правительство готово все сделать, чтобы заслужить благорасположение России, и будет избегать всего, что могло бы навлечь самое малейшее против нее неудовольствие. Конечно, потеря Финляндии составляет еще свежую рану, но, смотря на вещи беспристрастно, я сам понимаю, что эта провинция была слишком удалена от Швеции, она не могла долго удерживать ее за собою. В настоящее время Швеции нужен мир, она должна довольствоваться тем, что имеет, и стараться отклонить те опасности, которыми угрожает настоящее положение дел в Европе. Россия, если захочет, может обратить свое оружие против востока, юга и запада и быть вполне уверенной, что Швеция не изменит своей политике и желанию оставаться с нею в мире, потому что она очень хорошо знает, что может обойтись без всех других государств, кроме России, от которой зависят ее спокойствие и мир»¹¹⁴.

Подобное положение дел было в принципе неприемлемо для Парижа. Именно для демонстрации Стокгольму силы французские войска были введены в Померанию. «Без этого, — заявил Наполеон, — Швеция будет смеяться надо мной, потому что я не могу иначе напасть на нее»¹¹⁵. Эффект этой меры противоречил замыслам ее организатора. Занятие французами в январе 1812 г. без предварительного уведомления шведской Померании и острова Рюген стало последней каплей в чаше терпения бывшего маршала Франции. Он обратился с письмом к Александру I, заявляя: «Целость России есть ручательство и нашего будущего существования»¹¹⁶. Стокгольм не только доверительно информировал Петербург о негативной реакции на действия французов, но и предложил выработать общую позицию по отношению к ним¹¹⁷. Карл XIII отправил в Петербург своего генерал-адъютанта графа К. Лёвенгельма с целью прозондировать возможность получить со стороны России гарантию приобретения Норвегии и военной поддержки в случае действий против Дании¹¹⁸. Ответ Александра I последовал 25 февраля (8 марта) 1812 г. Император отправил наследному принцу генерала П. К. Сухтелена, приказав ему обсудить возможность совместных действий и компенсаций за них. Инструкция содержала предложение Норвегии, но, в связи с невозможностью для России быстрого

и немедленного изменения своей политики в отношении Дании, Швеции предлагалось выждать время, для того чтобы иметь возможность лучше подготовиться к войне, которую в ближайшее время должны развязать против России и Швеции Франция и ее союзники¹¹⁹.

Карл Юхан (Ж. Бернадот) был доволен результатами переговоров и уже 7 (19) марта 1812 г. писал К. Лёвенгельму о хороших перспективах и о том, что Россия может оказать реальную помощь его будущему королевству: «С другой стороны, делаются самые соблазнительные предложения, изображается дело так, что будет легко завоевать Финляндию, так как ее народ сохраняет приверженность Швеции; искусно намекают, что платой за позицию, которую мы заняли бы при нынешних обстоятельствах, было бы полное разрушение С.-Петербурга, возвращение Лифляндии, а также многие другие химеры. Все эти проекты потерпели неудачу благодаря мудрости короля»¹²⁰. Цель действий Наполеона была уже достаточно очевидной, а сами они создавали условия для активизации действий русской дипломатии на севере Германии.

Весьма важной и объемной была работа русского посольства в Берлине, хотя она и велась в весьма сложных условиях, когда значительная часть германских земель была фактически оккупирована французами¹²¹. Помимо шведской Померании в феврале 1812 г. французские войска заняли и ряд прусских городов и крепостей, где местные власти проявили полное бессилие. Более того, в марте маршал Н. Ш. Удино вошел в Берлин, а маршал М. Ней отдал приказание прусской гвардии покинуть город, не спросив при этом даже формального разрешения короля. Тот поначалу возмутился и отменил выступление гвардии, но на следующий день вынужден был подчиниться и отдать приказ войскам начать выступление¹²². Александр I предупредил прусского короля о бесперспективности для него политики поддержки Наполеона.

«Если бы решение, которое Вы сочли необходимым принять, — писал император 1 (13) марта 1812 г., — могло спасти Вашу монархию, я первый признал бы, что у Вас не было выбора и что Вы следовали велениям долга. Но можете ли Вы думать, Государь, что если Россия потерпит поражение, то Франция согласится сохранить Вашу монархию и что в самом ходе борьбы Наполеон будет рассматривать Вас как союзника, на которого он может рассчитывать?.. И единственное, что ждет Вас даже в случае победы, — это полное порабощение Вашей монархии, а может быть, как это случилось ранее с королем Голландским, Ваши владения будут включены в какой-либо грандиозный план пере-

кройки политической карты»¹²³. На самом деле эта перспектива полного порабощения Пруссии стояла перед ней еще до умозрительной победы Наполеона. 25 апреля 1812 г. Фридрих-Вильгельм III запретил ввоз колониальных товаров из России, после чего спешно покинул свою оккупированную столицу, переехав в Бреслау. Управление Берлином перешло к французским военным властям¹²⁴.

Усиленно готовясь к войне, Наполеон продолжал обращаться к Александру I с заявлениями о своем желании соблюдать мир. Гарантией же мира, по его мысли стало бы точное соблюдение Россией условий Тильзитского мира, кроме того, император Франции предлагал изменить русский таможенный тариф, убрав из него «все, что есть в нем оскорбительного для Франции», и т. п.¹²⁵ Запрет ввоза шелка и вина в бутылках он считал враждебным актом¹²⁶. Ответные предложения, последовавшие от Петербурга, вызвали в Париже нечто среднее между недоумением и возмущением, ссылки на финансовые проблемы — издевку. В разговоре с А. И. Чернышевым Наполеон еще в начале 1811 г. заявил, что «все затруднение происходит от того, что ваш Государь ведет себя, как рыцарь, уплачивая совестливо Австрии и Пруссии все военные издержки; он никогда не поставил бы себя в такое положение, если бы поступал, как я, расчетливо; я никогда не терплю недостатка в деньгах»¹²⁷. Естественно, что Россия не могла позволить себе подобного рода роскоши, как наполеоновская расчетливость, тем более по отношению к Берлину.

Александр I хотел сохранить нейтральный статус Пруссии как буферного государства между Россией и Францией. «Сохранение существования этого государства, хотя и ослабленного вследствие несчастных обстоятельств, — отмечал 27 марта (8 апреля) 1812 г. император, — в высшей степени необходимо для блага моей империи, особенно по его положению относительно Франции. Если эта преграда будет уничтожена, Россия придет в непосредственное соседство с Францией, между тем как сам император Наполеон во многих разговорах со мной развивал мысль о неудобствах такого отношения между Россией и Францией»¹²⁸. Именно поэтому 27 марта (8 апреля) 1812 г. Александр I приказал своему послу довести до императора французов предложения: вывести французские войска из Померании, Пруссии и сократить гарнизон Данцига до состояния на 1 января 1811 г., признать право России на торговлю с нейтральными государствами, вступить в переговоры по вопросу о герцогстве Ольденбургском и, в случае принятия этих предложений, приступить к дальнейшим переговорам между двумя странами¹²⁹.

Наполеон возмущался, по его мнению, эти требования были «обидны» для Франции и ее императора¹³⁰. 13 апреля он заявил русскому послу: «Вы действуете совершенно так же, как Пруссия перед Йенским сражением, она требовала, чтобы я вывел мои войска из Северной Германии. Я не могу согласиться теперь на то, чтобы очистить Пруссию, это требование затрагивает мою честь!»¹³¹ В последующих переговорах с Россией император грозил войной, чередуя угрозы с рассуждениями о своем желании сохранить мир¹³². При этом Наполеон обвинял Александра I в намерении нарушить мир. Попытки приехавшего в Париж А. Коленкура доказать бессмысленность этих обвинений вызвали у Бонапарта сильнейшее раздражение¹³³. Император устроил своему послу в России сцену в присутствии русского посла во Франции¹³⁴. Между тем собственные реальные настроения и действия Наполеона не составляли секрета для Петербурга. Более того, их уже невозможно было скрыть. 15 февраля 1811 г. Наполеон подписал декрет о начале формирования Великой армии, костяк которой составили французские войска, усиленные контингентами, выставленными союзниками Франции — королевствами Италия и обеих Сицилий, государствами Рейнского союза, герцогством Варшавским, Швейцарией, Данией, Португалией и т. д. Всего для участия в нападении на Россию было сформировано 35 пехотных дивизий, 11 дивизий кавалерийского резерва и 27 кавалерийских бригад — 492 тыс. пехотинцев, 96 тыс. кавалеристов, 20 тыс. солдат осадного парка, инженерных войск; всего свыше 600 тыс. человек с 1242 полевыми и 130 осадными орудиями¹³⁵.

Французская дипломатия активно работала над созданием антирусской коалиции. 31 марта 1812 г. прусский король известил императора Александра I о том, что он «убит горем». Имелся в виду факт заключения 24 февраля наступательного и оборонительного союза с Францией¹³⁶. Пруссия обязалась поставить 600 тыс. центнеров муки, 44 тыс. волов, 3 тыс. обывательских фур, отказаться от проведения наборов в армию без санкции Франции, которая по-прежнему не платила ничего за немецкие поставки¹³⁷. Кроме того, в случае войны с Россией Берлин должен был выставить 20-тысячный вспомогательный корпус. Остальные части прусской армии в 20 тыс. человек должны были быть сведены в крепости Глац, Грауденц и Кольберг без права передвижения¹³⁸. Этот договор был чрезвычайно непопулярен среди подданных Гогенцоллернов, особенно среди тех, кому небезразлично было будущее Пруссии и Германии.

Их реакция хорошо укладывалась в формулу барона Г. Ф. Штейна, вынужденного покинуть свою страну в результате французских

преследований: «...в настоящий момент очень трудно сочетать долг гражданина с долгом морального человека»¹³⁹. Г. Ф. Штейн поначалу проживал в Праге как частное лицо, а в начале 1812 г. получил приглашение Александра I переехать в Россию, которым и воспользовался. Здесь он вошел в состав Немецкого комитета, целью которого было ведение антинаполеоновской пропаганды в Германии¹⁴⁰. Часть высокопоставленных прусских офицеров и генералов в качестве протеста против диктата Франции подали в отставку или перешли на службу в русскую армию¹⁴¹. До начала войны император с особым вниманием относился к кружку прусских эмигрантов, группировавшихся вокруг Г. Ф. Штейна, — Александр I понимал, что эти люди могут влиять на общественное мнение своей страны, и не ошибся¹⁴².

«Мне нет надобности, Государь, — заканчивал письмо Фридрих-Вильгельм III, — высказать Вам, чего мне стоило принять такое решение, но я верю, что исполнил мой первый долг, принеся самые дорогие мои чувства в жертву сохранению государства, и моя совесть спокойна. Сожалейте меня, Государь, но не осуждайте меня... Каковы бы ни были события, моя неизменная преданность личности Вашего Величества ни в чем не убавится в своей силе. Если война начнется, мы сделаем друг другу вреда настолько, насколько требуется крайней необходимостью, и мы всегда вспомним, что мы друзья и что мы должны когда-нибудь опять сделаться союзниками, и, уступая непреодолимой силе, мы сохраним свободу и искренность наших чувств»¹⁴³. Король не упомянул о том, что сам сделал Наполеону предложение о союзе 14 мая 1811 г., то есть практически в то же самое время, когда обсуждал с Александром I вопрос о русско-прусском соглашении¹⁴⁴. И все же письмо Фридриха-Вильгельма III давало определенные надежды на пассивность прусских войск в будущей войне Наполеона против России, как оказалось, небеспочвенные.

14 марта 1812 г. аналогичный прусскому договор был заключен французами и с Австрией. Вена в случае русско-французской войны обязывалась выставить вспомогательный корпус силой в 30 тыс. человек (первоначально Наполеон настаивал на численности в 50 тыс. человек¹⁴⁵). Взамен она получала назад всю территорию Галиции или, по желанию, могла обменять ее на Иллирию. Реакция австрийского общества и армии на новость о заключении союза с Францией была такой же, как в Пруссии. Популярностью он не пользовался. Множество офицеров вышло в отставку, многие заявили, что сделают это, если будет объявлен поход в Россию¹⁴⁶. В апреле 1812 г. торжествующий император французов поразил известием о союзе с Австрией

А. Б. Куракина¹⁴⁷, но для Александра I это уже не было тайной. Получив информацию о договоре, русский император поручил сделать уточняющий запрос в Вене и высказать свое удивление в связи с австро-французским союзом¹⁴⁸. Австрийцы поспешили секретно известить о договоре с Францией Петербург и обязались не увеличивать численность этого корпуса свыше 30 тыс. (при способности выставить 200-тысячную армию¹⁴⁹), а Александр I согласился с просьбой Франца I не считать Австрию действительно воюющей страной¹⁵⁰.

Русский посланник в Австрии граф Г. О. Штакельберг в донесении в Петербург довольно точно обрисовал положение австрийского императора: «Можем ли мы требовать хоть с малейшей тенью справедливости, чтобы, восхищаясь Невой, он допустил прогнать себя из своей столицы за Дунай? Конечно, я не вполне извиняю этого государя и тем более его министра, которому — смею Вас уверить — мне случалось говорить много горьких истин насчет их образа действий. Но дух смущения здесь господствует, и в теперешнем положении дел мы сами виноваты еще более их, потому что далее находимся от пропасти, на краю которой стоит уже венский двор. Чтобы не быть свергнутым в эту пропасть, он сделает все, что ни прикажет ему французское правительство, пока он не убедится в возможности опереться с уверенностью на простертую ему сильную руку помощи»¹⁵¹. Эти соображения были слишком очевидны, чтобы не повлиять на отношение России к действиям Австрии. Тем не менее Александр I отметил на аудиенции австрийскому поверенному в делах, что он «будет соображать свои действия с поступками венского двора»¹⁵². В 1812 г. Вена и Берлин не объявляли войны России¹⁵³, вспомогательные австрийский и прусский корпуса не были надежными союзниками Франции, но ее император прежде всего стремился к абсолютной внешнеполитической изоляции России.

Александр I удалось сорвать эти планы там, где этого менее всего ожидали в Париже. Русский император добился заключения примирительного соглашения со шведским наследным принцем Карлом Юханом. Между тем Наполеон еще надеялся на своего бывшего маршала и в начале марта 1812 г. предложил ему вступить в войну с Россией тотчас же после пересечения французской армией Немана. Условиями союза были возвращение Финляндии, ежемесячная субсидия в 1,5 млн франков с выплатой за три месяца вперед, передача Швеции части Норвегии и поставка колониальных товаров на сумму в 20 млн франков¹⁵⁴. Эти предложения были отвергнуты, зато 24 марта (5 апреля) 1812 г. в Петербурге был подписан дружественный

русско-шведский договор. Вступление французских войск в Померанию Стокгольм трактовал как фактическое начало военных действий против Швеции. Отказываясь от претензий на Финляндию, она получала в будущем права на Норвегию, принадлежавшую союзной Франции Дании. В случае необходимости Россия брала на себя обязательство оказать и шведам военную помощь в приобретении этого владения. Кроме того, Швеция получала право на ежегодную беспошлинную закупку в русских балтийских портах 50 тыс. четвертей зерна, в случае русско-французской войны королевство выступало в качестве союзного России государства, предполагалась даже высадка совместного десанта в Северной Германии под командованием Карла Юхана¹⁵⁵.

3 (15) июня в Вильно была подписана дополнительная конвенция к русско-шведскому договору, которая конкретизировала объемы русской военной помощи Швеции в случае войны за Норвегию и формы и зоны ответственности военного сотрудничества¹⁵⁶. Враждебные отношения между Петербургом и Лондоном стали стихать, а с марта 1812 г. при содействии Карла Юхана начались переговоры о мире. Наследный принц был настроен решительно и с полным доверием принял обещание Норвегии в качестве компенсации за потерянную Швецией Финляндию. «Вы сдержите Ваше обещание, — заявил он Александру I. — Если же Вы будете побеждены, Европа подвергнется порабощению, все государи будут подчинены произволу Наполеона, и тогда лучше быть простым пахарем, нежели царствовать при таких условиях»¹⁵⁷.

С началом наполеоновского вторжения возникла необходимость ускорить заключение мира с Великобританией, и 21 июня (3 июля) 1812 г. Н. П. Румянцев отдал распоряжение русским представителям в Стокгольме подписать предложения, переданные ранее шведской стороной, как проект, без дополнительных переговоров и консультаций, «ничего особо не оговаривая в пользу Его Императорского Величества»¹⁵⁸. 6 (18) июля 1812 г. в городе Эребру (Швеция) был заключен мирный договор с Великобританией. Провозглашалось восстановление мира, дружбы и торговых отношений на основе режима наибольшего благоприятствования. Россия и Англия соглашались оказывать друг другу помощь в случае нападения третьей державы¹⁵⁹. Фактически это был союз, направленный против Франции.

Окончательно русско-шведские отношения переросли в союз после встречи Александра I и Карла Юхана в Або, проходившей с 15 (27) по 18 (30) августа 1812 г. Император отправился в Финляндию

на следующий день после назначения М. И. Кутузова главнокомандующим и приехал в старую столицу Великого княжества 12 (24) августа. Через три дня на фрегате «Яррамас» туда прибыл и шведский наследный принц¹⁶⁰. Поначалу он все же попытался обсудить возможность возвращения Аландских островов, но Александр I категорически отказался идти на уступки в этом вопросе: «С удовольствием исполнил бы просьбу Вашего Высочества, если бы не был совершенно уверен, что такая уступка повредит мне во мнении моего народа. Для меня лучше отдать Вам Ригу с островами Эзелем и Даго, но только в залог, до совершенного исполнения заключенных между нами условий»¹⁶¹. После этого Карл Юхан вновь заявил, что слово русского императора для него выше любого залога, на что Александр I ответил обещанием вечно хранить в памяти эту встречу¹⁶².

В результате были даны гарантии нейтралитета Швеции в войне, что позволило вывести из Великого княжества Финляндского Финляндский корпус и направить его в район Западной Двины¹⁶³. Кроме того, 18 (30) августа в Або была подписана вторая дополнительная конвенция к русско-шведскому союзному договору, подписанному в Вильно. Александр I согласился увеличить вспомогательный русский корпус в случае войны Швеции с Данией до 35 тыс. человек, из которых 25 тыс. человек должны были прийти в первом эшелоне. Швеция получала субсидию в 1,5 млн рублей¹⁶⁴. Император был полностью уверен в своей будущей победе, но все же он вел переговоры в тяжелое время. По возвращении из Або в Гельсингфорсе его застала новость об оставлении русскими армиями Смоленска¹⁶⁵.

18 (30) августа был подписан секретный Абоский договор, по которому оба государства обязывались в случае агрессии третьей стороны оказывать друг другу военную помощь (численность войск не должна была превышать 12–15 тыс. человек). К концу сентября 1812 г. Россия должна была предоставить Швеции вспомогательный корпус численностью в 25 тыс. человек для оказания помощи при завоевании Норвегии и увеличить его на 10 тыс. человек к концу ноября того же года. Стокгольм соглашался на распространение русской границы в будущем до Вислы и подтверждал свое обязательство организовать диверсию на побережье Северной Германии. Россия предоставляла Швеции заем в 1,5 млн рублей, который должен был быть поставлен менее чем в один год после ратификации путем поставки зерна, субсидия должна была быть погашена через 16 месяцев после присоединения Норвегии к Швеции. Кроме того, Стокгольм и Петербург приглашали Лондон присоединиться к данному соглашению¹⁶⁶.

Русско-турецкая война 1806–1812 годов

Другой важной проблемой русской политики было прекращение войн с Турцией и Персией. В начале правления Александр I придерживался политики сохранения целостности Османской империи, решения спорных вопросов в рамках двусторонних отношений¹. В этом смысле он продолжал политику своего отца. Сохранение Турции считали в Петербурге важнейшим приоритетом внешней политики, а угрозу ее расчленения — достаточным поводом для войны². «Это лучший сосед, какого может иметь Россия, — отмечал в начале 1803 г. канцлер империи, — и Его Величество не желает его переменять»³. Угроза удара французов по полуострову Морея, уход англичан из Египта — все это настраивало султана и его министров в пользу продолжения союза с Лондоном и Петербургом⁴. Внутреннее положение Порты также было тяжелым. «Все европейские ее провинции наполнены бунтовщиками, — писал русский посланник А. Я. Италинский, — весь народ худо расположен к султану по причине бездетства его и слабости. Здесь министры турецкие в превеликом между собою разногласии, и все почти заняты собственными своими интересами; те из них, которые не теряют из виду государственной пользы, не имеют довольно знаний и опытности»⁵. Слабость подталкивала Турцию к Лондону и Петербургу. Однако еще до подписания союза русско-турецкие отношения были омрачены осложнением дел на Балканах — бесчинства янычар, слабо контролирувавшихся Стамбулом, стали причиной начала I Сербского восстания (1804–1813).

Положение сербов в «старой», то есть турецкой, Сербии во второй половине XVIII в. постоянно ухудшалось. В результате сербы массами стали покидать родину, переходя границу и укрываясь в австрийских землях. После того как Вена объявила набор добровольцев и наемников во фрайкоры¹ для войны с Турцией, поток переселенцев только вырос. Пустели целые районы, и султан вынужден был отдать приказ остановить беженцев или уговорить их вернуться⁶. Сделать это было непросто, балканские пашалыки плохо контролировались правительством, что давало возможность местным пашам и даже отдельным янычарским отрядам самовольничать. Покинув территорию Сербии в ходе войны Турции с Австрией и Россией, янычары в 1791 г. потеряли

¹ Фрайкор — добровольческий корпус.

право возвращаться туда, налоги в пользу Османской империи стали собирать сербские старшины — кнезы. Благосостояние сербов резко возросло, годовой оборот только торговли свиньями оценивался приблизительно в 130 тыс. фунтов⁷.

Большое значение имела и позиция белградского пашы Хаджи-Мухтара. В борьбе со своим противником пашой Виддина он опирался в том числе и на сербские ополчения, многие участники которых имели опыт службы во фрайкорах. Хаджи-Мухтар был редким примером справедливого правителя, который не поддерживал злоупотребления янычар, бежавших от него в Виддин⁸. Янычары в Османской империи имели ряд существенных привилегий — на ремесла, торговлю и т. п. Кроме того, они занимались откупами и ростовщичеством. Отсутствие этих беспокойных соседей не могло не повлиять на положение в Белградском пашалыке. С другой стороны, на фоне почти постоянного ухудшения финансового положения Порты была вынуждена резко сократить жалованье янычарам. Немедленно умножилось число грабежей⁹.

30 января 1799 г. султан Селим III разрешил янычарам вернуться в Сербию, что, впрочем, они начали делать и ранее, мало считаясь с кем-либо. Белградский паша был убит ими в 1801 г.¹⁰, после чего территория пашалыка стала управляться четырьмя янычарскими начальниками — дайи. Против христиан начался самый настоящий террор. Все права, дарованные сербам в 1791 г., были отменены, налоги увеличены, земли отнимались, вводился принудительный труд в пользу янычар¹¹. В это время положение Порты было весьма тяжелым — весной 1800 г. румелийский паша организовал поход 5 тыс. кирджали-разбойников на столицу. Они дошли до Родосто, примерно 130 километров до Константинополя, когда султан принял их требования, после чего отряды стали отходить назад. В турецкой столице не хватало продовольствия, и Селим III вынужден был обратиться к Павлу I с просьбой разрешить провести закупку в России 15 тыс. овец. Просьба была удовлетворена в качестве жеста, который должен был продемонстрировать Турции отношение к ней России¹². В какой-то момент для подавления беспорядков в Белграде султан даже готов был обратиться к австрийцам. Вена сосредоточила около 15 тыс. человек на границе, но окончательного решения в Константинополе так и не приняли¹³.

Для того чтобы утвердить свою власть в Сербии, дайи 4 февраля 1804 г. организовали истребление сербских старшин («Сеча кнезова»). 72 человека было убито, но один из приглашенных на встречу, где произошла эта резня, — Карагеоргий — сумел избежать убийства и возглавил восстание¹⁴. Первоначально оно было направлено исклю-

чительно против янычар, а не против власти султана, который вступил в переговоры с повстанцами и в марте 1804 г. даже намеревался оказать им помощь¹⁵. Позже от этой идеи султан отказался. Значительной силы в его распоряжении не было, в непосредственной близости от турецкой столицы — в Болгарии — по пути белградских янычар пошли отряды дезертиров и кирджали, против которых и была брошена наиболее боеспособная часть турецкой армии¹⁶. Повстанцы были обеспокоены отсутствием какой-либо внятной реакции со стороны своего законного монарха. С другой стороны, они, очевидно, хорошо понимали, что первоначальная благосклонность Константинополя вызвана слабостью, поэтому носит временный характер и никоим образом ничего не гарантирует в будущем.

Уже в мае 1804 г. руководители повстанцев и представители духовенства Сербии обратились с письмом к посланнику России в Турции А. Я. Италинскому. Перечисляя причины, вызвавшие восстание, они просили о посредничестве и заступничестве: «Наше желание есть, чтоб ходатайством светим русския непобедимия держави свободу получили наше христианство хранить, церкви и монастыри воздвигати и от нестерпимого ига турецкого избавитися. Ми против не стоим султану урок (дань. — О. А.) отдавати, но токмо чтоб от прочих тягостех и гонений турецких освобождению были. Ибо паша или губернатор сервианский, в Белграде находящийся, ни каковыя власти имеет, но и он сам у страхе и опасности живет, но дайте его аки немощного роба держут. У Сербии уже нас, христиан, под оружием 25 тысяч находится, и доднест всю Сервию от врагов наших и царя султанових освободихом, толико еще неколико тысяч турков в Белграде находятся, и тия с помощью Всевишнего надеемся поразити. Но что потом делати будем, когда прочая сила турецкая на нас пойдет? Аще светлое крыло всероссийское нас, христиан, не покривет, то тогда ми купно с детьми нашими изгинуту будем (сохранено написание оригинала. — О. А.)»¹⁷. Естественно, что поддержать эти просьбы без санкции Петербурга А. Я. Италинский не мог и вынужден был оставить это письмо без ответа. Тем не менее он немедленно известил А. А. Чарторыйского об обращении повстанцев, предлагая России выступить в качестве посредника¹⁸.

В июне того же года руководители повстанцев обратились с просьбой о заступничестве уже на имя императора Александра I. В ней отразились те же опасения и та же программа: «Теперь держим Белиград в обседении, понеже не имеем таковых военных орудий, с коим бы могли быть онаи. Обаче всячески надеемся помощию Божию онима завладети. Обаче по завладении оногo, естли Ваше

Императорское Величество не прострет все милостивейшую руку, то мы совсем пропали. Правда, что султан обещает нам свою милость и оставляет нам дани на 9 лет. Но кто от врага христианского может надеяться милости, понеже по изгнании сил ребелантов (повстанцев. — О. А.) послет султан другой гарнизон, и они начну поступать с нами тем же образом, да еще горше будут делати отмщение над нами. Они и доселе не слушали султана, а теперь они все султани (сохранено написание оригинала. — О. А.)»¹⁹.

В июне же по рекомендации духовника и законоучителя Александра I была передана записка сербского митрополита Стефана Стратимировича, в которой Россия призывалась оказать помощь славяноединоверцам, которые верны и близки ей²⁰. В Петербурге прекрасно понимали сложившуюся на Балканах ситуацию. «Весьма вероятно, — докладывал императору в июле 1804 г. А. А. Чарторыйский, — хотя в начале восстания сербов Порта казалась к ним благосклонна, но лишь потому она не захотела объявить их мятежниками, что не была в состоянии их подавить; несмотря на то что она имеет все основания быть недовольной белградскими дахиями, она втайне поощряет их и предпочитает, чтобы они одержали верх, чем видеть христианскую провинцию, значительно укрепившуюся после взятия этой крепости (Белграда. — О. А.)»²¹. А. Я. Италинскому было рекомендовано в случае благоприятных обстоятельств заступиться за сербов, не подвергая при этом риску ни интересы России, ни интересы самих повстанцев.

Это была вполне логичная позиция. До взятия Белграда оказать какую-либо серьезную помощь сербам не представлялось никакой возможности, а излишняя заинтересованность с русской стороны могла в этих условиях вызвать подозрительность со стороны турок и скорее навредить, чем помочь повстанцам. В августе 1804 г. с просьбой о заступничестве из Сербии в Россию была отправлена делегация в составе четырех человек. Двум из них русскими властями было разрешено проследовать в Петербург. Уже в ноябре 1804 г. делегаты получили аудиенцию у Александра I, обещавшего повстанцам дипломатическую и финансовую поддержку²². Делегация получила 3 тыс. голландских золотых, что соответствовало просимой сумме в 20 тыс. пиастров²³. Однако это отнюдь не означало курса на ухудшение русско-турецких отношений, особенно на фоне становившейся все более опасной в связи с действиями Наполеона обстановки в Европе. Россия мягко поддерживала сербскую программу автономии²⁴. В декабре 1804 г. она сводилась к предложениям освобождения территории княжества от присутствия турецких войск, а также к праву на собственного правителя, суд и пя-

титысячную армию для защиты от набегов разбойников при условии выплаты ежегодной дани султану²⁵.

В начале 1805 г. Карагеоргий разбил янычар. Дайи попали в плен и были казнены. В мае — августе того же года сербы попытались начать переговоры с турками, предложив султану следующую программу: автономия и признание сформированной во время восстания администрации, очищение Сербии от турецких военных отрядов, выплата дани²⁶. Эти предложения были отвергнуты Константинополем. Цели сербского восстания после этого изменились, началась война за независимость. Но русская дипломатия воздерживалась от вмешательства и от очередной просьбы о помощи в начале 1805 г. предпочла оградиться общими словами²⁷. В сентябре 1805 г. повстанцам удалось разбить турецкую карательную экспедицию, направленную в их страну. Турки немедленно приступили к подготовке следующей. 30 ноября 1805 г. Карагеоргий вновь обратился с просьбой о заступничестве к Александру I²⁸.

Прибывшие депутаты не произвели должного впечатления в Петербурге. Как отмечал один из дипломатов, «они крепколобы и не слушаются рассудка». Рассудок же подсказывал, что султан никогда не пойдет на уступки в этом вопросе²⁹. Россия как покровительница православных подданных Турции не могла остаться равнодушной к судьбе Сербии, но ей было необходимо и сотрудничество с Константинополем, для того чтобы исключить опасность втягивания султана в сферу влияния французской политики. До вторжения в Египет французы пользовались популярностью в столице Османской империи, но после этого все изменилось. Необходимо было восстанавливать влияние³⁰. Французы заверяли турок в том, что после завоевания Египта они собирались вернуть его султану. Среди турецких военных усиливалось сожаление в том, что им пришлось воевать с лучшими друзьями. Столкновение с Францией они стали называть противоестественным³¹. Летом 1805 г. Ш. М. Талейран издал циркуляр о том, что Париж и Берлин сходятся в той мысли, что все бедствия современной Турции — своеволие пашей, волнения христиан и т. п. — имеют в своей основе агрессивную политику России³². Без сомнения, в Константинополе нашлось немало желающих прислушаться к этим словам, и это надо было учитывать Петербургу.

11 (23) сентября 1805 г. в турецкой столице был подписан русско-турецкий союзный оборонительный договор. Он подтверждал право прохода русских кораблей через Босфор и Дарданеллы. В случае нападения на одну из сторон третьей державы союзник должен был

предоставить ей помощь силой в 10 тыс. человек пехоты, 2 тыс. кавалерии и эскадру (не меньше шести линейных кораблей и четырех фрегатов). Секретные статьи соглашения фактически присоединяли Турцию к антинаполеоновской коалиции, успех которой должен был оградить Османскую империю «от осуществления зловещих планов Франции»³³. До 1806 г. ввиду осложнений на европейском направлении Россия ограничилась финансовой и моральной поддержкой сербов, стараясь удержать турок от крупномасштабного повторения похода против повстанцев³⁴.

В конце 1805 — начале 1806 г. ситуация начала меняться. Находившийся под впечатлением военных успехов Наполеона в 1805–1806 гг. султан был втянут в орбиту французской политики. Под влиянием известий о провале союзников в Австрии он уже в начале 1806 г., несмотря на давление со стороны России, стал склоняться к признанию за Наполеоном права на императорский титул. В конце января 1806 г. Турция официально признала императора французов и отказалась продлить союзный договор с Англией³⁵. В Константинополе боялись удара со стороны французов, и визирь объяснял задержку подписания договора необходимостью подготовиться к сопротивлению возможной агрессии³⁶. За этим последовало политическое сближение между Константинополем и Парижем и, как следствие, ужесточение турецкой позиции по сербскому вопросу.

30 апреля (12 мая) 1806 г. Александр I лично обратился к Селиму III с письмом, рекомендуя ему воздержаться от подавления восстания. «Уверение мое по сему столь положительно, — писал император, — что я нимало не колеблюсь просить Ваше Султаново Величество предпочтительно употребить кротость и ласку против сего народа, который с удовольствием покорится, если постановления с ним сделаны будут на справедливом основании, и обратит оружие свое на защиту и славу империи Вашей. В противном же случае меры, ныне против него принимаемые, произведут единственно знаменитое уменьшение сил и могущества Вашего Султанова Величества»³⁷. При этом 1 (13) марта 1806 император поручил русскому посланнику в Турции А. Я. Италинскому «уверить Порту самым положительным образом, что я не изменил своего расположения к ней и готов быть защитителем ее против всякого внешнего нападения, лететь на помощь султану Селиму, как только он найдет это нужным. Что я не требую от него ничего, кроме исполнения заключенных с Портой трактатов, которые я исполняю свято»³⁸. Все эти пожелания и предложения не были приняты Константинополем, и русская дипломатия оказалась в тупике.

Ситуация изменилась с началом русско-турецкой войны, огромную роль в провоцировании которой сыграла французская дипломатия. Наполеон с 1804 г. постоянно подталкивал Селима III к войне. Его призывы к восстановлению могущества Османской империи из Восточной Пруссии звучали весомо³⁹. В качестве посла в Турцию оттуда же был направлен генерал О. Себастьяни. Отправляясь в Константинополь, он выбрал сухопутную дорогу, через Австрию и Дунайские княжества. Отказ от путешествия по морю был естественен, поскольку там господствовал английский флот. В Бухаресте он попытался убедить валахского господаря Константина Ипсиланти увеличить численность своих пандуров и превратить эти полицейские силы в армию. По его словам, Молдавия и Валахия должны были бы иметь по 20-тысячному войску, так как Наполеон желает видеть в них барьер между Россией и Австрией, который при этом останется неотъемлемым владением султана. Проблемы Турции, в том числе и волнения черногорцев, отказывавшихся признавать власть Наполеона, французский дипломат объяснял исключительно происками Петербурга.

«Но вы увидите, — заверял он господаря, — чем это кончится. Император поклялся истребить этот народ и покажет на нем страшный пример. Сербов ожидает та же участь, если они немедленно не покорятся. Все остальное не посмеет поднять голову. Мы имеем уже значительную армию в Далмации; она вступит в Сербию, если это окажется нужным. Планы России нам известны. Она хочет поставить Дунай границей и овладеть обоими княжествами. Она делала уже подобные предложения Франции, которая отклонила их. Во время мира в Пресбурге Австрия также просила дать в вознаграждение ей Молдавию и Валахию, но император Наполеон ответил, что не допустит ни малейшего посягательства на целостность Османской империи. Если Порта бросится в объятия Франции, то не только уцелеет, но может еще возродиться»⁴⁰.

Эти разговоры не получили поддержки ни у Константина Ипсиланти, ни у господаря Молдавии Александра Мурузи, но зато благосклонно воспринимались в Константинополе⁴¹. Александр Мурузи и Константин Ипсиланти считались сторонниками России, так как пользовались ее покровительством. Но их русофильство, как и у всех фанариотов¹, было весьма условным. Среди этой части греческой аристократии настоящих сторонников не было, так как правители Молдавии

¹ Фанариот — житель района Фанар, или Фанер, в Константинополе, в настоящее время — район Фатих Стамбула. Здесь располагается резиденция патриарха Константинопольского, а во времена Османской империи находился греческий район, выходцы из богатых семей которого достигали значительных постов на службе у султана.

и Валахии боялись, что этот лакомый кусок перейдет под власть Петербурга⁴². Как правило, фанариоты получали и удерживали господарские престолы благодаря взяткам, а на управляемые территории смотрели как на источник личного обогащения. Несмотря на постоянный риск смещения, господарский престол обеспечивал эту возможность. Средняя «стоимость» молдавского трона в середине XVIII в. оценивалась приблизительно в 30 тыс. золотых фунтов, а валашского — в 45 тыс., а ежегодный сбор налогов в то же самое время равнялся в Молдавии 180 тыс. золотых фунтов, а в Валахии — 300 тыс.⁴³ Нет ничего удивительного в том, что управление княжествами строилось на злоупотреблении властью, вымогательстве и грабеже⁴⁴.

Впрочем, все это уже не было важно. О. Себастьяни должен был продемонстрировать выросший авторитет Франции. Генерал прибыл в Константинополь 9 августа 1806 г. и уже 24 августа добился отстранения этих господарей. Об уровне влияния генерала можно судить хотя бы по тому, что вопреки древней традиции он был принят султаном при оружии. Это произошло 28 августа⁴⁵. О. Себастьяни активно использовал эффект, произведенный битвой при Аустерлице, чтобы втянуть Турцию в войну и отвлечь Россию от поддержки. Уже в апреле 1806 г. султан предупредил Петербург о своем желании прекратить пропуск через Проливы русских военных судов и транспортов с войсками. Эта новость вызвала в России глубокое удивление, потому что данное право было прежде всего необходимо для защиты владений султана согласно русско-турецкому союзному договору⁴⁶.

Но в Константинополе уже не боялись вторжения Франции, могущество Наполеона вызывало там не только страх, но и уважение. А. Я. Италинский вспоминал: «Порта, закрывая проход русским судам через Дарданеллы, не могла этого сделать без влияния Бонапарте, который имел в виду опереться на бунтующих янычар, отличных стрелков, которым Франция обещала помощь и покровительство. Известно, что ловкостью и деньгами можно всего достигнуть с этими людьми»⁴⁷. Кроме того, Наполеон в личном письме советовал султану сместить ориентировавшихся на Россию господарей Молдавии и Валахии. В том же направлении постоянно действовал и О. Себастьяни⁴⁸. Он убеждал султана в том, что Наполеон готов ввести войска в княжества, чтобы действовать оттуда вместе с турками против русской армии⁴⁹.

Попытка русского правительства в августе 1806 г. решить проблему дипломатическим путем и таким образом потребовать от султана защиты русской торговли, а также правящих в Молдавии и Валахии господарей, не увенчалась успехом⁵⁰. В сентябре 1806 г. Турция

закрыла Проливы для любых русских судов. В Константинополе были уверены, что Россия находится в глубоком упадке, в связи с чем будет не в состоянии защищать свои интересы⁵¹. Впрочем, проблемы русской торговли в Проливах начались еще в 1803 г., когда турецкие власти стали требовать перегружать хлеб из Одессы в Константинополе⁵². Теперь дело зашло дальше. Турция считала более безопасным для себя воевать с Россией, чем рисковать ухудшением отношений с Францией. 26 августа (7 сентября) А. Я. Италинскому было отправлено приказание эвакуировать собственность посольства в Одессу и нанять корабль, чтобы в случае необходимости быть готовым немедленно покинуть Константинополь⁵³. В это же время О. Себастьяни увеличивал влияние Франции в Константинополе, предлагая султану передачу Крыма в случае общей победы над Россией⁵⁴. На случай отказа от столь щедрых даров французский посол переходил к угрозам, намекая на возможность удара по турецкой территории со стороны Далмации. Дело дошло до того, что в сентябре 1806 г. турецкие министры начали жаловаться А. Я. Италинскому «на нескромность французов, на их заносчивость, высокомерие и угрожающий тон»⁵⁵.

10 (22) сентября А. Я. Италинский обратился к султану с протестом против закрытия Проливов по требованию французов, предупреждая Селима III о том, что настоящая угроза для его империи исходит от присоединения к планам Наполеона, а не от его несуществующих в Далмации войск. Султан должен был выбрать для себя союзников. Ими могли быть или Россия и Англия, или Франция. «Соблаговолите, Ваше Императорское Величество, — писал русский дипломат, — взвесить с присущей Вам глубокой мудростью преимущества и отрицательные стороны как одного, так и другого решения. Прикажите представить Вам географическую карту и внимательно изучите, каковы возможности России и Англии, с одной стороны, и Франции — с другой, как для защиты Ваших владений, так и для нападения на них»⁵⁶. Тем не менее сочетание кнута и пряника завершилось успехом именно у французов. 17 (29) сентября А. Я. Италинский вынужден был предупредить турецкое правительство о том, что если смещенные господа Молдавии и Валахии не будут восстановлены, он вынужден будет покинуть Константинополь⁵⁷.

В августе 1802 г. император уже выступал против смещения тех же господарей и излишнего обременения княжеств поборами, и тогда к его мнению прислушались⁵⁸. Теперь ничего похожего на подобное отношение к заявлениям русских дипломатов в Константинополе не наблюдалось. Сложившаяся ситуация полностью отвечала интересам

Наполеона, стремившегося оттянуть часть русских сил с запада на восток. В результате Петербург, желая избежать войны, был вынужден задействовать силу и изменить свою политику скрытой поддержки потенциальных союзников. 22 сентября (4 октября) генерал И. И. Михельсон получил приказ передать Карагеоргию 13 тыс. червонцев⁵⁹. 16 (28) октября 1806 г. последовал высочайший рескрипт на имя И. И. Михельсона, повелевавший ему перейти Днестр и занять Молдавию и Валахию. Формально Александр I имел основания для подобных действий.

С 1774 г. сюзеренитет султана над Дунайскими княжествами уже не был безусловным. Восстановление власти Турции над этими территориями после русско-турецкой войны 1768–1774 гг. было связано с рядом обязательств, которые взял на себя Константинополь и которые теперь нарушались. Статья 16 Кючук-Кайнарджийского мира (1774) предоставляла России право покровительства Дунайским княжествам⁶⁰. Параграф 10 этой статьи, целиком посвященной условиям возвращения Порте Молдавии и Валахии, гласил: «Соглашается также, чтоб по обстоятельствам обоих сих Княжеств министры Российского Императорского Двора, при Блистательной Порте находящиеся, могли говорить в пользу двух Княжеств, и (Порта. — О. А.) обещает внимать оные со сходственным к дружеским и почтительным Державам уважением»⁶¹. Это обещание в 1806 г. не соблюдалось. Демонстрация силы на Дунае, по планам, должна была подействовать на султана охлаждающим образом и предотвратить войну, тем более что Турция не была к ней готова⁶².

Эти расчеты не покоились на пустом месте, в последний момент турки заявили о своей готовности уступить в вопросе о господах. Правда, особого доверия этот шаг султана в Петербурге не вызвал. А. Я. Будберг писал А. Я. Италинскому: «Вам, конечно, было не безызвестно, что главной целью Императорского двора было удостовериться самым положительным образом относительно расположения Порты; одной уступки, сделанной по принуждению, еще недостаточно и не дает нам необходимых гарантий»⁶³. Порта колебалась. Это было связано с тем, что в Константинополь пришла весьма неприятная новость: 15 октября британский посол сообщил султану о формировании Четвертой коалиции. Османская политика сделала очередной поворот, и с О. Себастьяни перестали встречаться высшие чиновники, а султан отказал ему в очередной аудиенции. Впрочем, никто не торопился отвечать на требования А. Я. Италинского⁶⁴.

Гарантии, о которых писал А. Я. Будберг, могла предоставить только сила. На деле, предотвратив опасность восстановления турец-

кого военного контроля над княжествами и неизбежной в таком случае резни, русская армия не могла предотвратить нежелательной для России войны. Демонстрации, которая гарантировала бы мир, не получилось по причине недостаточности силы. Согласно спискам, русская армия в Дунайских княжествах имела около 60 тыс. человек при 268 орудиях⁶⁵, но из-за болезней и побегов в рекрутских командах она была на треть менее списочного состава — около 40 тыс. человек. У турок в крепостях по Дунаю было сосредоточено около 70 тыс. человек и, кроме того, в резерве в районе Константинополя находилось около 80 тыс. Не имея возможности усилить армию И. И. Михельсона, император с самого начала рекомендовал ему ограничиться оборонительными действиями⁶⁶. Учитывая, что незадолго до начала движения в княжества армия вынуждена была выделить из своего состава подкрепление на запад, что сократило ее численность до 30 тыс. человек, это было единственно верное решение⁶⁷.

В ноябре в Константинополь пришла новость о Йенском сражении, и все снова изменилось. Французское посольство восстановило свое влияние за несколько дней, и О. Себастьяни активизировал попытки втянуть Турцию в войну⁶⁸. 15 (27) ноября А. Я. Италинскому были отправлены предложения, принятие которых султаном могло привести к преодолению кризиса. Султан должен был восстановить права и привилегии Молдавии и Валахии, отказаться препятствовать проходу русских судов через Проливы, восстановить союзный договор с Англией⁶⁹. Эта попытка ни к чему не привела. В турецкой ноте от 11 (23) декабря 1806 г., врученной А. Я. Италинскому, говорилось: «Россия явным образом нарушает дружественные связи с Портой. Она возмущает греков и сербов против турецкого правительства, коварно овладела крепостью Фаши (Бендеры. — О. А.), подговаривает в службу жителей Румелии и Албании, и, несмотря на удовлетворение, данное Портой восстановлением князей Молдавского и Валахского, она заняла Молдавию и не прекращает далее своих действий»⁷⁰. Русское посольство должно было покинуть турецкую столицу в течение трех дней. 18 (30) декабря 1806 г. султан издал манифест о войне с Россией⁷¹. Находившийся в гавани Золотой Рог русский бриг, посланный для эвакуации посольства, был арестован, и А. Я. Италинский, вынужденный из-за этого задержаться в Константинополе, был спасен, найдя убежище на британском корабле⁷².

Разумеется, в Петербурге об этом узнали не сразу, но тенденция развития русско-турецких отношений была абсолютно ясна. 4 (16) января 1807 г. А. Я. Будберг подал на высочайшее имя доклад, в котором

утверждал, что война с Оттоманской империей неизбежна, так как все поведение ее свидетельствует об этом. Министр предлагал императору широкую программу действий: оказать помощь сербам, признать Карагеоргия князем, занять Молдавию и Валахию для организации прочной обороны по Дунаю, войти в контакты с мятежными пашами на Балканах и в Малой Азии, окончить войну с Персией, признать Баба-хана шахом при условии вступления его в войну против турок с целью возвращения бывших персидских владений, организовать совместные действия флотов против Дарданелл и Босфора и т. п.⁷³ Часть этих предложений была принята к действию.

Русские войска, перейдя через Днестр, заняли Хотин, Бендеры, Аккерман⁷⁴. К январю 1807 г., еще до того, как в Бухарест и Яссы прибыли преемники прорусски настроенных господарей, княжества были заняты русскими войсками. Поскольку война формально пока не была объявлена, часть гарнизонов турецких крепостей не оказали активного сопротивления, уходя за Дунай⁷⁵. Со своей стороны, русские войска вели себя образцово, после занятия Бендер солдатам запрещали даже выходить из крепости и беспокоить обывателей. За все товары расплачивались деньгами на месте. Мягкое отношение к жителям сказалось на поведении буджакских татар. Орда могла выставить до 30 тыс. вооруженных воинов и, выжидая, поначалу держалась враждебно. Убедившись в том, что им ничего не угрожает, татары стали вести себя спокойнее. По местным обычаям были выданы заложники. Тылам армии с их стороны ничего не угрожало⁷⁶.

В войне с Турцией для России огромное значение приобретала позиция Австрии, и А. Я. Будберг уже 2 (14) ноября заверил австрийского посла в России в том, что Петербург отнюдь не преследует в этой войне цель уничтожения Оттоманской империи, а только пытается вернуть ее к исполнению своих обязательств во имя собственных ее же интересов⁷⁷. 8 (20) января 1807 г. министр иностранных дел отправил русскому послу в Вене графу А. К. Разумовскому более развернутое объяснение случившегося, высказав пожелание о нейтралитете Дунайской монархии: «Если более чем сомнительное предрасположение, проявленное турками по отношению к нам после заключения ими мира с Францией; если нарушения, допускаемые Портой в отношении ее самых ясных обязательств перед императорским двором, и недружелюбие, с каким исправлялись эти нарушения; если, наконец, неслыханные успехи Бонапарта и исключительное влияние его посланника в Константинополе, явившееся следствием этого, могли бы еще оставить малейшие сомнения насчет возможности избежать войны с турками, даже

если бы не произошло оккупации нами Молдавии и Валахии, то подобное сомнение сегодня было бы перечеркнуто декларацией Порты, планами сосредоточить на западных границах Османской империи наблюдательный армейский корпус по примеру венского двора. Это решение, явно направленное против нас и принятое до того, как в Константинополе стало известно о вступлении русских войск в Молдавию, уже само по себе является объявлением войны, так как оно говорит о новом нарушении всех договоров, заключенных между двумя империями после Кайнарджийского мира; учитывая, что во всех этих договорах особо оговаривалось положение, согласно которому турецкие войска никогда не должны вступать в Молдавию и Валахию за исключением предназначенных для крепостных гарнизонов. Столь очевидные соображения не дают никаких оснований надеяться, что может быть сохранен мир с турками и что можно избежать войны, если воздержаться от такого обоснованного во всех отношениях и неотложного шага, как оккупация Молдавии и Валахии; мы совершенно убеждены, господин граф, что венский двор в случае, если вспыхнет война, разумеется, не свяжет ее с этой мерой, а напротив — признает, что при нынешних обстоятельствах, как никогда ранее, были проявлены совершеннейшие осмотрительность и справедливость»⁷⁸.

Первоначальный план военных действий России предполагал открытие совместных и одновременных с союзным в то время британским флотом в районе Проливов для быстрого выведения Турции из войны. 1 (13) февраля 1807 г. он был подан императору управляющим Морским министерством вице-адмиралом П. В. Чичаговым (подобные проекты появились еще в правление Екатерины II⁷⁹). Предполагалось вместе с англичанами нанести совместный удар по Дарданеллам и Босфору, форсировать Проливы и высадить в Константинополе десант (13 мушкетерских и семь гарнизонных батальонов, всего до 17 тыс. человек), основные силы которого должен был перевезти на Босфор Черноморский флот. В то же самое время армия генерала И. И. Михельсона должна была оттянуть на себя основные силы турок⁸⁰. Весной 1807 г. он получил подкрепления, увеличившие численность его армии до 38,5 тыс. человек⁸¹, и начал действовать, добившись успеха в ряде столкновений 5–6 (17–18) марта в районе крепости Журжево⁸².

Большое значение вновь приобретали Ионические острова и русская эскадра, которая базировалась здесь. Естественно, что с началом войны с Турцией задачи Д. Н. Сенявина были изменены. 26 декабря 1806 г. (7 января 1807 г.) ему были посланы новые инструкции, предписывавшие совместные действия с англичанами. Одновременно

приказ о подготовке транспортной флотилии на 15–20 тыс. человек и соответствующего числа кораблей Черноморского флота был отправлен и его командующему — адмиралу И. И. де Траверсе. Первое же совещание старших офицеров пришло к выводу о сомнительной возможности осуществления этого плана. Вначале И. И. де Траверсе заявил о том, что десант на 17 тыс. человек будет готов к концу марта, но уже 12 февраля 1807 г. отправил письмо П. В. Чичагову, информируя его, что недостаток офицеров (имелось лишь треть штата) и большой процент новобранцев (до 6,2 тыс. человек) исключают возможность организации морской атаки Босфора и Константинополя. В бедственном состоянии находился и Черноморский флот⁸³.

С самого начала на выполнение судостроительной программы 1803 г. не находилось достаточно средств, поначалу при ежегодной потребности в 9 млн рублей на морскую часть выделялось только 7 млн рублей (4,5 млн на Балтийский флот и 2,5 млн на Черноморский) из 8,26 млн рублей серебром (11 млн ассигнациями), выделенных Морскому министерству⁸⁴. В 1805 г. на корабельное строительство распоряжением императора было дополнительно выделено 1 419 158 рублей, а в 1807 г. — еще 2 млн рублей, но денег все равно не хватало. К 1809–1810 гг. цены на товары, необходимые для флота, выросли почти в два раза по отношению к ценам 1798 г., из расчета которых исходили в 1803 г., кроме того, резко упал курс рубля. После 1807 г. запросы Морского министерства на увеличение финансирования не получали поддержки, наоборот, Комитет финансов постоянно урезал испрашиваемые суммы⁸⁵. Большая часть военных расходов шла на армию, финансировать программу 1803 г. в необходимых объемах было просто невозможно, и флот в период противостояния с Францией быстро пришел в упадок⁸⁶. С огромным трудом удалось добиться формального достижения комплекта штатов флота, предложенных в 1803 г., только в 1810 г.⁸⁷

К началу военных действий в 1806 г. русский Черноморский флот состоял из шести линейных кораблей, шести фрегатов, галиота, корвета, яхты, четырех бригов, восьми бригантин, 82 канонерских лодок⁸⁸. Имелись и 40 шлюпок, способных вместить 60 человек, не считая экипажа, и запас продовольствия на восемь дней. В то же время турки могли располагать на Черном море 34 парусными судами, включая 16 линейных кораблей и 18 корветов, не считая мелких военных судов и транспортов, которых насчитывалось около 100⁸⁹. Таким образом, атака Дарданелл с самого начала не могла получить поддержки со стороны Босфора. Не поддержанные десантом действия флота в районе Проливов не имели шансов на успех. Русский гарнизон Ионических островов

к этому времени насчитывал 13 500 человек (не считая моряков), кроме того, имелся и легион албанских стрелков-добровольцев — около 2 тыс. человек. В связи с тем, что существовала французская и турецкая угроза островам со стороны Балкан, Д. Н. Сенявин не мог взять с собой для действий у Дарданелл более 1200 солдат⁹⁰.

Не зная подробностей и изменений в планах своего русского союзника, вице-адмирал Дж. Дакворт, командовавший английской эскадрой, принял решение о самостоятельных действиях. Британцы явно спешили вывести Турцию из войны без русского десанта в ее столице. 7 февраля 1807 г. семь английских линкоров, два фрегата и два бомбардирских судна практически без потерь прорвались через Дарданеллы и 9 февраля бросили якорь в районе Принцевых островов, в восьми милях от Константинополя. Дж. Дакворт потребовал от турок сдать флот, морские запасы и контроль над Проливами в руки англичан, а также пойти на уступки по отношению к России. Во время переговоров во главе обороны турецкой столицы фактически встал генерал О. Себастьяни. На набережных Константинополя было установлено около 200 орудий, под их прикрытием у берега расположился турецкий флот. Кроме того, французский генерал обратил особое внимание на укрепления Галлиполийского полуострова. На азиатском и европейском берегах Дарданелл было установлено 917 орудий и 196 мортир разного калибра. Не имея поддержки армии, Дж. Дакворт не мог помешать этим работам. Оказавшись под угрозой блокады в Мраморном море, он вынужден был уйти оттуда 19 февраля, потеряв в Дарданеллах свыше 600 человек убитыми и ранеными. Два его фрегата были выведены из строя, три линейных корабля сильно повреждены⁹¹.

Если поначалу в турецкой столице царил паника, то после ухода англичан началось ликование. Героем стал О. Себастьяни. Французское влияние в Турции достигло своего пика⁹². Особенно пострадала от этого греческая община. Неосторожного слова было достаточно для того, чтобы генерал распорядился арестовать не понравившегося ему человека⁹³. Но прорыв в Мраморное море все же имел определенное значение, так как угроза с моря задержала под Константинополем наиболее боеспособную часть турецкой армии, из которой только 25 тыс. человек было отправлено в Сербию⁹⁴. Сразу после отступления английского флота к Дарданеллам подошла эскадра Д. Н. Сенявина: 14 линейных кораблей, пять фрегатов, три корвета, шлюп, шхуна, семь бригов, две шбеки, пять транспортов и фрегат, переоборудованный под госпиталь⁹⁵. 3 марта Дж. Дакворт, отказавшись сотрудничать с прибывшим Д. Н. Сенявиным, отбыл для действий в Египте, где несколькими неделями

позже был высажен подвезенный из Мальты английский десант во главе с генералом А. Маккензи Фрейзером, который занял Александрию⁹⁶.

Особых успехов не последовало. А. Маккензи Фрейзеру предписывалось избегать конфликтов с египтянами⁹⁷, а большинство населения этой провинции Османской империи, и без того раздраженное вторжением армии Наполеона, было настроено категорически против иностранцев. Ситуация осложнялась внутренним конфликтом⁹⁸. Англичане втянулись в бои с турецким правителем Египта Мехмедом-Али, который подчинил себе мамлюкских беев, а среди них было немало сторонников соглашения с англичанами. Выходец из албанского рода Мехмед-Али опирался на своих земляков, количество которых в египетских войсках постоянно росло, их использовали мамлюкские вожди и турецкие правители для борьбы друг с другом⁹⁹. В результате преуспел только правитель, а англичане оказались блокированы в Александрии и вынуждены были эвакуировать ее с большими потерями в сентябре 1807 г.¹⁰⁰

Д. Н. Сенявину пришлось действовать против турок в одиночку. В основные силы противостоящего ему турецкого флота перед началом войны входило 12 линейных кораблей, шесть фрегатов и 50 меньших судов¹⁰¹. 15 (27) февраля 1807 г. адмирал издал обращение к христианскому населению Оттоманской империи с призывом присоединиться к русским войскам и флоту¹⁰². Прежде всего он был заинтересован в поддержке греков, жителей архипелага, где действовали его корабли. Опорой в этом служил Греческий корпус, составленный из добровольцев, к 1807 г. его численность достигла около 4 тыс. человек¹⁰³. 10 марта 1807 г., после двухдневной осады, русская эскадра овладела небольшим островом Тенедос (чуть более 30 километров в окружности). 10-тысячный турецкий гарнизон сдался и был перевезен на анатолийский берег. Имея только 1200 «морских солдат», Д. Н. Сенявин попросту не мог содержать такое количество пленных, тем более на Тенедосе. Пленных вместе с их семьями перевозили целый день. По приказу адмирала строго соблюдался порядок, пленные сохранили имущество и в знак благодарности загрузили идущие обратно на остров суда зеленью и разного рода провизией. С острова четко просматривался вход в Дарданеллы, и, используя его как базу, русская эскадра начала ближнюю блокаду пролива, практически полностью прекратив подвоз хлеба в Константинополь по морю¹⁰⁴.

Не было у Д. Н. Сенявина и возможности отправить пленных в тыл, на Ионические острова, он не мог позволить себе отвлекать на такие перевозки свои корабли. Турецкий флот, обладая более круп-

ными кораблями преимущественно французской постройки (самый мощный турецкий линейный корабль «Мессудие» был 120-пушечным, самый сильный корабль эскадры Д. Н. Сенявина «Рафаил» — 80-пушечным), вооруженными более мощной и лучшей по качеству (медной, на русских кораблях стояли чугунные пушки), а также более многочисленной (1138 турецких орудий против 728 русских) артиллерией, сразу же попытался снять блокаду Дарданелл¹⁰⁵. Турки при Селиме III активно модернизировали свой флот при помощи иностранцев, они добились существенного успеха в повышении качества кораблей и артиллерии, однако парусное вооружение и качество команд оставляло желать лучшего¹⁰⁶. В османском флоте господствовала жестокая дисциплина, моральные качества турецких моряков были превосходны, однако и команды их кораблей по отдельности, и эскадра в целом были недостаточно обучены, что обусловило превосходство русской эскадры в последующих столкновениях¹⁰⁷.

Активные военные действия на Кавказе начались с весны 1807 г. Русская армия здесь была крайне немногочисленной — две дивизии пехоты и восемь казачьих полков¹⁰⁸. Всего это составило около 22 тыс. человек, причем 19-я пехотная дивизия была расположена на Кавказской линии, а 20-я — в Грузии, прикрывая новые провинции от возможного нападения со стороны Персии¹⁰⁹. Положение русских войск было чрезвычайно тяжелым. В феврале 1806 г. на переговорах в Баку был убит генерал П. Д. Цицианов. Ханы Северного Азербайджана, имеретинский царь Соломон II при поддержке кахетинского царевича Александра открыто восстали против русской власти. Почувствовав ее временную слабость, немедленно возобновили свои набеги горцы¹¹⁰. Соломон II призывал персов, стоявших в Эривани, к совместным действиям: «Я имею 30 000 вооруженных храбрецов, готовых пролить кровь. Если персидское войско выступит против проклятого Гудовича в Тифлисе (совр. Тбилиси. — О. А.), все затруднения будут преодолены, и мы также из нашего владения двинемся против него. Одним словом, если ваши войска совместно с нашими двинутся против неприятеля, то он будет уничтожен нашими мечами, его пушки и заряды до единого будут нами отбиты. Стоит только вам с войском прибыть в Тифлис, и все хлынут навстречу царевичу Александру. Проклятые русские будут вооружать против себя враждою и ненавистью ознауров и беков, живущих на побережьях»¹¹¹.

Планам имеретинского царя не дано было сбыться. Новый главнокомандующий генерал И. В. Гудович быстрыми и энергичными действиями за лето 1806 г. восстановил порядок, нанеся поражения

и мятежникам, и персам, и грабительским экспедициям горцев, после чего вступил в переговоры о перемирии с персами. Это дало генералу возможность сосредоточить свои незначительные силы против турок¹¹². Желая овладеть инициативой, И. В. Гудович решил действовать сразу на четырех направлениях, он начал одновременное наступление на турецкие крепости Анапу, Потю, Ахалцих и Карс. Это решение оказалось ошибочным. Если Анапа была всего за один день взята с помощью Черноморского флота (город был сожжен и разорен, все ценное перенесено на корабли, укрепления разрушены), то остальные крепости удержались. Русские штурмы были отбиты, что весьма подняло дух противника, решившегося выйти в поле. В июне 1807 г. шеститысячный отряд генерала И. В. Гудовича нанес поражение 24-тысячной турецкой армии под Арпачаем. Турецкая опасность в Закавказье была на время ликвидирована¹¹³.

Русские войска в Дунайских княжествах заняли Бухарест и обложили крепость Измаил. Около 40 тыс. человек, имевшихся в распоряжении у И. И. Михельсона, оказались расплывенными перед турецкими крепостями Браилов и Измаил, приблизительно третья часть армии оставлена для прикрытия Бухареста¹¹⁴. Поначалу основные силы России были направлены на борьбу с Наполеоном и первые победы ее армии в Дунайских княжествах было нечем подкрепить. Этот же период совпал с успехами Карагеоргия, разбившего в 1806 г. два крупных турецких карательных отряда. Еще в августе того же года руководитель восстания отправил И. И. Михельсону письмо с просьбой о помощи: «Деньги, оружие, муниция и искусные воины суть наши первые надобности. Молим Ваше Высокопревосходительство, уверитися положительнейшим образом о великой нужде состояния нашего и да изволисте дати скорое пособие, спешною помощию немедленно нас утешити, за которую помощь вам вечно народ сербский благодарити будет»¹¹⁵.

До начала военных действий помощь могла быть оказана только одним способом — деньгами, что и было сделано, в сентябре 1806 г. сербам отправили 13 тыс. червонцев. Впрочем, в ноябре того же года к повстанцам в качестве инструкторов были отправлены несколько офицеров¹¹⁶. Понимая, что столкновение с Россией неизбежно, осенью 1806 г. турки начали уверять сербов в возможности амнистии, для того чтобы внезапно обрушиться на повстанцев и разбить их. Однако заставить врасплох Карагеоргия не удалось. Возобновление военных действий в Сербии заставило повстанцев вновь сосредоточиться на осаде Белграда. Блокада крепости с начала восстания не была полной, так как австрийцы снабжали турецкий гарнизон продовольствием и даже боеприпасами. Предложения России прекратить эти действия и уж тем

более разрешить такие же поставки сербам Веной были отклонены. 30 ноября (12 декабря) 1806 г., узнав о вступлении русских войск в Валахию и Молдавию, сербы начали штурм и овладели большей частью крепости, полностью блокировав выходы из верхней ее части — Калимегдана. 27 декабря 1806 г. (8 января 1807 г.) турецкий гарнизон сдал Калимегдан и, прикрываясь сербскими заложниками, отступил по Дунаю к Виддину. В крепости было захвачено около 300 орудий. По пути движения туркам оказали помощь австрийцы, что помогло гарнизону дойти до цели¹¹⁷. Между тем с началом войны возникла и традиционно сложная проблема координации действий союзников.

В предварительных планах, представленных в начале 1807 г. русской стороне сербским митрополитом Стефаном Стратимировичем, предлагалось создать славяно-сербское царство из собственно Сербии, Герцеговины и Далмации¹¹⁸. Столицей государства должна была стать Рагуза. Титул славяно-сербского царя предлагалось присоединить к титулу императора Всероссийского, но при этом новое государство, для управления которого должен был быть назначен эмиссар из Петербурга, сохраняло бы вассальную зависимость от Константинополя, сводившуюся, впрочем, исключительно к выплате ежегодной дани. Для достижения этой политической цели по тому же плану планировалось направить в Сербию русский отряд из 12 батальонов пехоты и трех полков казаков. С такой помощью Карагеоргий надеялся изгнать турок из Герцеговины и Боснии и выйти к берегам Далмации¹¹⁹.

Эти планы воспринимались в Петербурге неоднозначно. Тем не менее император не был готов поддержать этот шаг своих моряков. А. А. Чарторыйскому пришлось убеждать монарха не торопиться с принятием решения: «Географическое положение Каттаро, его превосходный порт, предоставляющий бесконечные выгоды для русских эскадр, несомненное расположение населения, удобства, представляемые страной для защиты от неприятеля, который даже не может сделать нападения вследствие недостатка жизненных припасов в Далмации, которых и не будет, пока наш флот будет блокировать эти берега, а также вследствие затруднительности сухопутных сношений в стране, где неприятелю трудно двигаться с большими силами и пушками, — словом, все убеждает нас, что во всяком случае и как бы ни сложились отношения Франции и Пруссии, для России несомненно выгодно удержать за собой Каттаро»¹²⁰.

Очевидно, для принятия решения в столице все же не хватало точной, проверенной информации о том, какой силой реально располагают повстанцы. В январе 1807 г. А. Я. Будберг потребовал

от И. И. Михельсона следующее: «Весьма нужным кажется мне по настоящим обстоятельствам, чтобы в секретных сношениях с сербами употреблено было как наивозможно более деятельности, дабы приобрести обстоятельные сведения, во-первых, обо всех их способах относительно числа войск, вооружения оных и пр., во-вторых же, каким образом будут они нам содействовать. Всего лучше, конечно, будет употребить их со стороны Белграда и Виддина, но таким образом, чтобы действия со стороны сербов начаты были неукоснительно и в одно время с нашими»¹²¹.

Таким образом, сразу же наметились расхождения в определении направления военных действий. Если интересы русской стороны естественно сводились к Среднему и Нижнему Дунаю, то сербы в начале 1807 г. действовали под Нишем и Шабацем, а в перспективе предпочитали перенести удар в сторону Герцеговины и Адриатики. Общая численность отрядов повстанцев к февралю 1807 г. оценивалась приблизительно в 50 тыс. человек¹²². Взятие Белграда позволило И. И. Михельсону направить в июне 1807 г. на соединение с сербами небольшой отряд (два батальона пехоты, казачий полк, небольшую часть добровольцев и два конных орудия, всего около тысячи человек) под командованием генерал-майора И. И. Исаева¹²³. Ему удалось разбить несколько турецких отрядов. Появление русских в Сербии поначалу привело к панике у турок, но малочисленность отряда И. И. Исаева вызвала разочарование у Карагеоргия, который не скрывал, что «ожидал гораздо более во всем пособия»¹²⁴. Разумеется, И. И. Михельсон не мог рисковать отделением от армии пятой части имевшихся в его распоряжении сил, а предложенные С. Стратимировичем планы с присланными русскими войсками были недостижимы. Тем не менее сводный русско-сербский отряд в конце июня 1807 г. нанес поражение войскам виддинского паши, отправленным против повстанцев.

28 июня (10 июля) 1807 г. Карагеоргий подписал соглашение с представителями русского командования, по которому Сербия переходила под протекторат России. Император брал на себя обязательство оказывать сербам помощь финансами, боеприпасами, медикаментами, прислать артиллерию и военную миссию и получал право назначения губернатора и нескольких чиновников в помощь ему (при условии, что ими не будут греки), русские войска вводились в местные крепости. Сербские войска становились в подчинение русскому командованию, но оно имело право использовать сербов только против турок и французов и только для обороны Сербии¹²⁵. Выполнить это соглашение и прежде всего оказать сколько-нибудь значительную помощь повстанцам живой силой И. И. Михельсон не мог. Еще 22 июня (4 июля)

он просил К. К. Родофиникина отправиться в Сербию, чтобы объяснить руководителю восстания, «что когда прибыла против нас визирская армия, то и нам, пока не подойдут наши силы, делиться трудно»¹²⁶. Подкреплений русский генерал так и не дождался, в необходимом числе их после Фридланда попросту не было. Тем временем по просьбе Карагеоргия К. К. Родофиникин разработал устав будущего сербского государства, который сами сербы предпочитали называть конституцией. Во главе его должен был стать князь с титулом Светлейшего, который осуществлял бы управление вместе с Сенатом, составленным из «превосходных сенаторов» (гражданских лиц) и «сиятельных вождей» (военных). Вопросы смертной казни, сбора и распределения налогов находились в компетенции Сената, документ также наметил структуру и полномочия местных властей¹²⁷.

Борьба на Дунае приобрела затяжной характер. После удачного начала военные действия чередовались с переговорами, а они — с переворотами в Константинополе, который в начале войны испытывал немалые трудности в снабжении продовольствием в результате блокады Проливов. Без сомнения, блокада стала катализатором давно зревшего в столице Турции недовольства. Султан Селим III, пытавшийся с 1792 г. провести реформу армии и создать вместо янычар вооруженное и обученное по европейскому образцу новое войско «низам-и-джедид»¹²⁸, был призерженцем европейских порядков и даже завел во дворце европейский театр¹²⁹. Это не могло нравиться всем, и ударной силой противников преобразований стал янычарский корпус.

Янычары ранее формировались за счет наборов мальчишек-христиан из завоеванных стран. Последний раз такой набор — «девширме» — проводился при Мехмеде IV в 1685 г., после чего янычары превратились в наследственное сословие, значительная часть которого занималась ремеслами и торговлей. На службе оставалось не более 1% числящихся в корпусе, состоящем из четырех дивизий. В первой из них числился сам султан, что никак не гарантировало его неприкосновенности. Пехота, которая наводила ужас на соседей Османской Порты, превратилась в ужас для нее самой¹³⁰. Янычары стали основной опорой государственных переворотов. Мятеж в столице обычно начинался у огромных медных котлов, где янычарам раздавали еду — рис с маслом. Эти котлы превратились в символ единства и объект почитания. В случае недовольства котлы переворачивали и ставили напротив дворца — это был знак недовольства тем, как падишах кормит своих воинов, после чего котлы использовали в качестве барабанов¹³¹.

Селим III попытался создать более надежную силу. Европейские офицеры, в основном шведы и венгры, взялись за обучение солдат, для которых были построены новые казармы, введены униформа и единообразное вооружение. Довольно быстро были созданы вполне боеспособные пехота и артиллерия¹³². Первоначально численность новой турецкой армии была относительно невелика — около 1600 человек, потом ее увеличили до 12 тыс. Она хорошо показала себя во время боев с французами в Палестине, но султан опасался расширять ее действие на всю империю. Более того, «низам-и-джедид» в начале Русско-турецкой войны не были отправлены на Дунай, так как султан опасался переворота. В 1805–1807 гг. Селим III попытался развернуть «низам-и-джедид» в полную силу, но не успел сделать этого¹³³. Султан становился все менее популярным. Тем временем Александр I, ведя войну с Наполеоном в Восточной Пруссии, попытался нанести удар по французскому влиянию в Константинополе.

В апреле 1807 г. к вице-адмиралу Д. Н. Сенявину был отправлен специальный курьер с рескриптом императора, извещающим командующего эскадрой о желании императора «восстановить мир между нами и империей Оттоманской на основании трактатов, до последнего разрыва существовавших; следовательно, всякое предприятие, имеющее в виду какое-либо завоевание на счет Порты, было бы совершенно противно умеренным и бескорыстным моим правилам и намерениям»¹³⁴. Переговоры с турками должен был вести прибывший несколько ранее в качестве доверенного лица Александра I К. О. Поццоди Борго¹³⁵. Он должен был настаивать на удалении из Константинополя О. Себастьяни и остальных французов и на признании покровительства сербам¹³⁶. «Особый интерес, — гласила инструкция императора, — который мы имеем к этой нации, как по равенству религии, так и для того, чтобы не обмануть доверия и преданности, всегда ею нам оказываемой, не позволяет нам предать ее в полное распоряжение правительства тем более свирепого, чем более оно слабо, расстроено, и которое вследствие того не будет знать границ своим ненависти и преследованию»¹³⁷. Обстановка не располагала к доверительным контактам.

10 (22) мая в Дарданельском сражении Д. Н. Сенявин нанес поражение турецкому флоту и отбросил его в Мраморное море. Турки всячески затягивали переговоры, возможно, и по причине давно назревавшего в столице взрыва. Какой бы непопулярной ни была затянувшаяся война, никто не хотел брать на себя ответственность за заключение мира с таким традиционным врагом, каким уже считалась

в это время в Турции Россия. Турецкая сторона вступила в переписку с К. О. Поццо ди Борго и Д. Н. Сенявиным, но уклонялась от точных ответов и обязательств¹³⁸. Один из русских морских офицеров, посетив турецкую столицу в 1798 г., отметил: «В Константинополе царствуют попеременно пожары, бунты и чума»¹³⁹. В 1807 г. эта формула не претерпела изменений.

26 мая недовольные янычары при полном одобрении улемов — мусульманских богословов — начали мятеж против нововведений. В них видели угрозу традиционным устоям Оттоманской империи¹⁴⁰.

Недовольство янычар вырвалось на улицы столицы. Восставшие убивали попавшихся им в руки сторонников султана, а также христиан и иудеев, которые вынуждены были прятаться от толпы. Новые войска гарнизона Константинополя не смогли защитить своего создателя. 29 мая 1807 г. монарх-реформатор был свергнут. Двенадцать министров султана были осуждены восставшими на смерть, их почти немедленно обезглавили, головы выставили насаженными на пики на центральной площади города. 13 июня новый султан Мустафа IV, двоюродный брат Селима III, официально взошел на престол¹⁴¹. 28 мая капудан-паша, командующий турецким флотом, фактически известил Д. Н. Сенявина о разрыве контактов: «...так как наш прежний султан скончался и так как на престол вступил султан Мустафа, я полагаю, что новый государь слишком занят, и было бы некстати отправлять теперь к нему вашего офицера»¹⁴². Надежды на заключение мирного соглашения не оправдали себя, и миссия К. О. Поццо ди Борго закончилась провалом¹⁴³. Вновь возобновились военные действия в районе Проливов.

11 июня 1807 г. турки вновь вышли из Дарданелл, стремясь уничтожить русский гарнизон Тенедоса. Со своей стороны, Д. Н. Сенявин хотел использовать его в качестве приманки, для того чтобы отсечь турецкий флот от возможности отступить, и занял позицию у этого пролива. 15 июня турецкие корабли подошли к Тенедосу и обстреляли его, а 16 июня под прикрытием корабельного огня высадили шеститысячный десант. 17 июня флот и десант начали ускоренную атаку небольшого русского укрепления. На следующий день к острову подошла русская эскадра и оказала помощь гарнизону, у которого заканчивались боеприпасы, после чего Д. Н. Сенявин двинулся вслед за турецким флотом¹⁴⁴. 19 июня состоялось Афонское сражение, в котором 10 русских линейных кораблей встретились с 10 линейными кораблями и шестью фрегатами турок, два турецких линейных корабля и три фрегата были уничтожены, флагманский линкор вместе с адмиралом захвачен. В результате сражения остров Тенедос был удержан. Пятитысячный турецкий

десант капитулировал и был перевезен на анатолийский берег, пленных опять невозможно было обеспечить питанием и охраной¹⁴⁵. Освобожденные турки были очень довольны обращением со стороны русских¹⁴⁶. Контроль над морем прочно перешел к русскому флоту.

15 (27) июня 1807 г. Александр I подписал в Тильзите рескрипт на имя И. И. Михельсона, сообщавший о желательности заключения мира. Командующий должен был воздержаться от активных действий и лишь сохранять занимаемые позиции. Ему разрешалось только защищаться¹⁴⁷. 27 июня (9 июля) из Тильзита была отправлена и депеша на имя К. О. Поццо ди Борго, предлагавшая ему в связи с заключением мира между Россией и Францией вернуться в Петербург. Убеденный противник такого соглашения и личный враг Наполеона К. О. Поццо ди Борго предпочел подать в отставку¹⁴⁸. 28 июня (10 июля) 1807 г. император известил командующего об условиях соглашения в Тильзите относительно Балкан: вывод войск из Дунайских княжеств, впрочем, только после того, как Турция примет посредничество Франции и назначит полномочных представителей для переговоров об окончательном мире¹⁴⁹.

В связи с такими крупными изменениями в стане врагов и друзей России явно отпала и необходимость содержания эскадры Д. Н. Сенявина в восточной части Средиземного моря. 27 июня (9 июля) в Тильзите было подписано русско-французское соглашение о передаче Франции Каттаро и Ионических островов. По его условиям русская эскадра должна была сдать занимаемые ею крепости и отправиться в Кадис¹⁵⁰. 28 июня (10 июля) последовал соответствующий приказ Д. Н. Сенявину¹⁵¹. Его положение у Дарданелл становилось небезопасным, так как русские корабли могли попасть в тиски между английским и турецким флотами. В августе 1807 г. Д. Н. Сенявин получил известие о заключении Тильзитского мира и вынужден был оставить район архипелага. Уход русских войск и приход французов, сразу же ликвидировавших республику, вызвал на островах отчаяние и значительно понизил авторитет России в глазах греков¹⁵².

Основная тяжесть задачи по подготовке мирного соглашения между Россией и Турцией была перенесена на Дунай. Сюда же прибыл и французский представитель для посреднических функций¹⁵³. 31 июля (12 августа) в местечке Слободзея (совр. Слобозия, Румыния) начались переговоры об условиях перемирия. С русской стороны их вел С. Л. Лошкарев. Как император в своем рескрипте от 28 июня (10 июля), так и А. Я. Будберг в письме от 29 июня (11 июля) поставили перед И. И. Михельсоном цель добиться заключения перемирия на пер-

вом этапе переговоров, а вслед за этим — мира, и предоставили особые полномочия С. Л. Лошкареву, которому при этом не дали подробные инструкции. Император и министр ограничились рассуждениями об общих принципах — включить в перемирие сербов, не торопиться с выводом войск из Молдавии, увязать этот процесс с уходом турецких войск из Валахии и т. п.¹⁵⁴ «Краткость времени, — писал министр иностранных дел, — не позволяет мне распространяться по всем предметам, на которые в бытность Вашу в том крае весьма нужно, чтоб внимание Ваше обращено было, но о том не оставлю войти с Вами в рассуждение после»¹⁵⁵.

Инструкции позже так и не последовали, что осложнило положение дипломата. Прежде всего неясной для него оставалась судьба Дунайских княжеств. На переговорах С. Л. Лошкарев делал все возможное для того, чтобы распространить действие перемирия на сербов и не поставить под угрозу сторонников России в княжествах. Между тем турецкие части в ряде мест уже начали переходить Дунай, собирать продовольствие и даже налоги за прошедшие годы. На переговорах при полной поддержке французов турецкие уполномоченные категорически отказывались включать сербов в условия соглашения с Россией, трактуя их исключительно как мятежников. Сербь реагировали на эти новости весьма нервно, опасаясь того, что их страна будет предоставлена своей участи. Русские войска оставались на своих местах, и в результате начались столкновения¹⁵⁶.

Турки с самого начала поставили вопрос об эвакуации русских войск из княжеств. Это серьезно взволновало их население и тех бояр, которые ориентировались на Россию. Неясной оставалась и судьба сербов. Французская дипломатия активно провоцировала турок на ужесточение требований, особенно по отношению к повстанцам (в переговорах участвовал и позже подписал текст перемирия полковник А. Ш. Гильемино)¹⁵⁷. 1 (13) августа С. Л. Лошкарев сообщил о ходе переговоров в Петербург, фактически это было напоминание об инструкциях, которых он не получил¹⁵⁸.

Между тем сменилось командование молдавской армии. 5 (17) августа 1807 г. умер генерал И. И. Михельсон¹⁵⁹. Вплоть до последнего дня он беспокоился о том, чем закончатся переговоры, в ходе которых не были защищены интересы сербов. «Но для сохранения чести оружия нашего, — писал он в день смерти, — я настаиваю, чтобы перемирие и на сей бедный народ распространялось. О сем теперь спор еще происходит, а я стыжусь оставить их быть жертвой преданности России, когда Наполеон всех подобных преданных ему поддержал. Наконец

боюсь, что принужден буду их оставить»¹⁶⁰. Командование армии как старший по званию временно принял генерал от кавалерии барон К. И. Мейендорф.

12 (24) августа 1807 г. С. Л. Лошкарев заключил в Слободзее перемирие, которое продлилось до весны 1809 г.¹⁶¹ Условия в отношении Сербии были весьма расплывчатыми: турецкие войска не должны были атаковать сербов там, где они стояли вместе с русскими войсками, то есть всего в двух районах — у Виддина и Кладово¹⁶². 13 (25) августа С. Л. Лошкарев отправил сообщение министру иностранных дел: «Вчера подписали мы перемирие, которое я отправил сегодня к главнокомандующему для ратификации. Прошу покорнейше Ваше Высокопревосходительство испросить мне от Августейшего Монарха милостивейшего прощения, если я что-либо подписал против видов Двора нашего: Вам не безызвестно по прежним моим отношениям, сколько трудов стоило мне трактовать об оном, наиболее же потому, что до сих пор не имел известия получить от Вас ни дополнительных наставлений, ни полной мочи, по коим бы я мог вернее основывать переговоры... Если же что-нибудь против мыслей Двора нашего и подписал, то как я почти во всех пунктах отношусь на мирные переговоры, то легко можно все сие исправить без всякого ущерба интересам нашим»¹⁶³.

Дипломат имел в виду статью 2 перемирия, которая оговаривала, что перемирие потеряет силу, если переговоры о мире не закончатся ранее 3 (15) апреля 1809 г. Военные действия прекращались на суше и на море, в течение 35 дней русские войска должны были быть выведены за Днестр, а турецкие — за Дунай. При этом турецкие гарнизоны сохранялись в Измаиле и Браилове, а русское командование должно было вернуть бывшим владельцам боеприпасы и орудия, захваченные в ходе войны. Турция и Россия обязывались возратить захваченные в ходе войны военные корабли и торговые суда¹⁶⁴. Кроме слабости русской армии на принятие этого решения оказали влияние и расчеты на перемену настроений в Константинополе, где нарастали недовольство Францией и опасения по поводу русско-французского сближения в Тильзите¹⁶⁵.

На самом деле Наполеон не собирался идти на уступки России в районе Проливов, а вопрос о Константинополе не хотел даже обсуждать. Максимумом уступок с его стороны в этом направлении могло быть лишь согласие на распространение русских владений вплоть до Балканского хребта¹⁶⁶. Впрочем, и это не могло бы порадовать султана. Он стремился восстановить контроль над своими владениями. Одной из самых важных проблем, возникших еще на переговорах по пе-

ремирию, было упорное нежелание турок распространять перемирие и на сербов¹⁶⁷. В качестве промежуточного решения было решено удерживать русские силы в Сербии как гарантию того, что передышка не будет использована турками против повстанцев¹⁶⁸. Генерал К. И. Мейендорф ратифицировал текст перемирия немедленно, в штабе армии, в день его подписания 13 (25) августа. Формально он не имел на это права, так как не был утвержден в должности командующего императором и не получал подобного рода полномочий¹⁶⁹.

Между тем в Петербурге были недовольны условиями соглашения. Только в начале сентября А. Я. Будберг ответил С. Л. Лошкареву. Еще не получив известия о результатах переговоров в Слободзее, он запрещал включать в условия перемирия вывод русских войск за Днестр¹⁷⁰. Для Александра I договор был категорически неприемлемым. Особенно раздражали его положения о возвращении трофеев и невключение сербов в условия перемирия, предписывавшие не начинать военные действия до апреля 1809 г.¹⁷¹ К. И. Мейендорф уже в августе 1807 г. отдал распоряжения о начале эвакуации княжеств и переводе судов русской Галацкой флотилии в Одессу¹⁷². Узнав об этом, император в рескрипте генералу приказал задержать этот процесс «под разными, сколь можно благовидными предложениями». В Петербурге опасались, что турки займут княжества в нарушение соглашения, а русская армия не успеет им в этом помешать. Эти опасения подтвердились уже в начале сентября. Турецкие части начали проникать в Валахию и производить там грабежи. Уже 8 (20) сентября К. И. Мейендорф остановил отвод войск¹⁷³.

На пост главнокомандующего Молдавской армией одновременно с производством в чин генерал-фельдмаршала был назначен князь А. А. Прозоровский, который прибыл в Бухарест в конце сентября 1807 г. Он сразу же обвинил дипломата в провале миссии и потребовал отстранить его от переговоров¹⁷⁴. 4 (16) сентября управляющий министерством иностранных дел граф Н. П. Румянцев известил нового главнокомандующего о том, что император не одобряет условий заключенного перемирия и предлагает не торопиться с выводом войск из Дунайских княжеств¹⁷⁵. В результате, когда турки попытались ввести туда свои войска, А. А. Прозоровский распорядился не пропускать их¹⁷⁶. Новый главнокомандующий был чрезвычайно недоволен и К. И. Мейендорфом. 30 ноября (12 декабря) он изложил свое мнение о действиях генерала: «Если верховный визирь удивляется, что мы здесь находимся, то я еще более удивляюсь тому, каким образом господин тайный советник Лошкарев мог решиться на заключение столь *постыдного* (курсив

авт. — О. А.) для России перемирия; и с чего вы нашли повод назвать себя полномочным от Государя Императора, тогда, когда, по правам народным в целой Европе, таковые доверия Монаршие даются на лицо, а не на звание, кем-либо носимое. Легко может быть главнокомандующим один, а полномочным к заключению каких-либо трактатов другой. Сие зависит единственно от воли и личной доверенности Монаршей. Не менее того удивительно для меня, каким образом Ваше Превосходительство, последовав совету г. Лошкарева, решилось утвердить столь постыдное для Отечества нашего перемирие, в котором устранены и величие, и важность Империи: память и следы выгод, в прежние и настоящие времена славным оружием российским над турками приобретенных; обращены все статьи в единственную пользу сих последних и во вред России...»¹⁷⁷ 11 (23) декабря того же года император подписал рескрипт об отзыве С. Л. Лошкарева из Бухареста¹⁷⁸. Со службы был уволен и К. И. Мейендорф¹⁷⁹.

Условия Слободзейского перемирия полностью не выполнялись. А. А. Прозоровский потребовал пересмотра его условий, а великий визирь отказался сделать это, сославшись на недостаток полномочий. Текст перемирия не был ратифицирован императором, а ратификация К. И. Мейендорфа аннулирована, поскольку он не имел на нее прав¹⁸⁰. Таким образом, юридически перемирия не существовало, но фактически военные действия не возобновлялись. Свою роль сыграло и вмешательство О. Себастьяни, который активно убеждал султана отказаться от действий против Сербии и возвращения трофеев. Франция больше не нуждалась в русско-турецкой войне, а Турция опасалась оказаться в изоляции между двумя договорившимися в Тильзите континентальными империями¹⁸¹. О. Себастьяни, который ранее не пошевелил и пальцем для облегчения судьбы русских пленных, теперь добился освобождения всех, кто назвал себя в тюрьме Константинополя русскими подданными. Вместе с греками и армянами их оказалось 150 человек, и османские власти сочли за благо пойти навстречу пожеланиям французского генерала¹⁸².

Русская поддержка сербам не прекращалась. В январе 1808 г. в ответ на просьбы повстанцев Александр I распорядился оказать им помощь: 500 пудов пороха и 700 пудов свинца из числа трофеев, взятых в турецких крепостях Бендеры и Хотин, значительное количество ружей, а также 60 тыс. рублей на военные закупки¹⁸³. В мае того же года, несмотря на проблемы, которые испытывала и сама русская армия со снабжением ручным огнестрельным оружием, для сербов под личным контролем А. А. Аракчеева было отобрано 5 тыс. ружей из запасов

Московского арсенала, которые затем были отправлены в Тирасполь¹⁸⁴. А. А. Прозоровский с самых первых дней своего командования армией активно начал готовить ее к будущим действиям, приводя в порядок тыл и снабжение¹⁸⁵, а также требуя соблюдения строжайшей дисциплины в отношениях с местными жителями¹⁸⁶.

Опасность возобновления военных действий была весьма велика. Уже в феврале 1808 г. главнокомандующий предложил Карагеоргию быть готовым к отражению возможного нападения турок и в этом случае обещал поддержку, но не участие в военных действиях¹⁸⁷. Сам император считал, что русская армия может начать их только в двух случаях: 1) заключения союзного англо-турецкого договора, 2) нападения на сербов¹⁸⁸. Мелкие пограничные столкновения между сербами и турками не прекращались¹⁸⁹, но положение повстанцев было не столь уж и плохим. Можно утверждать, что русско-турецкое перемирие серьезно не угрожало повстанцам в том числе и потому, что русские военные власти уже рассматривали Сербию как союзную России страну. На просьбы со стороны Карагеоргия ввести русский гарнизон в крепость Белграда был дан отказ, «как мера таковая могла бы дать повод к разным толкованиям как со стороны соседних и других дружественных держав, так и со стороны Порты Оттоманской, и неминуемо породить в них недоверие к нам, тем более что теперь продолжается перемирие между Россией и Портой, по сим уважениям Его Величество признавать изволит нужным на сей раз приостановиться в удовлетворении такового требования Черного Георгия и отложить до другого удобного времени»¹⁹⁰. Тем не менее при угрозе вторжения со стороны турок сербам была гарантирована поддержка русского вспомогательного отряда¹⁹¹.

Тем временем переговоры о мире были перенесены в Париж, где Наполеон попытался сыграть роль посредника. На Дунае русские и турки в конце 1807 г. обменялись военнопленными¹⁹². Перемирие *de facto* соблюдалось, что в сложившейся обстановке создало угрозу для правящего султана. На Дунае у турок оставались лишь ополчения во главе с пашой Рушука Байрактар-Мустафой, которые в ходе кампании 1807 г. больше сражались с его врагами — правителями Мачина и Силистрии, чем с русскими войсками¹⁹³. Это вполне устраивало русское командование, которое оказывало финансовую поддержку противникам Мустафы-паши¹⁹⁴.

Остатки турецкой армии были выведены под Адрианополь (совр. Эдирне, Турция). Костяк ее составляли янычары, бесцеремонно хозяйничавшие в Адрианополе и Константинополе. Преемник Селима III Мустафа IV не пользовался у них ни малейшим авторитетом,

а надежных и преданных сил у него не было, так как «низам-и-джедид» были распущены после свержения Селима III. Новый султан не имел сил ни для ведения войны, ни для наведения порядка в собственной столице, и именно поэтому он не мог пойти на внешнеполитические уступки. Турецкая дипломатия возлагала надежды на противоречия среди своих друзей и противников. Прежде всего неизбежное возобновление военных действий и перспектива активизации русских действий на Балканах вызвали подозрения в Вене.

Габсбургская дипломатия попыталась перехватить инициативу. 12–17 мая 1808 г. австрийцы провели переговоры с сербами в пограничном городе Землине (совр. Земун, Сербия), расположенном напротив Белграда, за рекой Сава. Здесь было собрано около 20 тыс. солдат. От представителей Карагеоргия ожидали просьбы о принятии в подданство. Добиться этого так и не удалось, и 23 мая австрийское правительство категорически запретило своим подданным не только торговые, но и вообще любые контакты с Сербией. Позже, после заступничества русского посла в Вене, продажа хлеба повстанцам была все же разрешена¹⁹⁵. Позиции России в Сербии укреплялись, что усиливало недовольство Вены и Парижа и попытки со стороны Франции вмешаться в урегулирование отношений между Константинополем и его бывшими подданными, а Вены — взять их под свое покровительство. «Сии козни, — писал А. А. Прозоровский о действиях австрийцев в июне 1808 г., — почитаю я также отчасти источником внутренних раздоров и распрей между первейшими чиновниками народа сербского»¹⁹⁶. В окружении Карагеоргия имелось немало сторонников Австрии, да и он сам был готов на контакты с представителями Вены ради решения жизненно важных проблем — покупки хлеба и оружия¹⁹⁷.

В октябре 1808 г., после встречи Наполеона и Александра I в Эрфурте, опасения австрийцев еще более усилились. Особенно страшной казалась перспектива перехода контроля над Дунайскими княжествами и Сербией к России. «Наполеон, — считал эрцгерцог Карл, — действует быстро; русские уже на берегах Дуная; успеют они занять Оршову и Белград, тогда Австрия потеряет базис своих операций и свободное пользование Дунаем, и доля ее при разделе будет зависеть от воли чужих государей; поэтому Австрия должна обеспечить себя эти два города. Прежде всего для безопасности Австрии необходимо, чтоб Россия не овладела Молдавией и Валахией и не стала госпожой Дуная, не вошла ни в какое соприкосновение с подданными Австрии и не обхватила последней с юга»¹⁹⁸. Однако австрийцы, желавшие сохранить сла-

бую Турцию как лучшего, то есть самого безопасного своего соседа, зря беспокоились. Посредничество, обещанное Александру I Наполеоном в Тильзите и Эрфурте, только усложнило ситуацию для России. Одновременно обещая поддержку и ей, и Турции, Наполеон явно стремился затянуть русско-турецкую войну, если не фактически, то хотя бы юридически, в состоянии, когда неясное перемирие всегда может перерасти в военные действия. Ухудшение русско-французских отношений только усилило это желание.

Французский посол распорядился в Константинополе совершенно по-хозяйски, приказывая туркам арестовывать тех, кто позволял себе «идти против великого Наполеона». Чаще всего таковыми становились христиане, и особенно часто — зажиточные, за освобождение которых можно было получить взятку¹⁹⁹. Поначалу А. А. Прозоровский еще обращался к О. Себастьяни за поддержкой, объясняя, что его монарх не может «безучастно взирать на несчастье целой нации, как и любое правительство, хотя бы по причине гуманности»²⁰⁰. Вскоре русский командующий перестал обращаться к французскому послу в Турции. Наполеоновская дипломатия, предлагая союз и поддержку то русским, то туркам, постепенно разрушала доверие к себе и у тех и у других. В конце 1807 и начале 1808 г. А. А. Прозоровский и Байрактар-Мустафа вступили в непосредственные переговоры друг с другом, заверяя в личной готовности соблюдать перемирие и стремиться к заключению полноценного мирного договора²⁰¹.

Байрактар-Мустафа поначалу был настроен против заключения мира, который грозил оставить Османскую империю без Валахии, Молдавии и Сербии. Однако переговоры все же начались — он был заинтересован в передышке на Дунае. А. А. Прозоровский также был заинтересован в продлении перемирия, но при обязательном условии распространения его и на Сербию²⁰². В результате паша, который не опасался за свой тыл на Дунае, повел свои отряды на столицу, которую он и занял 18 июля 1808 г. События развивались быстро.

23 июля султан назначил Байрактар-Мустафу сераскиром (главнокомандующим) Румелии и Анатолии, а 28 июля 1808 г. тот организовал переворот, чтобы вернуть трон Селиму III. Поскольку править страной мог только представитель династии Османов, Мустафа IV приказал убить находившегося во дворце свергнутого султана и своего брата принца Махмуда. В случае выполнения этого приказа переворот Байрактар-Мустафы был бы сорван, но слуги успели убить только Селима III. Таким образом, к власти пришел новый султан Махмуд II, а Мустафа IV после свержения был заключен во дворце.

«Сия новая революция, — отреагировал на события в Константинополе А. А. Прозоровский, — вскоре после прошлогодней последовавшая, подает новые и явные доказательства крайней слабости всего состава внутреннего правления Турецкой империи, что самое признаю я весьма для нас благоприятствующим. Ибо никакому сомнению не подвержено, что междоусобные раздоры между первейшими чиновниками турецкими не только не перестанут, но, напротив, впоследствии нынешних происшествий еще усиливаться станут; а чем более между ними беспорядков и неустройств, тем легче для нас будет, пользуясь ими, достигнуть своей цели»²⁰³. Эти ожидания полностью подтвердились. 25 ноября 1808 г. был убит бывший султан Мустафа IV. Что касается Байрактар-Мустафы, то после удачного переворота он стал великим визирем²⁰⁴. Свидетелем дальнейшего развития кризиса стал отправленный А. А. Прозоровским в Константинополь на переговоры с новым визирем офицер.

Поначалу все шло хорошо. Посланник русского командующего был радушно принят, Мустафа-паша заявил: «Турция ищет и желает мира с Россией»²⁰⁵. Тем не менее далеко не все было безоблачно. Сербский вопрос по-прежнему существенно усложнял восстановление мира. Русские требовали невозобновления военных действий на этом направлении, турки считали это их собственным делом²⁰⁶. Новый визирь не хотел обострения кризиса. Он восстанавливал порядок и безопасность в городе, что нравилось большому количеству горожан. Исключением были янычары²⁰⁷.

В ночь с 14 на 15 ноября 1808 г. в Константинополе поднялся новый мятеж янычар. Началось с безостановочной стрельбы, улицы сразу же опустели, дома закрылись²⁰⁸. Флот поначалу поддержал Байрактар-Мустафу, который был блокирован во дворце со своим отрядом, составленным из бывших «низам-и-джедид». «Мятежники жгли дома: вся Порта в огне пылала! — записал в эту ночь в своем дневнике представитель А. А. Прозоровского. — С тридцати кораблей, находившихся в проливе, палили по городу ядрами; по улицам резались кинжалами, рубились саблями, из окон стреляли»²⁰⁹.

В этот день в своем горящем дворце погиб великий визирь. В центре города продолжались бои, к мятежникам под угрозой применения оружия присоединились горожане, а затем флот и артиллеристы²¹⁰. 18 ноября труп Байрактар-Мустафы (или похожего на него человека) янычары с издевательствами протащили по улицам города, после чего изрубили его. Еще несколько дней победившие мятежники хозяйничали в городе, грабя дома и охотясь за настоящими и мнимы-

ми сторонниками бывшего великого визиря. Повсюду шли расправы с его солдатами, кровь ручьями текла по улицам²¹¹. В результате этих событий в Константинополе было сожжено около 5 тыс. домов и убито от 8 до 10 тыс. человек²¹².

Положение Махмуда II было весьма сложным, и он вынужден был проводить очень осторожную внутреннюю и неуступчивую внешнюю политику. Таким образом, надежды командования русской Молдавской армии на то, что изменения в Константинополе будут способствовать заключению мира, не оправдались. Россия по-прежнему стремилась быстрее закончить войну, однако все же на условиях, приемлемых для своего достоинства. 19 (31) декабря 1808 г. Александр I подписал рескрипт на имя главнокомандующего Дунайской армией, предписывавший вступить в переговоры с Турцией на условиях признания независимости Сербии под покровительством Турции и России, присоединения к России Картли-Кахетии и Имеретии и проведения границы в Европе по Дунаю. В случае отказа военные действия должны были возобновиться. Карагеоргий был извещен об этом решении²¹³. 5 (17) февраля 1809 г. в письме к А. А. Прозоровскому император отметил, что поведение Порты, прежде всего начало англо-турецких переговоров, является по сути отказом от перемирия. Возобновление военных действий стало неизбежным²¹⁴.

Между тем русские условия мира не были полностью приняты и сербской стороной. Сербские делегаты, находившиеся в русской штаб-квартире, в январе 1809 г. четко и ясно поставили вопрос о полной и безусловной независимости от Турции, предлагая обсуждать только вопрос о границах с ней²¹⁵. А. А. Прозоровский категорически отказался выходить за пределы полномочий, данных императором, и поддерживать эту программу²¹⁶. После долгих переговоров сербская сторона изложила свою позицию в меморандуме от 1 (13) марта 1809 г. Белград не устраивало положение о покровительстве, и он выдвинул собственные предложения, весьма отличавшиеся от русских: «Сербский народ со своим верховным предводителем Кара Георгием Петровичем свято обещают:

1. Не токмо дружбу и любовь к России иметь, но и вечный неразделимый союз и согласие с нею сохранять, во всяком деле и во всяком случае, не иначе как бы под единым скипетром были.
2. Сербский род всегда будет оружием российскому противу всякого неприятеля России содействовать, так что
3. Сербскому народу без воли или хотения России в случае опасности нейтральным не пребывать.

4. Сербскому народу никогда и ни с кем без влияния или посредничества России частного мира не заключать.

Поелику Австрия или Франция никогда не будут терпеть, чтобы Россия Сербию и прочие пределы сербского рода под свой скипетр собрала и через то Австрию от Вислы до Адриатического моря облегла и вовсе заперла, нужно:

1. Чтобы Россия сербский народ независимым и самостоятельным признала и то же самое у австрийского императора испросила, что и легче есть первого, Кара Георгия Петровича признать князем народа сербского.

2. А как теперь новая начнется война противу турок и весь сербский род в разных пределах Сербии, Боснии, Герцеговины и Черной Горы по взаимному договору намерены из всех стран турок изгнать или их истребить, себя освободить и под единое собственное правительство собраться, то чтоб Россия нас подкрепила, доставляя нам сюда несколько тысяч ружей и денег 1 миллион пиастров турецких, теперь еще пушечных ядер, а вскоре потом и мастера для литья ядер в Сербии.

3. Чтобы Россия никогда и ни с кем ничего касательно народа сербского не постановляла и не заключала без присутствия депутатов народных, которые всегда присылаться будут для переговора с начальствующими российскими»²¹⁷.

Переговоры с турками в Яссах начинались с большим трудом и проволочками. Турецкая делегация не торопилась, явно желая выиграть время и начать их, имея информацию из Константинополя о заключении англо-турецкого союза. Прибыв в Виддин 24 декабря 1808 г. (5 января 1809 г.), она добралась до Ясс только 24 февраля (8 марта) 1809 г.²¹⁸ С самого начала стало ясно, что турецкая делегация прибыла с единственной задачей — затянуть время. А. А. Прозоровский был настроен решительно и хотел исключить возможность длительных обсуждений и затягивания переговоров. Он намеревался склонить турецкую делегацию к выбору между миром и войной²¹⁹. Разумеется, мир был предпочтительнее. Двусмысленное поведение Турции, интриги Наполеона и перспектива усиления позиций Великобритании в Константинополе — все это заставило Петербург торопиться с окончанием войны с желательными для себя результатами²²⁰.

Поэтому в столицу Турции 26 февраля (6 марта) был отправлен ультиматум с русскими условиями мира. Они включали присоединение к России Молдавии, Валахии и Бессарабии, установление границы по Дунаю, включая устье реки, очищение турками всех крепостей на левом берегу реки, согласие султана на автономию Сербии под покрови-

тельством императора Всероссийского с условием выплаты ежегодной дани султану, признание Константинополя на переход под власть России Восточной Грузии, Имеретии, Мингрелии и Гурии, отказ на претензии в будущем на Абхазию. Ответ предлагалось дать в течение 48 часов²²¹.

Переговоры в Яссах были сорваны. 12 (24) марта отправленному в Константинополь флигель-адъютанту капитану И. Ф. Паскевичу был вручен официальный ответ об отказе от русских предложений и возобновлении военных действий. 21 марта (2 апреля) командующий Дунайской армией отдал соответствующий приказ своим войскам, еще через два дня турецкая делегация покинула Яссы²²². Военные действия возобновились. В марте 1809 г. А. А. Прозоровский разбил турок под Журжевом, взял Слободзею и вслед за этим блокировал 10-тысячный турецкий отряд в крепости Браилов²²³.

10 (22) апреля Александр I подписал рескрипт главнокомандующему: «Князь Александр Александрович! Положение дел политических заставляет меня желать нанести Порте сильный и решительный удар, дабы, кончив поспешнее с нею, мог я располагать армией, Вам вверенной, по обстоятельствам. Для достижения сего предмета переход через Дунай и быстрое движение на Царьград мне кажутся необходимыми. Для маскирования же крепостей можно оставить корпус особый. Изобразя Вам мысли мои, я оставляю опытности Вашей судить, поколику исполнение по оным возможно»²²⁴. Сербские предложения пришли в Яссы на момент явного срыва переговоров, однако даже при этих обстоятельствах в полном объеме они были явно неприемлемы для России, так как их реализация в данной ситуации была невозможна. Граф Н. П. Румянцев 10 (22) апреля 1809 г. инструктировал А. А. Прозоровского: «...целью попечений Ваших будет то, чтобы освободить Сербию единожды навсегда от всякой зависимости от Порты и присвоить ей право под покровительством и с утверждения России учредить конституцию свою по собственному распоряжению»²²⁵.

Казалось, что австро-французская война, или, во всяком случае, ее активная фаза в марте — июле 1809 г., предоставляла России карт-бланш, так как две великие континентальные армии соперников Петербурга на Балканах были противопоставлены одна другой. А. А. Аракчеев призывал А. А. Прозоровского торопиться, указывая, что в противном случае «Наполеон вмешается в наши дела и затруднит их, и даже может случиться, что после всех нами сделанных пожертвований мы будем вынуждены очистить Молдавию и Валахию»²²⁶. Существовала только одна возможность быстрого достижения мира — движение на турецкую столицу.

Однако это предприятие было слишком сложным, чтобы его можно было осуществить без значительных сил и предварительной подготовки. Столь серьезная задача требовала и особо искусного руководства армией. Главнокомандующий не решался оставлять у себя в тылу Браилов, а штурм этой крепости 19–20 апреля (1–2 мая) 1809 г. окончился большими потерями и неудачей, 7 (19) мая осада была снята, в результате около двух месяцев русские войска провели в бездействии²²⁷. Неудачи А. А. Прозоровского совпали с активизацией его действий на другом направлении. Князь, несмотря на преклонные годы, тратил свои силы не только на подготовку к борьбе с турками, но и старался освободиться от того, кого считал своим главным соперником, то есть от М. И. Кутузова.

В армии он находился с апреля 1808 г., командуя ее главным корпусом²²⁸. Первоначально А. А. Прозоровский демонстрировал крайнее удовлетворение этим назначением, открыто называя М. И. Кутузова лучшим генералом императора²²⁹. Однако пребывание в армии столь популярного и авторитетного человека чрезвычайно сильно беспокоило главнокомандующего. А. А. Прозоровский явно опасался своего подчиненного и уже в мае 1809 г. начал активно добиваться его смещения, не гнушаясь при этом откровенной клеветой. Письма на имя А. А. Аракчеева дошли до императора и возымели действие. 4 (16) июня 1809 г. Александр I, и сам не испытывавший особой приязни к М. И. Кутузову, назначил его командующим резервным корпусом Молдавской армии. Впрочем, этого показалось мало, и в тот же день было принято решение о назначении М. И. Кутузова литовским военным губернатором²³⁰. Рескрипт об этом последовал 7 (19) июля 1809 г.²³¹

В результате бездействия русских войск после Браилова турки смогли направить освободившиеся силы против сербов и одержать ряд успехов²³². Отправить Карагеоргию помощь в виде отряда И. И. Исаева А. А. Прозоровский не решился, так как считал, что пятитысячный отряд обречен на гибель, а для отправки значительных сил не было достаточного количества речного транспорта²³³. В сложившейся ситуации повстанцам сумели оказать помощь только оружием, боеприпасами и деньгами²³⁴. Положение сербов резко ухудшилось. 10 (22) мая Александр I подписал новый рескрипт на имя главнокомандующего, в котором заверял его в своей доверии, несмотря на неудачи. Император приказывал не сосредотачиваться на штурмах крепостей, а двигаться на Константинополь, ограничиваясь блокадой турецких укреплений²³⁵. А. А. Прозоровский не был готов к такому образу действий, считая его невозможным по самым разным причинам, и решительно

не хотел даже переходить через Дунай²³⁶. Единственное, на что он решился, это принять совет М. А. Милорадовича привлечь в качестве добровольцев албанцев, сербов и болгар, проживавших в Дунайских княжествах, в армию. Особенно активными были болгары. Добровольцев распределяли по полкам, которые готовились к выступлению²³⁷.

Только в июле, когда сербы потеряли значительную часть территории, А. А. Прозоровский решил отправить небольшой отряд И. И. Исаева (шесть батальонов пехоты, два казачьих полка и 300 пандуров, всего около 3300 человек) за Дунай, явно обрекая его на неудачу²³⁸. Сам же князь решился, наконец, действовать за Дунаем с основными силами армии в начале августа 1809 г. Действия были активными и удачными, но вскоре после этого он скончался²³⁹. Фельдмаршал умер 9 (21) августа в лагере своей армии, у Мачинского гирла Дуная²⁴⁰. Новым главнокомандующим был назначен генерал П. И. Багратион²⁴¹. Плана действий он не получил и стал действовать самостоятельно. П. И. Багратион начал с того, что 17 (29) августа принудил гарнизон крепости Мачин капитулировать²⁴². 22 августа (3 сентября) за ним последовал гарнизон крепости Гирсово²⁴³.

Русские успехи вызвали активизацию противника, вышедшего, как и надеялся П. И. Багратион, в поле. В результате 5 (17) сентября он нанес поражение туркам под Россеватом. 12-тысячная турецкая армия после атаки разбежалась, оставив на поле боя восемь орудий и ища спасения под прикрытием крепости Силистрия²⁴⁴. Русская кавалерия преследовала бегущих, доходя почти до самых крепостных верков, однако главные силы были уже не столь подвижны²⁴⁵. П. И. Багратион ставил перед собой задачу восстановить боевой дух армии — победами и заботой — и вернуть командованию доверие солдат и офицеров. «Цель моя была, — писал он А. А. Аракчееву 26 сентября (8 октября) 1809 г., — возбудить армию и сделать ее храброю. Я Вам без хвастовства говорю, что сделано у меня: ступай один русский против десяти. Я сам ничего не жалею — последней копейкой моих верных и пою, и кормлю. Я лучше умру, нежели их обижу. Умру честно и голым. Бог знает душу мою»²⁴⁶. Эту задачу новый главнокомандующий решил блестяще, однако наступала осень, армия нуждалась в передышке. Две взятые крепости, марш длиной в 200 верст и одно сражение в течение 18 дней — после этого требовался отдых.

«Главнейший мой неприятель — не турки, — докладывал П. И. Багратион после Россевата императору, — но климат здешний. Безмерные жары, продолжающиеся с чрезвычайной силой, причиняют крайнюю слабость в людях и до невероятия умножают число больных,

коих, особенно при форсированных маршах, ежедневно прибавляется от трех до четырех сотен человек, так что ныне у меня налицо под ружьем состоят действительно во всех трех корпусах не больше 15 тыс. человек... Сверх того, движения мои столь поспешны, что я в необходимости нахожусь ради них останавливаться, дабы не причинить недостатка в продовольствии, коим снабдить себя здесь нет никакого способа. Вообще должен я теперь на первый случай ограничиваться одними демонстрациями против неприятеля, дабы вперить в него страх и робость: к сему, конечно, наиболее способствовать могут быстрые движения, но, к несчастью моему, встречаю я на каждом шагу сильные крепости, которые никоим образом не могу я все оставить в тылу, не подвергая всей армии явной опасности совершенного истребления»²⁴⁷.

В результате основные силы русской армии вынуждены были простоять под Россеватом до 8 (20) сентября, и только 10 (22) сентября они смогли приблизиться к Силистрии на десять верст²⁴⁸. Турки получили время, для того чтобы привести войска в порядок после неудач и подготовиться к обороне. Попытка П. И. Багратиона овладеть Силистрией в сентябре 1809 г. закончилась неудачей. Русские войска ограничились блокадой и бомбардировкой крепости²⁴⁹. На большее не хватало сил, блокированный гарнизон насчитывал около 11 тыс. человек, а неподалеку находилась 30-тысячная турецкая армия. Пространство между турецкими крепостями было разорено, и снабжение русских войск встречало значительные сложности. «Счастье мое, — писал П. И. Багратион А. А. Аракчееву 6 (18) октября, — что ни одного в плен у меня не взяли и меня считают до 90 000; но коль узнают, тогда надо подумать. Впрочем, признаюсь, я не боюсь в лицо и 100 000, но боюсь, что, бежавши вперед, буду без хлеба. Если бы я имел 50 000 под ружьем, тогда бы штык мой был самым искусным дипломатом. Я бы в шесть недель был в Адрианополе и визиря заставил бы подписать мир не на барабане, а на спине его. Я Вам описывать не могу, какую нужду мы терпим. Даже я из чего не имею и есть себе изготовить»²⁵⁰.

Впрочем, даже в таких условиях П. И. Багратиону удалось заставить сдать гарнизоны Измаила (16 (28) сентября 1809 г.) и Браилова (21 ноября (3 декабря) 1809 г.)²⁵¹. В армии начались болезни, ее численность не достигала 50 тыс. человек, включая 20 тыс. больных²⁵². В результате главнокомандующий решил нарушить данные ему указания не покидать правого берега Дуная²⁵³. На зиму войска были распущены по зимним квартирам, военные действия практически полностью прекратились. Мир так и не был заключен, и П. И. Багратион не был доволен достигнутыми результатами. Оценивал он их довольно трезво:

«...неоднократные опыты удостоверили, что к миру Порты не может быть принуждена иначе, как разбитием армии великого визиря, а к сему не имели необходимо нужных способов по развлечении армии на множество частиц, порознь действовавших, для чего самого и действий наших в настоящем смысле кампанией назвать не можно»²⁵⁴.

Осеннее наступление русских войск заставило турок покинуть Сербию, их летние успехи в этом крае в военном отношении были сведены к нулю. Однако они все же не прошли бесследно, у народа стали проявляться признаки усталости от войны и разочарование в Карагеоргии и русском союзе²⁵⁵. В том числе и поэтому новую кампанию П. И. Багратион планировал довольно масштабно. Готовился подвижной армейский магазин, который должен был снабжать армию в походе за Дунаем. Войска должны были иметь при себе 10-дневный запас продовольствия, обоз — 30-дневный. К февралю из требуемого состава в 8983 фуры, 19 630 волов, 4512 погонщиков имелось 7375 фур, 11 086 волов и 3678 погонщиков. Недостающие повозки и волы были заказаны в ближайших губерниях, и к весне армия была бы полностью готова к походу²⁵⁶. Предполагалось объединить действия русских и сербских сил за Дунаем. На помощь сербам в марте 1810 г. были отправлены 12 батальонов с артиллерией и конницей во главе с генералом И. И. Исаевым²⁵⁷.

Этому действию главнокомандующий придавал особое значение. «Вашему Превосходительству уже давно известно, — писал П. И. Багратион своему подчиненному 17 (29) ноября 1809 г., — что я имею твердое намерение переправить войска из Малой Валахии в Сербию сколько для преподания сербам нужной помощи, столько и для учинения в соединении с силами сербскими сильной диверсии в пользу тех войск, которые будут действовать в других местах против турок»²⁵⁸. Это была не только военная, но и политическая задача. В предписании командиру отряда от 18 февраля (2 марта) 1810 г. П. И. Багратион строго запретил любые насилия по отношению к болгарам и сербам под личную ответственность И. И. Исаева²⁵⁹. Требования были жесткими: «По всем таковым уважениям, звание на меня Высокомонаршею доверенностью Его Императорского Величества возложенное обязывает меня предписать сим Вашему Превосходительству, дабы при переходе Вашем на правую сторону Дуная отдали приказ войскам, Вами командуемым, и содержали оный известным всем чинам от старшего до младшего, дабы никто неведением отговариваться не мог, чтобы воинские чины со всеми христианами, особливо же болгарами, на правой стороне Дуная живущими, обходились братски и дружелюбно,

ничего не исключая и самомалейшей вещи насильственным образом не брали и не требовали, жилищ, строений, полей, садов и всяких насаждений не разоряли, скота и птиц домашних не отбирали и словом никаких обид и притеснений не чинили»²⁶⁰. Нарушители приказа должны были отдаваться под суд с вынесением приговора в течение 48 часов²⁶¹. Понимая ответственность за судьбу христианского населения там, где пройдут, но не останутся русские войска, П. И. Багратион особо отмечал: «Я строго воспрещаю возбуждать болгар к поднятию оружия против турок»²⁶².

Зимой 1810 г. П. И. Багратион заболел и подал рапорт на высочайшее имя, прося отпуск для лечения. 2 (14) февраля он получил его и был отстранен от командования, а через два дня назначили нового командующего — генерала Н. М. Каменского²⁶³. В начале 1810 г. вновь возникла перспектива возобновления переговоров с Турцией. 7 (19) февраля Н. М. Каменскому, получившему полномочия для заключения мирного договора между Россией и Турцией, государственным канцлером были даны инструкции относительно его возможных условий. Проект включал 15 статей: 1) прекращение военных действий; 2) возобновление всех прежде действовавших актов и договоров; 3) амнистия подданным обеих стран; 4) граница по Дунаю; 5) разрешение переселяться христианам на левый берег Дуная и мусульманам на правый; 6) признание присоединения к России Грузии, Имеретии, Мингрелии и Гурии, Анапы и Поты; 7) решение сербского вопроса на основании предшествующих проектов; 8) возвращение всех военнопленных без выкупа; 9) контрибуция в 20 млн пиастров, до уплаты которых часть крепостей на правом берегу Дуная будут заняты русскими войсками; 10) установление сроков вывода русских войск из занятых ими турецких провинций; 11) разрешение русским судам проходить через Проливы с ограничением их для военных тремя кораблями в один раз; 12) немедленное отправление курьеров с известием о прекращении военных действий после ратификации договора; 13) торжественный обмен посольствами; 14) назначение места и времени для обмена ратификациями; 15) удовлетворение претензий частных лиц — подданных России, чье имущество пострадало в ходе войны. Н. М. Каменскому предоставлялось право пойти на определенные уступки за исключением статей 4 и 6. Неизменными были требования и в отношении контрибуции, ее сумма ни в коем случае не могла быть сокращена²⁶⁴. Твердой оставалась позиция Александра I и в сербском вопросе: он считал необходимым добиваться включения в текст будущего договора положения о независимости Сербии.

«Касательно VII статьи относительно Сербии, — информировал Н. М. Каменского Н. П. Румянцев, — точная и непрменная Его Величества воля есть та, чтобы при заключении мира с Портой доставить земле сей все наивозможнейшие выгоды. Хотя никакие точные обязательства с Сербией не возлагают на нас о том долга и хотя нельзя сказать и того, чтобы поведение управляющих в Сербии властей в отношении России заслуживало во всех случаях нашего одобрения (имеются в виду контакты Карагеоргия с австрийцами и французами. — О. А.), но Его Величество, особенно уважая сербскую нацию вообще, желает потому на прочном основании утвердить ее благоденствие. Вследствие сего постановление наиболее Его Величеству угодное было бы то, чтобы Сербия осталась совсем от Порты независимой и основала бы политическое свое существование и образ внутреннего у себя управления единственно под покровительством России. Но как упорное и непрменное того требование представило бы, может быть, большие препятствия к скорому достижению мира, а притом же, как Ваше Сиятельство найдете по бумагам предместников Ваших, и сами сербы соглашались оставаться данниками Порты, лишь бы затем держава сия не мешалась отнюдь ни во что внутреннее у них управление, то на случай непреодолимых затруднений в одержании первого постановления Его Величество уполномочивает Вас ограничиться тогда сим последним, представляя в пользу Порты дань с Сербии, но сколь можно умереннейшую, и в сем последнем предположении составлена и статья, которая препровождается Вашему Сиятельству»²⁶⁵.

Кроме того, Александр I категорически отказывался рассматривать возможность заключения мира при условии возвращения Турции Бессарабии, Молдавии и Валахии, он уже относился к ним как к русским владениям²⁶⁶. 15 (27) марта 1810 г. П. И. Багратион сдал командование своему преемнику²⁶⁷. К этому времени по спискам в Молдавской армии состояло 115 эскадронов кавалерии, два запасных эскадрона и 10 запасных полуэскадронов, 137 батальонов пехоты, включая резервные и крепостные, пять рот осадной артиллерии, восемь батарейной и шесть конной, три роты пионеров, три роты понтонеров, 27 казачьих полков, четыре полка пандуров (из сербов и черногорцев, по 500 человек), сербско-хорватский отряд (300 человек) и 100 судов Дунайской флотилии — всего 78 776 человек²⁶⁸. Переговоры в 1810 г. не состоялись, обмен письмами между русским главнокомандующим и великим визирем выявил у турок отсутствие желания идти на какие-либо уступки²⁶⁹.

15 (27) апреля Н. П. Румянцев официально известил Париж о том, что Молдавия и Валахия объявлены русскими провинциями, а все их

население отныне обязано подчиняться русским законам, всем нежелающим было предоставлено шесть месяцев для того, чтобы покинуть княжества²⁷⁰. Военные действия возобновились. Н. М. Каменский уже в марте наголову разгромил 40-тысячную турецкую армию²⁷¹.

Победа и планы ее развития потребовали максимальной концентрации сил. Вспомогательный отряд под командованием генерал-майора И. И. Исаева, направленный к Карагеоргию, добился поначалу определенного успеха, но по приказу командующего почти сразу же после этого был возвращен за Дунай, в Валахию. Н. М. Каменский опасался потерять связь между этим отрядом и основными силами Дунайской армии²⁷². Главнокомандующий внес изменения в первоначальный план действий, составленный П. И. Багратионом: вместо наблюдения и блокады крепостей Рушук и Силистрия была намечена их осада, при этом перенесение основного наступления за Балканы осталось без изменения. Естественно, что для одновременной осады Силистрии, Рушук, блокады других крепостей и наблюдения над Шумлой ему необходимы были все имевшиеся в армии силы. Это вызвало понятное беспокойство у представителей Карагеоргия, прибывших в штаб Н. М. Каменского. Их успокоили в том числе и тем, что на апрель 1810 г. главнокомандующий, как и его предшественник, запланировал переход армии через Дунай и совместные с сербами действия против турок²⁷³.

Военный министр торопил его действия. Угроза столкновения с Францией постоянно нарастала, и М. Б. Барклай де Толли считал достижение мира с Турцией одним из способов снятия этой опасности с повестки дня. «Мы здесь, в столице, — писал он 14 (26) мая 1810 г. Н. М. Каменскому, — с нетерпением ожидаем от Вас известий о начале военных действий. По настоящим политическим обстоятельствам, единственно от скорого мира с турками зависит благоденствие России. Обширность открытых западных границ наших, союз родства императора французов с австрийским домом и развлеченность военных наших сил, — все угрожает опасностью Отечеству нашему. Я поставляю сие на вид перед Вашим сиятельством по обязанности моей и искреннему желанию быть с Вами всегда откровенным. Вы теперь в таком положении, что Государь Император и все соотечественники Ваши от решительных токмо Ваших действий и быстрых успехов ожидают целости и благосостояния знаменитой Российской империи»²⁷⁴. Перейти через Дунай и начать активные действия на правом берегу реки Н. М. Каменский смог несколько позже, чем планировал, — в конце мая.

23 мая (4 июня) 1810 г. русские войска взяли Туртукай, где был уничтожен 10-тысячный турецкий корпус, в тот же день блокировали

Силистрию и 30 мая (11 июня) принудили ее пятитысячный гарнизон к капитуляции²⁷⁵. Только после этого главнокомандующий получил возможность усилить отряд И. И. Исаева до 7350 человек и передать командование над ним генерал-майору графу Е. Г. Цукато. В ночь с 4 на 5 (с 16 на 17) июня отряд переправился через Дунай и объединился с шеститысячным сербским отрядом²⁷⁶. Для развития первых успехов главнокомандующему Молдавской армией требовалось продолжить организацию тылов, начатую П. И. Багратионом. Были накоплены неплохие запасы продовольствия и фуража, но по-прежнему оставалась открытой проблема обеспечения перевозок. Для ее решения необходимо было не менее 8 тыс. волов, а их трудно было найти в разоренных княжествах. Еще П. И. Багратион прибег к практике контроля над местными властями, назначая для наблюдения за ними офицеров русской армии. Н. М. Каменский ужесточил контроль, доведя его до самых верхов. Эти меры привели к определенным результатам, хотя, конечно же, системную коррупцию победить не удалось²⁷⁷.

Командующий был весьма недоволен скверной системой местного управления: «Здесь край, угнетенный давно порочным образом правления прежних своих князей, доведен до того, что лихоимство бояр, угнетение народа и интриги между боярами, в которые нередко вмешивали и турецких пашей, и иностранных консулов, сделались укоренившимся обычаем и законом здешнего края. Господари брали сие княжество, так сказать, на откуп у Оттоманской Порты. Они за то раздавали места боярам за деньги и считали нужным после того угнетать народ разными средствами. Все подати налагались произвольно, а собирались еще произвольнее, и при сем случае их капитаны-исправники и другие чиновники большую имели корысть, как то, например: когда дивану предписывалось сделать наряды подвод для потребности армии, диван разделял назначенное количество по цикутам; в цикуте же капитан-исправник, по старому их обычаю, наряжал вчетверо и впятеро против назначенного количества и потом отпускал за деньги излишнее число»²⁷⁸. Таким образом, княжества разорялись местным управлением не меньше, чем войной, и несравненно больше, чем оккупацией.

Как всегда, русские победы на Балканах вызвали громадное раздражение в Вене. Его усилило и заявление Наполеона, сделанное при открытии заседания Законодательного корпуса Франции 3 декабря 1809 г. Император фактически признал присоединение Дунайских княжеств к России, высказав свое удовлетворение от приобретения Петербургом Финляндии, Молдавии и Валахии²⁷⁹. Необходимо отметить, что Наполеон этим заявлением преследовал совсем другие цели. Несколько

позже он объяснил свое поведение следующим образом: «Я смотрю на это с точки зрения выгод Франции; если, с одной стороны, говорил я сам себе, такая обширная держава, как Россия, увеличится еще приобретением двух прекрасных областей, которые умножат ее средства, то, с другой — я выигрываю то, что Австрия сделается таким ее врагом, каким никогда не бывала»²⁸⁰.

Если было нечто, чего более всего хотел избежать император французов, так это русско-турецкий мирный договор. «Известия о наших победах в Турции, — докладывал 29 июля (2 августа) 1810 г. князь А. Б. Куракин, — производили на него неприятное впечатление, тем более что они служили предзнаменованием скорого и блестящего мира, тогда как он был совершенно убежден, что эта война затянется надолго. Он подшучивал над действиями наших войск в Турции, но победы заставили его изменить свои речи»²⁸¹. Русские победы и речи Бонапарта возымели желательное для Парижа действие в Вене. Очень скоро граф К. Меттерних призывал французского посланника в Австрии: «Моего государя очень беспокоят русские успехи, грозящие гибелью Турции; дело важное, требующее мер быстрых, энергических; пришло время Франции и Австрии соединиться, чтобы не дать Оттоманской империи сделаться добычей России»²⁸².

Тем не менее создать сколько-нибудь серьезную угрозу русским силам в Дунайских княжествах Австрия после поражений 1809 г. не могла. По данным, собранным русской разведкой, в марте 1810 г. в Трансильвании находилось не более 20 тыс. австрийских войск и не велось никаких военных приготовлений²⁸³. Н. М. Каменский приступил к активным действиям, пытаясь одновременно блокировать Шумлу и Варну и осаждать Русчук. Однако сил его для этого было явно недостаточно — за Дунаем находилось около 44 тыс. человек. И снова вслед за успехами на Дунае последовали неудачи, уже в июле русские штурмы Шумлы и Русчука были отбиты турками с большими потерями для атакующих. Бесполезной оказалась и блокада Варны, турецкий флот беспрепятственно подвозил ее гарнизону подкрепления и продовольствие²⁸⁴.

Н. М. Каменский отошел от Варны и Шумлы и сосредоточился на одной задаче — обеспечении своего осадного корпуса и блокаде Русчука²⁸⁵. В августе 1810 г. активные военные действия возобновились. 6 (18) сентября вместе с небольшой флотилией сдалась крепость Орсово, 15 (27) сентября сдались гарнизоны Журжево и Русчука²⁸⁶. Только в Русчуке трофеями досталось 247 орудий, но гарнизон крепости пришлось пропустить. Имея 20 тыс. человек в строю и 10 тыс. больных, командующий не мог выжидать далее, так как получил информацию

о том, что великий визирь готовится выступить на выручку крепости²⁸⁷. Одновременно и объединенный русско-сербский отряд, действовавший в Сербии, добился ряда успехов в боях с турками, очистив к октябрю от неприятеля почти всю территорию бывшего Белградского пашалыка²⁸⁸. Русские войска были оставлены на зимовку в Сербии, 30 января (11 февраля) 1811 г. Нейшлотский мушкетерский полк вошел в Белградскую цитадель²⁸⁹.

Это были значительные успехи, вслед за которыми на конец лета 1810 г. было запланировано движение за Балканы через Тырново²⁹⁰. Однако перелом в военных действиях опять так и не наступил. Вести зимнюю кампанию за Дунаем главнокомандующий не считал возможным, дожди и грязь сделали дороги непроходимыми для гужевого транспорта уже в конце сентября, что резко усложнило и очередную задачу — овладение последними турецкими крепостями по Дунаю для окончательного обеспечения тыла русской армии в случае действий за Балканами в будущем. К блокирующим русским отрядам практически невозможно было подвезти осадную артиллерию и снаряды. Тем не менее 10 (22) октября сдался гарнизон Турно, в крепости были захвачены значительные склады боеприпасов и продовольствия. 15 (27) октября 1810 г. сдалась крепость Никополь²⁹¹.

На этом кампания практически закончилась, армия нуждалась в отдыхе и пополнениях. Особо велики были санитарно-медицинские потери. В госпиталях умерли от болезней и ран 13 тыс. человек (не считая умерших по дороге в госпиталь), в то время как армия потеряла 4800 человек убитыми и 9200 ранеными²⁹². 26 тыс. рекрутов поступили до начала 1811 г. Это создавало неплохие возможности для будущей кампании²⁹³. Тем не менее главной задачей император видел скорейшее завершение войны с Турцией. В октябре 1810 г. полковник А. И. Чернышев докладывал императору из Парижа, что Наполеон настоятельно советовал России держаться оборонительной стратегии и не раздражать Австрию, максимальные уступки которой в турецком вопросе не шли далее Молдавии, Валахии и новой русско-турецкой границы по Дунаю²⁹⁴. Сам Наполеон также не был настроен идти далее: «...существование Турции есть предмет слишком важный для политики Европы, чтобы я мог равнодушно относиться к ее раздроблению»²⁹⁵.

8 (20) января 1811 г. последовал высочайший рескрипт, предписывающий Н. М. Каменскому воздержаться от наступательных действий и ограничиться обороной. Пять из девяти дивизий его армии в связи с опасностью со стороны Наполеона переводились на Днестр. Четырех оставшихся, по мнению Александра I, было вполне достаточно

для активной обороны, так как И. И. Михельсон ограничивался и двумя. Итак, Н. М. Каменский должен был вести оборонительную войну, по возможности наводя «ужас» на неприятеля, который поможет вести переговоры²⁹⁶. Ушедшие на Днестр дивизии в марте того же года должны были уже занять свои дивизионные квартиры на Западной Украине и в Белоруссии²⁹⁷. Главной задачей всех действий командующего Дунайской армией было достижение мира. «Если Бог благословит наши старания, — писал Н. М. Каменскому император, — и мирные переговоры из сего последуют, то слава вам будет вечная»²⁹⁸.

В сложившейся обстановке главнокомандующий предложил собрать свободные от гарнизонной службы войска в единый кулак, который мог бы действовать на одном направлении. При этом он не скрывал своих сомнений по поводу возможности повлиять каким-либо образом на турок и заставить их подписать мир на условиях границы по Дунаю. «На сих кондициях мира мы никогда не достигнем, — докладывал он императору. — Когда не могли мы одного достигнуть силою оружия, то какую надежду можем мы питать, чтобы турки могли согласиться на таковую уступку тогда, когда увидят, что мы принуждены вести войну оборонительную?»²⁹⁹ Скрыть уход более половины Молдавской армии в тыл было, конечно, невозможно, и эта новость подействовала на турок самым ободряющим образом. Н. М. Каменскому оставалось только надеяться на победу в новом сражении в поле. Занимая гарнизонами Николаев, Рущук и Силистрию в нижнем течении Дуная и выделив отряд для защиты Малой Валахии в верхнем, он перекрыл среднее течение реки наблюдательными постами, а сам сосредоточил главную часть своих войск в Бухаресте, готовый реагировать на угрозу турецкого наступления. Однако болезнь, поразившая генерала в начале марта, помешала ему выполнить эти планы. Отправившись для лечения в Одессу, он умер в этом городе 4 (16) мая 1811 г.³⁰⁰ Командование армией временно перешло к генералу А. Ф. Ланжерону.

Еще ранее, 7 (19) марта 1811 г., очередным главнокомандующим Дунайской армией в эту войну был назначен М. И. Кутузов. «По случаю болезни генерала от инфантерии графа Каменского 2-го, увольняя его до излечения, — говорилось в императорском рескрипте, — назначаем Вас главнокомандующим Молдавской армией. Нам весьма приятно возложением сего звания открыть Вам новый путь к отличиям и славе»³⁰¹. Тот принял выбор монарха с достоинством. «Доверенность Государя в столь важном случае, — писал он военному министру еще 1 (13) марта, — заключает в себе все, что только льстить может человеку хотя бы наименее честолюбивому. В летах менее престарелых был

бы я более полезен. Случаи дали мне познание той земли и неприятеля. Желая, чтобы мои силы телесные при исполнении обязанностей моих достаточно соответствовали главнейшему моему чувству»³⁰². Характер военных действий с этим назначением претерпел крупные изменения.

Перед новым главнокомандующим стояла трудная задача, ему нужно было добиться того, что не сумели сделать предшественники, хотя с приездом М. И. Кутузова значительная часть армии — пять дивизий — уже начала выводиться в Россию. На Дунае остались четыре дивизии численностью около 46 тыс. человек. С другой стороны, турецкая армия усилилась до 60 тыс. человек, ее возглавил новый великий визирь Ахмед-паша, который стремился к наступлению. Знание «земли и неприятеля» было совершенно необходимо для достижения мира. Генерал знал визиря Ахмед-пашу еще со времени своего посольства в Константинополь в 1783 г. и прежде всего счел необходимым известить его о своем назначении и поздравить с успехами на чиновном поприще³⁰³. На самом деле для оптимизма у М. И. Кутузова не было никаких оснований. По донесениям, приходившим из Константинополя, султан рассылал фирманы о сборе войск весной и даже готовился лично возглавить армию на Дунае³⁰⁴.

М. И. Кутузов думал о будущих переговорах, но его старый знакомый — нет. Большое количество французских инструкторов, прежде всего в артиллерии, придавало Ахмед-паше уверенность в силах. Турки планировали использовать свое численное превосходство и перейти Дунай двумя крупными отрядами. М. И. Кутузов первоначально вступил в переговоры с великим визирем, предлагая ему приступить к обсуждению условий мира на условиях отказа России от контрибуции и сокращения территориальных требований. Однако Ахмед-паша отказался от этих выгодных предложений, рассчитывая на успех и на скорое начало русско-французской войны³⁰⁵.

Новый главнокомандующий Молдавской армией в своих дальнейших действиях исходил из двух расчетов: 1) невозможно защищать всю линию Дуная от Белграда до устья реки силами четырех дивизий; 2) чтобы удержать турок за Дунаем, их необходимо тревожить на правом берегу реки. Поэтому он и решил перейти в наступление от крепости Руцук, зная, что оно привлечет к себе силы противника³⁰⁶. М. И. Кутузов никогда не недооценивал противника и не собирался предпринимать действия, чреватые потерями и успехами, которые невозможно будет развить в настоящую победу. «Не упущу случая, — писал военному министру из Бухареста 20 мая (1 июня), — чтобы

не воспользоваться всяким необдуманном шагом неприятеля. Идти к визирю в Шумлу, атаковать его в сем сильном натурой и некоторой степенью искусства утвержденном укреплении и невозможно, и пользы никакой бы не принесло; да и приобретение такового укрепления по плану оборонительной войны совсем не нужно. Но может быть, что скромным поведением моим ободрю я самого визиря выйти или выслать по возможности знатный корпус к Разграду или далее, к Рущуку. И если таковое событие мне посчастливится, тогда, взяв весь корпус Эссена 3-го, кроме малого числа, которое в Рущукке остаться должно, поведу их на неприятеля. На выгодном для войск наших местоположении не укрепленного Разграда, конечно, с Божией помощью, разобью я его и преследовать могу верст до 25 без всякого риску»³⁰⁷.

Активная оборона не означала отказа от поддержки союзников. Еще в апреле 1811 г. главнокомандующий выделил Карагеоргию 200 тыс. ружейных патронов и переправил в Сербию отряд генерал-майора графа И. К. Орурка. Генералу удалось и обойти запрет Австрии на поставку продовольствия сербским повстанцам, и заключить секретный договор с австрийскими хлеботорговцами, которые обязались тайно обеспечить поставки продовольствия³⁰⁸. 19 июня (1 июля) 1811 г. М. И. Кутузов у Рущука перешел через Дунай с 20 тыс. человек. Для бесперебойного снабжения своей армии он сумел использовать разногласия между великим визирем и пашой Виддина. Мулла-паша боялся, что в случае успеха армии султана ему придется покинуть свое фактически никем не контролируемое место, и предпочел договориться о продаже турецкой Дунайской флотилии русским за 50 тыс. червонцев³⁰⁹. 22 июня (4 июля) турки, как этого и хотел русский командующий, начали наступление под Рущуком и были разбиты под этой крепостью. Потеряв около 4 тыс. человек, Ахмед-паша немедленно отступил в отдаленный укрепленный лагерь, надеясь встретить там русскую атаку³¹⁰. Но М. И. Кутузов не пошел на поводу у этих планов и принял решение, удивившее всех: «Если пойдем за турками, то, вероятно, достигнем Шумлы, но потом что станем делать? Надобно будет возвратиться, как и в прошлом году, и визирь объявил бы себя победителем. Гораздо лучше ободрить моего друга Ахмета-бея, и он опять придет к нам»³¹¹.

17 (29) июля в штаб М. И. Кутузова явился посыльный великого визиря с письмом, в котором тот излагал свои предварительные требования мирного договора — восстановление территориальной целостности довоенных владений Порты. М. И. Кутузов ответил отказом³¹². Еще до сражения под Рущуком он вступил в переговоры с правившим

в Виддине Муллоу-пашой, пытаясь купить у него крупные суда турецкой речной флотилии (400 судов, из них 20 — с пушками). Тот был готов уступить корабли за 50 тыс. золотом, а М. И. Кутузов не считал возможным платить более 25 тыс. В конце концов было принято решение построить батарею, блокировавшую турецкие корабли в Виддине. Мулла-паша вообще старался придерживаться нейтралитета в этой войне³¹³, но после Рущука к нему прислали подкрепление во главе с Измаилом-беем — 20 тыс. человек при 18 орудиях³¹⁴. Переговоры сорвались.

Главкомандующий решил собрать в единый кулак все свои четыре дивизии. Он вывел гарнизон из Рущука, взорвал его укрепления и вернулся на левый берег Дуная. Из города были эвакуированы все его жители, их дома сожжены. Делалось это в спешке, и если цитадель была основательно разрушена, то городские валы почти не пострадали. Все понимали, что отступление воодушевит противника, и не ошиблись³¹⁵. Армия, которая, как казалось многим, вот-вот должна была подойти к Балканам, оказалась за Дунаем. Это было рискованное решение, и М. И. Кутузов принял его самостоятельно³¹⁶. В ночь на 26 июля (7 августа) Рушук был подожжен покидавшими его частями. Зрелище отхода оказалось действительно впечатляющим. «Зарево играло в спокойном Дунае, — вспоминал один из офицеров. — Картина ужаснейшая: все было тихо, сверкающие пламенные столбы восходили клубом кверху и мало-помалу сливались с густыми облаками. Наконец, из всего Рущука версты на четыре составила одна горящая масса; гибельное пламя, подобно быстрому потоку, все уничтожало, и где предстояло больше препятствий, там являлось больше свирепства»³¹⁷. Ахмед-паша немедленно занял развалины Рущука и объявил о своей победе³¹⁸.

Воодушевившись успехами, турки принялись реализовывать свои старые планы. 20 июля (1 августа) корпус Измаила-бея начал переправляться через Дунай у Калафата, где он был прочно заперт заблаговременно высланным туда шеститысячным русским отрядом под командованием генерал-лейтенанта А. П. фон Засса. Новости с Дуная весьма порадовали Париж. Там надеялись на продолжение русско-турецкой войны и с неудовольствием смотрели на переброску части Молдавской армии на север. 15 августа 1811 г., на приеме в день своих именин, Наполеон немедленно отметил это в разговоре с русским послом. Естественно, император французов облек свое неудовольствие в форму заботы о русских интересах: «...отведя пять дивизий из дунайской армии, вы лишили себя средств нанести сильный удар туркам

и тем принудить их к заключению выгодного для вас мира. Не понимая, на чем основаны ваши надежды на мирные переговоры в Бухаресте. Убоявшись мнимой опасности, разглашаемой некоторыми газетами, вы ослабили Дунайскую армию до такой степени, что она не сможет поддерживать даже оборонительное положение. Чрезвычайно трудно защищать такую растянутую линию, как от Виддина до Черного моря»³¹⁹.

Судя по дальнейшим событиям, М. И. Кутузов прекрасно понимал трудность последней задачи и поэтому придумал для нее оригинальное решение. Он не собирался рисковать жизнями солдат своей ослабленной летними болезнями армии. Август в Бессарабии был вообще чрезвычайно неблагоприятен, количество санитарных потерь постоянно росло. В некоторых полках в строю оставалось только по 600 человек³²⁰. 28 августа (9 сентября) визирь начал переправляться на левый берег Дуная у деревни Слободзея, в нескольких километрах выше Рушук. Место он выбрал таким образом, чтобы турецкая артиллерия, стоявшая на высоком правом берегу, могла поддерживать свою армию через реку³²¹. Дунай в этом районе был узок, его левый берег болотист и низок, русских укреплений там не имелось³²². Первые попытки сбросить высадившихся в реку завершились исключительно кровопролитными и неудачными боями³²³. Под прикрытием батарей на правом берегу турки немедленно укрепили свой лагерь окопами. 2 (14) сентября туда переправилось около 36 тыс. человек. Все, что волновало М. И. Кутузова, — это чтобы как можно больше турок перешло на левый берег реки³²⁴. Действия у Калафата и Слободзеи указывали на опасность вторжения. В Бухаресте началась паника³²⁵.

Еще ранее русский главнокомандующий, правильно рассчитав образ действий противника, передвинул ближе к Дунаю 9-ю и 15-ю дивизии, которые играли роль резерва, и 8 (20) сентября бросил их усиленными маршами к Слободзее. В результате великий визирь так и не рискнул отойти от своей переправы. Вопреки его ожиданиям М. И. Кутузов не стал атаковать турецкий лагерь, но прочно окружил его укреплениями³²⁶. Редуты взяли противника в полукольцо³²⁷. Ночью 1 (13) октября семитысячный отряд генерал-лейтенанта Е. И. Маркова скрытно перешел Дунай в 12 километрах выше Слободзеи и 2 (14) октября внезапно атаковал часть турецкой армии, стоявшую на правом берегу у артиллерии³²⁸. Турецкий лагерь спал и был разбужен русскими ядрами. Началась паника³²⁹. В коротком бою Е. И. Марков рассеял свыше 30 тыс. турок, потеряв только девять человек убитыми и 40 ранеными. Были захвачены турецкий лагерь, вся артиллерия, суда и запа-

сы великого визиря. Турецкая армия оказалась в окружении под огнем собственных орудий³³⁰.

«Все войска наши на левом берегу Дуная, — докладывал позже М. И. Кутузов, — были свидетелями ужаса, который распространился по всему турецкому лагерю при нечаянном приближении генерала Маркова»³³¹. Турки не могли ничем помешать этим солдатам. «Ужас и беспокойство царили среди неприятеля, — вспоминал генерал А. Ф. Ланжерон, — тогда как наша армия громкими криками «ура!» приветствовала победителей»³³². В письме к дочери 2 (14) октября командующий описал успех Е. И. Маркова с явным удовлетворением: «Он напал на турецкий лагерь врасплох и овладел им со всеми пушками и багажем. Множество людей взято в плен, множество побито, а добыча огромная. Великий визирь стоит по сю сторону, отрезанный от всякого сообщения с противоположенным берегом. Не ведаю, на что он решится, но ему не выбраться из настоящего положения. Он просил перемирия, но получит отказ»³³³. Трофеи были огромными, русский лагерь пропах розовой водой и маслом — солдаты обнаружили неожиданно много духов³³⁴.

7 (19) октября точно такую же операцию, что и Е. И. Марков, предпринял и А. П. фон Засс, переправив часть своего блокирующего отряда под Виддин. При поддержке сербских ополчений трехтысячный русский отряд разбил войска местного пашы. Измаил-бей немедленно бросил Калафат и спешно отступил за Балканы. Русские войска вновь начали активные действия за Дунаем. 10 (22) и 11 (23) октября были взяты Туртукай и Силистрия. Все это время не прекращали своих действий и сербы, которым оказывалась большая помощь оружием, деньгами и боеприпасами³³⁵. Успех был полным, но он осложнялся тем, что в окружении оказался и сам великий визирь, который, по турецкой традиции, не имел права вести переговоры в такой ситуации. К счастью, в ночь со 2 на 3 (с 14 на 15) октября он бежал из лагеря в Рушук на маленькой лодке³³⁶. Радостный М. И. Кутузов поздравил генералов и офицеров своего штаба с этим: «Визирь ушел, его побег приближает нас к миру»³³⁷. Генерал не ошибся, вскоре пришло письмо бежавшего: «Я на Вас напал врасплох. 28 августа Вы сделали со мной то же самое. Теперь, перейдя Дунай, мне ничего не остается, как предложить мир. Заключим же его. Будьте великодушны и не злоупотребляйте Вашими успехами»³³⁸. 16 (28) октября 1811 г. начались мирные переговоры³³⁹. Вместе с ними, по словам М. И. Кутузова, пришло «забот много и хлопот»³⁴⁰.

Сразу после побега визиря командующий приказал усилить контроль над рекой. Вниз по течению от турецкого лагеря на дежурство

было поставлено восемь русских судов, вверх — шесть³⁴¹. На суше дежурство несли гарнизоны редутов, между которыми стояли в три каре 12 батальонов с восьмью орудиями. Позади пехоты находился подвижной резерв — 10 эскадронов и 12 конных орудий. Прорваться было невозможно даже одиночке³⁴². Положение блокированной армии стало трагическим. Съев всех лошадей, гарнизон лагеря питался травой, страдая от нехватки решительно всего — от дров до чистой воды включительно³⁴³. Поначалу тела умиравших и убитых убирали или бросали в Дунай, но смертность постоянно росла, достигнув до 300 человек в день. Хоронить их было невозможно, и трупы бросали, как придется. «В этом несчастном лагере, — вспоминал А. Ф. Ланжерон, — стоял такой ужасный смрад, что когда начинал дуть южный ветер, то и наш лагерь заражался смрадом»³⁴⁴.

Даже утолить жажду было рискованно, так как берег находился под постоянным огнем судов русской флотилии. За водой приходилось идти ночью. Но окруженные продолжали держаться и еще почти две недели категорически отказывались от предложения капитулировать³⁴⁵. Турецкие солдаты пытались подходить к русским позициям, чтобы купить или выменять продовольствие, но командующий строго запретил такой обмен³⁴⁶. Раненые массово умирали. Около 2,5 тыс. человек перебежало на русскую сторону. Все они были больными³⁴⁷. Между тем полное уничтожение этой армии отнюдь не входило в планы М. И. Кутузова, она была ему нужна в качестве залога переговоров. Поэтому он начал подкармливать ее, выделяя поначалу по четверти фунта хлеба на человека, и готовить сохранение этого залога под охраной³⁴⁸.

«Если употребить силу против армии турецкой, у меня, так сказать, под караулом находящейся, — писал он 11 (23) ноября 1811 г. М. Б. Барклаю де Толли, — то я неминуемо разорву негоциации, и, взяв сию армию, хотя и сделаю, что будет Порты иметь тысяч до пятнадцати войска менее, но озлоблю султана и, по известному нраву его, отдаю, может быть, надежду к миру надолго, а ежели притом предлагаемые ныне кондиции покажутся двору сходными, какой тяжкой я подвергаюсь ответственности и, может быть, проклятию от целой нации. С другой стороны, держать армию турецкую в таком положении, как я ее имею теперь, время года, может быть, мне долго не позволит; когда льды по Дунаю пойдут, тогда я должен буду снять флотилию с ее позиции, а может быть, и возвратит генерал-лейтенанта Маркова на сию сторону. Единственный способ, который я начинаю приводить в действие, ежели бы мог удался, есть следующий: так как я продовольствие

турецкой армии даю весьма малое и она не имеет при себе, как только летнее платье, то и терпит голод и холод и ежедневно приступает к нашим аванпостам, прося милостыни хлебом; некоторые предлагают дорогое свое оружие за несколько булок, огня разводить не имеют чем, так что сожгли все палаточные дровки и все попорченные лафеты»³⁴⁹. В результате туркам было сделано предложение — продвинуться вглубь страны от Дуная, поближе к русским армейским магазинам, где им будет подготовлен лагерь и обеспечено снабжение по нормам русской армии. Условием была сдача оружия³⁵⁰.

23 ноября (5 декабря) 1811 г., остатки турецкой армии капитулировали. 12 тыс. человек фактически попали в плен (формально они еще не считались военнопленными), трофеями стали и 56 орудий³⁵¹. Перед сдачей в плен в лагере ежедневно погибало по несколько сотен человек³⁵². После сдачи М. И. Кутузов разрешил передать в Русдук 2 тыс. тяжелобольных турок. Этот любезный поступок имел и разумное объяснение — командующий опасался, что такие пленные принесут с собой болезни³⁵³. Русские победы повергли Вену в суетливое уныние. К. Меттерних не скрывал, что любой мирный договор между Россией и Турцией, заключенный на иных условиях, кроме сохранения предвоенных границ, не будет выгоден Австрии³⁵⁴. Причина была проста. «Я столько же опасаясь оскорбленного самолюбия министра, сколько и угрожающего ущерба выгодам Австрии, — докладывал русский посланник из Вены. — Она не может равнодушно смотреть на наши приобретения на востоке, единственной стране, на которую направлены ее притязания на приобретения, могущие вознаградить ее за потери, понесенные в войнах против Франции»³⁵⁵.

Более всего был раздражен император французов. Известия с берегов Нижнего Дуная привели его в бешенство. «Счастливые события, свершившиеся на Дунае, — докладывал 5 (17) июня 1811 г. в Петербург А. И. Чернышев, — совершенно обнаружили действительные чувства императора Наполеона к нам. Узнав о них, он так мало умел владеть собой, что не мог скрыть своего неудовольствия, которое ему причинил благоприятный оборот наших дел, и страха, чтобы мы в непродолжительном времени не заключили мира, не согласного с его политикой и выгодами. Говоря об этом с двумя высокопоставленными лицами, он в запальчивости сказал им: «Поймите этих собак, этих негодяев турок, которые имеют способность дать себя разбить таким образом. Кто мог это предупредить и предвидеть!»³⁵⁶

Действительно, основания для недовольства у Наполеона были — его политические расчеты не оправдались³⁵⁷. Французская

дипломатия напрягала все усилия для срыва мирного договора. Наполеон предлагал султану союз и обещал способствовать возвращению всех территорий, потерянных Турцией за прошедшие 60 лет. Александр I именем Отечества призывал М. И. Кутузова употребить все усилия для заключения мира, и он выполнил приказ³⁵⁸. Его задача упрощалась действиями посла Франции, дошедшего в своем желании удержать султана в войне до угроз, и усилиями посла Англии, стремившегося добиться прекращения войны. Положение Турции было чрезвычайно сложным, она нуждалась в мире. У султана не было армии, во флоте начался бунт, столица страдала от нехватки хлеба³⁵⁹. Однако и положение главнокомандующего не было простым. Император ждал от него не просто окончания войны. «Сообразив внимательно все происшедшее и взвесив все обстоятельства, относящиеся к политическому положению Европы, — писал он М. И. Кутузову 12 (24) декабря 1811 г., — я нахожу: 1) что мир, неприличный достоинству России, будет для нее более вреден, нежели полезен, 2) умаляя оным уважением к могуществу России, докажет явный недостаток твердости кабинета нашего и 3) навлечет печальное понятие о наших уполномоченных и о побуждениях, коими они действовали»³⁶⁰.

Таким образом, главнокомандующему нужно было торопиться с заключением мира, но не идти на уступки в условиях очевидности надвигающейся на Россию войны. Последнее не могло не сказаться на неуступчивости турок. Совет султана, собранный в ноябре 1811 г., выступил за мир только при условии умеренности требований русской стороны³⁶¹. М. И. Кутузов для достижения своих целей вынужден был проявить немалое дипломатическое искусство. Переговоры о мире стали затяжными и сложными. Для их ускорения М. И. Кутузов продемонстрировал готовность перейти от слов к действиям. 1 (13) января 1812 г. он предупредил о возможности прекращения перемирия, после чего сдававшаяся армия переводилась в разряд военнопленных и юридически, что и пришлось сделать 3 (15) января³⁶². В конце января 1812 г. командующий приказал четырем небольшим русским отрядам перейти Дунай у Систово, Силистии, Галаца и Измаила и продемонстрировать турецкому берегу русское оружие. 2 (14) февраля это было использовано. Этой демонстрации никто не мешал, и через несколько дней отряды возвратились назад так же беспрепятственно, как и пришли³⁶³. Простой набег в немалой степени способствовал ускорению дел в Бухаресте.

На последнем этапе переговоры оказались под серьезной угрозой. 11 (23) февраля 1812 г. императором был подписан высочайший

рескрипт, в котором говорилось: «...желая кончить решительно войну с Портой, не нахожу лучшего средства для достижения сей цели, как произвести сильный удар под стенами Царьграда морскими и сухопутными силами»³⁶⁴. В десант были назначены три дивизии, из которых только одна находилась в Крыму, вторая была в составе Молдавской армии, а третья — в Подолии. Войска уже начали движение в Севастополь и Одессу. Во главе экспедиции был назначен генерал-лейтенант герцог де Ришелье. Передвижения войск были заметны и вызывали большую обеспокоенность турецкой делегации. Вслед за этим М. И. Кутузов умело использовал не только военный успех, но и слухи о предложениях раздела Османской империи, сделанных Наполеоном еще накануне Эрфурта, которые весьма волновали турок, не особенно доверявших своему парижскому покровителю³⁶⁵.

5 (17) марта 1812 г. Н. П. Румянцев отправил главнокомандующему секретное послание, сыгравшее немалую роль в последующих переговорах: «На сих днях прибыл сюда из Парижа флигель-адъютант полковник Чернышев, отправленный курьером от императора Наполеона с письмом к Его Императорскому Величеству, в котором он в убедительных изречениях изъявляет готовность свою согласиться с Государем Императором о средствах, могущих служить к его удовлетворению и к сохранению теснейшей связи между Россией и Францией. Посол князь Куракин то же самое подтверждает, обращая внимание Высочайшего Двора на несомнительный способ, по дошедшим до него верным сведениям, к прекращению всех с Францией распрей. Сей способ есть раздел Оттоманской империи, или, точнее сказать, провинций, ей принадлежащих в Европе. Сходство сих известий с дошедшими к нам из Стокгольма найдено Его Величеством столь важным, что он повелел мне немедленно отправить в Вашему Сиятельству курьера с сим известием»³⁶⁶. Император приказал довести эти сведения до турецкой стороны, сопроводив их заверениями в своей убежденности о необходимости существования Оттоманской империи и мира между ней и Россией³⁶⁷. Эти сведения были мастерски использованы М. И. Кутузовым, что в очередной раз ускорило ход переговоров³⁶⁸.

18 (30) апреля 1812 г. М. И. Кутузов в инструкции русским представителям на переговорах изложил основные требования к будущему мирному договору, сообщенные ему незадолго до этого канцлером. Они состояли из четырех пунктов:

«1. Мирное и спокойное существование сербов и предоставление им возможности самим установить систему гражданского и внутреннего управления в своей стране и самим осуществлять управление; при

этом суверенные права султана ни в коей мере не должны быть ущемлены или умалены.

2. Подтверждение привилегий, предоставленных Валахии и остающейся части Молдавии, с добавлениями, относительно которых была достигнута договоренность на конференции в Журжево.

3. Уступка завоеваний, сделанных в Азии во время войны, или, если это окажется невозможным, сохранение status quo в течение пяти лет, после какового срока или даже до его истечения назначенные той и другой стороной комиссары должны приступить к установлению границы путем дружественного соглашения, или же, наконец, полное умолчание в договоре об этой границе.

4. Установление границы в Европе по Серету, согласно договоренности, достигнутой в Журжево»³⁶⁹.

К началу мая 1812 г. переговоры были близки к завершению. Обе стороны сочли за лучшее пойти на уступки. «Предаюсь великодушию Вашего Императорского Величества, — докладывал из Бухареста 4 (16) мая императору М. И. Кутузов, — что я ничего лучшего сделать не мог, тому причиной положение дел в Европе; что я никаких не упустил стараний и способов, тому свидетель Бог»³⁷⁰. М. И. Кутузов чувствовал приближение развязки, 6 (18) мая в Бухарест прибыл адмирал П. В. Чичагов с благосклонным рескриптом Александра I, подписанным 5 (17) апреля 1812 г.: «Заключением мира с Оттоманской Портой прерывающая действия армии, нахожу приличным, чтобы Вы прибыли в Петербург, где ожидают Вас награждения за все знаменитые заслуги, кои Вы оказали Мне и Отечеству. Армию, вам вверенную, сдайте адмиралу Чичагову»³⁷¹. Конечно, император не мог быть уверен в том, что мир будет заключен к моменту приезда преемника М. И. Кутузова, и на всякий случай тот имел при себе другой рескрипт, предписывающий передать армию П. В. Чичагову и отбыть в Петербург для участия в Государственном совете³⁷². Император не благоволил М. И. Кутузову и явно не желал, чтобы с его именем было связано удачное окончание длительной и не всегда удачной войны³⁷³. М. И. Кутузов понял все и оставался в Бухаресте еще десять дней — до подписания договора.

Султан созвал чрезвычайный совет, из 54 его участников 50 подали голоса за мир, и 16 (28) мая 1812 г. турки пошли на заключение Бухарестского мирного договора³⁷⁴. По его условиям Россия получала Бессарабию, граница в Европе переносилась с реки Днестр на Прут до соединения его с Дунаем, обеспечивалась свобода русского торгового судоходства по этой реке, занятые русскими войсками Дунайские княжества возвращались Турции, но при этом подтверждалась их вну-

трения автономия, дарованная на основе Кючук-Кайнарджийского (1774) и Ясского (1791) мирных договоров³⁷⁵. Статья 8 обязывала Константинополь предоставить Сербии автономию в вопросах внутреннего управления и право сербским чиновникам собирать налоги в пользу султана. При этом в той же статье Россия вынуждена была пойти на уступки: «Сообразно тому, что постановлено четвертой статьей предварительных пунктов, хотя нет никакого сомнения, что Блистательная Порта по правилам своим употребит снисхождение и великодушие против народа сербского, как издревле подданного сей державе и дань ей платящего, однако же, взирая на участие, какое сербы принимали в действиях сей войны, признано за приличное постановить нарочные условия о их безопасности. Вследствие чего Блистательная Порта дарует сербам прощение и общую амнистию, и они таким образом не могут быть беспокоаиваемы за прошедшие их деяния. Крепости, какие могли они построить по случаю войны в землях, ими обитаемых, и коих там не было прежде, будут, так как оные для будущего времени бесполезны, разрушены, и Блистательная Порта вступит во владение по-прежнему всеми крепостями, паланками и другими укрепленными местами, издревле существующими, с артиллерией, военными припасами и другими предметами и военными снарядами, и она там учинит гарнизоны по своему благоусмотрению. Но, дабы сии гарнизоны не делали сербам никаких притеснений в противность прав, подданным принадлежащих, то Блистательная Порта, движимая чувствием милосердия, примет на сей конец с народом сербским меры, нужные для его безопасности. Она дарует сербам по их просьбам те самые выгоды, которыми пользуются подданные ее островов Архипелагских и других мест, и даст им почувствовать действие великодушия своего, предоставив им самим управление внутренних дел их, определив меру их податей, получая оные из собственных их рук, и она учредит, наконец, все сии предметы обще с народом сербским»³⁷⁶.

Одновременно заключался и секретный договор, по которому Россия обязалась срыть крепости Измаил и Килия, переходящие к ней, и впредь не восстанавливать там укрепления³⁷⁷. Причиной уступок была близость войны с Францией. Александр I не сомневался, что отъезд Наполеона в армию — верный признак ее скорого начала³⁷⁸. Договором подтверждалось также и право России покровительствовать православным подданным Османской империи. В Закавказье Турция признавала расширение русских владений, но ей возвращалась крепость Анапа³⁷⁹. Со своей стороны, Константинополь обязался употребить «добрые услуги свои» для заключения мира между

Россией и Персией³⁸⁰. Благодаря этому столь вовремя заключенному договору Россия освобождала Дунайскую армию для борьбы с наполеоновским нашествием. «Нет сомнения, — писал 16 (28) мая 1812 г. графу Н. П. Румянцеву М. И. Кутузов, — что мир, ныне заключенный с Портой, обратит на нее неудовольствие и ненависть Франции, а потому также неспоримо, что чем более император Наполеон будет делать Порте угрозы, тем скорее решится султан на все наши предложения, почитая тогда союз с нами для собственной своей безопасности необходимым»³⁸¹.

В Петербурге остались недовольны условиями договора, считая уступки слишком значительными. М. И. Кутузов опять попал в опалу³⁸². Александр I был недоволен генералом и обвинял его в неспособности защитить жителей Дунайских княжеств от «неистовств войск наших»³⁸³. Император был особенно возмущен тем, что генерал нарушил его прямое указание добиться заключения наступательного союза с Турцией³⁸⁴. Нельзя не признать, что недовольство императора не было обоснованным. Недоволен остался и султан, быстро нашедший ответственного за уступки. По его приказу, в измене был обвинен драгоман Порты Дмитрий Мурузи. После этого Дм. Мурузи, уже господарь Молдавии, был вызван в Шумлу, где его арестовали и предали скорому суду, после чего обезглавили. Голова казненного была выслана в столицу и на три дня выставлена на позор на площади у собора Святой Софии³⁸⁵. Расплачиваться за уступки, таким образом, пришлось всем кроме возглавившего турецкую делегацию великого визиря.

Нужно отметить, что М. И. Кутузову удалось в ограниченные сроки достичь максимальных результатов. Своевременность заключения мира хорошо иллюстрирует следующий факт: договор был ратифицирован Александром I в Вильно 11 (23) июня 1812 г., то есть за день до начала наполеоновского вторжения³⁸⁶, а манифест о заключении мира последовал лишь после размена ратификационными грамотами, 5 (17) августа того же года, когда французы уже глубоко вторглись в Россию³⁸⁷. Что касается Турции, то она особенно активно возражала против утверждения новой границы с Россией в Закавказье и предоставления автономии сербам, даже при условии передачи туркам крепостей в Сербии. Первоначально султан ратифицировал лишь основной текст договора, и лишь 2 июля между двумя империями произошел обмен ратификационными грамотами³⁸⁸.

Известие о заключении мира вызвало в Сербии бурную радость. Карагеоргий издал особое обращение к народу, вслед за этим сербская делегация была направлена в Константинополь для заключения согла-

шения с султаном³⁸⁹. 16 (28) августа представители Сербии подписали адрес на имя императора Александра I: «Сербия и народ сербский, помяня бесчисленные благодеяния к ним России, сим обещаются и обяжутся единойверной и единоплеменной России и в будущее время, и во все века остаться верными и приверженными и никогда и ни в чем ей не изменять, как до сего времени это было доказываемо и словом, и делом, и верою (сердца и духа) всегда и при всяком случае»³⁹⁰.

Русско-персидская война 1804–1813 годов

Основной причиной русско-персидской войны 1804–1813 гг. было присоединение Восточной Грузии к России. Закавказье к концу XVIII столетия было фактически разделено на турецкую и персидскую зоны влияния. Правда, Константинополь косвенно уже стал признавать расширение власти и влияния России на этих территориях. Статья 5 Ясского трактата 1791 г. налагала на султана обязательство издать фирман, «чтоб Ахалцихский губернатор, пограничные начальники и прочие отнюдь впредь ни тайно, ни явно, ни под каким видом не оскорбляли и не беспокоили земель и жителей, владеемых царем Карталинским, о чем и отправить к помянутому Ахалцихскому губернатору и пограничным начальникам и к прочим со строжайшим запрещением и подтверждением указы»¹. В Персии в это время шла кровавая гражданская война, завершался кризис, занявший с небольшими перерывами почти 80 лет¹. Перевес в этой борьбе начал

¹ В 1722 г. Махмуд, сын афганского правителя Мир Вайса, вторгся в Иран, и до прихода к власти в нем Надир-шаха афганцы владели большей частью страны. Надир-шах первоначально был главой туркменского племени афшаров, обитавшего в Северном Хорасане. В период, когда старая династия Сефевидов теряла власть, афганцы владели почти всем Ираном, перед Надир-шахом встала задача восстановить территориальную целостность Ирана, что ему вполне удалось. Его путь к власти начался со службы у шахиншаха Тахмаспа II (1668–1736, правил в 1724–1732 гг.). Тот и дал ему другое имя — Тахмасп-Кули, то есть «раб Тахмаспа»). В 1727 г. войско во главе с Надиром изгнало афганцев из Ирана, и в награду шах Тахмасп назначил его наместником Хорасана, Кермана, Систана и Мазандарана. Надир получил право чеканить свою монету. В 1730 г. он вынудил турок уйти из Восточного Азербайджана и Хамадана, а затем через Кавказ вторгся в Дагестан. В 1732 г. Надир сверг Тахмаспа, и формально престол унаследовал младенец Аббас III (1732–1740, занимал шахский престол в 1732–1736 гг.), но страной правил Надир, который в 1736 г. сам был провозглашен шахом. Бесперывные войны опустошили казну, и Надир-шах предпринял удачный поход в Индию в 1738–1739 гг. Добыча позволила шаху на три года освободить от налогов население Ирана. Тем не менее провинции, уставшие от войны, взбунтовались, для подданных Персии законность власти Надир-шаха оставалась под вопросом, и в 1747 г. он был убит. Пришедшие к власти племянники Надир-шаха правили недолго, а его внук Шахрух владел Хорасаном бо-

склоняться в пользу племени каджаров, выходцев из Азиатской Турции, поселившихся в провинции Мазендаран в начале XVIII в.²

Новая династия еще в 1786 г. перенесла столицу в Тегеран, где вчерашние тюркские ханы чувствовали себя более уверенно, чем в старых персидских центрах. Однако других изменений не последовало. Каджары, как и их предшественники, рассматривали феодальные владения Северного Азербайджана, Восточных Армении и Грузии в качестве вассалов. В коронации шаха традиционно участвовали четверо вали — *de jure* наместники, а *de facto* данники, каждый из которых выполнял в процедуре определенную функцию: гурджистанский, то есть грузинский, держал государственный меч; арабстанский — драгоценное перо, ношение которого на головном уборе превращало его в корону; лористанский — порфиру; курдистанский — две украшенные алмазами перевязи³. Победитель в гражданской войне не мог начинать свое правление с нарушения древней традиции, а «гурджистанский вали» Иракий II отказывался подчиняться.

24 июля (4 августа) 1783 г. он заключил договор (Георгиевский трактат) о признании верховной власти и покровительства России, по которому обязался подчинить внешнюю политику царства Петербургу (через русского представителя в Тифлисе). За это картли-кахетинскому монарху было обещано содержать в его владениях два батальона с четырьмя орудиями (Артикул сепаратный второй)⁴. В 1787 г. началась русско-турецкая война, но российский подданный Иракий еще в 1786 г. вошел в переговоры с ахалцихским пашей с целью сохранения нейтралитета на случай войны (рассматривалась даже возможность перехода под покровительство султана), естественно, без санкции русского резидента⁵. В августе 1787 г. два егерских батальона получили приказ покинуть Картли-Кახетию⁶. Иракий остался один. В 1795 г., через год после победы над последним представителем предшествую-

лее 50 лет. Воспользовавшись смутой после смерти Надир-шаха, власть в провинциях Ирана захватили военные. В Кандагаре Ахмад Дуррани основал независимое афганское государство, в состав которого вошли территории Северо-Западной Индии, завоеванные Надир-шахом. В Хорасане утвердился Афшарид Шахрух, в Мазендаране — глава племени каджаров Мухаммед Хасан, в Азербайджане афганец Азад. Али Мардан, глава племени бахтияр, захватил в Южном Иране Исфахан и возвел на трон Сефевида Исмаила III (1733–1773, занимал шахский престол в 1750 и 1752–1761 гг.). Союзником Али Мардана был Мухаммед Карим Зенд, военачальник незначительного происхождения из племени луров. Когда Исмаил III был убит, Мухаммед Карим Зенд стал единоличным правителем. Азад сдался ему без боя, но с Мухаммедом Хасаном Зенд вел долгую борьбу, прежде чем утвердил свою власть в Иране. Мухаммед Карим Зенд не принял титула шаха и правил из Шираза как бывший вакфш (регент) Исмаила III. Правителями династии Зендов были: Керим-хан (1760–1779), Абу-ль-Фатх-хан (1779–1782), Али Мурад-хан (1782–1785), Джафар-хан (1785–1789), Лотф Али-хан (1789–1794). Последний Зендид предпринял поход против Каджаров, но в 1794 г. попал в Кермане в плен к Ага Мухаммеду и был убит. Ага Мухаммед основал династию Каджаров.

щей династии Зендов, для подтверждения своих претензий на трон Ага Мухаммед-хан Каджар совершил поход в Закавказье⁷.

Хан разделил войско на три части, которые наступали на Эривань, Гянджу и Шушу. Основная армия под его личным командованием осадила столицу Карабахского ханства¹. Персидская армия в основном состояла из кавалерии и не могла рассчитывать на успех при штурме серьезной крепости⁸. Не сумев овладеть Шушой, он через Араратскую долину проник в Кахетию, взял и разграбил Тифлис. Отсутствие единства в царской семье Картли-Кахетии во многом обеспечило успехи персов, которые подвергли Восточную Грузию и ее столицу ужасающему разгрому⁹. Ираклий II сумел собрать около 3 тыс. человек, которые были разгромлены 70-тысячной армией шаха в сентябре 1795 г. под Тифлисом, у селения Крцаниси. Царь с трудом спасся с отрядом из 150 человек, остатками ополчения.

В шестилетнем возрасте Ага Мухаммед-хан был оскотлен и сделан евнухом у Надир-шаха, останки которого, придя к власти, приказал сложить под плиты коридора, по которому ходил, чтобы получать удовольствие от того, что попирает ногами прах своего бывшего хозяина. Новый шах отличался чудовищной жестокостью, распространявшейся и на членов собственной семьи. Убив одного и ослепив другого брата, он изгнал третьего из Персии. Под стать своему монарху были и его воины, вырезавшие подданных Ираклия II — христиан и мусульман. Через шесть дней резни из 61-тысячного населения Тифлиса осталось менее 35 тыс. человек¹⁰. По словам персидского хрониста, армия Ага Мухаммеда показала неверным, каким будет судный день¹¹. Около 20 тыс. человек было уведено в рабство¹².

В Грузию, несмотря на сложности зимнего перехода через Большой Кавказский хребет, уже в ноябре 1795 г. были направлены два батальона при шести орудиях и 30 казаков, всего 1480 человек¹³. Это существенно улучшило положение Картли-Кахетинского царства. 8 (20) января 1796 г. его правитель писал русской императрице: «В прошлом декабре месяце непобедимые Вашего Императорского Величества войска к нам вступили, за что Всевышнему и Вашему матерному

¹ Карабах («Черный сад», тюрк.), или Арцах («Светлый лес», армянск.), исторические топонимы, частично относящиеся к оспариваемой в настоящее время Арменией и Азербайджаном территории — Нагорному Карабаху. Исторически Карабах делился на Нагорный и Низинный, то есть равнинный. Карабахское ханство существовало с 1747 г., когда конфедерация пяти армянских меликств (княжеств) была завоевана тюрками-кочевниками (подробнее об этом см.: Магальян А. Арцахские меликства и возникновение Карабахского ханства // Русский сборник: Исследования по истории России / Ред.-сост. О. Р. Айрапетов, М. Йованович, М. А. Колеров, Б. Меннинг, П. Чейсти. Т. 8. М. 2010. С. 7–25), до 1822 г., когда А. П. Ермоловым ханство было упразднено и введено русское правление, территория стала называться Карабахской провинцией.

о нас попечению приносим благодарение»¹⁴. Одновременно с движением на Тифлис в Кизляре стали собираться войска для похода в Персию, первоначально планировали собрать 12 батальонов, 30 эскадронов, 3 тыс. казаков и 33 орудия. Вместе с войсками, которые готовилась перевозить флотилия из Астрахани, это должно было составить около 18 тыс. человек¹⁵.

Корпус двинулся в поход против Персии в 1796 г. Его возглавил граф В. А. Зубов. Через побережье Каспия войска должны были дойти до Исфахана¹⁶. Граф при подавлении восстания в Польше в 1794 г. потерял ногу в бою, и среди персов ходили слухи, что ее заменили золотой. Этим и объясняется данное ему прозвище Кизил-аяг — «золотоногий»¹⁷. 13 (24) апреля русские войска начали переправляться через Терек и через два дня были уже в 13 верстах от реки¹⁸. В воззвании к народам, живущим в «пределах государства Персидского», В. А. Зубов объявил цель похода — защиту от «мучительского ига» узурпатора¹⁹.

Ага Мохаммед после похода на Тифлис не стал больше ждать и короновался по новому, утвержденному им лично обычаю (в частности, он сам брал государственный меч, вместо старой короны была введена диадема без алмазного пера)²⁰. 2 (13) мая русские войска обложили Дербент с северной стороны. Попытка взять крепость ускоренным штурмом в ночь на 3 (14) мая не удалась, начался обстрел его укреплений. Надежды на его взятие практически не было — крепость была солидной, а тяжелой артиллерии корпус с собой не имел. Тем не менее после интенсивного обстрела 10 (21) мая город решил сдаться. Ключи выносил столетний мулла, который за 74 года до этого сдавал их Петру Великому²¹, во время похода 1722 г.²² Вслед за Дербентом войска овладели и Баку, однако к дальнейшему движению вглубь Персии они не были готовы, и В. А. Зубов прекрасно понимал это²³. Прежде всего сказывалась нехватка продовольствия, и без обеспеченных прочных тылов генерал не мог позволить себе быстрые действия и отход от основной линии снабжения — моря²⁴.

Тем не менее в декабре русские помогли Ираклию II восстановить контроль над Гянджинским ханством²⁵. Вскоре поход был прекращен. 6 (17) ноября умерла Екатерина II, а Павел I не считал необходимым продолжать политику своей матери. Уже 6 (17) декабря в корпус пришел приказ возвращаться в Россию²⁶, и его части постепенно начали оттягиваться на север. 21 мая (1 июня) 1797 г. войска покинули Дербент²⁷. Ага Мохаммед понял случившееся по-своему и немедленно возвестил о своей победе²⁸. Персидский хронист писал об огромном успехе персов — бегстве Кизил-аяга, оставившего свой обоз и т. п.²⁹ Шах стал

собрать войска для нового похода на Картли-Кахетию, перед отправлением в который он издал фирман, адресованный Ираклию II. Этот документ был более скромнен в описании успехов, нежели персидская хроника.

«Россияне, — говорилось в нем, — всегда промышляли торгом и купечеством, продавали сукно и кармазин, и никто не видал, чтобы они когда-нибудь могли употребить саблю, копье и прочее воинское оружие. Как ныне они отважились войти в пределы областей, состоящих под нашей державою, то мы высочайшие мысли наши в ту сторону устремили и счастливейшие знамена наши обратили, чтобы их, наказав, истребить. Они же, узнав об этом, в свою гнусную землю удалились. Государственные наши очи проникают то, кого должно наказать, кого истребить, и для того нашими величественными лучами оный край мы озарили. В сих странах и степях земля будет покрыта шатрами войск наших, а как ваше высочество в Персидской Империи главные родом и достоинством своим, кои обретают вам от милостивых очей наших уважение и честь, то сим сообщаем вам о продолжающемся с давних времен доныне к вам всемилостивейшем нашем воззрении и благоволении, которое ежели твердо хранилось в царском нашем сердце, то и ныне, кроме изливания милостей и доброжелательства, ничего другого в себе не содержит. Происшествию же, которое недавно с вами приключилось, ваше высочество сами причиной, а как наше милосердие повсюду оживается и сердце правосуднейшее расположено, то ваше высочество и сыны ваши можете получить участие от царских сокровищ наших и заслужить особую нашу милость. Почему и можете считать наши царские двери для себя отверзтыми; вследствие сего и имеете вы быть к услугам нашим, и можете вы или кто из сыновей ваших без опасения ехать к нашему царскому порогу, где и получите от нас разные милости. Что чрез сие вам повелено и предписано, буде того не исполните, сами знаете, что от того последует»³⁰.

Нет ничего удивительного в том, что Ираклий II, получив это послание в мае 1797 г., немедленно отправил просьбу о помощи в Петербург. Положение Картли-Кахетии было трагическим — набег горцев за «живым товаром» доходили уже до самого Тифлиса, Ираклий II просил о присылке 12 тыс. солдат, а разоренное царство не могло прокормить и двухтысячного войска³¹. По приказу императора два русских батальона было разрешено оставить в Тифлисе, что вызвало всеобщую радость подданных картли-кахетинского царя. В 1797 г. Ага Мохаммед был убит в Шуши своими приближенными, и, поскольку персидская опасность была признана несущественной, русские войска оставили Восточную

Грузию³². Ужасы резни 1795 г. и угрозы Ага Мохаммеда повторить поход на Тифлис во многом и были причиной обращения с просьбой о российском подданстве. В январе 1798 г. картли-кахетинский царь умер, на престол вошел его старший сын Георгий XII³³.

При нем положение Восточной Грузии несколько не улучшилось. В стране свирепствовали эпидемии³⁴, а разгром 1795 г. был таким, что в армию практически некого было созывать. Ираклий II и Георгий XII вынуждены были набирать в армию наемников-лезгинов, на содержание которых были введены экстраординарные налоги. Эти отряды численностью от 5 до 10 тыс. человек, которые создали для защиты от набегов от горцев, сами грабили то, что должны были охранять, и практически не подчинялись царской власти. Даже для коронации пришлось присылать корону из Петербурга, так как старая была похищена персами³⁵. Во внутренней политике положение дел было почти таким же скверным: царская власть была неограниченной, но ей никто не подчинялся, наемники часто становились единственной силой, которая могла повлиять на выполнение царских указов, но они охотно шли на соглашение с противниками царя³⁶.

После смерти Ага Мохаммеда появились три претендента на шахский престол. В короткое время, опираясь на кочевников — курдов и бахтияров, они попытались оспорить его у Каджаров, но были разбиты³⁷. Замешательство в персидском войске было преодолено, в начале 1798 г. племянник Ага Мохаммеда Фетх-Али (Баба-хан) был коронован как шах³⁸. 5 июня 1798 г. преемник Ираклия II получил фирман от Фетх-Али, требовавшего признания вассальной зависимости и присылки заложником одного из сыновей. В случае отказа шах угрожал нападением: «...как случилось во время Аги Могамет Хана, ныне силою моею вдвое более будете разорены и вторично Грузия истребится, а народ грузинский будет предан нашему гневу»³⁹.

Через год шах вновь повторил свои требования в письме, на этот раз отправленном от имени его сына Аббас-мирзы. В июне 1799 г. на встрече с персидским послом они были отвергнуты Георгием XII. Картли-кахетинский царь сослался на свое подданство России и немедленно обратился к командующему Кавказской линией генерал-лейтенанту К. Ф. Кноррингу за помощью. Тот обратился с всеподданнейшим рапортом к императору. Требовалось срочно принять решение, так как переход через горы Кавказа был весьма затруднен из-за дождей, размывших дороги⁴⁰. Кроме персов, Закавказье подвергалось почти бесконечным набегам горцев Северного Кавказа, самой желанной добычей этих хищнических экспедиций были рабы, которых можно было про-

дать на рынках Дербента или Сухум-кале. От работорговли маленькое царство ежегодно теряло от 200 до 300 семей⁴¹. Братья и племянники Георгия XII готовили междоусобную войну за престол погибающего государства, и ради спасения своего народа умирающий царь обратился с просьбой в Петербург: «...грузинский народ желает теперь же вступить единожды и навсегда в подданство Российской империи с признанием Всероссийского императора за своего природного государя и самодержца»⁴².

16 февраля 1800 г. шаху было отправлено письмо императора, напоминавшего Тегерану о том, что Восточная Грузия находится под покровительством России⁴³. Персы по-прежнему продолжали готовиться к походу на Тифлис. В июле 1800 г. к ним бежал царевич Александр⁴⁴. 3 (15) августа Павел I издал рескрипт, призывающий владельцев Дагестана к объединению в действиях «против нарушителя всеобщей тишины, необузданного Баба-хана». В тот же день письмо императора было отправлено и хану Эривани, Павел I извещал его об отправке русских войск в Картли-Кахетию и Дагестан и предупреждал, что в случае нападения персов им будет дан вооруженный отпор⁴⁵. Это было весьма своевременное предупреждение. О том, в каком состоянии находилась в это время Картли-Кахетия, можно судить по отчету, направленному 3 (15) августа 1800 г. К. Ф. Кноррингу русским дипломатом из Тифлиса: «Положение Грузии в сие время было самое критическое: колебание татар¹ пограничных, движимых единоверием и надеждой улучшить свой жребий при чаемой перемене правления; разделение умов между всеми состояниями народа и даже в самой столице; малочисленность войска Российского и настоявшая невозможность получить им какое-либо подкрепление из России; недостаток военных и съестных припасов в столице, ниже какого и где-либо от земли ополчения; все сие в совокупности произвело всеобщий страх и отчаяние. Столица, примером другим служащая, была уже наготовке в рассеянии искать свое убежище, считая себя в неминуемой опасности как от нападения извне, так не менее от междоусобия внутреннего, коим более нежели когда-либо угрожалося отечеству по существующим несогласиям между царем и братьями его»⁴⁶.

К счастью, кризис был преодолен. Известие о подходе русских войск (к трехтысячному русскому отряду, стоявшему в районе

¹ Татарами, или закавказскими татарами, называли тогда местные тюркские племена, исповедовавшие шиитскую ветвь ислама и поэтому ориентировавшиеся на единоверцев-персов (например, см. этнографический очерк: *Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе*. СПб., 1871. Т. 1. Очерк Кавказа и народов его населяющих. Кн. 2. Закавказье. Татары. С. 328–385). В XX в. они получили новый этноним — азербайджанцы.

Тифлиса, было направлено еще 6 тыс. человек) подействовало на персов, их 15-тысячное войско, стоявшее в одном-двух переходах от границы, отступило вглубь своей территории⁴⁷. Двойственность положения требовала решения, которое исключило бы возможность повторения подобных угроз. 18 (30) января 1801 г. Павел I присоединил Картлию и Кахетию к империи. В этот день был издан манифест «О присоединении Грузинского царства к России», в котором говорилось о тяжелом положении царства и просьбах его монарха о подданстве: «Внимая прошению сему по сродному Нам ко всем единоверцам Нашим милосердию и по всегдашнему Нашему о пользах Грузинского народа попечению, определили Мы исполнить Царя Георгия Ираклиевича и грузинского народа желание и для того повелели, сколько для удержания внутреннего в земле устройства, столько для ограждения оной от внешних нападений, ввести войска Наши в области Грузинские»⁴⁸. 16 (28) февраля того же года все жители Тифлиса присягнули на верность своему новому государю — императору всероссийскому⁴⁹.

«С момента присоединения Грузии и начинается это продолжительное завоевание Кавказа, кончившееся на нашей памяти, — писал выдающийся русский историк В. О. Ключевский. — Кавказский хребет по составу населения делается на две половины — западную и восточную. Западная, обращенная к Черному морю, населена черкесами; восточная, обращенная к Каспийскому морю, — чеченцами и лезгинами. С 1801 г. и начинается борьба с теми и другими... Такой сложный ряд явлений вызвало завещание Георгия XII Грузинского. Ведя эту борьбу, русское правительство совершенно искренне и неоднократно признавалось, что не чувствует никакой потребности и никакой пользы от дальнейшего расширения своих юго-восточных границ»⁵⁰. Действительно, Александр I, унаследовавший грузинскую проблему, поначалу был настроен против присоединения новых земель⁵¹.

К молодому императору обратились с письмами вдова Ираклия II и один из его сыновей. Оба просили восстановить справедливость в собственную пользу⁵². Можно было не сомневаться, что после смерти Георгия XII в Грузии начнутся усобицы. На заседании Непременного совета 15 (27) апреля 1801 г. было озвучено мнение Александра I. Император испытывал «крайнее отвращение... поступить на принятии царства того (Картли-Кахетии. — О. А.) в подданство России, почитая несправедливым присвоение чужой земли»⁵³. Положение в Закавказье было весьма сложным. Старая система отношения к Грузии, подразумевавшая внешний протекторат, не оправдала себя, опасность

отказа от просьб Тифлиса о подданстве могла привести к весьма опасным последствиям.

«Покровительство же, какое доселе Россия давала Грузии, — гласило мнение членов Совета, — имеет взаимных неудобств столько, что между совершенным оставлением последней и принятием ее в подданство первой нет середины. Дабы всегдашнее доставить Грузии спокойствие, покровительствуя оной, Россия должна будет всегда же держать в сей земле и достаточно войск на ограждение ее от нападений неприятельских, что составит для государства иждивение совсем напрасное и не доставляющее никакой ему выгоды. А посылать войска на помощь Грузии, тогда как оные ей будут надобны, никакой для сего царства не принесет пользы, потому что в одном приготовлении пути войску российскому для похода через горы уйдет столько времени, сколько не нужно сопредельному Грузии неприятелю на совершенное ее разорение. И потому верно заключить можно, что с первым выходом российских войск из грузинских областей настанет тому царству неизбежная гибель. Но и для самой России вредно покидать Грузию. Оставленная своему жребию, земля сия сделается необходимой жертвой соседей своих, и христианское в той стране владение истребится. Сие одно уже угрожает границам российским пагубнейшими бедствиями. Доселе спокойствие оных, исключая собственную войсковую оборону, ограждалось знатно и тем, что Грузия, имея положение свое посреди горских народов, разделяла их физически, препятствуя при малейшем соглашении свободно соединяться. Не менее того мешало царство то и политическими соображениями соединяться тем народам, кои сколь ни частые имеют между собою раздоры, охотно, однако же, соединяются для набегов на земли соседние ради грабежа. Линия же Кавказская укреплениями своими недостаточна на удержание покушений, кои рано или поздно могут горцы, скопившись, учинить на пределы российские, чего теперь не дерзают, не имея возможности соединиться и оставляя всегда Грузию у себя в тылу. Может еще случиться, что народ грузинский, избегая конечного разорения от соседей своих, отдастся в подданство Порте. И при сем уже событии следствия, кои от того произойти могут для России, являют поистине страшную картину. Единоверие соединит, конечно, все толпы обитателей Кавказских гор под владычество турецкое, и что тогда должно будет противопоставить совокупным силам их в случае разрыва с Портою, коего всегда от собственного турков непостоянства и от внушений посторонних держав ожидать можно? Какими средствами оградить пространство более восьми сот верст, где с российской стороны представляется неприятелю

свободный вход в места равные, ничем не пресекаемые, с неприятельской же — при первом шаге встречаются неприступные горы?»⁵⁴

Отправленный после этого в Грузию с инспекционной миссией генерал-лейтенант К. Ф. Кнорринг осмотрел собранное для помощи русским войскам ополчение. Его бойцы имели по ружью на 18 человек, остальные были вооружены обожженными кизилевыми палками⁵⁵. 28 июля (9 августа) 1801 г. он докладывал императору: «Внутреннее и внешнее положение сей страны таково действительно, что с едиными силами своими не может она ни противостоять властолюбивым притязаниям Персии, ни отразить набеги облегающих ее горских народов»⁵⁶. К этому времени часть членов совета высказали сомнение в отношении искренности желания жителей этой страны перейти в русское подданство, обратив при этом особое внимание на бедность этого приобретения, не имевшего ни промышленности, ни развитой торговли. Единственным богатством были рудники, но и те за три последних года эксплуатации дали дохода не более 90 тыс. рублей⁵⁷. Маленькое царство находилось на грани исчезновения: из 61 тыс. семейств, живших в нем в 1783 г., осталось только 35 тыс.⁵⁸ Всего это составило около 160 тыс. жителей⁵⁹.

При этом немалая часть князей и дворян по-прежнему активно поддерживали внутреннюю анархию, видя в ней источники своего благосостояния, и потому не желали никакого прочного порядка. Возможность отнять имение у потомственного врага была достаточным к тому основанием⁶⁰. «Итак, — заключал К. Ф. Кнорринг, — ежели части недоброхотов своему отечеству, разумея некоторых царевичей и дворян, противопоставить другую, лучше о пользах своих и своего отечества рассуждающую, и к сей присовокупить весь народ, жаждущий быть под законами Всероссийской империи, то сердечное желание сих несчастных людей, возлагающих все упование свое на великодушные Вашего Императорского Величества и уже российским оружием неоднократно от крайних бед спасенных, заслуживает уважение. Представив таким образом удостоверения о внутреннем и внешнем состоянии царства Грузинского и о расположении тамошнего народа, беру смелость заключить, что оный примется под мощный покров Вашего Императорского Величества»⁶¹.

В результате было принято единственно возможное с точки зрения интересов России и Картли-Кахетии решение. 12 (24) сентября 1801 г. Александр I подписал в Москве манифест «Об учреждении нового правления в Грузии», в котором, в частности, говорилось: «Не для приращения сил, не для корысти, не для распространения пределов

и так уже обширнейшей в свете империи приемлем Мы на Себя бремя управления царства Грузинского. Единое достоинство, единая честь и человечество налагают на Нас священный долг, вняв молению страждущих, в отвращение их скорбей учредить в Грузии правление, которое могло бы утвердить правосудие, личную и имущественную безопасность и дать каждому защиту закона... Все подати с земли вашей повелели Мы обращать в пользу вашу, и что за содержанием правления оставаться будет, употреблять на восстановление разоренных городов и селений. Каждый пребудет при преимуществах состояния своего, при свободном отправлении своей веры и при собственности своей неприкосновенно. Царевичи сохраняют уделы свои кроме отсутствующих; а сим годовой доход с уделов их ежегодно производим будет деньгами, где бы они ни обретались, лишь бы сохраняли долг присяги. Во взаимность сих великодушных попечений наших о благе всех и каждого из вас Мы требуем, чтобы вы для утверждения постановленной над вами власти дали присягу в верности по форме, при сем приложенной. Духовенство, яко пастыри душевные, первые должны дать пример»⁶².

Картли-Кахетинское царство, столицей которой был Тифлис, превращалось в Грузинскую губернию империи. Она была разделена на пять округов по 50–60 тыс. жителей в каждом⁶³. Тифлис в это время был небольшим, хаотически застроенным городом с узкими немощеными улицами, низкий уровень санитарии и скученность были причиной заразных болезней, особенно острых в летнее время. Русские власти приступили к преобразованию города, вскоре на базарах появились и русские купцы⁶⁴. «Подлинно сам всемилосердный Бог внушил царю Георгию такое благораспоряжение для избавления православных Грузии обитателей от рук неверных врагов. За сие христиане, обитающие в Грузии, должны вечно чтить память царя Георгия, — писал в 1818 г. грузинский хронист. — Я прихожу в восхищение и сердечное умиление, видя поля, хорошо обработанные, там, где прежде находились дикие пустыни, и невооруженных поселян, спокойно занимающихся своими работами в тех местах, где прежде храбрый царь Ираклий с войском не мог провести одних суток без опасности. Сие подает сладкую надежду, что Грузия, толико природой благодетельствованная, под кротким благотворительным Российским правлением вскоре достигнет самого цветущего состояния»⁶⁵. Путь к этому был извилист.

Приход России в Восточную Грузию подрывал сложившийся здесь баланс сил и интересов. Первым же его следствием стало резкое ухудшение русско-персидских отношений, которые до этого момента не омрачало практически ничто. Даже Персидские походы Петра I

совершались во время внутренних усобиц в Иране и были направлены прежде всего против планов Турции закрепиться на побережье Каспийского моря. Вслед за Восточной Грузией последовали Бакинское, Кубинское, Дербентское и другие ханства. 9 (21) апреля 1802 г. в Тифлис въехал русский главнокомандующий в Грузии генерал Б. Ф. Кнорринг⁶⁶.

Жители царства вновь присягнули российскому монарху. Каждая религиозная община города — православная, армянская и мусульманская — присягала отдельно. Церемония прошла в полном порядке⁶⁷. Радость жителей кахетинской столицы оказалась бурной, но непродолжительной. Особенно труднопредсказуемым было поведение местного благородного сословия. «Дворяне, — отмечал немецкий путешественник, посетивший Кахетию, — любят пышность; они учтивы, решительны, сластолюбивы, хвастают платьем и пированиями; от гордости желают казаться щедрыми и расточительными, а в самом деле они скупы, несправедливы, мстительны и бесчеловечны по отношению к своим подданным»⁶⁸. Объявление 8 (20) мая 1802 г. императорского манифеста от 12 (24) сентября 1801 г. вызвало недовольство, лишь усилившееся после ареста части князей, отказавшихся присягать на подданство империи. Первые шаги русского правления в крае, и особенно в области судебного производства, не отличавшегося и в самой России ни справедливостью, ни быстротой при разбирательстве дел, существенно накалили обстановку. 8 (20) сентября 1802 г. главноуправляющим в Грузии был назначен генерал князь П. Д. Цицианов, которому и было поручено решить задачу по приведению новоприобретенного края в порядок⁶⁹.

В императорском рескрипте, данном на имя генерала, было сказано: «Сверх общей справедливости Вам предстоит убедить сей народ, что ни отдаленность его, ни трудность общения с ним не воспрепятствуют ему участвовать в благодати российского управления и что, вверив свою судьбу России, он никогда не будет иметь причин раскаяться»⁷⁰. Для этого, в частности, необходимо было привести в чувство и ряд русских чиновников, охотно занимавшихся мздоимством и прочими злоупотреблениями вместе с местной аристократией и позорящих управление от имени России⁷¹. Император рекомендовал освободить арестованных князей, приняв меры предосторожности по недопущению их покушений на новый порядок, и точно описать доходы края: «...хотя устройство грузинского народа соделалось предметом попечения правительства, однако же не следует, чтобы тяжесть сего управления пала единственно на Россию». Наконец, П. Д. Цицианову было предписано выслать в Россию всех лиц грузинского царского дома⁷².

Царская фамилия Багратидов к этому времени насчитывала 73 человека⁷³. Она превратилась в центр политических интриг, ее многочисленные члены, опираясь на часть дворянства, не желавшего никакого порядка, разжигали недовольство в народе⁷⁴. Некоторые царевичи ради власти не гнушались призывать на помощь бывших врагов, по-прежнему пытавшихся грабить страну. Часть царевичей и дворян бежали в Персию и Турцию, оставшиеся представители династии были высланы в Россию⁷⁵. Наиболее неприятной проблемой для русских властей оставался находившийся у персов царевич Александр, постоянно интриговавший при шахском дворе в пользу войны и стремившийся вернуть свой, как он полагал, престол. Нет необходимости говорить о том, что другие царевичи не разделяли мнение этого Багратида. Впрочем, интриги и заговоры не мешали Александру Ираклиевичу пытаться найти общий язык с П. Д. Цициановым. До этого, уже находясь у горцев, которых он подталкивал к набегам, или при шахе, он безуспешно пытался заверить в своей лояльности предшественников князя. «Клянись Богом, — писал беглец, — мы даже одного солдата не хотим обидеть, не то чтобы решиться на какое противное Государю дело»⁷⁶. 10 (22) июля 1803 г. царевич обратился к генералу с письмом, в котором объяснял свое бегство действиями покойного брата Георгия XII и пытался выторговать условия своего ухода от персов: «Я вам и теперь докладываю: сообщите мне напрямик, какое мне от Государя будет утешение или милость, или содержание, и успокойте меня, выпустив из этой неверной земли и показав мне опять Христианскую обедню и молитву. Не подобает ни Государю, ни России, чтобы я, будучи Христианом и царевичем, странствовал по Татарии»⁷⁷.

П. Д. Цицианов не был настроен церемониться с интриганам и мятежниками⁷⁸. 31 августа (12 сентября) 1803 г. он ответил Александру Ираклиевичу следующим предложением: «Вы сами изволите признаваться, что причиной удаления вашего от Грузии было гонение от брата вашего — покойного царя Георгия, но если правление его будете сравнивать с правлением Российской империи, которое ищет и старается о пользе каждого, то, конечно, будете мыслить противно и всему человечеству. По власти, мне от всемилостивейшего Государя нашего Высочайше дарованной, могу смело удостоверить в[ашу] св[етлость], что вы ни малейшей не имеете нужды скитаться в землях тех, где не токмо не можете ожидать какого-либо благополучия или каких-либо, просто сказать, пособий, но даже делаете вред и душе вашей, лишаетесь Христианского долга и обрядов, на коих весь закон наш основан; что если, сжалившись о столь несчастном вашем положении и поискав

вашего благосостояния, пожелаете, возвратясь сюда, поехать в Россию, — не токмо можете быть в какой-либо опасности, но будете приняты с благоволением Высокомонаршим, как братья ваши и племянники, получив как достаточнейшее вам содержание, ибо и последний из племянников ваших получает в год 10 000 руб., так удостоившись и пожалования ордена, и что с самого прибытия вашего в Грузию не будете иметь заботы ни о содержании, ни о путевых издержках в Россию. М[илостивый] г[осударь], верьте чистосердечию моему, яко таковое во мне всем известно, что нет иных средств к благополучию вашему, как во всем предаться священной Е. И. В. всемилостивейшего Государя нашего воле, отечески о вас пекущейся; не теряйте случая, к благосостоянию вас ведущего, дабы потом не оставаться в[ашей] св[етлости] в раскаянии»⁷⁹.

Эти убеждения не возымели действия, и П. Д. Цицианов занялся другими делами. Он хотел укрепить русские владения за Кавказом⁸⁰. После того как Восточная Грузия была очищена от многочисленных членов царской фамилии, которым назначалась пенсия⁸¹, генерал попытался расширить не приспособленный к обороне плацдарм Картли-Кахетии до Каспия и Черного моря. Таким образом он обеспечивал безопасность Военно-Грузинской дороги, своей единственной сухопутной коммуникационной линии, и получал выход к остальным территориям империи по воде. Генерал действовал жестко и решительно. Он был категорическим противником заигрывания с местными правителями, особенно раздачи им денежных вознаграждений — по сути, подкупа, который не давал ни преданности, ни ручательства в соблюдении данной присяги. «Все они враждуют между собою, — писал П. Д. Цицианов 21 декабря 1802 г. (2 января 1803 г.) графу Н. П. Румянцеву. — В Азии политика есть сила; лучшая добродетель владельца — храбрость, способы для найма войск — деньги. Итак, чем беднее, тем покойнее»⁸².

4 (16) июля 1803 г. Александр I утвердил просьбу владетельного князя Мингрелии Григория Дадиани о принятии его с подвластными землями в подданство России (фактически подданство было принято в декабре 1803 г.)⁸³. Документ имел несколько особенностей: 1) князь сохранял часть своих прав в отношении бывших подданных; 2) в качестве своих владений он перечислил и те, которые ему на данный момент фактически не принадлежали (например, Абхазию, присоединившуюся к империи в начале 1810 г.⁸⁴, и часть других приморских земель); 3) при заключении договора возникла протокольная неурядица, князь передавал себя вместе с потомством и землями в «верное и вечное рабство», в то время как термин «рабство» был запре-

щен к употреблению в русских дипломатических документах указом 11 (22) февраля 1786 г. Но поскольку термина «верноподданство» в грузинском дипломатическом словаре того времени не было, пришлось использовать анахронизм⁸⁵. Вслед за Мингрелией возникла другая проблема. Царь Имеретии Соломон II одновременно вступил в переговоры о принятии подданства с Петербургом и о защите от России с Константинополем.

Двуличие имеретинского правителя было быстро разоблачено, его посольство отослано назад. Император предписал П. Д. Цицианову приступить к покорению Имеретии. Экспедиции помешала Гянджа. Местный хан считался данником картли-кахетинских царей. Воспользовавшись упадком этого царства, ханство приобрело фактически независимый характер и отказывалось подчиняться русским властям. Экспедиция несколько задержалась в связи с эпидемией чумы, резко осложнившей снабжение войск и организацию похода. Кроме того, П. Д. Цицианов ждал прибытия двух новых полков — Севастопольского мушкетерского и 15-го егерского. В итоге командующий смог повести на Гянджу всего шесть батальонов и три эскадрона, к которым присоединились «грузинские и татарские волонтеры». Переговоры с ханом ни к чему не привели, и 3 (15) января 1804 г., после месячной осады, П. Д. Цицианов штурмом овладел Гянджой⁸⁶. Ханство было ликвидировано, а город переименован в Елизаветполь в честь супруги Александра I⁸⁷. Падение сильной крепости, считавшейся одной из неприступных твердынь, произвело сильнейшее впечатление. Трофеями русских войск стали 12 орудий, шесть фальконетов, большое количество ручного оружия и припасов. Успех обошелся русским войскам в 250 человек убитыми и ранеными. Потери защитников составили свыше 1,5 тыс. человек. По приказу командования войска щадили женщин и детей — неслыханное по тем временам милосердие. В плен попали 18 тыс. человек, из которых 8 тыс. были женщины⁸⁸.

Соломон II немедленно изменил свое поведение и отправил посольство к П. Д. Цицианову. Оно должно было передать поздравления и вступить в переговоры о подданстве. Особого успеха они не имели, и к границам Имеретии были двинуты войска. Только тогда, 25 апреля (7 мая), царь присягнул на «вечное и верное рабство Российской Державе»⁸⁹. Соломон II сохранил престол до 1810 г., пока не попытался поднять мятеж против империи. Впрочем, эта попытка была быстро подавлена, и бывший имеретинский монарх закончил жизнь изгнанником в Турции⁹⁰. Другой изгнанник — царевич Александр Ираклиевич — не терял времени при персидском дворе и активно склонял своих

гостеприимных хозяев к войне. Шах Фетх-Али, наследник Ага Мохаммеда, по его совету рассылал фирманы в Грузию, Дагестан и недавно подчиненные русскими ханства, призывая к восстанию⁹¹. Сам царевич не отставал от него, восхваляя щедрость шаха и его готовность заступиться за Грузию.

29 марта (10 апреля) 1804 г. он обратился к князьям Мухранским: «...насчет нас ведайте, что когда мы достигли праха ног милостивого государя нашего и изложили перед ним нашу жалобу, государь по неслучайной милости тогда же отдал по всему Ирану приказ и приступил к сборам для похода в Грузию; в других отношениях также много милостей оказал нам и находящимся при нас князьям деньгами и халатами, лошадьми с оружием и т. п. Таковую честь и милость оказал нам, каких ни один Иранский государь не оказывал нашим отцам и дедам, и ни в какое время князья не получали от другого государя таких милостей, какие получили пребывающие с нами»⁹². Щедрость в будущих дарах не знала границ: «Какую вы имеете от русского государя милость, от иранского государя получите вдесятеро». Не экономил царевич и на угрозах, по его словам, шах обещал дать ему 20, 30, 40 и даже 50 тыс. персидского войска, чтобы их кони втоптали в землю немногочисленные русские войска и их сторонников⁹³. Особого успеха эти воззвания не имели, как, впрочем, и призывы шаха. Немаловажную роль в этом сыграла непопулярность Каджаров среди данников Персии, не желавших признавать авторитет новой династии и поддерживать ее⁹⁴.

Успехи русского оружия и расширение сферы русского влияния за Кавказом возмущали Тегеран. 23 мая (4 июня) 1804 г. Фетх-Али ультимативно потребовал немедленного вывода русских войск из Грузии. Это требование было отвергнуто, и П. Д. Цицианов, в свою очередь, потребовал выдачи беглых грузинских царевичей, добавив, что «надеясь на Бога, покровительствующего непобедимому Его Императорского Величества оружию, пришествие персидских войск может прибавить к оному новые лучи славы»⁹⁵. В июне 1804 г. шах приказал начать военные действия против русских. На ход этой войны повлияли необходимость вести одновременную борьбу в Закавказье и с Турцией, а также состояние дел на европейском направлении. Крупных сил для действий против Персии Россия выделить не могла⁹⁶.

Чрезвычайно осложняло положение восстание в Осетии во главе с алдаром¹ А. Дударовым. Летом 1804 г. повстанцам удалось на некоторое перекрыть движение по Военно-Грузинской дороге от Владикав-

¹ Военный предводитель у осетин. Алдары занимали среднее положение между князьями и простыми дворянами.

каза до Мцхета⁹⁷. К осени 1804 г. районы, являвшиеся очагами набегов, были замирены. Свои успехи в действиях против горцев П. Д. Цицианов объяснял исключительно Божьим промыслом⁹⁸. Добиться создания прочного тыла в Восточной Грузии сразу же не удалось. П. Д. Цицианов назначил комендантов во все города, но чиновников и даже офицеров, особенно знавших местные языки и обычаи, естественно, не хватало. И это неизбежно создавало проблемы⁹⁹. Тем не менее кампании 1804–1805 гг. проходили достаточно удачно. Война началась с боев в Эриванском ханстве, владелец которого вздумал стращать П. Д. Цицианова гневом шаха. В поход, как оказалось, возможно было выставить только 3400 пехотинцев, 1200 кавалеристов и 12 орудий¹⁰⁰. В Закавказье в этот момент базировались 15 мушкетерских, девять егерских и три гренадерских батальона, пять эскадронов и четыре казачьих полка. Во всех частях был значительный некомплект, страшные потери наносили разнообразные болезни. Всего в строю находилось 6810 штыков и 1400 сабель и шашек¹⁰¹.

Из-за отсутствия осадной артиллерии П. Д. Цицианов не смог овладеть Эриванской крепостью, блокада ее также не удалась, так как окрестности были разорены персидской кавалерией и снабжать войска было невозможно. К своему глубокому разочарованию русский главнокомандующий вынужден был снять осаду. Тем не менее 20 июня 1804 г. он разбил 20-тысячную персидскую армию под командованием наследного принца Аббас-мирзы под Эчмиадзином, 25 июня — на реке Аракс. 17 июля принц был разбит под Эриванью¹⁰². «Весьма большое замешательство», как назвал эти события П. Д. Цицианов, было преодолено¹⁰³. Петербург к этому времени окончательно сформулировал цели войны. 18 (30) августа А. А. Чарторыйский сообщил их послу в Турции А. Я. Италинскому на случай возможной инициативы Константинополя о посредничестве: «В откровенности же, для сведения Вашего и для соображения с тем объяснений Ваших, имею Вам сказать, что план наш относительно тех краев состоит в том, чтоб иметь границей реки Кура и Аракс и ввести войска наши в ханства Бакинское, Нахичеванское, Шушинское и Эриванское...»¹⁰⁴

Отношения с бакинским ханом были сложными. В 1796 г. он признал свою зависимость от России, возникли даже планы создания в Баку военного порта. Павел I отказался от этого плана, и войска в ханство так и не были введены. В 1799 г. здесь были разорены русские купцы. В ответ к городу были направлены русский фрегат № 1 и бомбардирский корабль «Кизляр». На фрегате имелись всего две пушки, но «Кизляр» нес две трехпудовые мортиры, две пудовые гаубицы и 12 шестифунтовых

пушек. 6 (17) февраля 1799 г. суда маленькой эскадры обстреляли крепость, и через несколько часов она сдалась. Хан согласился выплатить компенсации ограбленным и наказать виновных¹⁰⁵. В 1805 г. к России были присоединены Ширванское и Шекинское ханства, вслед за чем П. Д. Цицианов приступил к длительным переговорам с бакинским ханом о возможности принятия им подданства¹⁰⁶.

Аббас-мирза попытался переломить ситуацию в свою пользу и нанести удар по Карабаху. Вход на равнину, ведущую к столице ханства — Шуше, прикрывала Аскеранская крепость. Именно сюда двинулась персидская армия численностью до 40 тыс. человек. Из Елизаветполя был направлен отряд полковника П. М. Карягина — 500 егерей 17-го егерского полка и тифлисских мушкетеров при двух орудиях. В ходе сражений под Аскераном и в замке Шах-Булах 24 июня (5 июля) — 16 (28) июля 1805 г. ценой огромных потерь персы были остановлены. Для обороны в маленьком замке, куда егерей провел проводник-армянин, необходимы были пушки. Солдаты провели их через глубокую канаву по себе, построив «живой мост». В строю у П. М. Карягина под конец боев осталось 345 человек. Героическая оборона позволила П. Д. Цицианову перегруппироваться и собрать отряд в 14 рот пехоты при 10 орудиях — всего 2371 человек. 16 (28) июля он нанес персидскому наследному принцу поражение. Противник в беспорядке отступил, оставив лагерь и раненых, среди которых был грузинский царевич Теймураз. Планы повторения нашествия Ага Мохаммеда на Картли-Кахетию провалились¹⁰⁷. Со своей стороны, русская армия и флот также попытались активизировать свои действия.

В июне и августе 1805 г. были предприняты попытки диверсии силами флотилии на Решт и морская демонстрация у Баку. Обе были неудачными. Небольшой десант в Гиляне ничего не мог сделать, оказавшись во враждебном окружении на болотистой местности. Действия кораблей против бакинской крепости также оказались неудачными. Флотилия была ослаблена, бомбардирские суда списаны, на оставшихся в строю кораблях (фрегат, четыре галиота, шхоут и яхта) стояли орудия небольшого калибра, они не могли нанести ущерба крепостным стенам. 8 (20) сентября корабли ушли от Баку. П. Д. Цицианов был разгневан и вскоре лично направился на Апшерон¹⁰⁸.

Численность войск, следовавших за русским главнокомандующим, была невелика — только 1700 человек при 10 орудиях. Это затянуло переговоры, хан не мог прийти к решению, чью сторону ему безопаснее занять. После двух месяцев переговоров он стал склоняться к принятию условий П. Д. Цицианова¹⁰⁹. Генерал поверил Гуссейну-Кули,

которого знал и ранее, и 4 (16) февраля 1806 г. отправил ему следующее письмо: «Любезный Гуссейн-Кули-хан! Посылая Вам официальную депешу, в лице русского генерала долгом считаю по старому знакомству отнестись к Вам как брату и другу. Как Вы предаетесь в мою волю, то уверяю Вас всемогущим Богом, в которого верую, что не только не оставлю Вас, как Вы в письме своем изъяснили, но выгоды собственные Ваши и Ваших подданных буду соблюдать как мои, зная, что милосердие все-милостивейшего Государя и ангелоподобного Императора беспредельно. Все старое забудем и останемся на вечные времена друзьями»¹¹⁰.

Было принято решение о личной встрече П. Д. Цицианова и Гуссейна-Кули, на которую они должны были явиться с двумя-тремя сопровождающими¹¹¹. Выполнить свои обещания генералу не удалось. 8 (20) февраля 1806 г. во время переговоров о капитуляции гарнизона крепости Баку он был вероломно убит ханом¹¹². Тот расположил в лощине у назначенного места свидания небольшой кавалерийский отряд, а при начале переговоров один из его приближенных выстрелил из пистолета в затылок П. Д. Цицианову. Выскочившие из засады всадники начали рубить остальных, а затем, обезглавив убитых, бежали в крепость¹¹³. Осаждающие вынуждены были временно снять осаду и отступить, в Тегеране, куда была отправлена отсеченная голова генерала, праздновали победу¹¹⁴.

«Вероломный поступок Бакинского хана, — докладывал в Петербург 3 (15) мая 1806 г. командующий войсками на Кавказской линии генерал-лейтенант Г. И. Глазенап, — ободрив Баба-хана, вселил в него решительные намерения совершить предприятия свои на Грузию. Собрал многочисленные силы, мнит о впадении в границы наши ниже-следующим образом: сам Баба-хан вступит в карабагские, нухинские и елисаветпольские пределы, а шах-зада (наследник престола. — О. А.) с Александром, царевичем грузинским, в Бамбакскую и Шурагельскую провинции. Лезгины же, им возмущенные, должны в то же самое время атаковать вдоль реки Алазани»¹¹⁵. Действительно, считая, что русской власти пришел конец, ей изменил карабахский хан, в его владения через Аракс вошла 20-тысячная персидская армия во главе с Аббасмирзой, персы активизировались и на других направлениях¹¹⁶. Русское командование успело восстановить контроль над ситуацией в Карабахе. Майор Д. Т. Лисаневич — командир батальона 17-го егерского полка, стоявшего в Шуше, — тщетно пытался подействовать на Ибрагим-хана Карабахского, ожидавшего прихода персов в укреплении в четырех верстах от города, словами. Хан был недоволен необходимостью выплачивать дань в 8 тыс. рублей серебром. Убийство П. Д. Цицианова,

казалось, явно указывало на то, что военное счастье склонилось на сторону персов. Кроме того, хана явно раздражало присутствие русских войск в Шуше. После того как он заявил о своем подчинении Тегерану, Д. Т. Лисаневич внезапной вылазкой разгромил и уничтожил отряд Ибрагим-хана, но сам он был убит¹¹⁷. Положение усугубило предательство Соломона II Имеретинского, а попытки активизации турок и царевича Александра создали опасную ситуацию. Однако вскоре инициатива вновь вернулась к русским войскам. В 1806 г. были взяты Дербент, Баку и Куба, после чего наступило временное затишье.

В сентябре 1806 г. правитель Гилянской провинции мирза Муса, пользовавшийся особым расположением шаха, обратился к преемнику П. Д. Цицианова генералу графу И. В. Гудовичу с письмом, которое привез в Астрахань его доверенный чиновник мирза Мамед-Али. Мирза Муса предлагал восстановить мир, объявляя причиной войны действия П. Д. Цицианова. Посланца вместе с письмом отправили к командующему в Георгиевск, 17 (29) сентября 1806 г. И. В. Гудович ответил правителю Гиляна следующим предложением: «Твердость и постоянство мира зависят наипаче от постановления постоянных, твердых и самой натурой показуемых границ, как, например, реки Кура и Аракс. Ежели доброе и искреннее намерение к миру с вашей стороны есть и сей первый о вышеписанных границах пункт поставлен будет основанием мира, то я осмелюсь о том донести всеподданнейше Е. И. В. и надеюсь, что великий Государь Император мой даст свое Высочайшее мне повеление на дальнейшее постановление мирного договора, и затем великодушное признание может последовать владеющего ныне Персидскими провинциями в настоящем его, по прежним обыкновениям Персидским, достоинстве»¹¹⁸.

Предложения И. В. Гудовича были полностью поддержаны Александром I. В рескрипте от 4 (16) октября 1806 г. он указал генералу на необходимость заключения перемирия с Персией на следующих предварительных условиях: 1) временное прекращение военных действий; 2) сохранение *status quo post bellum*; 3) начало переговоров о мире. В качестве будущей границы (в случае заключения мира) указывались реки Кура и Аракс¹¹⁹. Персы не ответили на предложение, сделанное русским командующим, и 14 (26) ноября 1806 г. министр иностранных дел барон А. Я. Будберг приказал И. В. Гудовичу повторить его: «Имея в руках Дагестан и часть Азербейджана, Ваше сиятельство можете без унижения Российского достоинства отозваться к Баба-хану прямо с повторительными предложениями мира. Сей поступок не иначе может быть почитаем, как явным опытом умеренности Российского Двора,

и не чаятельно, чтобы персияне учинили из сего другое заключение. А между тем я должен открыть Вам, что мир с баба-ханом весьма нужен в теперешних обстоятельствах, чтобы иметь развязанные руки на случай войны с Портой Оттоманской и чтобы самих персиян обратить против турок, буде сие возможно»¹²⁰.

В результате 10 (22) декабря 1806 г. И. В. Гудович обратился с письмом к визирю Фетх-Али, предлагая начать переговоры о мире на русских условиях в Шуше¹²¹. В Тебриз для предварительных консультаций отправили адъютанта русского командующего майора Степанова, он был хорошо принят Аббас-мирзой, но желаемых результатов первые встречи так и не дали¹²². Тем временем началась война с Турцией. И. В. Гудович нуждался в скорейшем решении вопроса. 12 (24) февраля 1807 г. он инструктировал Степанова: «Бонапарте потерял баталию, разбит и прогнан и теперь лежит при смерти в Прусском владении, — может, уже и умер, а ежели и останется жив, то он занесся столь далеко, что пагуба его неизбежна, и Россия сокрушит его гордость. У турков взяли наши все крепости по Дунай, завладели всей Молдавией и Валахией. Внушите секретно визирю, чтобы они спешили делать с нами мир, ибо, будучи в войне, потеряют только людей, а сделавши с нами союз, могут в одно лето приобрести от турок знатные бывшие персидские провинции, как, например, Эрзерум, Баязет, и я им помогу. Турки чрезвычайно слабы и на пагубу свою послушали совета Бонапарте, который старается обманывать. Ничего не значащий Черный Георгий взял у них крепость большую Белград и соединился с нашими войсками. Англичане, союзники и друзья наши, пришли с большим флотом к Константинополю и могут стрелять по сералю»¹²³.

Вскоре в Тегеран пришли другие новости из Европы и Турции, и миссия Степанова завершилась частичным успехом¹²⁴. Предложенные условия были тяжелыми для персидской стороны, однако перемирие было принято, и что особенно важно — накануне начала русско-турецкой войны. Объяснялось все просто. Каджары не были заинтересованы ни в русских успехах, ни в турецких победах. Персидская армия была разгромлена, а персидско-турецкие отношения — чрезвычайно натянутыми из-за пограничных споров и конфликтов¹²⁵. Военные действия шли с большими перерывами во времени, русское командование было вынуждено постоянно перебрасывать незначительные силы то против турок, то против персов и никогда не имело их достаточно для глубокого проникновения вглубь территории врага. С другой стороны, и Тегерану требовалась передышка для приведения в порядок войск и поиска союзников.

Один из них обнаружился в Европе. С начала 1805 г. Наполеон не переставал уделять внимание Персии в связи со своими планами похода в Индию. В декабре 1804 г. Фетх-Али отправил ему письмо с предложением о союзе: «Русский царь не подумал о том, что воробей не может поселиться в гнезде сокола и что логовище льва не может служить убежищем для газели. Произошли большие сражения, наши храбрые войска, привыкшие к победам, напали на врага с саблями, шпагами, кинжалами и копьями. Двенадцать тысяч русских убито, остальные обращены в бегство; будущей весной персы вторгнутся в Россию, если французы сделают то же, то они встретят там персов»¹²⁶.

В январе 1805 г., получив письмо от шаха, Наполеон отправил к нему своих представителей, которые должны были ознакомиться с Персией и попытаться установить там французское влияние. Фетх-Али, находясь под впечатлением от успехов Франции, отправил свое посольство к императору. Оно застало его в Восточной Пруссии. 4 мая 1807 г. в лагере под Финкенштейном был подписан франко-персидский договор, по которому Наполеон гарантировал целостность персидских владений, обещал вернуть шаху Грузию и приложить все усилия для того, чтобы принудить Александра I вывести войска из Закавказья, снабдить Персию оружием, инструкторами и мастерами для организации мануфактур. В ответ Фетх-Али должен был расторгнуть все контакты с англичанами, изгнать их из своих земель и объявить войну Англии, договориться с афганцами и прочими племенами для организации движения на Индию и, в случае необходимости, дать пропуск французской армии на проход через Персию¹²⁷.

После подписания союза с шахом император французов отправил в Тегеран посольство главе с генералом Ш.-М. Гарданом. Инструкция Наполеона гласила: «Персия должна считать русских своими естественными врагами: они отняли у нее Грузию, угрожают ее лучшим провинциям, до сих не признали настоящей династии, и, со дня восшествия ее на престол, находятся в постоянной войне с нею. Генерал Гардан укажет на все эти оскорбления и поддержит неприязнь персиян против России. Он возбудит их к новым усилиям, к новым наборам. Для последующих военных операций он даст им все те советы, каковые внушит ему его опыт, и ввиду этого постарается сблизиться с принцем Аббас-Мирзой, командующим армией, доверием которой он, кажется, пользуется. Необходимо, чтобы Персия произвела сильную диверсию к границам России и воспользовалась для вторжения в провинции, отнятые у нее силою оружия и интригами, моментом, когда русские ослабили свою кавказскую армию передвижением части войск

в Европу. Грузия, которую они заставили последнего грузинского князя уступить себе, плохо ими обеспечена, и население ее, кажется, сожалеет о своих прежних властителях. Цепь гор, прикрывающая входы в Персию, тянется на севере Грузии; существенно важно было бы, чтобы Россия не осталась владельницей всех горных проходов. Генерал Гардан употребит все усилия, чтобы Персия и Оттоманская Порта, насколько возможно, согласовали свои операции на пространстве между Черным и Каспийскими морями»¹²⁸.

Аббас-мирзе была обещана помощь оружием, инструкторами и войсками — от четырех до пяти французских батальонов с артиллерией для обучения персидской армии, 10 тыс. ружей и 30 орудий¹²⁹. Французское посольство прибыло в Тегеран 4 декабря 1807 г.¹³⁰, то есть уже после Тильзита, когда отношения Парижа и Петербурга переменялись к лучшему, франко-персидский договор формально не действовал, однако в деятельности своей, судя по всему, оно продолжало руководствоваться полученными 10 мая 1807 г. инструкциями¹³¹. Фетх-Али был очень любезен и внимателен, он даже направил Ш.-М. Гардану свои извинения по поводу того, что при въезде посольства в Тегеран с неба упало несколько дождевых капель¹³². Британский представитель в Тегеране с явной опаской отмечал, что «Персия, потеряв все надежды на поддержку старого союзника, не имеет альтернативы тому, чтобы броситься в объятия Франции»¹³³.

Наполеоновские дипломаты заверяли шаха, что вслед за изгнанием русских за Кавказ начнется подготовка к совместному франко-персидскому походу на Индию. Фетх-Али поначалу колебался, но, убедившись в том, что надежды на помощь из Лондона или Калькутты (еще в январе 1801 г. в Тегеране были подписаны два англо-персидских договора о взаимной помощи и торговле, которые, однако, не были ратифицированы) не оправдываются, согласился¹³⁴. Ш.-М. Гардан имел два плана возможных действий французской армии. Первый предполагал высадку с согласия турок десанта в Александретте, второй, несколько фантастический, — отправление эскадры с транспортными кораблями через Атлантику в Индийский океан для высадки войск у входа в Персидский залив. Сопровождавшие Ш.-М. Гардана офицеры должны были помогать персидской армии и вести топографические съемки для подготовки похода¹³⁵.

Уже летом 1807 г. стало ясно, что русско-персидское перемирие не будет продолжаться долго. 31 августа 1807 г. царевич Александр издал очередное воззвание к грузинскому народу, обещая освободить его от «господства чужих»: «Я имею с собою силу и казну трех великих

держав — всего Ирана, османов и англичан для вашего освобождения из рук чужих. Это есть минута вашего счастья, когда вы можете возобновить усердие ваших предков и принять честь, подобающую великим и малым; когда вы пожалеете ваших домашних крестьян и имущества и для мирного охранения вашего поспешно и с усердием выйдете ко мне на границу Грузии, откуда дойдет до вас весть о моем прибытии. А если не захотите, то я не отвечаю за ваши огорчения, чего отнюдь я не желаю, так как весь мой неусыпный труд предпринят только из любви к вам»¹³⁶. Военные действия возобновились в конце 1807 г. и почти сразу же закончились неудачами персидской армии, шах и Аббас-мирза вновь предложили переговоры, почти остановившиеся в феврале 1808 г., то есть сразу же после своего начала¹³⁷.

Свою роль в этом сыграла дипломатия Наполеона. Его представители по-прежнему активно действовали в Тегеране, стараясь добиться тройственного персидско-турецко-французского соглашения, направленного как против Англии, так и против России¹³⁸. «По собственному признанию персиян известно, — докладывал 7 (19) марта 1808 г. И. В. Гудович государственному канцлеру графу Н. П. Румянцеву, — что продолжаемые мною переговоры о мире никогда не имели бы встречаемой доселе медленности и затруднений, если бы Баба-хан не опирался на те обещания, кои деланы оному от Франции при существовавшей войне с Россией. Ожидания персиян, что в силу тех обещаний возвращены им будут все места, завоеванные Россией в здешнем краю, удерживают их и теперь согласиться на мир с теми пожертвованиями, коих требует от них Россия и которые они сами, как мне известно, ценят не очень дорого, ибо персияне сами признаются, что часть Азербайджана, находящаяся ныне под владением России, всегда им ненадежна была»¹³⁹.

В июле 1808 г. дело, как могло показаться, сдвинулось с мертвой точки. К И. В. Гудовичу приехал посланник шаха с предложением заключить перемирие сроком на один год с тем, чтобы в течение этого времени заключить мир в Париже при посредничестве Франции¹⁴⁰. 6 (18) июля И. В. Гудович докладывал Н. П. Румянцеву о том, что французский посол в Персии «верно не внушил Тегеранскому кабинету о том, что Франция не может теперь выполнить своих обещаний, вредных для России, деланных во время войны»¹⁴¹. Французские офицеры (правда, их было только четверо) продолжали обучать регулярную пехоту Аббас-мирзы в Тебризе¹⁴². Французы понимали, что в Персии все решает сила и что по местным обычаям только военная слава дает право на престол. Шах увлекался поэзией¹⁴³. Его наследник явно вы-

зывал симпатию у представителей Наполеона: «Он дышит для одной войны и... ласково обходится с французскими чиновниками, находящими при посольстве»¹⁴⁴. 4 (16) августа канцлер известил И. В. Гудовича о нежелании Александра I принять посредничество Парижа. Император требовал заключить мир с Персией при условии границ по Куре, Араксу и Арпачаю, а в случае отказа Тегерана или затяжки переговоров разрешал ему возобновить военные действия. 2 (14) сентября И. В. Гудович сообщил Аббас-мирзе эти требования, добавив, что ожидает скорого ответа, а если ответ задержится, «я уже никаких переписок не ожидаю»¹⁴⁵.

В дело немедленно вмешалось французское посольство, стремившееся не допустить окончательного решения русско-персидской проблемы в интересах Петербурга. Его сотрудники вели активную работу по подготовке похода на Индию. Офицеры миссии Ш.-М. Гардана лично провели рекогносцировку 86 маршрутов возможного движения экспедиционного корпуса и по расспросам составили описание еще 38 маршрутов¹⁴⁶. Однако перспективы оказания помощи со стороны Тегерана в организации похода оставались туманными. 28 августа 1808 г. Ш.-М. Гардан докладывал в Париж: «Персия ничего не предпримет против Индии, пока находится в войне с Россией. Характер персиян склонен к преувеличениям, и уверенность, с которой Его Величество шах говорит о легкости этой экспедиции, является следствием приведенного свойства характера. Шах давал даже несколько раз понять, что желал бы быть поддержанным только, и незначительным числом французских войск, на которые будет смотреть как на вспомогательные. Но Его Величество не скрывает при этом, что он не может и думать об экспедиции, пока русские занимают Грузию»¹⁴⁷.

Надежды Александра I (если таковые действительно имели место) на то, что формальные союзники французы будут содействовать русским планам в Закавказье, быстро развеялись. Уже в ноябре 1808 г. И. В. Гудович докладывал, что французская миссия в Персии «приносит нашим делам даже больший вред, чем тогда, когда Россия была в состоянии войны с Францией»¹⁴⁸. На разных этапах войны, в зависимости от обстановки в Европе, Персии оказывали помощь не только французы, но и англичане. Если Париж был заинтересован в продолжении войны, которая отвлекала внимание и силы Петербурга от европейских дел, то Лондон исходил из других расчетов, в основном вызванных опасениями. В сентябре 1808 г. в Персию прибыло английское посольство, и в результате долгих переговоров в марте 1809 г. было заключено предварительное соглашение об оказании Тегерану ежегодной финансовой

помощи в 120 тыс. туманов¹, поставке 20 тыс. ружей и 20 орудий со всеми необходимыми для них запасами¹⁴⁹.

Шаху были нужны новые друзья и субсидии, и он с готовностью пошел на подписание договора с Англией, тем более что посольство начало с того, что преподнесло ему в дар от короля Георга III довольно приятный подарок — несколько крупных бриллиантов. Игра стоила свеч, Фетх-Али обязался не предоставлять свою территорию третьей стране для нападения на Индию и заменить в своей армии французских инструкторов на английских¹⁵⁰. Союз с Англией добавил шаху решимости, кроме того, его явно вдохновляла затянувшаяся война России с Турцией. Военные действия между Персией и Россией возобновились. Против персидской армии И. В. Гудович смог выставить только трехтысячный отряд. Тем не менее он действовал весьма успешно. В сентябре 1808 г. был взят Эчмиадзин, в октябре Нахичевань¹⁵¹. Несмотря на успехи, положение русской армии оставалось весьма непростым. Ее численность на Кавказе и в Закавказье равнялась 42 тыс. человек, но при этом на Кавказской линии были сосредоточены 23 531 человек, а в Грузии, где необходимо было противостоять и туркам, и персам, — 18 490 человек¹⁵². После очередных неудач Тегеран вновь перешел к переговорам, которые опять затянулись. Новый русский главнокомандующий генерал от кавалерии А. П. Тормасов 17 (29) апреля 1809 г. оценил обстановку следующим образом: «Персияне, ища мира, не остаются, однако же, в недеятельности, а собирают войска и делают военные приготовления»¹⁵³.

Для того чтобы лишить персов опорной позиции на Араксе — крепости Мегри, откуда совершались набеги на Карабах, 11 (23) мая к ней был направлен 3-й батальон 17-го егерского полка под командованием полковника П. С. Котляревского, всего 400 человек. 15 (27) июня она была взята штурмом, гарнизон из 1200 сарбазов¹¹ потерял около 300 человек убитыми, остальные бежали. Русские потери составили шесть человек убитыми и 29 ранеными. Попытки противника вернуть крепость окончились неудачей¹⁵⁴, как, впрочем, и надежды затянуть время. Причина миролюбия персов на переговорах русскому генералу была абсолютно ясна, он понимал, что Аббас-мирза хочет выгадать наиболее удобный момент для вторжения в Грузию. Тем не менее передышка была выгодна обеим сторонам, а переговоры бесцельны, так как

¹ Туман — персидская золотая монета, чеканившаяся с конца XVIII в. До 1879 г. содержала в себе 3,22 грамма золота 900 пробы, после — 2,59 грамма чистого золота.

¹¹ Сарбаз — пехотинец регулярной персидской или бухарской армии в XVIII–XIX вв. Термин «сарбаз» можно считать региональным эквивалентом слова «солдат».

русские требования не менялись, как, впрочем, не менялись и персидские приемы затягивания времени. А. П. Торماسов надеялся на переговоры о перемирии, что существенно улучшило бы положение России в Закавказье. Однако эти надежды не оправдались. В сентябре 1809 г., не прерывая переговоров и задержав русских уполномоченных в Тебризе, Аббас-мирза возобновил военные действия¹⁵⁵.

Перелом в них так и не последовал, хотя персы и были отражены. Воспользовавшись наступившей вслед за этим передышкой на персидском направлении, 15 (27) ноября 1809 г. русские войска овладели штурмом прибрежной крепостью Поты, существенно ослабив турецкое влияние в нижнем течении Риони¹⁵⁶. Положение Персии оставалось стабильно тяжелым. Ставка на Францию и ее помощь не оправдала себя. В отчаянии Фетх-Али молился в мечетях о прощении грехов и раздавал милостыню нищим. В Шираз приказали привезти русских пленных, которых заставили обучать военному делу около 700 молодых персов, специально собранных, одетых и постриженных на русский образец¹⁵⁷.

Помощь предложил Лондон. 14 марта 1810 г. был заключен персидско-английский союзный договор. Персия обязалась охранять дальние подступы к Индии. Со своей стороны, Англия обещала в случае войны шаха с «какой-либо из европейских держав» выставить вспомогательный корпус или оказывать ежегодную финансовую помощь в 200 тыс. туманов и при заключении мирного договора «употребить все свое влияние в пользу Персии». Договором предусматривалось и направление английских инструкторов в персидскую армию¹⁵⁸.

Для обучения персов из Индии была прислана миссия инструкторов, офицеры и сержанты армии Ост-индской кампании должны были помочь Аббас-мирзе модернизировать персидские войска и познакомить их с правилами и приемами европейских армий¹⁵⁹. Все это было продолжением британской реакции на Тильзитский мир и русско-французское сближение, которое, впрочем, никогда не было особо действенным в Персии. Британцы не очень преуспели, более того, попытка усилить армию за счет обученной по европейскому образцу пехоты не дала персам прочной пехоты, но ослабила кавалерию¹⁶⁰. Тем не менее за счет субсидии в конце 1811 г. англичане поставили шахской армии 12 орудий, 12 тыс. зарядов к ним, 12 тыс. ружей и сукно для обмундирования 12 тыс. человек¹⁶¹.

Поддержка Лондона позволила Фетх-Али ужесточить требования на переговорах в Аскерани, которые начались 19 (31) мая 1810 г. Согласившись поначалу на русские предложения об условиях перемирия,

представитель шаха внезапно для А. П. Тормасова резко переменял тон. 26 мая (7 июня), получив известие из Тегерана, он категорически отказался признавать за Россией право на Дагестан, ультимативно потребовал признания за Персией Талышского ханства, выплаты стоимости потерь от набега союзного России ширванского хана в 1809 г. (речь шла о 15 тыс. баранов) и передачи части контролируемых русскими войсками территорий. Кроме того, персидская сторона требовала от России воздержаться от действий против турок в Карском и Ахалцихском пашалыках на время действия перемирия. Идти на такие уступки означало спровоцировать новые, предел которых не поддавался прогнозу. А. П. Тормасов немедленно прервал переговоры и вернулся в Тифлис. Из-за малочисленности своих сил (к весне 1810 г. в Грузии находилось только 12 тыс. русских солдат) генерал предпочел занять оборонительную позицию, предоставив инициативу противникам¹⁶².

Военные действия возобновились. Их исход был неизменным. В июне 1810 г. персы вновь потерпели ряд поражений при атаках русских передовых отрядов и крепостей, сам Аббас-мирза, попытавшись атаковать крепость Мегри, был отбит со столь значительным уроном, что вынужден был отвести войска в Тебриз. В июне принц запланировал нанести удар по Тифлису в обход русских войск, стоявших на Эриванском направлении. Для этого часть персидской армии должна была наступать на них от Аракса, в то время как около 10 тыс. отборных сарбазов должны были пройти к Карсу и оттуда на Ахалцих, чтобы объединиться с турками и напасть на столицу Картли-Кахетии. Эти планы были сорваны вначале на Араксе, где персы потерпели поражение в конце июня, а вслед за этим и под Ахалцихом. Персидская и турецкая армии объединились здесь 13 (25) августа, однако общего командования у них не было. Союзники не доверяли друг другу и стояли отдельно. Ахалцихский паша даже не вывел свои войска из крепости и не впустил в нее сарбазов, карский остался на месте. Персы и турки активно подкупали курдов и лазов для участия в совместном набеге и явно опасались того, чем это закончится в случае удачи похода¹⁶³.

В результате несчастного случая на торжественных скачках в честь соединения оказался ранен карский паша, после чего недоверие союзников друг к другу только укрепилось¹⁶⁴. В конце концов персидская армия отошла к Ахалкалаки, где ее было легче снабжать. Таким образом, были созданы хорошие предпосылки для разгрома турок и персов поодиночке. А. П. Тормасов отдал приказ о наблюдении за действиями Аббас-мирзы на Араксе и выделил отряд генерал-майора маркиза Ф. О. Паулуччи для движения на Ахалкалаки. 5 (17) сентября персы

были разгромлены, и вслед за этим последовал распад турецко-персидского альянса. Неудавшиеся союзники обвиняли друг друга в трусости и небрежности и более не собирались действовать вместе. Аббас-мирза попытался исправить положение, в начале сентября с 15-тысячной армией перешел Аракс и двинулся от Эривани по направлению к Тифлису, однако 8 (20) сентября 1810 г. был разбит и отступил под защиту стен Эриванской крепости¹⁶⁵. Кампания в очередной раз закончилась срывом планов противников России, однако при отсутствии резервов снова исключалась возможность использования этих побед. Ни разбитые персы и турки, ни их победители не могли наступать.

Собственное поражение под Ахалкалаки весьма сильно подействовало на персов, но еще более сильным стало впечатление от другой русской победы. В ночь с 7 на 8 (с 19 на 20) декабря 1811 г. эта крепость, считавшаяся неприступной, была взята штурмом всего лишь двумя батальонами Грузинского гренадерского полка под командованием доблестного полковника П. С. Котляревского¹⁶⁶. В крепости было взято 16 орудий, два знамени и 40 пудов пороха¹⁶⁷. В начале 1812 г., находясь под влиянием этих новостей, хан Эриванский от лица шаха обратился к Ф. О. Паулуччи с предложением о начале переговоров¹⁶⁸. Однако персы вновь не торопились переходить от слов к делу, и на этот раз определенные надежды в Тегеране вызвало восстание в Кахетии. 1812 г. был весьма тяжелым для русской власти в Закавказье. Войска не могли рассчитывать на подкрепление, а попытка собрать налоги хлебом вызвала восстание в Кахетии. Грузия в это время находилась в тяжелейшем положении, эпидемия чумы в 1810 г. и неурожай 1811 г. привели к голоду, от которого только в Имеретии вымерло около 12 тыс. семейств (32 750 человек). Для помощи населению Ф. О. Паулуччи было направлено 10 тыс. рублей серебром, кроме того, 10 тыс. четвертей хлеба было перевезено морем из Крыма. Однако до того, как власти успели распределить эту помощь, 31 января (12 февраля) 1812 г. начались беспорядки. Свою роль в них сыграли призывы царевича Александра¹⁶⁹. К повстанцам примкнули ингуши, хевсуры и осетины, которые также поднялись по призыву царевича. Все это чрезвычайно осложнило положение на Военно-Грузинской дороге¹⁷⁰. Часть грузинского дворянства попыталась использовать народное недовольство для того, чтобы восстановить в полном объеме свои права, однако эта попытка потерпела крах. Благодаря исключительной распорядительности генерала Ф. О. Паулуччи уже 4 (16) марта 1812 г. восстание было подавлено¹⁷¹. Тем не менее для его подавления пришлось отозвать часть сил из Карабаха, чем немедленно воспользовался Аббас-мирза, нахлынув сюда со значительными

силами. Здесь персам удалось добиться единственной серьезной уда-
чи: под Шах-Булахом ими был окружен и принужден к сдаче батальон
Троицкого мушкетерского полка¹⁷².

7 (19) апреля 1812 г. разрешение начать переговоры с шахом и со-
ответствующие инструкции получил уже преемник маркиза — гене-
рал-лейтенант Н. Ф. Ртищев. Император соглашался отказаться от тре-
бований по проведению границы по Араксу, Куре и Арпачаю, Россия
и Персия сохранили бы, таким образом, территории, которыми они
фактически владели на момент начала переговоров. Тегеран должен
был согласиться на исключительное право России на содержание во-
енно-морского флота на Каспии, в ответ Петербург был готов признать
шахом Фетх-Али, а его преемником — Аббас-мирзу¹⁷³. В сентябре 1812 г.
попытка переговоров с целью заключения мира в очередной раз прова-
лилась. Аббас-мирза начал их с требования возвращения Карабахского,
Ширванского и Шекинского ханств, а позже потребовал уступки Баку,
Кубы, Дербента, Елизаветполя и Шурагеля. Подобное поведение объяс-
нялось новостями об успехе наполеоновского вторжения в Россию. Пе-
реговоры были прерваны, и вновь начались военные действия, на чем
настаивал генерал П. С. Котляревский, считавший, что единственным
путем к ускорению мира будет победа над противником¹⁷⁴.

Вновь активизировал свои действия царевич Александр, кото-
рый собрал наемников горцев и в ночь на 6 (18) сентября 1812 г. вторг-
ся в Кахетию. Объявив себя царем, он взбунтовал Телавский уезд,
но серьезной поддержки так и не получил. Отряды генерал-майора кня-
зя Г. Е. Эристова и генерал-майора князя Д. З. Орбелиани быстро рас-
правились с новоявленным монархом, который вынужден был бежать
в горы к пшавам, а затем к сванам¹⁷⁵. Н. Ф. Ртищев вновь попытался
призвать царевича прекратить борьбу. «Взгляните на ужасную картину
тех бедствий, — писал он к Александру Ираклиевичу 31 декабря 1812 г.
(12 января 1813 г.), — в которое ввергнут вами Кахетинский народ, и во-
просите совесть вашу, удобное ли дело сделали вы пред Богом и пред
человечеством, учинившись орудием напрасного пролития крови хри-
стианской и несчастья тысяч семейств? Потом посоветуйтесь с сердцем
вашим и с рассудком совести вашей, — тогда, верю, они научат вас, что
вам теперь делать и чем вы можете умиловить правосудного Мздо-
воздателя как в сем, так и в будущем веке»¹⁷⁶. Н. Ф. Ртищев предлагал
беглецу амнистию и сообщал ему, что князь Д. З. Орбелиани уже полу-
чил соответствующие приказы по его встрече¹⁷⁷.

Царевич немедленно обратился к эриванскому хану и воспи-
тателю Аббас-мирзы. Первому он сообщал заведомо ложные сведе-

ния о том, что русские терпят от него одно поражение за другим и что в случае необходимости он сможет поднять в Кахетии и 80, и 100 тыс. человек. Второго царевич просил о финансовой помощи, заверяя: «Бог свидетель, что пока во мне есть душа, я не отступлюсь от хлеба-соли Иранского государя и шах-заде и от верности им, будучи готов проливать кровь из усердия к ним»¹⁷⁸. Об искренности чувств царевича можно судить хотя бы по тому, что 15 (27) февраля 1813 г., то есть через две недели после этих обращений, он написал письмо Н. Ф. Ртищеву, где называл персов врагами, которые, правда, «не отнимали нашего царского скипетра». Назвал Александр и причины своего отказа принять амнистию: «Приглашаете меня вы, избранная и правдивая особа, умиленная христиански отеческим милосердием, а не указываете источников, откуда буду иметь содержание и какой прием будет находящимся со мною; назначьте жалуемое мне место содержания, и тогда мысль моя успокоится»¹⁷⁹. Беспокойство царевича и его желание найти место между двумя стульями было легко объяснимо. Его покровителей преследовали неудачи.

20 октября (1 ноября) 1812 г. П. С. Котляревский разбил войска Аббас-мирзы в построенном английскими инженерами укреплении Асландуз. Персы были настолько уверены в своих силах, что не выставили караулов. Ночной атакой их армия была разбита, преследуя беглецов, гренадеры захватили и Асландуз¹⁸⁰. Несмотря на заключение мира между Россией и Англией и приказ Лондона покинуть Персию, британская военная миссия осталась с персидской армией и приняла участие в сражении, потеряв при этом несколько офицеров¹⁸¹. Их попытки привести в порядок персидскую армию разбились о противоречивые команды наследника персидского престола, который немало способствовал хаосу при отступлении¹⁸². Персидская армия насчитывала до 30 тыс. человек, из которых 14 тыс. — регулярная пехота¹⁸³. Противник превосходил отряд П. С. Котляревского почти в десять раз, и именно поэтому он решил наступать.

Кавалерия принца бежала в самом начале боя, а пехота попыталась отсидеться в укреплении, за палисадом и двумя глубокими рвами. Ничего не помогло¹⁸⁴. Поражение персов оказалось полным, потери противника были настолько велики, что П. С. Котляревский приказал не подсчитывать их точно. Он опасался, что донесению не поверят¹⁸⁵. На поле боя осталось 1200 убитых сарбазов, в плен было захвачено 565 человек, три знамени и 11 орудий (10 из них — английского производства с надписью «От короля над королями шаху над шахами»), еще два орудия были потеряны во время бегства. Русские потери были

незначительны — 28 убитых и около 100 раненых. Аббас-мирза бежал в сопровождении всего 20 всадников. Его придворный историограф отметил: «...когда принц, воодушевляя ратников, предался размышлениям о средствах к спасению, лошадь его внезапно споткнулась и оборвалась в глубокую яму, отчего его высочество изволил свое благородство перенести с седла на землю»¹⁸⁶.

Конец года привел к значительному улучшению ситуации в Закавказье. Разбитый Аббас-мирза укрылся в Персии, эпидемии закончились, хороший урожай способствовал решению проблем со снабжением. Оставалась только одна проблема — персидский форпост в Талышском ханстве, крепость Ленкорань. Именно сюда отправился П. С. Котляревский с отрядом из 1,5 тыс. пехотинцев и 500 кавалеристов с шестью орудиями¹⁸⁷. Ленкорань была блокирована в декабре 1812 г. Поскольку крепость незадолго до этого заново укрепили при помощи английских офицеров¹⁸⁸, четырехтысячный гарнизон был полностью уверен в ее неприступности. П. С. Котляревский докладывал: «27-го (декабря ст. ст. — О. А.) потребовал я у командующего Сардаря Садых-хана сдачи крепости. Ответ его был гордым и состоял в том, что он будет защищаться»¹⁸⁹.

Комендант категорически отверг предложение о сдаче на условиях сохранения жизни и имущества. «Напрасно Вы думаете, генерал, — отвечал он П. С. Котляревскому, — что несчастье, постигшее моего Государя, должно утратить меня. Один Бог располагает судьбою и знает, кому пошлет свою помощь»¹⁹⁰. Еще через два дня П. С. Котляревский обратился к ханам, чиновникам, сарбазам и вооруженным жителям, предлагая им сдаться, не рисковать своими жизнями и не испытывать судьбу. Ответа не последовало¹⁹¹. Получив известие о том, что к крепости на помощь идет из Тебриза Аббас-мирза, П. С. Котляревский понял, что отступление может закончиться уничтожением его отряда и назначил на 1 (13) января 1813 г. штурм. Накануне генерал написал: «Мне как русскому остается только победить или умереть, ибо отступить значило бы посрамить честь оружия русского»¹⁹².

На обложение крепости и подготовку атаки ушло всего пять дней — с 26 по 31 декабря 1812 г. (с 7 по 12 января 1813 г.)¹⁹³. В приказе войскам говорилось: «Истощив все средства принудить неприятеля к сдаче крепости, найдя его к тому непреклонным, не остается более никакого способа покорить крепость сию оружием Российскому, как только силой штурма. Решась приступить к сему последнему средству, даю знать о том войскам и считаю нужным предварить всех офицеров и солдат, что отступления не будет. Нам должно взять крепость

или всем умереть, затем мы сюда присланы»¹⁹⁴. В результате трехчасовой атаки крепость была взята и ни один из ее защитников не оставлен в живых. Из 1500 штурмовавших ее русских воинов был убит 341 человек, ранено 609 человек. Трофеями стали два знамени, восемь орудий, 320 пудов пороха и значительные склады продовольствия и оружия¹⁹⁵. «Пусть строгие тактики, — писал после штурма П. С. Котляревский, — называют штурм сей дерзостью: в позднейшие времена предастся, что тысяча пятьсот русских штурмовали крепость, защищаемую четырьмя тысячами персиян; предастся также и то, что девиз штурмовавшего отряда был: всем умереть или взять крепость!»¹⁹⁶

Весть о падении крепости вызвала панику в Персии¹⁹⁷. «Известие о взятии Ленкорани, — писал персидский придворный историк, — породило в делах Ирана некоторую слабость. Персидские военачальники спешили обратить свои лица к стороне Тавриза (Тебриза. — О. А.)»¹⁹⁸. Иначе говоря, они побежали. Вынужден был вернуться и Аббас-мирза, так и не решившись атаковать отряд, в котором осталось чуть более 500 здоровых солдат и офицеров, а командир которого был искалечен. Значение этой победы не поддается переоценке. «Обладание Ленкоранью, и только оно, — докладывал императору 4 (16) марта 1813 г. Н. П. Румянцев, — сделает мир прочным и обеспечит безопасность, которая только и может придать ему цену, — безопасность от нападения Персии в будущем, если бы Вашей империи пришлось, как сейчас, воевать в Европе. Аббас-мирза, столь хорошо понимающий государственные интересы державы своего отца, рассматривает Ленкорань как ключ к Персии; это действительно так»¹⁹⁹.

Судьба войны была решена. В апреле 1813 г. в Тегеране появился представитель Наполеона с радостным известием о том, что его император «выполнил данное шаху обещание и завоевал Россию, что скоро он распорядится вернуть Персии все ее владения в Грузии, но желает, чтобы прежде шах обязался выдворить из своих владений англичан и принять французского посланника»²⁰⁰. Эта миссия закончилась полным провалом. В Персии уже знали, чем закончилось «завоевание России», и эмиссар Парижа был выдан англичанам. Для того чтобы усилить желание шаха завершить войну, Н. Ф. Ртищев начал демонстрировать готовность приступить к десанту на Каспийское побережье Персии. У берегов Талышского ханства была собрана небольшая эскадра с войсками на борту. Это весьма подействовало на Тегеран, где решили более не затягивать с началом переговоров о мире, которые были организованы в местечке Гюлистан в Карабахе²⁰¹. Большое значение для переговоров имело и то, что в обычно лояльном Каджарам Хорасане началось

восстание. Восстали также и туркмены. Вскоре, правда, Фетх-Али удалось справиться с восставшими, что немедленно сказалось на перспективах мира²⁰².

Переговоры опять шли сложно, несмотря на то что в этот раз английская миссия в Тебризе и Тегеране активно старалась ускорить их, правда, без особого успеха. «Неблагоденность, лукавство и вероломство Персиян затрудняли его (посредничество. — О. А.) до сих пор до невозможности, — писал один из английских дипломатов 9 июля 1813 г., — и если бы Русские им не задали прошедшей зимой двух или трех уроков самых порядочных, то я никак не поверил бы, что могли склонить их к примирению»²⁰³. Эти уроки и осознание того, что помощь извне не придет, возымели действие. 12 (24) октября 1813 г. в Гюлистане был подписан мирный договор. Персия признавала переход к России Северного Азербайджана, Восточной Грузии, Имеретии, Гурии, Мингрелии и Абхазии (ст. 3). Россия получала исключительное право держать флот на Каспийском море (ст. 5), купцы обеих стран получали право свободной торговли (ст. 8), пошлинные сборы не должны были превышать 5% (ст. 9), перебежчикам обеих сторон даровалась амнистия (ст. 6). Шах признавал условия за себя и своих преемников, Россия обязалась признать наследником того из сыновей Фетх-Али, кого выберет он сам, но имя наследного принца так и не было названо. В случае спора между сыновьями шаха Россия обязывалась не вмешиваться в события вплоть до просьбы персидского монарха, если таковая последует (ст. 4)²⁰⁴. До последнего момента шах надеялся на британскую помощь, английский посол поначалу даже обещал продолжить субсидирование Персии, пока Талышское ханство и Мугань не будут возвращены под власть Тегерана, но обещания так и не были выполнены. Впрочем, юридически Лондон сохранил за собой свободу рук — англо-персидский договор так и не был ратифицирован²⁰⁵.

С другой стороны, практически все силы России в 1813–1814 гг. были задействованы в борьбе с Наполеоном в Европе, и не в интересах Англии было продолжать в такое время противостояние с союзником в регионе, откуда пока решительно ничто не угрожало британским интересам. В июне 1814 г. в Тифлис прибыло персидское посольство для дальнейшего следования в Петербург, где должен был состояться обмен ратификационными грамотами²⁰⁶. Однако из-за отсутствия Александра I в столице (император ратифицировал договор 21 мая (2 июня) 1814 г. в Париже²⁰⁷) эта церемония произошла в Тифлисе 15 (27) сентября 1814 г.²⁰⁸ Бухарестский и Гюлистанский договоры юридически оформили проникновение России в Закавказье, вызванное по преимуществу

соображениями защиты единоверцев. Этого уже было достаточно для того, чтобы сделать неизбежными и рост почти маниакальной и поэтому опасной подозрительности среди английских и особенно англо-индийских политиков, и войну с горцами Северного Кавказа, лишенными привычной добычи для своих набегов, и дальнейшее ухудшение отношений с Ираном.

Отечественная война 1812 года

Завершение Русско-турецкой и последний этап Русско-персидской войны совпали с самым важным внешнеполитическим событием этого периода — подготовкой Наполеона к нашествию на Россию. Столкновение Франции и России стало неизбежным на фоне постоянно ухудшавшихся отношений между двумя державами. 3 (15) августа 1811 г. Наполеон в разговоре с русским послом во Франции довольно откровенно признался: «Я призвал к оружию конскриптов, усилил полки мои новыми батальонами, увеличил данцигский гарнизон. В ноябре буду иметь 200 тысяч человек кроме 80 тысяч посланных на укомплектование армии в Испанию; в будущем году наберу 200 тысяч конскриптов, не считая войск Рейнского союза и герцогства Варшавского; через два года могу выставить против вас 600 тысяч. Вы надеетесь на союзников ваших... где они? Не на австрийцев ли, с которыми вели войну в 1809 году и у коих взяли область при заключении мира? Не на шведов ли, у которых отняли Финляндию? Не на Пруссию ли, от которой отторгли часть владений, несмотря на то что были с нею в союзе? Пора нам кончить наши споры. Император Александр и граф Румянцев будут отвечать перед лицом света за все бедствия, могущие постигнуть Европу в случае войны. Легко начать войну, но трудно определить, когда и чем она кончится»¹. Россия действительно оказалась почти в полной изоляции, но предвоенные планы Парижа были сорваны на двух направлениях: М. И. Кутузовым — на турецком, а Александром I — на шведском.

Впрочем, и без этих союзников наполеоновская Франция превратилась в абсолютного вершителя судеб Европы, и не будет большим преувеличением утверждение, что на континенте только одна Россия осталась полностью независимой от Парижа державой. Остальные или окончательно утратили свой суверенитет, или оказались в значительной

зависимости от Наполеона, что позволило ему в течение первой половины 1812 г. сконцентрировать на русской границе основные силы Великой армии. Благодаря активной и умелой деятельности русской военной разведки, прежде всего военного агента во Франции полковника А. И. Чернышева, русское военное командование имело достаточно достоверную информацию о военном потенциале Французской империи и ее союзников². Полковник вызывал сильнейшее раздражение у Наполеона, но французская полиция долго не могла найти доказательств шпионажа³. Это удалось сделать после отъезда А. И. Чернышева в Петербург с письмом от Наполеона к Александру I в феврале 1812 г. Случайно оставленное письмо привело к разгрому всей сети информаторов русской разведки, уже 1 мая главный из них был казнен⁴.

Общая численность французской армии в начале 1812 г. насчитывала почти 1,2 млн человек. В первый эшелон армии вторжения вошло 450 тыс., во второй — более 200 тыс. человек⁵. Движение французской армии в Германию, начавшееся в феврале 1812 г., не оставило ни малейшего сомнения у Александра I в том, что война в самое ближайшее время неизбежна⁶. С помощью этих солдат Наполеон надеялся обрести и союзников внутри России. «Менее чем через два месяца, — заявил он, — Россия запросит мира. Крупные помещики будут перепуганы, а многие из них разорены. Император Александр будет в большом затруднении, так как русским, по существу, весьма мало дела до поляков, и они вовсе не хотят терпеть разорение из-за Польши»⁷. Кроме того, Наполеон, провозглашая целью своего похода восстановление Польши, рассчитывал получить поддержку и со стороны польского населения Российской империи.

Численность всех вооруженных сил России, включая иррегулярные части, равнялась 622 тыс. человек. Из них на западной границе империи удалось собрать 210–220 тыс. человек⁸, по другим данным — 193 тыс. (без казаков — 175 тыс. человек)⁹. При этом русская граница на всем пространстве от Черного моря до Балтики была практически полностью открытой. Из 62 русских крепостей на западе находились только пять: Рига и Динамюнде на северо-западе, Киев на юго-западе, Каменец-Подольск, Тирасполь и Овидиополь на юге. В 1810 г. было принято решение построить две крепости — Бобруйск и Динабург — на западном направлении, но к 1812 г. почти закончили строительство и вооружение только первой из них¹⁰. Колоссальные проблемы вызвало снабжение Бобруйской крепости артиллерийскими снарядами. К лету 1811 г. имелась приблизительно пятая часть требуемого запаса бомб, с большим трудом и только после личного вмешательства военного

министра генерала М. Б. Барклая де Толли удалось исправить ситуацию к осени 1811 г.¹¹ В 1812 г. Бобруйск послужил опорным пунктом армии Багратиона и после ее ухода с успехом выдержал осаду вплоть до отступления противника из России¹².

Впрочем, наличие этой крепости нисколько не меняло общего положения дел. Направление на Москву могло быть закрыто только армией. Французы, как и русские, перед войной вели активную разведку, опираясь прежде всего на польское население пограничных русских губерний, но тем не менее не смогли правильно оценить численность русских армий, считая в их составе от 250 до 350 тыс. человек. Разноречиво оценивалась численность всех вооруженных сил России и ее воинских резервов¹³. Безусловно было одно: большое количество русских полков находилось в периоде формирования, имея в составе от одного до трех батальонов и большое количество слабо обученных солдат. По качеству эти части уступали французским¹⁴.

Все русские силы на западном направлении были распределены по трем армиям: 1-я Западная армия (около 120 тыс. человек с 558 орудиями) под командованием генерала от инфантерии М. Б. Барклая де Толли располагалась в районе Вильно; 2-я Западная армия (45 тыс. человек с 216 орудиями) во главе с генералом от инфантерии П. И. Багратионом — у Волковыска; 3-я Обсервационная армия (около 46 тыс. человек со 164 орудиями) под командованием генерала от кавалерии А. П. Торماسова прикрывала юго-западное направление¹⁵. Это была кордонная стратегия, русские войска вытягивались в линию, за которой не имелось значительных резервов. Данное расположение соответствовало плану, составленному генералом К. Ф. Фулем. В этот момент он пользовался весьма высоким авторитетом у императора¹⁶. Несколько лет К. Ф. Фуль фактически был личным советником Александра I, который любил беседовать с ним на темы, касающиеся военного дела¹⁷.

7 (19) апреля 1812 г. Александр I прибыл из Петербурга в Вильно. Его с восторгом, казавшимся искренним, встречало местное дворянство¹⁸. Императора сопровождал К. Ф. Фуль. Александр I возглавил армию, он и его свита занимались инспекцией войск¹⁹. В Пруссии, откуда К. Ф. Фуль прибыл в Россию, он считался талантливым человеком и уже выступал в качестве советника короля в кампанию 1806 г.²⁰ Уже тогда он пользовался репутацией великого ученого, хотя те из офицеров, которым пришлось служить с этим «светилом», отмечали, что он не имел понятия о жизни солдата, зато был полностью уверен в своей непогрешимости²¹. «Своеобразие Фуля было, — вспоминал его бывший адъютант К. Клаузевиц, — пожалуй, самым необычным, но в то же

время трудно характеризуемым. Он был очень умным и образованным человеком, но не имел никаких практических знаний. Он давно уже вел настолько замкнутую умственную жизнь, что решительно ничего не знал о мире повседневных явлений. Юлий Цезарь и Фридрих Второй были его любимыми авторами и героями. Он почти исключительно был занят бесплодными мудрствованиями над их военным искусством, не оплодотворенным хотя бы в малейшей степени духом исторического исследования. Явления новейших войн коснулись его лишь поверхностно»²².

Именно этот человек и стал консультантом Александра I. Будучи продуктом воспитания рационалистической школы, тот испытывал особое чувство по отношению к военной теории, особенно если ее персонифицировали люди, имевшие опыт общения с великими полководцами. К. Ф. Фуль предусмотрел уничтожение продовольствия и фуража при отступлении, а также детально рассчитал все необходимое для снабжения армии и эвакуации мирного населения (после войны он утверждал, что рассчитал и необходимость отступления к Москве)²³. Любовь императора к наукообразным схемам в военном деле в австрийском исполнении привела русскую армию к поражению в 1805 г. под Аустерлицем, в прусском — чуть было не привела ее к катастрофе в самом начале войны 1812 г. Предполагалось, что 1-я армия с началом войны отступит от границы в укрепленный лагерь у местечка Дрисса (совр. Верхнедвинск Витебской области, Белоруссия) и, опираясь на него, остановит французов, в то время как 2-я армия ударит им во фланг и тыл. Предусматривались и возможность подхода и переход в контрнаступление 3-й армии. Это был логичный и хорошо рассчитанный план, у которого имелся только один изъян — он не был связан с реалиями. Его осуществление привело бы армию к разгрому, причем без особого напряжения для французов.

Дрисский лагерь не прикрывал ни одну из стратегически важных дорог, в тылу у него находилась Западная Двина — это была ловушка, ради которой в предвоенный период были разделены русские армии. «Если бы Наполеон сам направлял наши движения, — вспоминал А. П. Ермолов, — конечно, не мог бы изобрести для себя выгоднейших»²⁴. Безусловно, правы и те историки, которые видят в этом плане влияние событий в Испании, то есть успешных оборонительных действий англо-испанских войск²⁵. Впрочем, существует и другая точка зрения, согласно которой прусский генерал был советником Александра I по вопросу составления планов войны, но не более того. Его предложения не были обязательны и фактически не выполнялись с самого начала бое-

вых действий. С другой стороны, и план К. Ф. Фуля, и план М. Б. Баркляя де Толли сходились на идее отступления вглубь страны, в район Западной Двины. Наступательный план, выдвинутый П. И. Багратионом в марте 1812 г. и предполагавший выдвижение к Висле и взятие Варшавы до подхода основных сил французской армии, был отвергнут²⁶. Сам император тоже склонялся к мысли о необходимости избежать генерального сражения на границе, к которому будет стремиться Наполеон. Сделать это можно было только одним путем — отступить, заставляя противника растягивать свои коммуникации и силы.

Таким же образом советовал действовать Александру I в феврале 1812 г. Карл Юхан: «Если война продолжится два года, то я обещаю, что они будут побеждены. Генералы будут сражаться храбро, в этом и сомнения быть не может; но многие из них при продолжительной кампании перейдут на нашу сторону. Лучше постоянно отступайте, но не решайтесь на сражение, и если французы подойдут даже к воротам Петербурга, то и тогда я с большей уверенностью скажу, что они пропали, нежели даже в том случае, если бы наши войска достигли берегов Рейна»²⁷. 11 (23) июня граф Ф. В. Ростопчин писал императору: «...если бы несчастные обстоятельства вынудили Вас решиться на отступление перед победоносным врагом, и в этом случае император России всегда будет грозен в Москве, страшен в Казани и непобедим в Тобольске»²⁸. Сам Александр I был настроен весьма решительно. 22 июня (4 июля) 1812 г. он писал Карлу Юхану: «...будьте уверены, что уж если эта война началась, я твердо решил затянуть ее на года, даже если мне придется сражаться на берегах Невы»²⁹.

Можно утверждать, что идея глубокого отхода была очевидна сама по себе, однако ее реализация на практике требовала твердой решимости продолжать войну до победного конца. Груз ответственности за принятие такого решения был чрезвычайно тяжел и потому уже опасен для верховной власти. Расхождения во всех вариантах плана отступления начинались по вопросу о том, где и при каких обстоятельствах предполагалось остановиться самим и остановить французов. Понимая и необходимость отступления на первом этапе военных действий, и непопулярность этой стратегии, Александр I нуждался в фигуре, которая стала бы мишенью критики армии. Подобная метода действий была характерна для императора, и теоретик К. Ф. Фуль сыграл роль громоотвода недовольства общества в первые месяцы вражеского вторжения³⁰.

В любом случае, Наполеон обеспечил себе значительное преимущество на первом этапе войны, его Великая армия повсюду превосходила

русские войска. Французский план предполагал не допустить объединения разрозненных русских армий и разгромить их поодиночке в Белоруссии. 16 мая 1812 г. Наполеон прибыл из Парижа в штаб своей армии, располагавшейся тогда в Дрездене. Город превратился в центр политической жизни, здесь собрались практически все монархи Европы. 19 мая сюда приехала австрийская императорская чета. Это была демонстрация военного и политического лидерства Франции³¹. «Наполеон, — вспоминал граф Ф. Сегюр, — хотел убедиться в своем могуществе, показать его и насладиться им»³². Еще перед отъездом в армию Наполеон отправил к Александру I своего генерал-адъютанта графа Нарбонна, который 6 (18) апреля прибыл в Вильно с рекогносцировочной миссией³³.

Посланец должен был передать письмо своего монарха и воздержаться от каких-либо конкретных предложений. «Вы должны, — говорилось в данной дипломату инструкции, — много говорить, но в общих выражениях, о желании Его Величества избежать войны и о достижении соглашения без пролития крови...»³⁴ В разговоре с Нарбонном перед его поездкой Наполеон изложил ему свое видение дальнейших событий: «...чтобы добраться до Англии, нужно зайти в тыл Азии с одной из окраин Европы... Представьте себе, что Москва взята, Россия сломлена, с царем заключен мир или же он пал жертвой дворцового заговора... и скажите мне, разве есть средство закрыть путь отправленной из Тифлиса великой французской армии и союзным войскам к Гангу; разве недостаточно прикосновения французской шпаги, чтобы во всей Индии обрушились подмостки торгашеского величия»³⁵.

Таким образом, прикрытием миссии Нарбонна было письмо императора Франции, в котором содержались очередные упреки в сторону России³⁶. Почти одновременно с отправкой Нарбонна Наполеон отдал распоряжение своим армиям перейти через Одер и начать движение к Висле. Его посланник сразу же по приезду был принят Александром I. В переданном письме повторялись все старые обвинения России в двуличии и заверения в миролюбии Франции³⁷. Немедленно был составлен ответ: «Государь брат мой, граф Нарбонн вручил мне письмо, которое Ваше Величество поручили ему передать мне. Из него я с удовольствием увидел, что Ваше Величество помните о Тильзите и Эрфурте. Мои чувства, как и моя политика, остались неизменными, и я ничего так не хочу, как избежать войны между нами. Вот уже год, как я единственно с этой целью жертвую всеми военными преимуществами, которые мог бы получить. Это самое убедительное, какое я только могу дать Вашему Величеству, доказательство того, что я весьма далек от стремления

к войне или к завоеваниям, и я также прошу Ваше Величество верить, что ни при каких обстоятельствах мои чувства к Вам ни в малейшей степени не изменятся, и Вы всегда найдете меня таким же, каким я был в Тильзите и Эрфурте»³⁸.

Любезностями и заверениями в дружбе, естественно, не ограничивались. Русская разведка через свою агентуру в Варшаве (с ней охотно сотрудничали евреи) заранее получила информацию об этой поездке³⁹. За Нарбонном и сопровождающими его лицами установили тщательное наблюдение, в результате которого была получена копия секретных инструкций Бонапарта, с которыми ознакомились император Александр I, его ближайшее окружение и руководство армии⁴⁰. Впрочем, и вся армия была убеждена в неизбежности войны, а на приезд посланца императора французов смотрели как на средство, способное в лучшем случае оттянуть начало военных действий⁴¹. Смысл поездки Нарбонна для русской стороны был абсолютно очевиден, и разговоры приобрели совершенно откровенный характер.

«Я вооружаюсь, потому что вы стали вооружаться, — заявил Александр I послу. — У меня нет таких генералов, какие у вас, сам я не такой генерал и не такой администратор, как Наполеон; но у меня добрые солдаты, у меня преданный народ, и мы умрем все с мечом в руках, а не позволим обходиться с собой, как с голландцами или гамбургцами. Но уверяю вас честью, что я не начну первой войны; я не хочу войны; мой народ также не хочет войны, но когда на него нападут, он не уступит»⁴². Ответ на письмо Наполеона не отличался такой открытостью, в нем всего лишь излагались претензии русской дипломатии к Франции (нератифицированная конвенция по Польше, герцогство Ольденбургское, нарушение Парижем условий Тильзитского соглашения и т. п.) и объяснялся сбор русских армий на западных границах необходимостью быть готовыми к обороне. Александр I дважды удостоил посланца Наполеона аудиенции и предложил для избежания войны очистить от французских войск, двигавшихся в это время уже к Неману, Пруссию и Шведскую Померанию, после чего приступить к переговорам. Вскоре все это французская дипломатия использовала в качестве повода к войне⁴³.

В Вильно Нарбонн убедился, что ни о каком нарушении Россией мира, равно как и о нападении на герцогство Варшавское, и речи быть не может. «Мы не настолько счастливы, чтобы они думали об этом», — писал он маршалу Л. Даву⁴⁴. Но агрессор редко испытывает затруднения в поиске причин, оправдывающих его действия. Столкновение двух империй было неизбежным. Русский посол во Франции трижды подавал

ноты с проектами соглашения между двумя странами (20 апреля, 6 и 7 мая 1812 г.) — ответа не было⁴⁵. 11 мая 1812 г. А. Б. Куракин затребовал свои паспорта в связи с отсутствием в столице императора и правительства. Паспорта не были выданы⁴⁶, зато последовал ответ Наполеона, который в невероятно нервном письме упрекал Александра I в том, что им руководят англичане⁴⁷. «Горе тому, кто разойдется со мною или образует коалицию против меня, — писал император французов. — Сугубое горе их престолом, ибо они обратятся в прах...»⁴⁸

Наполеон не разменивался на туманные угрозы, он был конкретен и бесцеремонен: «Когда Австрия атаковала меня последний раз, я имел в Испании 150 тыс. человек, я решил наказать Австрию, и месяц спустя я был в Вене, куда вступил вторично; пусть не вынуждают меня идти на Петербург, ибо, вступив в эту столицу, я не покину ее прежде, нежели я отгесню империю царей в пустыни Сибири или в камчатские степи. Человеку, стоящему во главе Франции, державы, которая уже 1500 лет имеет вес в Европе, нельзя терпеть оскорбление от империи, едва начинающей свое существование, существующей не более 150 лет и известной только жестокостью своих царей и варварством своих жителей»⁴⁹. Через два месяца ожиданий А. Б. Куракин получил паспорта с запрещением проезда далее Рейна⁵⁰. Русский посол все же покинул Париж. Так и не получив паспорта для выезда из страны, князь поселился на своей даче в Севре⁵¹.

В Дрездене, где Наполеон собрал практически всех монархов Европы, включая правителей Рейнского союза, прусского короля и австрийского императора, он и получил рапорт от вернувшегося из Вильно Нарбонна. Ответом на доклад посла были слова: «Хотят войны, я ее начну»⁵². 1 июня 1812 г. император Франции написал своей жене: «Я думаю, что через три месяца все будет закончено»⁵³. 10 (22) июня 1812 г. Франция объявила войну России, по французским армиям (кроме прусского и австрийского вспомогательных корпусов) распространился приказ Наполеона: «Солдаты! Вторая Польская война началась. Первая закончилась под Фридландом и Тильзитом. В Тильзите Россия поклялась на вечный союз с Францией и войну с Англией. Ныне нарушает она клятвы свои и не хочет дать никакого изъяснения о странном поведении своем, пока орлы французские не возвратятся за Рейн, предав во власть ее союзников наших. Россия увлекается роком! Судьба ее должна исполниться... Пойдем же вперед! Перейдем Неман, внесем войну в русские пределы. Вторая Польская война, подобно первой, прославит оружие французское; но мир, который мы заключим, будет прочен и положит конец пятидесятилетнему кичливому влиянию России

на дела Европы»⁵⁴. 12 (24) июня французские войска начали переправу через Неман. Радости солдат не было границ. До этого они вынуждены были соблюдать дисциплину и воздерживаться от грабежей. «Теперь мы на неприятельской земле! — кричали они. — Наши офицеры не будут более наказывать нас, когда мы будем кормиться за счет жителей!»⁵⁵

Александр I узнал об этом во время бала, который вечером следующего дня был дан местному дворянству в Вильно. Не желая прерывать торжество, он приказал сообщившему ему о вторжении генерал-адъютанту А. Д. Балашову держать случившееся в тайне⁵⁶. Первой реакцией императора на новость о действиях французов стала попытка избежать неизбежного. 13 (25) июня он обратился к Наполеону с письмом: «Государь брат мой, вчера я узнал, что несмотря на добросовестность, с которой я выполнял мои обязательства по отношению к Вашему Величеству, Ваши войска перешли границы России, а только что я получил из Петербурга ноту, в которой граф Лористон, говоря о причине этого нападения, заявляет, что Ваше Величество считали себя в состоянии войны со мной с того самого момента, как князь Куракин затребовал свои паспорта. Мотивы, которые герцог Бассано привел в оправдание своего отказа выдать ему эти паспорта, отнюдь не могли дать мне основания предположить, что этот демарш когда-либо послужит предлогом для нападения. Действительно, посол князь Куракин, как он сам заявил, никогда не получал повелений действовать подобным образом, и как только мне стало известно о его демарше, я повелел сообщить ему, что совершенно не одобряю его действий, и приказал ему оставаться на своем посту. Если в намерения Вашего Величества не входит проливать кровь наших народов из-за недоразумений подобного рода и если Вы согласны вывести свои войска с русской территории, я буду считать, что все происшедшее не имело места, и достижение договоренности между нами будет еще возможно. В противном случае Ваше Величество вынудите меня видеть в Вас лишь врага, чьи действия ничем не вызваны с моей стороны. От Вашего Величества зависит избавить человечество от бедствий новой войны»⁵⁷.

В ночь на 13 (25) июня это последнее предложение мира было отправлено к Наполеону с А. Д. Балашовым⁵⁸. Судя по всему, император мало надеялся на успех этой миссии. В этот же день он написал письмо герцогу Ришелье в Одессу: «Мой дорогой генерал, военные действия начались. Наполеон атаковал нас в Ковно без всяких объяснений или предисловий». Генералу поручалось ускорить формирование и отправку частей в армию генерала А. П. Тормасова в Умань⁵⁹. В Вильно уже начиналось то, что обычно происходит в первые дни войны: «Улицы были

наполнены бегущими, шум, крик раздавались в них. Множество экипажей выезжало, другие приготавливались к отъезду»⁶⁰.

Александр I не ожидал многого от поездки А. Д. Балашова, однако желал в очередной раз продемонстрировать Европе свое миролюбие⁶¹. Масштаб начавшейся войны был достаточно очевиден, и остановить ее желанием мира, тем более исходящим от одной стороны, было совершенно невозможно. Это должна была понять и страна, которой предстояли тяжелые испытания. «Император знал результаты, — вспоминал А. Х. Бенкендорф, — которые будет иметь посылка генерала Балашова, но, не желая изменить умеренности и скромности, которые отмечали все его действия, он хотел дать лишнее доказательство их и не оставить своим подданным возможности сделать ему какой-либо упрек»⁶².

После того как А. Д. Балашов покинул Вильно, Александр I издал приказ по русской армии: «Из давнего времени примечали Мы неприязненные против России поступки французского императора, но всегда кроткими и миролюбивыми способами надеялись отклонить оные. Наконец, видя беспрестанное возобновление явных оскорблений, при всем нашем желании сохранить тишину, принуждены Мы были ополчиться и собрать войска Наши; но и тогда, ласкаясь еще примирением, оставались в пределах Нашей Империи, не нарушая мира, а будучи только готовыми к обороне. Все сии меры кротости и миролюбия не могли удержать желаемого нами спокойствия. Французский император нападением на войска Наши при Ковно открыл первый войну. Итак, видя его никакими средствами непреклонного к миру, не остается Нам ничего иного, как, призвав на помощь Свидетеля и защитника правды, Всемогущего Творца Небес, поставить силы Наши против сил неприятельских. Не нужно Мне напоминать вождям, полководцам и воинам Нашим о их долге и храбрости. В них издревле течет громкая победами кровь славян. Воины! Вы защищаете Веру, Отечество, свободу. Я с вами. На начинающего Бог»⁶³.

Эти слова вызвали небывалый подъем духа в армии. Офицеры радовались началу войны⁶⁴. Многие давно уже понимали, что столкновение неизбежно, и обращение императора было встречено с энтузиазмом⁶⁵.

13 (25) июня Александр I подписал именной указ председателю Государственного совета и Комитета министров графу Н. И. Салтыкову: «Граф Николай Иванович! Французские войска вошли в пределы Нашей Империи. Самое вероломное нападение было возмездием за строгое наблюдение союза. Я для сохранения мира истощил все средства,

совместные с достоинством Престола и пользой Моего народа. Все старания Мои были безуспешны. Император Наполеон в уме своем положил твердо разорить Россию. Предложения самые умеренные остались без ответа. Внезапное нападение открыло явным образом лживость подтверждаемых в недавнем еще времени миролюбивых обещаний. И потому не остается Мне иного, как поднять оружие и употребить все врученные Мне Провидением способы к отражению силы силой. Я надеюсь на усердие Моего народа и храбрость войск Моих. Будучи в недрах домов своих угрожаемы, они защитят их со свойственными им твердостью и мужеством. Провидение благословит праведное Наше дело. Оборона Отечества, сохранение независимости и чести народной принудили нас препоясаться на брань. Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в Царстве Моем»⁶⁶.

Выехав из Вильно в ночь на 13 (25) июня, А. Д. Балашов встретился с разъездами французов уже утром этого дня. После встреч с И. Мюратом и Л. Даву он был направлен в штаб Великой армии. Это заняло несколько дней⁶⁷. За это время произошли важные события, существенно менявшие смысл миссии посланца Александра I. 16 (28) июня французские войска вошли в Вильно. Перед уходом русские сожгли продовольственный магазин и оставили в городе 85 тяжелобольных⁶⁸. Под городом и произошло первое относительно серьезное столкновение между противниками⁶⁹. Здесь же Наполеона постигло первое разочарование. Перед городом его ждала депутация с ключами⁷⁰. Но поначалу радость все же испортил испуг. «Город казался опустевшим, — вспоминал сопровождавший Наполеона А. Коленкур. — Несколько евреев и несколько человек из простонародья — вот все, кого можно было встретить в этой так называемой дружественной стране, с которой наши войска, изнуренные и не получающие пайков, обращались хуже, чем с неприятельской»⁷¹. Вскоре ситуация изменилась, начались праздничные иллюминации и приветствия⁷².

18 (30) июня император французов принял А. Д. Балашова в Вильно. Генерал изложил мнение своего монарха, в ответ Наполеон разразился обычным для него монологом, полным упреков и угроз⁷³. Естественно, что вся вина и ответственность за вторжение французов в Россию была возложена им на политику Александра I⁷⁴. В успехе Наполеон не сомневался: «Я знаю, что война Франции с Россией не шутка ни для Франции, ни для России. Я сделал большие приготовления, и у меня втрое больше войск, чем у вас. Я знаю не хуже вас, сколько у вас войск, а может быть, даже и лучше вас. Ваша пехота простирается до 120 тыс., кавалерия от 60 до 70 тыс. Одним словом, у вас войск

до 200 тыс., что менее в три раза, чем у меня. Император Александр окружен дурными советниками. Как ему не стыдно приближать к себе негодных людей!»⁷⁵ Особую надежду Наполеон возлагал на поляков, которым в этом разговоре обещал вернуть их старые владения: «Что за народ эти поляки, как воодушевлены они желанием восстановить войной прежнее свое отечество! Они дерутся, как львы»⁷⁶. Император настолько вошел в раж, что когда не смог закрыть мешавшую ему форточку, вырвал ее и выбросил в окно⁷⁷. Переговоры о мире не состоялись. Впрочем, с самого начала, уже в Вильно, многое пошло по незапланированному сценарию.

Хотя местное польское дворянство перед войной открыто высказывалось в пользу французов⁷⁸ и демонстрировало свои антирусские настроения даже в присутствии прощавшего эту фронду Александра I, в бой явно никто не рвался⁷⁹. «Рвение их, — отмечал современник-француз, — никогда не предвидящее препятствий, тотчас же испаряется, как только препятствия открываются их взору»⁸⁰. В Варшаве был собран сейм, принявший 28 июня акт Конфедерации. Россия объявлялась в нем «виновницей всех несчастий наших»⁸¹, а «жители Литвы, Белой Руси, Украины и Волыни» поляками⁸². 7 июля было принято обращение к полякам, находившимся в России, их призывали переходить на сторону французов⁸³. Некоторые помещики в Литве организовали небольшие отряды для нападения на казачьи патрули и отставших⁸⁴. Тем не менее массовой поддержки, на которую рассчитывали французы, в Вильно они так и не получили. Здесь были организованы два батальона «национальной гвардии» по шесть рот, всего около 900 человек⁸⁵.

1 июля приказом Наполеона было создано литовское временное правительство. Провозглашалось создание Великого княжества Литовского, в состав которого вошли Виленская, Гродненская, Минская и Белостокская губернии⁸⁶. Правительство княжества состояло из поляков, и в его задачу входило оказание помощи французской военной администрации⁸⁷. 11 июля Наполеон принял представителей Конфедерации и в ответ на их призывы восстановить Польшу сообщил, что гарантировал неприкосновенность владений австрийского императора, но при этом предложил: «Пусть Литва, Самогития, Витебск, Полоцк, Могилев, Волынь, Украина и Подолия воодушевятся тем же духом, который встретил я в Великой Польше, и Провидение увенчает успехом святое ваше дело»⁸⁸. Литовское правительство немедленно присоединилось к Конфедерации⁸⁹, а его представители в Варшаве провозгласили восстановление Польши и Литвы под властью саксонского короля —

«любимого отца всех, находящихся под его светлым скипетром»⁹⁰. 14 июля торжественная церемония прошла в Вильно⁹¹.

Одной из обязанностей «литовского правительства» было выполнение приказа Наполеона о формировании пяти пехотных и четырех конных литовских полков по образцу польских войск⁹². В основном в эти части шли поляки: Виленская и Минская губернии дали по 3 тыс. человек, Гродненская — 2,5 тыс., Белостокская — 1,5 тыс.⁹³ Пехотные полки были сформированы к сентябрю 1812 г., часть конных — ближе к отступлению французов. Полки получили нумерацию польской армии⁹⁴. В Гродно и Минске польская шляхта также радостно приветствовала французов⁹⁵. В ряде мест прошли сеймики, на которых местная шляхта провозглашала возвращение этих земель в Польшу⁹⁶. В восточной части Белоруссии, где польское население было немногочисленным, с большим трудом было собрано около 400 добровольцев-поляков. Эта «народная гвардия» при отступлении европейских орд разбежалась, не сделав ни одного выстрела по русской армии⁹⁷. Что касается «литовских» частей, то часть из них была быстро уничтожена под Минском и Слонимом, а часть ушла за французами в герцогство Варшавское и Восточную Пруссию⁹⁸.

Среди оккупантов поляки особенно выделялись на общем фоне своей пристрастностью к насилию⁹⁹. «Дворяне этих губерний Белоруссии, — вспоминал А. Х. Бенкендорф, — которые всегда были отбросами польской знати, дорого заплатили за свое желание выйти из-под влияния России. Их крестьяне сочли себя избавленными от ужасающего и унижительного рабства, под гнетом которого они пребывали благодаря скупости и распутству этих дворян. Почти во всех деревнях жители взбунтовались, разломали мебель в господских домах, уничтожили фабрики и все заведения и находили в разрушении жилищ своих мелких тиранов столько же варварского наслаждения, сколько последние употребили искусства, чтобы довести их до нищеты. Французская стража, исходатайствованная этими дворянами для защиты от крестьян, еще более усилила бешенство народа, а жандармы остались сторонними наблюдателями беспорядков или не имели средств, чтобы им помешать»¹⁰⁰. Местное правление находилось под строгим контролем французов, как отмечал позже минский губернатор, «пользуясь слепым увлечением и мечтательными предположениями высшего класса граждан сего края извлечь для себя всевозможные выгоды, не обращая внимания на угнетение и гибельное положение разоренных им жителей»¹⁰¹.

Грабежи со стороны европейцев были поголовными¹⁰². Кроме того, для губерний, вошедших в состав территорий, подконтрольных

«литовскому правительству», были введены реквизиции. С 1 октября 1812 г. они должны были поставить французской армии в трехмесячный срок 3 млн пудов ржи, 1,5 млн четвертей овса, 2,5 млн пудов сена, 2,5 млн пудов соломы, 60 тыс. голов рогатого скота¹⁰³. При таких обстоятельствах о массовой поддержке французов говорить не приходилось. Системное насилие и введенные для снабжения Великой армии поборы мало располагали в ее пользу¹⁰⁴. Впрочем, это не испугало Наполеона. Кроме активной помощи со стороны литовских поляков он еще ожидал восстания на Украине, которое ему обещали организовать представители польского дворянства юго-западных губерний. При штабе Наполеона находился даже будущий руководитель этого движения — генерал князь Е. Сангушко. Императору Франции поступала и информация о том, что к восстанию готовы и донские казаки, ждущие прихода французских освободителей. От этих бредовых ожиданий французское командование стало отходить только после сражения под Тарутином¹⁰⁵.

Определенные опасения относительно лояльности местного дворянства на Волыни испытывал и местный гражданский губернатор. Местные помещики не были активны при созыве ополчения, и их подзревали в том, что при случае они окажут помощь неприятелю¹⁰⁶. Поэтому императором было принято решение не собирать ополчение в этой губернии и заменить набор рекрутов в Волынской и Подольской губерниях набором строевых лошадей — по четыре лошади за одного рекрута¹⁰⁷. На самом деле польское дворянство в Малороссии вело себя тихо и не демонстрировало готовности к выступлению. Только один раз в Житомире были расклеены листовки с французской пропагандой, но все кончилось после высылки четверых помещиков и нескольких шляхтичей во внутренние губернии¹⁰⁸.

Единственным примером коллаборационизма стал могилевский архиепископ Варлаам, который с амвона призывал свою паству к повиновению и даже поминал Наполеона на службе как законного государя¹⁰⁹. Используя свою власть, он принудил к присяге Наполеону две трети духовенства Могилевской губернии и все духовенство города. По приказам французских властей Варлаам призывал крестьян повиноваться своим польским помещикам и не сопротивляться французам. Проповеди предателя, надеявшегося спасти таким образом храмы от поругания, особого успеха не имели. Сельское духовенство единодушно продолжало поминать на службе императора Александра I и христолюбивое православное воинство. Сразу же после освобождения города предатель был удален из епархии и отдан под суд. В 1813 г. по приговору Святейшего синода он был расстрижен и отправлен в Новгород-Север-

ский Спасский монастырь на покаяние. Что касается его подчиненных, то они были оставлены на своих местах с обязательством покаяния — шесть воскресных дней они должны были публично класть перед местными иконами по 50 земных поклонов¹¹⁰.

Известие о вторжении действительно привело к подъему национальных чувств, но далеко не тех, на которые рассчитывал Наполеон. В первые дни вторжения он еще находился в плену своих иллюзий. Не удивительно, что предложение мира на условиях вывода французских войск с территории России, переданное А. Д. Балашовым, было с презрением отвергнуто¹¹¹. «Александр насмехается надо мной, — сказал Наполеон в кругу своих маршалов. — Не думает ли он, что я вступил в Вильно, чтобы вести переговоры о торговых договорах? Я пришел, чтобы раз навсегда покончить с колоссом северных варваров. Шпага вынута из ножен. Надо отбросить их во льды, чтобы в течение 25 лет они не вмешивались в дела цивилизованной Европы... Пусть они пускают англичан в Архангельск, на это я согласен, но Балтийское море должно быть для них закрыто... Цивилизация отвергает этих обитателей севера. Европа должна устраиваться без них»¹¹². Естественно, при этом всю ответственность за войну Бонапарт возложил на Россию¹¹³.

14 (26) июня Александр I прибыл в Свенцяны. Поздравив войска с началом кампании, он спросил у А. П. Ермолова совета, как действовать против Наполеона. Последовал ответ — упрямством. Император рассмеялся: «Ну, что касается этого, то я с ним готов буду поспорить»¹¹⁴. После неудачи миссии А. Д. Балашова Александр I уже никогда больше не обращался к Наполеону с такими предложениями, а на все подобные попытки своего противника отвечал молчанием. «Лучше отращу себе бороду и буду питаться картофелем в Сибири», — сказал он о перспективе заключения мира¹¹⁵. Лишь только в 1814 г., когда свергнутый император Франции из Фонтенбло просил у Александра I защиты для себя и своего семейства, русский монарх откликнулся на письмо поверженного противника¹¹⁶.

Поначалу все шло по плану. 1-я Западная армия начала отступление к Дриссе, попытка разбить ее в пограничном сражении была сорвана сразу же, и теперь основная опасность для нее исходила от планов собственного командования. «У нас все благополучно, — писал император П. В. Чичагову 24 июня (6 июля) 1812 г. — Наполеон рассчитывал раздавить нас, сосредоточив свои силы около Вильно, но согласно принятой нами системе действий было решено не подвергать себя опасности, вступая в бой с превосходными силами, а действовать медленно и выжидательно. Поэтому мы отступаем шаг за шагом, между

тем как кн[язь] Багратион со своей армией продвигается к правому флангу неприятеля. В скором времени мы надеемся перейти в наступление»¹¹⁷. В этот же день приказом по армии М. Б. Барклай де Толли пообещал своим подчиненным скорое наступление на неприятеля¹¹⁸. 27 июня (9 июля) при вступлении войск в Дрисский лагерь был дан высочайший приказ: «Русские воины! Наконец вы достигли той цели, к которой стремились. Когда неприятель дерзнул вступить в пределы нашей Империи, вы были на границе для наблюдения оной. До совершенного соединения армии нашей временным и нужным отступлением удерживаемо было кипящее ваше мужество — остановить дерзкий шаг неприятеля. Ныне все корпуса нашей армии соединились на месте предназначенном. Теперь предстоит новый случай оказать известную вашу храбрость и приобрести награду за понесенные труды. Нынешний день, ознаменованный Полтавской победой, да послужит вам примером! Память победоносных предков ваших да возбудит вас к славнейшим подвигам!»¹¹⁹

М. Б. Барклай де Толли совершенно не верил в возможности лагеря, о чем и сообщил императору еще 25 июня (7 июля)¹²⁰. Оставалось ждать приказа. «Я привел сюда армию в целостности и сохранности, — писал генерал 29 июня (11 июля), — как этого желал монарх, и теперь ожидаю его распоряжений относительно того, что следует делать дальше»¹²¹. Впрочем, генерал не сидел сложа руки. Несмотря на серьезность намерений императора, вскоре М. Б. Барклай де Толли при поддержке высшего генералитета уговорил Александра I отказаться от плана К. Ф. Фуля¹²². Практически все участники совета высказались против обороны в лагере, который, по их мнению, не мог выполнить предназначенной ему роли¹²³. Укрепления строились очень медленно, фактически к активному строительству приступили только с началом войны¹²⁴. Всё, что успели сделать к приходу войск, представляло собой шесть редутов, прикрывавших вход в полукруг, образуемый Двиной¹²⁵. Это была ловушка, заходя в нее, армия попадала в мешок.

В этом убеждал императора Л. Л. Беннигсен¹²⁶, генерал маркиз Ф. О. Пауллуччи открыто заявил пруссаку: «Этот лагерь был выбран изменником или невежей — выбирайте любое, Ваше Превосходительство»¹²⁷. Императора удалось уговорить совершить осмотр укреплений, его сопровождал полковник А. Ф. Мишо, дававший разъяснения, к которым Александр I прислушался. В любом случае обороняться в Дрисском лагере было нельзя, он не имел достаточных запасов продовольствия. 29 июня (11 июля) генерал-интендант 1-й армии Е. Ф. Канкрин получил распоряжение в кратчайшие сроки создать такие запасы. Сде-

лать это практически на подходе противника не представлялось возможным¹²⁸. К. Ф. Фуль был вынужден покинуть армию, Александр I позволил себе вспомнить о нем уже только после взятия Парижа, монарх отправил генералу знаки отличия ордена Св. Владимира 1-й степени, сопроводив их письмом, в котором назвал его своим учителем «в военном ремесле»¹²⁹.

2 (14) июля армия оставила Дрисский лагерь. «Если бы русские сами добровольно не покинули эту позицию, — писал К. Клаузевиц, — то они оказались бы атакованными с тыла, и безразлично, было бы их 90 тыс. или 120 тыс. человек, они были бы загнаны в полукруг окопов и принуждены к капитуляции»¹³⁰. Единственная польза, которую принес лагерь, стало использование армейских складов. Поскольку далее Двины отступление не планировалось, в Смоленске не было значительного армейского магазина, и отступление до этого города русская армия проделала, питаясь запасами, накопленными в Дриссе¹³¹. Следующий крупный склад продовольствия только создавался в это время в Калуге¹³². М. Б. Барклай де Толли еще успокаивал войска. «Теперь ваша, храбрые воины, очередь наказать дерзость врага, устремившегося на Отечество наше, — обращался генерал к подчиненным 5 (17) июля. — Время к тому уже приступило. Мы перешли Двину не для того, чтобы удалиться от него, но для того единственно, чтобы завести его сюда и положить предел бегству его. Чтобы Двина была гробом ему! Внемлите сей истине, и намерение наше с благословением Божиим исполнится»¹³³.

Главкомандующий не мог выполнить своего обещания. В этот день, 5 (17) июля, Александр I долго говорил с М. Б. Барклаем де Толли. Свидетелей разговора не было, но генерал позже неоднократно ссылаясь на изложенную во время беседы волю монарха — избегать генерального сражения. Во всяком случае, уже садясь в карету перед самым отъездом, император публично сказал М. Б. Барклаю де Толли: «Поручаю Вам мою армию. Не забывайте, что у меня нет другой, и пусть мысль эта никогда Вас не оставляет»¹³⁴. 6 (18) июля в Полоцке император под сильнейшим влиянием А. А. Аракчеева принял решение покинуть армию и отправиться в Москву, а затем в Петербург¹³⁵. Александр I отправился в Москву. 6 (18) июля, находясь под Полоцком, он подписал манифест о призыве ополчения в Москве и остальных губерниях страны¹³⁶.

«Неприятель вступил в пределы Наши и продолжает нести оружие внутрь России, — говорилось в манифесте, — надеясь силою и соблазнами потрясть спокойствие Великой сей Державы. Он положил

в уме своем злобное намерение разрушить славу ее и благоденствие. С лукавством в сердце и лестью в устах несет он вечные для нее цепи и оковы. Мы, призвав на помощь Бога, поставляем в преграду ему войски наши, кипящие мужеством попруть, опрокинуть его и то, что останется неистребленного, согнать с лица земли Нашей. Мы полагаем на силу и крепость их твердую надежду, но не можем и не должны скрывать от верных наших подданных, что собранные им разнородные силы велики и что отважность его требует неусыпного против них бодрствования. Сего ради при всей твердой надежде на храброе Наше воинство полагаем Мы за необходимо нужное собрать внутри Государства новые силы, которые, нанося новый ужас врагу, составляли бы вторую ограду в подкрепление первой и в защиту домов, жен и детей каждого и всех»¹³⁷.

В ночь с 11 на 12 (с 23 на 24) июля император прибыл в Москву. На расстоянии 15 верст от города вдоль Смоленской дороги сидели и стояли крестьяне и горожане. Встреча была торжественной¹³⁸. Было ясно, что призыв к созыву ополчения не останется без ответа. Московское дворянство объявило о готовности поставить одного ратника с 25 ревизских душ и снабдить его на месяц продовольствием¹³⁹. Купечество тоже заявило о готовности помочь. Всего Москва обещала выставить до 80 тыс. человек. «Иного я не ожидал и не мог от вас ожидать, — заявил император. — Вы оправдали мое о вас мнение»¹⁴⁰. Откликаясь на призыв императора Александра I, только 16 центральных и северо-западных губерний России и только за первый месяц выставили 208 662 ратника ополчения¹⁴¹. Всего по призыву императора было выставлено до 320 тыс. человек (из них 50 тыс. конницы), жертвоприношения составили около 100 млн рублей¹⁴². Тем временем армия продолжала отступать.

После отъезда императора М. Б. Барклай де Толли стал еще спокойнее и увереннее в правоте своих действий¹⁴³. Поначалу он хотел дать генеральное сражение под Витебском, однако угроза быть отрезанным от Смоленска заставила его отказаться от этого плана¹⁴⁴. Решение отступить далось генералу с большим трудом, но он преодолел себя, понимая необходимость отхода¹⁴⁵. М. Б. Барклай де Толли продолжил отступление, выделив для прикрытия петербургского направления 1-й отдельный пехотный корпус (23 тыс. человек при 108 орудиях) под командованием генерал-лейтенанта П. Х. Витгенштейна. На флангах Великой армии французы и их союзники не имели особых успехов. 15 (27) июля русские войска разгромили и заставили капитулировать в Кобрине саксонскую бригаду. В плен тогда сдались два генерала,

76 офицеров и 2382 рядовых. Потери русских войск были относительно невелики — 77 убитых и 182 раненых¹⁴⁶.

Быстро и активно укреплялась Рига¹⁴⁷. Попытка французов наступать на столицу империи была сорвана в сражении под Клястицами. 18–19 (30–31) июля П. Х. Витгенштейн нанес поражение корпусу маршала Н. Ш. Удино (28 тыс. человек при 114 орудиях). К сожалению, преследовавший отступавших генерал Я. П. Кульнев позволил себе увлечься, и 20 июля (1 августа) авангард под его командованием потерпел поражение, сам генерал был убит. Тем не менее французы были отброшены и больше не пытались активно действовать в направлении на Ригу и Петербург. Более того, на поддержку Н. Ш. Удино Наполеон вынужден был отправить 13-тысячный корпус Л. де Гувииона Сен-Сира, что ослабило Великую армию на московском направлении.

П. И. Багратион поначалу также опирался на предвоенный план, предписывавший ему действовать во фланг и тыл противника, уклоняясь от сражения с превосходящими силами французов. Генерал был по-прежнему сторонником активных действий и наступления, но подчинялся дисциплине¹⁴⁸. Оказавшись 23 июня (5 июля) под угрозой двойного удара со стороны корпусов Жерома Бонапарта и маршала Л. Даву, П. И. Багратион сумел вырваться из этой ловушки и отступил на соединение с 1-й армией через Могилев и Оршу. Недовольный своим братом, Наполеон 2 (14) июля подчинил его Л. Даву, которому 8 (20) июля удалось занять Могилев до подхода русских войск. Однако он не сумел использовать свою позицию. Неподалеку от города, под деревней Салтановкой, его 20 тыс. человек 11 (23) июля были активно атакованы 11 тыс. русских под командованием генерала Н. Н. Раевского, в результате французы вынуждены были отойти назад к Могилеву и начать окапываться¹⁴⁹. Благодаря этому бою П. И. Багратион 13 (25) июля сумел переправить армию через Днепр у Нового Быхова и вывести свои войска из белорусского мешка на соединение с М. Б. Барклаем де Толли¹⁵⁰. И русская, и французская армии из-за форсированных маршей начали нести потери, ослабла дисциплина¹⁵¹.

22 июля (3 августа) 1812 г. у Смоленска 1-я и 2-я армии объединились, пройдя с тяжелыми арьергардными боями за 38 дней 560 и 750 километров и сорвав план агрессора¹⁵². «Никогда расчеты Наполеона не были столь совершенно предупреждены, — писал после войны императору М. Б. Барклай де Толли, — но никогда также главнокомандующий какой-либо армии не находился в столь неприятнейшем положении, как я. В сие время два главнокомандующих двух соединенных армий равно зависели от Вашего Императорского Величества и равно

уполномочены были властью, принадлежащей сему сану; каждый имел право непосредственно доносить Вашему Императорскому Величеству и располагать по своему мнению вверенной армией. Я имел особенное право в качестве Военного Министра объявлять высочайшую волю Вашего Императорского Величества, но в делах столь важных, в делах, от коих зависела участь всей России, я не дерзал употребить сего права без высочайшего соизволения»¹⁵³.

В русской армии и обществе нарастало недовольство командованием М. Б. Барклая де Толли¹⁵⁴. Лично храбрый, не знающий страха даже по признанию не симпатизировавших ему людей, строгий, требовательный, справедливый, никогда не участвовавший в интригах, никогда не думавший о собственных интересах, но слишком холодный и замкнутый генерал все же оставался чужим для армии¹⁵⁵. П. И. Багратион возглавил оппозицию высшего генералитета и энергично настаивал на переходе в контрнаступление. Противостояние между двумя главнокомандующими армиями углублялось взаимной неприязнью и отсутствием единого главнокомандующего. Конфликт приобретал все более глубокий и непредсказуемый характер. В вопросе о генеральном сражении, по меткому замечанию одного из генералов, «желание находилось в постоянной борьбе с убеждением»¹⁵⁶.

«Дух опасного раздора поселился между главными квартирами, — вспоминал один из офицеров штаба 1-й армии П. Х. Граббе. — Большое число молодых людей немецких фамилий из Остзейских провинций, в разных званиях и не с выбором окружавших Барклая, подавало повод к язвительным насмешкам, но вредным и часто несправедливым. Они принимались с жадностью, как проявление предрасудков народных, и в войну Отечественную следовало их уважить»¹⁵⁷. И М. Б. Барклай де Толли, и П. И. Багратион имели одно звание — полного генерала, но П. И. Багратион был старше в чине, то есть получил его ранее, а М. Б. Барклай де Толли, оставаясь военным министром, был старше по должности (хотя главнокомандующий армией подчинялся напрямую императору, а не министру). Армии необходимо было единоначалие, и в пользу М. Б. Барклая де Толли высказался сам П. И. Багратион. 23 июля (4 августа) он подал императору рапорт: «Всемиловитивейший Государь! Порядок и связь, приличные благоустроенному войску, требуют всегда единоначалия, еще более в настоящем времени, когда дело идет о спасении Отечества, я ни в какую меру не отклонюсь от точного повиновения тому, кому благоугодно подчинить меня. Я принял смелость из особенной преданности моей к Отечеству и благотворительным ко мне милостям Вашего Императорского

Величества удостоверить сим, что никакая личность не будет стеснять меня, но польза общая, благо Отечества и слава Царства Вашего будут неизменным законом к слепому повиновению»¹⁵⁸.

Конечно, повиновение такого человека, как П. И. Багратион, не было и не могло быть слепым. Он по-прежнему надеялся на наступление. В результате 25 июля (6 августа) на военном совете в Смоленске было принято решение о начале наступления, против чего категорически протестовал, ссылаясь на распоряжение императора как можно долее не подвергать армию опасности сражения, М. Б. Барклай де Толли. Его штаб, прежде всего А. П. Ермолов и К. Ф. фон Толь, наоборот, были активными сторонниками наступления¹⁵⁹. Возглавляя армии лишь номинально и оказавшись в изоляции, М. Б. Барклай де Толли так и не решился отказать военному совету, но поставил условие, чтобы армии не отходили от Смоленска далее, чем на три перехода. Действия именно этого полководца раздражали Наполеона более всего. «Медлительный характер Барклая изводил его, — отмечал А. Коленкур. — Это отступление, при котором ничего не оставалось, несмотря на невероятную энергию преследования, не давало надежды добиться от такого противника желанных результатов»¹⁶⁰.

26 июля (7 августа) 1812 г. русские армии вышли из Смоленска, оставив в городе всего лишь полк для несения караульной службы и заготовки сухарей¹⁶¹. Разбросанному авангарду противника был нанесен ряд поражений. На освобожденных от французов территориях русских ожидали сюрпризы. Весной 1812 г. Наполеон убеждал русского военного агента во Франции: «Я по-рыцарски буду вести войну, без всякой ненависти, без всякого озлобления...»¹⁶² Еще в белорусских губерниях наметилось разделение симпатий местного населения. Значительная его часть просто бежала, и французам занятые города часто казались вымершими¹⁶³. Снабжение наполеоновской армии становилось все хуже и хуже, ее солдаты и офицеры попросту вынуждены были заниматься мародерством¹⁶⁴. В ряде мест Смоленской губернии помещики, священники и крестьяне начали сами защищать себя от насилия французов¹⁶⁵. Приход европейцев сразу же привел к неологизму, обогатившему словарь селян. Мародеров они стали называть «миродерами»¹⁶⁶.

Польское, то есть католическое по преимуществу, дворянство симпатизировало французам. Оно было готово терпеть мародеров «Великой армии». «Вы будете бедны, — отвечал на жалобы поляков наполеоновский комендант Витебска, — но будете иметь свое отечество»¹⁶⁷. Православное крестьянство не желало терпеть грабежей во имя восстановления отечества поляков и расправлялось со своими

помещиками, а заодно, в случае возможности, и с приходившими им на помощь отрядами французской армии. Еврейское население городов и местечек также оставалось полностью лояльным России¹⁶⁸. Русское командование пресекало случаи воровства и грабежа железной рукой. Под Смоленском М. Б. Барклай де Толли приказал расстрелять 12 солдат и одного младшего офицера за кражу вещей в имении. На казнь были приглашены представители полков армии¹⁶⁹. Русская армия соблюдала порядок. По свидетельству А. Х. Бенкендорфа, евреи «опасались возвращения польского правительства, при котором подвергались всевозможным несправедливостям и насилиям, и горячо желали успеха нашему оружию и помогли нам, рискуя своей жизнью и даже своим состоянием»¹⁷⁰.

В русских губерниях против французов выступали практически все, даже до их прихода¹⁷¹. А после того как население познакомилось с европейским нашествием — тем более. Такое объединение не было удивительным. Теперь, перейдя в наступление, русская армия могла лично убедиться в том, что на самом деле стояло за словами французского императора о «рыцарской войне». Армия европейцев храбро воевала, лихо насиловала, жгла, грабила и пытала¹⁷². «Необыкновенный образ войны, употребляемый французами, — докладывал 27 июля (8 августа) М. И. Платов, — приличен одним только варварам. Мало того что они грабят селения, помещичьи дома, бьют жителей, насильничают жен их и дочерей, со священническим саном поступают немилосердно, истязают и пытывают от них денег, но и самые святые православные церкви не избегают неистовства французов, святые сосуды и утварь разграбляются»¹⁷³. Листовки, которые распространяли французские власти, призывая селян к сотрудничеству, успеха не имели¹⁷⁴.

На расстоянии двух переходов М. Б. Барклай де Толли остановил движение, для того чтобы выяснить обстановку. Это было верное решение, но оно вызвало взрыв возмущения у П. И. Багратиона. В этот день он обратился к А. А. Аракчееву с просьбой: «Я никак вместе с министром не могу. Ради Бога пошлите меня куда угодно, хотя полком командовать в Молдавию или на Кавказ, а здесь быть не могу; и вся главная квартира немцами переполнена так, что русскому жить невозможно, и толку никакого нет... Я думал истинно служу Государю и Отечеству, а на поверку выходит, что я служу Барклаю. Признаюсь, не хочу»¹⁷⁵. Между тем М. Б. Барклай де Толли был прав. Он почувствовал, что ему готовят ловушку¹⁷⁶.

Командующий пытался следовать принципам предвоенного плана. 28 июля (9 августа) он писал командующему Молдавской армией

П. В. Чичагову: «В нынешних обстоятельствах не дозволяется 1 и 2 армиям действовать там, чтобы недра Государства, ими прикрытые, через малейшую в генеральном деле неудачу подвержены были опасности, и потому оборонительное состояние их есть почти бездейственное. Решение же участи войны быстрыми и наступательными движениями зависит непосредственно от Молдавской и 3 армии, и сие соответствует общему плану войны, по коему часть войск, на которую устремляются главнейшие силы неприятеля, должна его удержать, между тем что другая часть, находя против себя неприятеля в меньшем числе, должна опрокинуть его, зайдя во фланг и в тыл большой его армии»¹⁷⁷. Узнав о контрнаступлении русских, Наполеон попытался глубоким обходом левого фланга наших армий захватить лежавший у них в тылу Смоленск и отрезать их от Москвы. 2 (14) августа М. Б. Барклай де Толли форсированным маршем повел войска назад. На этот раз он категорически отверг предложение П. И. Багратиона дать решительное сражение.

4–5 (16–17) августа шла битва за Смоленск. Французские атаки носили исключительно настойчивый характер. По городу вели огонь около 100 орудий, начались пожары¹⁷⁸. Прикрывшись корпусом Н. Н. Раевского (15 тыс. человек), а затем усиленным корпусом Д. С. Дохтурова (30 тыс. человек), М. Б. Барклай де Толли вывел войска за Днепр. Русские потери составили около 4 тыс. убитыми и ранеными, французские — около 6 тыс. человек. Город, оставляемый русскими войсками, был объят пожаром. Из 2250 зданий в нем осталось только 350. Из 15 тыс. обывателей в городе осталось около 1 тыс., в основном это были старики, дети и больные, остальные ушли вслед за армией¹⁷⁹. Военный министр был спокоен и решительно хотел избежать генерального сражения¹⁸⁰.

Оставление Смоленска — ключа к Москве — вызвало еще большую критику М. Б. Барклая де Толли. Сам генерал оставался непреклонным. Отдавая приказ об оставлении города, он сказал: «Пусть всякий делает свое дело, а я сделаю свое»¹⁸¹. Эти слова вызвали еще большее раздражение. 7 (19) августа П. И. Багратион писал А. А. Аракчееву: «Слух носится, что вы думаете о мире. Чтобы помириться, Боже сохрани! После всех пожертвований и после таких сумасшедших отступлений — мириться: вы поставите Россию против себя, и всякий из нас за стыд поставит носить мундир. Если уж так пошло, надо драться, пока Россия может и пока люди на ногах: ибо война теперь не обыкновенная, а национальная, и надо поддержать честь свою и славу Манифеста и приказов данных. Надо командовать одному, а не двум. Ваш министр,

может, хороший по Министерству; но генерал — не то что плохой, но дрянной, и ему отдали судьбу нашего Отечества»¹⁸². П. И. Багратион уже попросту ненавидел М. Б. Барклай де Толли («трус, нерешителен, бестолков, медлителен и все имеет худые качества») и считал, что «министр самым мастерским образом ведет за собой в столицу гостя»¹⁸³.

Россия уже почти сто лет не испытывала иностранного нашествия, тем более столь варварского. В Смоленске французы, верные обещаниям своего императора «вести войну по-рыцарски», тотчас начали повальные грабежи. Нескольких человек, попытавшихся защитить свои дома от французских мародеров, предали суду военного трибунала. После того как они отказались от предложения купить жизнь ценой измены присяге, их подвергли публичному расстрелу¹⁸⁴. Позже в городе была установлена гражданская власть, назначен мэр, но всем распоряжались военные, главной их задачей был сбор продовольствия, за невыполнение приказов назначались военные экзекуции¹⁸⁵. Во время боев под Смоленском Наполеон, обращаясь к Понятовскому, сказал: «Поляки, этот город принадлежит вам!»¹⁸⁶ Польская шляхта Белоруссии ликовала. Ее представитель от Могилевской губернии 8 (20) августа приветствовал Наполеона в Смоленске торжественной речью: «Желания всех жителей древней Польши нераздельны, и вся их надежда на тебя, великий Монарх! Исполняя волю соотечественников, которые обязали нас удостоверить в сем Ваше Императорское Величество, клянемся именем их, клянемся прахом предков наших, кои обагрjali неоднократно кровью то место, где Ваше Величество воздвигли высочайший и удивительнейший памятник побед, каковых упомнить не могут бытописания; клянемся, говорю, что вся кровь, имущество и собственность наша посвящены будут на то, дабы исполнять повеления Ваши, оправдать высокую доверенность и даже превзойти чаяния Вашего Императорского Величества»¹⁸⁷.

Если в начале кампании русское общество почти единодушно проявляло свое недовольство К. Ф. Фулем, то после отхода от Дрисского лагеря его место занял М. Б. Барклай де Толли. Особо острой критика стала после оставления Смоленска¹⁸⁸. «Всякий имел что-нибудь против Барклая, сам не зная почему», — вспоминал о настроениях этих дней современник¹⁸⁹. На фоне казавшейся бесконечной трагедии вторжения военного министра обвиняли в том, что отступление стало следствием его нерешительности, трусости и даже предательства. Многих раздражало и его «немецкое» (то есть лифляндское) происхождение, которым его недоброжелатели объясняли «равнодушие», с каким М. Б. Барклай де Толли уступает русскую землю противнику. На самом деле это были

выдержка и самообладание, но армия и государство поняли это позже. А пока что страна сдержанно проявляла недовольство, а армия отступала, не оставляя противнику ни одного отставшего, ни единой повозки¹⁹⁰. «По дисциплине и порядку, с какими совершалось наше отступление, — вспоминал герцог Вюртембергский, — оно должно быть отнесено к числу образцовых»¹⁹¹.

В результате П. И. Багратион начал терять выдержку. Он позволил себе упреки М. Б. Барклаю де Толли в присутствии сотрудников штаба¹⁹². Разногласия в высшем командном составе во время нашего отступления, грозившего самому существованию государства, были чрезвычайно опасны. Прибывший в Петербург 22 июля (3 августа) император почти сразу же стал получать донесения и письма о конфликте командующих армиями¹⁹³. Требовался главнокомандующий с именем, которое не просто успокоило бы и войска, и общество, но и объединило бы их. Добиться этой цели было можно, лишь вняв мнению общества¹⁹⁴. Решение данного вопроса Александр I поручил специально созданному Чрезвычайному комитету по выбору главнокомандующего, который на своем единственном заседании 5 (17) августа 1812 г. единогласно высказался за кандидатуру М. И. Кутузова. Это было предсказуемое и ожидаемое решение, местное дворянство 17 (29) июля столь же единогласно избрало его начальником ополчения Петербургской губернии¹⁹⁵. Реакция была восторженной и в Петербурге, и в Москве:

В Петровом граде силы новой
Будь предводителем, вождем.
Беснует в злобе враг суровый,
С тобой против врага пойдем¹⁹⁶.

Недовольство ходом дел текущей войны в Петербурге было чрезвычайно сильным, и его нельзя было игнорировать ни монарху, ни даже тем, кто боялся его прогневать. Управляющий Военным министерством А. И. Горчаков, приехав в Зимний дворец с решением Комитета, был в отчаянии. «Ах, любезный друг, — обратился он к генерал-адъютанту графу Е. Ф. Комаровскому перед докладом, — какую я имею комиссию к Государю: я избран ходатаем от комитета, чтобы просить Его Величество переменить главнокомандующего армией и вместо Барклая де Толли назначить Кутузова. Так знаешь, как Государь жалует Барклая и что это собственный выбор Его Величества»¹⁹⁷.

Александр I был против кандидатуры М. И. Кутузова, однако нашел в себе силы смириться с обстоятельствами¹⁹⁸. Конечно, данное

проявление общественного мнения не было для него неожиданным. Император даже заранее проявил единомыслие с симпатиями своих подданных. 29 июля (10 августа), то есть еще за неделю до заседания Чрезвычайного комитета, он возвел генерала в княжеское достоинство с титулом «светлости»¹⁹⁹. 8 (20) августа 1812 г. Александр I принял М. И. Кутузова и в этот же день назначил главнокомандующим армиями, подчинив ему не только армии, но и ополчения, резервы и гражданские власти во всех губерниях, затронутых войной²⁰⁰. М. И. Кутузов был популярен в обеих столицах, и Александр I знал это²⁰¹. «Публика желала назначения его, — сказал император после своему генерал-адъютанту, — я назначил его; что касается меня, то я умываю себе руки в этом»²⁰².

Эти слова отнюдь не были результатом сиюминутного настроения. 18 (30) сентября того же года Александр I писал своей сестре Екатерине Павловне, что после оставления Смоленска у него попросту не было выбора: «...я должен был остановить свой выбор на том, на кого указывал общий глас»²⁰³. Таким образом, единовластие в управлении войсками было установлено, а авторитет ученика А. В. Суворова и старшинство в звании генерала от инфантерии с 1798 г. пусть и не уничтожали разногласия среди генералитета, но в любом случае лишали доводы враждующих групп привлекательности.

На момент назначения М. И. Кутузов был восьмым по старшинству в чине, но старшие по старости или отсутствию опыта не могли быть его конкурентами. С другой стороны, Л. Л. Беннигсен был 17-й по старшинству, П. И. Багратион и М. Б. Барклай де Толли — 23-й и 24-й. Летом 1812 г. огромное значение имела и русская фамилия нового командующего²⁰⁴. Внешне М. Б. Барклай де Толли принял решение императора со смирением и ничего не просил для себя от монарха, но был явно раздражен ненормальностью своего положения. Однако генерал предпочел молчать²⁰⁵. «Это был человек в высшей степени храбрый, честный, с железной волей, — вспоминал его адъютант генерал В. И. Левенштерн, — хладнокровный и рассудительный; он все предвидел и всем руководил во время самого жаркого дела; всегда ровный и спокойный в момент величайшей опасности, он никогда не терял голову, хотя и не обладал блестящим умом. Он был одинаково добр и вежлив»²⁰⁶. Все эти качества М. Б. Барклая де Толли армия долго еще не хотела замечать.

Новость о назначении М. И. Кутузова вызвала в армии ликование, что еще больше усилило обиду его предшественника²⁰⁷. 17 (29) августа новый командующий прибыл к армии, находившейся тогда

в Царево-Займище, часть генералов считала необходимым дать бой именно на этой позиции²⁰⁸. Также считал и М. Б. Барклай де Толли, который отдал приказ начать укрепление избранных для сражения позиций²⁰⁹. Сам М. И. Кутузов поначалу тоже был уверен, что время отступлений закончилось²¹⁰. Войска были счастливы и встретили генерала восторженно²¹¹. Он умел с ними разговаривать, знал, как ободрить и вдохновить подчиненных. Встретив в Гжатске первый полк, новый командующий воскликнул: «Боже мой! Кто бы мог меня уверить, что когда-либѣ враг наш мог сражаться на штыках с такими молодцами, как вы, братцы!» Генерал пожаловал полку 150 рублей. Слух об этой встрече пошел по армии²¹². «Приехал Кутузов бить французов», — говорили солдаты²¹³.

Осмотрев поле возможного сражения, М. И. Кутузов изменил свое мнение. Позиция под Царево-Займищем была слишком открытой, что давало преимущество Наполеону и его многочисленной кавалерии. Кроме того, к армии должен был подойти корпус М. А. Милорадовича — 14 466 пехотинцев и 993 кавалериста²¹⁴. Генерал приказал продолжить отступление, рассчитывая найти удобную позицию для генерального сражения и получить подкрепления. Фактически это было продолжением стратегии М. Б. Барклая де Толли. Считая невозможным оставление Москвы без боя, получив требование императора дать сражение, М. И. Кутузов выбрал для битвы позицию у деревни Бородино, в 124 километрах от первопрестольной. Понимая, что превосходство в силах по-прежнему остается за французами, русский главнокомандующий считал необходимым выбрать оборонительную тактику и, опираясь на спешно построенные полевые укрепления, нанести максимально возможный урон неприятелю. Сражение было неизбежным и необходимым для поднятия духа войск и авторитета М. И. Кутузова. Кроме того, в сложившихся условиях значительные потери были невозможны для противника в короткое время, что придавало им решающее значение²¹⁵. В армии раздавались голоса недовольства, отступление не могло быть бесконечным²¹⁶.

В распоряжении М. И. Кутузова имелось 180 батальонов, 164 эскадрона, 56 артиллерийских рот и батарей, пионерная и три понтонные роты — всего около 114 тыс. регулярных войск (из них 14,6 тыс. новобранцев), 8 тыс. казаков при 624 орудиях (по другим данным, 103 800 регулярных войск, 7 тыс. казаков, 10 тыс. ратников ополчения и 640 орудий). Кроме того, к Бородину были направлены 28 тыс. ратников ополчения, но они почти не имели огнестрельного оружия и практически не были обучены из-за отсутствия офицерских, унтер-офицерских

кадров и времени для обучения²¹⁷. Главнокомандующий в Москве Ф. В. Ростопчин слал в армию письма, в которых рисовал самую радужную картину. 6 (18) и 12 (24) августа он утверждал, что в Москве и семи прилегающих к ней губерниях числилось до 120 тыс. ополченцев, ружей, пороху и свинцу имелось в изобилии, в Москве имелось 145 орудий, почти 5 млн патронов и т. д.²¹⁸ Действительность оказалась не столь радужной. Ф. В. Ростопчин не смог даже выполнить просьбу М. И. Кутузова о присылке в армию шанцевого инструмента — 1,2 тыс. железных лопат, 1 тыс. топоров и 250 буравов. Требуемое частично было прислано вечером 26 августа (7 сентября), когда нужда в строительстве укреплений отпала. Армия начала их строительство 22 августа (3 сентября) и не успела закончить к началу сражения²¹⁹.

Из губернских ополчений полностью было вооружено ружьями и хорошо экипировано лишь тульское, за ним следовало петербургское, где ружья имели около 90% ратников, остальные по большей части имели лишь пики²²⁰. В таком состоянии эта необученная масса не принесла и не могла принести особой пользы²²¹. Ополченцы в основном использовались в качестве вспомогательных войск, прежде всего на земляных и саперных работах. Наполеон надеялся навязать русской армии решающее сражение, уничтожить ее, взять Москву и продиктовать там условия мира. Великая армия вынуждена была оставить часть сил для прикрытия своих растянувшихся коммуникаций, тем не менее она превосходила русскую по силам — 135 тыс. человек при 587 орудиях²²². Значительную часть французской армии уже утомила кампания, и солдаты с надеждой смотрели на сражение, которое должно было дать им победу и мир²²³.

24 августа (5 сентября) французы атаковали незавершенный и выдвинутый вперед Шевардинский редут и после упорного боя, продолжавшегося до темноты, вытеснили оттуда русские войска. Поскольку он был выбран в качестве наблюдательной позиции, а движение колонн противника уже достаточно ясно обозначилось, М. И. Кутузов решил не удерживать дальше Шевардино²²⁴. 25 августа (6 сентября) вдоль линии русских войск была пронесена Смоленская икона Божией Матери и отслужен молебен²²⁵. Десятки тысяч людей — солдаты и ополченцы — стремились прикоснуться к святыне перед боем. Настроение было весьма торжественным²²⁶. «Сто тысяч человек войска, при распущенных знаменах, с коленапреклонением, усердно молились о помощи для истребления врагов Отечества, — вспоминал Н. Н. Муравьев. — Чувство любви к Отечеству было в то время развито во всех званиях»²²⁷. Французы всю ночь пели песни, в их лагере гремела музыка. Евро-

пейцы уже праздновали победу²²⁸. 26 августа (7 сентября) состоялось Бородинское сражение.

М. И. Кутузов понимал, что дальнейшее отступление без попытки дать бой невозможно. И хотя главнокомандующий не совсем сочувствовал идее генерального сражения, оно было неизбежно²²⁹. Выбранная позиция исключала для противника возможность обхода или флангового удара и навязывала Наполеону тактику лобовой атаки. С 6 часов утра до 6 часов вечера французы массами штурмовали русский центр — Багратионовы флеши и батарею Н. Н. Раевского, многократно переходившие из рук в руки²³⁰. В полдень, когда наметился успех противника, в его тыл совершила рейд русская кавалерия под командованием М. и. Платова и Ф. П. Уварова. В целом неудачный, этот рейд тем не менее заставил Наполеона остановить свои атаки на два часа, чем немедленно воспользовался М. И. Кутузов для перегруппировки и укрепления обороны²³¹.

К вечеру противник овладел русскими позициями в центре и на левом фланге. «Все, чего Наполеон достиг в этот день с такими невероятными усилиями, — вспоминал Евгений Вюртембергский, — состояло в каких-нибудь 1800 шагах земли да в насыпях, искусно набросанных и по своему расположению очень мало обеспеченных от действия неприятельской артиллерии»²³². Оборона русской армии не была прорвана ни на одном пункте, сама она не была разбита. Перед началом сражения Наполеон полушутя сказал: «Бедное мое войско дошло до крайности, но остатки прекрасны. Сверх того, гвардия моя еще цела и свежа»²³³. Эти слова во многом объясняют то, что произошло под Бородино. Ближе к ночи французы очистили свои «трофеи». Использовать гвардию — единственную часть, не задействованную в сражении, — Наполеон так и не решился. «Не хочу разрушить мою гвардию, — сказал он в ответ на просьбы отправить ее в бой. — В трех тысячах лье от Франции не следует рисковать своим последним резервом»²³⁴.

Единственным неиспользованным резервом М. И. Кутузова к концу сражения были Преображенский и Семеновский полки и около 100 орудий²³⁵. «Сей день, — докладывал императору М. И. Кутузов, — пребудет вечным памятником мужества и отличной храбрости российских воинов, где вся пехота, кавалерия и артиллерия дрались отчаянно. Французская армия под предводительством самого Наполеона, будучи в превосходнейших силах, не превозмогла твердость духа российского солдата, жертвовавшего с бодростью жизнью за Отечество»²³⁶. «Сражение при Москве-реке, — вспоминал уже на острове Святой Елены

Наполеон, — было сражением, где было проявлено наиболее доблести и одержаны наименьшие успехи»²³⁷.

Битва носила исключительно ожесточенный характер. Нигде, по словам командовавшего центром генерала Д. С. Дохтурова, «не было места, где бы могло быть безопасно»²³⁸. О характере потерь на участках наиболее ожесточенных боев можно судить хотя бы по тому, что 2-я Сводногренадерская дивизия графа М. С. Воронцова буквально растаяла, в течение нескольких часов сократившись с 4 тыс. до 300 человек. Ее начальник позже заявил: «Мое сопротивление не могло быть продолжительно, но оно прекратилось лишь с существованием моей дивизии»²³⁹.

При этом к концу дня каждая сторона взяла только около 1 тыс. пленных²⁴⁰. «Еще никогда мы не теряли в одном сражении столько генералов и офицеров, — вспоминал А. Коленкур. — Успех оспаривался с таким упорством, огонь был такой убийственный, что генералы, как и офицеры, должны были платить своей жизнью, чтобы обеспечить успех атак»²⁴¹. Потери наполеоновской армии убитыми и ранеными, по данным французских и иных зарубежных авторов, составили 28–30 тыс. человек, по данным русских и советских авторов, основанных на французских источниках, — 50–58 тыс. человек. Аналогичные потери русских войск составили по отечественным изысканиям 44–45,6 тыс. человек, что примерно совпадает с показаниями французской историографии — 45–50 тыс. человек. С учетом данных о численности противоборствовавших армий, продолжительности, характера и исхода сражения представляется обоснованным допустить потери ранеными и убитыми до полусотни тысяч человек с каждой стороны²⁴².

Не меньше разногласий вызывает и оценка результата сражения. Обе стороны по его окончании немедленно объявили о своей победе. Представляется, что ни один из главнокомандующих не решил полностью задачи, поставленной перед битвой. М. И. Кутузов не смог остановить наступление неприятеля на Москву и вынужден был продолжить отступление. Наполеон, который, конечно же, не ставил перед собой задачу удержания Бородинского поля после сражения, не смог разгромить русскую армию, что в сложившейся ситуации стало началом самого крупного из его поражений. Таким образом, ближайшие последствия закончившегося формально вничью сражения дают нам возможность правильно оценить его. Если русская армия потеряла контроль над частью своей территории, пусть и чрезвычайно важной с моральной точки зрения, то французская потерпела стратегическое поражение.

Весьма показательным является свидетельство со стороны противника: армия Наполеона после сражения не испытывала радостной эйфории победы. «Бивуаки безмолвствовали, не слышно было ни пения, ни разговоров — суровая тишина!.. — вспоминал генерал граф Ф. Сегюр. — Французские солдаты не ошибаются на этот счет: они были поражены незначительным числом пленных, которых было менее восьмисот! Обыкновенно по числу этих последних и определялся успех. Убитые говорили скорее о храбрости побежденных, чем о нашей победе. Если уцелевший неприятель отступил в таком блестящем порядке, гордым и не теряющим мужества, что значило для нас приобретение какого-то поля битвы? Разве русские в такой обширной стране не найдут мест для битвы?»²⁴³

От Бородина русская армия отступила сначала за Можайск, а потом и далее, за Москву. Отход был организован не идеально. Многие мосты были разрушены, и части вынуждены были по несколько часов стоять, ожидая их восстановления²⁴⁴. Впрочем, армия заметно поредела, дивизии проходили быстрее, чем раньше, сменяя одна другую²⁴⁵. Армия при этом сохраняла полный порядок и боеспособность, как отмечал К. Клаузевиц, «без малейшего следа разложения». Французы не пытались серьезно преследовать, их кавалерия фактически ограничилась наблюдением²⁴⁶. «Мы шли пять дней кряду по большой Московской дороге; нас оставалось немногим более пятидесяти тысяч: на сей-то горсти людей почивала безопасность империи», — вспоминал участник похода²⁴⁷. Ранним утром 1 (13) сентября русские войска начали занимать позиции на ближайших подступах к Москве, где предполагалось дать второе сражение. Здесь было построено несколько укреплений, которые, однако, отнюдь не годились для организации прочного сопротивления²⁴⁸. Армия получила небольшое подкрепление за счет войск, спешно стянутых к столице, и местного ополчения, но первых было мало, а вторые плохо обучены и вооружены. «Это была толпа ничего не знающих мужиков», — вспоминал один из офицеров²⁴⁹.

Отправившийся лично на рекогносцировку позиций, выбранных Л. Л. Беннигсеном, М. Б. Барклай де Толли подверг их жесточайшей критике. Для обороны они не годились, так как ослабленная армия должна была вытянуться на них «подобно паутине», что было тем более опасно из-за оврагов, разрезавших ее на части и изолировавших оборонявшихся. Более того, за их спинами находилась Москва-река. Правда, там были наведены семь мостов, но спуски к ним были крутые, что совершенно исключало возможность организованного отхода

перед лицом неприятеля²⁵⁰. Очевидной проблемой стало и движение армии по узким улицам столицы, которое, возможно, происходило бы под огнем противника²⁵¹. Вывод М. Б. Барклая де Толли был категоричен: «В случае поражения вся армия была бы уничтожена до последнего человека»²⁵².

Положение главнокомандующего было довольно трудным. Он должен был принять самое ответственное решение в своей жизни после сражения, которое хоть и не назвал в реляции победой, явно не было и поражением. Известие о Бородине пришло в Петербург 30 августа (11 сентября), в день тезоименитства императора, Святого Александра Невского. Столица торжественно праздновала победу²⁵³. Известие о ней «вызвало всеобщий восторг», отметил в своем дневнике находившийся в Петербурге генерал Р. Вильсон²⁵⁴. 31 августа (12 сентября) М. И. Кутузов был произведен рескриптом Александра I в звание генерал-фельдмаршала. Кроме того, император наградил его 100 тыс. рублей, все нижние чины также получили по 5 рублей на человека²⁵⁵. Конечно, главнокомандующий еще не знал этого, однако мог быть уверен, что реляция о Бородинской битве будет принята благосклонно, а новость об оставлении Москвы — нет. Критики М. И. Кутузова часто упрекали его за привычки царедворца. В любом случае можно утверждать, что он никогда не проявлял их, принимая решения государственного масштаба.

Вечером 1 (13) сентября в маленькой деревне Фили был созван совет высших военачальников, на котором обсуждался план дальнейших действий. Журнал заседания не велся, но главными действующими лицами кроме главнокомандующего были как старшие в чине М. Б. Барклай де Толли и Л. Л. Беннигсен²⁵⁶. Первый считал необходимым отступление: «В занятой нами позиции нас наверно разобьют, и все, что не достанется неприятелю на месте сражения, будет потеряно при отступлении через Москву. Горестно оставить столицу, но если мы не лишимся мужества и будем деятельны, то овладение Москвой приготовит гибель Наполеону»²⁵⁷. Второй выступал против дальнейшего отхода: «Обдуманы ль последствия, могущие произойти от уступления Москвы и сопряженных с тем бесчисленных потерь для казны и частных лиц? Обсуждено ли впечатление, какое произведет событие сие на народный дух, имеющий столь сильное влияние на средства продолжать войну? Приняты ли в уважение затруднения и опасности, предстоящие армии и артиллерии при проходе через Москву, когда неприятель будет идти по нашим пятам? Стыдно оставлять столицу без выстрела. Если мы решимся отступить, то никто не поверит, что Бородинское сраже-

ние нами выиграно, если последствием его окажется потеря Москвы. Не будет ли это сознанием, что мы проиграли сражение? Какое действие произведет занятие Москвы неприятелем на иностранные дворы и вообще в чужих землях?»²⁵⁸

Мнения разделились, при этом пятеро участников совещания поддержали Л. Л. Беннигсена и только двое М. Б. Барклая де Толли²⁵⁹. Итог обсуждению подвел главнокомандующий. М. И. Кутузов, как отмечал Л. Л. Беннигсен, «будучи за отступление, решил наконец этот вопрос своей властью»²⁶⁰. Главнокомандующий понимал, что в любом случае ответственность лежит исключительно на нем²⁶¹. Обсуждение было завершено следующими словами: «С потерей Москвы не потеряна Россия. Первой обязанностью поставляю сохранить армию и сблизиться с теми войсками, которые идут к нам на подкрепление. Самым уступлением Москвы не погубим мы гибель неприятелю. Из Москвы я намерен идти по Рязанской дороге. Знаю, что ответственность обрушится на меня, но жертвую собою для блага Отечества. Приказываю отступить»²⁶².

Практически те же слова М. И. Кутузов повторил и в рапорте императору о причинах оставления первопрестольной: «Осмелюсь всеподданнейше донести Вам, Всемилостивейший Государь, что вступление неприятеля в Москву не есть еще покорение России»²⁶³. Теми же словами объяснял позже свою позицию относительно необходимости оставления Москвы и М. Б. Барклай де Толли: «Нет никаких сомнений в том, что правильнее было оставить Москву и спасти армию, ибо поскольку существует последняя, существует и государство, но если погибла бы армия, то с ней погибло бы и государство»²⁶⁴. Сама армия все же надеялась на решительное сражение и с нетерпением ждала окончания совещания. Новость о том, что отступление продолжится, ввергла всех в уныние²⁶⁵.

Главнокомандующий в Москве более всего был обеспокоен борьбой с паническими настроениями среди обывателей²⁶⁶. Ф. В. Ростопчин до последнего момента держал жителей города в неведении, клялся жизнью в том, что «злодей в Москве не будет»²⁶⁷, и еще 31 августа (12 сентября) призывал собраться за городом с оружием в руках, для того чтобы помочь армии отстоять столицу. Результатом был полный беспорядок при импровизационной эвакуации города²⁶⁸. Приблизительно с 8 утра 2 (14) сентября из Москвы в несколько рядов потянулись бесконечные колонны бричек, повозок, карет, люди всех возрастов обоего пола шли пешком, унося все, что можно, в руках²⁶⁹. Большая часть горожан оставила город²⁷⁰. В кратчайший срок была организована

эвакуация из Москвы архивов, продовольствия и оружия. К сожалению, вывезти все ценное не удалось²⁷¹.

Как только узнали об оставлении города, приступили к вывозу раненых²⁷². Тем не менее пришлось оставить 9 тыс. раненых и больных солдат²⁷³. Эвакуация многих была сопряжена с угрозой жизни. Например, князь П. И. Багратион, которого нельзя было оставлять, после операции чувствовал себя вполне хорошо, но несколько дней в пути привели к горячке, и 12 (24) сентября он скончался²⁷⁴. Отступление из Москвы было организовано так, чтобы у уходивших войск не было соблазна выпить вина или захватить брошенное, это быстро превратило бы их в неуправляемые толпы. Купцы вываливали свое имущество на улицы и буквально совали проходившим солдатам спиртное, лишь бы добро не попало бы в руки неприятеля²⁷⁵. Казачьи патрули сопровождали отступавших и фактически играли роль военной полиции²⁷⁶. Французы так и не решились преследовать отступавших, чего так опасался Л. Л. Беннигсен. При отходе И. Мюрат, после переговоров с М. А. Милорадовичем, для того чтобы избежать сражения на окраине города, приказал своей коннице пропустить часть русских обозов, отходивших на глазах у неприятеля²⁷⁷. В понедельник 2 (14) сентября русские войска оставили город, и в тот же день в него вступили французы²⁷⁸.

На следующий день по высочайшему повелению было опубликовано сообщение о потере Москвы: «С крайней и сокрушающей сердце каждого сына Отечества печалью сим возвещается, что неприятель сентября 3-го числа вступил в Москву. Но да не унывает от сего великий народ российский. Напротив — да поклянется всяк и каждый воскипит новым духом мужества, твердости, несомненной надежды, что всякое наносимое нам врагами зло и вред обратятся напоследок на главу их»²⁷⁹. Новость эта поначалу вызвала в Петербурге ужас. Столица была практически полностью лишена войск, два-три полка линейной пехоты, несколько сотен казаков, жандармы и ополченческие отряды, по большей части состоявшие из плохо обученных крестьян, вооруженных топорами и пиками, — вот все, что составляло гарнизон Петербурга²⁸⁰.

Судя по собственноручным рескриптам на имя М. И. Кутузова, император был в шоке от случившегося и требовал разъяснений²⁸¹. Недовольство было всеобщим, критика не щадила никого. Любимая сестра императора Екатерина Павловна открыто писала об этом Александру I, заклиная брата ни при каких обстоятельствах не заключать мир²⁸². Это были тяжелые дни для императора. Он все более чувствовал свое одиночество, не находя поддержки даже среди самых близких, как ему казалось ранее, людей. «Признаюсь Вам откровенно, — писал он

сестре, — что мне гораздо менее тяжело, когда меня не понимает народная толпа или множество людей мало меня знающих или даже все незнающих, нежели когда это непонимание я вижу в тех немногих лицах, которым я посвятил все мои привязанности»²⁸³.

Первопрестольная не выслала делегации со своими ключами, что вызвало самое искреннее удивление Наполеона, ждавшего делегацию ее жителей сначала на Поклонной горе, а затем у Дорогомиловской заставы: «Может быть, эти жители не умеют сдаваться; здесь все ново как для нас, так и для них!»²⁸⁴ Дальнейшие события были еще более новыми и неожиданными. «Все власти оставили город, и он походил на пустыню, — вспоминал А. Коленкур. — Не было даже возможности образовать какую бы то ни было администрацию. Оставались только учителя (губернеры-французы), несколько торговцев-иностранцев и отдельные жители из низших слоев населения, а также прислуга в некоторых особняках. Трудно передать впечатление, которое произвели эти известия на императора. Я никогда не видел, чтобы он находился под таким сильным впечатлением. Он был очень озабочен и проявлял нетерпение после двухчасового ожидания у заставы, а новые донесения навели его, очевидно, на весьма серьезные размышления, так как его лицо, обычно столь бесстрастное, на сей раз отражало разочарование»²⁸⁵.

Москва с началом военных действий стала пристанищем беженцев из занятых неприятелем городов, которые приносили с собой рассказы о насилиях европейцев. Стали возникать неизбежное раздражение и подозрительность по отношению к иностранцам²⁸⁶. Появились призывы отказаться от вывесок на французском языке в Москве²⁸⁷, от пристрастия к французским модам и вкусам²⁸⁸. Затем неизбежно стал вопрос и о выселении французов из столицы²⁸⁹. В начале войны в городе проживало 3,6 тыс. французов, до прихода Наполеона из Москвы за «дурное поведение» были высланы в Саратов только 43 человека. Все же в городе осталось не более 10 тыс. человек, причем и эта цифра постоянно сокращалась, и к моменту ухода захватчиков в нем оставалось только 3 тыс. человек²⁹⁰. По большей части именно из иностранцев французы и сформировали городское управление Москвы (вместе с переводчиками и посыльными — 60 человек), которое должно было помогать им в обеспечении войск продовольствием и фуражом²⁹¹.

Пройдя Москву, М. И. Кутузов сделал сначала два перехода по Рязанской дороге, но уже 4 (16) сентября свернул на Калужскую, к селу Тарутино (совр. Калужская область), в 84 километрах к югу от Москвы, где и остановился 21 сентября (3 октября) 1812 г. При вступлении

в Тарутино армия состояла из 75 563 рядовых, из которых только 52 343 были обученными солдатами. Кроме них пришли 15 530 ратников московского ополчения и 7600 рекрутов. В артиллерийском парке имелось 622 орудия²⁹². Здесь был разбит лагерь, в котором армия смогла отдохнуть, принять и обучить пополнения. Войска разместились широко и по нормам того времени даже комфортно. Лагерь быстро приобрел вид небольшого города. Были выстроены теплые шалаши для рядовых и избы для офицеров, бани у реки и т. п.²⁹³

За время пребывания в Тарутино прибыло около 20 тыс. человек из армейского резерва и 26 казачьих полков (15 002 человека и шесть орудий)²⁹⁴. Совершив тарутинский марш-маневр, М. И. Кутузов сумел ввести в заблуждение противника, вплоть от 10 (22) сентября следовавшего за небольшой казачьей завесой, ошибочно принимая ее за арьергард русской армии. Находясь в Тарутинском лагере, армия могла угрожать коммуникациям французов и прочно прикрывала направления на Калугу с ее значительными складами продовольствия и амуниции, на Брянск и Тулу с ее оружейными заводами, сохраняя связь с южными губерниями, откуда шло пополнение и снабжение армии. Между тем, получив известие об оставлении Москвы, местные власти в Туле поначалу чуть было не приступили к эвакуации завода. После завершения тарутинского маневра она была отложена. О значимости только Тулы можно судить по следующим цифрам: за 1812 г. ее завод вместе с подрядчиками поставил 127 тыс. ружей, из них 95 тыс. — за период с июля по декабрь²⁹⁵.

Войдя в Москву, солдаты Наполеона встретили небольшое сопротивление в районе Никольской улицы со стороны собравшихся двух сотен горожан. Дело ограничилось небольшой перестрелкой²⁹⁶. Выпущенные на свободу каторжники грабили кабаки, напиваясь до полусмерти²⁹⁷, и одинокие дома, по улицам бродили отставшие солдаты и сумасшедшие, которых не успели вывезти из больниц для умалишенных²⁹⁸. Французы подвергли город грабежу, а незначительную часть оставшегося населения — насилию²⁹⁹. Мародеры вторгались в дома, брали все, что считали нужным³⁰⁰. Но они не только грабили, но и жгли город³⁰¹. Людей раздевали донага, калечили и убивали. Ночью грабежи и убийства сменяли пьянство и насилие над женщинами³⁰². Пьяные солдаты убивали москвичей и даже своих товарищей по оружию, на улицах города появились мертвые тела, которые никто не убирал³⁰³. Грабежом занималась вся армия, во всяком случае, он был массовым³⁰⁴. В массовом порядке практиковалось и осквернение православных монастырей, храмов и святынь, уничтожение памятников культуры,

государственного и частного имущества³⁰⁵. Успенский, Благовещенский, Архангельский соборы Кремля были превращены казармы, в остальных складывались сено, овес и солома для лошадей³⁰⁶. Посреди Успенского собора стояли огромные весы, на которых взвешивалось награбленное серебро³⁰⁷. Вслед за грабежом и дележом награбленного начиналась торговля добычей³⁰⁸.

Особо изощренным изуверством по отношению к мирному населению, священникам и оставленным в городе тяжелораненым отличались поляки³⁰⁹. Впрочем, остальные мало в чем отставали от них. Грабили даже раненых, а потом добивали их или выбрасывали из домов на улицы³¹⁰. Примером отношения к русским образованного француза может послужить следующее замечание Ф. Сегюра: «...достоверно то, что они тверже переносили боль, чем французы, не потому, что были мужественнее французов, а потому что русские вообще менее чувствительны телом и душой, что вызывается низким уровнем цивилизации, а также суровым климатом, закаляющим их организм»³¹¹. Не удивительно, что более «чувствительные телом и душой» и находящиеся на «более высоком уровне цивилизации» французы и прочие европейцы начали повальный грабеж в русской столице.

Ночью с понедельника на вторник, со 2 на 3 (с 14 на 15) сентября, начались первые пожары, сначала на Солянке, затем у Яузского моста, затем на противоположной стороне города. Вскоре горело уже в десяти местах, а затем огонь охватил весь город³¹². Сильный ветер раздувал пламя, горели даже мосты и барки на реке³¹³. «Казалось, Москва превратилась в огнедышащую гору и пламенную лавку, — писал очевидец. — Оставшиеся тогда жители думали, что света преставление настало»³¹⁴. Картина горящего города была действительно апокалиптической. «Густой черный дым наполнил все улицы и затмил солнце! — вспоминал один из москвичей. — Глухой стон от падающих обгорелых потолков, крыш и стен; вопли сгоравших больных, раненых и здоровых не успевших из пламени выйти; вой собак, ржание лошадей, крики птиц; неумолимая в убийстве и грабеже ярость неприятеля, посрамление храмов божьих!»³¹⁵ В этом аду пьяные европейцы продолжали массовый грабеж³¹⁶. Даже собственная жандармерия не могла остановить мародеров³¹⁷.

«Были сделаны строгие распоряжения, никому не разрешалось уходить из лагеря, ежечасно били сбор, — вспоминал один из офицеров. — Тем не менее солдаты десятками бегали в город, выхватывали из горящих домов всякие жизненные припасы, напитки, одежду, возвращались с этой добычей в лагерь и делились этой добычей

с товарищами, даже с офицерами, которые были всему этому очень рады, да и не удивительно: ибо после того, как довольно долго ощущался недостаток во всем, вдруг, можно сказать, в изобилии появились на бивуаке напитки и жизненные припасы всякого рода»³¹⁸. На улицах горящего города разворачивались ужасные сцены. «Посреди пламени блуждали хищные убийцы, — писал другой свидетель событий, — и жадные неистовые изверги; улицы покрыты были пылающими обломками, пеплом и кровавыми жертвами их бешенства»³¹⁹. При этом грабители сразу же стали обвинять в организации пожаров русских³²⁰.

Зарево пожара освещало небо, картина была хорошо видна за 50 верст³²¹. Зрелище делало отступление русской армии особенно тяжелым. «Во время этого перехода мы видели, — вспоминал К. Клаузевиц, — как Москва непрерывно горела, и хотя мы находились в семи милях, все же по временам ветер доносил до нас пепел. Хотя русские уже были приучены к жертвам пожаром Смоленска и многих других городов, все же пожар Москвы поверг их в глубокую печаль и еще более усилил в них чувство негодования против врага, которому приписывали этот пожар как акт подлинного зверства, как следствие его ненависти, высокомерия и жестокости»³²². Почти теми же словами описал случившееся и герцог Вюртембергский: «...страшное зарево воспламенило месть врагу в сердце солдата и крестьянина»³²³. Н. Н. Муравьев-Карский испытывал те же чувства: «Дым от пылавшей Москвы обратился в густое черное облако, которое носилось над нашими головами во все четыре дня похода. Казалось, как будто тень древней Москвы не оставляла нас и требовала мщениа»³²⁴.

Огромный пожар уничтожил три четверти построек города. В каких-то районах города их тушили, в каких-то нет. Войска не были озабочены поддержанием порядка. Они грабили, убивали и калечили людей даже во время пожара. Боролись с ним немногие оставшиеся в городе москвичи³²⁵. У людей не было ни капли сомнения в том, что именно французы жгут их город³²⁶. 4 (16) сентября Наполеон вынужден был покинуть Кремль, где он поначалу остановился, и расположиться за городом. В Москву он вернулся лишь 8 (20) сентября, после окончания пожара. После того как огненная стихия успокоилась, возобновились грабежи. Они продолжались неделю, велись последовательно и систематически, генералитет и старшие офицеры даже не пытались навести порядок³²⁷. Грабежи оказались, по свидетельству очевидца-француза, бичом более страшным, чем пожар. Во всяком случае, они сопровождали пожар и в немалой степени способствовали ему³²⁸.

«Спасенные от пожара дома, — отмечал А. Коленкур, — были разграблены. Несчастные жители, оставшиеся в городе, подвергались избиениям. Двери лавок и погребов были взломаны, и отсюда — все эксцессы, все преступления пьяных солдат, не желающих слушать своих начальников»³²⁹. Солдаты грабили и пьянствовали, погибая от опьянения и огня, остановить их было уже невозможно³³⁰. Переживший этот ужас горожанин через несколько месяцев после случившегося описывал разгул насилия почти теми же словами, что и французский генерал через несколько лет: «Начался грабеж: все, что осталось от ярости пламени, подвергалось бешенству французов. Никогда еще небо во гневе своем не представляло людям ужаснейшего позорища, повсюду свирепствовал огонь, повсюду грабители преследовали свои жертвы»³³¹. Были разграблены здания Императорского московского университета, а также подведомственные ему учебные и воспитательные заведения³³². Воспитательный дом поначалу был взят под караул, что спасло его от мародеров, но после в нем разместили раненых и быстро превратили в загаженный больными и забитый умирающими и мертвыми телами госпиталь³³³.

Ничто не действовало на разбушевавшихся европейцев, которые тащили все, что попадалось им под руку, и не брезговали раздевать людей на улицах³³⁴. «Нельзя представить себе картину Москвы в то время: улицы покрыты выброшенными из домов вещами и мебелью, — вспоминал генерал-адъютант граф В. А. Перовский, — песни пьяных солдат, крик грабящих, дерущихся между собою, во многих местах от заброшенных улиц, дыма и огня невозможно было пройти. Пожар, грабеж и беспорядок царствовали прежде всего в рядах, в городе; тут множество солдат разных полков таскали в разные стороны из горящих полков платье, меха, съестные припасы и прочее. Казалось, разоренный муравейник, откуда каждый старался вынести, что ему было тогда драгоценнее»³³⁵. Как уже говорилось выше, в грабежах участвовали и уголовники, выпущенные из острогов накануне ухода русских властей³³⁶. Но главными «героями» этих дней были явно не они. Не они получили и основные доходы. Это было очевидно. «Каждый солдат, превратясь в торговца, — вспоминал переживший вторжение и грабеж, — продавал за бесценок самые дорогие вещи»³³⁷.

«По истечении восьми дней, — вспоминал настоятель храма Святого Людовика Французского в Москве, — грабеж продолжался в таких же размерах, как и в самом начале; ничто не было пощажено: ни стыдливость робкого пола, ни седина старости»³³⁸. Зрелище было отвратительным, и оно не оставляло сомнений. «Большинству казалось, —

вспоминал Ф. Сегюр, — что причиной пожара были пьянство и разнузданность наших солдат, а что сильный ветер лишь раздул пламя. Мы сами смотрели друг на друга с отвращением. Мы приближались друг к другу, боясь поднять глаза, подавленные этой страшной катастрофой: она порочила нашу славу, грозила нашему существованию в настоящем и в будущем; отныне мы становились армией преступников, которых судят небо и весь цивилизованный мир»³³⁹. Так называемому цивилизованному миру была предложена версия русского поджога собственной столицы, тем более привлекательная, что по приказу главнокомандующего в Москве и военного губернатора Ф. В. Ростопчина перед оставлением города были вывезены все пожарные трубы³⁴⁰. Необходимо отметить, что и сам Ф. В. Ростопчин своими экстравагантными заявлениями немало поспособствовал версии, которую распространяли французы³⁴¹.

Французы начали ловить полицейских, которых после формального допроса объявляли виновниками поджогов и казнили³⁴². Этого оказалось недостаточно, и армейские патрули начали хватать оставшихся москвичей, суд военного трибунала приговаривал их к расстрелу и повешению. Трупы казненных в назидание оставляли на улицах или развешивали на деревьях. Однако массовые показательные казни не помогли французам в Москве. Мародерство внесло сильную деморализацию во французскую армию, она начала разлагаться. Грабежами занимались не только солдаты, но и офицеры³⁴³. На площадях продавалось за бесценок награбленное, и даже сторонник русской вины за случившееся описывает такую типичную картину: «Повсюду сидели солдаты на тюках товаров, возле куч сахара и кофе, окруженные тончайшими винами, которые они охотно променяли бы на кусок хлеба. Многие из них в припадке опьянения, усиливаемого истощением, попадали в пламя и гибли»³⁴⁴.

12 (24) сентября французы попытались устроить в Москве муниципалитет, который должен был стать помощником военных властей. По инструкции это учреждение обязано было заниматься самыми широкими задачами — от общественного порядка до попечения о церквях и возобновления в них богослужения. Членов этого органа назначали военные и доставляли к месту службы под конвоем солдат. Особой поддержки европейцам они не обеспечили³⁴⁵. Ненависть к французам, которая широко разлилась по России после пожара Москвы, не поддавалась оценке. «Трудно представить себе, до какой степени крестьяне были ожесточены против французов, — вспоминал Евгений Вюртембергский. — Люди как будто превратились в тигров, и это быстрое

превращение было тем разительнее, что русский человек от природы обыкновенно приветлив, добродушен, терпелив, гостеприимен...»³⁴⁶ Ненависть объединила представителей всех сословий, и проявилась она не только в военных столкновениях. В столице и провинции она проявилась в гонении всего французского, включая язык, модную одежду, театр, кухню и т. п.³⁴⁷

О настроениях можно судить по сочиненной И. А. Кованько 15 (27) сентября 1812 г. «Солдатской песне»:

Хоть Москва в руках французов,
Это, право, не беда!
Наш фельдмаршал князь Кутузов
Их на смерть пустил туда.
Вспомним, братцы, что поляки
Встарь бывали также в ней,
Но не жирны кулебяки —
Ели кошек и мышей.
напоследок мертвечину
Земляков пришлось им жрать,
А потом пред русским спину
В крюк по-польски изгибать.
Свету целому известно,
Как платили мы долги,
И теперь получают честно
За Москву платеж враги.
Побывать в столице — слава!
Но умеем мы отмщать:
Знает крепко то Варшава,
И Париж то будет знать!³⁴⁸

Уже в сентябре 1812 г. ее стали распевать Петербург, армия и вся страна³⁴⁹. Воспетый А. С. Пушкиным А. П. Куницын заявлял: «Да не подумает кто, что французы столько же храбры, как и развратны: они более дерзки, нежели отважны, более стремительны, нежели мужественны; успех делает их буйными и бесчеловечными, и сие-то служит верным признаком подлого их малодушия»³⁵⁰. Авторитет М. И. Кутузова был по-прежнему высок³⁵¹. В этой обстановке особенно тяжелым стало положение М. Б. Баркляя де Толли. Его обвиняли уже перед Бородино³⁵². После Москвы даже солдаты вслух говорили о его предательстве³⁵³. «Теперь самое модное — обрушивать на Баркляя де Толли, — писал

сардинский дипломат. — Когда нация унижена, она всегда ищет козла отпущения и находит его»³⁵⁴.

М. Б. Барклай де Толли не пытался оправдаться. «Я скорее должен был в сем случае решиться на принесение в жертву репутации своей, — вспоминал он в 1821 г., — нежели преждевременным оправданием себя перед народом расстроить единственные средства к отражению грозы, толико ужасной! Подкрепляемый сей мыслью, я донныне спокойно смотрел на все оскорбления, устремленные против меня толками народными, и спокойно ожидал оправдания от самых последствий»³⁵⁵. Под Бородино генерал вел себя героем, он находился в войсках в полной форме парадной форме, с орденами и шляпой с перьями³⁵⁶. Командуя войсками, он участвовал в рукопашных схватках и дважды чудом избежал гибели. Под генералом было убито и ранено несколько лошадей, погибли двое и ранены четверо его адъютантов. Все, даже недоброжелатели, признали мужество М. Б. Барклая де Толли. Солдаты говорили: «Он ищет смерти»³⁵⁷. М. И. Кутузов докладывал императору после окончания сражения: «Барклай де Толли же присутствием духа своего и распоряжениями удерживал стремящегося против центра и правого фланга превосходившего неприятеля; храбрость же его в сей день заслуживает всякую похвалу». 18 (30) октября он был награжден орденом Св. Георгия 2-й степени³⁵⁸.

Тем не менее после оставления Москвы М. Б. Барклай де Толли снова стал мишенью для всякого рода обвинений. 15 (27) сентября генерал заболел, его мучила лихорадка³⁵⁹. 24 сентября (6 октября) он сообщил Александру I, что испросил у М. И. Кутузова «разрешения удалиться из армии для восстановления моего здоровья»³⁶⁰. На самом деле он покинул армию двумя днями раньше. В Калуге карету М. Б. Барклая де Толли забросали камнями, и он вынужден был далее соблюдать инкогнито³⁶¹. Он был глубоко уязвлен отношением к себе, но снес все. Уезжая, он сказал своему адъютанту: «Я сожалею единственно о том, что не могу быть полезен армии и лично всем вам, разделявшим со мной труды»³⁶². Если этот человек и был жертвой настроений и обстоятельств, то от другого М. И. Кутузов освободился без колебаний. 15 (27) ноября он отправил Л. Л. Беннигсена в Калугу на лечение вплоть до особого распоряжения императора «по причине болезненных Ваших припадков»³⁶³.

Л. Л. Беннигсен был вне себя от ярости, но император не заступился за него. Таковым был момент, такими были настроения³⁶⁴. 24 ноября (6 декабря) 1812 г., уже после Березины, когда остатки Великой армии европейцев гибли по пути к Неману, в личном письме

к М. Б. Барклаю де Толли император позволил себе довольно открытые признания относительно своих действий: «Москва и Петербург единодушно указывали на князя Кутузова как на единственного человека, могущего, по их словам, спасти отечество. В подтверждение этих доводов говорили, что по старшинству Вы сравнительно моложе Торماسова, Багратиона и Чичагова; что это обстоятельство вредило успеху военных действий и что это неудобство высокой важности будет вполне устранено с назначением князя Кутузова. Обстоятельства были слишком критические. Впервые столица Государства находилась в опасном положении, и мне не оставалось ничего другого, как уступить всеобщему мнению, заставив все-таки предварительно обсудить вопрос за и против в совете, составленном из важнейших сановников Империи. Уступив их мнению, я должен был заглушить мое личное чувство. Мне только остается сохранить Вам возможность доказать России и Европе, что Вы достойны моего выбора, когда я Вас назначил главнокомандующим. Я предполагал, что Вы будете довольны остаться при армии и заслужить своими воинскими доблестями, что Вы и сделали при Бородине, уважение своих хулителей»³⁶⁵. Александр I счел возможным публично изменить свое отношение к полуопале М. Б. Барклаю де Толли только в конце кампании, в Вильно³⁶⁶.

Приехавший от М. И. Кутузова с донесением об оставлении столицы полковник А. Ф. Мишо вызвал поначалу недоумение императора, поскольку сообщений о проигранном сражении не поступало. Но посланник командующего уже знал, что город сожжен. Александр I был потрясен³⁶⁷. Полковник заверил монарха, что армия боится только одного — мира с неприятелем³⁶⁸. В ответ он услышал: «Наполеон или я, я или он — но вместе мы царствовать не можем. Я узнал его: он более меня не обманет»³⁶⁹. Император был настроен весьма решительно, он был готов воевать до конца, о мире не шло и речи³⁷⁰. А. Ф. Мишо был так уверен в будущей победе, что попросил императора вернуть престол своему монарху — королю Сардинскому — после разгрома французов³⁷¹. «Император говорит и даже приказывает повторять его слова о том, — записал 10 (22) сентября 1812 г. сардинский посол, — что никакой мир невозможен»³⁷². Эти слова с радостью встречали в провинции и в армии³⁷³.

«Потеря Москвы, — писал 19 сентября (1 октября) Александр I принцу Карлу Юхану, — дает мне случай представить Европе величайшее доказательство моей настойчивости продолжать войну против ее угнетателя. После этой раны все прочие ничтожны. Ныне более, нежели когда-либо, я и народ, во главе которого я имею честь

находиться, решились стоять твердо и скорее погresti себя под развалинами империи, нежели примириться с Атиллою новейших времен»³⁷⁴. В эти тяжелые дни под влиянием князя А. Н. Голицына император впервые серьезно обратился к чтению, а затем и к изучению Библии, находя в ее текстах параллели с современными событиями и видя в них проявление Промысла Божьего. Идея бескомпромиссной борьбы с Наполеоном для Александра I получила сакральное обоснование³⁷⁵.

Вместо ожидаемого почетного мира в поверженной столице император Франции получил разоренный город, окруженный партизанскими отрядами. В штаб русской армии ежедневно приводили по 50–100 пленных. Еще большее их количество попросту не доводили до него³⁷⁶. Народная война против интервентов стала массовой³⁷⁷. Особо крупный масштаб она приняла после московского пожара, поставив снабжение и связь французов под постоянную угрозу. Вместе с крестьянскими отрядами действовали и специально выделенные командованием партизанские отряды русской армии. Наиболее известными их командирами были капитан А. С. Фигнер и подполковник Д. В. Давыдов. Они исключительно результативно использовали на практике принцип действий, сформулированный последним командиром: «...убить да уйти — вот сущность тактической обязанности партизана»³⁷⁸.

А. С. Фигнер сразу же после оставления Москвы предложил командованию проект убийства Наполеона, но М. И. Кутузов не поддержал это предложение³⁷⁹. К сожалению, безупречно храбрый А. С. Фигнер отличался при этом исключительной и не всегда понятной даже соратникам жестокостью³⁸⁰. Поначалу он собирался вернуться в оставленную Москву, чтобы убить Наполеона, но потом изменил свое решение³⁸¹. А. С. Фигнер без пощады убивал поляков и французов, к остальным относился терпимо, а к испанцам с симпатией. По его признанию, он как-то застал французов, насилующих женщин в церкви, после чего дал обет не щадить их³⁸². Исключительно жестоко, как правило, действовали и крестьянские отряды, ярость которых от зрелища разоренных селений и оскверненных церквей невозможно было остановить³⁸³. Часть из них возглавляли бежавшие из плена солдаты³⁸⁴.

Тем временем Наполеон постепенно терял представление о реальности. «Привыкнув диктовать мир тотчас же по прибытии во дворец государя, столицу которого он завоевывал, — отмечал А. Коленкур, — император был удивлен молчанием, которое хранил на сей раз его противник. Чем больше это молчание показывало ему, что нынешний противник и его нация полны воодушевления и отчаянной реши-

мости, тем более он убеждал себя, что мир можно заключить только в Москве»³⁸⁵. Однако его попытки вступить в переговоры с императором Александром I или М. И. Кутузовым ни к чему не привели. Отправленный в ставку М. И. Кутузова с мирными предложениями генерал граф Ж. Лористон получил ясные инструкции лично от своего монарха: «Я хочу мира, мне нужен мир, нужен во что бы то ни стало, спасайте только честь!»³⁸⁶

Французский генерал не был пропущен в Петербург главнокомандующим, на предложение начать переговоры о мире последовал категорический отказ³⁸⁷. С самого начала его визит не обещал ничего хорошего для французов, русский командующий запретил говорить с сопровождавшими его лицами о чем-либо кроме погоды³⁸⁸. К глубокому удивлению М. И. Кутузова, Ж. Лористон начал жаловаться на жестокость со стороны крестьян, на что последовал ответ, «что революционные французы ввели варварство в войны и что сам Бонапарте довел оное до высочайшей степени»³⁸⁹. Генерал-фельдмаршал добавил, что «в первый раз слышит жалобы на усердие и приверженность к Отечеству целого народа, который сопротивляется напавшему на него врагу, возбудившему своим вторжением ярость и злобу, на которые он жалуется»³⁹⁰. Попытка посланника представить свою миссию жестом сильного также не удалась³⁹¹. «Относительно же переговоров, — добавил М. И. Кутузов, — Государь запретил мне даже произносить слова: мир и перемирие»³⁹².

Что до Александра I, то он был недоволен даже тем, что посланца Наполеона допустили в ставку и разговаривали с ним³⁹³. За этой попыткой последовали другие. Наполеон пытался отправить с письмом о мире находившихся в Москве русских чиновников, но посланцев, вынуждаемых к этой постыдной роли силой и угрозами для их семей, не ждал успех. Одно из писем удалось передать, но это не привело ни к каким последствиям³⁹⁴. Мир был уже невозможен. Французская армия и ее полководец сделали для этого все, что от них зависело.

Странно, но французы искренне не понимали сути происходивших событий. Вслед за Ж. Лористоном с жалобами на действия казаков и крестьян обратился к М. А. Милорадовичу маршал И. Мюрат. Однако никто не собирался помогать врагу. М. А. Милорадович не испугался и угрозы короля Неаполитанского, что явно того расстроило³⁹⁵. Вице-король был не одинок. «Вчера зоо французских кирасир взяты на фуражировке, — писал Р. Вильсон. — Генерал приехал с парламентом жаловаться на жестокость казаков, которые нападают на «бедных людей, идущих искать несколько сена». Как нежны, как

человеколюбивы сделались французы!»³⁹⁶ За 36 дней пребывания в Москве французская армия ослабла, а русская — значительно усилилась вместе с приходом пополнений. 6 (18) октября авангард Великой армии под командованием И. Мюрата потерпел поражение в Тарутинском сражении, русские войска захватили 1,5 тыс. пленных, 38 орудий и большую часть обоза противника³⁹⁷.

Узнав об этом, 7 (19) октября Наполеон выступил из Москвы в направлении Калуги по не тронутой войной Старой Калужской дороге. Перед уходом, по рекомендации своего польского окружения, он приказал сбросить с колокольни Ивана Великого крест, который намеревался привезти в Париж в качестве трофея, а также заминировать и взорвать Кремль³⁹⁸. Три мины были приведены в действие³⁹⁹. 7 (19) октября казначей Великой армии отправил письмо из Москвы в Париж: «Она представляла груды дымящихся развалин. Перед выступлением взорвали царский дворец и подожгли все здания, уцелевшие от пожара. Мы практикуем по отношению к этим варварам справедливое возмездие»⁴⁰⁰. Он, конечно, и не подозревал, что за все это придется платить, а справедливое возмездие еще только ожидает европейцев впереди.

«10 октября 1812 года мы вступили в древнюю столицу, которая еще дымилась. — вспоминал А. Х. Бенкендорф. — Едва могли мы проложить себе дорогу через трупы людей и животных. Развалины и пепел загромождали все улицы. Одни только разграбленные и совершенно почерневшие от дыма церкви служили печальными путеводными точками среди этого необъятного опустошения»⁴⁰¹. Из 13 800 дворцов и домов уцелело только 1500⁴⁰². На развалинах и улицах лежали трупы людей и животных⁴⁰³, по пепелищу бродили стаи собак, и в центре сгоревшего города по ночам раздавался вой этих одичавших животных⁴⁰⁴. По развалинам города еще продолжали бродить французские мародеры, чья алчность оказалась сильнее страха перед расправой⁴⁰⁵.

«Храмы наши все осквернены были злодеями, — писал очевидец, — кои поделали из них конюшни, винные погреба и пр. Нельзя представить себе буйства, безбожия, жестокости и наглости французов»⁴⁰⁶. Кремль был разорен: «Внутренность Кремля была завалена горами камней и мусора от взрыва Филаретовской колокольни, Рождественской церкви и некоторых башен, стен и Арсенала, разного рода оружием, понтонными лодками, фургонами, конскими и человеческими трупами, мебелью, между коими попадались даже св. иконы и утварь»⁴⁰⁷. Европейцы не ограничились уничтожением одних только материальных ценностей. Глумлению подверглись и святыни рус-

ского народа. В Успенском соборе, где стояли польские части, не только были ободраны серебряные и золотые украшения, но и осквернены иконы и могилы митрополитов и патриархов⁴⁰⁸. Среди собора были поставлены плавильные горны, велся счет переплавленным в слитки награбленным «трофеям», сохранилась даже запись: 325 пудов серебра и 18 пудов золота⁴⁰⁹.

Особенно сильно пострадала могила патриарха Гермогена, польские уланы изрубили его гроб саблями⁴¹⁰. Вошедший в церковь одним из первых генерал-майор А. Х. Бенкендорф испытал шок от увиденного: «Я был охвачен ужасом, найдя теперь поставленным вверх дном безбожием разнузданной солдатчины этот почитаемый храм, который пощадило даже пламя, и убедился, что состояние, в котором он находился, необходимо было скрыть от народа. Мощи святых были изуродованы, их гробницы наполнены нечистотами, украшения с гробниц сорваны. Образа, украшавшие церковь, были перепачканы и расколоты. Все, что могло возбудить или ввести в заблуждение алчность солдата, было взято; алтарь был опрокинут; бочки вина были вылиты на церковный пол, а людские и конские трупы наполняли зловонием своды, которые были назначены принимать «падан»⁴¹¹.

По приказу генерала храм был опечатан и у входа поставлен караул. В Кремль вновь стали пускать людей только 1 (13) февраля 1813 г. В городе оставались раненые и больные французской армии, и вряд ли что-либо могло защитить их от народного гнева в первый день возвращения власти в первопрестольную. Все раненые без исключения получили питание и медицинское обслуживание. Позже французы были отправлены в Тверь (несколько тысяч русских тяжелораненых, оставленных в Москве при отступлении, заживо сгорели в огне пожара — французы ничего не сделали для их спасения)⁴¹². Более того, несколько больниц было очищено ими от русских раненых для того, чтобы дать место европейцам⁴¹³.

Положение французских раненых было чрезвычайно тяжелым, их не перевязывали, не обеспечили сменой белья, едой, даже водой, при этом рядом с ранеными европейцами находились огромные склады продовольствия европейской армии⁴¹⁴. Следует отметить, что французы глумились и над трупами собственных солдат, часть их была оставлена стоять с разрумяненными кирпичом щеками. Стоило ли ждать от европейцев внимательности к русским святыням? Часть кремлевских стен и пристройка к колокольне Ивана Великого были взорваны и лежали в дымящихся руинах. Русские инженерные офицеры и казаки спешно искали не успевшие взорваться мины⁴¹⁵. После их обезвреживания

главной задачей городских властей надолго стал вывоз трупов людей и животных из бывшего города⁴¹⁶.

Таким образом, положение французских раненых в Воспитательном доме, где находился армейский лазарет, было ужасным. Собственные военные власти не сделали для них ничего⁴¹⁷. После возвращения русских всех оставшихся французских раненых свезли в Воспитательный дом, где к ним был приставлен французский врач, подвезены необходимые припасы⁴¹⁸. После ухода европейцев членов назначенного ими городского правления предали суду, однако наказания не были жесткими, учитывалось, что множество людей вынуждены были сотрудничать с французами под страхом смерти⁴¹⁹. Среди прочего европейцы бросили в столице и фабрику по производству русских ассигнаций, которая произвела немалое количество высококачественной продукции⁴²⁰. Пожалуй, это было единственное производство, налаженное непрошенными гостями. Следует признать, что опыт у них имелся, оно было налажено ими еще перед войной, в Варшаве⁴²¹.

Москва была очищена от врага. «Недолго был здесь неприятель, — говорилось в правительственном сообщении о пребывании в Москве наполеоновских войск от 17 (29) октября 1812 г., — один месяц и восемь дней. Но оставил по себе следы зверства и люто́сти, которые в бытописаниях народов покроют соотечественников и потомков его вечным стыдом и бесче́стием. Смотри́ на богомерзкие дела его в Москве и слы́ша получае́мые от всех мест, которыми он проходил, печальные известия, водворяе́тся в душе каждого некоторая доселе неизвестная степень гнусности и омерзения к злодея́ниям челове́чества»⁴²². В отличие от своих кампаний в Европе и Азии, в России французы, как шведы при Карле XII и немцы при Гитлере, не особенно отягощали себя выполнением обычаев войны. Тем не менее они не забывали апеллировать к благородной военной традиции.

8 (20) октября маршал Л. Бертье обратился к М. И. Кутузову с письмом, призывая его остановить народную войну: «Князь Кутузов! Генералу Лористону поручено было предложить Вам о принятии мер, дабы война получила ход, сообразный с установленными правилами, а страна претерпевала бы токмо одни неизбежно от войны происходящие бедствия. В самом деле, опустошение собственной земли столь же бедственно для самой России, сколь и прискорбно императору. Вы легко почувствуете, князь, сколь важно для меня узнать окончательное решение Вашего Правительства по сему вопросу»⁴²³. В тот же день князь Невшательский получил ответ фельдмаршала. Он сослался на сложность быстрого ответа из Петербурга в связи с плохим состоя-

нием дорог. Впрочем, собственная позиция М. И. Кутузова не оставляла надежд: «Однако повторю здесь истину, значение и силу которой Вы, князь, несомненно оцените: трудно остановить народ, ожесточенный всем тем, что он видел, народ, который в продолжение двухсот лет не видел войны на своей земле, народ, который не делает различий между тем, что принято и что не принято в войнах обыкновенных»⁴²⁴. Очевидно, в штабе Наполеона не поверили в серьезность этих слов и намерений. Армия агрессоров продолжала нарушать законы войны.

В частности, 10 (22) октября 1812 г. французами был внезапно задержан и взят в плен отправившийся для переговоров с ними генерал-адъютант барон Ф. Ф. Винценгероде⁴²⁵. Пленные французы сообщили о том, что идет подготовка к взрыву Кремля. Барон был потрясен этими известиями и хотел предупредить противника о возможных для него последствиях⁴²⁶. Явно обозленные удачными действиями его отряда накануне, французы набросились на генерала, выехавшего на переговоры только с адъютантом. Казаки отряда находились на расстоянии и не успели выручить командира⁴²⁷. Новость об аресте Ф. Ф. Винценгероде вызвала самую жесткую реакцию императора Александра I. «Даже турки и азиатские народы, — писал он М. И. Кутузову, — умеют уважать выезжающих на переговоры. Но, кажется, все правила, доселе свято чтимые и во время самой революционной войны соблюдаемые, ныне презрены и уступили место своеволию Наполеона. Если Вы до получения сего повеления не требовали обратно генерала Винценгероде, захваченного, невзирая на переговорный знак, который он имел в руках, предписываю Вам послать нарочного парламентаря с изъяснением, что он взят против всех правил, в войне соблюдаемых, и что следует его возвратить»⁴²⁸.

Французы посчитали, что отсутствие трубача (хотя сопровождающий русского генерала казак имел белый платок на пике) оправдывает их действия. Протесты русских военных властей были оставлены без последствий⁴²⁹. Более того, 15 (27) октября Ф. Ф. Винценгероде был представлен Наполеону, который решил его расстрелять, как... собственного подданного (по рождению) и поэтому дезертира. На угрозу казни русский генерал-адъютант, сохранявший при этом полное спокойствие, ответил: «Двадцать пять лет жду я смерти от французской пули и совершенно подготовлен к ней; жена моя и дети в безопасности; император Александр их не покинет»⁴³⁰.

Узнав об угрозе этой расправы, император действительно не покинул того, кто служил России. Поняв, что остановить жестокость европейцев может только страх неминуемого и жестокого возмездия, он

немедленно приказал М. И. Кутузову известить императора французов и его подчиненных, что вслед за казнью русского генерала тотчас же будет расстрелян один из французских, находящихся в русском плену. Александр I был категоричен: «...дайте знать в неприятельский лагерь, что впредь пять французов будут отвечать за одного носящего российский мундир и лишеного жизни, начиная всегда со старших чином из имеющихся у нас пленных»⁴³¹. Угроза спасла жизнь парламентаря, при отступлении французов генерал и его адъютант были освобождены казаками под Минском⁴³². Это были части, входившие в отряд А. И. Чернышева⁴³³. В дальнейшем Наполеон ухитрился самым диким способом использовать результаты собственных варварских действий в свою пользу.

Первым известие о выходе французской армии из Москвы доложил А. Н. Сеславин, который лично наблюдал присутствие в двигающейся колонне Наполеона и его штаба. 11 (23) октября русская армия в составе 97 112 человек при 622 орудиях покинула Тарутинский лагерь⁴³⁴. 12 (24) октября она преградила французам путь у Малоярославца. В ходе ожесточенного сражения город несколько раз переходил из рук в руки. После боя из 200 домов уцелело всего 20, обе армии потеряли примерно по 7 тыс. человек. Французы заняли город, но были вынуждены повернуть на Старую Смоленскую дорогу, по которой они пришли в Москву⁴³⁵. «Сей день, — писал в рапорте о сражении императору М. И. Кутузов, — есть один из знаменитейших в сию кровопролитную войну, ибо потерянное сражение при Малоярославце повлекло бы пагубнейшее следствие и открыло бы путь неприятелю через хлеборобнейшие наши провинции»⁴³⁶. Путь на Калугу был закрыт. Французы вынуждены были двигаться на Смоленск по той же дороге, по которой они пришли к Москве. Их войска шли по опустошенной и разоренной местности. Параллельно им следовала русская армия, закрывая от противника центральные губернии, впереди и позади действовали партизаны, уничтожая отставших и отделившиеся небольшие отряды французов.

Для того чтобы подогнать отступавших, многие из которых утратили дисциплину и даже оружие, Наполеон прибегал к таким мерам, как, например, тактика выжженной земли и массовое уничтожение русских пленных⁴³⁷. Среди них было достаточно много гражданских — чиновников, мещан, разночинцев. Фактически это были заложники, которых захватили на улицах Москвы и в ее окрестностях, причем некоторых задерживали за ношение бороды, так как, с точки зрения французов, это был явный признак казаков. Пленных держали на голодном пайке и расстреливали, когда они теряли силы⁴³⁸.

Один из командиров французских полков так описывал результаты этой карательной практики: «Мы встречали на пути их трупы, все с простреленными головами. Солдаты моего полка были возмущены этим зрелищем; они хорошо понимали, какое страшное возмездие повлечет за собою это варварство для тех из них, которые попадут в руки неприятелю»⁴³⁹. Расправы с пленными становились все более массовыми и изощренными⁴⁴⁰. «Русские, — отмечал офицер одного из немецких полков, — этим получали право на такое же возмездие; они могли то же сделать с нашими пленниками»⁴⁴¹. Убитых пленных было действительно много, и «фирменным» знаком, которые оставляли европейцы, был выстрел в голову⁴⁴². Старания императора французов не остались незамеченными. Впрочем, хватало и того, что его армия сделала в Москве. За пожар и расправы с людьми европейцы заплатили дорогую цену. Русские солдаты долгое время не брали их плен, несмотря на все попытки офицеров спасти вражеские жизни⁴⁴³.

«К прежним, известным уже учиненным французами в сей столице неистовствам, кои посеяли между российским и их народом семена вечного мщения, — отмечал в своем приказе от 19 (31) октября 1812 г. М. И. Кутузов, — надлежало им еще взорвать минами некоторые места в Кремле. Но, благодарение Богу, соборы и святые храмы остались при сем случае невредимы. Теперь мы преследуем силы его, когда в то же время другие наши армии снова заняли Край Литовский и будут содействовать нам к конечному истреблению врага, дерзнувшего угрожать России. В бегстве своем оставляет он обозы, взрывает ящики со снарядами и покидает даже сокровища, из храмов Божиих похищенные. Уже император Наполеон слышит ропот в рядах своего воинства, уже начались там побегы, голод и беспорядки всякого рода. Уже слышан нам глас Всеавгустейшего Монарха, которой взывает: «Потушите кровью неприятельской пожар московский». Воины! Потщимся выполнить сие, и Россия будет нами довольна, и прочный мир водворится в неизмеримых ее пределах. Бог поможет нам в том, добрые солдаты русские!»⁴⁴⁴ Понимая неизбежность возмездия, солдаты отступавшей армии старались не отставать. Французские войска к этому времени представляли собой невиданное зрелище.

«Армия, еще накануне вышедшая из Москвы, — вспоминал генерал Ф. Сегюр, — двигалась без перерыва. Эта колонна, состоявшая из 140 тысяч человек и приблизительно 50 тысяч лошадей всех пород, 100 тысяч строевых солдат, шедших впереди в полном снаряжении с пушками и артиллерийскими повозками, еще могла напоминать своим видом прежних всемирных победителей, но что касается остальных,

то они походили, скорее, на татарскую орду после удачного нашествия. На бесконечном расстоянии в три или четыре ряда тянулась спутанная вереница карет, фур, богатых экипажей и всевозможных повозок. Тут были и трофеи в виде русских, турецких и персидских знамен, и гигантский крест с колокольни Ивана Великого, и бородатые русские крестьяне, которые везли и несли нашу добычу, сами составляя часть ее; многие из наших собственноручно везли тачки, наполненные всем, что им удалось захватить; эти безумцы не хотели думать, что уже к вечеру им придется отказаться от своей непосильной ноши: охваченные бессмысленной жадностью, они забыли о восьмистах лье пути и о предстоящих сражениях»⁴⁴⁵.

Вся эта огромная колонна (только обоз из 10 тыс. карет, колясок, бричек, фур и телег растянулся на 30 верст в четыре ряда⁴⁴⁶) почти бежала и с каждым днем все менее походила на армию. Обозники, составленные из жителей разных стран, плохо понимали друг друга: «Раздавались французские возгласы, немецкие ругательства, итальянские призывы Господа Бога и испанские мольбы к Святой Деве»⁴⁴⁷. После Вязьмы начались дожди, и дорога, разбитая сотнями тысяч ног и колес, быстро превратилась в нечто непроходимое⁴⁴⁸. Повозки вязли в грязи и ломались. Европейцы, как всегда, проявили себя грабителями со вкусом. Как вспоминал один из них: «Дорога была усыпана дорогими вещами, картинами, канделябрами и множеством книг...»⁴⁴⁹ Войсковые части, по сути дела, превратились в гигантский конвой, охранявший награбленное. В основном он состоял из пехоты, что резко сокращало его эффективность в действиях против партизан и казаков. При выходе из Москвы французская кавалерия, в которой по спискам числилось 18 500 человек, практически имела в строю 4600 человек, причем только в гвардейской кавалерии. 4000 человек потеряли лошадей и были сведены в пешую бригаду, остальные имели настолько истощенных лошадей, что не могли нести службу⁴⁵⁰.

Уже после Вязьмы по утрам начались заморозки, а между Дорогобужем и Смоленском первые морозы, схватившие осеннюю грязь и сделавшие спуски и подъемы скользкими⁴⁵¹. Французские лошади, неподкованные зимними подковами с шипами, вскоре столкнулись с новой проблемой. На льду они скользили и быстро выбивались из сил⁴⁵². Из-за перенапряжения, некачественной и непривычной пищи (прежде всего конины) среди отступавших начались болезни, в том числе и желудочные. Резко выросли санитарные потери⁴⁵³. Вскоре европейцы стали оставлять за собой не только сломанный транспорт и брошенные вещи, но и трупы людей и животных, тела обессиленных и умираю-

щих людей и лошадей. Очевидец вспоминал: «Зрелище было потрясающее, о нем заочно нельзя составить себе понятие, даже обладая самым пылким воображением»⁴⁵⁴. Отсутствие кавалерии не мешало быстро отступлению. «Неприятель бежит, — писал 23 октября (4 ноября) из Вязьмы в частном письме один из русских офицеров, — дорога покрыта мертвыми и умирающими от голода. Их убивают, у них каждый день берут пушки, офицеров, генералов, солдат немного, поскольку их добивают. После всех ужасов, которые они делают и делали, человечность потеряла свои права, это возмездие за все святотатства и жестокости, которые они совершили»⁴⁵⁵. Возмездие было суровым. С европейцами расправлялись безжалостно и беспощадно, иногда их даже сжигали или закапывали в землю живьем⁴⁵⁶.

«Неприятель бежит так, — докладывал 20 октября (1 ноября) М. И. Платов, — как никакая армия никогда ретироваться не могла»⁴⁵⁷. Гнали ее пока не сильные морозы, поначалу их попросту не было, даже снега было немного⁴⁵⁸. Во всяком случае, французскую ретираду нельзя было сравнить по скорости с русским отступлением. Если русская армия прошла 1213 верст отступления от западной границы до Малоярославца за 123 дня (то есть в среднем по 9,861 версты, или 10,519 километра, в сутки), то французы шли назад в два раза быстрее. Путь в 985 верст от Малоярославца до Ковно их армия проделала за 49 дней (то есть в среднем по 20,102 версты, или 21,444 километра, в сутки)⁴⁵⁹. Все чаще и чаще европейцы бросали награбленное в России⁴⁶⁰. Впрочем, это не помогало, армия слабела от голода и недостатка фуража. Ее бегство все более и более приобретало трагический характер. Части и соединения перемешивались, теряли управление и сплоченность и в результате разваливались на группы, отчаянно боровшиеся за жизнь, то есть за продовольствие и теплую одежду, с партизанами и часто даже друг с другом. «В этой борьбе всех и каждого, — вспоминал участник отступления, — они отделились друг от друга и, став безоружными, побежденными, беззащитными, не имея командиров, повиновались лишь самосохранению»⁴⁶¹.

28 октября (9 ноября), попав в окружение, перед партизанскими отрядами сложила оружие бригада генерала Ж. П. Ожеро, в плен попали генерал, 19 офицеров и 1650 рядовых⁴⁶². Ранее такого с французскими частями не было. Неприятельская армия разлагалась. «Мы находили нередко людей, — вспоминал участник преследования, — лежащих у костров с обгорелыми ногами. Иные убивали лошадей и, выпустив внутренности, прятали в оные от холода руки и ноги, но и в этом положении замерзали. Много мы ловили солдат, одетых в женские салопы,

священнические ризы или лакейские ливреи. У иных на головах вместо касок торчали капоры. Только на немногих весьма редких видны были шубы»⁴⁶³.

Французские солдаты смоленского гарнизона жгли деревянные дома, для того чтобы согреться⁴⁶⁴. Передовые части, приходившие в Смоленск, активно грабили, прежде всего ища съестное и теплую одежду. Вновь особо отметились неистовствами поляки. Отсутствие дисциплины, как и в Москве, привело к возникновению многочисленных пожаров⁴⁶⁵. Войдя 27 октября (8 ноября) в Смоленск, основная масса отступавших разграбила собственные продовольственные склады. Порядок сохранила лишь Старая гвардия, и только она и была обеспечена хлебом на две недели⁴⁶⁶. Гвардейцы не церемонились, спорные вопросы они решали кулаками, выгоняя из теплых домов солдат других частей⁴⁶⁷. Раздел продовольствия тоже проводился исключительно в пользу гвардии, которая снабжалась всем необходимым, а армия получала то, что осталось⁴⁶⁸. Остальные войска должны были получить продовольствие только на шесть дней. Поскольку в первую очередь снабжались гвардейские части, остальные вынуждены были ждать. Отчаявшиеся голодные солдаты некоторых корпусов после нескольких дней ожидания начали штурмовать сохранившиеся армейские магазины⁴⁶⁹.

Среди лежащего в руинах Смоленска грабители продолжали продавать и обменивать трофеи, захваченные в Москве: «Странное зрелище представлял тот род торговли, который возник посреди этих развалин, покрытых снегом, под стенами когда-то жилых домов. В одном месте города, где сходились четыре главные улицы, наши солдаты, особенно же гренадеры Старой гвардии, устроили настоящий базар. Там можно было найти и невероятнейшие вещи, все, чего желает роскошь, и все, чего требует нужда. Тут маркитантка предлагала часы, перстни, ожерелья, серебряные вазы, а иногда и драгоценные камни. В другом месте гренадер продавал водку или шубы. Подальше солдат из обозной прислуги заманивал купить полное собрание сочинений Вольтера или «Письма к Эмилии» Демустье. Стрелок выставил на продажу лошадей и кареты; кирасир держал лавочку, где продавалось платье и обувь. Трудно вообразить более удивительное зрелище»⁴⁷⁰.

Менее удачливым было уже не до торговли. «Солдаты, прибывшие из Москвы, — записал в своем дневнике офицер гарнизона, — закутаны в мужские и женские шубы и покрыты шерстяными или шелковыми материями всяких цветов; головы и ноги обернуты лохмотьями, лица длинные и зачерненные бивуачным дымом, глаза красные и блуждающие: в этом виде они похожи на невольников, вырвавших-

ся из темницы. Те из воинов, кои упадают от холода, от голода или от усталости, умирают на месте; но это не трогает их сотоварищей: они проходят мимо, не подавая им ни малейшей помощи»⁴⁷¹. После Смоленска французская армия была обречена. 2 (14) ноября ее отступление продолжилось. Перед уходом из города Наполеон приказал взорвать стены и башни, а все оставшиеся здания сжечь. Саперы успели разрушить только восемь башен и часть Королевского бастиона, а также взорвать 800 ящиков с порохом, в результате чего пожар охватил дома, где, в частности, находилось около 2 тыс. больных и раненых французских солдат. Их, оставленных умирать без докторов, спасали из огня русские солдаты и лечили русские лекари⁴⁷². Естественно, французы не снабжали своих раненых продовольствием, оно разбиралось здоровыми европейцами⁴⁷³.

Появление русских врачей оказалось как нельзя более кстати. Французская армия оставляла после себя руины, среди которых лежали трупы горожан. Оставшиеся в живых при первой возможности расправлялись с попавшими в их руки французами, тщетно взывавшими о пощаде⁴⁷⁴. Все это происходило в центре губернии, страшно пострадавшей от нашествия. Наполеон, «возмущенный сожжением Москвы», приказал своей армии жечь все на своем пути. Приказ выполнялся по мере возможности. В Белоруссии попытались остановить эту практику, но было уже поздно⁴⁷⁴. В Смоленской губернии стала разворачиваться массовая партизанская война, сопровождавшаяся значительным взаимным ожесточением⁴⁷⁶. Только материальные потери Смоленской губернии составили 74 372 843,89 рубля⁴⁷⁷. Весьма значительными были и потери населения. На 1811 г. все мужское население губернии насчитывало 480 948 человек, а перепись 1816 г. показала только 423 366 ревизских душ. Разница, составляющая свыше 57 тыс. человек, только частично (без учета женского населения) показывает убыль от убийств и истязаний цивилизованной европейской армией и болезней, последовавших за войной (впрочем, значительных эпидемий все же не было)⁴⁷⁸.

3–6 (15–18) ноября в ряде сражений под Красным французская армия понесла очередное поражение, в плен попало 26 тыс. человек, включая шестерых генералов, трофеями русской армии стали 116 орудий и значительный обоз. Потери французов убитыми не поддавались исчислению, русская армия потеряла только 2 тыс. человек убитыми и ранеными⁴⁷⁹. Из корпуса М. Нея до Орши добрались всего 800 человек⁴⁸⁰. М. И. Кутузов был недоволен, потому что вообще не хотел сражения и потерь, на которые все равно был обречен противник. «За десятерых французов не отдам я одного русского, — говорил он. —

Неприятели скоро все пропадут, а если мы потеряем много людей, то с чем придем на границу?»⁴⁸¹ Через три недели после выхода из Тарутинского лагеря под его командой осталось около 50 тыс. человек, при этом в боях было потеряно около 10 тыс., остальные потери выпали на заболевших⁴⁸².

6 (18) ноября резко похолодало, выпал снег. Для французской армии это стало началом особо тяжелых испытаний⁴⁸³. 10 (22) ноября М. И. Кутузов писал дочери: «Вот Бонапарт, этот гордый завоеватель, этот модный Ахиллес, бич рода человеческого, или, скорее, бич Божий, бежит передо мной более трехсот верст, как дитя, преследуемое школьным учителем. Неприятель теряет пропасть людей; говорят, что солдаты, офицеры и даже генералы едят лошадиную падаль. Некоторые мои генералы уверяли, что они видели двух несчастных, жаривших на огоньке части тела третьего их товарища. При таких зрелищах человек, отбросив в сторону генеральство и государственное свое сновничество, поневоле содрогнется. Неужели это мое несчастное назначение, чтобы заставляя визиря питаться лошадиным мясом, а Наполеона еще более гадкими веществами? Я часто плакал из-за турок, но, признаюсь, из-за французов не проливал ни одной слезы»⁴⁸⁴. Русский командующий предпочитал вести преследование противника без крупных столкновений, впрочем, вскоре нужда в них отпала.

Положение неприятеля было чрезвычайно тяжелым. Начался массовый падеж лошадей, движение быстро теряло организованный характер. Любой подъем, любой мост, любой овраг и любое сужение дороги превращались в суровое испытание для тех, кто был уже не в силах прокладывать себе дорогу кулаками или оружием⁴⁸⁵. «Все дороги и леса, — отмечал британский генерал, шедший вместе с казаками, — завалены мертвыми телами, едва идущими «призраками», обглоданными скелетами, знаменами, пушками, пороховыми фурами, экипажами и всяческого рода обломками»⁴⁸⁶. При движении только Старая гвардия сохраняла образцовый порядок, и легкая кавалерия партизан ничего не могла сделать с ней⁴⁸⁷. Но теперь даже она начала терять свой внешний вид и строй⁴⁸⁸. Тем не менее она сохраняла верность Наполеону и боеспособность⁴⁸⁹. «Только шесть тысяч человек гвардии, — вспоминал принц Евгений Вюртембергский, — да тысячи четыре прочих войск сберегли еще свое оружие и резко отличались этим от шестидесятитысячной толпы несчастных, покрытых рубищем, истомленных голодом, с отмороженными членами, походивших скорее на призраков, чем на людей»⁴⁹⁰. В таком состоянии подошла к Березине армия противника. Ее окончательная катастрофа произошла здесь.

После Днепра ближайшим препятствием отступавших стала именно эта не успевшая замерзнуть река, к которой подходили армии П. В. Чичагова и П. Х. Витгенштейна. Особую опасность для французов представляла бывшая Молдавская, а теперь Дунайская армия — 32 тыс. человек при 180 орудиях, ветераны, за спиной у которых были шесть лет войны с турками. Это была хорошо обученная, опытная армия, солдаты и офицеры которой рвались в бой⁴⁹¹. Наполеону угрожало окружение, и он сумел из него вырваться, обманув стоявшего на правом, западном берегу Березины П. В. Чичагова. 10 (22) ноября французы выбили из Борисова авангард адмирала. Отходившие русские войска успели уничтожить часть моста и заняли предмостное укрепление⁴⁹². Впереди отступавших шли еще вполне боеспособные части, сознание безвыходности положения придавало им силы. Русские войска потеряли до 1 тыс. человек и обозы, П. В. Чичагов утратил способность к инициативным действиям, он ограничился только пассивной обороной⁴⁹³. Несмотря на успех, положение французов было весьма тяжелым.

8 (20) ноября, перед тем как оставить Оршу, Наполеон распорядился освободиться от повозок и экипажей. Был дан приказ сжечь два понтонных парка — ему были нужны лошади для артиллерии. Генерал Ж. Б. Эбле, уничтожив 60 понтонов (для переправы через Березину хватило 15), сохранил две походные кузницы, две повозки с углем и шесть фур с гвоздями, железом и инструментом. Благодаря решению Ж. Б. Эбле задача по строительству мостов стала выполнимой⁴⁹⁴. П. В. Чичагов вынужден был наблюдать за берегом на пространстве приблизительно в 50 верст, где было возможно осуществление переправы. В результате он предпочел растянуть свои силы в линию⁴⁹⁵. 12 (24) ноября, вопреки советам штаба, адмирал перебросил свои главные силы от Борисова, поблизости от которого французские саперы и понтоны 13 (25) ноября навели переправу через реку⁴⁹⁶. Первоначально был отдан приказ построить три моста, но материала на них не хватило, французы решили ограничиться двумя⁴⁹⁷. Два борисовских еврея с риском для жизни переправились через реку и сообщили П. В. Чичагова о подготовке переправы⁴⁹⁸.

Время стало главным фактором успеха каждой из сторон. П. В. Чичагов терял его, будучи не в силах обнаружить место настоящей переправы⁴⁹⁹. Вскоре после случившегося адмирал объяснил все тем, что вместо обещанных ему 160 тыс. человек он вынужден был действовать против 120-тысячной армии противника с 16 тыс. своих солдат⁵⁰⁰. Между тем накануне переправы окружение Наполеона считало, что помочь французской армии может только чудо⁵⁰¹. Местность была

окружена лесами, но на рубку и транспортировку качественного леса не было времени, саперы разбирали избы деревни Студянки и строили переправу из старых бревен. Такой мост не мог быть надежным, однако выбирать не приходилось⁵⁰². Березина из-за таяния снега стала шире и глубже, но наступившие накануне морозы укрепили ее болотистые берега⁵⁰³. Подчиненные Ж. Б. Эбле делали все возможное для наведения переправы. Это был героический труд⁵⁰⁴. «Потребовались неслыханные усилия, — вспоминал участник переправы, — чтобы наши несчастные понтонеры, в воде по самый рот, могли бороться со льдинами, которые наносило течение. Некоторые из этих понтонеров погибли от холода или затопленные льдинами, которые гнал сильный ветер»⁵⁰⁵. К часу следующего дня был готов первый мост, еще через три часа — второй⁵⁰⁶. По одному двигались пехота и кавалерия, по другому артиллерия и обозы⁵⁰⁷. Армия начала переход, подошедшие 15 (27) ноября войска П. Х. Витгенштейна атаковали ее прикрытие⁵⁰⁸.

12 русских орудий постоянно обстреливали переправу, и каждый выстрел находил множество жертв⁵⁰⁹. Русские легкие 6-фунтовки не могли нанести серьезного урона переправе, пехота противника с упорством шла вперед, не считаясь с потерями. «Французы лезли с ожесточением и полные отчаяния, — вспоминал командир русской батареи, — ибо дело шло не о месте сражения и отрезания у нас какой-либо части войска, а об участии значительного числа людей, погибающих на той стороне, без всякой возможности спастись, ежели переправа на правом берегу реки останется за нами»⁵¹⁰. После 12-часового боя русская артиллерия вынуждена была отойти, потери оказались слишком велики⁵¹¹. На восточном берегу реки французы установили батарею из 50 тяжелых орудий, которая активным огнем прикрывала переправу⁵¹². Наполеон лично пытался наводить порядок у переправы. Когда он уставал, ему помогали маршалы. Проблему решить не удалось, перед переправой на площади в 1,5 тыс. шагов в длину и 300 в ширину скопилась огромная масса людей и повозок. Еще хуже было то, что к мостам можно было пройти только по гати через заболоченные берега. Создавалась воронка, внутри которой, в водовороте из людей, шла борьба за жизнь⁵¹³.

Приблизительно в восемь утра второй мост рухнул. У оставшегося образовалась давка. Наполеон прежде всего вывел из окружения Старую гвардию, и только после этого в узкий въезд, ведущий на переправу, в отчаянии бросились все, кто мог идти. Около половины девятого утра 17 (29) ноября арьергард Великой армии штыками проложил себе дорогу к мостам через толпу больных, раненых, женщин и детей. Это была польская дивизия Жирана, увидевшая приближение

русских колонн. Их появление вызвало панику у въезда на переправу. После того как прошли поляки, последовала команда Ж. Б. Эбле поджечь оставшийся мост. Он получил ее раньше, но задержал исполнение на полчаса.

Переправа завершилась. Оставшиеся пытались найти спасение через огонь и льдины на реке. Березину ночью схватил лед, но он был слишком тонок, для того чтобы держать на себе людей. В десять часов появились авангарды казаков⁵¹⁴. Они застали ужасную картину смерти, отчаяния и разложения⁵¹⁵. Русская артиллерия обстреляла скопившиеся у переправы массы, и практически ни один заряд не пропал даром⁵¹⁶. «Бедствия французов на самих пунктах переправ, — отмечал принц Вюртембергский, — у мостов, превосходят все, что можно вообразить...»⁵¹⁷

Современник вспоминал: «Все пространство между Студенкой и Березиной загромождено было повозками всякого рода, между которыми, как тени на берегах Стикса, бродили полузамерзшие люди всякого пола и возраста. Река, на пространстве, где были мосты, наполнена была трупами. Равнина, образованная замерзшим болотом, на правом берегу лежащим, представляла ужасное позорище беспорядка и истребления. Биваки Великой армии означались кучами тел, от голода и ран без призрения умерших; пушки и пороховые ящики, опрокинутые и перемешанные, стояли в беспорядке, как в цыганском таборе. Множество отсталых и большей частью раненых без страха и надежды смотрели на проходившие мимо колонны победителей»⁵¹⁸. «Большой частью, — отмечал английский генерал, — это были люди, которыми Бонапарт пожертвовал ради лучших своих войск»⁵¹⁹.

Пытавшиеся переплыть через реку кавалеристы превращались в заледеневшие конные статуи. Множество французов шли с награбленным в России добром, и теперь оно становилось причиной их смерти. Казаки раздевали пленных, ища золото и серебро. Согреться было негде, изб в районе переправы было мало, и обессиленные, потерявшие волю люди массами замерзали⁵²⁰. Обоз и большая часть артиллерии Великой армии были потеряны. Человеческие потери ее оцениваются от 25 до 40 тыс. человек, считая убитых, раненых, попавших в плен и пропавших без вести, по большей части утонувших и замерзших⁵²¹. Европейцы, шедшие вместе с французами завоевывать Россию, грабить и жечь ее города, убивать и оскорблять ее жителей, теперь должны были расплатиться за свои подвиги и разделить судьбу своих хозяев. Весной 1813 г. по приказу минского губернатора в районе Борисова и Студянки было собрано и сожжено около 24 тыс. человеческих трупов⁵²².

На следующий день после боя тысячи пленных разных национальностей столпились у берега реки в надежде обогреться у костра и получить еду у своих победителей⁵²³. Особенно трагичным было положение детей. Спасшихся маленьких французов, немцев и итальянцев привезли в Петербург, где в дальнейшем они воспитывались и обучались под патронажем императрицы⁵²⁴.

После переправы в составе армии противника в организованном строю осталось менее 9 тыс. человек⁵²⁵. Общие потери Дунайской армии при этом составили 5 тыс., а главной — 4 тыс. человек⁵²⁶. Практически армия Наполеона перестала существовать, оставались лишь несколько организованных частей и толпы бредущих истощенных людей. Организация была утрачена, и у людей не оставалось выбора, кроме бегства⁵²⁷. Многие из них, переутомленные сверхнапряжением на переправе, выбивались из сил и начинали падать в нескольких сотнях шагов от реки. Упавшие замерзали насмерть, и дальше таких жертв становилось только больше⁵²⁸. Бегство выживших было быстрым, и потому бегущим пришлось бросить даже то, что с таким трудом они переправили накануне через Березину. На правом берегу реки русские войска встретили вытянувшийся вдоль дороги тыл армии грабителей, наполненный тем, что им удалось взять в Москве⁵²⁹.

Добыча, которую из последних сил, умирая, тащили с собой европейцы, не помогла и не пригодилась им. «Оставленный французами необъятный обоз, — вспоминал А. С. Стурдза, — уподоблялся кочевью целого народа, внезапно погибшего. В необозримых рядах и грудях колесниц, пышных экипажей, нагруженных повозок царствовали безмолвие гробов и мертвая тишина древнего кладбища. Драгоценные вещества, переживающие человека, лежали кучами посреди растерзанных тел, обезображенных адскими страданиями»⁵³⁰.

«Честь свою Наполеон здесь спас в полной мере, — писал К. Клаузевиц, — и даже приобрел новую славу, но исход переправы все же был крупным шагом к полной гибели его армии. Мы знаем, сколько из всей армии дошло до Ковно, и Березина явилась последним существенным ударом, приведшим к этому результату. Таковым же был и общий ход всего отступления. За исключением самого себя, своих лучших генералов и нескольких тысяч офицеров, он из всей армии назад почти никого не привел. Следовательно, когда говорят: он довел до конца труднейшее отступление, то это следует понимать лишь номинально; то же можно сказать об отдельных моментах отхода... Русские редко опережали французов, хотя и имели для этого много удобных случаев; когда же им и удавалось опередить противника, они всякий раз его выпуска-

ли; во всех боях французы оставались победителями; русские дали им возможность осуществить невозможное, но если мы подведем итог, то окажется, что французская армия перестала существовать, а вся кампания завершилась полным успехом русских за исключением того, что им не удалось взять в плен самого Наполеона и его ближайших сотрудников. Неужели же в этом не было ни малейшей заслуги русской армии? Такое суждение было бы крайне несправедливо. Никогда преследование неприятеля в большом масштабе не велось так энергично и с таким напряжением сил, как в эту кампанию»⁵³¹.

После Березины армия практически полностью утратила связь не только с Францией, но и герцогством Варшавским. Наполеона очень беспокоила эта неизвестность, он не без оснований опасался, что Пруссия воспользуется ситуацией и отрежет ему пути отхода⁵³². 5 декабря Наполеон сдал командование И. Мюрату и покинул свою армию. Сопровождаемый поначалу эскортом из 600 поляков, он инкогнито отправился во Францию⁵³³. 19 декабря беглец был уже в Париже. Отъезд императора привел армию в отчаяние. Вслед за этим наступило резкое похолодание⁵³⁴. Морозы доходили до 23 градусов, и они добились остатки наполеоновской армии⁵³⁵. Голод достиг своего пика, продовольствия попросту не было⁵³⁶. Потери отступавших в этот период были ужасны и не поддаются точной оценке.

Отступавшие, за исключением Старой гвардии, шли дезорганизованными толпами: «...каждый боролся отдельно от всех остальных. Лучшие не уважали уже самих себя, ничто их не удерживало, никто ничего не видел; в этом бедствии не было надежды ни на помощь, ни даже на сожаление; отчаяние не имело перед собою судей, не имело даже свидетелей: все были жертвами! С тех пор не стало братства по оружию, не стало товарищества, все связи были порваны! Невыносимые страдания лишили всех разума. Голод, мучительный голод довел этих несчастных до такого состояния, что они знали только животный инстинкт самосохранения, единственное чувство самых свирепых животных; этому инстинкту они все готовы были принести в жертву»⁵³⁷. По мере отхода от Березины бегущие части разлагались все больше и больше. Об этом можно судить по количеству трофеев. Если в первые дни преследователи захватывали от четырех до шести орудий, то потом их число выросло до 25–30 и 60⁵³⁸. От Березины до Немана французы бросили до 350 пушек и более 1,5 тыс. фур. Среди трофеев была и машинка для печатания сторублевых русских ассигнаций вместе со всем необходимым⁵³⁹. Только при подходе к Вильно русской армией было взято 150 орудий и 700 зарядных ящиков. Телеги, коляски

и фуры просто не считали, так много было их на забитой трупами и умирающими дороге⁵⁴⁰.

Перед отъездом Наполеон приказал И. Мюрату собрать армию в Вильно, удержать за собой город и остановиться там на зимние квартиры⁵⁴¹. Здесь был собран трехмесячный запас продовольствия на 10-тысячный корпус⁵⁴². Но опереться на город отступавшим не удалось. Из перемешавшихся остатков войск нельзя было уже сформировать боеспособные части⁵⁴³, это была невыполнимая задача. «Длинный след трупов, окоченевших от холода, — вспоминал А. Х. Бенкендорф, — обозначал путь и страдания армии, выставленной Европой»⁵⁴⁴. Силы людей были уже исчерпаны. «Все дороги, все разоренные жилища, — вторил ему принц Вюртембергский, — все окрестные поля были завалены замерзшими, места бивуаков обозначились горами неприятельских трупов, из которых одни держались на ногах, другие сидели, третьи стояли на коленях, словом, несчастные представлялись в таком положении, в каком кого застала смерть»⁵⁴⁵. Человеческая жизнь полностью утратила свою ценность, смерть перестала быть чем-то запретным. Мертвых раздевали, окаменевшие тела расставляли в ряды по улицам городов и т. п. Среди них, словно тени, шли живые еще европейцы, тысячами превращавшиеся в мертвых. Безжалостная война, которую Европа вела против России под руководством Франции, возвращалась к тем, кто ее породил⁵⁴⁶. Потери были огромны, в баварских частях, насчитывавших летом 30 тыс. человек, в строю осталось только 20 человек, а некоторым повезло еще меньше. В нескольких корпусах Великой армии в строю не осталось никого⁵⁴⁷.

В Вильно царил полный хаос⁵⁴⁸. Подходы к городу и его улицы были забиты трупами и брошенными колясками, повозками и орудиями⁵⁴⁹. Французы в беспорядке проходили через город. Его жители долгое время находились в неведении относительно судьбы армии Наполеона, и ее вид вызвал у них поначалу величайшее изумление. Но вскоре к нему добавились иные чувства. Первые части, проходившие через город, не могли ничего купить, да и не имели такой привычки, они с удовольствием грабили горожан. Особенно доставалось торговцам-евреям⁵⁵⁰. Вскоре роли поменялись. Измотанные, часто безоружные, одетые в разное тряпье, без нормальной обуви, солдаты быстро становились жертвами горожан, грабивших и убивавших отходивших⁵⁵¹. Лежавшие на улицах полуживые люди оказывались легкой, а часто и ценной добычей⁵⁵². В четырех верстах от города, на Понарских высотах, произошла финальная катастрофа «Великой армии». Последние обозы и артиллерия, выведенные из-под Березины, были брошены у обледе-

нелых крутых склонов. Образовалась длинная пробка на единственной и узкой дороге, где солдаты грабили телеги и фуры⁵⁵³. Отступающие вынуждены были бросить всю оставшуюся артиллерию (28 орудий), казну (около 10 млн франков) и бежать в Ковно, откуда, не задерживаясь, они бежали дальше⁵⁵⁴.

«Группы французов загораживают путь, и весь тракт на протяжении от Москвы до границы (около восьмисот верст), — писал проехавший его сардинский посол 17 (29) декабря 1812 г., — похож на непрерывное поле сражения»⁵⁵⁵. 15 декабря 1812 г. в трактир близ Гумбинена, где сидели высшие офицеры французской армии, вошел грязный и оборванный бородач. Прежде чем ординарцы собрались вышвырнуть его на улицу, он обратился к одному из обедающих: «Генерал Дюма, вы меня не узнаете?.. Я — арьергард Великой армии, маршал Ней»⁵⁵⁶. 7 (19) декабря Вильно было занято русскими войсками, в плен сдались семь генералов, 18 штабных и 224 обер-офицера и 9517 рядовых. В городе оставались 5139 больных и раненых⁵⁵⁷, значительные запасы продовольствия и 140 орудий⁵⁵⁸. Русские войска также понесли значительные потери в походе. В Главной армии к этому времени насчитывалось 27 464 человека и 200 орудий, вместе с войсками П. Х. Витгенштейна и П. В. Чичагова на западных границах находилось 86 435 русских солдат и офицеров с 557 орудиями⁵⁵⁹.

29 декабря 1812 г. (10 января 1813 г.) в Вильно вместе с основными силами вступил М. И. Кутузов. Быстрое преследование помешало отступавшим сжечь город⁵⁶⁰. Здесь русскую армию ожидали чудовищные картины брошенных французских тылов и полного разложения. Дороги на город были усеяны трупами людей и животных, те, кто мог двигаться, шел на восток — это были пленные⁵⁶¹. «Более нежели на 50 верст, не только по дороге, но и в стороны от селений, — вспоминал участник преследования, — виднелись одни лишь трубы да печи, а все, что только имелось в деревне удобосгораемого, употреблено на топливо, и от Ошмян до Вильно нельзя было двух шагов пройти без того, чтобы не наткнуться на один или несколько трупов. В других местах было видно, что некоторых смерть заставляла на трупах их товарищей в то время, когда они готовились ими утолить свой голод. Еще ужаснее было видеть, как десятками залезали в самую середину костров и, обгоревшие, оставались в таком положении. Другие, не испустившие еще последнего дыхания, тлели, буквально на угольях, не высказывая ни малейшего страдания в потухающих глазах. Почти на каждых двадцати сажнях встречались или покинутое орудие, или с зарядами фура, и под оными по четыре, по три, по две и одной лошади с упряжкой, павших»⁵⁶².

«Ужаснейшее разительное зрелище, — докладывал генерал-майор Е. Ф. Канкрин об увиденном, — какое когда-либо видимо было человеческим оком, было в Вильне. Не говоря о том, что улицы покрыты были обозами, пушками, мертвыми и полумертвыми телами, наполнены лошадьми, бродящими по улицам и падающими при поднятии малейшей соломинки, все почти монастыри были наполнены больными и ранеными. При приближении наших французское управление разбежалось или скрылось, сами французы начали грабить госпитали; наши передовые части расстроили остальное; да и с самого начала французского управления сии госпитали были довольно дурны. При прибытии моем в Вильну, будучи, так сказать, и сам, как и многие наши, готов в госпиталь, тотчас вошел я в сии французские пещеры смерти, нашел большую часть постелей покрытую мертвыми, коридоры были наполнены до потолка кучами трупов, перемешанных с мерзлыми нечистотами, на полах горели огни, около коих шатались не люди, а привидения»⁵⁶³.

В феврале из Петербурга в Главную квартиру армии прибыл А. И. Михайловский-Данилевский. Он был потрясен зрелищем невиданного разорения: «Начиная от Двины все селения были превращены в пепел, и жители, лишённые крова и пропитания, гнездились в ямах, вырытых в земле; только слабые признаки промышленности видны были между евреями. Вильна представляла страшное зрелище: заразные горячки уже другой месяц свирепствовали в сем городе, все дома наполнены были больными и умирающими, и многие из них совершенно опустели, даже опасно было дышать тяжелым воздухом, который сгустился над Вильною. По улицам бродили толпы пленных, уподоблявшихся от изнеможения могильным теням, ибо во время бегства из Москвы неприятель испытал такие бедствия, которым потомство с трудом поверит»⁵⁶⁴. За вторую половину декабря в городе умерли 9 тыс. пленных⁵⁶⁵. Русские власти вынуждены были спешно наводить порядок в этом аду. Огромное количество трупов — до 30 тыс. — было вывезено за город, где их сжигали⁵⁶⁶. Окрестности также оказались заваленными трупами людей и животных⁵⁶⁷. К весне количество сожженных человеческих тел выросло до 53 тыс.⁵⁶⁸

Кроме санитарных мер военные власти принялись спасать тех, кого еще можно было спасти, одновременно организуя и собственные госпитали⁵⁶⁹. Эти работы нанесли немалый ущерб армии, потому что пребывание в городе, заполненном трупами и больными, привело к резкому скачку санитарных потерь в войсках⁵⁷⁰. Разницы в отношении к раненым и больным не было, сам император, прибывший в Вильно

11 (23) декабря, и великий князь Константин Павлович лично подавали пример заботы и человеколюбия⁵⁷¹. Посещение императором зараженных госпиталей произвело очень сильное впечатление на тех, кто там находился, тем более что вскоре после этого содержание их резко улучшилось⁵⁷². По распоряжению императора пленным стали раздавать теплую одежду, нуждавшимся выплатили жалованье серебром⁵⁷³. Ужасное зрелище произвело на Александра I тяжелейшее впечатление⁵⁷⁴.

Часть польского дворянства Виленского края перешла на сторону французов. При приближении русских войск эти добровольцы разбегались и прятались, ожидая скорой расправы⁵⁷⁵. Вильно встретил императора не только госпиталями, забитыми умирающими, — местное дворянство организовало блестящие праздники в честь монарха, старательно имитируя радость и явно надеясь на амнистию⁵⁷⁶. 12 (24) декабря 1812 г. Александром I был издан манифест «О прощении жителей от Польши присоединенных областей, участвовавших с французами в войне против России»⁵⁷⁷. Безусловную амнистию получали все, кроме захваченных в плен с оружием в руках и находившихся на момент подписания манифеста в войсках Наполеона. Первые содержались в плену до окончания войны, а вторым предоставлялась возможность вернуться под власть России в течение двух месяцев, в противном случае они уже не могли рассчитывать на снисходительность императора, а имущество таких лиц подвергалось конфискации⁵⁷⁸. Нельзя не отметить, что, учитывая «подвиги» польских частей, это было весьма великодушное предложение.

Александр I думал о будущем, основанном на христианских началах, на прощении грешников. В русской победе император прежде всего видел проявление промысла Божьего. Об этом было сказано в манифесте «О принесении Господу Богу благодарения за освобождение России от нашествия неприятельского» от 25 декабря 1812 г. (6 января 1813 г.), восхваляющем его и народ русский: «Какой пример храбрости, мужества, благочестия, терпения и твердости показала Россия! Вломившийся в грудь ее враг всеми неслыханными средствами лютостей и неистовств не мог достигнуть до того, чтобы она хотя бы единожды о нанесенных ей от него глубоких ранах вздохнула. Казалось, с пролитием крови ее умножался в ней дух мужества, с пожарами градов ее восплалялась любовь к Отечеству, с разрушением и поруганием храмов Божиих утверждалась в ней вера и возникало непримиримое мщение»⁵⁷⁹. В тот же день был издан и манифест «О построении в Москве церкви во имя Христа Спасителя в ознаменование благодарности к промыслу Божию за спасение России от врагов»⁵⁸⁰. Кампания была окончена.

В тот же день император подписал приказ о выступлении войск за границу, в котором он обращался к своим солдатам: «Вы видели в земле нашей грабителей, разоривших дома и неповинных поселян. Вы праведно кипели на них гневом и наказали злодеев. Кто же захочет им уподобиться? Если же паче чаяния таковой сыщется, да не будет он Русский! И да исторгнется из среды вашей. Воины! Сего требуют и ожидают от вас ваша православная Вера, ваше Отечество и Царь ваш»⁵⁸¹.

К 31 декабря 1812 г. (12 января 1813 г.) вооруженного противника на русской земле не осталось. Не считая фланговых корпусов, не принимавших участие в походе на Москву, Наполеон вывел из России около 20 тыс. человек, сохранив девять из 1400 орудий. Свыше 440 тыс. его солдат и офицеров было убито, около 110 тыс. попало в плен. Потери русской армии оценивались в 250–300 тыс. человек. К концу войны численность трех русских армий на западной границе равнялась 86 133 человекам при 533 орудиях, из них главная армия под командованием М. И. Кутузова насчитывала 27 264 человека при 200 орудиях⁵⁸². Содержание армии в 1812 г. обошлось государству в 19 млн рублей⁵⁸³. В течение 1812 г. в казну поступило 332 млн рублей, в то время как израсходовано было до 342 млн рублей, в том числе по Военному министерству 160,5 млн рублей. Цифры государственных расходов не включали в себя частные пожертвования деньгами и натурой (продуктами) на общую сумму до 100 млн рублей⁵⁸⁴. Финансовые потери населения России были исчислены министром финансов Д. А. Гурьевым в конце этого тяжелого года в сумму свыше 200 млн рублей. Позже общая сумма материальных убытков страны оценивалась историками в огромную сумму — свыше 1 млрд рублей⁵⁸⁵ и даже в два-три раза больше. Убытки, которые понесла страна, трудно поддаются исчислению⁵⁸⁶.

Отечественная война 1812 г. завершилась. С ее окончанием Александр I провозгласил основной целью своей политики освобождение Европы от тирании Наполеона. Прочный и надежный мир, по мнению императора, мог быть подписан только в Париже⁵⁸⁷. Принимая генералитет 12 (24) декабря, император изложил программу будущих действий следующими словами: «Вы спасли не одну Россию, вы спасли Европу»⁵⁸⁸. М. И. Кутузов придерживался других взглядов. «Я несколько не уверен, — говорил он британскому военному представителю при русской армии генералу Р. Вильсону, — что полное уничтожение империи Наполеона было бы уже таким благодеянием для света... Его наследство досталось бы не России и не какой-либо иной континентальной державе, но той державе, которая уже и теперь владычествует на морях и чье господство сделалось бы тогда невыносимым»⁵⁸⁹.

Не сочувствовал идее освободительного похода в Европу и граф Н. П. Румянцев, но, как и М. И. Кутузов, он был болен. Ни опытный министр, ни самый авторитетный из русских фельдмаршалов не могли повлиять на решение монарха. Их оценка последствий поражения Наполеона была верна, но не менее верным было и то, что сохранение владычества французов в Европе означало, что рано или поздно они оправились бы от поражений и восстановили чрезвычайно сложную и опасную для России обстановку 1810–1811 гг. Сам «похититель Европы» был бодр и настроен продолжать борьбу. На встрече в Варшаве он обещал покровительство полякам и кратко изложил свое видение событий: «Никто не мог предвидеть несчастных последствий сего похода, который начат был столь славно. Я сделал две ошибки: первую, что пошел в Москву; вторую, что долго в ней оставался... Я не был бит русскими, но меня стихии победили»⁵⁹⁰. Не было забыто и оставление армии: «Солдаты просили меня удалиться из армии, присутствие при ней более не нужно»⁵⁹¹.

В декабре 1812 г., отправляясь в Вильно, для того чтобы вместе с армией следовать в заграничный поход, Александр I взял с собой в качестве секретаря для политической переписки графа К. В. Нессельроде. Не желая формально занимать пост министра иностранных дел, Н. П. Румянцев подал прошение об отставке, но получил ее только по возвращении императора в Россию, в августе 1814 г. «Война, возникшая между нами и Францией, — обращался в конце 1812 г. к Александру I К. В. Нессельроде, — не может быть рассматриваема как предприятие, начатое нами с намерением освободить Европу»⁵⁹². По мысли русского дипломата, Россия не желала этой войны, а только оборонялась и защищала собственную жизнь. После долгих и утомительных войн страна нуждалась в спокойствии и развитии собственного благосостояния. «Поэтому, — заявлял он, — верно поняты интересы России, очевидно, требуют мира прочного и крепкого, после того как успехи ее против французских армий упрочили ее жизнь и независимость»⁵⁹³.

Эта цель могла быть достигнута только возвращением Франции в ее старые границы между Рейном, Альпами, Пиренеями и Шельдой, следовательно, для ее достижения требовалась широкая антифранцузская коалиция, основой которой, по мысли К. В. Нессельроде, должен был стать австро-русский союз. Впоследствии к нему должна была присоединиться Пруссия, а сами военные действия субсидировать Англия (для «освобождения Германии» К. В. Нессельроде был готов выделить не более 150 тыс. человек). И только в случае, если не удастся сделать первый шаг, то есть добиться соглашения с Австрией, К. В. Нессельроде

предлагал пойти на заключение мирного договора с Наполеоном⁵⁹⁴. Именно этот доклад стал основой действий России в 1813 г., и необходимо признать, это была абсолютно разумная программа.

Наполеоновская империя была создана войной и жила войной, и для длительного мира, в котором нуждалась Россия, эта империя должна была быть сокрушена войной. О каком примирении могла идти речь с государством, официоз которого распространял подобные обращения к правителю: «Нам точно известно, что в конце декабря русские имели у себя плену 170 000 наших храбрых героев, между которыми было генералов 41, а офицеров 1200; они живы; весною вы освободите их и с торжеством проведете за своей колесницей, приковав к ней грубых казаков, которые будут уже не страшны для нас, но занимательны для нашего любопытства во время торжества победы: сии трофеи докажут совершенное подданство обширной Империи Российской, которая, не постигнув ваших великих намерений для пользы человечества, приняла политическую войну за войну хищническую и упорством своим до того утомила вашу отеческую к ней любовь, что вы отреклись уже даровать ей просвещение и ту свободу, которой мы наслаждаемся под вашим великим скипетром. Верьте, Государь, что впредь ничто не может поколебать нашей к вам приверженности. Мы будем наслаждаться теми празднествами, которые вы нам готовите, невинным простодушием ваших верноподданных. У нас нет другого отечества, кроме вас, Великий Наполеон, наш Моисей, наш Магомет, наш Монто-Капан¹. Вы лишились 400 000 человек; не бойтесь, чтобы по примеру слабого Августа мы возопили: «Варр, возврати мне легионы мои!» Напротив, только повелите... мы удвоим, утроим число счастливых жертв вашей славы»⁵⁹⁵.

Заграничные походы русской армии и сокрушение Наполеона

Еще 22 октября (3 ноября) 1812 г. П. Х. Витгенштейн испросил разрешения императора вступить в переписку с прусским генералом Л. Йорком, корпус которого в качестве вспомогательных войск Великой армии действовал на Рижском направлении, с целью склонить его к перемирию. Через четыре дня последовал соответствующий рескрипт Александра I¹. Еще накануне войны было

¹ Имеется в виду Монте-Капанне — высочайшая гора на острове Эльба. Вскоре эти две вершины встретились, в истории много символичного.

очевидно, что прусская армия и жители королевства симпатизируют России². Назначенный в октябре на должность рижского губернатора генерал маркиз Ф. О. Паулуччи, активно занимавшийся укреплениями Риги и Динамюнде, 2 (14) ноября отправил Л. Йорку письмо, в котором поставил вопрос о необходимости для Пруссии участвовать в этой войне³. «Пруссия вступила на путь брани вопреки своему желанию и своим личным выгодам, — писал Ф. О. Паулуччи. — Вы знаете также, что она воюет на пользу неугомонного врага ее величия, на пользу ее притеснителя, одним словом, на пользу нового Аттилы, который, подобно древнему, будучи бичом человечества, опустошив последовательно Пруссию и все государства Европы, возобновил в наши дни все ужасы Гуннов и Вандалов»⁴.

Ответ пришел уже 8 (20) ноября, и он был странным для генерала противостоящей России коалиции. Л. Йорк заявлял, что для него нет иных интересов, «кроме интересов моего Короля и моей родины», а на предложение покинуть французов прусский генерал отвечал полуотказом: «...человек, наученный опытом, никогда не должен рисковать этими священными интересами, действуя своевольно или преждевременно»⁵. 14 (26) ноября начались русско-пруссские переговоры, одновременно Л. Йорк отправил письмо к Ф. О. Паулуччи. Он интересовался тем, что получит Пруссия в случае поражения французов. Л. Йорку требовались точные и ясные ответы⁶. Началась переписка, в ходе которой была подготовлена почва для соглашения в ближайшем будущем⁷.

В немецких частях из состава Великой армии было немало тех, кто ненавидел французов. При отступлении страх перед хозяевами стал исчезать, и немцы массами перебежали в русские части⁸. Л. Йорк поставил своего короля в известность о секретных контактах с Ф. О. Паулуччи, поначалу прусский генерал пытался оттянуть время для каких-либо решений, поскольку боялся французов: «Какое значение в настоящую минуту может иметь корпус в 12–13 тысяч человек, корпус, который еще должен сосредоточиться, — в смысле влияния его на отдаленную линию отступления Великой армии? Ввиду последних событий теперь уже не может быть речи о том, чтобы помешать отступлению за Неман или за Вислу. Теперь, быть может, было бы желательным (для французов) уличить Пруссию в двуличии, чтобы поработить ее и появиться в качестве завоевателей»⁹.

Прусский корпус пострадал меньше других и сохранил управление. Вера солдат в своего командира позволила ему пойти на решительный шаг. Немаловажную роль в предварительных переговорах сыграли прусские офицеры на русской службе, которым в сложившейся

обстановке Л. Йорк доверял больше, чем кому-нибудь другому¹⁰. 18 (30) декабря 1812 г., еще до перехода русскими войсками границы, Л. Йорк подписал в Таврогах (нем. Тауроген, совр. Таураге в Литве) с представителем русского командования генерал-майором И. И. Дибичем конвенцию о нейтралитете. Согласно ее условиям корпус должен был остаться на месте и воздерживаться от участия в войне, но вскоре он получил возможность вернуться в Пруссию¹¹. Это был мужественный поступок, совершенный генералом на свой страх и риск, без санкции короля, опасавшегося выступить против Наполеона.

Генерал-лейтенант князь С. Н. Долгорукий, который вел переговоры с Л. Йорком, докладывал: «...он мне еще сказал, что письмо Императора к королю, переданное им (Александр I предлагал заключить антифранцузский союз. — О. А.), и его собственные просьбы, которые он присовокупил, *вероятно* (курсив мой. — О. А.), убедят короля принять энергическое решение вопреки малодушным людям, старающимся, может быть, его обмануть. Но что во всяком случае он исполнит свой долг и его войска никогда не будут сражаться вместе с французскими. Он мне указал на Петра Великого, писавшего сенату не исполнять его приказаний, если он попадет в руки неприятеля»¹². Подписание конвенции вызвало радость в прусских войсках, Л. Йорк отправил своему королю донесение, в котором полностью взял на себя ответственность за шаг, сделанный им без повеления монарха. Оно заканчивалось следующими словами: «Я охотно готов сложить свою голову к стопам Вашего Величества, если я допустил ошибку; я умер бы с радостным и спокойным сознанием, что, по крайней мере, ни как верноподданный, ни как истинный пруссак я не грешен. Теперь или никогда настал момент, когда Ваше Величество может освободиться от дерзких требований союзника, темные планы которого относительно Пруссии возбуждали бы справедливое беспокойство, если бы счастье оставалось на его стороне. Этот взгляд руководил мною, и да поможет небо, чтобы он послужил ко благу Отечества»¹³.

Это письмо, как и последовавшее 25 декабря 1812 г. (6 января 1813 г.) обращение Александра I к тому же адресату¹⁴, поначалу остались без ответа. Берлин все еще боялся Наполеона. Фридрих-Вильгельм III не просто отказался ратифицировать конвенцию, он даже отстранил Л. Йорка от командования корпусом и приказал арестовать его и отдать под суд. Разумеется, прусский монарх немедленно поставил французские власти в известность об этом своем шаге¹⁵. Максимум требований, которые мог позволить себе король, это признать нейтралитет Силезии и заплатить Пруссии 94 млн франков за поставки, сделанные

для французской армии в 1812 г.¹⁶ Страхи короля проходили по мере того, как очевидными становились масштабы поражения Наполеона и победы Александра I.

1 (13) января 1813 г. русская армия перешла через Неман и вторглась в герцогство Варшавское. По приказу М. И. Кутузова, «дабы привлечь народ к нам», запрещалось взимание контрибуций с жителей, 27 декабря 1812 г. (8 января 1813 г.) за подписью главнокомандующего было издано обращение к властям и населению герцогства, призывающее их не опасаться «обид». Русские военные власти гарантировали порядок и даже выплату жалованья тем чиновникам, которые останутся на месте и будут продолжать выполнять свои обязанности¹⁷. Приказ главнокомандующего неукоснительно соблюдался¹⁸. «Пруссаки поднимаются массами на защиту правого дела, — писал 3 (15) января 1813 г. П. Х. Витгенштейн. — Остаток французской армии стоит на Висле, даже дальше, против Данцига, но он там долго не останется; страна скоро вполне очистится»¹⁹. 24 января (5 февраля) в Плоцк вслед за армией последовал Александр I. По пути он получил письмо А. А. Чарторыйского, просившего о восстановлении Польского королевства с великим князем Михаилом Павловичем во главе. На последнюю часть просьбы последовал резкий отказ, первая была временно отложена.

«Я буду говорить с Вами с совершенной откровенностью, — ответил император. — Прежде всего напомним Вам общественное мнение в России, возбужденное против Польши поступками польских войск, опустошением Смоленска, Москвы и разорением всей страны. Во-вторых, если бы я выказал расположение к Польше, то Австрия и Пруссия сдружились бы с Францией. Необходимо, чтобы вы сами содействовали моим видам и оправдали в глазах русских то предпочтение, которое я вам оказываю. Имейте сколько-нибудь доверия ко мне, к моему характеру, к моим правилам, и ваши надежды не будут обмануты. По мере развития военных действий Вы увидите, как мне дороги пользы Вашей страны и как я верен своим убеждениям. Что же касается форм управления, Вы знаете, что я всегда предпочитал те, которые обеспечивают свободу. Я должен, однако же, остеречь Вас как можно определительнее, что мысль о моем брате Михаиле не может иметь места. Не забывайте, что Литва, Подолия и Волынь считают себя русскими областями и что никакая логика в мире не убедит русских, чтобы эти области могли принадлежать кому бы то ни было, кроме Государя, царствующего в России»²⁰.

Серьезного сопротивления в герцогстве Варшавском русские войска не встретили. Большая часть крестьянства была абсолютно

индифферентна, еврейское население городов настроено прорусски, а враждебные дворянство и католические священнослужители оказались неспособны повести за собой свой, как им казалось, народ²¹. Во многом мирному занятию герцогства помогло и соглашение с австрийцами. Те отходили, по словам генерала Д. С. Дохтурова, «очень дружелюбно, без малейшего выстрела»²². Еще 19 (31) декабря 1812 г., находясь в Вильно, Александр I обратился к Францу I с предложением объединиться во имя «освобождения Европы». Обстоятельства для этого были чрезвычайно благоприятными, равно как и русские предложения. «Если Ваше Величество решитесь воспользоваться ими, — писал русский император, — то, несмотря на состояние войны, которое, к несчастью, существует между нами, Вы можете рассчитывать на самое активное содействие с моей стороны, и я буду счастлив, если, борясь за достижение столь важной цели, буду иметь возможность равным образом способствовать увеличению Ваших владений, чего столь настоятельно требуют как равновесие континента, так и интересы Вашей монархии. Представляется исключительно благоприятный случай возместить понесенные Австрией потери; возвращение Вам всех Ваших прежних владений не может не соответствовать интересам моей политики»²³. Договор с австрийцами по образцу соглашения с Л. Йорком полностью изменил бы расклад сил в Польше.

Принц Евгений Богарне, командовавший тем, что осталось от Великой армии, 17 января 1813 г. извещал Наполеона о сложном положении подчиненных ему войск на Средней Висле. Принц никогда не командовал польскими войсками и, по его словам, не мог знать, «в какой мере можно рассчитывать на силу сопротивления, которое они могут оказать неприятелю»²⁴. Сомнения принца относительно ценности польских войск не были беспочвенными. Во всяком случае, их разделял и Понятовский. 21 января он докладывал Богарне о том, что не закончен даже очередной набор в армию, а новые польские части только формируются, и в результате «ими положительно невозможно воспользоваться для обороны страны, так как это не более как рекруты, совершенно не умеющие владеть ружьем, впервые попавшим им в руки; они могут быть полезными только через некоторое время, и то при условии, что им будет дана возможность организовать и обучиться, хотя бы поверхностно, под прикрытием уже действующих войск»²⁵.

Польские части, имевшие боевой опыт, понесли огромные потери в России. С другой стороны, в ходе кампании австрийцы не вели активных боев, за исключением лета 1812 г., когда после пора-

жения саксонцев под Кобрином командовавший австрийским корпусом фельдмаршал князь К. Ф. Шварценберг вынужден был активизировать свои действия, впрочем, без особого успеха и ненадолго²⁶. В Вене до ноября ожидали скорого падения России. Надежной и скорой информации от армии Наполеона не приходило. Только в начале второй недели декабря 1812 г. К. Меттерних начал понимать, что события пошли каким-то другим, незапланированным путем²⁷. В январе 1813 г. австрийцы отступали, за ними следовал корпус М. А. Милорадовича. Из поступавших донесений было ясно, что в штабе К. Ф. Шварценберга радовались неудачам французов, но Александр I понимал, что полагаться на австрийцев нельзя.

Император отдал приказ вытеснить их на левый берег Вислы, обходясь, по возможности, без применения силы, вступая в переговоры с передовыми частями и т. п.²⁸ 8 (30) января 1813 г. он подписал аналогичный Таврогам договор. Согласно приложению к конвенции о перемирии, австрийский командующий сдал без боя Варшаву и ушел со своими войсками в Австрию²⁹. Следует отметить, что в отличие от Л. Йорка К. Ф. Шварценберг сделал это с санкции Вены. К. Меттерних приказал в случае необходимости оправдания перед союзниками ссылаться на особо тяжелые обстоятельства³⁰. Уход боеспособных австрийских войск серьезным образом менял ситуацию. Положение действительно было очень сложным, и французы не могли рисковать. Опасность окружения в районе столицы Польши была весьма реальной, и принц Богарне не стал ее защищать³¹.

Город был оставлен, и 26 января (7 февраля) в замок Мокашов к командовавшему русскими войсками генералу от инфантерии М. А. Милорадовичу явилась делегация варшавских жителей во главе с префектом, вручившим русскому генералу хлеб-соль и ключи от города. Депутаты просили о немедленном вводе войск в город. М. А. Милорадович принял ключи и заявил, «что церкви и законы останутся неприкосновенными и что Государь, из особенного покровительства к Варшаве, освобождает ее от постоя. Император не желает проливать кровь за кровь и платить разрушением за разрушение; даже для самых виновных отложил Он суд свой, карая их одной милостью»³². Город не понес каких-либо потерь, за исключением того, что по предписанию М. И. Кутузова городская стража была разоружена. Сопrotивления не было³³. Столицу Польши по приказу Александра I освободили от постоя войск, которые расположились в ее окрестностях. Офицеры и солдаты могли посещать ее по специальным пропускам, но им категорически запрещалось оставаться там на ночь³⁴. Безусловно, свою роль

в поведении поляков сыграло и отлучение Наполеона от церкви, изданное папой Пием VII 1 февраля 1813 г. в Фонтенбло³⁵.

1 (13) марта 1813 г. было издано положение о Верховном временном совете для управления Варшавским герцогством. В него по назначению императора вошли пять человек (президент, вице-президент, три советника, пар. 1). Президент, подчинявшийся монарху и главнокомандующему армиями (пар. 3), пользовался правами генерал-губернатора (пар. 5). Каждая префектура герцогства присылала для рассмотрения дел в Варшаву по депутатату (пар. 7), которые собирались в центральный комитет (пар. 8). Рекрутские наборы были остановлены, часть наиболее тяжелых налогов предусматривалось остановить (пар. 10). Предусматривался точный учет всех сборов на нужды армии (пар. 13)³⁶. Фактически это было преддверие будущего конституционного устройства края. Благосклонная политика продолжалась и далее. В августе 1813 г. император категорически запретил проводить на территории герцогства реквизиции и денежные сборы³⁷.

В сентябре 1814 г. Александр I подтвердил свое желание освободить Варшаву от постоянной повинности, даже по отношению к генералам³⁸. Тем не менее обстоятельства требовали практических решений, и территория герцогства стала центром снабжения русских войск. Фураж и провиант поначалу получали из запасных складов французской и польской армий, затем сборы распределялись на обывателей. С февраля 1813 по май 1814 г. стоимость реквизиций составила 72 382 986 польских злотых, что привело к значительному ухудшению положения края. Местные власти попытались протестовать, однако Временный совет продолжал жестко требовать выполнения поставок. В августе 1814 г. армия получила хлеба, мяса, водки и фуража на сумму 894 430 злотых. Кроме того, герцогство поставляло армии повозки и лошадей, в зимнее время — тулупы и т. п. Только на снабжение отрядов, осаждавших Модлин и Замостье, было поставлено продуктов на 1 млн злотых³⁹.

После занятия Варшавы русская армия двинулась в сторону Пруссии и Саксонии. В момент вступления русских войск на прусскую территорию М. И. Кутузов от имени императора обратился к народу Пруссии с воззванием: «Намерение Е[го] И[мператорского] Величества состоит в том, чтобы прекратить бедствия, ее терзающие, дать королю доказательства дружбы, которую он к нему сохранил, возвратить королевству Фридриха его блеск и границы. Он надеется, что Его Прусское Величество, одушевленный чувствами, которые эта откровенная декларация должна возбудить в нем, не примет при настоящих условиях другого решения, кроме того, которое требуется пользою его

земель и желаниями его народов»⁴⁰. «Пруссаки! — гласило другое воззвание. — Мы завоевали нашу независимость, нам было бы отрадно вместе с вами восстановить и вашу»⁴¹.

К пруссакам обратились и их соотечественники, шедшие с русской армией. Они призывали к мести и возрождению: «То, что вовлекло вас в посрамление, должно привести вас к чести. Одна ненависть к французам может соединить германские силы, восстановить блеск Германии, обнаружить все благородные стремления духа народного и истребить в нем всякое влечение к постыдному, сия ненависть как палладиум Германской свободы должна соделаться наследством чад и потомков ваших и быть отныне вернейшей оградой пределов Германии, от струй Шельды до высот Вогезских и вершин Арденнских»⁴². Было опубликовано и воззвание ко всем немцам: «Воодушевленный любовью к Отечеству народ русский победил. Французы находятся в бегстве; кто этому не верит, пусть спросит: где французская армия? Восстаньте, Немцы! И ваш час настал, дабы отомстить за поругания, которые вы претерпели, и снова подняться на степень свободного народа»⁴³.

Поражение французов для многих стало неожиданностью. Жители черпали информацию из бюллетеней Великой армии и в Восточной Пруссии успели даже отпраздновать «победу на Березине». В конце 1812 г. появились слухи о разгроме Наполеона. Вскоре они подтвердились⁴⁴. Русские войска получили распоряжение не вести себя в Пруссии как в неприятельской стране. Успехи русской армии вызвали рост освободительного движения в Пруссии, где для изгнания французов еще до издания королевских указов о всеобщем вооружении начали формироваться отряды ландвера и ландштурма⁴⁵. «Без русской помощи, — вспоминал генерал-фельдмаршал барон Карл фон Мюффлинг, — мы были не в состоянии сокрушить колосса, который угрожал нам деградацией и вечным рабством...»⁴⁶ В январе 1813 г. вся восточная часть королевства была очищена от французов.

Таурогенская конвенция не была еще ратифицирована королем, но местное население повсеместно встречало наши войска с восторгом, как освободителей от французского ига и польского произвола⁴⁷. «Мы приняты пруссаками как братья, — писал 1 (13) февраля М. И. Кутузов. — К нам их присоединилось 20 000. Только и хотят знать Александра и, кажется, готовы забыть своего короля. Государь всякий день разъезжает верхом, и надо видеть, как пруссаки за ним бегают»⁴⁸. Радость была повсеместной и общей, пруссаки приветствовали русские войска и старались угодить им при всяком случае⁴⁹. Тем не менее

были случаи, когда некоторые гарнизоны безуспешно пытались оказать сопротивление русским⁵⁰. Вскоре прекратилось и это. Колебания Фридриха-Вильгельма III были преодолены. В Калише 16 (28) февраля⁵¹ и Бреславле 7 (19) марта⁵² 1813 г. были подписаны союзные соглашения с Пруссией.

Союзники взяли на себя обязательство не заключать мира вплоть до восстановления этого королевства до положения 1806 г. в «статистическом, географическом и финансовом отношениях в размерах, соответствующих его положению до вышеупомянутого времени», для чего предусматривалась и возможность его расширения за счет некоторых северогерманских земель, за исключением Ганноверского королевства⁵³. 20 февраля (4 марта) 1813 г. передовые части русской армии вошли в Берлин, куда вернулся королевский двор⁵⁴. Русские войска встречали как освободителей, на улицах города царил атмосфера праздника⁵⁵. «Радость, восклицания, словом, всеобщий восторг жителей оной, — писал участник триумфа, — были нашей встречей, которой описать невозможно»⁵⁶. Везде и всюду русские войска встречали триумфальные арки, приветственные надписи на разных языках и цветы. Каждое появление императора вызывало бурю восторга. Это была радость освобождения от оккупации⁵⁷. 17 марта по дороге в столицу, в Бреслау, король подписал воззвания «К Моему народу» и «К Моим войскам» и призвал к повсеместному вооружению для борьбы с Францией⁵⁸.

«Моему верному народу, немцам, — гласило первое воззвание, — едва ли требуется отчет о причинах войны, которая сейчас начинается. Это очевидно для прозревшей Европы. Мы изнемогаем под давлением Франции. Мир, на который мы при поддержке половины Моих подданных были вынуждены пойти, не дал результатов; он нанес нам более глубокие раны, чем война. Нас лишили самого сердца нашей страны, наши главные оплоты заняты врагом, земледелие парализовано, как и столь высоко ценимое мастерство наших городов. Свобода торговли ограничена, а тем самым прекращен доступ к источникам собственности и благосостояния. Страна разграблена и истощена». Король обращал внимание пруссаков на другие народы: «Помните о великом примере нашего могущественного союзника, русских; помните об испанцах, о португальцах»⁵⁹. Во втором обращении воинов прусских армий убеждали быть храбрыми и дисциплинированными и снова призывали брать пример с народа, который пришел на помощь немцам: «Он верит в своего Государя, его командиров, его силу, и в то, что с ними Бог! И Вы тоже!»⁶⁰

В тот же день король подписал приказ об учреждении ополчения первого разряда — ландвера, а также приказал готовиться к призыву второго разряда — ландштурма⁶¹. Результатом вступления в войну Пруссии был неожиданный и поэтому тем более неприятный для Наполеона сюрприз. Созданная в условиях французской оккупации после унижительных поражений Йены и Ауэрштедта Г. Шарнхорстом и А. Гнейзенау военная система дала возможность Пруссии быстро воссоздать боеспособную армию. Начало мобилизации вызвало невиданный национальный подъем⁶². «Вельможи и крестьяне, — вспоминал современник, — знатные и бедные, носили черные кокарды с белой каймой (цвета прусского флага. — О. А.), которые в это время произвели в Пруссии не менее действия, нежели трехцветные банты в первые годы французской революции. Учителя слова Божия и профессеры на кафедрах увещевали прихожан и слушателей к вооружению: ненависть к притеснителям была общая, глубокая, а где укореняется ненависть к чужеземному игу, там она становится высокой, спасительной добродетелью и вместе предвестницей, что близок час избавления»⁶³.

В армию шла масса добровольцев, чиновники отказывались в пользу государства от половины жалованья, люди сдавали в военный фонд драгоценности и даже обручальные кольца⁶⁴. Король призвал к партизанской войне на занятых французами территориях, малейшее сотрудничество с оккупантами наказывалось смертной казнью⁶⁵. Наиболее популярной книгой в Пруссии стал «Катехизис христианского воина», объявлявший войну с Наполеоном религиозным долгом: «И разверзлась бездна, — гласит Господь, — и изрыгли челюсти ада яд и змей ядовитых. И родился чудовище и вместе с ним сонм кровавых гнусностей. И бысть имя ему — Наполеон Бонапарте, имя бедствий, имя скорби, имя, обреченное проклятию вдов и сирот, имя, взывающее их вопли, когда грешники станут на суд пред Господом. И если дьявол есть отец лжи, то Бонапарте есть старший сын дьявола»⁶⁶.

В Пруссии не хватало огнестрельного оружия, опытных офицеров и унтер-офицеров для обучения призванных в армию (призывались мужчины от 17 до 40 лет)⁶⁷. Часть вновь формируемого резерва пришлось вооружать пиками, солдатам не хватало обуви и обмундирования, однако моральный дух прусских войск был превосходным⁶⁸. Россия оказала помощь союзнику: в 1813 г. пруссакам было передано 15 тыс. трофейных ружей и около 41 тыс. пудов пороха⁶⁹. Имея в декабре 1812 г. только 60 тыс. человек под ружьем, король увеличил это число до 130 тыс. человек уже через три месяца и до 270 тыс. человек к завершению кампании 1813 г. Пруссия, имея в 1812 г. население в 5 млн человек,

то есть в два раза меньше, чем в 1806 г., сумела создать значительно большую по численности и боеспособности армию, чем в год своей катастрофы. Более того, в ходе боевых действий эта армия росла и в количественном, и в качественном отношении⁷⁰.

С русско-прусским союзом начала формироваться новая, Шестая антинаполеоновская коалиция. 22 марта к ней присоединилась Швеция. Ее наследный принц с насмешкой воспринял угрозы Наполеона отправить 40 тыс. французских солдат на помощь датскому королю⁷¹. На упреки в честолюбии он ответил: «Если дело идет о личном моем честолюбии, то, признаюсь, оно весьма велико. Я чувствую честолюбие: “служить делу человечества и обеспечить независимость Скандинавского полуострова”. В достижении сей цели полагаюсь я на справедливость дела, которое король поручил мне защищать, на неутомимость нации и праводушие ее союзников»⁷².

25 марта (6 апреля) 1813 г. русский посол в Англии граф Х. А. Ливен известил Александра I о готовности Лондона выделить денежную субсидию Пруссии и России⁷³. 2 (14) июня 1813 г. Великобритания официально присоединилась к коалиции, а 3 (15) июня было подписано соглашение, по которому Лондон брал на себя обязательства финансирования 160-тысячной русской армии и флота, находившегося в портах Великобритании, к 1 января 1814 г. Петербург должен был получить 1 333 334 фунта⁷⁴. С начала 1813 г. улучшались и отношения России с Австрией. Отсутствие опасности с ее стороны для союзников проявилось еще раньше, в период очищения австрийцами герцогства Варшавского. Позиция Вены менялась, Дунайская монархия начала мобилизацию своих сил и медленный отход от Франции.

«В результате, — докладывал императору 29 марта (10 апреля) 1813 г. русский посол в Австрии, — образуется внушительная армия, по видимости, одинаково опасная для обеих воюющих сторон; Австрия подождет нового столкновения между противниками, а затем может предписать им свои законы. С этой точки зрения мы до известной степени имеем право беспокоиться и осуждать австрийский способ нейтралитета, ибо Россия могла с полным основанием надеяться на лучшее отношение венского двора. Однако, здраво оценив руководящие последним принципы и выдвинутые Австрией основы умиротворения, совершенно неприемлемые для императора Наполеона, легко прийти к выводу, что нынешний важный шаг австрийского императора почти неминуемо приведет к желательному для нас результату, то есть к войне Австрии с Францией»⁷⁵. Анализ графа Г. О. Штакельберга вскоре полностью подтвердился. По мере усиления Вена становилась

все более независимой от Парижа. 18 (30) апреля 1813 г. была подписана секретная конвенция о перемирии между русскими и австрийскими войсками в Галиции. Срок ее действия не ограничивался⁷⁶.

Вслед за Берлином в марте русские войска заняли Гамбург и Бреслау, пруссаки взяли Дрезден, территория к востоку от Эльбы была освобождена от противника. Это были успехи, которые весьма беспокоили М. И. Кутузова, понимавшего, насколько сильна еще наполеоновская Франция, и насколько ослаблена после победоносной кампании 1812 г. русская армия⁷⁷. Еще перед началом Отечественной войны, в марте 1812 г., был объявлен рекрутский набор — по два рекрута с 500 ревизских душ, который должен был дать в июле того же года от 65 до 70 тыс. человек. Вслед за ним в том же году последовали еще три набора, в июле, августе и ноябре, которые должны были дать армии и флоту соответственно 20 432, 181 585 и 167 636 человек. В результате в качестве гигантского рекрутского депо для укомплектования войск за границей 5 (17) февраля 1813 г. под командованием генерала от инфантерии князя Д. И. Лобанова-Ростовского была учреждена Резервная армия. В ее состав вошли четыре пехотных и два кавалерийских корпуса, которые разворачивались в Минской и Гродненской губерниях, а также на территории Варшавского герцогства⁷⁸.

Для сосредоточения и обучения этих масс требовалось время. Для ускорения обучения неопытных солдат сюда направлялись выздоровевшие после болезней и ранений унтер-офицеры и солдаты, имевшие опыт военных действий⁷⁹. К 13 (25) мая в Резервной армии был некомплект в 134 тыс. рекрутов из 153 тыс., полагавшихся по штату. Только к 1 (13) июля ее реальный состав достиг 82 700 человек. Таким образом, на близость обученных пополнений весной 1813 г. М. И. Кутузов рассчитывать не мог. В это время роль резерва его армии по-прежнему продолжало играть ополчение, собранное в 1812 г., — около 281 тыс. человек. Ополченцы в основном использовались для блокады крепостей, в которых противник сохранил гарнизоны. Впрочем, это была временная опора, от которой постепенно отказывались. Уже 30 марта (11 апреля) 1813 г. московское и смоленское ополчения (85 591 чел.), как первые из собранных при вторжении, были распущены⁸⁰.

17 (29) марта 1813 г. М. И. Кутузов предупреждал генералов Ф. Ф. Винценгероде и Г. Блюхера: «Ежели мы и одержим небольшие поверхности над малыми передовыми отрядами неприятельскими, то они после поражения своего отступят на главные свои силы и будут по мере отступления увеличиваться, подобно снежному кубу. Я должен сравнивать постепенное ослабление наше в быстрых наступательных

действиях с постепенным удалением от источников сил наших: сие обстоятельство возлагает на меня обязанность поселить те же самые мысли и ту же недоверчивость в корпусных наших начальниках. Будьте уверены, что поражение одного из наших отрядов уничтожит выгодное мнение, которым мы теперь пользуемся в Германии»⁸¹. Главкомандующий союзными армиями категорически возражал против того, чтобы далеко углубляться за предел Эльбы и отрываться от собственных резервов, но большая часть генералитета не разделяла его опасений⁸². 16 (28) апреля 1813 г. М. И. Кутузов умер в Бунцлау¹, его место занял П. Х. Витгенштейн. Русские и прусские войска были выдвинуты за Эльбу. Тем временем Наполеон собрал новую 160-тысячную армию и повел энергичное наступление на союзников. 16 (28) апреля, отправляясь к этой армии из Веймара, он заявил: «Я буду вести эту кампанию как генерал Бонапарт, а не как император»⁸³.

20 апреля (2 мая) французам удалось выиграть сражение при Люцене, недалеко от Лейпцига. Потери противников были примерно равны — около 12 тыс. человек. К вечеру казалось, что союзники одолевают врага, французы отступали. П. Х. Витгенштейн собирался на следующий день возобновить бой, но, узнав о том, что ожидаемое пополнение снарядами для артиллерии запоздывает с прибытием, решил отступить. Союзники отошли от Люцена, французы не решились преследовать их. Тем не менее успех противника был очевиден. В результате Люценского сражения союзниками был потерян контроль над Саксонией. 30 апреля (12 мая) Наполеон въехал в Дрезден, где на его сторону перешел король Саксонский. 8 (20) и 9 (21) мая французы нанесли поражение союзникам под Бауценом. Потеряв за два дня около 12 тыс. человек, те отступили в полном порядке. Наполеон был возмущен: «Как, после такой бойни не достигну никаких результатов! Нет пленных! Эти люди не оставят мне [ни] гвоздя»⁸⁴. Действительно, отход был организован образцово⁸⁵, не было потеряно ни одного орудия и ни одной повозки. Более того, при отходе союзники переходили в контратаки, под Лигнице их кавалерия обрушилась на французский авангард и захватила 14 орудий⁸⁶.

После поражений под Люценом и Бауценом в мае 1813 г. русско-прусские войска вынуждены были отступить на восточный берег Эль-

¹ Тело фельдмаршала было забальзамировано и 11 (23) июня 1814 г. доставлено в Петербург. В столицу катафалк на своих руках ввезли мещане. Купечество, дворянство, священнослужители шли впереди, неся в руках награды. Гроб был установлен в Казанском соборе, балдахином ему служили многочисленные трофеи. 13 (25) июня тело М. И. Кутузова было похоронено здесь, в храме, который он неоднократно украшал свидетельствами своих побед. См.: Смесь. Привезение в СПб. тела кн. Смоленского // СО. 1813. № 24. С. 208.

бы. 13 (25) мая Наполеон вернул Гамбург и Бреслау. 5 (17) мая новым главнокомандующим союзными войсками был назначен М. Б. Барклай де Толли. 16 (28) мая он отдал приказ о начале переговоров о перемирии и проведении демаркационной линии, предполагавшей очищение французами Силезии⁸⁷. Союзникам необходима была передышка, за время которой могла бы закончить свои приготовления Австрия и был бы приведен в порядок прусский ландвер⁸⁸. Александр I и не думал о прекращении борьбы. В самое тяжелое время отступления после Бауцена он повторял: «Упрямый в войне всегда победит»⁸⁹. Император надеялся, что переговоры о перемирии приведут к политической победе над Наполеоном.

Русский монарх рассчитывал на присоединение к коалиции Австрии. «Итак, — писал он 19 (31) мая Францу I, — мы выбрали такую стратегическую линию, которая ставила под угрозу наши коммуникации, но зато казалась нам полезной для Австрии, вот почему мы без колебаний предпочли ее и стойко придерживаемся этого решения, невзирая на связанные с ним трудности. Все будет спасено, больше того, мы получим все мыслимые преимущества, если только Ваше Императорское Величество обнажите меч в момент, который, как меня заверяли, определен окончательно, а именно в первых числах июня. Последние известия из Вены могли бы заставить меня опасаться, что этот срок будет снова отодвинут. Однако я чувствую себя выше подобных опасений, ибо знаю о настойчивости Вашего Императорского Величества в осуществлении уже решенного и убежден, что вы оценили то благородство, с которым Его Величество король Прусский и я положились на Ваши заверения и Вашу политическую систему. Но время не терпит, и нельзя долее откладывать момент, когда декларация Вашего Императорского Величества подскажет императору Наполеону, что в случае его отказа принять мирные предложения главнейших европейских держав ему придется иметь дело с новым противником»⁹⁰.

23 мая (4 июня) 1813 г. при австрийском посредничестве в Плесвице было заключено перемирие между Францией, Россией и Пруссией. 14 (26) июля оно было продлено до 29 июля (10 августа)⁹¹. Столица Богемии с радостью приветствовала русскую армию и ее императора⁹². В то время как в Праге шли переговоры, каждая из сторон старалась использовать их для подготовки к будущей войне. Лучше это удалось союзникам. К русским войскам подошло подкрепление — 51 батальон и 47 эскадронов, пруссаки завершали вооружение и обучение призванных в начале года солдат⁹³. Национальный подъем в Пруссии только усиливался, в армию стремились почти все, кто мог носить оружие⁹⁴.

В деревнях почти не осталось мужчин призывного возраста, ландвер стал практически равен по качеству регулярным войскам. Напряжение было экстраординарным. Поражения королевство не смогло бы перенести⁹⁵. Численность русских войск выросла с 82 до 172 тыс. человек, пруссаков — почти вдвое. За время отдыха были пополнены запасы артиллерийских снарядов, отремонтировано оружие⁹⁶. Улучшалось состояние Резервной армии. Ее 151 батальон и 128 эскадронов, имевшие на 1 (13) июля 82 700 человек, ожидали поступления подкреплений в сентябре, октябре и ноябре 1813 г. — всего 49 тыс. человек, а вместе с приданными ей резервными частями в Риге и Ярославле — 57 тыс. человек. Оставшийся некомплект в 40 тыс. человек планировалось значительно превысить новым набором, который был объявлен в августе 1813 г.⁹⁷

Время работало против Франции. Ее бюджет был перегружен военными расходами, если в 1807 г. они составили 462 млн франков, то в 1813 г. выросли до 817 млн франков. Качество французских войск постоянно ухудшалось по мере потерь наиболее обученных солдат и замены их неопытными конскриптами⁹⁸. В 1813 г. в империи под знамена было призвано 675 тыс. человек⁹⁹. Ясно, что добиться быстрой и качественной подготовки этих людей было невозможно. «Если резервная армия состоит из необученных новобранцев, — отмечал уже в изгнании Наполеон, — то она окажется совершенно бесполезной и не явится опорой, около которой могли бы собраться и задержаться действующие армии, потерпевшие поражение, а также не сможет удержать в подчинении завоеванную территорию»¹⁰⁰. Впрочем, в 1813 г. он еще надеялся на количество, хотя падение качества было уже заметным. «Батальоны моей дивизии могут довольно быстро перестраиваться из «колонны к атаке» в каре и обратно, — докладывал генерал Жирар маршалу М. Нею 24 апреля 1813 г. — Но, Боже, помоги нам, если потребуется какое-либо другое построение»¹⁰¹.

Главным достижением перемирия для союзников была конвенция с Австрией, заключенная 19 июня (1 июля) 1813 г. в Рейхенбахе. По ее условиям Вена взяла на себя обязанности посредника на переговорах об условиях будущего мира с Францией, при этом, в случае отказа Наполеона принять условия союзников до 8 (20) июля 1813 г., австрийцы должны были присоединить свои войска к русско-прусским (Австрия и Россия — по 150 тыс. человек, Пруссия — 80 тыс.¹⁰²). Союзники выдвинули четыре предварительных условия: 1) уничтожение герцогства Варшавского без всякого участия со стороны Франции; 2) расширение Пруссии за счет территории герцогства, прежде всего Данци-

га, и немедленное очищение всех прусских крепостей от французских войск; 4) возвращение иллирийских провинций Австрии; восстановление независимости ганзейских городов, по крайней мере, Гамбурга и Любека¹⁰³. Это были весьма умеренные требования, однако они вызвали у Наполеона только гнев. «И вы называете это умеренностью? — в раздражении заявил он К. Меттерниху. — Ваши Государи, предназначенные от колыбели к престолу, не могут понять моего положения. Они после неудачи не утрачивают озаряющего их блеска; для меня же, напротив того, как для солдата, необходима слава. Я не могу, потеряв ее, возвратиться во Францию»¹⁰⁴.

Попытки обсудить условия союзников на созванном 12 (24) июля 1813 г. в Праге конгрессе не увенчались успехом, глава французской делегации, прибывшей туда, граф Нарбонн даже не имел достаточных полномочий для ведения переговоров. Данные ему инструкции предполагали возможность заключения почетного мира с Россией и исключали уступки Австрии. Торопиться, по мнению Наполеона, не было никакой нужды: «Положение обеих сторон осталось почти таким же, каким было до начала войны. Ничто не изменилось. Мы еще никогда не были побеждены... Крепости, нами занятые, остаются в наших руках, и если неприятель владеет частью земель, принадлежащих нашим союзникам, то и мы имеем на своей стороне почти такие же выгоды... Вообще переговоры будут медленны. К настоящему делу приступим не ранее как через десять или двенадцать дней... Уполномоченные получают своевременные инструкции для окончательного решения»¹⁰⁵.

Фактически Франция затягивала переговоры, стремясь выиграть время. В результате 10 августа граф К. Меттерних передал французским уполномоченным объявление о разрыве отношений между Францией и Австрией и о начале войны между двумя империями с 16 августа¹⁰⁶. В этот день вышел императорский манифест о войне с Францией, подробно и многословно описывающий все несправедливости и обиды, которая Австрия претерпела за многие годы, и то сожаление, которое монарх испытывает при мысли о неизбежной и вынужденной войне¹⁰⁷. Именно так звучал вывод: «Осталось одно средство, одно прибежище — к оружию». В этом обращении не чувствовалось уверенности в победе. Весьма характерно, что к войскам обратился фельдмаршал князь К. Ф. Шварценберг. Он был менее красноречив, но более точен. Особое внимание князь уделил великому союзу, образовавшемуся против Наполеона: «Мы стоим наряду с величайшими и могущественнейшими державами Европы, восставшими против врага ее свободы и спокойствия. Австрия, Россия, Пруссия, Швеция, Англия и Испания направляют

постоянные свои усилия к одной цели, к достижению твердого и продолжительного мира, справедливого раздела сил между державами и независимости каждого владения»¹⁰⁸. «Не против Франции, — гласил его приказ, — но только против французского вне пределов ее преобладания составлен сей великий союз»¹⁰⁹.

Военные действия возобновились. К этому времени союзные войска были разделены на три армии: главную, Богемскую во главе с фельдмаршалом К. Ф. Шварценбергом (110 тыс. австрийцев, 77 тыс. русских, 50 тыс. пруссаков), Силезскую во главе с генералом Г. Блюхером (61 тыс. русских, 37 тыс. пруссаков) и Северную во главе с наследным принцем Шведским Карлом Юханом (73 тыс. пруссаков, 30 тыс. русских, 24 тыс. шведов). Артиллерия союзных армий насчитывала 1383 орудия, формально общее командование перешло к монархам России, Австрии, Пруссии и Швеции, на деле им распорядился К. Ф. Шварценберг, о котором среди союзников ходила следующая шутка: «Солдаты считают его хорошим дипломатом, а дипломаты — хорошим солдатом». Наполеон располагал 440 тыс. человек при 1200 орудиях¹¹⁰. Три союзные армии охватывали его с трех сторон, командование решило заманить императора Франции в ловушку. Та армия, на которую он поведет наступление, должна была отступать, две другие — действовать на линиях сообщений противника.

Наполеон решил использовать преимущество концентрации сил и действия по внутренней операционной линии. Перехватив инициативу, он начал наступление на Берлин армией Н. Ш. Удино, но 23 августа она была застигнута врасплох и разбита Северной армией. 26 августа Г. Блюхер нанес поражение корпусу Э. Макдональда под Кацбахом. Успехи союзников вдохновили солдат и внушили в них веру в победу¹¹¹. Однако они были недолговечны. 26–27 августа Наполеон навязал сражение Богемской армии под Дрезденом и разбил ее. К. Ф. Шварценберг потерял около 12 тыс. убитыми и 13 тыс. пленными, в основном австрийцев, и отступил в Чехию. Состояние австрийских войск было чрезвычайно тяжелым. Отступление началось поздним вечером, шел сильный дождь, значительно усложнивший движение¹¹². Ливень с сильным ветром продолжался 36 часов подряд, дороги на равнине превратились в грязное месиво, лошади по колено проваливались в глину¹¹³. Потери и неудовлетворительное снабжение стали причиной значительного падения боевого духа, особо тяжелые потери понесли австрийцы, их боевые порядки перемешались с обозами, здесь царил полный беспорядок¹¹⁴. Организация движения явно не была идеальной¹¹⁵.

Богемская армия вытянулась на единственном пути, зажато между гор. Раскисший от дождей грунт значительно усложнил движение обозов и войск¹¹⁶. У тех, кому пришлось пройти по ней, остались сильные воспоминания: «Представьте себе из кремня, вырубленный уступами, ящик, по которому может идти в ширину только повозка саксонского крестьянина. Полотно или основание этого ящика от поверхности углублено местами до двух или даже до трех сажень на поверхности, тропинка, удобная для одного пешего, и затем густой сосновый лес. Не должно забывать о спусках и подъемах с горы на гору, так сказать, непрерывных, до самого Теплица»¹¹⁷. Любая поломка, даже одной оси или одного колеса, вызывала остановку движения по всей линии¹¹⁸.

«Дороги в ущельях непроезжаемы: наши артиллерийские лошади не в силах идти дальше, — писал 17 (29) августа 1813 г. П. Х. Витгенштейн, — войско сильно страдает. Утешительного нет ничего»¹¹⁹. В ряде мест лошадей на поворотах приходилось вести под узды¹²⁰. «Если бы Вандам, — писал шедший здесь офицер, — достиг Теплица прежде главной армии, то мы претерпели бы конечно большую потерю, но не так predetermined было!»¹²¹ Выход из ущелья оказался узок, и люди выбирались из него чуть ли не поодиночке. Его можно было заблокировать небольшими силами¹²². «Представьте высоты гор, усеянные экипажами, — вспоминал участник этого похода, — войско, идущее под облаками, в кучках по сто, полтора человека вместе, а в тылу у них, у ворот почти Теплица, обширный корпус Вандама, — и тогда вы можете судить, что могло быть с нами!»¹²³

Этот корпус Наполеон направил на перехват отходящих союзников. Если бы французам удалось обрести контроль над горными переходами, Богемская армия и находившиеся при ней австрийский, русский императоры и король Пруссии попали бы в ловушку в горном ущелье. Положение было спасено под Кульмом (совр. Хлумец у Чабаровиц, Северная Чехия) русской гвардией под командованием генерал-лейтенанта графа А. И. Остермана-Толстого. Самый опасный участок дефиле русские войска проскочили буквально под носом у противника, оставив Теплиц в трех верстах позади занятой для обороны позиции. 17 (29) августа 12 тыс. русских солдат преградили дорогу 40 тыс. французам под Кульмом и удерживали ее целый день в тяжелейших условиях¹²⁴. Потери корпуса А. И. Остермана-Толстого достигли 6 тыс. человек, самому ему в сражении оторвало ядром руку. Когда солдаты-преображенцы сняли своего раненого командира с лошади и положили на землю, А. И. Остерман-Толстой сказал: «Вот как я заплатил за честь командования гвардией. Я доволен». Вторую половину дня боем с русской

стороны руководил А. П. Ермолов. К моменту принятия им командования в резерве оставались только две роты. Генерал под огнем объезжал войска, успокаивал их, объяснял важность миссии, выпавшей на их долю, призывал держаться до последнего. Благодаря стойкости солдат было выиграно время для подхода подкреплений.

18 (30) августа союзники, усилившись до 50 тыс. человек, перешли в контрнаступление. Командование принял на себя М. Б. Барклай де Толли. Французы потеряли 84 орудия, 200 зарядных ящиков, весь обоз, около 10 тыс. человек убитыми и ранеными, 12 тыс. пленными, среди них оказался и сам Д. Ж. Вандам, которого взяли в плен казаки. Еще двое генералов были убиты и четверо попали в плен. Общие потери союзников составили около 8 тыс. человек, из них на долю австрийцев пришлось 800, пруссаков — 1,5 тыс. человек, остальные были русскими, принявшими на себя основную тяжесть удара противника¹²⁵. Как отмечал 19 (31) августа М. Б. Барклай де Толли, «наши русские войска, составлявшие арьергард, оказали героическое сопротивление и покрыли себя вечной славой»¹²⁶. Французский корпус был разгромлен, его солдаты колоннами шли в плен¹²⁷. В честь этой победы прусским королем Фридрихом-Вильгельмом III был учрежден новый орден — Железный крест. Им были награждены все участники боя 29 августа, но поскольку большинство из кавалеров были русскими, то первое награждение было объявлено памятным — Кульмским крестом.

На поле боя император и король получили одно за другим два известия: сначала о победе Г. Блюхера под Кацбахом 14 (26) августа, затем наследного принца Шведского под Треббином 11 (23) августа. Общие потери французов пленными составили 7 тыс. человек, было захвачено 106 орудий противника¹²⁸. 28 августа (9 сентября) 1813 г. были подписаны Теплицкие соглашения: Австрия окончательно присоединилась к союзу Пруссии и России, союзники обязались выставить по 150 тыс. человек для борьбы с Францией, не заключать сепаратных соглашений, восстановить Австрию и Пруссию в границах 1805 г., упразднить Рейнский союз, лишить Францию ее завоеваний в Германии. Судьба герцогства Варшавского должна была решиться по окончании войны на основе соглашения между Австрией, Пруссией и Россией¹²⁹. 21 сентября (3 октября) 1813 г. к этому соглашению присоединилась Англия. Шестая антифранцузская коалиция сложилась окончательно. После этого количество стран — участниц коалиции только росло, а вместе с ними увеличивалась и ее сила. Спустя пять дней к ней присоединилась Бавария. Это сразу же поставило под угрозу как связь Наполеона

с Рейном и Францией, так и его политическое господство в Германии, на территории которой шла война.

В сентябре к союзникам подошла 60-тысячная резервная армия под командованием Л. Л. Беннигсена. 13 октября она разгромила корпус Л. де Гувиона Сен-Сира под Дрезденом и блокировала город. Стремясь использовать новую ситуацию, которая сложилась после Кульма, и значительное превосходство в силах, союзники перешли к решительным действиям, планируя окружить и уничтожить основные силы французской армии в Саксонии. Союзные армии предприняли концентрическое наступление на Лейпциг, где находился Наполеон. 4 (16) октября началась «битва народов», в которой сражались 316 тыс. союзников при 1335 орудиях против 190 тыс. французов, саксонцев и поляков при 700 орудиях. Используя разрозненность действий союзных армий, Наполеон стремился разбить их по частям и в первый же день сражения обрушился на Богемскую армию. Французская атака первоначально имела успех и даже поставила под угрозу ставку союзных монархов, но была остановлена русским Гренадерским корпусом генерал-лейтенанта Н. Н. Раевского¹³⁰.

Потерпев неудачу, Наполеон обратился к союзникам с предложением о мире. Он согласился отказаться от Варшавского герцогства, Голландии, ганзейских городов, Рейнского союза, Испании, восстановить независимость Италии взамен на возвращение захваченных Англией французских колоний и признание нейтралитета Саксонии. Согласно его плану, русские и прусские войска должны были удалиться за Эльбу, австрийцы — уйти в Богемию, а французы — отступить за реку Эльстер, то есть отойти за Лейпциг. Гарантий вывода своих войск за Рейн император не давал. «Для этого надобно, что я проиграл сражение: это может произойти, но этого пока не случилось»¹³¹.

5 (17) октября в сражении последовал небольшой перерыв. Предложение Наполеона было оставлено без ответа¹³². К Лейпцигу в этот день подошли армии Л. Л. Беннигсена и Карла Юхана, и превосходство союзников в силах стало подавляющим. Под городом к войскам выехал представитель саксонского короля с предложением сдать город и саксонскую армию, если Наполеону дадут возможность отступить. И вновь последовал отказ Александра I¹³³. Инициатива прочно перешла к союзникам, и 6 (18) октября русско-прусско-австро-шведские войска начали повсюду теснить противника, отступавшего к городу и пытавшегося таким образом сократить линию своей обороны. Надежды Наполеона на то, что Лейпциг удастся удержать, не оправдались, уже в тот же день бой начался на улицах его предместий. На сторону

союзников перешли саксонцы, баденцы и вюртембергцы. Король Саксонии, союзник Наполеона, превратился в бессильного свидетеля событий, наблюдавшего за ними из окон своего дворца¹³⁴. Еще в июле 1812 г. Фридрих-Август III объявлял о вступлении в Конфедерацию, планируя управлять землями России¹³⁵, теперь он терял свое королевство.

7 (19) октября французская армия попыталась вырваться из Лейпцига. Имея в тылу единственный мост через Эльстер, Наполеон никак не мог рассчитывать безболезненно вывести на западный берег реки около 100 тыс. человек и 3 тыс. обозных повозок¹³⁶. Стараясь оторваться от преследования, он приказал взорвать мост. Значительная часть его армии оказалась отрезанной. Отказавшие сложить оружие были уничтожены¹³⁷. «Виден ли в сем тот великий полководец, перед которым Европа донныне трепетала?» — восклицал принц Карл Юхан¹³⁸. На поле боя было взято 250 орудий, 900 пороховых фур, 15 тыс. пленных, включая 15 генералов, в городе французы оставили 23 тыс. раненых и больных. Число трофеев постоянно увеличивалось, противник бежал, бросая имущество и отставших¹³⁹. Всего в плен попало около 37 тыс. человек, было захвачено 300 орудий, огромное количество ружей и многочисленные обозы. Потери союзников также оказались велики — около 50 тыс. человек, из которых 22 тыс. русских, 16 тыс. пруссаков, 12 тыс. австрийцев и 300 шведов¹⁴⁰.

«Битва народов» закончилась поражением французов. На сторону союзников массами начали перебегать и поляки¹⁴¹. Под Лейпцигом в плен сдались пять польских генералов, 241 офицер и 3250 рядовых¹⁴². Наполеону удалось сохранить остатки своей армии, но контроль над Германией был безвозвратно утерян. Жители Лейпцига приветствовали входивших в город союзников как освободителей. Фридрих-Август III вместе с гвардией и армией сдался на милость победителей¹⁴³. Монарх был объявлен военнопленным и отправлен в Берлин¹⁴⁴. Дворцовый батальон саксонцев, несший охрану своего короля, приветствовал императора Александра I, отдав ему честь¹⁴⁵. Прав был наследный принц Карл Юхан, заявивший в победной реляции: «...по всему видно, что при Лейпциге совершено освобождение Германии»¹⁴⁶. Движение союзников к Рейну превратилось в триумфальное шествие. Германские князья устраивали в их честь празднества, население приветствовало своих освободителей¹⁴⁷. Система, выстроенная Наполеоном в Германии, распалась.

16 (28) октября прекратило существование марионеточное Вестфальское королевство. Его столица Кассель сдалась без особого сопротивления еще 19 сентября (1 октября) отряду генерал-майора

А. И. Чернышева, который и издал прокламацию об уничтожении этого государства¹⁴⁸. Оказавшие поначалу сопротивление русским местные войска немедленно бросили короля, когда после первых же неудачных боев он заявил о своем желании отступить с ними во Францию¹⁴⁹. На местных жителей прекрасное впечатление произвело обращение А. И. Чернышева, в котором он извещал о дружественном к ним отношении и об упразднении королевства. Французские чиновники левого берега Рейна стали покидать немецкие земли и бежали на родину¹⁵⁰. К концу ноября распался Рейнский союз. Его бывшие члены были обложены союзниками особым взносом на военные нужды в размере 17 млн гульденов (около 10 млн рублей серебром), эту сумму они обязались заплатить в 24 трехмесячных срока. Под залог выплат были выпущены 6% облигации, из которых Австрия, Пруссия и Россия получали по $\frac{5}{16}$, а Швеция $\frac{1}{16}$ часть. Это резко улучшило финансовое положение коалиции. Кроме того, члены бывшего Рейнского союза обязались выставить против своего бывшего протектора 145 тыс. линейных войск и столько же ландвера¹⁵¹.

Французы уходили за Рейн, сохраняя еще контроль над Данцигом, Модлином, Замостьем, Глогау, Кюстрином, Штеттином, Дрезденном, Торгау, Виттенбергом, Магдебургом, Гамбургом и Эрфуртом. Эти крепости, важные для удержания контроля над Германией и Варшавским герцогством в мирное время, превратились в ловушки для их многочисленных гарнизонов. Часть комендантов надеялась на разных условиях, как, например, сдача артиллерии и отказ от участия в военных действиях в течение шести или более месяцев, получить разрешение на выход во Францию. Союзники приняли решение блокировать крепости и главным условием их капитуляции считать сдачу в плен¹⁵². Отход сопровождался эпидемиями, французские города были переполнены ранеными и умирающими солдатами, моральный дух армии быстро сходил на нет¹⁵³.

К концу года французам удалось удержаться лишь в Данциге, но и его гарнизону пришлось сдать 21 декабря 1813 г. (2 января 1814 г.). Немцы и поляки были отпущены по домам, неаполитанцы примкнули к союзникам, 6,5 тыс. французов отправились в плен под Киев¹⁵⁴. К началу 1814 г. в плен к союзникам из гарнизонов крепостей Германии и герцогства Варшавского попало около 80 тыс. человек, было захвачено 2,5 тыс. орудий¹⁵⁵. Завершение осад позволило Александру I отказаться от использования за границами империи значительной части ополчений 1812 г. 22 января (3 февраля) были распущены санкт-петербургское, новгородское, ярославское, тульское и калужское ополчения

(полностью все оставшиеся ополчения были распущены 28 октября (9 ноября) 1814 г.)¹⁵⁶.

Не лучшим образом для французов дела складывались и на остальных театрах военных действий. Если в начале 1813 г. их войска в Испании угрожали вторжением в Португалию, то в конце года, после того как лучшие части армии маршала Н. Ж. Сульта были переброшены во Францию, англичане вытеснили французов за Пиренеи¹⁵⁷. С большим трудом французские войска удерживали контроль над Северной Италией. Если в начале 1813 г. Наполеон еще контролировал значительную часть Европы и обладал армией, то к концу года ситуация изменилась кардинальным образом. Его господство в Европе было сломлено, теперь речь могла идти только о будущем собственно Франции.

Для Александра I это будущее было ясным: сохранение власти Наполеона в стране исключалось. Российский император не уставал убеждать своих союзников, что в другом случае не стоило браться за оружие: «Это будет не мир, а перемирие, которое вам позволит разоружиться лишь на минуту. Я не могу каждый раз поспевать к вам на помощь за 400 лье. Не заключу мира, пока Наполеон будет оставаться на престоле»¹⁵⁸. Александру I нужен был прочный мир, свое видение основных принципов которого он изложил в разговоре с графом И. А. Каподистрией: «Возвратить каждой из наций полное и совершенное пользование ее правами и учреждениями; вверить защиту их и свою собственную общему союзу; остерегаться самим и охранить их от властолюбия завоевателей: таковы основания, на коих, с помощью Божией, мы надеемся утвердить нашу новую систему»¹⁵⁹. Реализация этой программы исключала возможность диалога с Наполеоном.

Между тем положение самих союзников оказалось далеко не блестящим, потери были значительны, а возможности пополнения армий в краткое время невелики. «При всех, однако, громких успехах кампании нынешней признаться надобно, — докладывал 28 октября (9 ноября) 1813 г. М. Б. Барклай де Толли своему императору, — что она, собственно, нам стоит новых и весьма важных пожертвований: она стоит нам половины армии! Отдаление же войск от источников подкрепления и раздробление их на многие части, затрудняя до бесконечности главное управление ими, ведет их скорыми шагами к совершенному расстройству. Есть полки, в коих налицо не более уже 100 человек. Недостаток штаб- и обер-офицеров причиной, что и сии малые остатки не могут быть приведены в надлежащий порядок. В амуниции, особливо в сапогах, рубахах и одежде, солдаты терпят крайнюю нужду. Кроме резервного корпуса, сохранившего еще вид порядочного войска, и кроме

войск, находящихся в армии наследного принца шведского, кои менее других употребляемы были в дело и, следовательно, менее других потерпели, все другие действующие корпуса не могут делать значительного счета в армии, и я с тягостнейшим для меня прискорбием должен решительно донести Вашему Императорскому Величеству, что они в настоящем положении их ежеминутно приближаются к уничтожению»¹⁶⁰.

Эти слова повлияли на Александра I, знавшего, как тяжело обстояло порой дело со снабжением. В июле 1813 г. вместе с М. Б. Барклай-де-Толли император встретил войска своей гвардии, идущие колоннами без сапог. Когда фельдмаршал обратил внимание монарха на эту картину, тот не смог сдержать слез¹⁶¹. Теперь М. Б. Барклай-де-Толли вновь писал о снабжении. Другие его слова, которыми фельдмаршал закончил свое послание, явно не получили поддержки: «Ничего не может быть убийственнее для войск Вашего Императорского Величества, как зависимость их от посторонних генералов. Ничего не может быть полезнее, как соединение их в одну массу, и особливо в такое время, когда мир или война должны обеспечить благосостояние Отечества нашего»¹⁶².

Конец 1813 г. был ознаменован еще одним тяжелым для России событием. В 1812–1813 гг. Турция, воспользовавшись благоприятными для себя обстоятельствами, жесточайшим образом подавила Первое сербское восстание. Уже 4 июля 1812 г., то есть всего через несколько дней после начала наполеоновского нашествия на Россию, великий визирь потребовал от Карагеоргия сдачи Белградской крепости во исполнение статьи 8 Бухарестского мира, а также всех орудий, боеприпасов, оружия и даже коней, что было явным нарушением положений этой статьи. Карагеоргий ответил отказом¹⁶³. В конце июля 1812 г. Сербия, а затем и Дунайские княжества начали покидать русские войска. Они выводились для того, чтобы участвовать в борьбе с французами¹⁶⁴. Естественно, что оказать помощь сербам в этой обстановке Россия не могла. По распоряжению императора делалось все возможное, чтобы избежать конфликтов с турками, кораблям Черноморского флота даже запрещалось показываться в виду берегов Османской империи¹⁶⁵.

В феврале 1813 г. попытка решить противоречия путем переговоров провалилась. Турки считали сербов обычной райей и настаивали на том, чтобы те, кого это не устраивает, покинули Сербию¹⁶⁶. Демарши русского посольства в защиту сербов успеха не имели¹⁶⁷. Получив возможность сосредоточить превосходящие силы на одном направлении, турки начали действовать в июне 1813 г., когда основные силы русской армии были задействованы в боях против Наполеона в Германии

и Богемии. Несмотря на ряд успехов в начале этой войны, сербы все же потерпели поражение. 20 сентября пало Смедерево, 21 сентября Карагеоргий вместе с рядом старейшин перешел на австрийскую территорию, в Срем, где они были интернированы. Все сербские вожди были рассредоточены по австрийским крепостям¹⁶⁸.

23 сентября турки взяли Белград. К октябрю 1813 г. восстание было подавлено. Положившим оружие повстанцам была обещана амнистия, однако сдавшихся предавали массовым и зверским казням¹⁶⁹. Турецкие войска заняли берега Савы и Дуная, взяв территорию страны в клещи. Внутри их шла резня¹⁷⁰. Для Сербии наступило мрачное время. В 1804 г. только на территории Белградского пашалыка проживало около 400 тыс. человек, перед подавлением восстания число жителей на этой территории увеличилось до 700 тыс. В 1813 г., спасаясь от резни, Сербию покинуло около 100 тыс. человек, около 100 тыс. было уведено в рабство. На площади под Белградской крепостью Кале-Мейдан в октябре 1813 г. ежедневно продавалось примерно по 1800 человек, в основном женщин и детей. Только через 20 лет население Сербии достигло уровня 1813 г.¹⁷¹ В этот период Россия, чьи силы были полностью заняты борьбой с Наполеоном, вынуждена была ограничиться финансовой поддержкой интернированных и беженцев¹⁷².

В ноябре 1813 г. император принял двух представителей Карагеоргия, которые просили его дать разрешение на переселение в Россию. Такое согласие было дано и выделена первая ссуда в 25 тыс. рублей¹⁷³. По распоряжению К. В. Нессельроде русский посол в Австрии выступил в защиту Карагеоргия, митрополита и старейшин, всем сербам была гарантирована помощь при переселении в Россию¹⁷⁴. В сентябре 1814 г. в крепость Хотин пришел первый транспорт с сербскими беженцами — 535 человек¹⁷⁵. После того как вождь повстанцев был освобожден, он переехал в Россию. Ему, как и тысячам его соотечественников, предоставили привилегии при поселении в Новороссийском генерал-губернаторстве и Бессарабии¹⁷⁶. В октябре Карагеоргий и бывший митрополит сербский были уже в Хотине. На содержание переселенцев выделялись продовольствие и денежные средства из казны, а также устанавливались личные выплаты. Карагеоргию на 1815 г. выделили 1 тыс. червонцев, митрополиту — 4,5 тыс. рублей ассигнациями и т. п.¹⁷⁷

В ноябре 1813 г. канцлер Австрийской империи граф К. Меттерних предложил Наполеону «естественные границы» по Рейну, Альпам и Пиренеям при условии отказа от других территорий. Александр I согласился с этим предложением по самой простой причине. Это была уловка, нацеленная на то, чтобы выиграть время. Сам К. Меттерних от-

мечал: «Хорошо изучив общественное мнение Франции, я был убежден, что следует польстить национальному самолюбию французов упоминанием о Рейне, Альпах и Пиренеях как о естественных границах Франции, дабы не только не ожесточать их, но, наоборот, показать им приманку, на которую все польстятся. С целью лишить Наполеона всякой поддержки и в то же время подействовать на дух армии я, кроме того, рекомендовал соединить принцип естественных границ с предложением немедленно начать переговоры. Мой проект был одобрен императором Францем, и тогда я представил его на усмотрение русскому императору и прусскому королю. Оба они опасались, как бы Наполеон не дал согласия на мое предложение и этим энергичным приемом не вышел из того тяжелого положения, не потеряв военного счастья. Я сумел внушить этим двум государям свое убеждение, что Наполеон никогда добровольно не согласится на мое предложение»¹⁷⁸. Убежденность К. Меттерниха подтверждалась и тем, что в любом случае Великобритания не собиралась идти ни на какие переговоры. 2 декабря 1813 г. Наполеон тем не менее ответил согласием, оговорив его необходимостью заключения перемирия и признания соглашения со стороны Лондона.

Около месяца союзники уклонялись от ответа, продолжая военные действия. В ночь с 8 на 9 (с 20 на 21) декабря 1813 г. они перешли через Рейн и в короткое время заняли Эльзас-Лотарингию и Франш-Конте. Несмотря на категорическое нежелание Александра I нарушать каким-либо образом нейтралитет Швейцарии, на ее территорию вступили австрийцы. Это глубоко опечалило императора, назвавшего этот день «одним из самых неприятных» в своей жизни¹⁷⁹. Император вообще уделял большое внимание соблюдению законов и противопоставлению законности и гуманности варварству Наполеона и его солдат. Это было тем более важно, что наполеоновская пропаганда делала все возможное для того, чтобы демонизировать образ союзников в глазах французов и поднять патриотические чувства в народе. Особое внимание уделялось русским, которым приписывали особую жестокость к побежденным, включая массовые насилия над женщинами, грабежи и даже людоедство¹⁸⁰.

Перед вступлением на территорию Франции Александр I издал приказ по русской армии, в котором, в частности, говорилось: «Неприятели, вступая в середину Царства нашего, нанесли нам много зла, но и претерпели за оное страшную казнь. Гнев Божий поразил их. Не уподобимся им: человеколюбивому Богу не может быть угодно бесчеловечие и зверство. Забудем дела их, понесем им не месть и злобу, но дружелюбие и простертую для примирения руку. Слава Россиянина —

низвергать ополченного врага и по исторжении из рук его оружия благодетельствовать ему и мирным его собратьям. Сему научает нас свято почитаемая в душах наших православная вера...»¹⁸¹ Дисциплина русской армии немедленно привела к желаемым результатам. 28 января (9 февраля) 1814 г. М. Б. Барклай де Толли вновь напомнил корпусным командирам о воле императора, добавив, что взыскивать за нарушение строгой дисциплины будут со старших начальников¹⁸².

3 (15) января 1814 г. Наполеона покинул его последний союзник. Король Дании подписал мирные договоры с Англией и Швецией. Дания отказывалась от Норвегии, которая переходила под власть Стокгольма, и выставляла 10-тысячную армию для действий против своего бывшего покровителя в Северной Германии. Датчане должны были получить от Швеции 1 млн риксталеров и бывшую шведскую Померанию (позже она была передана Пруссии)¹⁸³. Карл Юхан был в восторге. «Это событие, обеспечивающее Северу спокойствие, — писал он в тот же день Александру I, — произошло, государь, благодаря влиянию Вашего Императорского Величества на общеевропейские дела. Особенно благодарить Вас должен я»¹⁸⁴. Наследный принц просил императора принять высшую награду королевства: «Швеция может предложить Вам свой Меч и свою признательность»¹⁸⁵.

К началу кампании 1814 г. союзники имели уже около 900 тыс. человек на разных направлениях и повсюду теснили французов. В январе 1814 г. две союзные армии — Силезская (92 514 человек, в том числе 53 583 русских) и Главная (бывшая Богемская — 230 508 человек, в том числе 53 408 русских) — вступили на территорию Франции¹⁸⁶. Население на занятых территориях, убедившись в собственной безопасности, даже не думало о массовом сопротивлении, зато почти единодушно осуждало своего императора. Абсолютное большинство французов устало от бесконечных войн и желало мира¹⁸⁷. «Мы шли на Везул, Лангр, Шомон и Бар-на-Оби (Бар-сюр-Об. — О. А.), — вспоминал А. И. Михайловский-Данилевский, — не встречая почти нигде сопротивления, и в три недели заняли несколько провинций. Неприятельские войска повсюду отступали, и жители, коих префекты пышными воззваниями побуждали к обороне, отворяли беспрекословно городские ворота»¹⁸⁸. Страна была переутомлена.

С января 1814 г. в Париже стали замечаться признаки кризиса. Состоятельные горожане предпочитали перебраться в отдаленные департаменты, зато в городе собирались жители окрестностей. Дороги и бульвары были переполнены возами и повозками беженцев. Цены на продовольствие быстро росли¹⁸⁹. На Вандомской колонне с памят-

ником Наполеону во главе появилась надпись: «Проходи мимо, упадет!»¹⁹⁰ «Французы желают конца войне и своим несчастьям, — писал русский офицер, — и видят, что для достижения сего вступление наших войск было необходимо»¹⁹¹. В распоряжении Наполеона к этому времени имелось уже только 160 тыс. человек, включая гарнизоны крепостей и городов, французская полевая армия не превосходила 50 тыс. человек. Франция была истощена непрерывными войнами: с 1792 по 1815 г. на службу было призвано 4400 тыс. человек (!), причем в течение 14,5 месяцев в 1812–1813 гг. призвали 1237 тыс. человек¹⁹². Резервов для длительного сопротивления союзным армиям у нее больше не имелось. Несмотря на это, Наполеон сумел нанести своим противникам ряд чувствительных ударов.

31 января 40 тыс. французов во главе с императором атаковали 26-тысячную армию Г. Блюхера под Бриенном. Г. Блюхер вынужден был отступить на соединение с К. Ф. Шварценбергом. 1 февраля их объединенные армии (72 тыс. человек) нанесли поражение Наполеону при Ла-Ротьере, однако отказались преследовать отступавших. Французы потеряли около 6 тыс. человек и 63 орудия, союзники — 4600 человек, из них 3 тыс. русских¹⁹³. Находясь всего в шести переходах от Парижа, союзники тем не менее не смогли использовать этот успех в полной мере из-за сложностей со снабжением войск. Затруднения стали причиной того, что они опять предложили Наполеону заключить мир. 5 февраля 1814 г. в городе Шатильоне открылся конгресс, на котором Франции было предложено сохранить границы 1792 г. и заключить «вечный мир», сохраняя династию Бонапартов. Союзники предлагали восстановить довоенный порядок в Испании, Италии, Голландии и Швейцарии, Франция должна была признать независимость германских государств. Предполагалось частичное возвращение Парижу владений в Азии, Африке и Америке, завоеванных ранее англичанами¹⁹⁴.

Так как французский уполномоченный А. Коленкур отстаивал «естественные границы» — по Пиренеям, Альпам и Рейну, а Наполеон увидел в данных предложениях лишь месть императора Александра I и желание Лондона совершенно уничтожить Францию, то 19 февраля Шатильонский конгресс официально прекратил свою работу¹⁹⁵. Расчеты на умеренность и здравомыслие Наполеона не оправдались. Впрочем, для императора французов невозможно было закончить почти 20-летнюю войну, сопровождавшуюся столь значительными потерями, заключением мира на условии восстановления границ, которые Франция имела до начала революции. «Если бы я согласился на прежние границы, — писал он своему брату Жозефу, — то через два года снова

обратился бы к оружию и объявил народу, что я заключил не мирный трактат, а капитуляцию»¹⁹⁶. Между тем возможность заключения мира была вполне реальной. Даже Великобритания готова была пойти на этот шаг, о чем сообщил Александру I прибывший из Шатильона лорд Р. С. Кэслри.

Император ответил на это предложение категорическим отказом. Он слишком хорошо понимал своего противника и не верил в возможность соглашения с ним. Он не был готов заключать мир, пока Наполеон находится на престоле¹⁹⁷. То же мнение Александр изложил 2 (14) февраля 1814 г. и в письме к К. А. Гарденбергу. Император был уверен, что мир может быть заключен только после низложения Наполеона¹⁹⁸, которому будущее теперь не сулило ничего хорошего. Князь К. Ф. Шварценберг известил армии о перерыве в переговорах: «Воины союзных армий! Надежда держав восстановить мир снова исчезла. Ваши победы, истребление целых армий, разорение обильнейших областей Франции — ничто не смогло обратить французское правительство на путь умеренности и справедливости. Переговоры в Шатильоне прекращены. Пусть Франция будет счастлива и свободна, но не на счет независимости и благоденствия других народов»¹⁹⁹.

Поскольку император Франции возобновил военные действия, нанеся ряд поражений Г. Блюхеру и К. Ф. Шварценбергу²⁰⁰, то Россия, Австрия, Пруссия и Англия подписали 17 февраля (1 марта) 1814 г. Шомонский договор. Четыре союзника приглашали присоединиться к себе Испанию, Португалию, Швецию и Голландию и обсудили принципы устройства будущего оккупационного корпуса. Союзники подтверждали свою решимость заставить Францию принять условия мира, для чего обязывались держать в походе армию по 150 тыс. человек. Со своей стороны, сверх того Англия выплачивала союзникам в 1814 г. субсидию в 5 млн фунтов²⁰¹. Из них Россия получала 1 666 666 фунтов серебром для содержания 150-тысячной армии и 500 тыс. фунтов серебром для содержания кораблей Балтийского флота в британских портах¹. Военные действия возобновились еще до формального прекращения

¹ В 1812 г. Англия предоставила России субсидию в 200 тыс. фунтов, в марте 1813 г. Лондон согласился предоставить России 1 333 334 фунта серебром и 3 333 334 фунта в «федеративных деньгах» — особых облигациях союзников сроком погашения к 13 июля 1815 г. для расплаты с населением германских земель. Фактически в 1813 г. Россия получила 1 007 500 фунтов серебром (включая поставку вооружения на сумму 400 936 фунтов). Недостача была пополнена к маю 1814 г. В том же году, по настоянию России, субсидия была увеличена до 4 800 тыс. фунтов серебром и сделан новый выпуск «федеративных денег». В 1814 г. Россия получила 2 708 834 фунта серебром (включая стоимость поставок оружия) и около 783 тыс. фунтов в «федеративных деньгах». В 1815 г. — соответственно 2 000 033 и 888 922 фунта. Всего в 1813–1815 гг. объем британских субсидий России составил около 6 млн фунтов серебром и 5 млн фунтов «федеративными деньгами».

переговоров. 27 февраля П. Х. Витгенштейн разбил Н. Ш. Удино и Э. Макдональда при Бар-сюр-Об, после чего союзники начали наступление на столицу Франции. 13 (25) марта 12 тыс. русских кавалеристов при 94 орудиях разгромили заслон из двух французских корпусов (23 тыс. с 84 орудиями) под Фер-Шампенуазом. Следом союзники разбили французов при Арси-сюр-Об. Наполеон с основными силами пытался защитить Париж, угрожая коммуникациям союзных сил. Ему удалось нанести им ряд поражений между Рейном и Сеной, но это не изменило ситуацию²⁰².

Союзные армии (100 тыс. человек, из них 64 тыс. русских) двинулись на Париж. С начала февраля 52 заставы столицы начали укреплять палисадами, на стены рубили лучшие деревья в Булонском лесу. Но сделать что-либо серьезное не удалось²⁰³. Более успешной оказалась пропаганда, с марта по всему Парижу были развешены рисунки каких-то невообразимых уродов, занимавшихся чудовищными делами. Так изображали казаков²⁰⁴. Нельзя сказать, что подобный прием поднял боевой дух парижан. Когда 15 марта они впервые услышали отдаленные выстрелы орудий, начался «великий страх». Для борьбы с ним власти распространили сообщение о том, что это были пушки упражнявшейся Национальной гвардии²⁰⁵.

Приближение союзников заставило императрицу Марию-Луизу и Римского короля покинуть столицу, что вызвало плохо скрытое недовольство²⁰⁶. Наместник — испанский король Жозеф Бонапарт — обратился к горожанам и войскам с призывом: «Я остаюсь с вами. Вооружимся на защиту сего города, его памятников и богатств, и всего того, нам любезно»²⁰⁷. Этот призыв подействовал скверно. Жозеф Бонапарт не был популярен, и люди не верили, что он находится в столице²⁰⁸. 17 (29) марта союзники достигли города и 18 (30) марта штурмом овладели Бельвильскими высотами и Монмартром. Гарнизон города представлял собой довольно пеструю картину из резервных гвардейских (около 4 тыс.), линейных (около 24 тыс.) частей (корпуса Э. А. Мортье и О. Мармона) и городской национальной гвардии (12 тыс.), плохо вооруженной и слабо обученной. Город пытались укреплять, но в спешке ничего серьезного сделать не успели. Заваливались въезды в город у застав, чинились стены, устанавливалась артиллерия и т. п. Гарнизон все же оказал упорное сопротивление, однако с потерей господствующих над городом высот был обречен²⁰⁹.

Сражение, по свидетельству журнала штаба союзных армий, было «самое кровопролитнейшее». Только на Монмартре французы оставили 29 орудий из 30 стоявших на позициях. Общие потери союзников

составили около 100 офицеров и 7 тыс. солдат (русских), 64 офицера и 1,5 тыс. солдат (прусской и баденской гвардий). Французы потеряли на поле боя около 4 тыс. человек, 1 тыс. пленных, 86 орудий и два знамени²¹⁰. Национальная гвардия и линейные части возвращались в город в полном беспорядке, многие шли без оружия, бросив его по дороге назад²¹¹. Обочины дороги были усыпаны пустыми бутылками²¹². Поле боя под Парижем было усеяно трупами людей и лошадей, дома и деревья иссечены пулями и ядрами²¹³. Высоты над городом были захвачены. После нескольких бомб, направленных в город с Монмартра по приказу М. А. Милорадовича, все было кончено²¹⁴. Защитники столицы быстро переходили от самоуверенности, веря слухам о пленении прусского короля, к полному унынию²¹⁵.

Тем временем горожане не унывали и не теряли время. Они грабили своих павших защитников, раздевая их донага. Это доходное занятие вскоре было остановлено русскими патрулями²¹⁶. Париж капитулировал, на линии противостояния установилась полная тишина, прерываемая криками «ура!», когда войска объезжали М. Б. Барклай де Толли и М. А. Милорадович, поздравляя их с победой²¹⁷. Почти немедленно вслед за этим на русских позициях появились парижанки, торговавшие вином, водкой и любовью²¹⁸. Поражение французов было совершенно очевидным, об успешном сопротивлении не шло и речи²¹⁹. Узнав об этом, Наполеон двинулся на выручку своей столицы, однако было поздно²²⁰. Имея под рукой не более 35 тыс. человек, он не мог рассчитывать на увеличение армии более чем на 60 тыс. А это было вдвое меньше, чем у союзников²²¹. Переговоры под Парижем несколько затянулись, так как Э. А. Мортье и О. Мармон не соглашались на сдачу корпусов, хотя и понимали безвыходность своего положения. Они настаивали на разрешении выйти из города²²². В противном случае маршалы заявляли о своей готовности сопротивляться до конца и погибнуть под развалинами Парижа²²³.

Гибель французской столицы отнюдь не входила в планы русского монарха, Александр I счел необходимым избежать ненужного кровопролития. По условиям капитуляции, состоявшей из восьми статей²²⁴, два корпуса регулярной французской армии должны были покинуть Париж 18 (30) марта вместе со своей артиллерией и обозами. Национальная гвардия со всем своим вооружением оставалась, ее судьбу должны были решить союзные монархи, в распоряжение которых переходили и все военные склады, арсеналы, мануфактуры. Париж передавался «на великодушные союзных государей»²²⁵. 30 марта 1814 г. его 45-тысячный гарнизон сдал город²²⁶. Александр I обещал ему свое покровитель-

ство и заверил его представителей, что он не думает о мести. Декларацией 19 (31) марта император обещал Франции неприкосновенность «в том виде, в каком она была под властью законных королей»²²⁷.

В ней излагались основные принципы оккупационной политики союзников: 1) отказ от переговоров с Наполеоном; 2) неприкосновенность границ Французского королевства; 3) учреждение временного правительства для управления страной и составления ее будущей конституции, «приличной народу французскому»²²⁸. От Парижа не требовалось ничего, кроме снабжения продовольствием армий союзников²²⁹. 20 марта (1 апреля), после встречи с Ш. М. Талейраном и обсуждения с ним вопроса о верховной власти, Александр I пришел к мысли о неизбежности восстановления Бурбонов²³⁰. Вечером того же дня Ш. М. Талейран собрал заседание сената под своим руководством. Присутствующие в столице сенаторы учредили временное правительство, к которому перешла власть в стране, или, во всяком случае, поначалу в Париже²³¹. Всю ночь русская гвардия готовилась к своему триумфу. По приказу императора все генералы и офицеры должны были украсить свои головные уборы лавровыми ветками, а на левой руке иметь белый шарф с бантом²³². Столица лежала перед гвардейцами как на ладони, и многие в шутку сожалели, что она сдалась, однако приказ был точен — «не жечь, не грабить, не разорять ничего»²³³.

В 9 часов утра следующего дня в столицу Франции вошли казаки М. И. Платова, все было спокойно. В 11 часов в город начали входить союзные войска во главе с русским императором, жители бурно приветствовали его²³⁴. Монарха сопровождали около 2 тыс. генералов и офицеров. За ними шли войска. На это пышное зрелище вышли полюбоваться массы французов, заполнившие улицы, тротуары, деревья, окна, балконы и крыши домов. Патрулей почти не было, бояться было нечего. Парижане приветствовали врагов Наполеона²³⁵. Но, с другой стороны, и союзники вели себя вежливо²³⁶. Отказывались радоваться лишь старые солдаты, но они могли только молча хмуриться. Особенно популярен был Александр I, толпа стремилась узнать императора, парижанки рвались прикоснуться к нему, к сапогам и шпорам, к его любимому коню Марсу, на котором он ехал, и т. п.²³⁷

Тысячи парижан клялись в ненависти к Бонапарту и проклинали его. Далеко не всем русским нравилось то, что им пришлось увидеть. «Этот неестественный восторг, — вспоминал генерал-адъютант князь И. В. Васильчиков, — с которым французы принимали врагов-победителей, был тем отвратительнее для нас, что в памяти каждого был еще свеж прием, сделанный Наполеону нашими соотечественниками при

вступлении его в Москву»²³⁸. Император Александр I почти сразу же заявил: «Не врагом вступаю я в стены ваши, несу вам мир и торговлю!»²³⁹ На Елисейских полях были проведены смотр и парад войск победителей²⁴⁰. Движение армий по городу продолжалось до 9 вечера²⁴¹. Русская гвардия разместилась в казармах в городе²⁴², большая часть армии стала биваком на Елисейских полях²⁴³.

В сентябре 1813 г., перед началом кампании во Франции, Константин Павлович опасался того, что Париж станет для союзников «второй Москвой»²⁴⁴. Он ошибся. «В Париже, — вспоминал его житель, — быстро привыкают ко всякому новому положению, как бы противоположно оно ни было прежнему. Не прошло недели, как все уже примирились с присутствием победителей»²⁴⁵. Среди парижан русские офицеры чувствовали себя как дома²⁴⁶. Прекрасное знание французского языка офицерами гвардии привело к тому, что горожане отказывались верить, что это русские офицеры, а не эмигранты²⁴⁷. Впрочем, эмигрантам тоже было вполне комфортно. В столице Франции практически не осталось явных сторонников Наполеона, в моде был белый цвет — цвет знамени Бурбонов²⁴⁸.

Роялисты повсюду уничтожали вензеля Наполеона и знаки его власти²⁴⁹. Поначалу белых кокард и повязок (их носили на левой руке) было немного, но за день-два все изменилось²⁵⁰. «Большая часть, — писал очевидец, — надела белые кокарды; многие носили другие белые знаки, платки на шляпах и т. п.»²⁵¹. В театрах публика требовала королевские марши и бурно приветствовала появление союзных монархов²⁵². Александр I ездил по городу с небольшой свитой из семи — восьми человек и поощрял колеблющихся парижан: «Не бойтесь приближаться ко мне!»²⁵³ Нет ничего удивительного в том, что каждое его появление на публике сопровождалось криками «Да здравствует освободитель Франции!» и тому подобными проявлениями восторга²⁵⁴. Горожане распевали *Vive Alexandre! Vive ce Roi des Rois!* на мотив гимна монархистов *Vive Henri IV*. Париж ликовал, Александр I учтиво принимал знаки внимания к себе²⁵⁵. Ликовала и Москва. Впрочем, в русской столице никто не жаждал возмездия²⁵⁶.

Временное правительство 1 апреля, то есть сразу же после своего образования, сменило цензоров Наполеона на своих ставленников. Это немедленно и самым чудесным образом сказалось на взглядах и убеждениях парижской прессы. Еще 30 марта она единодушно выступала за Наполеона, 31 марта ограничилась скупыми сообщениями о новостях, а уже 1 апреля единогласно осуждала тирана и приветствовала перспективу восстановления законной власти Бурбонов²⁵⁷. Муници-

пальный совет Парижа объявил Наполеона низложенным и выступил за возвращение старой династии. Разумеется, у него не было подобных прав, за этим решением стоял Ш. М. Талейран, желавший иметь для укрепления своих позиций ссылку на общественное мнение²⁵⁸. Между тем оно постоянно колебалось.

Еще в январе-феврале 1814 г. французы не знали, что принесет им вторжение союзников — долгожданный мир или ухудшение положения, и большая часть населения занимала выжидательную позицию, подчиняясь силе²⁵⁹. В марте настроения были уже другими. Впрочем, и поведение русской армии здесь разительно отличалось от того, как вели себя французы в Москве. Русские войска не грабили, не оскверняли храмы и не уничтожали памятники культуры. Они даже не разместились в домах обывателей²⁶⁰.

Вновь «повезло» Вандомской колонне. Накануне капитуляции города венчавшую ее статую Наполеона покрыли парусиной²⁶¹. Затем сенат организовал на площади для сторонников короля угощение вином. Воодушевленные таким вниманием к себе парижане начали крушить колонну и с криками «Да здравствует король!» и «Да низвергнется тиран!» попытались свалить статую, набросив на ее шею веревки. По приказу Александра I был отправлен офицер, остановивший очередной приступ французской «тираномахии» обещанием поставить там в будущем «памятник миру». Взвод лейб-гвардии Семеновского полка стал дополнительным тому свидетельством. Толпа разошлась²⁶². Таким, по выражению одного из русских офицеров, был «выразительный пример ветрености французского народа»²⁶³. Для того чтобы успокоить столь ветреное население, было принято решение сменить фигуру бывшего императора на изображение мира. Городская полиция опубликовала объявление о том, что «колонна находится под покровительством Его Величества Императора Всероссийского и союзников Его»²⁶⁴.

Таково было поведение русских в Париже. Через семь дней большая часть войск была выведена из города и расположена в предместьях, после чего их перевели по временным квартирам по стране²⁶⁵. Впрочем, и в провинции наши войска вели себя не хуже, заслужив симпатии местных жителей²⁶⁶. Солдаты с удовольствием работали в хозяйствах, их с радостью принимали на постой, что имело и неприятные последствия — при уходе некоторые предпочли бежать и остаться во Франции²⁶⁷. «Каковы бы ни были их слова, — отмечал позже Ф. Сегюр, — но они согласовались с поступками. Товарищи, воздадим им должное! Они всё принесли в жертву без поздних колебаний. Впоследствии они ничего не потребовали в оплату даже посреди вражеской столицы,

которой они не тронули. Их доброе имя сохранилось во всем величии и чистоте, они познали истинную славу»²⁶⁸.

По требованию Александра I в знак уважения к вкладу России в победу над общим врагом генерал-губернатором Парижа был назначен русский генерал барон Ф. В. Остен-Сакен, а также три коменданта — русский, австрийский и прусский²⁶⁹. 21 марта (2 апреля) М. Б. Барклай де Толли издал приказ по армии: «Воины! Твердость и мужество ваше освободили народ французский от ига тирана, который действовал собственно только для себя, забыв обязанности свои к народу, уважения заслуживающему. Народ французский объявил себя за нас, наше дело сделалось теперь общим и для них, и Всемилостивейший Государь наш обещал им воспомоществование и защиту. Воины! С сего времени французы должны быть почитаемы как друзья наши. Малые остатки неприязненных нам, окружающие честолюбивого Наполеона и не внемлющие гласу отечества своего, да будут истреблены от меча вашего, но земледельца и спокойного городского обывателя уважайте яко союзника вашего, имеющего одинаковую с вами цель»²⁷⁰.

Спокойствие не было идеальным. Вскоре в город стали приходить солдаты и офицеры распущенных наполеоновских армий. Начались стычки, а затем и массовые драки побежденных с победителями. Ф. В. Остен-Сакен был вынужден ввести усиленные патрули²⁷¹. Генерал сумел навести в столице побежденного врага строгий порядок, и это оценили парижане. Появление Ф. В. Остен-Сакена всегда сопровождалось криками приветствия, а при оставлении поста ему был преподнесен подарок мэрии — карабин, пистолеты и золотая шпага с надписями «Мир 1814 года» и «Город Париж генералу Сакену»²⁷². 21 марта (2 апреля) сенат принял решение о лишении как Наполеона, так и всех членов его семьи прав на престол Франции. Александр I с видимым удовлетворением принял это известие²⁷³. Он принял членов сената и объявил себя другом французского народа и гарантом независимости его решений. Для того чтобы доказать свои симпатии Франции, император сделал сенаторам весьма обрадовавшее их заявление²⁷⁴.

«Человек, называвшийся моим союзником, — сказал он 3 апреля в сенате, — напал на мое государство несправедливым образом, а по сему я веду войну с ним, не с Францией; я друг французов. Настоящий ваш поступок, коим вы лишили престола Наполеона и его семейство, соединяет меня еще более с вами; благоразумие требует, чтобы учреждено было во Франции правительство на основаниях твердых и согласных с настоящим просвещением сего государства. Союзники мои и я будем покровительствовать свободе ваших заседаний». Сделав пау-

зу, император продолжил: «В доказательство прочной связи, которую я намерен заключить с вами, я возвращаю всех французских пленных, находящихся в России; временное правительство меня уже о них просило, но я их уступлю Сенату в уважение сделанного им сего дня определения»²⁷⁵. Французские пленные освобождались без всяких предварительных условий²⁷⁶. Офицеры получали на дорогу по 300 рублей²⁷⁷. Уже 13 (25) мая 1814 г. по приказу Александра I в Петербурге было издано «Распоряжении об отправлении в отечество военнопленных всех наций, в России находящихся»²⁷⁸.

Венский конгресс и послевоенное устройство Европы

25 марта (6 апреля) после долгих колебаний Наполеон отрекся от престола. Первым его желанием, после того как он узнал о сдаче Парижа и произошедших там событиях, было двинуться на столицу и выбить оттуда союзников, однако для реализации этого плана не имелось сил. В распоряжении бывшего уже императора французов было всего около 22 тыс. человек, а сохранившие еще относительную верность маршалы убедили его, что армия не пойдет за ним, так как не желает превращать столицу в поле боя¹. В день отречения сенат закончил составление новой конституции, первая статья которой предусматривала восстановление власти Людовика XVIII. Король должен был присягнуть конституции и письменно подтвердить свою клятву, после чего ему присягали его подданные². 11 апреля 1814 г. в Фонтенбло между Наполеоном, Англией, Россией, Австрией, Пруссией и Швецией был заключен договор. Победенный сохранял титул императора, получал суверенные права на остров Эльба и ежегодное содержание от французского государства в 2 млн франков. Императрице Марии-Луизе передавались герцогства Парма, Пьяченца и Гуасталла, которые после ее смерти должен был унаследовать сын Наполеона — герцог Рейхштадтский. Многочисленная родня Бонапарта сохраняла титулы принцев и принцесс его фамилии, в странах, от управления которыми он отказывался, выделялись имения или денежные средства для ежегодной ренты в 2,5 млн франков³.

Настроения среди русских военных были далеко не благодушными. 26 апреля (8 мая) 1814 г. М. Б. Барклай де Толли писал Ф. В. Ростопчину: «Мы в Париже; Наполеон уже более не на троне французов,

но он еще в числе живых, и я бы желал, чтобы он уже лучше не существовал; все надеюсь, что во время его переезда найдется какой-либо герой, который изгладит с лица земли этого бича человечества. Но меня успокаивает то, что англичане будут хорошо стеречь его на острове Эльба, чтобы отнять у него всякую охоту выбраться оттуда»⁴. Император явно не разделял эти мысли. Вскоре Наполеон, сопровождаемый комиссарами союзников, отправился на Эльбу.

Он простился со своей гвардией, обняв ее командира и знамя гвардейцев. Свидетели прощания рыдали. Колонна состояла из десяти карет с императорским гербом (в них ехали бывший монарх и сопровождавшие его генералы, офицеры, солдаты и слуги) и четырех карет комиссаров союзников⁵. Такой выезд не мог не привлечь к себе внимания. Отправляя в качестве комиссара своего генерал-адъютанта графа П. А. Шувалова, Александр I обратил особое внимание на безопасность сопровождаемого лица: «Я доверяю Вам важную обязанность. Вы будете строго отвечать за каждый волос, упавший с головы Наполеона»⁶. От конвоя он отказался, но в этой роли вынуждены были выступить иностранные офицеры, так как особенно небезопасным было путешествие от Лиона до побережья Средиземного моря⁷. Поездка сопровождалась демонстрациями ненависти к поверженному императору и любви к его победителям. «Крики «Да здравствует великий Александр!», «Да здравствуют союзники!», «Да здравствует Людовик XVIII!» не прекращались», — докладывал П. А. Шувалов⁸. В Авиньоне Наполеона просто обругали, затем в городах стали появляться виселицы с повешенными куклами с надписью «Наполеон»⁹.

В одном месте возмущенная толпа в Провансе требовала смерти своего бывшего монарха. «Эта чернь, — писал русский комиссар, — опьяневшая от ненависти, а некоторые от вина, мужчины, женщины, дети и старики орали, как каннибалы, и лезли на карету, в которой находились Наполеон с графом Бертраном. «Отворяйте дверцы, вытаскивайте его оттуда, повесим его!» — кричали они»¹⁰. Крики, «заставлявшие меня грезить, что я присутствую при кавалерийской атаке», не испугали П. А. Шувалова¹¹. Комиссары держав-победительниц вынуждены были потребовать от местных властей принять меры, чтобы не допустить повторения этих событий, и путешествовали далее под эскортом жандармов¹². В Марселе их ждали ликующий город и английские корабли. Горожане приветствовали экипажи криками «Да здравствует Англия!», «Да здравствуют англичане!». Бывший император не был столь популярен. Все хотели мира, а его имя было связано с войной¹³.

Пребывание во французской столице начинало все больше утомлять Александра I, хотя мирное завершение борьбы с Наполеоном и радовало его. «Господь, — писал он матери 3 (15) апреля, — сподобил нас совершить это, то есть что мы явились сюда не как завоеватели или враги, а как истинные друзья тех, кои были так долго нашими жесточайшими врагами, это истинная отрада для меня, и я за это несказанно благодарен Господу Богу. Что касается всего прочего, то я бы уже хотел быть далеко от Парижа и знать, что с важными политическими вопросами, обсуждаемыми в настоящий момент и долженствующими определить дальнейшую судьбу Европы, покончено»¹⁴. 23 апреля была подписана конвенция о всеобщем перемирии, а на следующий день в Кале на английском военном судне прибыл Людовик XVIII из Англии, где он проживал в изгнании. Александр I, узнав об этом возвращении, отправил ему навстречу генерал-адъютанта К. О. Поццо ди Борго с письмом, в котором излагал свои советы: не уклоняться от либеральных идей, не забывать армию и даровать Франции свободные учреждения. Это резко ухудшило отношения между королем и императором. 28 апреля Наполеон отбыл на английском фрегате на Эльбу. Мария-Луиза с сыном бывшего императора отправилась в Вену. 29 апреля Людовик XVIII прибыл в Компьен¹⁵.

Александр I считал необходимым выехать из Парижа, чтобы лично встретить возвращающегося в свою столицу Людовика XVIII¹⁶. Перед его приездом на месте казни Людовика XVI были проведены молебны и церемониальный марш войск союзников. Русская гвардия встречала французского короля¹⁷. Но отношения между двумя монархами были довольно холодны. С 1801 г. на письма Людовика XVIII, обращавшегося к Александру I со словами «государь, брат и кузен», следовало обращение «господин граф». В 1812 г. на просьбу герцога Ангулемского поступить волонтером в русскую армию последовал августейший отказ¹⁸. Встреча императора и короля состоялась в Компьене. Ее трудно назвать любезной, так как Людовик XVIII при всяком удобном случае стремился подчеркнуть первенство французской короны и Франции среди остальных монархий Европы, используя для этого мелкие колкости и придирки, стараясь подражать строгому этикету середины XVIII в., который никак не подходил к реалиям 1814 г.¹⁹

Кроме того, король не хотел ограничивать свою власть конституцией, тем более разработанной сенатом. Он считал французский престол своей наследственной собственностью и поэтому категорически отказался признавать конституцию и присягать ей, предложив взамен хартию, которая исходила бы от трона как проявление доброй воли

монарха. Разумеется, идеалом Людовика XVIII было дореволюционное устройство Франции. Александр I понимал, что вернуться к нему невозможно, но все же считал необходимым поддержать реставрацию Бурбонов. Переговоры затягивались, между тем 4 мая 1814 г. король вернулся в свою столицу²⁰. По приказу Александра I русские войска были выведены в казармы, офицерам запретили показываться на улице в форме. Делалось все возможное, чтобы не задеть чувств парижан²¹.

Въезд Бурбонов явно уступал по пышности союзным монархам, да и встреча была тоже не столь яркой. Около коляски короля ехало около двух десятков маршалов и генералов, стояла национальная гвардия с наполеоновскими орлами на мундирах. Толпа чаще кричала «Да здравствует Франция!», чем «Да здравствует король!»²². Войска молчали, а когда король появился в окне дворца Тюильри, большинство стоявших на площади даже не обнажили головы, оставшись стоять в шляпах²³. Эти сцены не могли не заставить задуматься о будущем монархии во Франции. Настроение в Париже быстро менялось, экзальтация первых дней уступила растущему недовольству²⁴.

30 мая 1814 г. в Париже был подписан договор между участниками Шестой коалиции и Францией. Впоследствии к Парижскому договору присоединились Швеция, Испания и Португалия. Его условия во многом определили решения Венского конгресса. Франция сохраняла границы 1792 г., восстанавливалась независимость Нидерландов и Швейцарии, немецких и итальянских государств, которые должны были создать вокруг Франции враждебное кольцо и исключить возможность французского реванша в будущем²⁵. Судьба части этих государств была решена. Император Франц I считал север Италии наследственным владением Габсбургов, он родился во Флоренции, где его отец был великим герцогом Тосканским, и чрезвычайно болезненно переживал отторжение этих земель в пользу Франции²⁶. Теперь он получил возможность успокоиться. На встрече с представителями Милана 7 мая 1814 г. император исключительно точно изложил свое видение ситуации: «Вы принадлежите мне по праву завоевания»²⁷.

Мир был заключен, но уверенности в том, что он будет прочным, не существовало. Высокомерие и ограниченность вернувшего свой трон Бурбона лишь увеличивали эти опасения. Александр I смотрел на будущее этой династии с пессимизмом: «Эти люди никогда не сумеют поддержать себя»²⁸. Тем не менее именно 18 (30) мая он издал торжественный манифест «О заключении мира с Францией», в котором говорилось о блестящих перспективах: «Франция возжелала мира. Ей дарован он, великодушный и прочный. Мир сей, залог

частной каждого народа безопасности, всеобщего и продолжительного спокойствия, ограждающий независимость, утверждающий свободу, общает благоденствие Европы, приуготовляет возмездия, достойные понесенных трудов, преодоленных опасностей»²⁹. 4 июня 1814 г. под давлением союзников Людовику XVIII все же пришлось дать обещание даровать конституционную хартию, несмотря на все свое нежелание делать это.

Король не скрыл своих чувств в преамбуле: «Признавая, что свободная и монархическая конституция должна была оправдать ожидания просвещенной Европы, мы в то же время должны были памятовать и о том, что наш первый долг относительно наших народов повелевает нам охранять, для их же блага, права и преимущества нашей короны. Мы надеялись, что, наученные опытом, они убедились, что одна верховная власть может дать установленным ею учреждениям те силу, постоянство и величие, которыми она сама обладает, что, таким образом, когда мудрость Королей свободно сходится с желанием народов, конституционная хартия может быть долговечна, но когда насилие исторгает уступки у слабости Правительства, общественная свобода подвергается не меньшей опасности, чем самый престол»³⁰. Хартия декларировала равенство подданных перед законом (ст. 1), обязательность государственных повинностей без исключений (ст. 2), равный допуск к гражданским и военным должностям (ст. 3), личную свободу (ст. 4), свободу совести (ст. 5), сохранение за католицизмом статуса государственной религии (ст. 6), свободу слова, «сообразуясь с законами, которые должны преследовать злоупотребления этой свободой» (ст. 8), неприкосновенность собственности (ст. 9), амнистию (с. 11), отказ от всеобщей воинской повинности (ст. 12)³¹.

Текст хартии был опубликован немедленно, в день ее подписания, а 5 июня войска победителей начали покидать Париж и Францию³². Столицу Франции покинул и Александр I. Он сделал это, не прощавшись с Ш. М. Талейраном, и тот 13 июня отправил ему письмом «упрек в почтительной искренности самой нежной привязанности»³³. Началась подготовка к послевоенному устройству Европы. Тем временем русско-французские отношения постоянно ухудшались, в том числе и по вопросу достойных за труды возмездий. Совершенно очевидно было и то, что данный вопрос вызовет разногласия Петербурга и с Венной. 13 (25) сентября 1814 г. К. В. Нессельроде докладывал императору о своей беседе с К. Меттернихом.

Австрийский канцлер говорил о том, что присоединение к России Финляндии и Бессарабии уже нарушило равновесие в Европе.

В связи с этим обострялась и проблема наследия герцогства Варшавского, которое Вена категорически не желала уступить неразделенным. «Но, соглашаясь, таким образом, на приобретение Россией более 3 млн новых подданных, Австрия не считает необоснованным свое желание сохранить за собой два стратегических пункта, совершенно необходимых для обороны оставшейся у нее части Польши. Передача Кракова России означает, что ее армии окажутся в десяти переходах от Вены, а сохранение в ее руках Замостья значит, что они могут в три перехода дойти до Лемберга, и тогда восточную Галицию уже нельзя было бы удержать; обладание ею оказалось бы до крайности непрочным, коль скоро размещенная там армия будет сразу же отрезана, как только русские войска двинутся от Кракова за Вислу»³⁴.

Император опасался изоляции России из-за позиции в польском вопросе, которая могла бы объединить Францию, Австрию и Пруссию³⁵. В решении вопроса о герцогстве Варшавском при подготовке к конгрессу держав-победителей русская дипломатия попыталась заручиться поддержкой Пруссии. Проблем со стороны Берлина не предвиделось. Фридрих-Вильгельм III открыто говорил: «Я буду благодарить Бога, если мне удастся освободиться от моих польских подданных»³⁶. Это освобождение не было безвозмездным. 16 (28) сентября 1814 г. было подписано тайное соглашение, по которому Россия признавала передачу территории Саксонии, занятой в это время русскими войсками, Пруссии³⁷. Король Саксонский после битвы под Лейпцигом находился под арестом в замке Фридрихсфельде (фактически дворец в пригороде Берлина), его армия — под прусским командованием в Гессене³⁸. Со своей стороны, Пруссия брала на себя обязательство поддерживать русские планы в польском вопросе.

Отправляясь из Петербурга в Вену, Александр I посетил 3 (15) сентября имение Чарторыйских в Пулавах, где встретился со своим старым другом. Отношения между ними были самыми теплыми³⁹. «Теперь меня более всего занимает Польша. Еду на конгресс, — сказал император, — чтобы работать для нее, но надо двигать дело постепенно. У Польши три врага — Пруссия, Австрия и Россия, и один друг — это я. Если бы я захотел присоединить Галицию, пришлось бы сражаться. Пруссия соглашается восстановить Польшу, если ей отдадут часть Велико-Польши. А я хочу отдать польским провинциям около 12 миллионов жителей. Составьте хорошую конституцию и сильную армию, и тогда посмотрим»⁴⁰. После всего, что натворили польские войска в России, о чем прекрасно знал император, удивительно было то, что и сам Александр I оставался другом Польши⁴¹.

Для князя Адама-Ежи это была знакомая программа. Еще в 1805 г., будучи министром иностранных дел, он возбудил вопрос о принятии Александром I титула короля Польского с целью привязать поляков к России. В 1806 г. он вновь предложил восстановить Польшу с наследственным русским правлением. В начале 1811 г., накануне вторжения Наполеона, император составил план соединения всех бывших земель польской короны в одно целое, которое должно было находиться под властью России. Уже тогда Александр I хотел дать этому государству либеральную конституцию. В 1814 г. он по-прежнему был уверен, что польский народ в состоянии мирно жить при либеральном устройстве государства, оставаясь лояльным Российской империи⁴².

В апреле 1814 г. из Швейцарии к императору обратился Т. Костюшко. Он просил Александра I стать польским королем, даровать полякам всеобщую амнистию и конституцию по образцу английской, дать крестьянам народную школу за государственный счет, начать процесс их освобождения с землей⁴³. 3 (15) мая последовал ответ на этот призыв: «С особым удовольствием, генерал, отвечаю на Ваше письмо. Самые сокровенные желания мои исполнились, и с помощью Всевышнего я надеюсь осуществить возрождение храброй и почтенной нации, к которой Вы принадлежите. Я дал в этом торжественную клятву, и благосостояние польского народа всегда было предметом моих забот. Одни лишь политические обстоятельства послужили преградой к осуществлению моих намерений. Ныне препятствия эти уже не существуют, они устранены страшной, но в то же время и славной двухлетней войной. Пройдет еще несколько времени, и при мудром управлении поляки снова будут иметь отечество и имя, и мне будет отрадно доказать им, что человек, которого они считают своим врагом, забыв прошедшее, осуществит все их желания»⁴⁴.

Император, еще находясь в Париже, принял делегацию от войск герцогства Варшавского и разрешил, по их просьбе, сохранить национальные кокарды. Более того, он дал понять, что и в будущем солдаты польской армии смогут с полным правом носить эти символы. Таким образом, речь шла о восстановлении польской государственности. Такова была цель Александра I, и ради нее он был готов на многое: «Я предаю забвению прошлое и, хотя имею право жаловаться на многих лиц вашей национальности, хочу все забыть; я желаю видеть одни ваши добродетели: вы храбрецы и честно исполнили вашу службу»⁴⁵. Император и ранее санкционировал мягкое отношение к полякам. Например, гарнизон крепости Замостье, сдаваясь в плен 23 ноября 1813 г., получил право остаться на территории герцогства Варшавского (ст. 3)⁴⁶.

Теперь Александр I обещал сохранить польскую армию и заявил, что командовать ею будет его брат — великий князь Константин⁴⁷.

Далеко не все были настроены столь всепрощающе. По пути из Парижа в Варшаву польским частям пришлось не слишком сладко, союзников Наполеона не жаловали, случались нападения⁴⁸. Вместе с пришедшими из Франции, со сдавшимися под Лейпцигом и пленеными гарнизонами Данцига и ряда других крепостей численность польской армии, сосредоточившейся в бывшем герцогстве Варшавском, составила до 20 тыс. человек, около трети от числа призванных Наполеоном под свои знамена. В 1814 г. в Варшаву был торжественно перевезен прах маршала князя Понятовского. В городе его приветствовали почетные караулы польских и русских войск⁴⁹. Содержание этих войск сразу же легло тяжелым бременем на местные финансы. При доходах с земель в 36,77 млн злотых в 1815 г. они составили около 12 млн злотых⁵⁰. Реакция польской общественности была однозначной. «Поляки ожили, — вспоминал современник, — и, как дети, избегшие наказания, стали ожидать новых милостей»⁵¹. В Польше в это время царило полное разочарование в Наполеоне, а русский монарх был на пике популярности⁵². Не будет преувеличением сказать, что эта великодушная, или, точнее, прекраснодушная, политика императора имела в России весьма ограниченное количество сторонников.

Еще в январе 1813 г. К. В. Нессельроде подал на высочайшее рассмотрение мемуар по польскому вопросу. Он уверял, что разоренная Польша не может быть выгодным присоединением и что опасно надеяться на польскую благодарность: «Но, наверное, в голову ни одного разумного и искренно преданного интересам России человека не могла прийти мысль восстановления Польши только для того, чтоб потворствовать иллюзиям этого легкомысленного и беспокойного народа»⁵³. Титул польского короля, предсказывал К. В. Нессельроде, станет западной для императоров Всероссийских. Нисколько не удовлетворяя поляков без восстановления границ 1772 г., то есть без отказа России от малороссийских и белорусских губерний, эти планы будут иметь следующие негативные последствия: 1) средства борьбы против Франции будут увеличены весьма незначительно; 2) они вызовут крайне негативную реакцию союзных держав, то есть тех, чья помощь России необходима; 3) непосредственным следствием их реализации будет потеря нескольких русских провинций; 4) у русских подданных Александра I они вызовут крайне негативную реакцию. Вывод был однозначен: восстановление Польши совершенно противоречит интересам России⁵⁴.

После 1814 г. доводы К. В. Нессельроде не действовали, хотя его голос и был не одинок. 8 (20) октября 1814 г. записку по польскому вопросу на высочайшее имя подал К. О. Поццо ди Борго. Он предупреждал о том, к чему приведет политическое возрождение Польши и принятие нового титула всероссийским императором: «Титул короля польского никогда не может симпатизировать титулу императора и самодержца всей России. Эти две квалификации никогда не могут слиться вместе; они означают вещи и предполагают обязанности до того различные, что один и тот же государь не мог бы соединить их в себе, не возбуждая недовольства той или другой нации или, быть может, обеих»⁵⁵. К. О. Поццо ди Борго не советовал идти по этому пути, не брать в пример Австрию, где титулы наследовались или приобретались браками и договорами, свести польский вопрос исключительно к проблеме внешних границ империи и управлять польскими землями, учредив там новое наместничество⁵⁶. Более жесткую схему предлагал А. И. Чернышев, который выступил против создания польского государства, считая возможным ограничиться введением на этих землях губернского правления⁵⁷. Эти предложения не только не были приняты императором, но и вызвали у него явное раздражение⁵⁸.

Председатель временного управления в герцогстве Варшавском В. С. Ланской 4 (16) мая 1815 г. писал императору: «Я уверен в душе мой, что приверженность некоторых, а особливо военных, к врагу Европы не угаснет и ничто не обратит к нам их расположения. Туда манят их прелести грабежа, там господствует дерзкая вольность, там ни за какое бесчинство нет ответственности; здесь порядок, чинопочитание, повиновение повелениям, точность в исполнении их и ответственность за преступление правил службы и даже правил добродетели. Государь, прости русскому, открывающему пред Тобой чувства свои и осмеливающимся еще изъяснить, что благосердие Твое и все усилия наши не могут быть сильны сблизить к нам народ и вообще войско польское, коего прежнее бурное поведение и сообразные оному наклонности противны священным нашим правилам; и потому, если я не ошибаюсь, в формируемом войске питаем мы змия, готового всегда излить яд свой на нас. Более не смею говорить о сем и как сын Отечества, как верный подданный Вашего Императорского Величества не имею другой цели в сем донесении, кроме искреннего уверения, что ни в каком случае считать (полагаться. — О. А.) на поляков не можно»⁵⁹.

Герцогство Варшавское было одним из самых значительных трофеев союзников, завоеванных в 1813–1814 гг., чья судьба должна была решиться после победы над Наполеоном:

Герцогство Варшавское	— 3 929 626 человек;
Королевство Саксонское	— 2 085 911 человек;
Королевство Вестфальское	— 1 928 799 человек;
Великое герцогство Бергское	— 732 422 человека;
Земли, составлявшие часть Французской империи	— 13 693 880 человек;
Великое герцогство Франкфуртское	— 284 883 человека;
Королевство Италийское	— 6 703 200 человек;
Иллирийские провинции и Рагуза	— 1 756 418 человек;
Герцогства Лука и Пиомбино	— 179 000 человек;
Республика Семи Островов (Ионические острова)	— 187 000 человек;
Изенбург и Лейен	— 47 500 человек;
Княжество Невшатель (Нойенбург)	— 48 000 человек;
Эрфурт с округом	— 51 000 человек;
Нижний Каценелленбоген	— 18 000 человек;
Шведская Померания с островом Рюген	— 116 000 человек.
Итого:	31 761 639 человек ⁶⁰ .

Из всех этих вопросов именно польский и саксонский стали камнем преткновения для союзников на Венском конгрессе (сентябрь 1814 — июнь 1815 г.). В столице Австрии собрались 216 представителей европейских государств (за исключением Турции)⁶¹. Состав делегаций и количество приехавших в город людей серьезно увеличили его население, что привело к чувствительному росту цен и расходов австрийского императорского двора. Ежедневный стол монархов обходился в 70 тыс. гульденов, а расходы на гостеприимство за все время конгресса составили 40 млн франков. Это было настолько тяжелым бременем для разоренной страны, что Вена вынуждена была пойти на сокращение жалованья всем чиновникам⁶².

Уполномоченными от России были граф (впоследствии светлейший князь) А. К. Разумовский, граф Г. О. Штакельберг, граф К. В. Нессельроде. В отдельных конференциях принимали участие граф И. А. Каподистрия, граф К. О. Поццо ди Борго и И. О. Анстет. Деятельное личное участие в переговорах принял император Александр I, прибывший 13 (25) сентября 1814 г.⁶³ Именно здесь его дипломатическое искусство было использовано в полную силу зрелого государственного деятеля и получило знаменитую оценку «в политике тонок, как острие булавы, остер, как лезвие бритвы, и зыбок, как морская пена»⁶⁴.

Главные участники переговоров были представлены лордом Р. С. Кэслри, герцогом А. У. Веллингтоном, князем К. Меттернихом и императором Францем I, князем Карлом-Августом фон Гарденбергом и Ф. В. фон Гумбольдтом, князем Ш. М. Талейраном-Перигором. Последнему удалось добиться участия своей страны в переговорах на равных условиях с союзниками и активно использовать в ее интересах разногласия в стане вчерашних врагов Франции. Этот политик в очередной раз полностью оправдал данную ему Наполеоном характеристику: «...интриган, человек крайне аморальный, но очень умный и, несомненно, самый способный из всех министров, которые у меня были»⁶⁵. Постоянно апеллируя к морали, он не забывал о своих собственных интересах, только взятка от короля Саксонского, полученная за поддержку его интересов, составила 3 млн франков⁶⁶. Характерно, что Ш. М. Талейран дебютировал на конгрессе с требованием изъять из протокола само слово «союзники», так как причина союза — Наполеон — находилась в это время на Эльбе. Так как без Франции нельзя было создать жизнеспособную систему международных отношений в Европе, с ним согласились. Следующим его шагом, но уже кулуарным, стало предложение вспомнить слово «союз», но направленный против России и Пруссии⁶⁷.

Оно было благосклонно принято британской и австрийской делегациями. К. Меттерних не хотел смириться с усилением позиций Пруссии в Германии, Р. С. Кэслри считал, что воссоздание Польши под скипетром российского императора чрезмерно усилит позиции России в Европе. Александр I был тверд в двух основных пунктах своей программы: 1) он не собирался уступать герцогство Варшавское и готов был защищать его даже силой; 2) что касается саксонского короля, то, по русскому плану, ему предполагалось выделить Этрурию⁶⁸. В случае попытки его возвращения в Дрезден император также был готов прибегнуть к силе: «Если король Саксонский не отречется, его повезут в Россию, там он и умрет. Уже один король умер в России (имелся в виду последний король Польши Станислав-Август Понятовский. — О. А.)»⁶⁹. 27 октября (8 ноября) 1814 г., по приказу Александра I, русский губернатор Саксонии передал ее в прусское управление вместе с объявлением о присоединении этого королевства к Пруссии. Значительных протестов в Саксонии этот шаг не вызвал⁷⁰.

Совсем другую реакцию эти действия вызвали в Вене, где ускорило формирование антирусской и антипрусской коалиции. Особенно шумно возмущался Ш. М. Талейран, но нравоучения этого законченного циника и его постоянные отсылки к морали стали явно раздражать императора⁷¹. Что касается К. Меттерниха, то, поймав его

на откровенной лжи в свой адрес, высказанной за спиной в разговоре с представителем Пруссии, Александр I вызвал его на дуэль. Беспрецедентный конфликт был урегулирован при вмешательстве императора Франца I⁷². Доволен был Ш. М. Талейран. Описывая конфликт, он сообщил своему королю, что Александр I употребил в отношении К. Меттерниха язык, который даже в обращении к слуге был бы чем-то совершенно неожиданным⁷³. В вопросе о герцогстве российский император оставался непреклонен. «Скорее война, — заявил он Ш. М. Талейрану, — нежели отказ от того, что занято мною»⁷⁴. По инициативе Р. С. Кэслри в его резиденции с 23 октября начались встречи с К. Меттернихом и К. А. Гарденбергом, в ходе которых была выработана общая программа относительно «польского вопроса»: восстановление герцогства Варшавского или раздел его территорий между тремя соседними государствами⁷⁵.

Александр I начал терять терпение и в спорах о будущем Польши все более был готов демонстрировать силу. «У меня в герцогстве две тысячи человек, — говорил он. — Пусть попробуют меня оттуда выгнать»⁷⁶. Это было именно то, чего добивался представитель Франции. 24 декабря 1814 г. на условиях *status quo ante bellum* в Генте был подписан мир между Великобританией и США, завершивший войну, начатую 18 июня 1812 г. Америкой под лозунгом защиты своей торговли от действий британского флота. Ее завершение дало возможность Лондону активизировать свои действия в Европе⁷⁷. Если поначалу представитель Франции исключался из австро-англо-пруссских консультаций, что вызвало нервную реакцию Ш. М. Талейрана, то вскоре он получил возможность успокоиться. Р. С. Кэслри узнал о подписании договора 1 января 1815 г. и быстро изменил свое отношение к проектам Ш. М. Талейрана⁷⁸.

3 января 1815 г. был подписан секретный договор между Австрией, Францией и Англией, целью которого было помешать присоединению Саксонии к Пруссии и герцогства Варшавского к России. Предусматривалась даже возможность военных действий против вчерашних союзников, причем в случае войны Париж, Вена и Лондон обязывались выставить армии по 150 тыс. человек не позже шести недель после обращения союзника и не заключать сепаратного мира (для Англии предусматривалась возможность выставить наемную армию или ограничить свое участие субсидиями)⁷⁹. Для Р. С. Кэслри это была опасная игра, договор подписывался без санкции правительства, внешнеполитический поворот оказался очень резким⁸⁰. Для Ш. М. Талейрана это был момент торжества, триумфа его политики. Подписав договор, министр обратился с письмом к Людовику XVIII: «Отныне, государь, коалиция разрушена,

и разрушена навсегда. Франция не только не изолирована более в Европе, но Ваше Величество располагаете теперь такой союзной системой, которую не могли бы доставить и 50 лет переговоров. Франция идет теперь в согласии с двумя великими державами, тремя второстепенными государствами, а в скором времени вокруг нее должны соединиться все державы, следующие иным принципам и правилам, нежели принципы и правила революционеров. Она является истинной главой и душой союза, основанного для защиты принципов, впервые провозглашенных ею»⁸¹.

Ш. М. Талейран готов был присоединить к коалиции Турцию и другие государства⁸². «Принципы права» кроме второстепенных Ганновера, Саксонии и Баварии поддержали также Нидерланды и великое герцогство Дармштадтское⁸³. В результате Петербург и Берлин оказались в изоляции и вынуждены были пойти на уступки. Изоляция России и как следствие ее уступки стали большим успехом политики Ш. М. Талейрана, сумевшего даже сохранить для Бурбонов часть завоеваний Наполеона. «По всеобщему признанию, — докладывал Александру I 20 января (1 февраля) 1815 г. не знавший об успехах французской политики К. В. Нессельроде, — соглашения о герцогстве Варшавском и восставлении Пруссии считались наиболее важными из тех, которые оставалось заключить между участниками Парижского мирного договора в соответствии с его постановлениями. Трудности, вызывавшиеся этими двумя крупными вопросами, полностью подтверждают приведенное суждение, и, если бы не совещание монархов, собравшихся в Вене, о них, безусловно, никогда не удалось бы договориться»⁸⁴. Собравшиеся монархи договориться все же смогли. Прежде всего удалось найти решение саксонского вопроса. По предложению Р. С. Кэслри, королевство должно было быть поделено между королями Саксонии и Пруссии⁸⁵. Британский дипломат был рад выходу из опасного положения⁸⁶. Вскоре все противоречия были забыты.

Все изменило внезапное бегство Наполеона с Эльбы. Вечером 26 февраля 1815 г. он с несколькими десятками приближенных вступил на борт брига «Непостоянный», который немедленно вышел в море. За ним последовала небольшая эскадра с его личной гвардией⁸⁷. Бурбоны не заплатили Бонапарту ни одного су из положенных 2 млн франков, не выплатили оговоренную ренту родственникам и прилагали усилия для того, чтобы лишить Марию-Луизу обещанных ей герцогств. Кроме того, Людовик XVIII не оставлял попыток добиться интернирования бывшего императора в качестве военнопленного и выслать его на более отдаленный остров (в качестве вариантов назывались

Азорские острова или остров Святой Елены). 7 марта К. Меттерних получил письмо от австрийского консула в Генуе, извещающее его о том, что Наполеон покинул Эльбу⁸⁸.

Вечером того же дня новость стала известна всем, и, по словам современника, «произвела, можно сказать, некоторое оцепенение в умах в Вене, где в течение шести месяцев жили посреди беспрестанных веселостей»⁸⁹. Ш. М. Талейран вспоминал: «Мне кажется, что если бы он очутился вдруг за двадцать миль от Вены, то и тогда смятение не могло быть сильнее»⁹⁰. Поначалу цель беглеца была не ясной, оставалось только гадать, куда он направится. В первые дни в качестве конечного пункта побега чаще всего называли Америку или Неаполь. Успокоившийся было курс государственных облигаций европейских стран несколько дней лихорадило⁹¹. 1 марта 1815 г. бежавший изгнанник высадился у Канн⁹². Он обратился к армии, обещая ей: «Победа быстро пойдет пред нами. Орел с национальной кокардой полетит с башни на башню на купол собора Нотр-Дама; тогда вы будете гордиться своими подвигами; вы будете освободителями Отечества»⁹³. Обращение к французскому народу обещало освобождение от навязанной династии и несправедливых законов, которые защищают меньшинство⁹⁴.

Людовик XVIII призвал своих солдат проявить твердость и верность: «Храбрые воины! Вы честь и сила нашего государства! Будьте верны своим знаменам: так повелевают вам честь и король»⁹⁵. Попытки остановить полет орла с трехцветной кокардой успеха не имели, хотя высадившийся отряд был невелик. Из полуторатысячной Эльбской армии Наполеон смог взять только 649 гвардейцев, 200–300 корсиканских егерей, 40 артиллеристов и шесть орудий⁹⁶. По пути отряд постоянно увеличивался за счет переходивших на сторону императора солдат короля. 1 (13) марта представители восьми держав, подписавших Парижский трактат, по настоянию К. Меттерниха и Ш. М. Талейрана подписали совместную декларацию, объявлявшую, что «Наполеон Бонапарт сам исключил себя из числа людей, охраняемых щитом гражданских и политических установлений; что он как открытый враг и возмутитель всемирного спокойствия предается праведной мести обществ»⁹⁷. Людовик XVIII созвал заседания палат и объявил Наполеона изменником и возмутителем спокойствия. Идущим за ним дали восемь дней на явку с повинной. Военный министр маршал Султ призвал армию сплотиться вокруг трона⁹⁸. Сообщения из Европы дали возможность петербургскому «Сыну Отечества» сделать вывод: «...по всему видно, что Бонапарте вероломным нападением своим не только не поколеблет, но еще более утвердит владычество Бурбонского дома!»⁹⁹ Это было ошибкой.

«Армия принадлежала ему со всей своей горячностью и слепой преданностью, — вспоминал Ф. Гизо. — В народных массах революционный и воинственный дух, ненависть к старому порядку и национальная гордость поднялись разом при виде императора и устремились на служение ему. Окруженный страстным кортежем, возвращался он на трон, оставленный при его приближении»¹⁰⁰. Декларации союзников и убежденность журналистов не помешали Наполеону 20 марта войти в Париж. Король бежал из своей столицы. 23 марта император публично обратился к монархам Европы на страницах «Монитера», заявляя, что все, что ему нужно, — это спокойствие и мир для Франции и континента¹⁰¹. Никто не ожидал такого исхода. «Возвращение Бонапарте есть не меньшее чудо, — писал сардинский посол в России, — нежели его падение...»¹⁰² Никто не хотел его слушать. Участники конгресса в Вене прекратили свои споры, уже 15 (27) марта Александр I отдал распоряжение о немедленном выступлении 200-тысячной русской армии к границам Франции. Вслед за ней должна была выступить вторая армия такой же численности, и еще 150 тыс. человек должны были составить резерв на западных границах империи¹⁰³. Вслед за этим русский монарх заверил Людовика XVIII в своей готовности оказать ему всемерную помощь для восстановления порядка в королевстве¹⁰⁴.

17 (29) марта 1815 г. союзники по борьбе с Наполеоном возобновили Шомонский трактат и составили новую, Седьмую, коалицию. Всем европейским странам было предложено присоединиться к ней¹⁰⁵. Великобритания обязалась выплатить Австрии, Пруссии и России 5 млн фунтов стерлингов, еще 3,5 млн выделялись для германских государств, которые выставят свои войска для общей борьбы. Всего новая коалиция выставляла около 800 тыс. человек, из которых 167 тыс. были русские¹⁰⁶. По плану, принятому в Вене 19 (31) марта, в прибрежной полосе Рейна планировалось создать три союзные армии: на Верхнем Рейне — австрийскую с К. Ф. Шварценбергом во главе, на Нижнем — прусскую Г. Блюхера, в Голландии — английскую, возглавить которую должен был А. У. Веллингтон. Русская армия под командованием М. Б. Барклая де Толли при подходе должна была занять позиции на Среднем Рейне, в районе Нюрнберга¹⁰⁷.

Главной задачей беглеца с Эльбы стало разрушение единства этой коалиции. Судьба предоставила ему удобный шанс. В кабинете бежавшего Людовика XVIII Бонапарт нашел секретный договор, который он немедленно переслал Александру I с оставшимся в Париже секретарем русской миссии. Император получил его 27 марта (8 апреля) 1815 г.¹⁰⁸ Александр I был потрясен этим известием. Он показал

документ графу И. А. Каподистрия и сказал: «Без сомнения, люди, которые приложили руку к этому соглашению, не надеются, чтобы теперь я счел его несуществующим. Впрочем, я не скажу им ни слова и приказываю Вам поступить точно так же. Достаточно будет, если я удвою бдительность в договоре, который будет заключен для возобновления войны и для начала похода»¹⁰⁹.

Пригласив к себе К. Меттерниха, он в присутствии Г. Ф. Штейна показал австрийцу этот текст. «Вы знаете эту бумагу?» — спросил император. Редчайший случай — канцлер Австрии не нашел в себе сил сказать хотя бы одно слово. Однако император не изменил своего мнения относительно Наполеона и на глазах у смущенного австрийца сжег присланный документ. «Меттерних, пока мы живы, — сказал Александр I, — никогда больше не должно быть об этом речи между нами»¹¹⁰. Австрийский канцлер предпочел дать более умирительную версию этой встречи, в ходе которой Александр I чуть ли не извинился за личную ссору между ними, но главное, что император предпочел предать случившееся забвению¹¹¹. Примерно такая же сцена повторилась позже и при встрече К. В. Нессельроде с Ш. М. Талейраном¹¹². Правда, в отличие от К. Меттерниха, он был весьма многословен и убеждал своего собеседника, что договор был заключен «без злой цели. Что касается меня, то я хотел только расстроить Четверной союз»¹¹³.

Бегство короля и возвращение Наполеона помогли преодолению противоречий в Вене и резко ускорили ход переговоров. Александр I не только не сказал ни слова о союзе, направленном против России и Пруссии, но и приказал русским дипломатам молчать о нем¹¹⁴. Император перестал публично игнорировать К. Меттерниха, как он это делал после вызова канцлера на дуэль почти три месяца подряд¹¹⁵. 21 апреля (3 мая) 1815 г. в Вене были подписаны дружественные трактаты между Россией, Австрией и Пруссией, определявшие новое положение польских земель. Пруссии предназначалась лишь северная часть Саксонии (две пятых ее территории — 20 тыс. квадратных километров с 800 тыс. жителей), но зато она получала назад Позен, приобретала Рейнланд и Вестфалию, остров Рюген и Шведскую Померанию. Галиция с Тернопольской областью возвращались Австрии, Краков был объявлен вольным городом. Оставшаяся часть герцогства Варшавского передавалась России под названием Царства Польского, объединенного с империей династической унией¹¹⁶.

На следующий день была подписана и инструкция комиссарам России, Австрии и Пруссии по созданию управления в вольном городе Кракове. Они должны были обеспечить избрание сената, организо-

вать нижестоящие местные власти и провести демаркацию границ¹¹⁷ (конституция Кракова была принята дополнительным трактатом трех держав 21 апреля (3 мая))¹¹⁸. Таким образом, Александр I пошел в польском вопросе гораздо дальше Наполеона, создавшего только «Варшавское герцогство». Программа императора была выполнена в главной своей составляющей. Польское государство было восстановлено *de jure*, Александр I вновь превратил название «Польша» из географического в политическое. Как показали дальнейшие события, реализация и этого романтического проекта не привела ни к чему хорошему. Во всяком случае, для России.

Между тем недостатка в трезвых взглядах на польский вопрос отнюдь не было и в Вене. Барон Г. Ф. Штейн также предупреждал русского императора об опасности его планов, реализация которых приведет к разъединению России и Польши, и советовал ограничиться в польских владениях лишь дарованием местного самоуправления. Тот не считал необходимым прислушаться к этим предупреждениям¹¹⁹. К. А. Гарденберг в секретном меморандуме Р. С. Кэслри от 7 (19) ноября 1814 г. убеждал этого противника передачи герцогства под власть России не волноваться: «Чем более я об этом думаю, тем более убеждаюсь, что мы должны уступить насчет политического вопроса, потому что я здесь вижу гораздо большие выгоды, чем опасности для спокойствия Европы вообще и для России в особенности. Сила России скорее ослабевает, чем увеличится от этого нового Польского королевства, под скипетром одного с нею государя находящегося. Собственная Россия потеряет области очень значительные и плодоносные. Соединенные с герцогством Варшавским, они получают конституцию совершенно отличную и гораздо более либеральную, чем конституция империи. Поляки будут пользоваться привилегиями, каких нет у русских. Скоро дух двух наций станет в совершенной оппозиции; зависть между ними помешает единству, родятся всякого рода затруднения, император русский и вместе король польский будет гораздо менее страшен, чем государь империи Российской, присоединяющей к России большую часть Польши, которую у него не оспаривают как провинцию»¹²⁰. На британцев подействовала убедительная логика этих доводов, они поддержали австрийцев и пошли на уступки. По требованию Александра I положение о восстановлении Царства (Королевства) Польского, а также его обещание предоставить русской Польше конституцию нашло свое отражение в решениях конгресса.

В результате статья 1-го Венского трактата звучала следующим образом: «Герцогство Варшавское, за исключением тех областей

и округов, коим в нижеследующих статьях положено иное назначение, навсегда присоединяется к Российской Империи. Оно в силу своей Конституции будет в неразрывной с Россией связи и во владении Е[го] В[еличества] Императора Всероссийского, наследников Его и преемников на вечные времена. Его Императорское Величество предполагает даровать, по Своему благоусмотрению, внутреннее устройство сему Государству, имеющему состоять под особенным управлением. Его Величество сообразно с существующими в рассуждении прочими Его титулами, обычаями и порядками присоединит к оным и титул Царя (Короля) Польского. Поляки, как Российские подданные, так равномерно и Австрийские, и Прусские, будут иметь народных представителей и национальные Государственные учреждения, согласные с тем образом политического существования, который каждым из вышеименованных Правительств будет признан за полезнейший и приличнейший для них, в кругу Его владений»¹²¹. Таким образом, польским подданным Австрии и Пруссии также были обещаны «национальные учреждения». Часть этих обещаний была реализована именно так, как это понимал и предлагал Г. Ф. Штейн.

28 мая (9 июня) 1815 г. был подписан заключительный генеральный акт Венского конгресса, состоявший из 121 статьи¹²². Политическая карта Европы была перекроена в интересах держав-победительниц, Франция окружена барьером из владений враждебных ей государств. Закреплялись господство австрийцев в Северной Италии, раздробленность Германии, Бельгия передавалась Голландии, Норвегия — Швеции. После войн с Наполеоном Австрия приобрела 2300 квадратных миль с 10 млн человек населения, Пруссия — 2217 квадратных миль с 5,362 млн человек, Россия — 2100 квадратных миль с населением более 3 млн человек¹²³. Приобретения России были явно более скромными, чем вклад в борьбу с общим врагом. Несколько позже, уже в Париже, в продолжение работы Венского конгресса была решена еще одна территориальная проблема. 24 октября (5 ноября) 1815 г. была подписана русско-британская конвенция, по которой Ионические острова (Соединенные области островов Ионических) передавались под управление Великобритании¹²⁴.

В условиях опасности реставрации власти Наполеона было ускорено и решение германского вопроса. Актом 8 июня 1815 г. устанавливался Германский союз. 11 из 20 статей акта были включены в заключительный акт Венского конгресса, они относились к вопросам международного права (остальные статьи относились к внутренним правам Германии). Акт устанавливал «постоянный Союз», целью ко-

того являлось поддержание «внешней и внутренней» безопасности, независимости и целостности его членов. Управление союзом вверялось союзному сейму, в котором заседали уполномоченные отдельных государств, то есть собранию дипломатов, председательство в котором принадлежало Австрии¹²⁵. Членами Союза кроме собственно немецких монархов и городов-государств были также король Датский (в качестве герцога Голштинского) и король Нидерландский (в качестве великого герцога Люксембургского)¹²⁶. Всего в Союз вошли следующие государства, каждое из которых имело при голосовании право на определенное количество голосов: 1) Австрия в лице своих провинций: Верхней и Нижней Австрии, Штирии, Каринтии, Крайны, Фриуля, Триеста, Тироля, Форарльберга, Зальцбурга, Чехии, Моравии, Австрийской Силезии, Гоген-Герольдзек — четыре голоса; 2) Пруссия — четыре голоса; 3) Саксония — четыре голоса; 4) Бавария — четыре голоса; 5) Вюртемберг — четыре голоса; 6) Ганновер — четыре голоса; 7) Баден — три голоса; 8) курфюршество Гессенское — три голоса; 9) Великое герцогство Гессенское — три голоса; 10) Голштейн-Лауенбург — три голоса; 11) Люксембург — три голоса; 12) Брауншвейг — два голоса; 13) Мекленбург-Шверин — два голоса; 14) Нассау — два голоса; 15) Саксен-Веймар — один голос; 16) Саксен-Гота — один голос; 17) Саксен-Кобург — один голос; 18) Саксен-Мейнинген — 1 голос; 19) Саксен-Гильдбурггаузен — 1 голос; 20) Мекленбург-Стрелиц — один голос; 21) Ольденбург-Голштейн — один голос; 22) Ангальт-Дессау — один голос; 23) Ангальт-Бернбург — один голос; 24) Ангальт-Кетен — один голос; 25) Шварцбург-Зондерсгаузен — один голос; 26) Шварцбург-Рудольфштадт — один голос; 27) Гогенцоллерн-Зигмаринен — один голос; 28) Гогенцоллерн-Гехингем — один голос; 29) Лихтенштейн — один голос; 30) Вальдек — один голос; 31) Рейс-Шлейц — один голос; 32) Рейс-Грейц — один голос; 33) Шаумбург-Липпе — один голос; 34) Липпе — один голос и четыре вольных города (Любек, Франкфурт, Бремен и Гамбург) по одному голосу¹²⁷.

Право инициативы принадлежало каждому члену Союза, решение принималось большинством голосов в обыкновенном собрании и $\frac{2}{3}$ (из 69) — в пленарном. При решении установления «коренных законов», основных государственных учреждений Союза, различных прав, дел религиозных требовалось единогласие, что, естественно, обрекало состояние дел в Германии на застой. В случае агрессии против члена Союза остальные государства должны были выступить на его защиту и не заключать сепаратного мира. При этом они имели право заключать союзы с другими государствами при условии, что они не были бы

направлены против Германии или членов Германского союза. Противоречия между членами Союза поручались сейму, который должен был впервые собраться во Франкфурте 1 сентября 1815 г.¹²⁸

К 20 марта 1815 г. Наполеон не контролировал еще всю Францию — западные и южные департаменты оставались верными королю. Однако 23 марта Людовик XVIII покинул территорию Франции и бежал в Гент. Это формально освобождало его подданных от присяги суверену и облегчало Наполеону задачу восстановления собственной власти. Только к концу апреля император поставил всю страну под контроль, что позволило ему провести мобилизацию армии. Русская армия находилась тогда в Польше, 150 тыс. австрийских солдат были заняты в Италии, где разворачивался маршал И. Мюрат, стремившийся удержать за собой Королевство обеих Сицилий (Неаполь) и Италию¹²⁹. 30 марта 1815 г. И. Мюрат призвал итальянцев к оружию во имя свободы Италии. Вена ответила на это 7 апреля созданием Ломбардо-Венецианского королевства. 18 апреля К. Меттерних объявил, что Австрия находится в состоянии войны с Неаполем. Уже 3 мая И. Мюрат был разбит и вскоре покинул свою столицу, где 22 мая была восстановлена власть местных Бурбонов в лице Фердинанда IV. В ночь с 22 на 23 мая несколько тысяч неаполитанцев устроили резню французов в Неаполе¹³⁰. Италия не была решающим театром войны. В конце весны 1815 г. никто не мог предсказать последствия кризиса во Франции.

В конце мая Александр I отбыл из Вены на Верхний Рейн, где собирался встретить свои войска. Устроившись в загородной резиденции баварских королей — дворце Нимфенбург, расположенном недалеко от Мюнхена, он старался избегать шумных развлечений и появлений на публике. Для императора настал период глубоких разочарований в своей политике. И бегство Бурбонов, и предательство союзников, и новая война — все это действовало на него угнетающе. Не имея возможности уединиться в Баварии, он переехал в небольшой город Гейльброн, где в начале июня встретился с баронессой Юлией фон Криденер. Сторонница распространения христианских добродетелей и мистического прочтения скрытых тайн Священного Писания, она оказала значительное влияние на императора, рассказывая об откровениях свыше, которые предназначали ей и эту встречу, и многое из того, что происходило в это время в Европе.

Идея исправления природы человека добродетелью христианского вероучения, веры, которую не в состоянии заменить знание, понравилась Александру I, в самой встрече с баронессой он увидел проявление промысла Божьего, так как она появилась именно в тот момент,

когда император подумал о встрече с ней. Он переехал в Гейдельберг, где располагалась главная квартира союзных армий. Туда же он пригласил и Ю. Криденер. Почти две недели Александр I провел в молитвах и беседах с баронессой и ее окружением о Библии и толковании ее текстов¹³¹. Ю. Криденер возникла как нельзя более кстати.

Близкие императору люди стали замечать, как изменился он после опыта, приобретенного в военных потрясениях 1805–1814 гг., «язвительная улыбка равнодушия явилась на устах его, скрытность заступила место откровенности, и любовь к уединению сделалась господствующей его чертою; он обращает теперь врожденную ему пронизательность преимущественно к тому, чтобы в других людях открывать пороки и слабости, предугадывать пагубные намерения их и изыскивать средства от оных уклоняться»¹³². Очевидно, что влияние баронессы в 1814–1815 гг. было велико¹³³. Император счел нужным поделиться своими мыслями о работе «О мистической словесности» с любимой сестрой¹³⁴. Впрочем, переоценивать это влияние на внешнюю политику все же не стоит. В основном взгляды на будущее устройство послевоенной Европы Александр I сформулировал еще в 1805 г., при подготовке своей первой войны с Наполеоном.

18 июня англо-голландско-прусская армия разгромила французов при Ватерлоо. Сражение было длительным и шло с переменным успехом. В тот же день в Париж пришло известие о победе, которое Наполеон отправил до того, как на помощь к А. У. Веллингтону пришел Г. Блюхер. Столица уже начала ликовать, но через два дня выяснилось истинное положение вещей. 21 июня палата представителей под руководством маркиза де Лафайета заявила о переходе власти под контроль законодателей. 22 июня они объявили Наполеона лишенным престола¹³⁵.

На упреки в неблагодарности и призыв спасти Отечество и поддержать императора Лафайет ответил: «Вы обвиняете нас в неблагодарности, в забвении заслуг Наполеона. Так вы позабыли сами все, что мы для него сделали, что претерпели! Вы позабыли, что кости наших братьев, наших сыновей служат свидетельством и нашего увлечения, и нашей слишком продолжительной преданности? В песках Египта, на берегах Эбро, Таго и Вислы, в снегах России в продолжение более десяти лет погибли три миллиона французов за гордость и властолюбие человека, который с последними остатками народа, поручившего ему судьбу свою, с последней нашей кровью, им истощенной, желает ратовать против всей Европы. Мы уже сделали довольно, нам остается спасти Отечество!»¹³⁶ Франция действительно была обессилена и обескровлена,

с 1791 по 1815 г. она выставила в армию 4 216 907 человек¹³⁷. Палата пэров поддержала решение представителей, и 25 июня бывший император был вынужден покинуть Париж и уехать в Рошфор¹³⁸. Предполагалось, что оттуда ему будет легче бежать в Америку, что ему так и не удалось сделать. Выход в море был блокирован английскими судами¹³⁹.

21 июня, перед вступлением во Францию, А. У. Веллингтон издал воззвание к французам, в котором заявил, что идет, «чтобы освободить вас от железного ига, вас угнетающего». Он обещал всем мир и компенсации за снабжение армии. У всех, кто поддерживал узурпатора, в пользу армии обещали изъять имущество¹⁴⁰. Те же положения были повторены им в приказе по армии, изданном в тот же день¹⁴¹. 25 июня главнокомандующие армиями союзных держав в ответ на предложение перемирия потребовали выдачи Бонапарта. 1 июля то же требование было повторено в ноте Австрии, России и Пруссии¹⁴². Главной проблемой союзников становилось умиротворение Франции. Впрочем, было ясно, что основные силы русской армии для этого не понадобятся, и 16 (28) июня император приказал вернуть русскую армию из похода по квартирам¹⁴³.

Решить задачу по успокоению Франции было чрезвычайно сложно. Страна находилась в кризисе и явно не могла объединиться вокруг какой-либо фигуры. «Трудно сказать, — отмечал в своем дневнике 23 июня (5 июля) А. И. Михайловский-Данилевский, — кого французы желают: они называют Буонапарта жестоким, Бурбонов слабыми, а республиканцами быть не хотят, но все соглашаются, что конституционное правление необходимо»¹⁴⁴. Сторонники разных политических направлений — роялисты, бонапартисты и республиканцы — уже начали сводить счеты друг с другом, и все это очень походило на начало гражданской войны¹⁴⁵. Никто не мог бы рассчитывать на то, чтобы получить опору во Франции: разные части армии подчинялись в этот момент разным по политическим пристрастиям военачальникам, положение в столице было немногим лучше. Национальная гвардия, за полтора года присягнувшая трем разным правительствам, единодушно признавалась ненадежной¹⁴⁶. Подобные обстоятельства предполагали паллиативное решение, которое могло бы обеспечить спокойствие утомленной многолетними войнами Европе. Слабые Бурбоны при условии сохранения конституции были явно предпочтительнее жестокого и труднопредсказуемого Наполеона.

8 июля англо-пруссские войска вновь вошли в Париж, эскортируя Людовика XVIII. По требованию союзников 3 июля в Сен-Клу было заключено соглашение о выводе французских сил за Луару и усло-

виях оккупации¹⁴⁷. 12 июля король издал два декрета, по которым из армии увольнялось 38 генералов и старших офицеров, а 29 пэров Франции лишались этого звания. Часть из них была отдана под суд (первым был М. Ней), часть изгонялась из королевства. Преследовать остальных запрещалось¹⁴⁸. Милосердие не было долгим. Остатки французской армии — приблизительно 100 тыс. человек — были выведены за Луару. Положение было весьма тяжелым, а власть короля шаткой. Контроль над войсками в ряде мест не был восстановлен, старые враги уже начали сводить друг с другом счеты в провинции. Столица ненавидела пруссаков и англичан и одновременно боялась их¹⁴⁹. 15 июля Наполеон в качестве военнопленного сдался в руки Англии и был перевезен на британском линкоре «Беллерофон» в порт Плимута¹⁵⁰.

16 июля началось разоружение крепостей и роспуск французской армии, находившейся еще под командованием маршалов Э. Макдональда и Л. Даву. Вслед за этим 24 июля последовало составление проскрипционных списков. По первому 19 видных деятелей революции и империи подлежали смертной казни (в том числе маршал М. Ней), по второму 38 — тюремному заключению до окончательного решения их судьбы. 21 июля (2 августа) 1815 г. в Париже был заключен договор, по которому Наполеон объявлялся почетным пленником великих держав. Содержание под стражей и определение места заключения поручалось правительству Великобритании¹⁵¹. Оно и выбрало в качестве такового остров Святой Елены. Наполеон был объявлен пленным генералом, которому объяснили, что в случае попытки бежать он «будет заключен гораздо строже». Даже его тело в случае смерти должно было быть доставлено в Англию¹⁵².

Протоколом 27 августа родственники бывшего императора также были интернированы в различных государствах под ответственность местных правительств и под надзором всей коалиции: Жером Бонапарт — в Вюртемберге, Люсьен — в Римской области, Жозеф и его семья — в России, И. Мюрат с семейством — в Австрии, Гортензия Богарне — в Швейцарии. К концу августа Франция была полностью разоружена и оккупирована. Сопrotивления, за исключением sporадических попыток организовать партизанские действия в Эльзасе и Лотарингии, не было. Поддержки со стороны населения, необходимого для успешной партизанской войны, эти попытки не получили¹⁵³. И. Мюрат не сумел найти в себе сил выполнить эти условия. В октябре он вновь высадился в Неаполитанском королевстве, где его попытка поднять восстание быстро провалилась, сам он был схвачен и расстрелян по приказу местных Бурбонов¹⁵⁴. Во Франции тем временем развернулся

«белый террор», центрами которого стали наиболее роялистски настроенные Бретань, Тулон и Марсель¹⁵⁵. Большую роль в успокоении столичных эмоций сыграл приход русских войск и появление в Париже Александра I¹⁵⁶. Демонстрация доброй воли императора была подтверждена и силой коалиции.

В страну было введено 135 тыс. солдат и офицеров союзных армий. У Людовика XVIII хватило сил только для того, чтобы протестовать против требования Фердинанда VII разрешить испанским войскам занять Руссильон. К его мнению предпочли прислушаться. Союзники оккупировали $\frac{2}{3}$ департаментов и потребовали оплатить свое военное присутствие, на что король вынужден был дать свое согласие 7 сентября. Общая сумма составила 236 200 тыс. франков. Изымались и произведения искусства, награбленные французами за 20 лет победоносных войн. Начались долгие и сложные переговоры по определению будущего королевства. Англия и Пруссия настаивали на передаче германским государствам всего левого берега Рейна, выплате контрибуции в размере 1200 млн франков и размещении во Франции 240-тысячной оккупационной армии. Подобные планы активно поддержали Нидерланды, Вюртемберг, Баден и ряд других небольших германских государств. Против этого категорически выступал Александр I, считавший, что чрезмерное ослабление Франции нарушит европейское равновесие¹⁵⁷.

Кроме того, Александр I опасался, что разорение страны может вызвать новый революционный кризис, справиться с которым Бурбоны, с их и без того не самым высоким уровнем популярности в стране, будут не в состоянии. Прежде всего ему пришлось преодолевать сопротивление короля Прусского, желающего демонстративного унижения Франции. Ни письменные обращения, ни личные беседы не помогли Фридриху-Вильгельму III — Александр I остался непреклонен¹⁵⁸. Император не допустил наказания Парижа, в том числе и взрыва Иенского моста через Сену. Недаром при втором его въезде в Париж горожане называли его своим избавителем¹⁵⁹. Императора вновь встречали восторженные крики и надежды на то, что его присутствие защитит от насилия и несправедливости¹⁶⁰. Это было тяжелое бремя, которое Александру I пыталась облегчить толкованием промысла Божьего приехавшая по его приглашению Ю. Криденер. Впрочем, после того как рекомендованная ей пророчица передала императору требование выдать наличные на нужды одной из общин, влияние баронессы быстро сошло на нет¹⁶¹.

В результате занятой русским монархом позиции англо-пруссские требования были несколько смягчены. «Одна только поддержка

Вашего Величества, — писал герцог де Ришелье императору 5 (17) октября 1815 г., — может спасти нас посреди обстоятельств более нежели трудных, в коих мы находимся... Чтобы избавить нас от гибели, мы можем рассчитывать лишь на помощь Вашего Величества: соблаговолите сказать, что Вы хотите, чтобы Франция существовала, и поддержать выражение этой воли, и я смею надеяться, что мы будем спасены»¹⁶². 8 (20) ноября 1815 г. был подписан второй Парижский договор. Со стороны Франции его подписал герцог де Ришелье. Для него это было нелегким испытанием. «Я только что подписал трактат, — сказал он своему другу, — за который должен был бы положить мою голову на плаху»¹⁶³.

Условия были тяжелыми, однако Александру I удалось существенно смягчить требования, содержащиеся в первоначальных проектах. Франция теряла ряд важных пограничных территорий, она возвращалась в границы 1790 г., обязывалась выплатить 700 млн франков контрибуции (Пруссия и другие германские государства первоначально настаивали на сумме в 1 200 млн франков). В залог выплаты и в качестве гаранта спокойствия 150-тысячная армия союзников (по 30 тыс. от каждой из великих держав и 30 тыс. от всех остальных участников коалиции) под общим командованием А. У. Веллингтона оккупировала северо-восточные провинции этого государства. Содержание оккупационной армии возлагалось на Францию¹⁶⁴. Одновременно с договором была подписана конвенция, определявшая сроки и порядок погашения контрибуции: Франция должна была в течение пяти лет внести 15 взносов по $46\frac{2}{3}$ млн франков, раз в четыре месяца начиная с 1 марта 1816 г. Из этой суммы 137,5 млн шло на укрепление пограничных с Францией владений Нидерландов, Пруссии, Баварии, Пьемонта и Испании, остальные 562,5 млн следующим образом: по 25 млн Пруссии и Англии за победу при Ватерлоо, 5 млн — Испании, 2 млн — Португалии, 3 млн — Швейцарии, 2,5 млн — Дании, 400 млн делились поровну между великими державами, оставшиеся 100 млн — между остальными членами коалиции, в зависимости от выставленных войск. Таким образом Россия получала 100 млн франков¹⁶⁵.

Население северо-запада Франции поначалу было настроено недружелюбно по отношению к 30-тысячному оккупационному корпусу, что ставило его командующего генерала М. С. Воронцова в весьма сложное положение. На содержание корпуса из французской казны ежегодно выделялось 4 млн рублей (позже эта сумма была сокращена на 1 млн), и генерал делал все возможное, чтобы использовать эти средства разумно. Все закупки проводились на открытых торгах, все залого возвращались, все убытки местных жителей компенсировались.

При этом М. С. Воронцов не заигрывал с той частью французов, которые думали, что им будет позволительно нападать на солдат и офицеров. Между тем местная полиция и суд поначалу попытались терпимо относиться к такого рода проступкам. В ответ на это М. С. Воронцов ввел в действие суды военного времени, и после нескольких расстрелов все успокоилось¹⁶⁶.

«Тишина владычествует в недрах Франции, — заявил при открытии Палаты представителей ее король, — дружественные расположения иноземных Государей и точное соблюдение договоров утверждают мир внешний»¹⁶⁷. Спокойствие было залогом смягчения союзной политики по отношению к Франции. Впоследствии при поддержке России французской дипломатии удалось добиться сокращения суммы и сроков выплат, союзные войска были выведены из страны в 1818 г. Император не остановился даже перед тем, чтобы начать поход русских войск в ноябре, то есть зимой.

«Не без доброжелательства провожали русских из Франции, — вспоминал офицер, служивший в русском оккупационном корпусе. — Русский в чужих краях скоро снискивает расположение жителей, стараясь жить их жизнью и осваиваясь скоро с их бытом. Другие войска союзников не могли похвастаться этим; может, они и не искали того»¹⁶⁸. Жители Мобежа, Авена, Валансьена и Като-Камбрези заказали в честь М. С. Воронцова медали с его изображением¹⁶⁹. Русская оккупация с самого начала была менее тяжелой для французов, чем власть союзников. Без сомнения, свою роль в этом сыграла и позиция русского монарха. «Вы все сделали, Государь, — благодарил Ришелье Александра I в апреле 1816 г., — и для Европы, и для Франции, Вам обязана она существованием»¹⁷⁰.

Священный союз и его последствия. Противоречия политики Александра I

Внимательный современник отмечал: «Гром оружия, раздававшийся около двадцати пять лет, умолк; Европа торжествует свободу и независимость свою, но волнение душ и умов еще не прекратилось. Желания человеческие ненасытны»¹. Противостояние идеям было чрезвычайно дорогим занятием. Александр I, в целом оставаясь верным идеалам своей молодости, усвоил крайне критический взгляд на попытки их реализации на практике.

Война в Европе от Кадиса до Москвы, война в Азии, Африке и Америке — все это заняло жизнь целого поколения с 1789 по 1815 г. Численность армии в царствование Александра I выросла в три раза, достигнув 924 тыс. человек. В России один военнослужащий приходился примерно на 45 жителей, в Англии это соотношение составляло 1 : 140, во Франции 1 : 110, в Австрии 1 : 100, в Пруссии 1 : 68².

Издержки на армию в 1812–1814 гг., по отчету генерал-интенданта от 1815 г., составили около 157 млн рублей³. По более точным подсчетам министерства финансов, эта сумма выросла до 157 450 710 рублей 59 копеек ассигнациями. Самыми значительными статьями были: жалованье — 71 млн рублей, выплата Австрии и Пруссии — 16 млн рублей, покупка продовольствия — 12 млн рублей⁴. Только среднегодовое содержание армии обошлось России в 52 483 570 рублей ассигнациями⁵. Финансовое положение в 1815 г. оставалось чрезвычайно сложным: государственные доходы составили 432 736 410 рублей, из них чрезвычайных — 114 486 676 рублей; из Англии поступило 2 108 725 фунтов стерлингов (что по тогдашнему курсу составило 50 257 644 рубля ассигнациями); из Франции поступило 356 400 франков военной контрибуции (в пересчете на ассигнации — 337 078 рублей). В то же самое время расходы за 1815 г. составили более 95 млн рублей серебром (или 391 млн рублей ассигнациями), из числа которых расходы по Военному министерству составили 53,5 млн рублей серебром (или 214 млн рублей ассигнациями), то есть более половины всех расходов⁶.

Страна находилась на грани банкротства. Для покрытия расходов и создания видимости положительного сальдо правительство вынуждено было увеличить выпуск ассигнаций, что привело к резкому росту инфляции. Только в 1817 г., впервые в правление императора Александра I, появилась возможность приступить к сокращению бумажной денежной массы, было сожжено ассигнаций на сумму в 38 млн рублей. Тем не менее в обращении находилось ассигнаций на сумму около 800 млн рублей, а общее количество государственных процентных долгов, записанных в особую долговую книгу, составило более 200 млн рублей. Таким образом, весь внутренний государственный долг составлял около 1 млрд рублей ассигнациями, или свыше 2,31 годового дохода страны в 1815 г.⁷ Экономические последствия разорения центральных губерний страны были преодолены только к середине XIX в. После тяжелейших человеческих и финансовых потерь первой половины своего царствования император желал мира и стабильности.

Унижение Франции могло вызвать рост реваншистских настроений, превратить ее в очаг новой революции. Смягчая требования

по отношению к ней, Александр I выступил инициатором создания союза, который должен был стоять на страже нового политического порядка в Европе⁸. Именно в Париже, по признанию императора, ему пришла в голову мысль «пригласить всех коронованных особ к составлению одного священного союза, пред судом которого можно было бы на будущее время примирять все вновь возникающие разногласия, вместо того чтобы прибегать к мечу и пролитию крови»⁹. Формально это было объединение христианских государей, отношения между которыми подчинялись «высоким истинам, внушаемым вечным Законом Бога Спасителя»¹⁰. Наиболее скептически по отношению к договору был настроен К. Меттерних, поначалу назвавший соглашение «звонким и пустым»¹¹.

Позже он дал ему более развернутую характеристику: «То была филантропическая фантазия, облеченная в религиозную форму. Она не могла служить материалом для договора, заключаемого монархами, к тому же она заключала в себе некоторые положения, могущие подать повод к религиозным недоразумениям»¹². Тем не менее 14 (26) сентября 1815 г. «Трактат братского Христианского союза» был подписан Александром I, австрийским императором Францем I и прусским королем Фридрихом-Вильгельмом III в Париже. Монархи заявили, что впредь «пребудут соединены узами действительного и неразрывного братства, и, почитая себя как бы единоземцами, они во всяком случае и во всяком месте станут подавать друг другу пособие, подкрепление и помощь; в отношении же к подданным своим они, как отцы семейств, будут управлять ими в том же духе братства, которым они одушевлены, для охранения веры, мира и правды»¹³.

В тот же день они обратились к принцу-регенту Великобритании с предложением присоединиться к союзу: «Мы приглашаем Вас как нашего первого и самого близкого союзника присоединиться к нему и внести вклад в дело, направленное единственно лишь ко благу человечества, которое мы отныне должны рассматривать как самую высокую награду за наши усилия»¹⁴. В письме от 6 октября 1815 г. принц Георг заявил, что формы английской конституции не позволяют ему присоединиться к союзу, идеям которого он полностью сочувствует¹⁵, но вступил в него в качестве регента ганноверского. 19 ноября 1815 г. к договору присоединился Людовик XVIII, а в 1816 г. — короли шведский и норвежский, датский, нидерландский, сардинский, обеих Сицилий, испанский, португальский, Швейцарский союз, государи и вольные города Германии. Только султан турецкий и папа римский не получили приглашений вступить в эту общеевропейскую организацию¹⁶. На самом деле, вряд ли можно оспорить мнение британского истори-

ка, утверждавшего, что Союз «не существовал нигде, кроме как в уме Александра I в качестве благородного идеала»¹⁷, в то время как Европа, прошедшая через войны, стала циничной, и там не было места высоким идеалам¹⁸.

9 (21) мая 1815 г., еще находясь в Вене, Александр I подписал манифест «О договорах, заключенных к пользе Государственной, о присоединении к Империи Российской обширной части Герцогства Варшавского под наименованием Польского Царства, о поднятии вновь оружия против вышедшего с Острова Эльбы Наполеона Бонапарте»¹⁹. Это была первая попытка подвести итоги большой войны для России. Смысл главного приобретения страны был сформулирован императором искренне: «Не суетное любостяжание внушило Нам искать распространение пределов наших. Таковое чувство было бы несродно поднявшим оружие для защищения отечественной страны, а не для завоевания. Непреоборимая сила Империи Российской, на вере, на любви, на благополучии основанная, от внешних приобретений возраста не может. Но соединение под единый Скипетр обширнейшей части бывшего Герцогства Варшавского необходимым представилось к устройению всеобщего в Европе равновесия и порядка. Сим ограждается пределов наших безопасность, возникает твердый оплот, наветы и вражеские покушения отражающий, возрождаются узы братства племен, взаимно между собою сопряженных единством происхождения. Сего ради признали Мы за благо устроить участь сего края, основав внутреннее управление оною на особенных правилах, свойственных наречию, обычаям жителей и к местному их положению примененных. Следуя учению Христианского закона, коего владычество объемлет толикое количество разноплеменных народов, но при всем том отличающие их свойства и обычаи сохраняет неизменными, возжелали Мы соиздать благополучие новых подданных, поселить в сердцах их чувство приверженности к Престолу Нашему и тем изгладить навсегда следы прежних бедствий, от пагубного несогласия и долговременной борьбы проистекших»²⁰.

Итак, Царство Польское должно было стать новым во всех отношениях государством, не воюющим с Россией, а охраняющим ее западные пределы и являющим пример примирения вековых соперников, если не врагов. Дарование прав, невыслыма для побежденных, должно было стать основой новой эры русско-польских отношений. 13 (25) мая 1815 г. жителям Царства Польского было объявлено о даровании им конституции, самоуправления, собственной армии и свободы печати²¹. В тот же день Александр I отправил А. А. Чарторыйскому письмо, напоминая

ему о своих планах восстановления польского государства и предлагая ему готовить для этого общественное мнение Польши. Князь получил право показывать это письмо для демонстрации серьезности намерений императора²².

9 (21) июня в столице нового государства под гром орудий было торжественно провозглашено восстановление Польши, чиновники, армия и жители присягнули на верность своему монарху и конституции²³. Церемония прошла блестяще. «Ограничусь замечанием, — писал в этот день А. А. Чарторыйский императору, — что общее впечатление было таковым, каким только можно было его желать: безграничная благодарность за столькие благодеяния, на которые уже перестали надеяться, и чувства преданности, запечатлевающие обет верности в сердцах Ваших новых подданных»²⁴. Это было как раз то, что хотел услышать император, мечтавший благодарностью поляков укрепить связь Царства Польского с империей²⁵.

В радости поляков было много особенностей. Т. Костюшко был в восторге от преобразований императора, в письме А. А. Чарторыйскому он заявил: «Я буду благодарен ему (то есть Александру I. — О. А.) по гроб за воскресение польского имени»²⁶. Но изгнанник-генерал хотел большего. Королевство, по его мнению, должно было начинаться от Двины и Днепра. В Царство Польское он так и не приехал²⁷. 12 (24) ноября император прибыл в Варшаву, где его ждал блестящий и радостный прием: рядом стояли войска русской и польской гвардии, представители Сената и столицы приветствовали императора, ему поднесли золотые ключи от города²⁸. «Город в блистательном виде, — писал А. П. Ермолов. — Народа миллион, женщины чудесные. Государь здесь боготворим и, если захочет, то душу возьмет у каждого»²⁹. Столь сильные эмоции имели последствия.

В Варшаве и Вильно немедленно возникли проекты присоединения к новому образованию Литвы, то есть Виленской, Гродненской и Минской губерний, или, по крайней мере, создания здесь государственного образования по образцу Царства Польского. Император принял делегацию литовского дворянства и милостиво говорил с ними, воздержавшись, однако, от конкретных обещаний³⁰. Вернувшись из своих заграничных путешествий в Петербург, Александр I согласился принять делегацию польского дворянства северо-западных губерний, но предупредил о нежелательности упоминать эту тему в адресе на его имя. 14 (26) ноября он принял делегацию, пообещав и далее свое покровительство полякам. Эти слова были поняты всеми как обещание выполнить то, о чем так и не было сказано вслух. Естественно, что русские

и поляки восприняли их по-разному. На следующий день, 15 (27) ноября 1815 г., Александр I выполнил другое свое обещание, данное Царству Польскому, — он утвердил его конституцию³¹.

Она была опубликована 12 (24) декабря, в день рождения императора. А. А. Чарторыйский публично приветствовал эту новость следующими словами: «Император Александр мог господствовать одною силою, но, руководимый внушением добродетели, он отверг такое господство. Он основал свою власть не на одном праве, но на чувстве благодарности, на чувстве преданности и на том нравственном могуществе, которое порождает вместо трепета обязанность, вместо принуждения преданность и добровольные жертвы»³². Этот документ был результатом объединения положений, содержащихся в конституции герцогства Варшавского, дарованной Наполеоном в 1807 г., конституционной хартии 1814 г. Людовика XVIII и некоторых положений конституционного характера, разработанных перед Отечественной войной 1812 г. М. М. Сперанским.

Статья 1 конституции гласила: «Царство Польское навсегда присоединено к Российской империи». Корона Царства становилась наследственной для российских императоров (ст. 3). Католическая церковь объявлялась «предметом особого попечительства правительства» при соблюдении гражданских и политических прав иных «христианских вероисповеданий» (ст. 11), объявлялось покровительство духовенству «всех вероисповеданий» (ст. 12). Конституция гарантировала равенство подданных всех сословий перед законом, свободу печати, неприкосновенность личности, уничтожала конфискацию имущества и административную ссылку. Польский язык объявлялся государственным и обязательным в администрации, суде, армии. Во всех государственных учреждениях Царства должности занимали только его подданные. Император в качестве царя Польского присягал конституции (ст. 45: «Обещаюсь и клянусь перед Богом и Евангелием, что буду сохранять и требовать соблюдения конституционной хартии всею моею властью»)³³.

Законодательный аппарат состоял из двухпалатного сейма и монарха. Сейм должен был собираться раз в два года на 30 дней для обсуждения законопроектов, вносимых в него короной или ее представителями. Права законодательной инициативы он не имел, а все законопроекты предварительно рассматривались в Государственном совете. В нижнюю палату сейма избирались 77 депутатов от дворянства и 51 от городов. Избирателями стали все дворяне, не моложе 21 года, внесенные в дворянские поветные (уездные) книги и владевшие недвижимостью, в городах — все настоятели и викарии, профессора, учителя

и художники и владельцы недвижимости, причем правом избрания пользовались лица не моложе 30 лет, уплачивающие в виде прямых налогов не менее 100 злотых (15 рублей серебром). Это был высокий имущественный ценз, тем не менее он уступал таковому же во Франции. В Царстве благодаря этому было 100 тыс. законных избирателей, в то время как во Франции 1815 г. — только 80 тыс.³⁴

Наместником был назначен генерал Юзеф (Иосиф) Зайончек, 24 декабря 1815 г. он принес присягу в этом качестве³⁵. Великий князь Константин Павлович был поставлен в подчиненное к наместнику положение³⁶. Генерал по достоинству оценил сделанное императором для Польши и поляков. В первом же своем обращении к соотечественникам в январе 1816 г. он напомнил им: «Вы не утратили ни одной свободы, дарованной вам прежними статутами: к свободам тем приобщены уже другие»³⁷. Генерал был прав. Сейм имел гораздо больше прав, чем его предшественник в герцогстве Варшавском, тот собирался раз в году на 18 дней, на принятие законопроектов при этом выделялся один день, обсуждать их депутаты не имели права, предварительного рассмотрения в верней палате не было и т. д.³⁸ Количество членов Сената, то есть верхней палаты, было в два раза меньше депутатов нижней. В ее работе имели право участвовать члены русского императорского дома в бытность их в Варшаве, несколько католических епископов, один униатский, представители высшей администрации царства — по выбору Сената и дальнейшему утверждению монархом³⁹.

Внешняя политика объединялась с империей, император определял степень участия Царства в войнах империей и трактатах, заключаемых ею. Исполнительная власть в полной мере принадлежала монарху, он имел исключительное право награждать, назначать на военные и штатские должности, включая членов Государственного совета. Совет состоял из наместника, министров, государственных советников и членов по назначению. Члены совета имели совещательный голос. Сейм не имел права заниматься предметами, не подлежащими его ведению или не указанными в акте о его созыве. Вооруженные силы Царства состояли из действующей армии, численность которой определялась царем в зависимости от надобности и возможности бюджета. Армия получала, а точнее, сохраняла национальные цвета и обмундирование, в случае необходимости она могла быть подкреплена за счет ополчения⁴⁰. Польский корпус бывшей наполеоновской армии вернулся в Варшаву со своим оружием, где был полностью перевооружен новым, присланным из России, а старое было отремонтировано и сдано в арсеналы для использования в случае мобилизации⁴¹.

В результате преобразований армия Царства Польского была сведена в две пехотные дивизии по шесть полков в каждой, две кавалерийские дивизии по четыре полка в каждой, лейб-гвардии гренадерский и егерский полки⁴². Командовавший армией Константин Павлович в свое время готовился Екатериной II для занятия престола восстановленной «древней Греческой империи»⁴³, и вот теперь он направлялся в другое, пусть и не столь древнее государство. Великий князь прекрасно владел греческим, его даже окружали греческими детьми, один из которых — генерал-лейтенант Д. Д. Курута — стал доверенным лицом друга детства в Варшаве⁴⁴. Константин Павлович делал все возможное для того, чтобы поднять боеспособность армии на должный уровень и, надо отдать ему должное, был весьма внимательным и заботливым командиром, никогда не отказывавшим в материальной помощи и никогда не напоминавшим о ней своим должникам. Навещавший больных офицеров и генералов и всегда провожавший их в последний путь, Константин Павлович все же допускал резкости при публичных выговорах провинившимся, что чрезвычайно раздражало польское общество⁴⁵.

Польские офицеры, часто имевшие за спиной богатый военный опыт, чувствовали себя оскорбленными, когда с них взыскивали за нарушение формы одежды и недостаточную отчетливость выполнения строевых приемов⁴⁶. Русские офицеры не были исключением. Иногда выходки командующего до такой степени раздражали подчиненных, что возникали невозможные и иногда трагические конфликты⁴⁷. Некоторые протестовали даже путем самоубийства, и Константину Павловичу приходилось преодолевать негатив подчиненных. К его чести, он умел делать и это⁴⁸. Со своей стороны, император пытался соединить дарование широких прав цензовой общественности с сохранением весьма значительных прерогатив короны. На собственном опыте он уже не раз имел возможность убедиться в том, что сохранение самодержавия является необходимым условием для продолжения политики, имевшей конечной целью его ограничение.

Эта двойственность между теоретическими схемами и реальной ситуацией проявлялась и в его внутренней политике, в попытках вновь приступить к решению крестьянского вопроса, которые по-прежнему не имели успеха и не встречали поддержки со стороны большей части дворянства. Параллельно с этими планами в конце 1815 г. Александр I приступил к обсуждению проекта военных поселений⁴⁹, первый эксперимент внедрения которых был проведен в 1810–1812 гг. на резервном батальоне Елецкого мушкетерского полка, размещенного в Бобылецком

старосте Климовичского уезда Могилевской губернии. Первоначально предполагалось разместить войска вдоль западной границы империи, взяв за образец организацию казачьих полков. Эти предложения вызвали категорические протесты графа А. А. Аракчеева, справедливо указавшего, что на этих границах нельзя ожидать «хищнических набегов»⁵⁰. Размещение войск и строительство домов шло с большим трудом, а французское нашествие вскоре уничтожило то, что удалось сделать⁵¹.

Конец 1815 — начало 1816 г. — время исключительно противоречивых действий в политике императора. 1 (13) января 1816 г. был издан манифест «О благополучном окончании войны с Францией и об объявлении Высочайшей признательности к верноподданному народу за оказанные в продолжение войны подвиги»⁵², в котором излагалась краткая история событий, последовавших в Европе от французской революции до окончания войн с Наполеоном. Он содержал исключительно резкие и негативные оценки Франции⁵³ и «злочестивого Парижа» — «гордая столица, гнездо мятежа, разврата и пагубы народной, усмиренная страхом»⁵⁴. Император предлагал программу действий на будущее: «Что изберем: гордость или смирение? Гордость наша будет несправедлива, неблагодарна, преступна перед Тем, Кто излил на нас столькие щедроты; она сравнит нас с теми, которых мы низложили. Смирение наше исправит наши нравы, загладит вину нашу перед Богом, принесет нам честь, славу и покажет свету, что мы никому не страшны, но и никого не боимся»⁵⁵.

Не остался без внимания императора и русский народ, к которому был обращен документ: «Мы, после стольких происшествий и подвигов, обращая взор свой на все состояния верноподданного Нам народа, недоумеваем в изъявлении ему Нашей благодарности. Мы видели твердость его в вере, видели верность к престолу, усердие к отечеству, неутомимость в трудах, терпение в бедах, мужество в бранях. Наконец, видим совершившуюся на нем Божескую благодать. Видим, и с Нами видит вся вселенная. Кто, кроме Бога, кто из владык земных и что может ему воздать? Награда ему — дела его, которым свидетели Небо и земля. Нам же, преисполненным любовью и радостью о толиком народе, остается токмо во всегдашних Богу молениях наших призывать на него вся благая: да славится, да процветает, да благоденствует он под всемогущим Его покровом в роды родов»⁵⁶. Консервативный пафос манифеста произвел весьма тяжелое впечатление в Европе⁵⁷. Кроме того, Россию подозревали в подготовке внешнеполитической изоляции Турции путем расширения Священного союза.

21 марта (2 апреля) 1816 г. Александр I в письме к Р. С. Кэслри считал необходимым объяснить миролюбивый характер этого Союза, направленного исключительно на сохранение status quo в Европе. Он сообщил британскому министру иностранных дел о том, что султан поставлен в известность Петербургом о направлении этой политики, как и о том, что император обратился к своим союзникам с просьбой сделать то же самое⁵⁸. Уже на следующий день русским посланникам в Европе и Бразилии был отправлен императорский рескрипт с разъяснением смысла Священного союза: «Подобного рода договор не может заключать в себе никаких враждебных умыслов в отношении народов, не имеющих счастья быть христианскими. Его единственная цель состоит в том, чтобы способствовать внутреннему процветанию каждого государства и всеобщему благосостоянию, к которому должна привести дружба между государями, ставшая тем более неразрывной, что она не будет зависеть от случайных обстоятельств. Еще меньше оснований рассматривать акт такого характера как завоевательный, ибо его цель не может быть достигнута силой оружия. Лишь благодаря влиянию примера и привлекательности спокойного благоденствия, коим будут наслаждаться христианские нации под покровом охраняющей их религии, можно надеяться, что ее утешительный свет распространяется на все без различия нации»⁵⁹.

Европейские дипломаты с тревогой присматривались к России. «Никогда еще не бывало ничего, подобного теперешней русской армии, — писал 31 декабря 1815 г. (12 января 1816 г.) сардинский посол. — В ней под ружьем 560 000 человек; одни только резервные войска состоят из 180 000 пехоты и более 80 000 кавалерии; это лучшая молодежь в свете, которую ничуть не беспокоит миллион уже погубленных жизней. Вот наилучшее представительство на Конгрессе»⁶⁰. Миллион погубленных жизней беспокоил императора. Он не собирался козырять силой во внешней политике. «Нам нужен отдых», — эти слова Александра I были ключевыми для понимания его политики этого периода⁶¹.

Император объяснил Р. С. Кэслри и свое видение существовавших в Европе угроз, исключавших, по его мнению, возможность перехода к другому важному этапу политики Священного союза — разоружению. Они исходили от двух противоположностей — реакции и революции: «Есть страны, где упорно пытаются сразу же возродить институты, изжившие себя. Там слишком мало считаются с новым мировоззрением народов, которые надлежит постепенно привести к устойчивому порядку и миру. Кажется, что там хотят трудиться только ради ушедших поколений или ради поколения, которое вот-вот угаснет,

не думая о том, сколь важно прежде всего заручиться расположением нынешнего поколения, наиболее заинтересованного в настоящем, ибо оно готовит будущее. В этих странах боятся предоставить что-нибудь течению времени и воздействию постоянной и единообразной политики. В других странах те же неурядицы проявляются в иных формах. Волнения, которые всегда следуют за общими потрясениями, стремление ко всякого рода новшествам также затрудняют восстановление порядка и спокойствия. Обаяние слов, к которым столь часто прибегали, воздействует на чернь. Тайные общества, злоупотребление свободой печати дают оружие в руки злонамеренных лиц, позволяют им вызвать брожение умов и толкать все классы общества в направлении, противном их истинным интересам»⁶².

Эти разъяснения императора, как оказалось потом, весьма близкие к точному прогнозу, были с удовлетворением восприняты в Лондоне. Что касается России, то слова январского манифеста 1816 г. на фоне введения военных поселений и польской политики императора не добавили ему популярности. Ради обеспечения стабильности император был готов пойти на решительные меры. Необходимость поддерживать послевоенное устройство Европы обуславливалась не только внешне-, но и внутривнутриполитическими соображениями и требовала содержания огромной армии при расстроенных финансах и уставшей от многолетних войн стране. Вследствие этого и возникла идея прибегнуть к мере, которая должна была решить сразу несколько проблем: 1) создать новое военно-земледельческое сословие, которое могло бы своими силами содержать и комплектовать постоянную армию без отягощения остального населения страны; 2) дать войскам прочную оседлость, обеспечить их постоянными квартирами и улучшить их быт, тем самым освободив население от тяжелейшей постоянной повинности; 3) прикрыть западное пограничное пространство и иметь возможность быстро сосредоточить армию на возможном театре военных действий⁶³. Разработка плана создания поселений была поручена А. А. Аракчееву, который и занялся внедрением его в жизнь.

В августе 1816 г. началась подготовка перевода войск и жителей в разряд военных поселян. В ответ на просьбы остановить введение военных поселений император сказал: «Они будут во что бы то ни стало, хотя бы пришлось уложить трупами дорогу от Петербурга до Чудова»⁶⁴. Жизнь крестьян менялась жестоко и решительно⁶⁵. В 1816 г. был размещен первый батальон, и попытки сопротивления подавлены. При волнениях в Чугуево к смерти приговорили 275 человек. А. А. Аракчеев заменил им расстрел 12 тыс. ударов шпицрутенами⁶⁶. Вплоть до конца

правления Александра I продолжался рост числа округов военных поселений, постепенно окружавших границу империи от Балтики до Черного моря. К 1825 г. в разряд поселенных войск было переведено 20 поселенных и 12 действующих батальонов, 60 поселенных, 60 резервных и 72 действующих эскадрона, всего 192 подразделения кавалерии, содержание которой особенно дорого обходилось казне, и 32 пехоты. В округах военных поселений на это время проживало 169 828 человек⁶⁷. Александр I хотел увеличить число поселенных войск, но не успел выполнить эти планы⁶⁸. Реализация данной политики, обусловленной требованиями жесточайшей экономии государственных средств при сохранении численности армии на уровне военного времени сопровождалась волнениями поселян и находилась в кричащем противоречии с идеями либеральных реформ, которым был еще не чужд император.

Противоречия просматривались и во внешней политике империи. После заключения второго Парижского мира Министерство иностранных дел, по приказу Александра I, одновременно возглавили два статс-секретаря — И. А. Каподистрия, отвечавший за отношения с Турцией и управление присоединенной по Бухарестскому миру Бессарабией, и К. В. Нессельроде, который ведал общим управлением министерства и отвечал за европейское направление⁶⁹. Оба они придерживались различных взглядов на политический курс империи. И. А. Каподистрия имел репутацию республиканца и либерала, что и стало причиной его назначения⁷⁰. Он выступал за активизацию помощи христианским народам Балкан и предлагал воспользоваться дружественными связями Турции с Наполеоном, которые продолжились и после заключения Бухарестского мира 1812 г., чтобы потребовать пересмотра его условий. В новом договоре предполагалось оградить права Дунайских княжеств и Сербии, а для принятия его султаном провести военные демонстрации на русско-турецкой границе и Черном море⁷¹.

Эти предложения не были поддержаны императором, который после доклада И. А. Каподистрии сказал: «Все это очень хорошо обдумано, но для того, чтобы исполнить это, надо воевать, а я этого не хочу. Довольно было войн на Дунае, они деморализуют армии. Вы сами были тому свидетелем. Впрочем, мир в Европе еще не обеспечен, и революционеры ничего лучшего не желают, как втравить меня в борьбу с Турцией. Бухарестский договор, хорош он или дурен, должен быть сохранен. Следует примириться с ним и стараться извлечь из него всю возможную пользу, чтобы помочь несколько княжествам и сербам, а особенно, чтобы турки не беспокоили нас своими притязаниями относительно азиатского побережья»⁷². В отличие от И. А. Каподистрии

К. В. Нессельроде выступал за подавление революционных и национальных движений и сохранение status quo в посленаполеоновской Европе. Эта политика по многим причинам была более близка взглядам императора, который опасался нарушения нового порядка.

Противоречия между К. В. Нессельроде, И. А. Каподистрией и их концепциями проявились в русской политике в 1818–1824 гг. 29 января (10 февраля) 1817 г. представители Австрии, Пруссии, России и Великобритании подписали в Париже соглашение. В результате, во многом по настоянию русского правительства, было принято решение о сокращении оккупационного корпуса во Франции на одну пятую часть, до 120 тыс. человек⁷³. 2 (14) марта 1817 г. император издал рескрипт командующему русскими войсками во Франции генералу М. С. Воронцову о немедленной отправке пятой части войск, находящихся под его командованием, в Россию⁷⁴. Немалую роль в этих действиях сыграло желание Александра I оказать поддержку правительству герцога Ришелье, называвшего себя русским в сердце и на королевской службе⁷⁵. Оно находилось под жесткой критикой ультрароялистов и клерикалов. Большое значение имело усиление внешнеполитических позиций королевства. «Император Александр, — заявил русскому послу во Франции К. О. Поццо ди Борго 31 марта (12 апреля) 1817 г. Людовик XVIII, — два раза спас Францию. Он увенчает свое дело, если приведет к прекращению оккупации по истечении трех лет. Дальшее пребывание послужит к обеднению королевства и нестерпимому унижению народа»⁷⁶.

17 (29) сентября — 10 (22) ноября 1818 г. состоялся Аахенский конгресс Священного союза, к участию в работе которого была допущена и Франция. Во многом это было результатом политики императора Александра I, считавшего необходимым таким образом укрепить позиции правительства Ришелье в стране⁷⁷. По свидетельству К. Меттерниха, Александр I был уже «поборником консервативных принципов и открытым врагом всякого революционного направления, и он уже находился на пути возвращения к мистицизму»⁷⁸. На самом деле император по-прежнему исходил из первенства политической стабильности и европейского равновесия. Еще во время подготовки к конгрессу русской дипломатией были сформулированы ее главные цели: «...упрочить европейскую систему, чтобы оградить мир от двух серьезных опасностей — от возобновления революций и от права сильного (курсив авт. — О. А.)»⁷⁹. Главным инструментом достижения обеих задач было признано расширение Четверного союза победителей путем включения в него в качестве полноправного члена Франции⁸⁰.

В ходе переговоров (всего было 47 заседаний) были подписаны 27 сентября (9 октября) 1818 г. конвенции Франции с каждым из членов Четверного союза о выводе оккупационных войск к 30 ноября 1818 г. и о своевременной выплате оставшейся части контрибуции в размере 260 млн франков⁸¹. Параллельно обсуждались и меры по укреплению «тишины всеобщей». Опасаясь роста революционных настроений в Германии, К. Меттерних и Р. С. Кэслри не возражали и против того, чтобы значительно поднять статус Франции, и 3 (15) ноября 1818 г. был подписан договор о включении этой страны в Четверной союз⁸². Тетрархия победителей, следившая за соблюдением мира и стабильности в Европе, превратилась в пентархию, хотя пятый ее член по-прежнему вызывал подозрения. На случай революционных потрясений во Франции 15 ноября 1818 г. были подписаны два секретных протокола, подтвердившие Шомонский 1814 г. и Венский 1815 г. договоры⁸³.

Российский император еще надеялся на возможность политической стабилизации Европы, которая позволила бы ему осторожно приступить и к либеральным реформам в собственной стране. 15 (27) марта 1818 г. в своей речи при открытии первого заседания польского сейма в Варшаве он предельно ясно изложил эти планы⁸⁴. «Образование, — заявил он, — существовавшее в вашем крае, дозволяло мне ввести немедленно то, которое я вам даровал, руководствуясь правилами законно-свободных учреждений, бывших непрестанно предметом моих помышлений и которых спасительное влияние надеюсь я, при помощи Божией, распространить и на все страны, провидением к попечению моему вверенные. Таким образом, вы мне подали средство явить моему Отечеству то, что уже с давних лет ему приуготовляю и чем оно воспользуется, когда начала столь важного дела достигнут надлежащей зрелости. Поляки! Освободясь от губительных предубеждений, причинивших вам толикие бедствия, от вас ныне самих зависит дать прочное основание вашему возрождению. Существование ваше неразрывно связано с жребием России. К укреплению сего спасительного и покровительствующего вас союза должны стремиться все ваши усилия»⁸⁵.

О международном значении, которое Александр I придавал этой речи, говорит циркулярная депеша, разосланная И. А. Каподистрией русским дипломатическим представителям за границей вместе с текстом выступления монарха в сейме 17 (29) марта 1818 г.: «Как бы ни относились к конституционному строю Царства Польского, он дает сумму гарантий, способных, по-видимому, укрепить взаимное доверие кабинетов и одновременно оказать самое благотворное влияние как на народы, уже имеющие конституционное правление, так и на те, что еще

надеются получить это благо от щедрот своих монархов... В тех уступках, которые благодаря справедливости и мудрости монархов были сделаны их народам, усматривали мнимое возрождение пагубных доктрин, которые едва не повергли мир в самую ужасную анархию или в состояние самого постыдного порабощения. Акт от 14 (26) сентября (то есть Священного союза. — О. А.) был, наоборот, истолкован или как некий пакт, укрепляющий деспотизм вопреки правам народов, либо как замысел, направленный к созданию химерической системы всемирной монархии. Будучи далек от мысли о том, чтобы, следя за происками злопыхателей, вскрывать первопричины этого недоброжелательства, застигать или разоблачать его, император предоставил времени и свидетельствам самой жизни важную задачу — успешно побороть заблуждения, которые пытались распространять. Это время настало. Такие свидетельства получены. Конституционная хартия Царства Польского, ее претворение в жизнь, преимущества, данные ею этой стране и обещанные в будущем, — таковы факты, коим единственно и надлежит неопровержимым образом объяснять те мнения, которых император придерживался во время переговоров в Вене и Париже в 1815 г., те принципы, которым он неизменно следовал в своих решениях при создании европейской системы, и результаты, к достижению которых направлена его политика»⁸⁶.

Работа сейма шла в течение месяца, палаты приняли все предложенные законопроекты, за исключением одного — о браке и разводе, противоречившего традиционному праву этой католической страны⁸⁷. Этот законопроект был разработан по распоряжению императора, так как в законодательстве о разводе царили беспорядок и злоупотребления, ставшие причиной многочисленных жалоб. Так, например, лже-свидетельствование при разводе стало настолько распространенным явлением, что вполне легально действовали центры по найму таких «свидетелей». И тем не менее инициатива монарха была встречена враждебно и провалена большинством голосов⁸⁸. Александр I воспринял это совершенно спокойно⁸⁹.

При закрытии сейма 15 (27) апреля 1818 г. он сказал: «Из предложенных вам проектов законов только один не одобрен большинством голосов обеих палат. Внутреннее убеждение и прямодушие руководили сим решением, мне оно приятно, потому что вижу в нем независимость ваших мнений. Свободно избранные должны и рассуждать свободно. Чрез ваше посредство надеюсь слышать искреннее и полное выражение общественного мнения, и только Собрание, подобное вашему, может служить правительству залогом, что издаваемые законы согласны

с существенными потребностями народа»⁹⁰. Речь императора была восторжено принята польским дворянством⁹¹.

Австрийский дипломат сообщал, что монарх говорил о возможности проведения либеральных преобразований, «если только они не влияют разрушительно». У Александра I был рецепт такой успешности либеральных идей в политике, и он щедро им делился с представителем австрийского кайзера: «Для этого их надлежит проводить разумно и умеренно; во всем следует соблюдать известную систему и порядок, если хотят, чтобы дело было прочно»⁹². В этой формуле и заключался смысл варшавской речи императора, пока что он негативно относился лишь к ультралибералам⁹³. Впрочем, успех этой политики был односторонним. Варшавские события вызвали волну недовольства в России, где многие не хотели понимать причин, по которым союзники Наполеона получали привилегии, а победители — военные поселения и ужесточение цензуры⁹⁴.

Ближайшие перспективы польской политики Александра I также вызвали немалые и полностью оправдавшиеся опасения. Н. М. Карамзин в своей записке, поданной на высочайшее имя 17 (29) октября 1819 г., предупредил императора об опасностях этой политики: «Мы взяли Польшу мечом: вот наше право, коему все государства обязаны бытием своим, ибо составлены из завоеваний»⁹⁵. Н. М. Карамзин писал: «И Господь Сердцеведец да замкнет смертью уста мои в сию минуту, если говорю Вам не истину... Одним словом: восстановление Польши будет падением России, или сыновья наши обагрят своею кровью землю польскую и снова возьмут штурмом Прагу. Нет, Государь! Никогда не будут нам Поляки ни искренними братьями, ни верными союзниками. Теперь они слабы и ничтожны; слабые не любят сильных, а сильные презирают слабых. Когда же усилите их, то они захотят независимости, и первым опытом ее будет отступление от России, конечно, не в Ваше Царствование»⁹⁶.

Император не считал необходимым прислушаться к этому предсказанию. После отъезда из Варшавы Н. Н. Новосильцов, убежденный сторонник либеральных реформ и бывший член Негласного комитета, принимавший деятельное участие в разработке конституции 1815 г. и назначенный «императорским комиссаром» для наблюдения за процессом введения ее принципов в жизнь, начал работу над составлением проекта «Государственной уставной грамоты (во французском тексте — «Конституционной хартии») Российской империи». К 1818 г. она была готова. Державная власть императора объявлялась неделимой (ст. II), он являлся единственным источником всех властей империи

(ст. 12), но при этом вводился государственный сейм, который должен был «содействовать» законодательной власти монарха (ст. 13). Он должен был быть двухпалатным (ст. 101; 114), сеймы вводились и в наместничествах — на региональном уровне⁹⁷. Проект Н. Н. Новосильцова остался на бумаге. Постоянные колебания с заметным уклоном в сторону либерального направления были характерны не только для внутренней, но и для внешней политики Александра I в 1818–1820 гг.

Император старался поддерживать умеренное правительство Ришелье во Франции и благосклонно смотрел на то, как ряд второстепенных германских монархов даровали своим подданным конституции в 1816–1818 гг. Первым в 1816 г. был великий герцог Саксен-Веймарский, который пошел весьма далеко. Его конституция предполагала возможность всех подданных избирать и быть избранными в сейм, который к тому же получил утверждения новых податей и налогов. За ним последовал герцог Гессенский, хотя и не в столь радикальной форме. Сейм не имел почти никаких прав, зато во имя борьбы с наследием французов в армии были восстановлены парики и косы. В мае и августе 1818 г. конституции даровали король Баварский и герцог Баденский, в 1819 г. — король Вюртембергский, в 1820 г. это собирался сделать герцог Гессен-Дармштадтский⁹⁸.

Прусский король, обещавший своим подданным «народное представительство» декретом от 22 мая 1815 г.⁹⁹, готовился последовать этому примеру и в 1819 г. поставил во главе Министерства внутренних дел сторонника конституционного правления Фридриха-Вильгельма Гумбольдта. Категорическим противником такой политики был К. Меттерних, опасавшийся начала в Германии национальной революции¹⁰⁰. Канцлер имел все основания для беспокойства. В 1815 г. в Венгрии дворянство заявило о своем нежелании платить налоги и поставлять рекрутов без созыва сейма. Недовольный император публично заявил: «Весь мир одурел и требует каких-то фантастических конституций»¹⁰¹. Предсказания К. Меттерниха стали восприниматься особенно серьезно на фоне подъема радикального студенческого движения в германских университетах. Политические призывы печати, освободившейся от цензуры в конституционных государствах, не имели успеха в широких массах, но хорошо действовали на учащуюся молодежь¹⁰².

«Медленный ход дела о конституции государств немецких на Франкфуртском сейме, — отмечал обзор «Сына Отечества», — вывел из терпения студентов некоторых университетов»¹⁰³. Для К. Меттерниха, более всего опасавшегося распространения конституций и освобождения печати от цензуры, студенческие выступления стали даром

Небес, который австрийский дипломат немедленно использовал¹⁰⁴. В 1817 г. в Германии широко праздновали 300-летие Реформации. 18 октября студенты и часть профессуры собрались у замка Вартбург — места убежища Мартина Лютера. 300-летний юбилей совпал с четырехлетием битвы народов. Студенты произносили патриотические речи и в подражание М. Лютеру жгли сочинения в консервативном духе. Настоящие и вымышленные предатели общегерманского дела публично предавались анафеме. Особенно досталось консервативному писателю и издателю газеты «Литературный еженедельник» А. Коцебу, ставшему для немецких либералов символом реакции и русского влияния. Он в свое время служил в России, имел русский чин и находился в переписке с Александром I, что и было явным свидетельством его «предательства». Острая критика либералов со стороны А. Коцебу раздражала лагерь сторонников свободы¹⁰⁵.

К этому времени Александр I утратил свою популярность в Германии, прежде всего среди той части молодежи, которая не успела обнажить оружие в защиту фатерлянда и теперь обвиняла русского императора в том, что их отечество не было едино. Кроме того, Александр I, по мнению германской профессуры и студенчества, слишком активно защищал Францию и не позволил взять с нее причитавшееся. Именно таких поклонников романтизма считал своими врагами А. Коцебу. Их он едко высмеивал в своих пьесах, пользовавшихся заметной популярностью¹⁰⁶. Также насмешливо смотрели на это дело в России. Н. И. Греч писал: «Впрочем, в Германии нельзя опасаться революции или возмущения. Студенты и чернь перебьют окна у некоторых ненавистных им людей; об этом напечатают в гамбургских газетах, и тем дело кончится»¹⁰⁷.

Торжества в Вартбурге закончились публичным сожжением гесенской косы, австрийской капральской палки и прусского гвардейского корсета¹⁰⁸. Австрийский посол в Саксонии с самого начала назвал «Вартбургские торжества» якобинской оргией¹⁰⁹. Последовала весьма острая и жесткая реакция: покровитель Иенского университета великий герцог Саксен-Веймарский вынужден был отменить свободу печати, по требованию Великих держав по данным событиям было назначено следствие¹¹⁰. Дело этим не кончилось. В 1800 г. приехавший в Россию А. Коцебу был сослан Павлом I в Сибирь. Впрочем, император уже в 1801 г. вернул немецкого литератора, ошибочно обвиненного в распространении либеральных идей, и постарался загладить свою вину¹¹¹. Германские университетские романтики оказались куда опаснее русского коронованного. 23 марта 1819 г. студент Карл Занд заколол писателя кинжалом в Мангейме¹¹².

Как выяснилось позже, К. Занд мечтал об убийстве А. Коцебу с 1817 г.¹¹³ Узнав о случившемся, Ф. В. фон Гумбольд сразу же сказал, что теперь конституция невозможна¹¹⁴. Через несколько недель другой студент попытался убить министра герцога Гессенского¹¹⁵. 1 июня аптекарь напал на приближенного герцога Нассауского¹¹⁶.

Наибольшую пользу из этого убийства извлекла для себя Австрия. К. Меттерних торжествовал¹¹⁷. Он получил возможность воспользоваться случившимся для того, чтобы окончательно убедить Фридриха-Вильгельма III в том, что нельзя более закрывать глаза на опасность революции. Король приказал устроить почетные похороны А. Коцебу¹¹⁸.

Естественно, что и Александр I был возмущен случившимся. В июне 1819 г. русские представители при германских дворах получили следующее наставление из Петербурга: «Если таковы результаты учений, преподаваемых в германских университетах; если осмеливаются употреблять во зло религию, благодетельницу человечества; если такова, наконец, цель, указываемая свободе, то не настает ли нужда задушить зло при его рождении? Не надлежит ли общими мерами утвердить господство принципов, которых государи и народы не могут забывать безнаказанно? Во время своего пребывания в Веймаре император обратил внимание великого герцога на эти великие и спасительные истины. Продолжайте эти внушения, поддерживайте вашим кредитом меры, которые Австрия предложит в этом отношении, сообщая с союзниками, но не берите на себя инициативы в вопросе, который относится преимущественно к германской конфедерации»¹¹⁹.

Император уже не верил, как ранее, в возможность исправления человеческой природы посредством образования и более возлагал свои надежды на распространение христианской нравственности. В 1812 г. в России было основано отделение Библейского общества во главе с обер-прокурором Святейшего синода князем А. Н. Голицыным. В 1816 г. он возглавил и Министерство народного просвещения, переименованное по его проекту в Министерство духовных дел и народного просвещения. Первой реакцией на убийство А. Коцебу стали гонения на русские университеты и разгром Казанского университета, проведенный в 1819 г. М. Л. Магницким. Почувствовав изменения, бывший сподвижник М. М. Сперанского и сторонник свободы слова предложил публично разрушить университет. Эти предложения не нашли поддержки, но результатом гонений было сильнейшее раздражение образованной части русского общества¹²⁰.

Но какой еще могла быть реакция, если университет превратили в некое подобие монастыря с обязательными молитвами и постами!¹²¹ Ничем другим преобразования М. Л. Магницкого и не могли закончиться. К этому времени он и сам был человеком показной набожности, постоянно твердящим «при каждом случае кстати и не кстати о милосердии Божиим, о посте и грехопадении»¹²². Дополнительным орудием стала цензура, которая была значительно ужесточена. Ее действие было распространено и на научную деятельность¹²³. «Начальники, профессеры, студенты, — вспоминал очевидец этих преобразований, — все подчинялось строгой клерикальной дисциплине. Науки отодвинулись на задний план. Гонение на философию доходило до смешного фанатизма, если фанатизм, в чем бы он ни проявлялся, может быть когда-либо смешон»¹²⁴. Изменения коснулись не только внутренней политики России. Теперь К. Меттерних мог рассчитывать, что его германский курс получит одобрение и поддержку со стороны Петербурга. После этого были быстро преодолены и колебания Фридриха-Вильгельма III. В Пруссии начались аресты лидеров студенческих союзов, гимнастические школы были закрыты¹²⁵. Политическое объединение Вены и Берлина полностью изменило положение в Германии. Россия сочувствовала ему, а Великобритания не протестовала, поскольку также находилась в тяжелом кризисе, высшим пиком которого стало «Питерлоо» — разгон армией демонстрации в Манчестере, в ходе которого были убиты 11 человек.

7–30 августа 1819 г. в Карлсбаде (совр. Карловы Вары, Чехия) состоялись совещания, в которых кроме Австрии и Пруссии участвовали следующие государства: Саксония, Ганновер, Бавария, Баден, Нассау, Вюртемберг, Мекленбург, Гессен и Саксен-Веймар. В результате была принята австро-прусская программа, продиктованная Франкфуртскому союзному сейму. Из его состава выделялась комиссия из пяти членов, избираемых и сменяемых каждые шесть месяцев. Она должна была поддерживать в Германии авторитет закона мирным путем или, в случае необходимости, силой оружия. Германские университеты ставились под наблюдение особых чиновников, назначаемых монархами стран, в которых эти учебные заведения находились. Эти кураторы должны были наблюдать за духом образования и имели права отчислять политически неблагонадежных студентов и профессоров, которые теперь не могли быть приняты в другой университет на территории Германского союза. Тайные и неутвержденные правительствами союзы распускались, пресса была поставлена под жесткий контроль цензуры — свобода печати отменена поначалу на пять лет, но впоследствии этот срок был продолжен на неопределенное время¹²⁶.

К. Меттерних был счастлив. Он считал, что ему удалось поднять влияние Габсбургов на уровень Священной Римской империи германской нации, если не более. «То, чего я так хотел после 1813 года и что этот inferнальный царь Александр всегда портил, — писал он в частном письме, — я осуществил, потому что его не было здесь... Если император сомневается, что он теперь император Германии, он ошибается»¹²⁷. Тем не менее канцлер делал все возможное, чтобы получить одобрение русского монарха, если не с текстом карлсбадских соглашений, то с их духом, потому что знал, как высок авторитет Александра I в Германии¹²⁸. Варшаву посетил король Вюртемберга, пытавшийся повлиять на императора. Общественность Германии была крайне разочарована развитием кризиса, положение оставалось сложным¹²⁹. Однако давление австрийского канцлера на германских государей, даровавших конституции, с целью их отмены не получило поддержки Петербурга. Наоборот, русские дипломаты получили приказ воздержаться от любого участия во внутренних делах Германии, даже от обсуждения этих проблем¹³⁰. И. А. Каподистрия, авторитет которого по-прежнему был высок, утверждал, что страх — плохой советчик при принятии решений, а они в Карлсбаде были приняты именно под влиянием этого чувства¹³¹.

Настроения российского императора хорошо иллюстрирует простой факт: основные положения конституционного проекта Н. Н. Новосильцева были завершены уже к осени 1818 г., и Александр I принял этот проект за основу в Варшаве 4 (16) октября 1819 г. В ноябре император изложил свое мнение относительно германских дел, которое должно было объяснить официальную позицию Петербурга русским дипломатическим представителям за рубежами империи: «Говоря о либеральных учреждениях, мы не имеем в виду ни актов, исторгнутых у слабости, ни договоров, навязанных агитаторами народа суверенам, ни, наконец, конституций, дарованных в затруднительных обстоятельствах, как средство для успокоения бури. Мы полагаем, что наше время требует, и притом настоятельно, чтобы правительства, и в особенности те из них, которые прошли революционные кризисы, сами себя добровольно обязывали управлять на основаниях, точно определенных, и в формах, твердо установленных... Свобода необходима, и она даже должна быть поставлена в точные границы, так как все в мире заключается не в чем ином, как в началах порядка»¹³².

Русский МИД изложил свое мнение следующим образом: «Германия почитает себя в опасности; министры главнейших ее государей собираются в Карлсбаде и принимают целый ряд решений. Решения

эти представляются на одобрение Германского сейма, который и утверждает их с официальным единогласием. Проходят, однако, несколько недель, и живейшее чувство скорби овладевает всеми друзьями добра и порядка. Засвидетельствованное публичными актами согласие становится вдвойне сомнительным: один удар наносят ему секретные акты, другой — торжественные меры. Государи колеблются или отступают; народы ропшут или в оцепенении хранят угрюмое молчание»¹³³. Александр I категорически отказался поддержать решения, касающиеся Германского союза. 4 (16) февраля 1820 г. К. В. Нессельроде известил об этом русских представителей в германских государствах: «...российский кабинет, которому настоятельно предлагали высказаться по поводу переговоров в Карлсбаде и Франкфурте, мог проявить лишь сдержанность, занять позицию выжидательную, хотя и доброжелательную (курсив авт. — О. А.)»¹³⁴.

Слова императора о свободе и точных ее границах не были риторикой. В мае 1820 г. окончательная версия документа, предлагавшего учреждение в России двухпалатного законодательного сейма и новое административное деление (на 10 наместничеств с местными сеймампарламентами), была отослана в Петербург¹³⁵. Однако события в Европе не способствовали реализации этой программы. Германская политика К. Меттерниха без поддержки России была уже не столь успешной. Проводившиеся в Вене с 25 ноября 1819 по 15 мая 1820 г. общегерманские совещания завершились принятием документа, подтверждавшего конституцию Германского союза от 1815 г. и положение о том, что она никоим образом не может умалять суверенитет монархов, возглавлявших государства — члены союза, в том числе и их право даровать конституции своим подданным. Опасения перед возможностью революционных потрясений подтвердил 1820 г.

Король Испании Фердинанд VII готовил экспедицию против своих восставших заокеанских подданных в Америке, фактически добившихся независимости. Россия была заинтересована в восстановлении силы этого королевства, серьезнейшим образом подорванной в ходе наполеоновских войн. И эту заинтересованность разделяли с Россией практически все европейские державы, имевшие причастность к морской торговле. Дело в том, что исчезновение испанского флота привело к резкой активизации берберийского пиратства, остановить которое не могла ни Османская Порта, чьими вассалами формально считались алжирские деи, тунисские беи и марокканские султаны, ни Британия с ее достаточно внушительным флотом, но немногочисленными в Средиземном море базами. Каждое ослабление морской силы, которая

могла бы играть полицейскую роль у побережья Северо-Западной Африки, приводило к таким результатам¹³⁶.

Уже к началу XIX в. европейским государствам пришлось откупаться от пиратов, причем суммы были весьма значительны. В сентябре 1800 г., например, датчане выкупили четырехмесячное перемирие и 86 своих пленных матросов, заплатив тунисскому правителю 61 440 испанских долларов¹. В то же время французские подданные были освобождены без выкупа, и перемирие было установлено на время войны в Европе. Американский консул в Тунисе сообщал об этом в Вашингтон, цитируя местную поговорку: «Христиане, которые хотят быть с ними (то есть с пиратами. — О. А.) в хороших отношениях, должны хорошо сражаться или хорошо платить»¹³⁷. Американцы в 1795 г. заключили договор¹³⁸, по которому обязались поставлять корабельные припасы на сумму в 12 тыс. алжирских цехинов¹¹. На самом деле этот мир и эти поставки обошлись США в гораздо большую сумму¹³⁹. Тем более неприятно было то, что договор систематически нарушался. В 1801–1802 гг. небольшая американская эскадра попыталась организовать тесную блокаду Триполи¹⁴⁰. В 1805 г. она вновь продемонстрировала пиратам силу для защиты своих сограждан¹⁴¹. В 1812 г. дей Юсуф разорвал договор с Вашингтоном. В 1815 г. США вновь объявили войну алжирским пиратам, разгромили их флот и принудили дею подписать договор о безопасности христианского судоходства¹⁴². В России важных последствий и замирения опасного берега в результате появления этого документа никто не ожидал¹⁴³.

В мае 1816 г. было совершено массовое избиение европейцев, занимавшихся сбором кораллов у побережья Боны (несмотря на соглашение, разрешавшее этот промысел). Уже в июле 1816 г. к берегам Северной Африки направилась британская эскадра — пять линейных кораблей, пять фрегатов и девять бригов, к которым присоединились пять голландских фрегатов и корвет. В городе Алжире проживало около 135 тыс. человек. Дей отказался выполнить требования союзников, береговая артиллерия открыла по ним огонь. В ответ 27 августа британская эскадра подвергла бомбардировке Алжир (было выпущено 49 815 ядер, использовано 2210 центнеров пороха). Город горел, флот дея был уничтожен. В результате он согласился выплатить убытки — около 2 млн рублей, пиратов принудили освободить около 3 тыс. плен-ных¹⁴⁴. Эта акция лишь на некоторое время сняла угрозу торговому су-

¹ Испанский доллар (песо, пиастр) — серебряная монета, чеканившаяся в Мексике.

¹¹ Цехин — золотая монета, чеканилась в Венеции, ряде итальянских городов-государств, Алжире.

доходству. Грабеж американских судов и захват команд привел к тому, что президент Дж. Медисон принял решение применить силу. 4 декабря 1816 г., обращаясь к членам Конгресса, он заявил, что, выбирая между выплатой дани пиратам или войной, он выбрал последнее¹⁴⁵. В декабре 1816 г. у берберийских берегов опять порядок наводила американская эскадра¹⁴⁶. Ничего не помогало. Пираты активизировались. Их корабли стали появляться за Гибралтаром, даже у берегов Англии и в Немецком море¹⁴⁷.

Еще в начале 1803 г. Наполеон обратил внимание Александра I на необходимость борьбы с берберийским пиратством. Российский император считал, что собственно русской торговле оно не угрожает, но заявил, что будет поддерживать эту борьбу ради всего человечества и «всех европейских государств в совокупности»¹⁴⁸. Тогда выполнить это обещание не удалось. В начале 1817 г. Мадрид обратился к Петербургу с просьбой об уступке для защиты торговли эскадры в составе четырех линейных кораблей и восьми фрегатов. 30 июля (11 августа) 1817 г. в испанской столице был заключен договор о продаже пяти линейных 74-пушечных кораблей и трех фрегатов с запасом всего необходимого для четырехмесячного плавания. Эскадру должны были привести из Кронштадта в Кадис русские моряки, после чего наши экипажи возвращались на транспортных судах назад. Испания обязалась до 1 (13) марта 1818 г. выплатить России 13,6 млн рублей ассигнациями из расчета 1 пиастр за 4,5 рубля ассигнациями, или 1 млн рублей ассигнациями по курсу на лондонской бирже — не ниже 50,5 и не выше 52 тыс. фунтов стерлингов¹⁴⁹. Эскадра линкоров прибыла в пункт назначения 9 (21) февраля 1818 г.¹⁵⁰, фрегаты пришли позже — 30 сентября (12 октября) того же года. Корабли принимал испанский морской министр, он остался доволен их качеством¹⁵¹.

Испания не смогла сразу выплатить требуемую сумму, и 15 (27) сентября 1819 г. была подписана дополнительная русско-испанская конвенция, по которой Мадрид взял на себя обязательство с января по декабрь 1820 г. погасить через лондонский банк долг перед Россией в 5,3 млн рублей ассигнациями 12 ежемесячными выплатами по 14 166 и $\frac{2}{3}$ фунтов стерлингов, что составило 170 тыс. фунтов стерлингов¹⁵². Это была вполне сравнимая со среднегодовыми затратами в России на корабельный состав сумма. В 1818 г. бюджет Морского министерства составил 22 675 884 рубля 18 $\frac{1}{4}$ копейки, из них на кораблестроение ушло 3,22 млн, а на ремонт — 2,728 млн рублей¹⁵³. Примерно такими же суммы оставались и в 1819 г. (бюджет министерства — 23 255 246 рублей 78 $\frac{1}{4}$ копейки, из них на кораблестроение 2,9 млн рублей, на ремонт —

2,35 млн рублей¹⁵⁴), в 1920 г. (бюджет министерства 23 116 976 рублей 24¹/₄ копейки, из них на кораблестроение 2,8 млн рублей, на ремонт — 1,95 млн рублей¹⁵⁵) и в 1821 г. (бюджет министерства 23 287 609 рублей 10 копеек, из них на кораблестроение — 2,8 млн рублей, на ремонт — 1,95 млн рублей¹⁵⁶).

Продажа эскадры происходила на фоне тяжелейшего кризиса в Испанских Америках. Преобразования во владениях Мадрида на континентах назрели уже давно. В середине XVI в. здесь проживали от 115 до 120 тыс. европейцев, из которых примерно половина родились в Испании. В начале XIX в. белое население составило 3,2 млн человек, из которых в Испании родились 150 тыс. человек. Общее население составляло 16,9 млн человек. Испанцам рано или поздно пришлось бы поделиться властью. Вторжение Наполеона в Испанию ускорило эти события. В 1809 г. центральная хунта в Севилье провозгласила испанские колонии составной частью монархии с правом представительства в хунте. Кортесы, собранные в 1812 г., провозгласили Испанию и Америку единой нацией. Был также провозглашен демонтаж колониального режима управления, а в колониях с 1808 г. уже началось политическое брожение. После реставрации Бурбоны смогли направить на борьбу с повстанцами значительные силы. В 1814–1816 гг. революционеры понесли ряд тяжелых поражений¹⁵⁷.

Уступка заметной части Балтийского флота вызвала беспокойство в Лондоне, который опасался того, что эти корабли, а возможно, и их экипажи, будут использованы для военных действий в Латинской Америке. Впрочем, эти подозрения были быстро развеяны. 26 октября (7 ноября) 1817 г. граф Х. А. Ливен в разговоре с Р. С. Кэслри дал необходимые разъяснения, свидетельствовавшие, что об участии русских экипажей или каких-либо других военных частей в испанской экспедиции в Латинскую Америку не может идти речи. Как отметил посол, «передавая Испании несколько военных кораблей, Россия вовсе не намеревалась предоставить ей свой флаг»¹⁵⁸. Р. С. Кэслри был удовлетворен разъяснениями и согласился оказать всю необходимую помощь эскадре при ее движении из Кронштадта в Кадис¹⁵⁹. Это было особенно важно, если учесть тот факт, что в Лондоне опасались появления русского военно-морского флага в Средиземном море. Долгое время Р. С. Кэслри опасался и активного вмешательства Священного союза во главе с Россией в борьбу Испании в Латинской Америке¹⁶⁰.

Это были странные страхи. Следует отметить, что с самого начала конфликта Александр I считал, что бедствиям этим не будет конца, «пока судьба колоний будет зависеть, с одной стороны, от пред-

рассудков и привычек, укоренившихся в Мадриде и Кадисе, а с другой стороны — от спекуляций лондонских купцов»¹⁶¹. Россия вообще не сочувствовала военному разрешению спора между американскими подданными испанской короны и Фердинандом VII. 17 (29) ноября 1817 г. русский МИД издал меморандум «О переговорах по поводу Риоде-Ла-Платы и вообще об умиротворении колоний», в котором высказывалось пожелание решить конфликт путем разработки проекта конституционной хартии, так как это был бы лучший путь к примирению и воссоединению колоний с метрополией. Разумеется, этот вопрос признавался исключительно внутренним делом испанской монархии¹⁶².

28 ноября (10 декабря) того же года К. В. Нессельроде инструктировал Д. П. Татищева, русского посланника в Испании, о надеждах, с которыми связывал император посредничество Священного союза в данном вопросе. Само посредничество предлагалось использовать как хороший повод для примирения монарха с подданными, которое не решалось, например, предоставлением амнистии: «Вместо того чтобы испытывать тревогу из-за возможного принятия конституционной хартии, испанскому правительству следовало бы самому воспользоваться этой идеей, чтобы энергично связать Америку с метрополией множеством новых уз, одновременно расстроив все расчеты меркантильного или революционного свойства, имеющие целью создать в Новом Свете благоприятную почву для раздоров и авантюр»¹⁶³.

В тот же день И. А. Каподистрия отправил Д. П. Татищеву разъяснение относительно направления его усилий: «...император желает снова Вам рекомендовать: приобретенное Вашими стараниями доверие должно постоянно использоваться ради единственной цели — приведения в порядок испанских дел воздействием европейского союза, а не благодаря исключительному влиянию России (курсив авт. — О. А.)»¹⁶⁴. Склоняя короля к переговорам дипломатическими средствами, Петербург предложил использовать для той же цели в отношении восставших колоний и принуждение, взяв в качестве примера действия по ограничению работоторговли. Предложения о способах умиротворения Латинской Америки на основе Венских и Парижских соглашений были отвергнуты Лондоном в начале февраля 1818 г.¹⁶⁵ Без одобрения Великобритании ни о каких военно-морских демонстрациях и речи быть не могло. Что до советов Фердинанду VII о способах замирения на основе конституционной хартии, то они были проигнорированы. На Аахенский конгресс испанская дипломатия вновь представила свои соображения об умиротворении колоний. Фактически это была просьба об интервенции, которая была отвергнута¹⁶⁶.

13 (25) декабря 1818 г., вслед за прекращением работы конгресса, И. А. Каподистрия вновь обратился к Д. П. Татищеву с разъяснениями: «Испанский король хочет вооруженного сотрудничества. Подобное условие в принципе не может быть принято Англией в принципе, и, чтобы убедиться в этом, достаточно подумать об особенностях ее правительства. Практически (курсив авт. — О. А.) данное условие также неприемлемо и для других держав»¹⁶⁷. Мадриду было рекомендовано вступить в переговоры с колониями при главном посредничестве Лондона и при участии остальных держав или сделать это напрямую¹⁶⁸. Вместо этого Фердинанд VII начал готовить экспедицию в Латинскую Америку. Война в колониях сопровождалась исключительно высокими потерями — из 42 тыс. уже отправленных туда солдат вернулся лишь каждый десятый¹⁶⁹.

Испания была разорена, в течение пяти лет ее государственный долг вырос на 2 млрд реалов (около 280 млн рублей серебром), испанские государственные облигации потеряли 88% стоимости, акции государственного банка обесценились на 9/10. И правительство, и готовившаяся экспедиция были непопулярны, как и сам монарх, так и не выполнивший свое обещание, данное испанцам в 1812 г., — даровать стране конституцию¹⁷⁰. Вернувшегося в столицу короля приветствовали криками «смерть либералам!», к которым он, безусловно, прислушался. О конституции не могло быть и речи, но зато была восстановлена инквизиция. Фердинанд VII быстро терял поддержку¹⁷¹. В 1814–1819 гг. в Испании произошло девять восстаний, подавленных правительством. Уже в 1816 г. около 50 тыс. человек были арестованы по обвинению в политических преступлениях¹⁷². Тем не менее при поддержке церкви престол еще имел определенное влияние. Испанская деревня продолжала жить традицией, но в городах накапливалось недовольство, которое увеличивалось по мере расширения доносов и репрессий. Экспедиция в Америку была чрезвычайно непопулярна, солдатам долго не платили жалованья. Плохое снабжение и скверные санитарные условия привели к медицинским потерям и недовольству. Возник заговор офицеров, который был раскрыт. Его руководитель генерал А. Квироса был арестован. Более правительство не сделало ничего. 1 января 1820 г. один из батальонов экспедиционной армии во главе с подполковником Р. Риго поднял восстание. Большая часть гарнизона Кадиса осталась лояльной короне, но восставшие освободили арестованных офицеров и выступили в Андалусию¹⁷³.

В первый месяц этого похода мятежники не получили никакой поддержки. В их среде началось брожение, в Мадриде ликовали, Фер-

динанд VII предчувствовал возможность расширения репрессий против настоящих и подозреваемых либералов. Но 20 февраля восстал гарнизон Ла-Коруньи, а вслед за этим восстание быстро охватило Галисию. Волнения начались в Каталонии, Арагоне и Валенсии¹⁷⁴. В течение двух месяцев вся Испания была охвачена восстанием¹⁷⁵. Король ответил на это привычными средствами. 24 февраля (7 марта) 1820 г. русский поверенный в делах в Мадриде сообщал К. В. Нессельроде о массовых арестах и терроре инквизиционных трибуналов¹⁷⁶. «Любой донос, — докладывал он, — принимают без доказательств; утоляют жажду мести и сводят личные счеты; вследствие недостатка тюрем монастыри — эти обители благочестия — стали местом заточения для массы несчастных, которые томятся в тесноте и все вместе, невзирая на различия в общественном положении и степень виновности»¹⁷⁷. Эти действия правительства мало помогали, влияние революционеров в обществе нарастало, и единственный выход из положения русский дипломат видел в амнистии и уравнивании в правах всех подданных испанской короны в Старом и Новом Свете¹⁷⁸.

Армия, направленная против Р. Риего, перешла на его сторону¹⁷⁹. 3 марта она вышла из столицы, а уже 4 марта в полку императора Александра I начался мятеж. 7 марта 1820 г. король принял обещанную еще в 1812 г. конституцию и назначил выборы в кортесы. Убежденным противником уступок оставался только инфант дон Карлос. Жители Мадрида вышли на улицы с призывами его изгнания, они разгромили дворец инквизиции и сожгли найденные там орудия пыток¹⁸⁰. 9 июля кортесы были собраны и начали действовать, методично уничтожая старый, основанный на привилегиях строй. Выступая против деспотизма короля, революционеры, однако, существенно расходились во взглядах на дальнейшие действия, что не замедлило сказаться в противоречиях их внутренней политики. В сущности, они могли прочно полагаться только на армию, или, точнее, на ту ее часть, которая шла за либерально настроенными офицерами.

Военная революция в Испании отозвалась во Франции 13 февраля 1820 г. убийством герцога Беррийского, которого заколол кинжалом простой горожанин¹⁸¹. Новости из Испании быстро пришли и в Италию. Особенно тяжелое положение сложилось на Сицилии и в Неаполе. На острове хозяйничали бандиты, их число доходило до 30 тыс. человек, правительство не могло справиться с ними и вынуждено было договариваться с предводителями крупных отрядов. Бывшие солдаты И. Мюрата были уволены из армии, отданной под командование австрийскому генералу, и вынуждены были или побираться, или пополнять кадры

грабителей. Недовольство нарастало¹⁸². 2 июля 1820 г. началась военная революция в Неаполе, его король вынужден был принять конституцию¹⁸³. Волнения начались и в Северной Италии. В августе 1820 г. аналогичное испанскому по программе и происхождению восстание началось в Португалии. Революции, начавшиеся в 1820 г. в Испании и Неаполитанском королевстве, стали причиной созыва следующего конгресса Священного союза. Инициатором встречи стала Австрия, канцлер которой князь К. Меттерних опасался ослабления влияния Габсбургов в Северной Италии.

Конгресс проводился в Троппау (совр. Опава, Чехия) в октябре — декабре 1820 г. и Лайбахе (совр. Любляна, Словения) в январе — марте 1821 г. Полномочными представителями России на конгрессах были К. В. Нессельроде и И. А. Каподистрия. Позиции последнего явно ослабели, чем активно старался воспользоваться К. Меттерних, мечтавший о его отстранении. Австрийский канцлер убеждал императора в излишнем либерализме его дипломата¹⁸⁴. Как вспоминал о периоде 1815–1818 гг. А. А. Чарторыйский, «либеральные идеи были еще окружены для нас ореолом, который побледнел при последующих опытах их применений»¹⁸⁵. Красивые идеи не прошли испытания на практике. В 1820 г. произошла резкая перемена во взглядах императора, окончательно разочаровавшегося в либеральных идеалах своей молодости. Встретив известие о начале испанской революции спокойно, Александр I с явным неудовольствием смотрел на то, как начавшиеся с принятия конституций процессы выходят из-под контроля и в Испании, и в Неаполе, ведя к хаосу гражданской войны и усилению радикальных элементов. Известие же о том, что неаполитанские карбонарии в своих прокламациях заявили о поддержке их движения со стороны русского монарха, просто повергло его в шок¹⁸⁶.

Отправляя генерал-адъютанта графа П. А. Шувалова во Францию со словами соболезнования по поводу убийства сына короля, Александр I в инструкции от 10 (22) апреля 1820 г. отмечал: «При взгляде на настоящее положение Европы глубокое чувство скорби овладевает всяким человеком, одушевленным любовью к ближним. И если от действий обратиться к причинам, если от изучения зла обратиться к рассмотрению средств к исправлению оно, то это чувство приобретает новую силу. Европа страдает: ее, увлеченную попеременно побуждением двух противоположенных движений, все как бы толкает к неизбежной катастрофе. В 1815 г. общее недовольство было печальным результатом двадцатилетней войны и бедствий. Между тем, когда эта война была окончена, те, которые остановили эти опустошения, основатель-

но могли верить в лучшую будущность. Прошое столетие оставило великие и поучительные примеры как народам, так и правительствам. Как те, так и другие чувствовали необходимость извлечь из них пользу, а чтобы извлечь пользу из примеров несчастья, необходимо было время, то есть продолжительный и общий мир. Этот мир, предмет всех желаний и надежд, был им дарован. Правительства соединились охранительным договором братского союза. Они обеспечили неприкосновенность взаимных прав, и, уверенные в полной внешней безопасности, они могли посвятить себя, как было решено с общего согласия, улучшениям, требуемым состоянием стран, счастье которых было введено им Провидением. Таким образом, при помощи счастливого спокойствия, опыта и правил христианской религии должно было постепенно совершиться восстановление общественного порядка в обеих частях света. Гений революции, испуганный такими последствиями, употреблял все усилия и употребляет их еще и теперь, чтобы сделать его невозможным. С одной стороны, он раздражает раны, еще не закрывшиеся после долгих несчастий, в жизненных частях государств, с другой — отравляет средства, которыми благотворная умеренность силится смягчить и закрыть эти глубокие язвы. Вот в чем, кажется, причина всего, что происходило горестного во всех частях Европы с 1815 г. как в политическом отношении, так и в административном»¹⁸⁷.

По свидетельству К. Меттерниха, в начале августа 1820 г. Александр I заявил ему буквально следующее: «С 1814 г. я ошибался относительно общественного настроения; то, что я считал правильным, я сегодня нахожу ложным. Я делал много зла, но я постараюсь его исправить»¹⁸⁸. 1 (13) сентября 1820 г. был издан указ о новом рекрутском наборе по четыре человека с 500 ревизских душ по всей империи. Вновь на повестку дня становился вопрос о подготовке к войне, тот самый вопрос, появление которого хотел с помощью Священного союза сделать невозможным император¹⁸⁹. Необходимо отметить, что сам он отнюдь не стал симпатизировать абсолютизму и реакции, но все больше склонялся к мысли о неизбежности ужесточения своей политики, и внешней, и внутренней. Эти настроения увеличивались буквально с каждым месяцем, по мере того как Александр I убеждался в том, что его политика заходит в тупик.

Завышенные ожидания часто завершаются острым разочарованием. Совсем недавно перспективы казались самыми радужными. Варшавская пресса ожидала превращения своего края «в скором времени в страну блаженную»¹⁹⁰. 3 (15) ноября 1819 г. император назначил выборы в сейм на следующий год¹⁹¹. Александр I передал инструкции

генералу И. Зайончеку — не допускать вмешательства правительства в выборы. Монарх надеялся избежать крайностей: «Если, с одной стороны, для совещательного собрания до крайности опасно иметь в своей среде лиц, которые, забывая святость своего назначения, являются в собрание, по разным причинам, с предвзятым заранее стремлением порицать безусловно все меры правительства, нападать с ожесточением на все меры администрации и льстить непременно толпе, унижая авторитет власти, то, с другой стороны, ничто так сильно не извращает сущность представительного учреждения, не парализует его благотворные последствия и не вводит в заблуждение само правительство, как законодательное собрание, составленное из лиц, которые, желая казаться приверженцами и друзьями правительства, считали бы своей обязанностью рукоплескать всему, предпринимаемому правительством, проявлять полную готовность принимать все, им предлагаемое, добиваться его благорасположения неуместными льстивыми похвалами и считать волю и желание правительства единственным своим руководителем при подаче своего голоса»¹⁹².

В 1819 г. в Царстве Польском было основано тайное общество «Национальное масонство», которое начало подготовку заговора против монарха. Пропаганда заговорщиков набирала силу¹⁹³. Выборы депутатов сейма 1820 г. в ряде мест сопровождались беспорядками, новый состав польского парламента заполнялся оппозицией¹⁹⁴. На сеймиках спаивали избирателей, дело доходило до стычек противников, иногда доходивших до такого уровня, что И. Зайончек был вынужден высылать для успокоения страстей войска. 8 (20) июля был назначен день созыва сейма — 1 (13) сентября 1820 г.¹⁹⁵ «Представители Царства Польского! — заявил император при открытии сейма. — Явите отечеству вашему, что, сильные вашей опытностью, вашими правилами и чувствами, вы умеете соблюдать под сенью законов спокойную независимость и чистую свободу; явите вашим современникам, что сия свобода является другом порядка и его благих последствий и что вы пожинаете плоды ее потому, что сумели и всегда будете уметь противостоять наущениям недоброжелательства и опасностям примера. В одних местах пользование учреждениями и злоупотребление ими были поставлены на один уровень; в других местах, возбуждая мнимую потребность к раболепному подражанию, дух зла пытается приобрести снова свое пагубное владычество; он парит уже над частью Европы и увеличивает число злодеяний и пагубных происшествий. Посреди сих бедствий система правительства моего останется неизменной. Я почерпнул ее начала во внутреннем убеждении своих обязанностей»¹⁸⁶.

Свои надежды монарх возлагал на то, что избранники Царства Польского покажут пример «благоразумия и умеренности»¹⁹⁷. Сейм в ответ отклонил почти все предложенные правительством законопроекты после ряда весьма резких оппозиционных речей¹⁹⁸. 1 (13) октября, уже закрывая заседания, Александр I все же счел необходимым высказаться примиряюще¹⁹⁹. «Воздерживаюсь в настоящее время судить о причинах, по которым вы не приняли проектов, имевших назначением своим пополнить общую систему вашего законодательства. Предоставляю согражданам вашим решить, руководились вы при подобной подаче голосов единственным желанием доставить законам, долженствующим руководить вами, те усовершенствования, которые могут быть достигнуты более зрелым и более подробным их рассмотрением, или какими-либо иными соображениями. Представители Царства Польского! Я расстаюсь с вами, но и вдали от вас буду заботиться о благосостоянии вашем с одинаковым постоянством, с одинаковой попечительностью; единым предметом желаний моих будет, чтобы учреждение, мною вам данное, было закреплено умеренностью вашей и оправдано примером вашего счастья»²⁰⁰.

Эта речь произвела самое серьезное впечатление. Многие депутаты понимали, что следующий созыв сейма произойдет не скоро²⁰¹. Позже, при встрече с делегацией сейма, император заявил, что конституция была дана не для того, чтобы депутаты старались стеснить его власть²⁰². 22 декабря 1820 г. И. Зайончек докладывал императору, что в восьми палатинатах¹ царства были составлены адреса для передачи монарху с выражением верноподданнических чувств и осуждением депутатов на сейме. Еще один палатинат — Калишский — оправил делегацию с осуждением своих избранников в Петербург²⁰³. Последствия этих событий вышли далеко за рамки разногласий парламента и короны. На самом деле император действительно пришел к выводу, что конституция 1815 г., на которую он смотрел как на опыт, оказалась опытом неудачным. Не короновавшись в Варшаве и, следовательно, не присягнув дарованной им конституции, Александр I сохранял за собой право ее отмены или изменения. До мая 1825 г. сейм не созывался²⁰⁴.

Из Варшавы император отбыл в Троппау, где его взгляды и настроения продолжили меняться. Первоначально русская дипломатия попыталась возражать против принципа применения силы в Неаполе. 14 (26) октября И. А. Каподистрия и К. В. Нессельроде представили императору совместный доклад о первой своей беседе с К. Меттернихом.

¹ В данном случае избирательные округа в воеводствах, где проводились сеймики, на которых избирались послы (депутаты) в сейм.

Тот с самого начала выступил за интервенцию, сославшись на просьбы Фердинанда IV: «Прочтите письма, которые пишет нам король. Он заявляет в них, что является пленником и что ни один из актов, утвержденных после июля, не выражает его воли»²⁰⁵. К. В. Нессельроде отказался считать неизбежным применение силы: «Хотя эти заявления и важны, но все же придется признать, что в глазах своего народа неаполитанский король прибегнул бы к иностранной вооруженной силе, чтобы править в своих владениях. Если ныне он зависит от сектантов, то тогда будет зависеть от австрийской армии. Подобное положение никоим образом не может обеспечить ему необходимых условий для восстановления его монархии»²⁰⁶. Русские дипломаты предложили ограничиться мерами «моральной поддержки»²⁰⁷. 17 (29) октября император согласился на «коллективные моральные действия» в отношении Неаполя и применение силы в случае их неудачи²⁰⁸. Это была уступка, но не отказ от своих взглядов. Вскоре они начали меняться, причем только в сторону ужесточения.

Немаловажную роль в этом также сыграло и возмущение в Петербурге 16–18 (28–30) октября 1820 г. солдат лейб-гвардии Семеновского полка, шефом которого был сам император. Александр I лично отбирал солдат и офицеров для своего любимого полка, часто носил семеновский мундир. Долгое время это был образцовый во всех отношениях полк, из которого были изгнаны не только телесные наказания, но даже и сквернословие. Вместе с тем дисциплина в полку действительно расшаталась, командир и многие офицеры халатно относились к исполнению своих обязанностей. Гвардию в этот период вообще постепенно стягивали обычной дисциплиной мирного времени, от которой доставалось и офицерам. Вместе с этим вновь насаждались плац-парадное искусство строя и всяческие смотры. В 1819 г. командование Семеновского полка было сменено, началась муштра, быстро доведенная до уровня даже по тем временам бессмысленной жестокости²⁰⁹.

Новый командир полка был креатурой А. А. Аракчеева, сухим и чуждым духу полка человеком, у которого имелась, пожалуй, единственная положительная черта — бескорыстие в отношении казенных денег. Храбрый человек, хорошо знавший фронтную службу, полковник Шварц плохо говорил по-русски, что не упрощало его общение с подчиненными. Большую часть времени он прослужил в армии, где нравы и привычки существенно отличались от гвардейских. Это часто вело к недоразумениям²¹⁰. Службистом он был жестким и «за малейшую ошибку осыпал офицеров грубыми словами, рядовых палочными ударами, все страдало нравственно и физически»²¹¹. Доведенные издева-

тельствами до бунта солдаты в течение двух дней отказывались подчиняться кому бы то ни было. Офицеры полка не проявили себя активно, что вызвало особое недовольство командования. В результате полк был разоружен под угрозой применения оружия и целиком отправлен в Петропавловскую крепость, после чего разослан побатальонно в Кронштадт, Свеаборг и Псков²¹².

Известие об этой истории Александр I получил в Троппау, но первый сообщил ему об этом К. Меттерних. Русский курьер ротмистр П. Я. Чаадаев задержался в дороге, и австрийская связь оказалась более надежной и быстрой²¹³. Канцлер немедленно заговорил с императором об измене, которая оплела своими сетями всю Европу. После приезда русского курьера Александр I сразу же поделился своими мыслями с австрийским канцлером. «Царь полагает, — отметил К. Меттерних, — что должна быть какая-нибудь другая причина для того, чтобы три тысячи русских солдат решились на поступок, так мало согласующийся с народным характером. Он доходит до того, что воображает, что никто иной, как радикалы, устроили все это, чтобы застрашать его и принудить вернуться в Петербург; я не разделяю его мнения. Превосходило бы всякую меру вероятия, если бы в России радикалы уже могли располагать целыми полками, но это доказывает, насколько император изменился»²¹⁴.

В таком же духе были выдержаны и рекомендации Александра I командующему гвардией — быть бдительным и внимательным, воздержаться от применения физических наказаний по отношению к солдатам²¹⁵. Расследование, проведенное начальником штаба Гвардейского корпуса генерал-майором А. Х. Бенкендорфом²¹⁶, пришло к выводу, что причиной случившегося были действия командира полка и что возмущение семеновцев направлено исключительно против него. Однако эти доводы не были приняты императором²¹⁷. Приказом Александра I по армии от 2 (14) ноября 1819 г., изданном в Троппау, командир полка был отдан под суд, офицеры переведены в армию. Об отношении императора к случившемуся можно судить по тому, что приказ был написан им собственноручно²¹⁸. Александр I почти сразу же пришел к решению. После случившегося он не мог уже доверять прежнему составу полка и не скрывал этого²¹⁹.

Полк был раскассирован: «Святость законов и честь имени Российской армии требуют, дабы состав полка, оказавшего столь нестерпимое своеволие, был уничтожен. В следствие чего с непоколебимой решимостью, но с душевным сокрушением и не останавливаясь чувством личной Моей привязанности к сослуживцам, по необходимости долга на Мне лежащего, повелеваю: всех нижних чинов лейб-гвардии

Семеновского полка распределить по разным полкам армии, дабы они, раскаясь в своем преступлении, потщились продолжением усердной службы загладить оное. Виновнейшие же и подавшие пагубный пример прочим преданы уже военному суду и получают должное наказание по всей строгости законов»²²⁰. Император был искренен в своей подозрительности. Ту же версию событий, которой он поделился с австрийским канцлером, Александр I изложил 5 (17) ноября и в письме к А. А. Аракчееву²²¹. Подозрительность и разочарование во вчерашних убеждениях проявились и во внешней политике императора. Он стал гораздо более внимателен к предложениям К. Меттерниха²²². Сам канцлер считал, что таким образом ему удалось обеспечить поддержку со стороны России своей политике активной борьбы с революцией²²³. К. Меттерних не без оснований утверждал, что Александр I «был человеком слова, легко принимал на себя все обязательства, вытекающие из данного направления его мысли»²²⁴.

19 ноября 1820 г. Австрия, Пруссия и Россия подписали в Троппау протокол, в котором заявлялось: «Государства, входящие в состав Европейского Союза, которые во внутреннем устройстве подверглись вследствие мятежа изменениям, угрожающим своими последствиями другим государствам, этим самым перестают составной частью сказанного союза и останутся изъятыми до тех пор, пока их положение будет представлять гарантии законного порядка и прочности»²²⁵. Вслед за этим был провозглашен следующий принцип действия: «Если государства, в которых подобным образом совершатся такие перемены, возбудят в других странах опасения неизбежной опасности по своему близкому соседству и если союзные державы будут в состоянии иметь на них серьезное и благодетельное воздействие, они употребят для возвращения их в среду союза предварительно дружественные усилия, а затем принудительную силу, если употребление этой силы оказалось бы неизбежным»²²⁶.

Таким образом провозглашалось право подавления революционных выступлений в какой-либо стране без приглашения ее правительства. 10 (22) ноября император Александр I написал Васильчикову: «Согласие, союз между Государями и Кабинетами полные»²²⁷. Франция и Англия отказались признать этот «принцип вмешательства», но не стали протестовать против него. К. Меттерних был в восторге. Он относился к событиям в Неаполе предельно серьезно. «Мир находится или накануне своего спасения, — писал он, — или на пороге пропасти, готовой его проглотить»²²⁸. Теперь для беспокойства не было причин. По отношению к Королевству обеих Сицилий уже в протоколе 19 ноя-

бря было принято решение оккупировать его австрийскими войсками вне зависимости от того, будут ли успешны «дружественные действия». Речь уже шла только о том, будет ли оккупация мирной или нет. Фердинанд IV был извещен об этом решении²²⁹. 9 (21) ноября в Неаполь было отправлено письмо, приглашавшее его монарха в Лайбах, при этом подчеркивалось, что если парламент не отпустит короля, то союзники применят силу²³⁰. Подданные явно не доверяли Фердинанду IV, и поэтому его отъезд затягивался. 30 ноября (12 декабря) Александр I обратился к папе римскому, предложив ему выступить в качестве посредника и содействовать приезду короля на конгресс²³¹.

Фердинанд IV направил в парламент послание, в котором благодарил Бога за то, что тот украсил его старость мудрыми советниками, и поклялся в верности конституции. Текст зачитал принц-наместник Франциск, в свою очередь поклявшийся в верности королю и «благу нации»²³². Уже в январе 1821 г. Фердинанд IV появился в Лайбахе, в королевстве остался регентом Франциск. Фердинанд IV немедленно нарушил свою присягу и 7 (19) января 1821 г. обратился к участникам конгресса с просьбой об интервенции. Итальянские государства безусловно поддержали решения конгресса. Исключение составил папа римский, который предпочел сослаться на свой нейтралитет²³³. Накануне начала работы конгресса Александр I получил мемуар К. Меттерниха, в котором излагалась следующая программа действий: «Пусть правительства управляют; пусть авторитет не впадает в иллюзии: он ничего без власти. Управляя, правительства фактически будут улучшать положение вещей. Но пусть они не меняют ничего в основах, на которых они покоятся; пусть они действуют, но не уступают...»²³⁴

Неаполитанские Бурбоны вызывали у Александра I чувство сильнейшего презрения, но он считал необходимым подавить революцию. При этом император надеялся на возможность проведения вслед за этим определенных реформ, так как считал важным истребить и причины, вызывающие потрясения. Одним из неперемennых условий успеха будущих действий он считал сохранение независимости короля от его покровителей. В инструкции, данной 18 февраля (2 марта) 1821 г. назначенному послом при особе Фердинанда IV генерал-адъютанту графу К. О. Поццо ди Борго, Александр I писал: «Союзные державы предпринимают вмешательство в смуту, охватившую ныне Неаполитанское королевство, не для того, чтобы чинить короне препоны в осуществлении ее прав, а напротив, дабы вернуть королю полную свободу и способность сделать счастливой жизнь своих народов. Эти державы оказывают ему поддержку, подкрепляют его законодательную власть

европейской гарантией в виде оккупационной армии не для того, чтобы навязывать этому монарху законы, устанавливая которые может и должен он сам, но дабы он мог избавить свою нацию от притеснительной и антиобщественной власти сект»²³⁵.

Выполнить последнюю задачу было довольно просто. Бурбоны после своего восстановления в Неаполе передали управление армией в руки австрийцев, которые в течение четырех лет провели пять масштабных преобразований, в основном нацеленных на экономию и освобождении армии от подозрительного элемента, то есть людей, служивших под знаменами Наполеона²³⁶. Что касается нового неаполитанского правительства, то оно сразу же столкнулось с проблемой революции на Сицилии. 18 июля 1820 г. в Палермо было создано собственное временное правительство, которое потребовало сначала автономии, а затем независимости острова. В ответ правительство Неаполя отправило на остров лучшие свои войска, которые подавили сопротивление и поставили Сицилию под контроль²³⁷.

Результатом всех этих действий стала путаница в управлении армией и наспех созданной национальной гвардией. Регулярные части — 25 тыс. пехотинцев и 2 тыс. кавалеристов — были ненадежны и быстро разбежались после первых столкновений с 43-тысячной армией австрийских ветеранов²³⁸. «Австрийцы, — гласил русский обзор кампании, — после двух небольших стычек при Риети и Луго никак не могли остановить бегства неаполитанских героев свободы и вступили в Аквилу 10 марта, не найдя занятыми ни одного из важных постов. Сим кончилась война не только в Абруцце¹, но и во всем Неаполитанском королевстве»²³⁹. Революции в разных частях Европы, волнения и пропаганда конституционных реформ — все это лишь усиливало подозрительность окружения императора и их убежденность в том, что происходящее — результат всеобщего заговора, опутавшего своими сетями континент²⁴⁰.

12 (24) марта 1821 г. австрийцы вступили в Неаполь, а королевство было оккупировано ими. По настоянию Александра I протокол конгресса обеспечивал неприкосновенность этого государства и возможность для его короля даровать конституцию²⁴¹, чего Фердинанд IV Бурбон так и не сделал. В королевстве начались массовые казни революционеров и тех, кого подозревали в сочувствии к ним. Вслед за походом австрийцев на юг Италии волнения начались и на севере полуострова, в королевстве Пьемонт. 12 марта 1821 г. революционеры овладели Туринном, король Виктор Эммануил I вынужден был отречься, регент

¹ Область в Центральной Италии, центром которой является город Аквила. Здесь стоял один из двух корпусов неаполитанской армии.

принц Карл Альберт принужден даровать конституцию²⁴². Известие об этом произвело в Лайбахе такое же впечатление, как в 1815 г. новость о бегстве Наполеона с острова Эльба в Вене. Александр I убедился в правоте К. Меттерниха и в необходимости противопоставить революции силу. Был даже отдан приказ о выступлении 100-тысячной русской армии в поход в Северную Италию²⁴³.

В Лайбахе опасались, что своих сил для восстановления порядка Вене не хватит и ее войска окажутся между двух огней. Возможный успех революции заставлял думать об угрозе стабильности Франции и Германии²⁴⁴. Впрочем, этот успех не был долгим, австрийцы были достаточно сильны, чтобы с успехом действовать и на юге, и на севере Апеннин. 8 апреля их войска вошли в Турин и оккупировали Пьемонт. Новый король Карл Феликс, получивший свой трон благодаря австрийским штыкам, заключил с Веной договор, продливший оккупацию вплоть до 1823 г.²⁴⁵ Пьемонтские либералы бежали в Геную, а оттуда в Швейцарию и Францию, а также Испанию и Грецию, где продолжали сражаться за свои идеалы²⁴⁶.

В разгар итальянского кризиса в Лайбах пришло известие о начале греческого восстания. Еще в ходе Венского конгресса греки пытались обратить внимание его участников на свою участь, кроме И. А. Каподистрии в этом участвовали братья Ипсиланти и А. С. Стурдза, который подал Александру I записку о восстановлении Греции, принятую императором благосклонно, но позиция Австрии и Англии исключала тогда возможность поднять греческий вопрос. Теперь под руководством князя Александра Ипсиланти, флигель-адъютанта Александра I, участника войны 1812 г. и Заграничных походов русской армии, вспыхнуло восстание. Князь принадлежал к древней и богатой греческой фамилии.

Греческое восстание 1821 года и его влияние на внешнюю политику Александра I. Тупик

Возмущение началось в вассальных владениях Османской империи — Дунайских княжествах Молдавии и Валахии, на престолах которых султан предпочитал видеть греков-фанариотов. Они считались наследниками византийской аристократии. На самом деле это были представители поднявшихся при османах родов — эллинизированные потомки албанцев, лазов, валахов, молдаван¹.

В Дунайских княжествах фанариоты ставились в противовес местной феодальной знати — боярам. Такая практика началась в Молдавии после 1711 г. и в Валахии после 1716 г. В какой-то степени на это повлиял Прутский поход Петра I и переход на сторону русских молдавского господаря Дмитрия Кантемира. С 1711 по 1821 г. 11 фанариотских семей представили кандидатов для 74 правлений в княжествах, при этом средняя продолжительность одного княжения равнялась 2,5 годам. Правителями чаще всего были представители нескольких родов: Маврокордато, Раковица, Гика, Суцо, Мурузи, Маврогени, Караджа, Ипсиланти. Правление фанариотов, прежде всего заинтересованных в получении и удержании власти, сопровождалось многочисленными злоупотреблениями и было весьма тяжелым для местного населения².

Сыном и внуком таких господарей был князь А. К. Ипсиланти, имевший основания к личной неприязни по отношению к туркам, казнившим его деда. После бегства его отца в Россию он воспитывался и получал образование за счет государства (Александр I выделил для этой цели пенсию 12 тыс. рублей в год, которая потом была закреплена за ним пожизненно³) и сделал блестящую карьеру. Восстание было подготовлено тайной организацией «Филики Этерия» («Общество друзей»), основанной в 1814 г. Николаем Скуфасом, конторщиком торгового дома в Одессе. Образцом послужили масонские кружки⁴. Общество было немногочисленно, однако имело массу сторонников среди греческих общин в городах русского Причерноморья. Попытки найти сторонников в Париже, Марселе, Лондоне успехом не увенчались. Несколько лучше дело обстояло на юге. Общество получило одного члена в Вене, пятерых в Неаполе, двух в Триесте и одного в Пизе⁵.

Для того чтобы сделать свою пропаганду более эффективной, в 1818 г. руководители избрали «12 апостолов», каждый из которых возглавил область от Египта до Балкан для вербовки членов. В отдельные области были выделены Италии и Россия⁶. 479 членов общества были купцами (53,7%), 117 — «профессионалами» (11,7%), 85 — лицами духовного звания, из них три митрополита и восемь епископов (9,5%), 78 военных, из которых 15 находились на русской, восемь на британской службе, остальные были лидерами вооруженных полулегальных отрядов (8,7%). Меньше всего было крестьян — шесть человек (0,6%)⁷. «Филики Этерия» была построена по образцу и подобию масонских лож и имела восемь степеней посвящения: 1) побратимы; 2) порученные; 3) иереи; 4) пастыри; 5) архипастыри; 6) посвященные; 7) начальники посвященных; 8) тайная высшая власть. Основатели посвятили себя

в 7-ю степень, 8-я долгое время оставалась вакантной, но казалась занятой. Начальники посвященных намекали, что ее занимает «один из европейских государей». Намек был прозрачен⁸. Для придания ему большей убедительности иногда во главе организации ставили графа И. А. Каподистрию и всегда говорили о благословении, полученном от патриарха Константинопольского. Все это было неправдой, которая весьма успешно помогала заговорщикам⁹.

Параллельно с «Филики Этерия» существовало и «Филомузос Этерия» («Общество муз»), созданное в 1813 г. Центром «Филомузос Этерия» стали Афины, одним из основателей его был И. А. Каподистрия. Общество ставило перед собой задачу распространения образования и пользовалось покровительством и щедрыми пособиями Александра I¹⁰. Общество имело около 80 тыс. членов, его средства хранились в Мюнхене, поскольку король Баварии был известным филэллином и тоже покровительствовал грекам¹¹. Император преследовал исключительно цели просветительского характера, о чем предупреждал его участников И. А. Каподистрия¹². На гербе «Филомузос Этерия» были изображены сова (символ мудрости) и кентавр Хирон (учитель и воспитатель множества героев Эллады), держащий на руках младенца¹³. «Филики Этерия» установила контакт с проживавшим в Бессарабии Карагеоргием, надеясь с его помощью получить поддержку в обескровленной в результате действий турок Сербии. Бывший руководитель восстания жил в надежде вернуться¹⁴. Милош Обренович отказал заговорщикам в поддержке, и гетеристы ненавидели его¹⁵. Несчастливая страна только что пережила тяжелейший период после подавления восстания 1804–1813 гг.

«Турки продолжают изо дня в день безжалостно обращаться с сербами, — докладывал Александру I К. В. Нессельроде в начале января 1815 г. — Они полностью опустошили многие округа, вырезали всех мужчин, а женщин и детей увели в рабство. Каждый день в Белграде совершаются самые зверские казни. Достойных людей, переживших прошлые бедствия своей родины, одного за другим сажают на кол у ворот города. Эти варвары доходят до зверств, вызывающих содрогание и не поддающихся описанию. Множество женщин и детей обоего пола были изнасилованы... Истребляя остатки сербского населения, турки обеспечивают себя от диверсий на случай войны»¹⁶. В ходе Венского конгресса русская дипломатия попыталась поднять вопрос о положении дел в Сербии и привлечь внимание европейцев к тем ужасам, которые совершали в стране османские власти¹⁷.

«Под скипетром Порты находятся люди двух совершенно различных категорий, — гласил текст специальной записки по сербскому вопросу, составленной в русском МИДе в начале февраля 1815 г. для обращения к участникам конгресса. — Первая состоит из магометан, являющихся ее подданными, вторая охватывает христиан, являющихся лишь ее данниками. Последние, о которых идет сейчас речь, не связаны никакой присягой на верность и даже имеют право по своему желанию непосредственно вступить в подданство той или иной европейской державы. Все эти державы осуществляют через своих послов в Турции неограниченную юрисдикцию в отношении своих подданных и с согласия Порты применяют все атрибуты суверенной власти. Исходя из этих соображений, нельзя поставить под сомнение следующее: 1) между турецким правительством и христианами существуют отношения, весьма отличные от тех, которые связывают европейцев с их правительствами; 2) из этого следует, что европейские державы, осуществляя законное вмешательство в пользу христиан, имеют право совместно их защищать и протестовать против всякого массового насилия, чинимого в отношении их религии и национальности»¹⁸.

К сожалению, эта попытка организовать совместное выступление в защиту Сербии не имела успеха. Средневековые зверства, вообще весьма характерные для турецкой власти того времени, не смогли тем не менее обеспечить им спокойствия на завоеванной вновь, как казалось многим в Константинополе, территории. 11 (23) апреля 1815 г. там началось Второе восстание, которое возглавил Милош Обренович. Поставив под контроль значительную часть страны, он вступил в августе 1815 г. переговоры с румелийским пашой Марашли-Али, надеясь на заключение мира на приемлемых для всех условиях¹⁹. В том же направлении действовала и русская дипломатия. Находясь в Париже, Александр I встретился с турецким поверенным в делах в этой стране и в разговоре с ним высказался в поддержку сербов, намекнув на возможность пойти в ответ на уступки в вопросе о проведении русско-турецкой границы в Азии²⁰. 17 (29) ноября 1815 г. А. Я. Италинский сообщил из Константинополя о положительной реакции на эту инициативу, добавив при этом, что турецкая сторона, не считая себя больше связанной в отношении сербов обязательствами Бухарестского мира, тем не менее начала с ними переговоры. Сербские делегаты конфиденциально известили русского посла о том, что надеются на достижение успеха в ближайшем будущем²¹.

25 октября (6 ноября) М. Обренович достиг устной договоренности с Марашли-Али, который стал к этому времени уже одновремен-

но румелийским и белградской пашой, о совместном турецко-сербском управлении в Белградском пашалыке. Была образована «Народная канцелярия», в состав которой входили 12 сербских *кнезей* и которая представляла высший административный и судебный орган власти сербского народа. Одновременно была достигнута устная договоренность о признании М. Обреновича первым среди равных сербских *кнезей*, то есть фактически верховным старостой Сербии. В русских дипломатических документах, адресованных к нему, использовалось обращение «верховный вождь сербского народа». Сербская администрация получила право самостоятельно собирать налоги, кроме того, для христиан вводился совместный турецко-сербский суд. Кнез и муселим (представитель османской администрации) совместно осуществляли его в центрах *нахий* (областей)²². 21 ноября (3 декабря) 1815 г. султан объявил фирман, которым значительно снизил налоги, однако официального признания М. Обреновича так и не последовало.

Весной 1816 г. император решил отозвать А. Я. Италинского из Турции, заменив его своим особо доверенным лицом — бароном Г. А. Строгановым. 20 мая (1 июня) 1816 г. дипломат получил исчерпывающие инструкции: «Россия, как и все европейские государства, нуждается теперь в спокойствии. Великие жертвы, принесенные ради мира, которым наслаждается теперь все человечество, не дали бы пользы народам, если бы *несправедливая война* на Востоке снова привела в действие и ввела практику *право сильного* (курсив авт. — О. А.). Самые разнородные политические интересы слились бы воедино, все державы ополчились бы против России, чтобы поддержать Оттоманскую империю или вызвать осложнения во Франции, Германии, Нидерландах, что сразу отвлекло бы внимание России и вынудило бы ее разделить свои военные силы. Если *несправедливая война* в Турции оправдала бы подобную реакцию на действия России, то и самая справедливая война вызвала бы сейчас точно такую же реакцию, хотя и совершенно неоправданную»²³. В связи с этим задачи, поставленные МИДом перед Г. А. Строгановым, были просты по форме и весьма сложны при исполнении: он должен был избегать всего, что могло привести к «*несправедливой*» войне, но не оставлять на произвол судьбы христиан, живущих под властью султана²⁴.

Разъяснить очевидное противоречие должен был рескрипт Александра I, данный им 30 июня (12 июля) 1816 г. новому послу в Турции: «Мои намерения в отношении Порты миролюбивы, и они останутся таковыми, пока у нее *будет желание или возможность по собственной воле* (курсив авт. — О. А.) поддерживать добрососедские

и истинно дружеские отношения с Россией»²⁵. Император больше не намерен был терпеть нарушения условий Бухарестского мира и в отношении сербов, и в отношении валахов и молдаван. «Мир будет реальным и прочным, — гласил рескрипт, — когда обе державы проявят одинаковую законную заинтересованность в поддержании его нерушимости»²⁶. Прибыв в Константинополь, Г. А. Строганов немедленно приступил к действиям. 23 января (4 февраля) 1817 г. он вручил раис-эфенди (министру иностранных дел) памятную записку с изложением русских требований. В отношении Сербии они сводились к следующим пунктам: 1) сокращение налогов наполовину ввиду разорения страны; 2) сокращение гарнизонов турецких крепостей «до размеров, не представляющих угрозы для безопасности сербского народа», отказ от планов размещения мусульманского населения в Сербии; 3) неприкосновенность прав сербского народа, «он должен иметь право избирать своих вождей»; 4) гарантии со стороны всероссийского императора в урегулировании сербского вопроса; 5) размещение в Белграде русского дипломатического представителя, под наблюдением которого будет находиться точное соблюдение Портой своих обязательств; 6) учреждение в Константинополе поста представителя сербского народа «с правом охранять интересы своей страны» и свободного общения с русским посольством²⁷.

Кроме того, посол требовал соблюдения автономии Дунайских княжеств, возвращения захваченных у местных владельцев земель, прекращения практики введения новых повинностей и отказ от мер, ограничивающих торговлю²⁸. 12 (24) марта Г. А. Строганов вручил турецкому правительству ноту протеста против попытки разоружения сербов в нарушение условий договора 1812 г.²⁹ 15 (27) сентября 1817 г. русский посол вновь отправил турецкому правительству ноту с требованием строгого соблюдения 8-й статьи Бухарестского мира 1812 г. Не ограничиваясь на этот раз протестами, Петербург хотел получить и заверенную информацию о том, «как строго соблюдаются предоставленные сербам привилегии»³⁰. Приблизительно в то же время, в сентябре 1817 г., Карагеоргий с поддельным паспортом прибыл в Сербию. Еще в 1808 г. один из русских журналов писал: «Черный Георг — человек грубый, необразованный, несведущий — имеет деятельный и благородный дух. Судьба Сербии лежит на его сердце; он не пощадит жизни для блага своей нации»³¹. Эти слова подтвердились.

Карагеоргию для жительства был определен Новомиргород Екатеринославской губернии, но он добился разрешения остаться проживать в Бессарабии, в Хотине³². Здесь, в местности, получившей название

Славено-Сербия, еще с 1754 г. расселяли сербов, перебравшихся в Россию из Венгрии³³. Навестивший вождя восстания современник заметил: «Это погасший вулкан, готовый ежеминутно вспыхнуть»³⁴. Очевидно, этого же опасался и Милош Обренович. Беспокоясь о возможности приезда Карагеоргия в Сербию, М. Обренович обратился с письмом к русским властям, ссылаясь на то, что еще одно восстание может привести к новому разорению Сербии и потере оставшихся привилегий христиан. К. В. Нессельроде дал соответствующее распоряжение, но было поздно³⁵. К приезду Карагеоргия отряды повстанцев оказались разбиты. М. Обренович незадолго до поражения вступил в переговоры с турками, кроме того, он опасался и конкуренции со стороны Карагеоргия, и турецких репрессий. Поэтому «вождь сербского народа» приказал убить своего бывшего командира³⁶. В ночь с 12 на 13 (с 24 на 25) июля Карагеоргий был обезглавлен, его голова была прислана в Белград, где по приказу М. Обреновича с нее сняли кожу, набили травой и отослали в подарок султану³⁷. М. Обренович уже привык расправляться с непокорными кнезами³⁸. На это решение, очевидно, оказали влияние и другие его замыслы, в 1819 г. в переписке с русским послом в Турции Г. А. Строгановым он поставил вопрос о закреплении за собой и своими потомками титула баш-кнеза Сербии. Посол тогда посоветовал не торопиться³⁹.

В это время Г. А. Строганов продолжал требовать выполнения условий 8-й статьи. «Наконец, — говорилось в переданной им 30 декабря 1817 г. (11 января 1818 г.) ноте, — оттоманские министры ссылаются на то, что *вести переговоры* (курсив авт. — О. А.) со своими подданными ниже их достоинства. Но если Блистательная Порта подобным образом отказывается от обязательств определить с сербами меры их безопасности, то ей следовало бы поразмыслить, прежде чем подписывать Бухарестский договор. Со своей стороны, Россия усматривает здесь лишь выполнение обязательства, которая Турция взяла перед ней, а не перед сербами»⁴⁰. 11 (23) февраля великий визирь представил послу ответ, который был весьма расплывчатым и обнаруживал желание Константинополя уйти от точных формулировок в отношении собственных обязательств⁴¹. Тем не менее турки были вынуждены постепенно идти на уступки.

Г. А. Строганов стремился развить этот успех и секретно извещал М. Обреновича о результатах переговоров 15 (27) марта 1818 г.: «Россия, признав VIII статью Бухарестского трактата, властительство Порты над сербами, весьма отдалена от желания возбуждать их против оной. Россия не хочет, чтобы пламя возмущения снова возгорелось

в Сербии и предало ее в жертву новым бедствиям. Но Государь справедлив и милосерд. Искренно соболезнуя о народе сербском, единоверном и единоплеменном с русским, он твердо намерен употребить все способы для доставления ему тишины и спокойствия. Порта, конечно, не решится ныне действовать силою, а того меньше — явно оружием, лишая сербов преимуществ, обещанных Бухарестским миром. Вы можете, милостивый государь, быть в сем твердо уверены»⁴². Посол убеждал «верховного вождя сербского народа» в том, что он должен сосредоточиться на решении двух вопросов: 1) сведении всех турецких податей и налогов в одну, раз в год выплачиваемую сумму; 2) прекращении практики расселения турок в Сербии⁴³. Эти советы полностью соответствовали интересам и расчетам самого М. Обреновича. В результате греческие заговорщики, разочаровавшись в своих расчетах на совместное выступление с сербами, продолжили подготовку к самостоятельному выступлению.

В 1816 г. в Петербург прибыл Николай Галатис, один из руководителей «Филики Этерия». Объявив себя графом и родственником И. А. Каподистрии, он добился встречи с ним и предложил руководство организацией. Манеры и методы заговорщиков, в том числе и новоявленного родственника, произвели на И. А. Каподистрию тяжелое впечатление, последовал резкий отказ⁴⁴. Граф был убежден, что восстание приведет только к бесполезному кровопролитию. В 1818 г. в «Общество друзей» вступил Николай Ипсиланти, привлекая туда и своих братьев. В 1820 г. этеристы решили приступить к действиям против турок, воспользовавшись разрывом между султаном и Али-пашой, почти независимым властителем Эпира, Фессалии и Мореи. Руководство было предложено Александру Ипсиланти.

Поначалу и он был настроен скептически и в беседах с этеристами постоянно повторял слова И. А. Каподистрии о том, что нельзя воскресить народ чудом, что Россия слишком велика, чтобы думать о греках и что нельзя рассчитывать на победу, опираясь только на собственные силы. Однако постепенно членам общества удалось склонить князя на свою сторону. Для того чтобы убедить его в готовности народа поддержать восстание, ему передавались фальшивые адреса с подписями тысяч людей, призывавших его к выступлению. 31 марта (12 апреля) 1820 г. он был объявлен генерал-эфором, то есть блюстителем «верховой власти». Под предлогом поправки здоровья в июле 1820 г. Александр Ипсиланти выехал на юг России, в Одессу. Здесь говорил с представителями греков от имени императора, назначал эфоров для распоряжения делами и суммами этерии в Одессе, Москве, Яссах, Буха-

ресте и Константинополе, высылал снабженных инструкциями агентов и т. п. Первоначально восстание планировалось начать на Пелопоннесе, но вскоре планы заговорщиков изменились⁴⁵.

В октябре 1820 г., после закрытия сейма в Варшаве, Александр I посетил Бессарабию. В Кишинев на встречу с ним прибыли молдавский и валахский господа. Попытка прозондировать возможность ввода русских войск в княжества была сразу же пресечена, И. А. Каподистрия предупредил господарей, что никакой поддержки в случае волнений в княжествах не будет и что император хочет упрочить мир с Турцией⁴⁶. 13 января 1821 г. скончался господарь Валахии Александр Суцо (1818–1821). По некоторым данным, господарь, имевший контакты с заговорщиками, попытался раскрыть заговор туркам и был отравлен при посещении греческой школы, где по восточной традиции гостя встречали вареньем и водой. В ночь с 18 на 19 января в княжестве началось восстание Тодора Владимиреску⁴⁷.

Лидер валахских повстанцев также имел контакты с греческими заговорщиками, обе стороны явно рассчитывали на определенную поддержку друг друга⁴⁸. Т. Владимиреску происходил родом из Малой Валахии, добровольцем участвовал в русско-турецкой войне и был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени. Т. Владимиреску пользовался большим авторитетом, при А. Суцо он занимал должность исправника одного из округов и формировал отряды пандуров для защиты местного населения и торговли от отрядов янычар и бандитов, переполнивших территорию княжеств. Собрав около 4 тыс. человек, Т. Владимиреску поначалу заявил, что хочет защитить валахов от злоупотреблений господаря и бояр. Симпатий к фанариотам он не испытывал, и первоначально его движение декларировало лояльность султану и необходимость восстановления принципа назначения молдаван и валахов на господарские престолы. На самом деле оно было направлено как против турок, так и против греков⁴⁹.

Уже 25 января восставшие обратились к Александру I с письмом, в котором перечислялись все несправедливости, допущенные в правление А. Суцо господарем и боярами. Т. Владимиреску просил о покровительстве и поддержке⁵⁰. В княжестве в это время находился лишь один незначительный турецкий гарнизон (700 человек в Браилове), на правом берегу Дуная турецкие крепости были практически очищены от гарнизонов, направленных на войну с Али-пашой⁵¹. Этот тиран, строивший свое правление на неограниченном насилии (паша любил говорить, что «дабы царствовать мудро, надобны только золото, порох и дубина»), был вскоре разгромлен, а его голова направлена

в Константинополь и выставлена на воротах Сераля⁵². Этеристы надеялись на то, что им удастся наладить сотрудничество с Т. Владимиреску. 22 февраля Александр Ипсиланти в русской генеральской форме и в сопровождении брата Георгия перешел замерзший Прут и отправился в Яссы, где 24 февраля обнародовал воззвание, убеждавшее христиан в том, что поддержку повстанцам окажет великая «северная держава»⁵³.

«Начните действовать, друзья, — заверял генерал, — и вы увидите державную силу, защищающую права наши; вы увидите из самых врагов наших многих, которые, будучи убеждены справедливой нашей причиной, обратят тыл и соединятся с нами против врагов наших, и Отечество наше с искренностью примет их в объятия свои»⁵⁴. Греческая община Одессы откликнулась на призыв особенно энергично. В городе шел сбор средств и добровольцев⁵⁵. Собственные силы князя к этому времени составляли только 800 человек, из них 600 добровольцев греков и 200 наемников, набранных на Юге России и называвших себя «казаками». В Яссах А. Ипсиланти повел себя в высшей степени высокомерно по отношению к местным боярам, под угрозой силы вымогал средства у купцов и банкиров. Угрозы действовали в том числе и потому, что в первый же день по приказу князя были арестованы и затем казнены 50 турецких торговцев⁵⁶. Убийства турок, судя по всему, стали повседневностью восстания⁵⁷, даже Александр Стурдза, явный сторонник А. Ипсиланти, назвал эти действия «лютостями бесполезными»⁵⁸.

Одновременно А. Ипсиланти отправил два письма — русскому императору и графу И. А. Каподистрии, призывая оказать помощь «делу греческой свободы». Письмо Александру I содержало не только самый энергичный призыв о помощи, но и предлагало объяснение случившегося: «Благородные движения народов исходят от Бога, и, без сомнения, по Божьему вдохновению поднимаются теперь греки свергнуть с себя четырехвековое иго. Долг в отношении отечества и последняя воля родительская побуждают меня посвятить себя этому делу. Несколько лет назад среди греков образовалось тайное общество, имеющее единственной целью освобождение Греции; оно выросло быстро, и его ветви распространяются повсюду, где только есть греки. Я смею уверить Ваше Императорское Величество, что никакие человеческие силы не могут остановить этот благородный порыв греков и что сопротивление общему желанию нации может только погубить ее навсегда, тогда как, управляя ей с энтузиазмом, должно надеяться спасти ее. Государь! Неужели Вы предоставите греков их собственной участи... Не презрите

мольбы 10 000 000 христиан, которые возбуждают ненависть тиранов своей верностью нашему Божественному Искупителю. Спасите нас, Государь, спасите религию от ее гонителей... Освободите нас, Государь! Очистите Европу от этих кровожадных чудовищ и удостоьте ко всем великим именам, которые Вам дает признательная Европа, присоединить имя освободителя Греции»⁵⁹.

Письмо заканчивалось просьбой об исключении его автора вместе с братьями из русской службы. С января это было уже второе обращение за помощью из княжеств. Следует отметить, что зимой 1820 г. А. Ипсиланти встретился с И. А. Каподистрией и попытался вручить ему проект заговорщиков. Граф отказался знакомиться с этим документом и заявил: «Именно эти составители проектов виновнее всех; они вовлекают Грецию в погибель. Они не что иное, как жалкие купеческие приказчики, разорившиеся вследствие своего дурного поведения; они собирают деньги у простодушных во имя отечества, которого они сами не имеют. Они хотят впутать вас в свой заговор, для того чтобы придать значение своим проискам»⁶⁰. А. Ипсиланти не мог рассчитывать на поддержку.

Новость о начале греческого восстания застала Александра I в Лайбахе врасплох. Она пришла именно в тот день, когда австрийские войска рассеяли карбонариев в Неаполе. Участники конгресса, и прежде всего К. Меттерних, стали подозревать Россию в организации выступления А. Ипсиланти. К. Меттерних, правда, не был бы самим собой, если бы не воспользовался ситуацией для того, чтобы вновь попытаться очернить И. А. Каподистрию в глазах Александра I, намекая на то, что естественные симпатии дипломата к греческому делу могли зайти дальше границ его служебного долга⁶¹. Австрийский канцлер изложил свое видение проблемы следующим образом: «Монарх, соединившиеся для поддержки принципа охранения всего законно существующего не могут несколько колебаться в прямом приложении этого принципа к плачевным событиям, совершившимся недавно в Оттоманской империи. Приложение принципа требуется с наибольшей силой к этим важным событиям, ибо несомненно, что греческое восстание (как бы оно ни связывалось с общим движением умов в Европе, как бы ни приготавливалось в стремлении чисто национальном, как бы, наконец, ни естественно было восстание народа, страдающего под самым страшным гнетом), — греческое восстание есть непосредственное следствие плана, заранее составленного и прямо направленного против самого страшного для революционеров могущества, против союза двух монархов с целью охраны и восстановления. Событие не одиночно; оно

находится в связи с общим планом. Оно имеет не преходящее только значение, его следствия будут долго давать себя чувствовать. Настоящие виновники задумали его не в интересе греческого народа; они не могут скрыть от себя того нравственного падения, до какого доведен этот народ веками. События задуманы с целью поссорить Россию и Австрию; они служат средством не дать потухнуть огню, поддержать либеральный пожар, средством поставить в затруднительное положение самого могущественного монарха греческого исповедания и всех его единомыслителей, взволновать русский народ в смысле, противоположенном движению, какое его государь дает своей политике; заставить русского государя отвернуться от запада и обратиться на восток»⁶².

К. Меттерних опасался, что Австрия, увязшая в этот момент в Италии, не сможет помешать планам императора России решить восточный вопрос в свою пользу. На деле таких планов не существовало. Александр I согласился отдать распоряжение русскому послу в Турции выступить с совместным заявлением с австрийским. 23 февраля (7 марта) 1821 г. соответствующая инструкция была отправлена из Лайбаха К. В. Нессельроде. Центральной частью ее были заверения султана в непричастности России к восстанию и совет придерживаться умеренной политики: «Необходимая строгость по отношению к зачинщикам смуты — с одной стороны, справедливая и благотворная система управления, с другой, таковы единственные средства восстановления в названных краях спокойной обстановки, способной внушить определенное доверие»⁶³. Доказательством искренности занятой Россией позиции было отсутствие ее сколько-нибудь значительных сил на русско-турецкой границе.

На южном направлении была дислоцирована 2-я армия, состоявшая из двух пехотных корпусов (пяти пехотных дивизий), одной драгунской дивизии и девяти казачьих полков. Вместе эти части составляли 60 тыс. человек, расквартированных на огромном пространстве Киевской, Подольской, Херсонской, Екатеринославской, Таврической губерний и Бессарабской области⁶⁴. Александр I осудил греческую революцию и отдал распоряжение командующему 2-й армией графу П. Х. Витгенштейну соблюдать строжайший нейтралитет по отношению к событиям в Дунайских княжествах⁶⁵. «Государь приказал начать с того, — писал 8 (20) марта 1821 г. о восстании А. Ипсиланти генерал-адъютант князь П. М. Волконский, — чтобы исключить его из списков, и никак в дело вмешиваться не хочет»⁶⁶. 9 (21) марта 1821 г. было официально объявлено об исключении князей Ипсиланти из списков русской службы без права возвращения в Россию⁶⁷.

26 марта (8 апреля) И. А. Каподистрия по приказу императора отправил Александру Ипсиланти следующее послание: «Получив Ваше письмо, император испытал тем более скорбное чувство, что всегда ценил благородство чувств, которое Вы обнаруживали, находясь в Его службе. Император был далек от опасения, что Вы позволите увлечь себя духу времени, который побуждает людей в забвении своих главных обязанностей искать блага, достигаемого только точным исполнением обязанностей религии и нравственности. Без сомнения, человеку врождено желание улучшения своей участи; без сомнения, многие обстоятельства заставляют греков желать не всегда оставаться чуждым своим собственным делам; но разве они могут надеяться достигнуть этой высокой цели путем возмущения и войны междоусобной? Разве какой-нибудь народ может подняться, воскреснуть и получить независимость темными путями заговора? Не таково мнение Императора. Он старался обеспечить грекам свое покровительство договорами, заключенными между Россией и Портой. Теперь эти мирные выгоды не признаны, законные пути оставлены, и Вы соединили свое имя с событиями, которых Его Императорское Величество никак не одобряет. Как Вы смели обещать жителям княжества поддержку великого государства? Если Вы разумели здесь Россию, то Ваши соотечественники увидят ее неподвижной, и скоро их справедливый упрек обрушится на Вас; на Вас всей тяжестью ляжет ответственность за предприятие, которое могли присоветовать только безумные страсти. Никакой помощи, ни прямой, ни косвенной, не получите от Императора, ибо мы повторяем, что недостойно Его подкапывать основания Турецкой империи постыдными и преступными действиями тайного общества. Если Вы нам укажете средства прекратить смуту без малейшего нарушения договоров, существующих между Россией и Портой, то Император не откажется предложить турецкому правительству принять мудрые меры для восстановления спокойствия в Валахии и Молдавии. Во всяком другом случае Россия останется только зрительницей событий, и войска Императора не тронутся. Ни Вы, ни Ваши братья не находятся более в русской службе, и Вы никогда не получите позволения возвратиться в Россию»⁶⁸.

18 (30) марта К. В. Нессельроде известил о произошедшем всех русских дипломатических представителей за рубежом: «Прибыв в Яссы, князь Ипсиланти осмелился направить Императору письмо с ходатайством об оказании Его Величеством помощи и защиты греческой нации, которая, по его словам, вся от мала до велика готова бороться за свою независимость. Вы, г-н... слишком хорошо знаете правила, которыми Император руководствуется, чтобы не предугадать, каков был

его ответ»⁶⁹. Посланнику в Турции барону Г. А. Строганову было вменено в обязанность сообщить Порте обо всех этих мерах. Воздержавшись от помощи повстанцам, Россия решила на оказание моральной поддержки султану. Это должно было помочь ему повлиять на турецкие власти и не допустить расправы над мирным христианским населением. «Пусть Порта знает, — писал Г. А. Строганову император в рескрипте от 31 марта 1821 г., — что мои принципы никогда не позволят мне поощрять восстание, пусть, с другой стороны, жертвы происходящих событий находят у Вас поддержку... когда такое бедствие обрушивается на народ, с которым нас связывают священные узы единой веры»⁷⁰.

Инструкции К. В. Нессельроде Г. А. Строганов получил 1 (13) апреля 1821 г. Через девять дней после этого, имея в руках и императорский рескрипт, посланник направил назад отчет о своих действиях. «Просьба о *моральной поддержке* (курсив авт. — О. А.), с которой правительство обратилось ко мне при первых же известиях о начавшемся мятеже, вполне соответствовала той линии поведения, которую я себе наметил. Предугадывая решения нашего Августейшего Государя, я счел крайне важным добиваться того, чтобы акты правосудия и надлежащее отношение к договорам сочетались с долгом человеколюбия по отношению к нации, скорее несчастливой, нежели виновной, действительно помогать туркам в их мероприятиях, лишая их тем самым малейшего повода подозревать Россию, даже предвосхищать их просьбы и затем воспользоваться их доверием ко мне, дабы внушить им необходимое для их же пользы чувство милосердия и миролюбия. Не подлежит сомнению, что отнюдь не посредством кровавой расправы и применения страшных орудий мщения, не путем лишения заблудших людей малейшей надежды на спасение ценой изъявления покорности можно успокоить целый народ, доведенный до отчаяния. Таков был смысл всех увещаний, которые я не уставал повторять при каждом удобном случае. Последние предписания, полученные через Вас, господин граф, дали мне еще одну возможность развить эти доводы»⁷¹.

Эти заявления привели греческую общину Юга России в тупик. Люди, которые надеялись на поддержку со стороны Петербурга, пали духом⁷². Между тем худшее было еще впереди. Греческое восстание с самого начала продемонстрировало все особенности национально-освободительного движения на традиционном имперском пространстве, где никогда или почти никогда не существовало национальных государств. Говоря о независимости Греции, революционеры прежде всего подразумевали наследство Византии, которая отнюдь не была национальным государством. В результате их поддержали только греки.

Другие христианские народы Балкан вовсе не разделяли их национальных мечтаний. Апеллируя к религиозному единству православного мира, А. Ипсиланти хотел использовать его в интересах новой Эллады. Его не слишком дисциплинированные отряды добровольцев выросли до 7395 человек, они кормились за счет местного населения, и фактически это были грабеж и вымогательство, что не добавляло этеристам поддержки в княжествах.

28 марта отряды А. Ипсиланти вошли в Бухарест, но выступление оказалось изолированным. Положение было тяжелым, в городе быстро узнали о позиции, занятой Россией. И тогда вождь повстанцев собрал своих офицеров и объяснил им, что все это сделано для отвода глаз, а приватным образом он получил информацию о том, что император одобряет их действия. Между тем положение ухудшалось. Полной поддержки со стороны Т. Владимиреску, увеличившего число своих сторонников до 6 тыс. человек, добиться не удалось. В это время отряды видинского, силистрийского и рушукского пашей с трех сторон начали наступление на Малую Валахию и Молдавию. 13 мая турки взяли Галац, 17 мая Бухарест. 23 мая этеристы обманом сумели схватить Т. Владимиреску на переговорах. Греки казнили его как пособника турок (он был зарублен). 29 мая под Скулянами основные силы революционеров были разбиты. 7 июня этеристы потерпели последнее поражение⁷³. В стенах монастыря Секу они дрались до последней минуты и взорвали колокольню, когда в нее прорвались турки. Те, кто поверил в амнистию и сдался, были зарублены⁷⁴.

«Греки при Скулянах дрались храбро, — писал П. Д. Киселев, — несколько раз отражали турецкие толпы и, наконец, не имея зарядов, переправились через Прут; убитых, потопленных и раненых много»⁷⁵. Часть отрядов повстанцев разбежалась, часть была истреблена. Значительная масса жителей Дунайских княжеств, остатки разбитых отрядов, спасаясь от резни турок, потянулись на территорию России. Командование 2-й армии с самого начала восстания распорядилось предоставлять убежище всем беженцам, в случае попытки их преследования турками на русской территории частям, расположенным на границе, предписывалось употреблять силу. Беженцы, приходившие с оружием, разоружались, а поскольку существовала опасность распространения эпидемии чумы, то приходившие из княжеств должны были выдержать определенное время в карантине. Уголовным преступникам убежище не предоставлялось⁷⁶. Остальным выделялась медицинская и денежная помощь⁷⁷. С марта по сентябрь 1821 г., по данным управляющего губерниями Новороссии (Екатеринославской, Херсонской

и Таврической) генерала от инфантерии графа А. Ф. Ланжерона, на русскую территорию только в Бессарабии перешло около 40 тыс. «разных наций, звания и пола душ»⁷⁸. Политика, выбранная с начала восстания Россией, не решила ни одной из поставленных задач, более того, «моральная поддержка» Турции спровоцировала ее власти на повышенные требования. Убедившись, что опасности от России не исходит, турки уже в апреле 1821 г. стали требовать от русских властей выдачи беженцев⁷⁹.

9 июня Александр Ипсиланти с братьями Георгием и Николаем бежал в Австрию, где был заключен в крепость Мункач, а затем в Терезиенштадт, где провел 6,5 лет и был освобожден по просьбе императора Николая I⁸⁰. Князь содержался в качестве секретного пленника под именем барона Шенварта. Австрийцы освободили его, только убедившись в том, что смерть А. Ипсиланти не за горами, Вена не хотела получить еще одного мученика в мартирологе своих тюрем⁸¹. За день до бегства из Молдавии генерал-эфор издал свой последний приказ: «Воины! Нет, не хочу осквернять это честное, священное имя, называя им вас. Трусливое стадо людей! Ваши измены и коварные поступки заставляют меня оставить вас. Впредь всякая связь между мною и вами разорвана. Только глубоко в душей моей понесу стыд, что я вами начальствовал. Вы преступили клятвы, предали Бога и родину, предали меня в ту минуту, когда я надеялся или победить, или умереть со славой вместе с вами. Итак, я вас оставляю. Обратитесь к туркам, которые одни достойны ваших мыслей и направлений»⁸².

Восстание в Молдавии было жестоко подавлено, оба княжества разорены и опустошены. Последствием восстания для режима управления в княжествах было то, что на господарские престолы стали назначаться представители местных родов⁸³. Господарем Молдавии был назначен великий логофет Иоанн Стурдза, представитель местного боярского рода, правивший с 1822 по 1828 г., господарем Валахии — Григорий Гика, также правивший до начала русско-турецкой войны. На самом деле всем распоряжались турки. Когда И. Стурдза попытался протестовать против бесчинств в Яссах, турецкий начальник ответил: «Тоже мне великое дело, когда один-два человека убиты в столь большом городе»⁸⁴.

При подавлении восстания в княжествах турки развязали репрессии против православного духовенства и православного населения. По турецким законам именно Константинопольский патриарх Григорий V как глава православной общины («рум-милет-баши»¹)

¹ Румы (ромей, византийцы) — так турки первоначально называли своих православных подданных, объединенных в особый «милет», то есть религиозную общину, возглавлял которую патриарх Константинопольский.

отвечал за ее поведение. Имея значительный авторитет среди своих духовных чад, он неоднократно выступал в их защиту перед властями⁸⁵. Немедленно после начала восстания он предал его участников анафеме и призвал их сложить оружие перед благодетелем — Высокой Оттоманской Портой. Текст пастырского обращения был отправлен митрополиту Валахии для обнародования, но попытка его зачитания с амвона закончилась провалом. Восстание, подавленное в Дунайских княжествах, вновь началось, но уже в континентальной Греции, в Морее, то есть на Пелопоннесском полуострове.

Здесь ситуация в принципе отличалась от Валахии и Молдавии. Прежде всего эта территория была населена преимущественно греками. Их национальное и религиозное противостояние с турками имело и имущественный подтекст. 40 тыс. турок, живших в это время на Пелопоннесе, владели 3 млн стремматов¹ земли, годной для сельского хозяйства, а 360 тыс. греков принадлежало только 1,5 млн стремматов такой земли. Главы греческих общин после начала волнений и первых жестких действий местных турецких властей на местах собрались у епископа Триполицы (совр. Триполис, Греция) Германия, для того чтобы обсудить сложившуюся ситуацию. Узнав об этом, турецкие власти пригласили их на переговоры. Опасаясь того, что произойдет очередная «сеча кнезова» или что они будут взяты в заложники, участники совета предпочли начать восстание⁸⁶.

25 марта (6 апреля) 1821 г. брат патриарха епископ Триполицы поднял знамя с изображением креста и сам встал во главе восставших. Непосредственной реакцией на это стал погром в Константинополе. В Россию потянулись беженцы, в Одессу уже 31 марта (12 апреля) стали прибывать многочисленные корабли с греками, спасшимися от преследований⁸⁷. Основой восстания стали отряды «клефтов» (разбойников) и «арматолов» (вооруженных людей). На территориях, которые контролировал Али-паша Янинский, их было немало. Их командиры («капитаны») были состоятельными и авторитетными в своей округе людьми, которые могли повести за собой своих воинов⁸⁸. Восстания вызвали страх, который начал перерастать в столкновения. Порта призвала мусульман к всеобщему вооружению, в специальном указе султана христиане обвинялись в подготовке всеобщего уничтожения его подданных, исповедовавших ислам. На улицах турецких городов появились толпы вооруженных и воинственных фанатиков⁸⁹. Обстановка в столице Османской империи была чрезвычайно сложной, даже в середине

¹ Стремма — местная единица измерения площади, равная 1000 кв. метров.

XIX в. мусульмане составляли только 44% ее населения, процент же этнических турок был еще меньшим⁹⁰.

Страсти накалялись. Все началось с арестов православных митрополитов и архиепископов, потом власти перешли к поискам оружия у греков и вообще христианских подданных султана⁹¹. Начались убийства греков, даже высокопоставленных чиновников. Великий драгоман Константин Мурузи был повешен толпой перед зданием правительства накануне переговоров, которые раис-эффенди собирался вести с папским интернунцием⁹². В апреле толпа с янычарами во главе стала нападать на греческие деревни у побережья Мраморного моря⁹³. 8 тыс. янычар выжгли пригороды столицы по Босфору, толпы грабили и жгли церкви, нападению по дороге в храм подверглась жена британского посла. Более или менее безопасным было здание русского посольства, которое охраняла целая рота янычар. Многие христиане стали стекаться сюда, ища убежища под русским флагом⁹⁴.

Вскоре дело дошло до того, что 10 (22) апреля 1821 г., в Пасхальное Воскресенье, Григорий V был вызван в Порту, где подвергнут пыткам. После этого ему объявили о смертном приговоре⁹⁵. Патриарх вместе с пятью епископами был повешен на воротах своей резиденции в Фанаре. За расправой и последовавшим глумлением над телом патриарха в течение двух часов лично наблюдал великий визирь⁹⁶. Тело патриарха было передано еврейской общине для поругания и после длительного глумления утоплено в море. Под страхом смерти было запрещено пытаться предать их земле. Останки патриарха вскоре всплыли и были обнаружены. По распоряжению Г. А. Строганова они были освидетельствованы лично знавшими святейшего людьми, после чего положены в гроб и тайком вывезены в Одессу на бригантине «Св. Спиридион» с греческим экипажем с Ионических островов, ходившей под британским флагом⁹⁷. 19 (31) июня тело патриарха было торжественно предано земле в Одессе. На похороны русской казной было выделено 4540 рублей⁹⁸.

Вслед за казнь Григория V последовал ряд погромов православных церквей и убийств иерархов и священников по всей территории Порты. Это было нечто, напоминавшее современникам Варфоломеевскую ночь, только в больших масштабах⁹⁹. Повсюду в Турции шли убийства богатых и влиятельных христиан и их духовных пастырей¹⁰⁰. Репрессии поощряли доносы и изъятие собственности казненных. Поскольку доносчик получал долю, желающих доносить было немало¹⁰¹. Толпа быстро перешла к погромам и убийству христиан. Пострадали русские торговые суда, находившиеся тогда в гавани Константинополя,

и несколько русских матросов¹⁰². С огромным трудом янычарами была спасена сербская делегация, приехавшая на переговоры, — депутатов отконвоировали в дворец, где они почти 4,5 года прожили на положении почетных пленников¹⁰³.

К. Меттерних, еще находясь в Лайбахе, отметил следующее: «Усложнения, которые могут возникнуть на Востоке, не поддаются никакому расчету. Быть может, это пустяки; там, по ту сторону наших восточных границ, триста или четыреста тысяч человек, повешенных, зарезанных, посаженных на кол, не считаются ни во что!»¹⁰⁴ Далеко не все могли подняться до столь высокого уровня понимания тонкостей европейской политики. Резня и отвратительное зрелище публичного глумления над телами жертв посреди турецкой столицы вызвали протест Г. А. Строганова, который он высказал своему монарху. Русский дипломат с трудом сдерживал себя и явно не хотел руководствоваться старыми инструкциями. Он торопил Петербург с ответом. «До сих пор, — писал он 15 (27) апреля К. В. Нессельроде, — я действовал только как христианин. Прикажите мне говорить от имени императора, укажите, в каких именно выражениях я должен исполнить это, свяжите меня, если возможно, по рукам и ногам, чтобы я не мог сказать более, чем следует»¹⁰⁵.

22 мая (3 июня) Г. А. Строганов вручил великому визирю ноту с протестом против жестокостей в отношении греков и планов их переселения, так как восстания в княжествах «больше не существует»¹⁰⁶. Это внушение не привело ни к каким результатам. Ответ был демонстративно унижительным, отказываясь идти на уступки, визирь как бы подталкивал русского монарха к действиям, которых тот хотел избежать. Первоначальная позиция Александра I была недвусмысленной: «Если мы ответим туркам войной, парижский главный комитет (имеются в виду революционеры и масоны. — О. А.) восторжествует, и ни одно правительство не останется на ногах. Я не намерен давать простор врагам порядка. Во что бы то ни стало надо найти средства устранить войну с Турцией»¹⁰⁷. Эта позиция не была безграничной или безусловной, император не мог не реагировать на насилие против тех, кому традиционно покровительствовала Россия.

Что бы ни говорил русский посол и какую бы позицию ни занимал Петербург, в правительстве Османской империи были уверены, что выступление греков было результатом козней русских¹⁰⁸. Между тем после резни в столице Турции восстание стало быстро расширяться, охватив не только Пелопоннес, но и значительную часть островов Греческого архипелага. Крупным центром, откуда исходила поддержка повстанцев, были

Ионические острова. В период континентальной блокады и при правлении Али-паши Янинского, стремившегося создать собственный флот, резко возросло количество судов, принадлежавших греческим купцам. Торговля и контрабанда в пользу той или иной стороны приносили немалый доход, для защиты от блокады и алжирских пиратов на них разрешалось устанавливать орудия. К 1813 г. греки владели 615 судами, общий тоннаж которых достигал 153 580 тонн, имевшими на вооружении 5878 орудий разного калибра¹⁰⁹. Существовали и более скромные оценки этих сил — 206 судов, 4 тыс. пушек и 15 тыс. моряков¹¹⁰.

Важно было другое. Восстание с самого начала получило флот, не имевший центрального командования, не отличавшийся высокой дисциплиной, но тем не менее активно действовавший против турецкого судоходства у Дарданелл. Турки закрыли Проливы для русских кораблей, значительная часть экипажей которых состояла из русских греков. Еще перед восстанием турецкие власти жаловались на то, что русское посольство слишком активно выдает патенты на русский торговый флаг грекам — турецким подданным¹¹¹. Теперь турки перестали с этим мириться. Султан опасался того, что под русским флагом будет провозиться военная контрабанда. Центром ее неизбежно становился основной русский торговый порт на Черном море.

В 1790 г. русские войска взяли небольшой замок Хаджибей, рядом с которым находилась деревня. В саманных домиках проживало около 700 жителей. В 1792 г. селение получило статус города и новое название — Одесса¹¹². С начала XIX в. Одесса быстро развивалась. Если в Хаджибей раз или два в году приходила барка или галера, то в гавань русского порта уже в 1796 г. пришло 60 судов, в 1802 г. — 333 судна, 1803 г. — 552 судна, в 1805 г. — 1002 судна¹¹³. В 1796 г. здесь было всего 2349 жителей, в 1803 г. — 7–8 тыс. человек в 400 домах, в 1809 г. — 9 тыс. В этом году объем ввоза в город составил всего 719 982 рубля, вывоза через него — 1 534 114 рублей. В 1813 г. в Одессе проживало уже 35 тыс. человек в 2600 домах, оборот ее торговли составлял около 25 млн рублей (оборот всех портов Черного и Азовского морей — 45 млн рублей). Эти цифры неизменно увеличивались. Город развивался за счет торговли пшеницей. После окончания войн показатели внешней торговли начали неуклонно расти¹¹⁴.

Зерно в город доставляли на телегах, запряженных волами. В 1816 г. ежедневно в Одессу заходило по 500, 700 и даже 1000 таких возов. Это приводило к огромным проблемам — не хватало чистой, годной к питью воды¹¹⁵. Осенью торговля процветала. «Торговлю сию составляет пшеница, пшеница и пшеница, — писал в урожайном октябре

1816 г. путешественник. — Повсюду ее видишь: под многими домами в Одессе сделаны магазинны¹, которые наполнены пшеницей; там ссыпают ее в магазинны; в другом месте перемещают или грохотят¹¹; здесь накладывают в мешки и отправляют в гавань. Сверх того, большая площадь вся заставлена фурами, и беспрестанно видишь новые обозы, приходящие в город»¹¹⁶.

За 1816 г. доходы от вывоза зерна из империи составили 100 млн рублей серебром. В марте 1817 г. на рейде Одессы другой путешественник застал 48 судов с 1,5 тыс. четвертей зерна в каждом. Учтывая, что стоимость четверти составляла тогда 45 рублей серебром, это означало, что в марте, до сбора урожая 1817 г., отпуск зерна из Одессы составил 3 240 000 рублей. Перспективы казались блестящими¹¹⁷. В 1814 г. экспорт из Одессы составил 7 220 306 рублей (из них пшеницы — на 4 757 175 рублей), импорт — 4 886 000 рублей; в 1815 г. показатели экспорта составили 14 и 11 млн рублей, импорта — 4 136 000 рублей; в 1816 г. — 37 717 855 рублей (из них пшеницы — на 33 млн рублей); в 1817 г. — 41 936 000 рублей (пшеницы — на 38 298 000 рублей), ввоз на 20 млн рублей, включая ввоз золотых монет в расплату за пшеницу, на сумму 15 695 144 рубля¹¹⁸.

Город процветал, самым благотворным образом на его развитии сказалось введение режима порто-франко¹¹⁸. При попутном ветре торговое судно доходило из Одессы до Константинополя менее чем за двое суток. В город приходили суда под самыми разными флагами¹¹⁹. Теперь все изменилось. Закрытие Проливов немедленно отозвалось на русском хлебном экспорте. В 1821 г. его показатели понизились на 30% по отношению к 1820 г., в 1822 г. — на 47%¹²⁰. Если в 1819 г. из Одессы вышел 631 груженный корабль, 299 из которых под русским флагом, в 1820 г. — 592 корабля, 261 под русским флагом, то в 1821 г. уже 592 корабля, из которых только 52 русских¹²¹.

В 1821 г. новости о резне в Турции вызвали сильнейшее раздражение в русском обществе¹²². Александр I получил известие о том, что произошло в Константинополе, 1 (13) мая 1821 г., в день, когда он покинул Лайбах. По возвращении в Россию он нашел высшие классы страны почти единодушно настроенными на выступление на стороне греков. По его собственному признанию, «из всех русских он один противился войне с турками»¹²³. Россия не могла спокойно следить за этими действиями османов, нарушавшими ее торговые интересы и ставившими

¹ Магазейн — провиантский склад.

¹¹ То есть просеивают через грохот — решета.

¹¹¹ Все цифры даны в ассигнационных рублях.

под угрозу ее авторитет на Балканах. Статья 7 Кючук-Кайнарджийского трактата, условия которого были подтверждены Ясским и Бухарестским договорами, ясно гласила: «Блистательная Порта обещает твердую защиту Христианскому закону и церквам оного...»¹²⁴ Статья 11 того же договора гарантировала свободное торговое судоходство по Проливам и на Дунае¹²⁵.

Обе статьи открыто нарушались. Граф И. А. Каподистрия, вернувшись из Лайбаха в Петербург, неоднократно, но безуспешно пытался убедить императора в необходимости решительно поддержать греков. Их борьба продолжилась в июне 1821 г. на полуострове Пелопоннес, где ее возглавил Дмитрий Ипсиланти. События в Константинополе повлияли на императора сильнейшим образом. К. В. Нессельроде разослал русским дипломатам за рубежом официальную оценку случившегося: «Тело одного из первых пастырей греческой церкви на Востоке подверглось самому чудовищному поруганию. Сам символ веры втоптан в грязь, большая часть церквей разрушена»¹²⁶. Русский нейтралитет был истолкован турками как санкция на любые действия. Между тем именно они и не были приемлемы для России. Террор против христианского населения продолжился, под угрозой оказалось и посольство России в Константинополе, под вопрос была поставлена безопасность посланника. «Кровь христианская льется повсюду, — докладывал из Константинополя Г. А. Строганов, — и невинный лишается жизни в видах отмщения некоторым виновным. Покровительственное вмешательство в дела княжеств, признанное за Россией трактатами, допущено, правда, по форме, но совершенно отстранено на деле. Я здесь игрушка коварной медленности Порты, меня занимают пустыми переговорами, тогда как войска оттоманские действуют и предаются неистовствам»¹²⁷. Действия турецких властей способствовали лишь углублению кризиса.

«Вообразив, что Россия *не осмелится* (курсив авт. — О. А.) воевать с нею, — докладывал 28 мая (9 июня) Г. А. Строганов, — Порта принимает все наши демарши за чисто показательные, веря, что мы раздуваем втайне пламя мятежа, который, быть может, сами и разожгли»¹²⁸. Протесты русского дипломата против резни, по его словам, провоцировали дальнейшее развитие насилия. Любая новость, связанная с малейшим проявлением сочувствия грекам, вызывала только раздражение у турок, знавших о финансовой поддержке, оказанной Дм. Ипсиланти русскими подданными — греками, и подозревавших, что это было сделано с санкции властей. «Наконец, — продолжал в том же донесении Г. А. Строганов, — здесь распространился слух о неожиданном пере-

возе останков патриарха Григория в Одессу и о предстоящем воздаянии ему последних почестей, что привело Порту в настоящую ярость. На меня возлагают вину за все приведенные выше факты, а особенно, хоть и втихомолку, за последнее. Я же до сих пор упрекаю себя в том, что не потребовал со всей решительностью выдачи праха этого достойного архиерея; пусть бы мне отказали тысячу раз, но я бы выразил тогда негодование, охватившее весь христианский мир при вести о гибели патриарха. Когда кровь наших невинных братьев льется повсюду и когда, мстя немногим виновным, истребляют невинных, то как терзает это душу нашего Августейшего Государя! Решительные заявления России заставили ту длань, что взялась за меч, обронить его и, насколько возможно, задержали взрыв всеобщего возмущения. За это благодеяние нам отплатили умножением жестокостей и преступлений. Возможностей защищать греков становится все меньше, а кровь течет все обильнее, чем когда-либо прежде»¹²⁹.

На территории Османской империи вообще и в ее столице в частности продолжились нападения на русских подданных — купцов, матросов и т. д. «Порта, видимо, бросает вызов России, — завершал свое донесение Г. А. Строганов, — и теперь ответ за Его Величеством Императором. Я ожидаю Его Высочайших решений, будучи не в силах предугадать, в каком положении я окажусь, когда их получу. Предвидеть ход событий стало невозможно, так как слепая ненависть и иностранное давление делают непостижимым поведение оттоманского министерства. В последнее время инструкции, казавшиеся мне достаточно точными к моменту отправки моих донесений, устаревали при отправке последующих депеш. Поскольку я прервал свои обычные сношения с турецким правительством, то в случае новых правонарушений или оскорблений мне остается лишь сесть на корабль и отплыть в Одессу»¹³⁰. Миролюбие России завело ее в тупик, за которым можно было потерять и престиж, и завоеванные ранее права. Оно было настолько неверно истолковано окружением султана, что от Петербурга продолжали настоятельно требовать выдачи беженцев-греков. Абсурдность этого требования была очевидна даже К. Меттерниху¹³¹. Близкий к Александру I начальник штаба 2-й армии генерал П. Д. Киселев 5 (17) июня 1821 г. скептически заметил: «Кажется, без штыков не обойтись. Турки снисхождение правительства принимают как последствие ослабления способностей государства нашего и делают в отношении к нам много непозволительного. С варварами страх лишь силен; великодушие мало им известно»¹³². В штабе 2-й армии начался сбор информации по Европейской Турции, аналитическую работу возглавил все тот же П. Д. Киселев¹³³.

6 (18) июля 1821 г. Г. А. Строганову была отправлена нота, которую он должен был представить султану. Это был русский ультиматум. Его текст свидетельствовал о том, что чаша терпения Петербурга переполнилась: «...еще никогда в Турции не обрекалась на смертную казнь без суда целая нация, а христианская религия не подвергалась столь чудовищным преследованиям. Беспрецедентной по жестокости была расправа над патриархом восточной церкви, учиненная на месте отправления им своих священных обязанностей, в день, празднуемый всеми христианами, хотя этот высокопочтимый пастырь незадолго до того изъявлял турецкому правительству свою полнейшую покорность и лояльность. Европе не приходилось доныне так скорбеть, видя, как все духовные и светские представители христианского народа и даже те из них, кто оказал неоценимые услуги Блистательной Порте, гибнут от руки палача, их трупы предаются поруганию, их семьи вынуждены покидать несчастный край, их собственность отдана на поток и поругание. Она не видела, особенно за последние четыре века, чтобы культу Христа объявляли войну посредством убиения священнослужителей, разрушения храмов, надругательств над символом святой христианской веры»¹³⁴.

Ультиматум требовал обеспечить свободу отправления христианского обряда, защитить церкви, восстановить нормальный режим управления Дунайскими княжествами, то есть вывести оттуда турецкие войска. Для ответа дивану было предоставлено восемь дней. Нота предупреждала: «Императору не оставалось ничего более, как немедленно сообщить Высокой Порте, что она поставляет себя во враждебное положение к христианскому миру; что она оправдывает сопротивление греков, поставленных ею в необходимость сражаться для избежания явной гибели, и что самый характер этой борьбы налагает на Россию долг предложить убежище угнетенным, а равно, вместе со всеми христианскими державами, оказать Греции покровительство и помощь, потому что Государь не может предать своих единоверцев на произвол слепого изуверства»¹³⁵. 14 (26) июля Г. А. Строганов вручил Порте ноту, предупредив, что в случае, если ответ не будет дан в указанные восемь дней, он немедленно покинет Турцию вместе с членами русской миссии¹³⁶. Вновь остро стал вопрос о безопасности русского посольства. В окружении султана планировали посадить его в Семибашенный замок¹³⁷.

Русский ультиматум апеллировал к европейскому единству, в котором Александр I не был еще полностью уверен. Петербург обратился за поддержкой в Берлин, Вену, Париж и Лондон. Реакция последних трех была особенно важна, так как Пруссия в это время не вела активной политики на Востоке. 3 июля последовала австрийская нота, в которой сул-

тану было указано на «опаснейшие затруднения, которые приносит самой Порте политика истребления греческого населения», одновременно особо было указано на необходимость обеспечения безопасности жизни Г. А. Строганова. Ни о какой прямой поддержке требований России со стороны Франца I речи не было. Австрия хотела прекращения резни, так как опасалась ее последствий на международной арене. В более определенных выражениях Россию поддержала и Франция. Кроме того, Людовик XVIII отправил личное письмо султану, в котором предупреждал относительно Г. А. Строганова, что «любое насилие над его личностью не оставит безучастной ни одну из держав»¹³⁸. Лондон предпочел воздержаться от немедленной реакции. «Вся Англия кажется турецкой в своей ненависти к России», — писал в эти дни французский дипломат Ф. Р. Шатобриан¹³⁹. Твердого единства Европа не проявила.

14 (26) июля раис-эфенди дал устный ответ на ноту, состоявший из пяти пунктов: 1) Порты торжественно отклоняла от себя обвинение в преследовании греков и других христиан за веру; 2) патриарх был казнен не как глава восточного христианства, а как изменник, поругание его тела было совершено чернью без ведома правительства; 3) вслед за восстановлением спокойствия немедленно будет приступлено к восстановлению разгромленных чернью храмов; 4) Порты всегда старалась отличать виновных от невинных, она никогда не следовала системе истребления; 5) по очищении Дунайских княжеств от мятежников турецкие войска, введенные туда по просьбе... барона Г. А. Строганова, будут возвращены назад. Очевидность этой лжи могла сравниться лишь с ее оригинальностью. Вечером того же дня было обещано прислать и письменный отзыв, но Г. А. Строганов отказался принимать его и объявил о разрыве дипломатических отношений с Турцией. На просьбы английского и австрийского послов принять турецкую ноту также последовал отказ, и 29 июля (10 августа) русская миссия отплыла из Константинополя в Одессу¹⁴⁰.

Ультиматуму предшествовали и меры военного характера. Весной 1821 г. в Белоруссию был передислоцирован Гвардейский корпус, который оставался там до мая следующего года, — император хотел иметь гвардию поближе к западным границам¹⁴¹. Усилена была и 2-я армия, в Бессарабию переведен один пехотный корпус, что резко повлияло на поведение турок в княжествах, которые начали выводить свои войска оттуда¹⁴². В июле 1821 г. генерал-адъютант И. И. Дибич представил императору проект действий против Турции, предполагавший быстрое решение проблемы: «Нынешняя война против турок, по моему мнению, — писал он, — требует самых решительных и быстрых действий, кои дали бы нам средства овладеть Царьградом прежде всякой

другой державы. Столько же я уверен, что возмущение греков может служить в последствии вспомогательным орудием, но не должно входить в соображение при составлении плана военных действий»¹⁴³. Главными задачами, которые следовало решить при планировании военных действий, И. И. Дибич считал обеспечение снабжения, сохранение здоровья войск, успокоение жителей страны при занятии ее русскими войсками и устройство приверженного России населения¹⁴⁴.

И. И. Дибич предлагал сделать все возможное, чтобы избежать одновременной войны с Турцией и Персией и обеспечить выделение значительной части Черноморского флота для действий у берегов Балканского полуострова, который он предложил обозначить как основной театр военных действий¹⁴⁵. Военные действия должны были протекать в несколько этапов в течение двух лет — 1822 и 1823 гг.: форсирование Дуная, блокада и, по возможности, взятие турецких крепостей, переход через Балканы, движение к Адрианополю, где ожидалось генеральное сражение, и создание угрозы Константинополю. Кавказский корпус должен был поставить под контроль Армению, что подразумевало взятие Эрзерума, и далее выделить часть своих войск для действий в направлении Трапезунда¹⁴⁶. Принять эти предложения или подтвердить политический демарш не только сбором и сосредоточением войск, но и немедленными действиями, Александр I не решился. Положение России оставалось весьма сложным. В начале 1820-х гг. русская казна была почти банкротом. Значительную часть общего дохода государства составляла эмиссия. В результате курс бумажных денег был стабильно низким, ассигнационный долг равнялся 595 млн рублей, возможность внешних займов на приемлемых условиях исключалась. Единственным выходом было сокращение государственных расходов, значительную часть которых по-прежнему составляло содержание армии¹⁴⁷:

Годы	Общие доходы, руб.	Общие расходы, в том числе на армию, руб.	Расходы на армию, руб.
1820	671 123 103	499 804 038	197 770 936
1821	624 609 187	482 319 278	182 339 010
1822	592 444 269	456 021 194	185 889 354
1823	599 398 853	479 148 143	195 555 909
1824	528 060 411	417 026 919	157 235 876
1825	529 714 234	413 459 842	155 202 151

Кроме того, Петербург отнюдь не был уверен в том, что его действия в Турции не вызовут отрицательной реакции со стороны Австрии, Англии и Франции. В июне Александр I обратился к австрийскому императору с письмом, в котором утверждал, что кризис имеет только два исхода: или полное уничтожение греков, или поражение турок. И в том и в другом случае для европейской политики возникнут затруднения. Не вдаваясь в рассмотрение причин, вызвавших восстание, Александр I задал Францу I вопрос: «Разве Россия может равнодушно смотреть на то, что полному истреблению, без различия между невинными и виновными, предадут единоверный народ, поставленный торжественными трактатами под ее покровительство?»¹⁴⁸ Однако положительного ответа на него так и не последовало.

Зато 15 (27) июня великий визирь обратился к К. В. Нессельроде с письмом, которое содержало не принятый Г. А. Строгановым текст ответа на русский ультиматум. Кроме того, из столицы Турции пришли жалобы на русского посла, заверения в искренности желания сохранить дружеские отношения с Россией и требования выдать бунтовщиков, ушедших на русскую и австрийскую территории. В качестве уступки было обещано, но без определенных обязательств, вернуть управление Дунайскими княжествами местным уроженцам¹⁴⁹. В Вене эти требования и предложения ложились на благодатную почву. Позиция К. Меттерниха по греческому вопросу не изменилась. «Всякая поддержка, оказанная делу, — писал он 24 августа 1821 г., — известному под названием греческого, пока оно будет держаться на той шаткой почве, на которую поставили бунтовщики греческое дело, послужит началом для непреодолимых бедствий»¹⁵⁰. Такую же позицию занял и Лондон.

Для усиления разлада среди европейских держав султан издал фирман, предписывающий чиновникам оказывать защиту всем грекам, не принимавшим участия в восстании, и отменил запрет на проход через Проливы судов с хлебом. Патриархи получили распоряжение призвать паству к покорности правительству¹⁵¹. Эти действия немедленно были истолкованы в пользу Турции Австрией и Англией, призвавшими к применению принципа невмешательства. В то же время Петербург пытался доказать свою готовность действовать вместе с другими европейскими странами в деле защиты жизни и собственности христианских подданных султана. 29 августа (10 сентября) 1821 г. Александр I обратился к членам Священного союза со следующим призывом: «Делайте все, что в ваших силах, общим советом или отдельно, для возвращения турок в границы справедливости и разума.

Если ваши старания будут тщетны, соединитесь с нами для освобождения Востока от двойного зла, его отягощающего: от зла турок и зла революции»¹⁵².

Восстание продолжалось, кличем и практикой повстанцев стало «Смерть туркам!»¹⁵³. Насилие практиковалось ежедневно в том числе и потому, что его буквально провоцировали действия султанского правительства и местных пашей. Трагические события произошли на острове Кипр. Турецкий правитель Кучук-Мехмет приказал янычарам приступить к разоружению греков. Разумеется, это разоружение сопровождалось злоупотреблениями властью. Архиепископ Кипринос призвал паству к спокойствию. Это не помогло. Турки взяли в заложники 489 членов христианской общины — самого архиепископа, трех епископов, настоятелей монастырей, наиболее уважаемых народом священников и членов общины. Тем временем в Акку был послан приказ направить на остров войска. 3 мая 1821 г. на Крите высадились 4 тыс. солдат паши Абдуллы, которые немедленно начали резню. В ходе многочисленных убийств были казнены и заложники во главе с архиепископом¹⁵⁴.

Греческое население не поддержало восставших и тем не менее подверглось массовому насилию, от которого не спасал даже вынужденный переход в ислам¹⁵⁵. При этом на содержание турецких войск на острове был введен особый налог, христиане были вынуждены продавать церковное серебро, его с охотой покупали подданные европейских держав¹⁵⁶. Со своей стороны, греческое правительство и церковь приступили к практике защиты турок на контролируемой повстанцами территории. Все захваченные турки были объявлены военнопленными, за убийство которых вводилось суровое наказание¹⁵⁷.

12 (24) сентября 1821 г. император отправился в Витебск, в окрестностях которого были назначены маневры Гвардейского корпуса, закончившиеся 19 сентября (1 октября)¹⁵⁸. 13 (25) сентября великому визирю была отправлена разъяснительная записка в ответ на его письма к К. В. Нессельроде от 15 (27) июня и 18 (30) июля. Предложения Турции, по мнению Петербурга, не свидетельствовали о желании турецких властей прекратить репрессии против греков и жителей Дунайских княжеств. К. В. Нессельроде категорически отказался выдать беженцев или принять обвинения в адрес Г. А. Строганова, так как он действовал в соответствии с инструкциями. Все требования русской ноты от 6 (18) июля были оставлены в силе. По словам русского дипломата, его монарх не сомневался, что позиция России и ее дальнейшие действия будут поддержаны его союзниками¹⁵⁹.

Эта уверенность плохо соответствовала действительности. К. Меттерних отвечал Александру I увещеваниями, из которых становилось ясно, какое зло для него первично. «Брешь, пробитая в системе европейского монархического союза войной с турками, — писал он 18 (30) ноября, — явилась бы брешью, через которую ускоренным шагом вторглась бы революция. Судьба цивилизации находится ныне в мыслях и руках Вашего Императорского Величества. Едва ли Вы можете допустить хоть малейшее сомнение в том, что в одном осознании этого факта я черпаю главный залог моего спокойствия, мои самые прочные надежды и необходимую энергию, для того чтобы, насколько эта задача лежит на мне, поддержать принцип добра против принципа зла и принцип здравого смысла против торжества заблуждений»¹⁶⁰. Из этого многословия (да и без него) следовало, что на поддержку Вены Петербург полагаться не сможет ни при каких обстоятельствах. Категорически протестовал против возможного углубления русско-турецкого дипломатического конфликта и Лондон¹⁶¹.

11 (23) октября 1821 г. И. А. Каподистрия подал императору записку, в которой изложил свое видение происходившего на Балканах: «Преступные личности скомпрометировали греческую нацию, преследуя двойную цель: обратить на нее кровавую месть турок и тем самым вынудить Россию встать на ее защиту, а следовательно, объявить войну Порте. Россия осуждала и всегда будет осуждать людей, виновных в этих бедствиях. Она сожалеет о несчастьях, обрушившихся на ее единоверцев. И если она не выступила в их защиту, ограничившись разрывом отношений с Портой, то лишь потому, что сделать больше означало бы начать войну, а воевать, не убедившись сначала в том, что никакими другими средствами нельзя заставить турок вернуться к политике умеренности, значило бы способствовать осуществлению намерений революционеров»¹⁶². Вопрос о готовности к войне имел и очевидный международный контекст, потому что и Австрия, и Англия были не прочь выступить в качестве посредников между Россией и Турцией.

Александру I не были нужны посредники, в искренности которых он имел основания сомневаться. Между тем условия России в этот момент были весьма скромными. Русская дипломатия заявляла, что в случае, если турецкие войска покинут Дунайские княжества и там прекратятся убийства и преследования христиан, а также будут восстановлены права России, основанные на международных договорах, вопрос о столкновении с Турцией будет снят с повестки дня. Турки публично заявляли о готовности вывести войска из княжеств и постоянно

увеличивали их, резня и грабеж местного населения продолжались¹⁶³. Русская программа имела все же определенный шанс на успех, так как император рассчитывал на поддержку Франции, однако в декабре 1821 г. сторонник сближения с Россией герцог Ришелье вынужден был подать в отставку. Надежды на единую позицию Европы не оправдались, и русский МИД снова и снова вынужден был объяснять свою позицию в греческом вопросе.

«Никогда, — заявлял К. В. Нессельроде в своей депеше от 27 ноября (9 декабря) 1821 г., — Государь не будет сражаться за исключительную пользу России, но для блага всех, и, находясь среди своей армии, он всегда будет действовать так, как будто он окружен представителями Австрии, Франции, Великобритании и Пруссии. Эта декларация выражает истину, которую Государь не перестает повторять своим союзникам, потому что она доказывает, насколько глубоко, постоянно и искренне уважение, питаемое им к союзу, охраняющему судьбы Европы»¹⁶⁴. Однако в искренность этих слов в Англии не поверили. От общих с Россией действий Великобритания отказалась, ссылаясь на то, что не имела общих с нею прав¹⁶⁵. На самом деле Р. С. Кэслри полностью поддерживал султана и в письмах к Александру I подчеркивал, что попытки навести порядок в Османской империи путем вмешательства извне могут привести к усилению революционного движения в Европе¹⁶⁶. В результате император вынужден был ограничиться дипломатическими протестами, призывами к союзникам по Пятерному союзу поддержать их и финансовой поддержкой беженцев, укрывавшихся от преследований на территории России. Для выкупа обращенных в рабов греков была собрана сумма в 700 тыс. рублей (500 тыс. из частных пожертвований, 200 тыс. из средств императора).

Между тем в январе 1822 г. повстанцы провозгласили самостоятельность Греции, а летом того же года добились первых значительных военных успехов в Морее. 16 февраля 1822 г. в Константинополе у раис-эфенди было собрано совещание с участием австрийского и английского послов. Последний настоятельно рекомендовал туркам пойти на уступки России, но только в Дунайских княжествах: «В настоящее время вопрос ограничен весьма тесными пределами: очистите Княжества, восстановите в них прежнее управление, прекратите бедствия, наносимые этим несчастным областям вашими войсками, не знающими дисциплины, назначьте господарей (если не из греков, то из туземных бояр) и таким образом докажите, что вы не враждебны системе общего замирения, столь успешно водворенной в Европе. Сделайте

это, и все европейские государства будут помогать вам войти в соглашение с Россией; откажете в том, замедлите это сделать — и через месяц вторгнется к вам огромная армия, какой еще не выставляла Россия; вы увидите в Архипелаге русский флот, готовый действовать заодно с вашими нынешними врагами; наконец, вы потеряете дружбу всех европейских держав, которые доселе своими усилиями отклоняли войну. Пришло время вам отвечать да или нет. Какой же из этих ответов я от вас услышу?»¹⁶⁷

На вопрос раис-эфенди о том, какую выгоду получит Россия от вывода турецких войск, последовал ответ: «Выгода та, что она освободится от унижения в глазах целой Европы сносить вопиющие нарушения заключенных с нею трактатов; выгода успокоит собственных подданных, раздраженных тем, что правительство не защищает их единоверцев; наконец, выгода выйти из несносного положения, которое не есть ни мир, ни война»¹⁶⁸.

Россия пыталась организовать согласованные действия Европы для давления на Турцию в целях решения греческого вопроса. Александр I в рескрипте от 5 (17) февраля 1822 г., данном на имя Д. П. Татищева, отправленного со специальной миссией в Вену, излагал основы своей политики следующим образом: «Я не желаю войны и уже доказал это. Новым доказательством служит Ваша миссия, а равно и те указания, которые я повелел дать моим представителям при лондонском, парижском и берлинском дворах. Но предотвратить войну можно лишь в том случае, если разговаривать с турками от имени Европы языком, соответствующим ее достоинству. Речь идет не о превращении Турции в европейскую державу, а о том, чтобы заставить турок занять в политической системе место, которое они занимали в марте прошлого года. А поэтому не следует им уступать. Надо горячо желать их спасения... Принять компромиссное решение, не подкрепленное гарантиями, не устрасить турок единством — означало бы поддержать Порту в ее заблуждениях и, следовательно, подготовить косвенным образом катастрофу, которой так опасаются»¹⁶⁹.

Император предполагал занять русскими войсками Дунайские княжества от имени «общего союза» и предлагал союзникам предвзять эту меру отзывом их послов из Константинополя¹⁷⁰. Это предложение не было поддержано. 28 февраля (12 марта) отказ пришел из Вены, 19 апреля (1 мая) из Лондона¹⁷¹. Только Пруссия, подписав 2 (14) марта 1822 г. русско-пруссский протокол, согласилась поддержать Россию в Константинополе на дипломатическом уровне в трех ее

основных требованиях: «Что Россия на основании своих трактатов и по праву покровительства, которое они ей представляют, на пользу греков вправе предъявлять требование, чтобы религия, ею исповедуемая, была неприкосновенна, чтобы церкви могли быть вновь устраиваемы и чтобы между невинными и виновными было проводимо справедливое различие»¹⁷². Этой поддержки оказалось недостаточно, и Александр I вновь отправился к Гвардейскому корпусу, на этот раз в Вильно. Для того чтобы успокоить европейские державы, К. В. Нессельроде 17 (29) мая 1822 г. счел необходимым известить всех русских представителей за рубежом: император отправился к войскам исключительно с целью присутствия на смотре своей гвардии, и эта поездка решительно ничего не изменяет в общем течении русской политики¹⁷³.

Отказ от активных действий в защиту греков вызвал очередной всплеск энтузиазма в Вене. Радости К. Меттерниха не было предела, он утверждал, что «Русский кабинет одним ударом ниспроверг великое творение Петра Великого и всех его преемников»¹⁷⁴. О судьбе греков речи не шло. Убедившись в невозможности реализовать свою программу действий, И. А. Каподистрия в мае 1822 г. взял бессрочный отпуск и в начале августа того же года выехал из Петербурга в Эмс, а потом в Швейцарию. Перед отставкой он был принят императором, который сказал: «Мы увидимся, или, по крайней мере, Вы дадите знать о себе. Будьте уверены, что мои чувства к Вам никогда не изменятся»¹⁷⁵. К. Меттерних торжествовал, считая эту фактическую отставку триумфом своей политики. Император Франц I поздравил своего канцлера: «Победа, одержанная Вами, быть может, самая трудная из всех, ознаменовавших Ваше министерство. Я не могу достаточно отблагодарить Вас, но нужно, чтоб и весь мир признал проистекающие из нее благодетельные последствия. Вы сделаете все, что надо, дабы выставить в надлежащем свете счастливые последствия этого триумфа»¹⁷⁶.

Австрийцы надеялись, что с уходом графа из русского МИДа активность Петербурга в греческом вопросе резко пойдет на убыль. До 1827 г. И. А. Каподистрия проживал в окрестностях Женевы, поддерживая греческое движение. Огромную роль в восстании продолжала играть церковь, в которой наметился политический раскол. Преемник Григория V и ставленник султана патриарх Евгений II вновь призвал паству во имя Святого Духа к повинновению «нашему великодушнейшему правителю». Ответом на это стало письмо от 28 епископов и около 1000 священников, в котором провозглашалась независимость Греции.

Патриарх Анфимий III, сменивший Евгения II в 1822 г., также призвал повстанцев к повиновению, тоже без особого результата¹⁷⁷. Последняя попытка такого рода была предпринята в феврале 1828 г. патриархом Агафангелом I, с посланцами которого И. А. Каподистрия встретился 2 июня 1828 г. на острове Порос. Граф отказался от любых переговоров о подчинении, но просил патриарха о личном благословении¹⁷⁸. В результате в 1833 г. в Греции были введены автокефалия и синодальное управление, которые были признаны Константинопольской патриархией только в 1850 г.¹⁷⁹

Тем временем действия турок, прежде всего чудовищная резня на острове Хиос весной 1822 г., вызвали рост негодования в Европе и Англии. Остров был завоеван турками в 1566 г. и с тех пор пользовался значительными льготами в самоуправлении и налоговом обложении. В начале 1820-х гг. это была процветающая территория с населением около 120 тыс. человек. Реакция островитян на расправу с патриархом в Константинополе и последующие погромы православных церквей, разумеется, была негативной, тем не менее они отнюдь не торопились поддержать восстание на Пелопоннесе. К острову несколько раз подходили эскадры повстанцев и пытались поднять население на борьбу против турок, однако особого успеха они не имели. Местный паша взял в заложники представителей самых богатых и влиятельных греческих семей и удерживал их в качестве гарантии лояльности христианской общины. Восставшие с негодованием смотрели на хиосцев и упрекали их в предательстве общего дела.

Высадившийся десант получил минимальную поддержку у островитян, но повстанцы осадили цитадель. Активизация греческого флота в районе Хиоса вызвала опасения у султана, пославшего на остров карательную экспедицию. Повстанческая эскадра с десантом ушли, а пришедшие турки в течение месяца вырезали остров. Насилие было системным и массовым — грабили и сжигали церкви, разрушали дома, убивали людей, разоряли даже кладбища (в могилах искали сокровища). Оставшихся в живых поставляли на невольничьи рынки. В апреле 1822 г. на Хиосе было вырезано около 23 тыс. человек, а около 43 тыс. продано в рабство, остров превращен в пустыню. Когда трупы стали разлагаться на солнце, их принялись выбрасывать в море. Ветер гнал их в гавани, где разбухших человеческих тел было столько, что к кораблям не могли подойти шлюпки, так как невозможно было погрузить весло в воду. Воды вокруг острова в какой-то момент стали красными. Столь жестокие преступления вызвали единодушное возмущение в Европе. Сразу же после этого турки пошли на уступки, назначив

19 и 21 июля господарями Валахии и Молдавии двух местных бояр. Вслед за этим последовал указ султана о выводе армии из княжеств, за исключением 2 тыс. человек, которые должны были остаться в качестве почетной стражи¹⁸⁰.

Подобная политика османских властей отнюдь не улучшила их положения, скорее, наоборот, она служила интересам восставших. Протесты английского посла и его призывы к умеренности были проигнорированы¹⁸¹.

Тем временем кризис в Испании углублялся. Конституция 1812 г. свела королевскую власть практически к нулю. Права короны полностью перекрывались однопалатными кортесами, которые собирались на три месяца в год и оставляли для наблюдения над выполнением решения выборных. Король не мог отменить решение кортесов, мог лишь трижды отправить его на перерассмотрение. Диктат народных избранников, стремившихся к реформированию всего и вся, не всем пришелся по вкусу. Назревал серьезнейший кризис. В Валенсии, Кадисе и Картахене образовались местные правительства, не желавшие подчиняться центральному. В июле 1822 г. в Мадриде под лозунгом восстановления абсолютной монархии взбунтовалась гвардия. Выступление было подавлено, начались казни консерваторов, которые тоже не привели к успокоению. Под руководством церкви выступления начались в Каталонии и Наварре¹⁸².

В сентябре 1822 г. на переговорах в Вене Александр I уже явно склонялся к вмешательству в дела Испании. Прибывший в столицу Австрии А. У. Веллингтон тщетно пытался отговорить императора от принятия этого решения. Французские представители поддержали позицию России, Пруссия и Австрия давно выступали за интервенцию¹⁸³. В октябре — декабре 1822 г. в Вероне (Италия) прошел последний конгресс Священного союза, на котором кроме многочисленных дипломатов и итальянских монархов присутствовали Александр I, Франц I и Фридрих-Вильгельм III. Как отмечал участвовавший в конгрессе Ф. Р. Шатобриан, Александр I заметно постарел и утратил свои силы: «Он прослывет в истории разиней и обманутым; но это человек, который пожертвовал величайшим могуществом тому, что он признавал справедливым и полезным для блага общественного... В нем что-то не то рыцаря, не то священника»¹⁸⁴.

Среди прочих вопросов обсуждались греческий и испанский, судьбы бывших владений Испании в Латинской Америке. Испания при конституционном управлении все больше погружалась в хаос, а кортесы были еще менее настроены в пользу свободы латиноамериканских

колоний, чем королевское правительство до 1820 г. Между тем к этому времени испанцы с трудом удерживали под контролем лишь часть Мексики, и возвращение колоний под власть Мадрида было уже невозможно без крупномасштабной военной экспедиции, на которую сама Испания не была способна. В Бразилии с согласия короля Жоана VI была провозглашена империя во главе с сыном этого монарха Педро I. Ввиду сопротивления Англии и США члены Священного союза вынуждены были отказаться от интервенции в Америку, но были продлены сроки австрийской оккупации Сардинии и Неаполя. 1 декабря 1822 г. было подписано соглашение о военном вмешательстве Франции в испанские дела¹⁸⁵.

В результате четыре державы — Россия, Австрия, Пруссия и Франция — обратились к правительству Испании с требованием решительной перемены внутривнутриполитического курса. Самой мягкой по форме была французская нота, на нее последовал резкий ответ¹⁸⁶. Но самой жесткой была отповедь Мадрида Вене, Берлину и Петербургу: «Депеши держав переполнены искаженными фактами, лживыми предположениями и обидными обвинениями. Испанское правительство не намерено входить в их подробный разбор, считая это унижением для себя; оно не признает ни за одной державой в мире права вмешиваться во внутренние дела страны, оно не удалится ни на одну линию от пути, предписанного ему долгом, национальной честью и непреклонной верностью конституции». Русский посол отказался принимать ноту, заявив, что он не оскорбит своего государя чтением подобной бумаги¹⁸⁷.

Уже 25 декабря послу Людовика XVIII в Мадриде было поручено известить конституционное правительство о готовности королевства вместе с союзниками «всеми средствами отражать революционные правила и движения»¹⁸⁸. Послу рекомендовали быть готовым к отъезду¹⁸⁹. Вскоре послы держав покинули столицу Испании. Ее либеральная пресса постоянно твердила о непобедимости армии и поддержке правительства народом, о том, что война с Испанией приведет к новому восстанию в Италии и революции во Франции. На самом деле испанская армия была серьезно дезорганизована и немногочисленна. Пехота насчитывала всего около 40 тыс. человек, и усилить ее было нечем. Казна оставалась пустой. Внутренний займ 1822 г. дал 100 млн реалов при дефиците за первое полугодие в 352 млн. Тогда проблема была решена за счет займа во Франции, заключенного на весьма тяжелых условиях. Теперь о парижском фондовом рынке нужно было забыть, а Лондон не шел далее словесной поддержки¹⁹⁰.

В конце 1823 г. Париж закрыл границу с Испанией под предлогом сохранения от эпидемии горячки, начавшейся в Барселоне. Произошел ряд столкновений между роялистами и либералами обеих стран¹⁹¹. 28 января 1823 г. при открытии заседаний палат король Людовик XVIII заявил: «Ослепление, с коим отринуты были сделанные в Испании представления, оставляет мало надежды на сохранение мира. Я повелел отозвать моего министра. Сто тысяч французов под начальством принца моей фамилии, принца, коего я в сердце своем именую сыном (имеется в виду герцог Ангулемский. — О. А.), готовы выступить, призывая в помощь Бога и Святого Людовика, для сохранения трона потомку Генриха IV, для предохранения сего прекрасного королевства от гибели и для примирения его с Европой»¹⁹². Итак, Людовик XVIII открыто заявил о неизбежности войны. Его слова были использованы Лондоном для вмешательства с целью предотвращения конфликта. Эта попытка закончилась провалом. Континентальные монархии активно поддержали Париж, а в условиях их единства советы и даже угрозы Англии не могли восприниматься серьезно¹⁹³.

Тем не менее члены Священного союза вынуждены были дать свою трактовку речи короля. «Не подлежит сомнению, — отмечал 15 (27) марта К. В. Нессельроде, обращаясь к русскому послу в Париже, — что Франция собирается начать войну не с Испанией, а с революцией в Испании, причем действуя с согласия и при поддержке великих континентальных держав. С этой точки зрения замечание австрийского кабинета представляется справедливым. Вместе с тем верно также и то, что в речи Его Христианнейшего Величества говорилось не о войне между Францией и Испанией, а о войне вообще, которая тем более не явится войной против Испании, и что единственной ее целью будет *спасти это прекрасное королевство от гибели и примирить его с Европой* (курсив авт. — О. А.)»¹⁹⁴.

Вечером 22 марта герцог Ангулемский прибыл в Перпиньян. На границе шла активная подготовка к войне. Французы собрали четыре корпуса двух- и трехдивизионного состава общей численностью 81 тыс. человек, еще один корпус формировался в тылу. После перехода Пиренеев 21 тыс. французов должна была направиться на Барселону, а основные силы двинуться на Мадрид¹⁹⁵. В начале апреля армия начала поход в Испанию. В Париже опасались повторения герильи, и 2 апреля в Байонне принц издал обращение к испанскому народу, в котором разъяснял причины и цели войны. Французская армия вступала в страну только для защиты короля, церкви и порядка¹⁹⁶. «Испанцы! — заверял он. — Все будет сделано с вами и для вас»¹⁹⁷. 3 апреля герцог

Ангулемский обратился и к своим солдатам, он ждал от них верности, порядка и дисциплины¹⁹⁸.

Для демонстрации единства с Францией в штаб-квартиру герцога были направлены представители австрийской, русской и прусской армий. «Будучи осведомлены о пожеланиях, единодушно высказываемых Санкт-Петербургским, Венским и Берлинским Дворами и отвечающих интересам как Франции, так и Испании, — инструктировал 4 (16) мая 1823 г. К. В. Нессельроде флигель-адъютанта полковника Д. П. Бутурлина, — Вы должны проявлять особую заботу о полнейшем согласии между Вами и Вашими австрийскими и прусскими коллегами. Поскольку Вам предстоит сопровождать герцога Ангулемского, Вам надлежит быть крайне предупредительным и относиться к этому члену Царствующего Дома с совершенным почтением. Вы также должны поддерживать наилучшие отношения с офицерами французской армии, с которыми будете делить и труды, и опасности»¹⁹⁹.

На этот раз особого сопротивления французская интервенция не встретила, в Испании уже шла гражданская война между сторонниками короля и кортесов, а у конституционного правительства не имелось союзников вне страны, на которых оно могло бы опереться. В Пиренеях французы не обнаружили сопротивления, горные дефиле и ущелья были преодолены без боев. Под знамена герцога Ангулемского собирались королевские добровольцы во главе со священниками. Крестьяне поставляли продовольствие²⁰⁰. На этот раз французы не занимались реквизициями и исправно платили за все золотом²⁰¹. На перевале Бадассоа собралась толпа в мундирах наполеоновской армии, размахивающая триколорами и наполеоновскими орлами. Это были французы и итальянцы, кричавшие «Да здравствует император! Да здравствует Франция! Да здравствует артиллерия!». Командир шедшей во французском авангарде батареи крикнул: «Да здравствует артиллерия! Но также да здравствует король! Огонь, товарищи!» Картечь разогнала собравшихся. Стоявший рядом испанский пехотный императора Александра I полк оставался безучастным наблюдателем этого представления²⁰².

Сразу же сказались и региональные особенности Испании. Французы не встретили особого сопротивления в Кастилии, но получили здесь поддержку роялистов, сторонники кортесов отступили на юг, в Кадис. Король находился вместе с ними²⁰³. 24 мая авангарды французов вошли в Мадрид. 150-тысячный город не оказывал сопротивления. Французов встречали как освободителей, к удивлению ветеранов, воевавших здесь ранее²⁰⁴. Еще одним явным отличием была массовая

поддержка со стороны церкви и крестьян²⁰⁵. В Мадриде было установлено регентство²⁰⁶. В стране начался роялистский террор.

Сопrotивление, причем довольно упорное, продолжалось в Каталонии, Малаге и Кадисе. Война затягивалась. Назначая посла во Францию К. О. Поццо ди Борго чрезвычайным послом при короле Испании, Александр I изложил 4 (16) июня 1823 г. в рескрипте на имя своего генерал-адъютанта видение сложившейся ситуации: «Одна из главных целей континентального союза — воспрепятствовать тому, чтобы в результате торжества бунтовщиков и их преступных деяний были нарушены и покой стран, расположенных вблизи от театра злополучных действий, и внутреннее спокойствие всех европейских государств. Именно поэтому союзные армии пришли на помощь законной власти в Неаполе и Пьемонте. По той же причине французская армия подала ныне руку помощи испанскому народу и должна освободить короля, которого держит в неволе незначительная группа его взбунтовавшихся подданных. Поскольку поставленная таким образом цель благородна, то не следует пренебрегать никакими средствами ее достижения»²⁰⁷.

Вместе с французскими армиями в Атлантике и в Средиземном море действовали две французские эскадры, появление которых резко усложнило положение революционеров²⁰⁸. Тем не менее блокированный с моря и суши Кадис вопреки ожиданиям оказал почти трехмесячное сопротивление. Понимая неизбежность поражения, либералы предложили королю перед освобождением подписать декрет об амнистии, что он и сделал 29 сентября 1823 г. Король обещал полную и общую амнистию, безопасность имущества и гражданской свободы всех испанцев, признал долги революционного правительства²⁰⁹. 1 октября 1823 г. Фердинанд VII был освобожден, немедленно было распущено регентство в Мадриде. 3 октября капитулировал Кадис, еще ранее сдались Малага²¹⁰. Сразу же после прибытия в лагерь французов король нарушил все свои обещания и развязал кампанию жесточайшего террора²¹¹. Сопrotивление оказывали лишь Барселона и несколько крепостей в Каталонии²¹². 3 ноября сдались Картахена и Аликанте, 4 ноября Барселона. Гражданская война закончилась²¹³. При въезде в столицу Фердинанд VII вопреки данной им амнистии приказал казнить 112 человек²¹⁴. В Мадриде был повешен и Р. Риго. На казнь он прибыл в корзине, которую вез осел²¹⁵.

Революция была повсеместно подавлена, власть восстановлена во всей стране. Началась массовая расправа над побежденными, которую не смогло остановить и заступничество герцога Ангулемского.

Программой Фердинанда VII были массовые репрессии и церковное покаяние нации. Король ехал в свою столицу на колеснице, которую везли на руках его торжествующие верноподданные. Только в 1824 г. снова была объявлена амнистия, значение которой существенно обесценивалось многочисленными оговорками. До этого страну держали в страхе доносы и около 80 тыс. королевских волонтеров, которые под руководством священников грабили и убивали настоящих и вымышленных врагов престола и алтаря²¹⁶. Абсолютная власть монарха была восстановлена и в Португалии, правда, Жоан VI сумел сделать это самостоятельно, опираясь на силы собственных сторонников.

Далеко не все разделяли мысли Александра I. Поход в Испанию был весьма непопулярен. «Сын Отечества» утверждал, что 9/10 французов настроены против него и даже желали поражения своим войскам. Впрочем, последовавшие победы существенно изменили эмоции общенациональности, а быстрая победоносная война укрепила и верность армии Бурбонам²¹⁷. Династия дорого заплатила за такую военную прогулку. Французской казне она обошлась в 200 млн франков²¹⁸. В России эта экспедиция также была весьма непопулярна, что не помешало Александру I наградить герцога Ангулемского орденом Св. Георгия 1-й степени²¹⁹. 18 (30) декабря 1823 г. Людовик XVIII дал аудиенцию русскому послу во Франции, в ходе которой К. О. Поццо ди Борго вручил герцогу знаки ордена. Французская пресса, разумеется, уделила этому событию особое внимание²²⁰. Дела на Иберийском полуострове были отнюдь не самой сложной проблемой для дипломатов.

«Самым затруднительным вопросом из предстоявших для решения тогдашней политике, — писал первый историк русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Г. Мольтке, — было восстание греков против турецкого правительства. На основании принципов, открыто высказанных в Вероне, оно являлось, бесспорно, достойным порицания, и потому посланники новоэллинов не были допущены к конгрессу. Согласно словам знаменитого государственного человека, благополучие будущего должно было выйти единственно из обеспечения существующего, и святость легитимизма была распространена также на наследника калифов. Между тем нельзя было отрицать, что восстание в Морее проявилось из совершенно иного источника, чем карбонаризм и демагогические происки. За алтарь и за родной очаг они выступили на бой, который должен был закончиться или их освобождением, или совершенной гибелью»²²¹.

Отправляясь в Верону, Александр I в сентябре 1822 г. посетил Вену, где задержался на несколько дней для предварительных переговоров

с императором Францем I и К. Меттернихом. Они не были особо успешными²²². Поддержки в греческом вопросе Александр I не получил и на Веронском конгрессе, К. Меттерних опасался того, что идея национального движения в случае успеха греков рано или поздно перекинется на земли Австрийской империи, и требовал трактовать греческое движение как мятеж подданных против законного суверена. Активно поддержала султана и Англия, ее министр иностранных дел лорд Р. С. Кэслри опасался, что в случае победы восставших в районе Проливов вырастет влияние России. Русские представители предложили план восстановления русско-турецких отношений на основе умиротворения Греции, удаления турецких войск из Дунайских княжеств и отмены ограничений русского мореходства и торговли²²³.

Он был бы возможен при активной поддержке союзников, но уполномоченные других держав ограничились общими обещаниями содействия. Александр I не хотел ставить под угрозу единение, мнимое или реальное, европейских держав. В разговоре с министром иностранных дел Франции Ф. Р. Шатобрианом через несколько дней после окончания работы конгресса он заявил: «Я очень рад, что вы, побывав в Вероне, можете быть беспристрастным свидетелем наших действий. Неужели думали, как уверяют наши неприятели, что Священный союз составлен в угоду властолюбию? Это могло бы случиться при прежнем порядке вещей, но в настоящее время станем ли мы заботиться о каких-либо частных выгодах, когда весь образованный мир подвергается опасности? Теперь уже не может быть более политики английской, французской, русской, прусской, австрийской, теперь — одна лишь политика общая, которая должна быть принята народами и государями для блага всех и каждого. Я должен первый пребыть верным тем началам, на коих я основал союз. Представилось испытание — восстание Греции. Ничего не могло быть более выгодного для меня и моего народа, более согласного с общественным мнением в России, как религиозная война против турок, но я видел в волнениях Пелопоннеса признаки революции и удержался. Что ни делали, чтоб разорвать союз? То внушали мне предубеждения, то старались уязвить мое самолюбие, то оскорбляли явно. Но меня очень плохо знали, если думали, что мои убеждения зависели от тщеславия либо могли уступить желанию мщения. Нет! Никогда не оставлю я монархов, с которыми нахожусь в союзе»²²⁴.

Вскоре императора начали покидать его «союзники», разрыв произошел именно в греческом вопросе. Ситуация стала меняться

с весны 1823 г., когда под влиянием общественного мнения и изменившихся взглядов на перспективы греческого вопроса свою позицию изменил Лондон. 11 августа 1822 г. Р. С. Кэслри покончил жизнь самоубийством²²⁵. Лорд Джордж Каннинг, возглавивший британский МИД после этого, придерживался решительно других взглядов, чем его предшественник. Он сформулировал их следующим образом: «Россия покидает свое передовое место на востоке. Англия должна воспользоваться этим и занять его»²²⁶. В инструкции английскому посольству в Турции от 14 февраля 1823 г. он заявил о новой политике: «Англия не могла равнодушно смотреть на участь христианского народа, в продолжении нескольких веков стенающего под игом варваров. Король желает, чтобы великобританский посол вступился за греков как за христиан, потребовал от Порты немедленного исполнения обещаний, данных министрам союзных держав, и поставил на вид дивану, что в случае отказа исполнить их требование Англия не может более оставаться в дружественных отношениях с Портой»²²⁷. 25 марта 1823 г. Дж. Каннинг официально заявил о признании Англией блокады морского побережья Греции от Эпира до Салоник, объявленной греческим революционным правительством за год до этого²²⁸. Великому визирю осталось только поинтересоваться у британского посла, что сделала бы Англия, если бы США признали ирландских мятежников воюющей стороной²²⁹.

Британскому флоту было приказано соблюдать строгий нейтралитет в отношении конфликтующих сторон. В апреле 1823 г. правление британской Левантийской кампании было уведомлено о том, что британские власти не будут добиваться возвращения владельцам грузов и судов, захваченных при попытке нарушения блокады²³⁰. Фактически эти действия были признанием за греками права на ведение военных действий, то есть это было признание Греции *de facto*. Вслед за этим британские власти на Ионических островах стали оказывать открытую поддержку повстанцам. «Английское правительство признало объявленную греками блокаду, — докладывал 28 апреля (10 мая) 1823 г. русский посол в Австрии в Петербург, — и восстановило обычное сообщение между Ионическими островами и Мореей; оно рекомендовало повстанцам обратиться к Порте с предложением преобразовать Морею в княжество по образцу Молдавии и Валахии, предоставив ей такие же привилегии, какими пользуются эти последние. Изменился и характер высказываний английского посла в Константинополе, когда он говорит о греках, что свидетельствует о полном пересмотре британской политики»²³¹.

С 1823–1824 гг. Александр I предпринял ряд новых попыток вернуть инициативу в греческом вопросе²³². Этого требовали собственные интересы России. Турки постепенно переходили от принципа закрытия Проливов для русского торгового флага к запретам на русскую торговлю. Максимумом уступок Порты весной 1823 г. после энергичных русских протестов было предложение использовать Константинополь как порт перегрузки. По их предложению некоторым турецким судовладельцам могли быть предоставлены лицензии для торговли между черноморскими портами и своей столицей. В последней гавани товары должны были перепродаваться для дальнейшей торговли с Европой. Подобная «уступка» не могла привести ни к чему, кроме потерь для России и преимуществ посредника-монополиста для Турции, и поэтому была отвергнута Петербургом²³³. Только торговые дома в Одессе понесли убытки в 2 млн рублей, цены на такие традиционные для русского экспорта товары, как зерно и сало, понизились в русских портах и выросли в европейских. После отказа России от турецких предложений турки начали задерживать и торговые суда под нейтральными (шведскими и генуэзскими) флагами и заставляли их владельцев продавать хлеб в Константинополе²³⁴.

Эта практика приводила к сворачиванию черноморской торговли, что шло уже вразрез с собственно турецкими интересами, так как Константинополь нуждался в привозе русского зерна. «В результате всех чинимых ею препон, проволочек, произвола и притеснений, — докладывал императору в мае 1823 г. градоначальник Одессы, — Порты получает лишь весьма незначительные доходы для своей казны, и они достаются дорогой ценой, ибо она, сама того не сознавая, несет еще и косвенные убытки. Поэтому причины подобного поведения можно усмотреть лишь в удовольствии, которое доставляет Порте возможность пользоваться безнаказанностью, испытывать долготерпение других и злоупотреблять им, основывая свои права ныне и впредь на вопиющих несправедливостях и вымогательстве»²³⁵. Быстрое решение греческой проблемы становилось в порядок дня, и подобные действия турецких властей лишь подталкивали русскую дипломатию к отказу от прежней линии поведения. Изменения в отношении Англии к повстанцам также способствовало этому.

В сентябре 1823 г. под Брестом в присутствии императора были проведены большие маневры польской армии, Литовского корпуса и русской гвардии, было собрано почти 70 тыс. человек. Демонстрация силы получилась внушительной, на учения прибыли представи-

тели Австрии, Пруссии, Англии и Ганновера²³⁶. 9 (21) января 1824 г. Россия предложила совместное выступление Великих держав с проектом широкой автономии материковой Греции и островов Архипелага по образцу Дунайских княжеств с выводом турецких войск и при гарантии европейских государств²³⁷. Этот план не устраивал ни одну из сторон конфликта, к тому же о совместных принудительных мерах по отношению к Турции на конференции послов, проходившей в Петербурге, договориться не удалось. Зато 31 мая 1824 г. парижская газета «Конституционель» опубликовала текст русского проекта решения греческой проблемы²³⁸.

Это произошло практически накануне созыва в Петербурге конференции уполномоченных России, Англии, Австрии, Франции и Пруссии, которая начала свою работу 5 (17) июня. Русская программа была обсуждена и в основной своей части одобрена, однако на предложение К. В. Нессельроде направить дипломатическим представителям этих держав в Турции идентичные инструкции о совместном демарше перед Портой по греческому вопросу последовал отказ. Представители Европы сослались на отсутствие необходимых полномочий. Тем не менее активизация дипломатических усилий не прошла бесследно. В июне 1824 г. турки открыли Проливы для торгового судоходства. При этом проходившие суда обкладывались особым налогом, который должен был компенсировать потери, понесенные в результате восстания. Разумеется, эта мера наносила ущерб интересам России, которая должна была расплачиваться за фискальную политику султана. Восстановления объемов русского торгового судоходства так и не последовало²³⁹. Между тем, отчаявшись ждать поддержки от Европы или России, большинство руководителей повстанцев, которые отрицали идею автономии, обратились за поддержкой к Лондону²⁴⁰.

«Всего опаснее для дипломатии было то, — отмечал Г. Мольтке, — что вскоре нельзя было скрыть, что греки приобретут свободу и без помощи европейских кабинетов; как только же представилась возможность достижения этого результата, проявилось вместе с тем недоверие, чтобы какой-нибудь сосед, отказавшись от установленных принципов, не подал бы своевременно руку помощи новой выскочке в семье европейских государств, обеспечивая за собою прочное влияние и политический перевес. Старые завоевательные планы, религиозное родство и географическое положение России, при боевой готовности ее войск, побуждали признавать именно этого соседа за самого опасного»²⁴¹. Помощь повстанцам пришла не от близкого

соседа, чего боялись во многих европейских столицах. В июле 1824 г. последовало предоставление грекам британского займа в 800 тыс. фунтов. Ежегодные проценты по займу составили 40 тыс. фунтов. Это была огромная сумма, но выбора у греков не было²⁴². «Прочное влияние и политический перевес» данное решение действительно обеспечило Лондону надолго: греческое королевство сумело погасить этот долг только в 1890 г.²⁴³ Получение солидной финансовой помощи способствовало созданию основ регулярной повстанческой армии, которая до этого была представлена исключительно ополчениями. Россия теряла инициативу в деле защиты православных подданных султана.

В ответ на решение султана вывести войска из Дунайских княжеств и открытие Проливов 15 (27) августа 1824 г. Александр I принял решение о восстановлении разорванных в 1821 г. дипломатических отношений с Турцией и возвращении посла в Константинополь. На этот пост был назначен граф А. И. Рибопьер²⁴⁴. Между тем положение на Балканах постоянно ухудшалось. В военных действиях возникла пауза. Греки не могли выйти за пределы Пелопоннеса, а турки прорваться на полуостров. Турецкая армия состояла из устаревших ополчений, кавалерия формировалась из помещиков, не все из которых могли обеспечить содержание лошадей и покупку сбруи, некоторые являлись на службу на мулах, с веревочными стремянами и т. п. Пехота была плохо вооружена, скверно дисциплинирована и почти не обучена, служба снабжения отсутствовала²⁴⁵.

Среди лидеров ополчений повстанцев, ориентировавшихся на Россию, Англию и Францию, началась борьба за власть, принявшая форму гражданской войны. Тем временем по просьбе султана на помощь к нему пришли войска его вассала — египетского паша Мехмеда-Али. Египтяне начали активные действия по подавлению греческого восстания, а египетская армия была обучена европейцами. Начало положили в 1815–1819 гг. выходцы из французской армии, обучившие первый батальон. На турецкий был переведен и французский устав, ставший основой египетского военного строительства. Армия была построена на жестокой дисциплине, физические наказания вводились для всех, включая офицеров²⁴⁶. Паша существенно укрепил Египет и его владения, ввел ряд государственных монополий (хлопок, конопля, индиго), что укрепило его казну и повысило возможность самостоятельных действий²⁴⁷. Вскоре его армия уже имела хороший опыт военных действий, в 1818 г. египтяне закончили трудную войну на Аравийском полуострове, подавив сопротивление ваххабитов²⁴⁸.

В 1802 г. они взяли Мекку, где разрушили почитаемые гробницы, ограбили мечети, казнили городского кади¹ и местных шейхов. Вскоре сдалась Медина. Восставшие прекратили движение караванов, вскоре они начали пиратствовать в Персидском заливе. Особенно активно нападали на британские торговые суда. Ваххабиты угрожали Сирии. Турецкие власти были бессильны. В 1815 г. в поход выступил Мехмед-Али. В одну кампанию ему удалось разбить основные силы ваххабитов и освободить от них побережье Красного моря, Мекку и Медину. В 1818 г. война была закончена. В плен к сыну египетского правителя Ибрагим-паше попал вождь повстанцев²⁴⁹. Корабли для египетского флота строились на верфях Ливорно, Венеции, Марселя и Америки, во флоте служили офицеры-французы, значительно поднявшие его боеспособность. Мехмед-Али хорошо понимал преимущества западного образования и с 1826 г. начал отправлять для обучения в Европу своих подданных²⁵⁰. На построенных в Египте мануфактурах европейцы обучали египтян обращению с машинами²⁵¹.

Египтяне начали действовать против греков на море и островах. В 1822 г. в связи с активизацией повстанческого флота у Кипра контроль над островом был передан Мехмед-Али. 18 апреля здесь высадились египтяне и через два дня начали новую резню, жертвами которой стали уже и европейцы. Протесты консулов игнорировались. В результате разного рода преследований с 1821 по 1825 г. Кипр покинули от 20 до 25 тыс. греков — более четверти населения острова²⁵². За поддержку в действиях против греческих повстанцев Мехмеду-Али был обещан пашалык в Морее. Ибрагим-паша с 17-тысячным корпусом в 1825 г. полностью подавил сопротивление повстанцев на острове Крит, после чего 24 февраля 1825 г. высадил 4 тыс. пехотинцев и 500 кавалеристов в Морее. Греческий флот не помешал этой перевозке²⁵³.

Организация управления на освободившихся территориях вообще находилась на крайне низком уровне. Продолжалась вражда между отдельными группами повстанцев, их отряды изымали продовольствие и фураж у крестьян, что стало причиной массового недовольства. Законодательный корпус был избран военными лидерами и торговой верхушкой и никак не мог способствовать умиротворению. Группы депутатов ориентировались на своих покровителей. Суды практиковали нечто среднее между французскими и византийскими

¹ Кади — духовное лицо у мусульман, исправляющее обязанности судьи.

кодексами, а их решения мало кто выполнял²⁵⁴. Повстанцы не отличались высокой дисциплиной, матросы флота потребовали выплаты задержанного на один-два месяца жалования и временного отпуска кораблей с экипажами домой, на острова. Воспользовавшись этим, египтяне перевезли Ибрагиму еще 6 тыс. пехотинцев и 500 кавалеристов²⁵⁵.

К этому времени регулярная, обученная французскими, итальянскими и английскими инструкторами греческая армия не превышала 4 тыс. человек, она значительно уступала по численности противнику. Ополчения повстанцев, достаточно эффективные в действиях партизанского толка, не могли с успехом противостоять более многочисленному и хорошо обученному противнику. Сказывалось и отсутствие единого командования, характерная черта такого рода отрядов. Кроме того, поначалу греки явно недооценивали египтян, считая их настолько же слабым противником, каким были турки.

К. В. Нессельроде весной 1825 г. считал победу греков опасной для будущей стабильности Европы, а поражение их недопустимым по последствиям, так как предвидел полное уничтожение всего греческого населения Турции. В качестве выхода из этого тупика он предпочитал рассматривать сотрудничество с Францией, Пруссией и Австрией, которого, по сути дела, не существовало. Целью этого сотрудничества было бы совместное выступление в защиту греков и, в финале, автономия Греции²⁵⁶. Ради восстановления мира на Балканах русский МИД советовал М. Обреновичу сохранять спокойствие и не поддаваться соблазну последовать примеру восставших²⁵⁷. Все попытки Александра I и К. В. Нессельроде достичь общей позиции по греческому вопросу с континентальными союзниками оканчивались неудачей. «С одной стороны, — докладывал 8 (20) июня 1815 г. министру русский поверенный в делах в Турции М. Я. Минчаки, — планы Порты ныне хорошо известны; с другой стороны, совещания в Санкт-Петербурге и Константинополе доказали, что союзники отнюдь не разделяют великодушных намерений нашего кабинета, а истребление греков между тем продолжается. Если бы записка нашего кабинета о дальнейших шагах в восточных делах была рассмотрена с доверием и непредвзято, то Европа увидела бы, что сделала Россия для спасения этой несчастной нации, увидела бы, с какой умеренностью и терпением эта держава добивалась, чтобы бедствиям войны был положен конец. Союзников можно обвинить в том, что эта разумная политика не принесла плодов, но легко было предвидеть, что из-за отсутствия единства взглядов, ин-

тересов и целей каждый из них станет проводить свою собственную политику»²⁵⁸.

Пока русская дипломатия пребывала в этом тупике, вооруженные и обученные по европейскому образцу ветераны Ибрагим-паши сразу же продемонстрировали свое преимущество. Египетская армия уже в мае 1825 г., то есть вскоре после высадки, овладела Наварином (совр. Пилос, Греция) и устроила там резню населения. Вслед за этим была осаждена главная крепость повстанцев Миссолунги. 12 августа 1825 г. руководители восстания особым актом провозгласили переход Греции под покровительство Великобритании²⁵⁹.

Практически все надежды и расчеты русского монарха рушились на его глазах. Огромным ударом для императора было и личное горе. В январе 1824 г. умерла его незаконнорожденная и горячо любимая дочь София Нарышкина²⁶⁰. Смерть единственного пережившего детские годы ребенка глубоко потрясла Александра. «Я наказан за все свои увлечения», — сказал он²⁶¹.

Единственным кажущимся успокоением был ход дел в Царстве Польском. В 1822 г. генерал И. Зайончек рекомендовал императору не торопиться с созывом сейма, и соответственное решение было принято Александром I только 12 (24) августа 1824 г.²⁶² В 1821 г. масонские и тайные общества по представлению Н. Н. Новосильцева были запрещены в Царстве Польском, в следующем году такое же запрещение последовало и для всей империи. К 1825 г. управление в царстве добилось значительных и заметных положительных результатов, стабилизировалась местная финансовая система, весьма заметно поднялась легкая промышленность²⁶³. 1 (13) февраля 1825 г. последовал указ о дополнении некоторых статей конституции 1815 г. Ограничивалось право публики посещать, а печати освещать заседания сейма кроме торжественных дней его закрытия и открытия²⁶⁴.

1 (13) мая 1825 г. сейм был открыт императором. «Представители Польского королевства! — заявил он. — Чуждые постороннего влияния, обсуждайте дела со спокойствием. Будущность вашего отечества в руках ваших»²⁶⁵. На этот раз депутаты не подвели ожиданий Александра I, который, закрывая сейм 1 (13) июня 1825 г., не мог, по его словам, найти достаточно слов, чтобы похвалить их работу. Он покидал Варшаву довольным и обещал рассмотреть все прозвучавшие ходатайства²⁶⁶. Внешне могло показаться, что диалог между тронem и сеймом восстановлен. Тем не менее в Польше возникла очень напряженная обстановка, накапливалось политическое недовольство, с последствиями которого пришлось столкнуться Николаю I.

Кризис восстания на Пелопоннесе, который угрожал самому существованию греческого населения в Европе, кризис усилий организовать совместное с остальными державами выступление в его защиту — все это привело к тому, что в последние месяцы жизни Александр I решил готовиться к самостоятельным действиям и отбыл с инспекционной поездкой на Юг России. «Недовольный настоящим, неуверенный в будущем, — вспоминал А. Х. Бенкендорф, — строгий к самому себе, он стал несчастливым, потерял вкус к жизни и к своему могуществу. Он умер в скорби о потерянных иллюзиях и в предвидении будущих бедствий»²⁶⁷. Это произошло 19 ноября (1 декабря) 1825 г. в Таганроге.

Примечания

Первые шаги императора, нормализация отношений с Великобританией

- ¹ Рескрипты и письма Павла Петровича к графу Семену Романовичу Воронцову. В Павловске, июня 16-го 1797 года // Архив князя Воронцова. М., 1883. Кн. 28. С. 169; Беломор А. Балтийский флот на рубеже XVIII и XIX столетий // Русский вестник (далее — РуВ). 1902. Т. 277. № 1. С. 139; № 2. С. 589.
- ² Александренко В. Император Павел I и англичане (Извлечение из донесений Витворта) // Русская старина (далее — РС). 1898. Т. 96. Вып. 10. С. 99.
- ³ Император Павел графу С. Р. Воронцову // Русский архив (далее — РуА). М., 1912. Вып. 11. С. 401.
- ⁴ Письма графа Н. П. Панина к графу С. Р. Воронцову. С.-Петербург, 28 мая 1800 // Архив князя Воронцова. М., 1877. Кн. 11. С. 115–116.
- ⁵ Александренко В. Указ. соч. // РС. 1898. Т. 96. Вып. 10. С. 100; Император Павел графу С. Р. Воронцову // Ру А. М., 1912. Вып. 11. С. 401.
- ⁶ Всеподданнейшие письма графа С. Р. Воронцова. Лондон, 28 сентября (9 октября) 1798; 24 мая (4 июня) 1799; 27 апреля (9 мая) 1800; 15 (27) июня 1800 // Архив князя Воронцова. М., 1876. Кн. 10. С. 325–328, 332, 335, 352; Рескрипты и письма Павла Петровича к графу Семену Романовичу Воронцову. Санкт-Петербург, мая 23 дня 1800 года // Архив князя Воронцова. Кн. 28. С. 214.
- ⁷ Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. СПб., 1895. Т. 11. Трактаты с Англиею 1801–1831. С. 6–7.
- ⁸ Беломор А. Указ. соч. // Ру В. 1902. Т. 278. № 3–4. С. 130.
- ⁹ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского Министерства иностранных дел. М., 1960. Сер. 1. 1801–1815. Т. 1. Март 1801 — апрель 1804 г. С. 12.
- ¹⁰ Злобин К. К. Дипломатические сношения между Россиею и Швециею в первые годы царствования императора Александра I до присоединения Финляндии

- к России // Сборник Русского исторического общества (далее — Сборник РИО). СПб., 1868. Т. 2. С. 10–11.
- ¹¹ Александренко В. Указ. соч. // РС. 1898. Т. 96. Вып. 10. С. 100.
- ¹² Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций... СПб., 1883. Т. 6. Трактаты с Германией 1762–1808. С. 289.
- ¹³ Там же. С. 290.
- ¹⁴ Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций... Т. 11. С. 7–8.
- ¹⁵ Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. (далее — ПСЗ). Собрание первое. СПб., 1830. Т. 26. 1800–1801. № 19679. С. 425; № 19697. С. 478; № 19746. С. 525; № 19747. С. 525; № 19755. С. 530–531; № 19775. С. 578–579.
- ¹⁶ Блюх И. С. Финансы России XIX столетия. История-статистика. СПб., 1882. Т. 1. С. 57.
- ¹⁷ Черта русской политики в последние дни XVIII века // Ру А. М., 1874. Вып. 12. Ст. 966.
- ¹⁸ Вандаль А. Возвышение Бонапарта. Происхождение брюмерского консульства. Конституция III-го года. СПб., 1905. С. 418.
- ¹⁹ Р. Мальтийский орден и отношения его к России // Ру В. 1879. Т. 143. № 9. С. 33–34.
- ²⁰ Черта русской политики... // Ру А. М., 1874. Вып. 12. С. 967–970.
- ²¹ Рябинин Д. Людовик XVIII в России // Ру А. М., 1877. Вып. 9. С. 52–54, 56, 58, 76–77; Чешихин Е. В. Людовик XVIII в Митаве, по новым бумагам // Ру А. М., 1888. Вып. 7. С. 269–270; Французское войско на русском содержании (корпус принца Конде). Подлинные современные бумаги // Ру А. М., 1888. Вып. 7. С. 283–285; Рескрипты и письма Павла Петровича к графу Семену Романовичу Воронцову. Августа 19-го 1797 года // Архив князя Воронцова. Кн. 28. С. 172–173; Военский К. А. Очерки курляндской старины (По поводу столетия присоединения Курляндии к России) // Исторический вестник (далее — ИВ). 1896. № 7. С. 120–122, 130, 136; Император Павел и его время. Записки барона Гейкинга. 1796–1801 // РС. 1887. Т. 56. Вып. 12. С. 814–815; Материалы, относящиеся к пребыванию в Митаве королевского семейства в 1798 г. // РС. 1896. Т. 85. Вып. 2. С. 377–380; Бурбоны в изгнании в Митаве и в Варшаве // РС. 1900. Т. 101. Вып. 1. С. 232–257; Записка Людовика XVIII к Н. И. Арсеневу // РС. 1911. Т. 146. Вып. 5. С. 393–394.
- ²² Проект сухопутной экспедиции в Индию, предложенный императору Павлу Петровичу первым консулом Наполеоном Бонопарте / Пер. с фр. М., 1847. С. 7–36; Проект Наполеона I о покорении Индии // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Издание Военно-Ученого комитета Главного штаба. СПб., 1885. Вып. XVI. С. 159–166.
- ²³ Проект русско-французской экспедиции в Индию. 1800 г. // РС. 1873. Т. 7. Вып. 9. С. 401–407; Проект экспедиций в Индию, предложенных Наполеоном Бонопарте императорам Павлу и Александру в 1800 и в 1807–1808 годах // Сборник геогра-

- фических, топографических и статистических материалов по Азии. Издание Военно-Ученого комитета Главного штаба. СПб., 1886. Вып. XXIII. С. 29–36.
- ²⁴ Разбор «восточных проектов» Наполеона см.: *Безотосный В. М.* Россия и Европа в эпоху 1812 года. Стратегия и геополитика. М., 2012. С. 138–188.
- ²⁵ Проект экспедиций в Индию, предложенных Наполеоном Бонапарте... // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Издание Военно-Ученого комитета Главного штаба. СПб., 1886. Вып. XXIII. С. 48–49, 51.
- ²⁶ Там же. С. 53.
- ²⁷ *Арсеньев А. В.* Атаман Платов — завоеватель Индии // ИВ. 1893. № 10. С. 50–54.
- ²⁸ Проект экспедиций в Индию, предложенных Наполеоном Бонапарте... // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Издание Военно-Ученого комитета Главного штаба. СПб., 1886. Вып. XXIII. С. 54, 59.
- ²⁹ Проект русско-французской экспедиции в Индию. 1800 г. // РС. 1873. Т. 7. Вып. 9. С. 410.
- ³⁰ Записки донского атамана Денисова. 1763–1841 // РС. 1875. Т. 12. Вып. 2. С. 239.
- ³¹ Талейран — графу Панину. Париж, 7 (19) июля 1800 // Сборник РИО. СПб., 1890. Т. 70. С. 1–3.
- ³² Поход англичан и русских в северную Голландию в 1799 году // Военный журнал (далее — ВЖ). 1844. № 4. С. 30; *Орлов Н. Н.* Швейцарский поход Суворова в 1799 году // Ру В. 1894. Т. 234. № 10. С. 37; *Военский К.* Бонапарт и русские пленные (Эпизод из истории франко-русских отношений в конце XVIII и начале XIX века) // Военный сборник (далее — ВС). 1906. № 12. С. 3, 8–9, 13.
- ³³ Мемуары князя Адама Чарторыйжского и его переписка с императором Александром I. М., 1912. Т. 1. С. 246.
- ³⁴ Из записок Д. П. Рунича // РС. 1901. Т. 105. Вып. 2. С. 341.
- ³⁵ *Мартенс Ф. [Ф.]* Собрание трактатов и конвенций... СПб., 1902. Т. 13. Трактаты с Францией 1717–1807. С. 250, 255–259.
- ³⁶ *Трачевский А. С.* Россия и Франция в конце прошлого века. 1794–1799 // Вестник Европы (далее — ВЕ). 1885. № 6. С. 562.
- ³⁷ Кларк — Бонапарту. Брюссель, 28 ноября (10 декабря) 1800 // Сборник РИО. СПб., 1890. Т. 70. С. 20.
- ³⁸ М. И. Кутузов. Документы. М., 1950. Т. 1. С. 619.
- ³⁹ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1960. Сер. 1. 1801–1815. Т. 1. Март 1801 — апрель 1804 г. С. 11.
- ⁴⁰ *Терентьев М. А.* История завоевания Средней Азии. СПб., 1906. Т. 1. С. 43.
- ⁴¹ Записки донского атамана Денисова. 1763–1841 // РС. 1875. Т. 12. Вып. 2. С. 241–242.
- ⁴² *Терентьев М. А.* Указ. соч. Т. 1. С. 43.
- ⁴³ Проект экспедиций в Индию, предложенных Наполеоном Бонапарте... // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Издание Военно-Ученого комитета Главного штаба. СПб., 1886. Вып. XXIII. С. 61.

- ⁴⁴ Арсеньев А. В. Указ. соч. // ИВ. 1893. № 10. С. 73.
- ⁴⁵ Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций... Т. 6. С. 286–294.
- ⁴⁶ Рескрипты и письма Павла Петровича к графу Семену Романовичу Воронцову. Санкт-Петербург, мая 23 дня 1800 года // Архив князя Воронцова. М., 1884. Кн. 30. С. 485–486.
- ⁴⁷ Беломор А. Указ. соч. // Ру В. 1902. Т. 278. № 3–4. С. 135.
- ⁴⁸ ПСЗ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 26. 1800–1801. № 19756. С. 532.
- ⁴⁹ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1960. Сер. 1. 1801–1815. Т. 1. С. 12.
- ⁵⁰ Злобин К. К. Указ. соч. // Сборник РИО. СПб., 1868. Т. 2. С. 12.
- ⁵¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1960. Сер. 1. 1801–1815. Т. 1. С. 16.
- ⁵² Там же. С. 17–18.
- ⁵³ Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций... Т. 11. С. 9.
- ⁵⁴ Письма императора Александра Павловича адмиралу Макарову // Ру А. М., 1875. Вып. 1. Ст. 11.
- ⁵⁵ Письмо графа Г. И. Кушелева // Ру А. М., 1875. Вып. 1. Ст. 11.
- ⁵⁶ Беломор А. Указ. соч. // Ру В. 1902. Т. 278. № 3–4. С. 138.
- ⁵⁷ Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций... Т. 11. С. 9.
- ⁵⁸ Раздолгин А. А., Скориков Ю. А. Кронштадтская крепость. Л., 1988. С. 80.
- ⁵⁹ Огородников С. История Архангельского порта // Морской сборник (далее — МС). 1875. № 9. С. 118–119.
- ⁶⁰ Сперанский В. Н. Военно-экономическая подготовка России к борьбе с Наполеоном в 1812–1814 гг. Дисс. на соиск. уч. ст. к. и. н. Горький, 1967. С. 47.
- ⁶¹ Письма графа Н. П. Панина к графу С. Р. Воронцову. С.-Петербург, 2 мая 1801 г. // Архив князя Воронцова. Кн. 11. С. 126.
- ⁶² Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций... Т. 11. С. 9.
- ⁶³ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1960. Сер. 1. 1801–1815. Т. 1. С. 28.
- ⁶⁴ Два письма графа С. Р. Воронцова // Ру А. М., 1874. Вып. 12. Ст. 992.
- ⁶⁵ Там же. Ст. 994.
- ⁶⁶ Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. СПб., 1904. Т. 2. С. 55.
- ⁶⁷ Мэхэн А. Т. Влияние морской силы на французскую революцию и империю. М., СПб., 2002. Т. 2. 1802–1812. С. 90.
- ⁶⁸ Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций... Т. 11. С. 28–45; Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1960. Сер. 1. 1801–1815. Т. 1. С. 35–39.
- ⁶⁹ М. И. Кутузов. Документы. Т. 1. С. 611–612.
- ⁷⁰ Записки Льва Николаевича Энгельгардта // Ру В. 1859. Т. 24. № 1. С. 598.
- ⁷¹ Англия перед угрозой десанта Наполеона I (1801–1805 гг.) // Красный архив (далее — КА). М., 1941. Т. 3 (106). С. 123.

- ⁷² Там же. С. 124–125.
- ⁷³ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1960. Сер. 1. 1801–1815. Т. 1. С. 41.
- ⁷⁴ ПСЗ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 26. 1800–1801. № 19907. С. 692.
- ⁷⁵ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1960. Сер. 1. 1801–1815. Т. 1. С. 108–109.
- ⁷⁶ *Мартенс Ф. [Ф.]* Собрание трактатов и конвенций... Т. 11. С. 27.

**Новый курс — охрана европейского
политического равновесия,
преобразования императора**

- ¹ *Соловьев С. М.* Император Александр Первый. Политика, дипломатия. СПб., 1877. С. 15.
- ² *Богданович [М.] [И.]* История царствования императора Александра I и Россия в его время. Извлечения из «Заседаний Неофициального комитета». М., 1869. Т. 1. С. 41.
- ³ *Соловьев С. М.* Император Александр Первый... С. 16–17.
- ⁴ Мемуары князя Адама Чарторыжского... Т. 1. С. 295.
- ⁵ *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый... Т. 2. С. 82.
- ⁶ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1960. Сер. 1. 1801–1815. Т. 1. С. 49.
- ⁷ Бонапарт Императору Александру I. Париж, 14 (26) апреля 1801 // Сборник РИО. СПб., 1890. Т. 70. С. 121.
- ⁸ *Татищев С. С.* Из прошлого русской дипломатии. Исторические исследования и политические статьи. СПб., 1890. С. 283.
- ⁹ *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый... Т. 2. С. 58.
- ¹⁰ *Блиох И. С.* Указ. соч. Т. 1. С. 85.
- ¹¹ Песня на восшествие на престол Александра I // РС. 1891. Т. 71. Вып. 11. С. 530.
- ¹² Письмо к издателю // Вестник Европы, издаваемый Николаем Карамзиным (далее — Вест. Е). М., 1802. № 1. С. 3.
- ¹³ Письмо Адама Чарторижского неизвестному лицу // Ру А. М., 1863. Вып. 10–11. С. 875–876.
- ¹⁴ Император Александр Павлович и князь Адам Чарторыжский // Ру А. М., 1871. Вып. 4–5. С. 699–700.
- ¹⁵ Мемуары князя Адама Чарторыжского... Т. 1. С. 85.
- ¹⁶ *Татищев С. С.* Из прошлого русской дипломатии... С. 329.
- ¹⁷ *Де Местр Ж.* Петербургские письма. 1803–1817. СПб., 1995. С. 28.
- ¹⁸ *Татищев С. С.* Из прошлого русской дипломатии... С. 17.
- ¹⁹ *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый... Т. 2. С. 60.

- ²⁰ *Мартенс Ф. [Ф.]* Собрание трактатов и конвенций... Т. 13. С. 263–270; Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1960. Сер. 1. 1801–1815. Т. 1. С. 95–101.
- ²¹ *Соловьев С. М.* Император Александр Первый... С. 26–28.
- ²² О посредствах России и Франции в делах Германии // Вест. Е. М., 1802. № 19. С. 233.

**1802–1805 годы:
на пути к Третей коалиции**

- ¹ А. Воронцов Моркову. Петербург, 20 января (1 февраля) 1803 // Сборник РИО. СПб., 1891. Т. 77. С. 21.
- ² Политика. Всеобщее обозрение // Вест. Е. М., 1802. № 1. С. 75.
- ³ *Соловьев С. М.* Император Александр Первый... С. 31.
- ⁴ *Тарле Е. В.* Континентальная блокада. Исследования по истории промышленности и внешней торговли Франции в эпоху Наполеона I. Сочинения в 12 т. М., 1958. Т. 3. С. 118–119.
- ⁵ Англия перед угрозой десанта Наполеона I (1801–1805 гг.) // КА. М., 1941. Т. 3 (106). С. 126.
- ⁶ Рескрипты и письма императора Александра I к графу Александру Романовичу Воронцову. В Санкт-Петербурге, августа 24-го 1802 // Архив князя Воронцова. Кн. 28. С. 381.
- ⁷ *Огородников С. Ф.* Исторический обзор развития и деятельности Морского министерства за сто лет его существования (1802–1902 гг.). СПб., 1902. С. 41.
- ⁸ Письма П. В. Чичагова графу С. Р. Воронцову. Le 16 nov. v. s. 1803 // Архив князя Воронцова. М., 1881. Кн. 19. С. 98–100.
- ⁹ Исторический очерк развития штатов российского флота // МС. 1911. № 4. С. 10.
- ¹⁰ *Афанасьев Д. М.* К истории Черноморского флота // Ру А. М., 1902. Вып. 2. С. 231.
- ¹¹ ПСЗ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 27. 1802–1803. № 21038. С. 1005–1015.
- ¹² *Беломор А.* Указ. соч. // Ру В. 1902. Т. 277. № 2. С. 585.
- ¹³ *Богданович [М.] [И.]* История царствования императора Александра I... Т. 1. С. 214, 218–219, 222; *Огородников С.* История Архангельского порта // МС. 1875. № 9. С. 137–138.
- ¹⁴ Роспись доходам и расходам на 1803 год // Сборник РИО. СПб., 1885. Т. 45. С. 103.
- ¹⁵ То же на 1804 год. С. 115.
- ¹⁶ То же на 1805 год. С. 127.
- ¹⁷ То же на 1806 год. С. 142.
- ¹⁸ Бонапарт императору Александру. Париж, 27 февраля (11 марта) 1803 // Сборник РИО. СПб., 1891. Т. 77. С. 54–56.
- ¹⁹ *Мартенс Ф. [Ф.]* Собрание трактатов и конвенций... Т. 13. С. 279.
- ²⁰ *Соловьев С. М.* Император Александр Первый... С. 34.

- ²¹ Донесения из Франции графа А. И. Моркова императору Александру Павловичу // Ру А. М., 1873. Вып. 12. Ст. 2435.
- ²² Морков двору. Париж, 4/16 марта 1803 // Сборник РИО. СПб., 1891. Т. 77. С. 65.
- ²³ *Мартенс Ф. [Ф.]* Собрание трактатов и конвенций... Т. 13. С. 279–280.
- ²⁴ Император Александр I Бонапарту. Петербург, 10/22 апреля 1803 // Сборник РИО. СПб., 1891. Т. 77. С. 102.
- ²⁵ *Богданович [М.] [И.]* История царствования императора Александра I... Т. 1. С. 319–320.
- ²⁶ *Мэхэн А. Т.* Указ. соч. Т. 2. С. 170–172.
- ²⁷ *Gooch J.* *Armies in Europe.* L., Boston, Henley, 1980. P. 46.
- ²⁸ *Hinde W. George Canning.* L., 1973. P. 119.
- ²⁹ Англия перед угрозой десанта Наполеона I (1801–1805 гг.) // КА. М., 1941. Т. 3 (106). С. 129–131, 133.
- ³⁰ *Петров А. [Н.]* Война России с Турцией 1806–1812 гг. СПб., 1885. Т. 1. 1806 и 1807 гг. Михельсон и Мейендорф. С. 13.
- ³¹ Всеподданнейшие письма графа С. Р. Воронцова. Берлин, 28 июня (10 июля) 1802 // Архив князя Воронцова. Кн. 10. С. 414.
- ³² Там же. С. 415.
- ³³ Там же. Приложения. 1802. Доклад государственного канцлера графа С. Р. Воронцова императору Александру Павловичу // Архив князя Воронцова. Кн. 11. С. 435.
- ³⁴ *Петров А. [Н.]* Указ. соч. Т. 1. С. 13.
- ³⁵ *Соловьев С. М.* Император Александр Первый... С. 60.
- ³⁶ Там же. С. 48–49.
- ³⁷ Письма из Петербурга в Италию графа Жозефа де Местра // Ру А. М., 1871. Вып. 6. Ст. 58.
- ³⁸ Император Александр I Бонапарту. 16/28 октября 1803 // Сборник РИО. СПб., 1891. Т. 77. С. 379.
- ³⁹ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1960. Сер. 1. 1801–1815. Т. 1. С. 624.
- ⁴⁰ Там же. С. 624–627, 634–637.
- ⁴¹ *Богданович [М.] [И.]* История царствования императора Александра I... Т. 1. С. 333–336.
- ⁴² *Вандаль А.* Возвышение Бонапарта... С. 496–497.
- ⁴³ Записки князя Таллерана-Перигора. М., 1861. Ч. 3. С. 51.
- ⁴⁴ Там же. С. 66–67, 77–78.
- ⁴⁵ Убри Чарторижскому. Париж, 12/24 марта 1804 // Сборник РИО. СПб., 1891. Т. 77. С. 519–521.
- ⁴⁶ Отрывки из Записок Фуше // Сын Отечества. Исторический и политический журнал (далее — СО). 1825. № 4. С. 416.
- ⁴⁷ Бонопарту на острове Св. Елены // СО. 1817. № 2. С. 85.

- ⁴⁸ Мемуары князя Адама Чарторыжского... Т. 1. С. 337–338.
- ⁴⁹ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1960. Сер. 1. 1801–1815. Т. 1. С. 693.
- ⁵⁰ Письма из Петербурга в Италию графа Жозефа де-Местра // Ру А. М., 1871. Вып. 6. Ст. 65.
- ⁵¹ Из записок графа Гогендорпа // Ру А. М., 1888. Вып. 9. С. 114–115.
- ⁵² Письма из Петербурга в Италию графа Жозефа де-Местра // Ру А. М., 1871. Вып. 6. Ст. 65.
- ⁵³ Протокол Совета 5/17 апреля 1804 г. // Сборник РИО. СПб., 1891. Т. 77. С. 551.
- ⁵⁴ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1961. Сер. 1. 1801–1815. Т. 2. Апрель 1804 — декабрь 1805 г. С. 11.
- ⁵⁵ Соловьев С. М. Император Александр Первый... С. 50.
- ⁵⁶ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1961. Сер. 1. 1801–1815. Т. 2. С. 32–33.
- ⁵⁷ Шильдер Н. К. Император Александр Первый... Т. 2. С. 120.
- ⁵⁸ Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 1. С. 12.
- ⁵⁹ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1961. Сер. 1. 1801–1815. Т. 2. С. 20.
- ⁶⁰ Соловьев С. М. Император Александр Первый... С. 52.
- ⁶¹ Из исторических записок Иоанна-Альберта Эренстрема // РС. 1893. Т. 79. Вып. 9. С. 429–430.
- ⁶² Соловьев С. М. Император Александр Первый... С. 53–54.
- ⁶³ Шильдер Н. К. Император Александр Первый... Т. 2. С. 120.
- ⁶⁴ Политика. Первые годы Царствования Александра I // Вест. Е. М., 1802. № 21. С. 64.
- ⁶⁵ Нота Талейрана г-ну Убри. Париж, 7/19 мая 1804 // Сборник РИО. СПб., 1891. Т. 77. С. 619.
- ⁶⁶ Рейневаль Талейрану. Петербург, 7/19 сентября 1804 // Сборник РИО. СПб., 1891. Т. 77. С. 738.
- ⁶⁷ Шведская война 1808–1809 гг. Составлена военно-историческим отделом шведского Генерального штаба / Пер. группы офицеров Финляндского военного округа под общей редакцией Ген. штаба полковника А. М. Алексева. СПб., 1906. Ч. 1. С. 2.
- ⁶⁸ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1960. Сер. 1. 1801–1815. Т. 1. С. 671–672.
- ⁶⁹ Соловьев С. М. Император Александр Первый... С. 58.
- ⁷⁰ Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 1. С. 17.
- ⁷¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1961. Сер. 1. 1801–1815. Т. 2. С. 41.
- ⁷² Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 1. С. 14.
- ⁷³ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1961. Сер. 1. 1801–1815. Т. 2. С. 51.

- ⁷⁴ Соловьев С. М. Император Александр Первый... С. 57–58.
- ⁷⁵ Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций... Т. 6. С. 342.
- ⁷⁶ Там же. С. 343–345.
- ⁷⁷ Там же. С. 338–340.
- ⁷⁸ Речь, говоренная г-м Бонопарте в полном собрании Законодательного корпуса декабря 27-го дня 1804 года // Вест. Е. М., 1805. № 5. С. 64.
- ⁷⁹ Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 1. С. 20.
- ⁸⁰ Чешихин Е. В. Указ. соч. // Ру А. М., 1888. Вып. 7. С. 280–282; Бурбоны в изгнании в Митаве и в Варшаве // РС. 1900. Т. 101. Вып. 3. С. 735–743.
- ⁸¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1961. Сер. 1. 1801–1815. Т. 2. С. 137.
- ⁸² Там же. С. 267–271.
- ⁸³ Там же. С. 368–377.
- ⁸⁴ Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций... СПб., 1875. Т. 2. Трактаты с Австрией 1772–1808. С. 435.
- ⁸⁵ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1961. Сер. 1. 1801–1815. Т. 2. С. 147.
- ⁸⁶ Мемуары князя Адама Чарторьжского... Т. 2. С. 32.
- ⁸⁷ Там же. С. 34.
- ⁸⁸ Там же.
- ⁸⁹ Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций... Т. 2. С. 436, 437, 440–441; Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 1. С. 363.
- ⁹⁰ Соловьев С. М. Император Александр Первый... С. 70–71.
- ⁹¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1961. Сер. 1. 1801–1815. Т. 2. С. 447.
- ⁹² Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1963. Сер. 1. 1801–1815. Т. 3. Январь 1806 — июль 1807 г. С. 14.
- ⁹³ Талейран Дюрану. Париж, 11 (23) июля 1805 // Сборник РИО. СПб., 1892. Т. 82. С. 90–91.
- ⁹⁴ Там же. С. 92.
- ⁹⁵ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1961. Сер. 1. 1801–1815. Т. 2. С. 574–577.
- ⁹⁶ Там же. М., 1960. Сер. 1. 1801–1815. Т. 1. С. 157.
- ⁹⁷ Станиславская А. М. Россия и конституция 1803 г. Республики Семи Соединенных островов // Международные отношения на Балканах. М., 1974. С. 52–53.
- ⁹⁸ Головизнин К. Очерки из истории русского флота. Капитан-командор Сорокин в Ионической республике // МС. 1882. № 9. С. 36–37.
- ⁹⁹ Там же. С. 43.
- ¹⁰⁰ Головизнин К. Очерки из истории русского флота... // МС. 1883. № 10. С. 145.

- ¹⁰¹ Там же // МС. 1883. № 11. С. 55.
- ¹⁰² *Тарле Е. В.* Экспедиция адмирала Д. Н. Сенявина в Средиземное море (1805–1807). М., 1954. С. 23.
- ¹⁰³ *Шапиро А. Л.* Адмирал Д. Н. Сенявин. М., 1958. С. 87.
- ¹⁰⁴ Письма В. Ф. Боголюбова к князю Александру Борисовичу Куракину // Ру А. М., 1893. Вып. 9. С. 234.
- ¹⁰⁵ Воспоминания на флоте Павла Свинына. СПб., 1818. Ч. 1. С. 14.
- ¹⁰⁶ *Головизнин К.* Очерки из истории русского флота... // МС. 1883. № 12. С. 112.
- ¹⁰⁷ Там же // МС. 1883. № 10. С. 147.
- ¹⁰⁸ *Петров А. [Н.]* Указ. соч. Т. 1. С. 20.
- ¹⁰⁹ *Мартенс Ф. [Ф.]* Собрание трактатов и конвенций... Т. 2. С. 406–419.
- ¹¹⁰ Там же. С. 428–433.

Третья коалиция (1805)

- ¹ *Михайловский-Данилевский [А.] [И.]* Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 г. СПб., 1844. С. 11–12, 20–21, 23, 28; О русско-английских и русско-австрийских переговорах по выработке плана действий союзников см.: Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1961. Сер. 1. 1801–1815. Т. 2. С. 235–246, 392–395.
- ² *Мартенс Ф. [Ф.]* Собрание трактатов и конвенций... Т. 6. С. 351.
- ³ *Клаузевиц К.* 1806 год. М., 1938. С. 62.
- ⁴ *Михайловский-Данилевский [А.] [И.]* Описание первой войны императора Александра с Наполеоном... С. 9–10.
- ⁵ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1961. Сер. 1. 1801–1815. Т. 2. С. 168–169.
- ⁶ Там же. С. 217–218.
- ⁷ *Соловьев С. М.* Император Александр Первый... С. 84.
- ⁸ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1961. Сер. 1. 1801–1815. Т. 2. С. 278–282.
- ⁹ Там же. С. 348.
- ¹⁰ *Palmer A. Metternich. L., 1972. P. 42.*
- ¹¹ ПСЗ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 28. 1804–1805. № 21891. С. 1201–1203.
- ¹² *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый... Т. 2. С. 124–125.
- ¹³ *Михайловский-Данилевский [А.] [И.]* Описание первой войны императора Александра с Наполеоном... С. 34.
- ¹⁴ М. И. Кутузов. Сборник документов. М., 1951. Т. 2. С. 22.
- ¹⁵ Там же. С. 52–53, 73.

- ¹⁶ Англия перед угрозой десанта Наполеона I (1801–1805 гг.) // КА. М., 1941. Т. 3 (106). С. 141.
- ¹⁷ Два знаменитых смотра войск во Франции // ВЖ. 1843. № 1. С. 74–76, 89.
- ¹⁸ Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 1. С. 20; Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание первой войны императора Александра с Наполеоном... С. 51–52.
- ¹⁹ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... М., 1896. Т. 2. С. 12.
- ²⁰ Безотосный В. М. Россия в Наполеоновских войнах 1805–1815 гг. М., 2014. С. 106.
- ²¹ Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание первой войны императора Александра с Наполеоном... С. 55–56.
- ²² Письма Д. С. Дохтурова к его супруге. 1805–1814 // Ру А. М., 1874. Вып. 5. С. 1090–1091.
- ²³ Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание первой войны императора Александра с Наполеоном... С. 56.
- ²⁴ Генерал Багратион. Сборник документов и материалов. М., 1945. С. 37.
- ²⁵ Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание первой войны императора Александра с Наполеоном... С. 91–92.
- ²⁶ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1961. Сер. 1. 1801–1815. Т. 2. С. 517.
- ²⁷ Там же. С. 529.
- ²⁸ Там же. С. 570, 581.
- ²⁹ Фон Леттов-Форбек О. История войны 1806 и 1807 гг. Варшава, 1895. Т. 1. Иена и Ауэрштедт. С. 4.
- ³⁰ Шильдер Н. К. Император Александр Первый... Т. 2. С. 130.
- ³¹ Там же. С. 122–124, 126–129.
- ³² Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 2. С. 7–8.
- ³³ Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций... Т. 6. С. 366.
- ³⁴ Фон Леттов-Форбек О. Указ. соч. Т. 1. С. 4.
- ³⁵ Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций... Т. 2. С. 482.
- ³⁶ Там же. С. 483–484.
- ³⁷ Соловьев С. М. Император Александр Первый... С. 87–88.
- ³⁸ Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций... Т. 2. С. 486.
- ³⁹ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 2. С. 9–10.
- ⁴⁰ Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание первой войны императора Александра с Наполеоном... С. 75.
- ⁴¹ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 2. С. 10.
- ⁴² Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание первой войны императора Александра с Наполеоном... С. 107–108.
- ⁴³ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 2. С. 30.
- ⁴⁴ Безотосный В. М. Россия в Наполеоновских войнах... С. 111–113.

- ⁴⁵ Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание первой войны императора Александра с Наполеоном... С. 118.
- ⁴⁶ Безотосный В. М. Россия в Наполеоновских войнах... С. 116.
- ⁴⁷ Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание первой войны императора Александра с Наполеоном... С. 131.
- ⁴⁸ М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 2. С. 169.
- ⁴⁹ Мэхэн А. Т. Указ. соч. Т. 2. С. 288–289.
- ⁵⁰ Броневский Вл. Отрывки из записок морского офицера // СО. 1818. № 42. С. 166–167.
- ⁵¹ Англия перед угрозой десанта Наполеона I (1801–1805 гг.) // КА. М., 1941. Т. 3 (106). С. 143.
- ⁵² Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание первой войны императора Александра с Наполеоном... С. 12, 137, 139–140, 269, 272.
- ⁵³ Переписка графа С. Р. Воронцова с князем Адамом Чарторьжским. Князь Чарторьжский графу Воронцову. 6 февраля (1806) // Архив князя Воронцова. М., 1880. Кн. 15. С. 361.
- ⁵⁴ Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание первой войны императора Александра с Наполеоном... С. 144, 146.
- ⁵⁵ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1961. Сер. 1. 1801–1815. Т. 2. С. 634.
- ⁵⁶ Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание первой войны императора Александра с Наполеоном... С. 152–153.
- ⁵⁷ Клаузевиц К. 1806 год. С. 64.
- ⁵⁸ Соловьев С. М. Император Александр Первый... С. 60.
- ⁵⁹ Там же. С. 98.
- ⁶⁰ Шильдер Н. К. Император Александр Первый... Т. 2. С. 134–135.
- ⁶¹ Великий Князь Николай Михайлович. Князя Долгорукие, сподвижники Императора Александра I в первые годы его царствования. Биографические очерки. СПб., 1902. С. 15–17.
- ⁶² Письма из Петербурга в Италию графа Жозефа де-Местра // Ру А. М., 1871. Вып. 6. Ст. 72.
- ⁶³ Там же. Ст. 76.
- ⁶⁴ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 2. С. 58; Записки графа Ланжерона, его седьмая кампания в Моравии и Венгрии в 1805 г. // ВС. 1900. № 9. С. 23–24.
- ⁶⁵ Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание первой войны императора Александра с Наполеоном... С. 181–182, 188.
- ⁶⁶ М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 2. С. 229.
- ⁶⁷ Письма из Петербурга в Италию графа Жозефа де-Местра // Ру А. М., 1871. Вып. 6. Ст. 91.
- ⁶⁸ Мемуары князя Адама Чарторьжского... Т. 1. С. 364.

- ⁶⁹ Надлер В. К. Император Александр I и идея Священного Союза. Харьков, 1886. Т. 1. С. 240.
- ⁷⁰ Безотосный В. М. Россия в Наполеоновских войнах... С. 129–137.
- ⁷¹ М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 2. С. 236.
- ⁷² Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание первой войны императора Александра с Наполеоном... С. 210–211, 216.
- ⁷³ Отзывы Наполеона на острове Св. Елены об его отношениях к России и к полякам, записанные графом Ласказом // Ру А. М., 1907. Вып. 12. С. 513.
- ⁷⁴ Записки А. А. Эйлера // Ру А. М., 1880. Вып. 2. С. 344.
- ⁷⁵ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 2. С. 85.
- ⁷⁶ Безотосный В. М. Россия в Наполеоновских войнах... С. 137–138.
- ⁷⁷ Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание первой войны императора Александра с Наполеоном... С. 231, 236, 247; Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1963. Сер. 1. 1801–1815. Т. 3. С. 42.
- ⁷⁸ Де Местр Ж. Указ. соч. С. 62.
- ⁷⁹ ПСЗ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 28. 1804–1805. № 21959. С. 1301.
- ⁸⁰ Письма Д. С. Дохтурова к его супруге. 1805–1814 // Ру А. М., 1874. Вып. 5. Ст. 1092.
- ⁸¹ М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 2. С. 309.
- ⁸² Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 2. С. 86.
- ⁸³ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1963. Сер. 1. 1801–1815. Т. 3. С. 22, 30–31, 51–52.
- ⁸⁴ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 2. С. 93.
- ⁸⁵ Соловьев С. М. Император Александр Первый... С. 100.
- ⁸⁶ Записки графа Л. Л. Беннигсена о войне с Наполеоном 1807 года. СПб., 1900. С. 16.
- ⁸⁷ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 2. С. 94–95.
- ⁸⁸ Клаузевиц К. 1806 год. С. 65–67.
- ⁸⁹ Соловьев С. М. Император Александр Первый... С. 104.
- ⁹⁰ Татищев С. С. Мировой раздел. От Тильзита до Эрфурта // Ру В. 1890. Т. 207. № 3. С. 25.
- ⁹¹ Там же. С. 27.
- ⁹² Прокламация от Наполеона Бонапарта к Венским жителям // Вест. Е. М., 1806. № 3. С. 231.
- ⁹³ Шапиро А. Л. Указ. соч. С. 94–95.
- ⁹⁴ [Броневский В. Б.] Записки морского офицера в продолжение кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина от 1805 по 1810 год. СПб., 1836. С. 113–114; Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 2. С. 131.
- ⁹⁵ Из путевых записок Николая Коростовца (1805) // Ру А. М., 1905. Вып. 2. С. 209–215; Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837. М., 2012. С. 101–106.

- ⁹⁶ Республика Семи Островов // Вест. Е. М., 1802. № 14. С. 148.
- ⁹⁷ Панафидин П. И. Письма морского офицера (1806–1809) // МС. 1916. № 3. С. 39.
- ⁹⁸ Броневский Вл. Отрывки из записок морского офицера // СО. 1819. № 4. С. 174.
- ⁹⁹ Арш Г. Л. Этеристское движение в России. Освободительная борьба греческого народа в начале XIX в. и русско-греческие связи. М., 1976. С. 119.
- ¹⁰⁰ Броневский Вл. Отрывки из записок морского офицера // СО. 1819. № 5. С. 200.
- ¹⁰¹ Панафидин П. И. Указ. соч. // МС. 1916. № 3. С. 39.
- ¹⁰² Броневский Вл. Отрывки из записок морского офицера // СО. 1819. № 4. С. 165–166.
- ¹⁰³ Воспоминания на флоте Павла Свинына. Ч. 1. С. 159.
- ¹⁰⁴ Тарле Е. В. Экспедиция адмирала Д. Н. Сенявина... С. 50; Грачев В. П. Первое сербское восстание и Россия во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг. М., 2010. Часть первая (1806–1809 гг.). С. 14–15.
- ¹⁰⁵ [Броневский В. Б.] Записки морского офицера в продолжение кампании на Средиземном море... С. 141–143, 165; Воспоминания на флоте Павла Свинына. Ч. 1. С. 160.
- ¹⁰⁶ Записка, поданная князем А. Б. Куракиным императору Александру Павловичу после Аустерлицкого сражения. 1805 // Ру А. М., 1869. Вып. 7–8. С. 1135–1136.
- ¹⁰⁷ Петербург в конце XVIII и начале XIX века (По бумагам графа Франца-Габриеля де Брэ) // РС. 1902. Т. 110. Вып. 4. С. 196.
- ¹⁰⁸ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1963. Сер. 1. 1801–1815. Т. 3. С. 137, 146–147.
- ¹⁰⁹ Татищев С. С. Мировой раздел. От Тильзита до Эрфурта // Ру В. 1890. Т. 207. № 4. С. 9, 31–34.
- ¹¹⁰ Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций... Т. 13. С. 332–338.
- ¹¹¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1963. Сер. 1. 1801–1815. Т. 3. С. 136–137.
- ¹¹² Татищев С. С. Мировой раздел. От Тильзита до Эрфурта // Ру В. 1890. Т. 207. № 4. С. 36.
- ¹¹³ Романов Н. М. Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817). Историческое исследование эпохи Александра I. СПб., 1903. Т. 1. С. 142.
- ¹¹⁴ Там же. С. 143–145.
- ¹¹⁵ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 2. С. 127–128.
- ¹¹⁶ Воспоминания на флоте Павла Свинына. Ч. 1. С. 187, 189, 191.
- ¹¹⁷ Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание второй войны императора Александра с Наполеоном в 1806 и 1807 годах. СПб., 1846. С. 4.
- ¹¹⁸ Воспоминания на флоте Павла Свинына. Ч. 1. С. 193.
- ¹¹⁹ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1963. Сер. 1. 1801–1815. Т. 3. С. 183.
- ¹²⁰ Воспоминания на флоте Павла Свинына. Ч. 1. С. 194.

- ¹²¹ *Шапиро А. Л.* Указ. соч. С. 114–115, 118, 138, 142–144, 150, 152.
- ¹²² *Мартенс Ф. [Ф.]* Собрание трактатов и конвенций... Т. 13; Заявление, вызванное неутверждением договора, подписанного в Париже 8/20 июля 1806. Петербург, в начале августа 1806 // Сборник РИО. СПб., 1892. Т. 82. С. 456–460; Трактаты с Францией 1717–1807. С. 294–295; Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1963. Сер. 1. 1801–1815. Т. 3. С. 258.
- ¹²³ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1963. Сер. 1. 1801–1815. Т. 3. С. 273.
- ¹²⁴ Воспоминания на флоте Павла Свиньина. Ч. 1. С. 196.
- ¹²⁵ Воспоминания о плавании Российского флота под командою вице-адмирала Сенявина на водах Средиземного моря // СО. 1816. № 40. С. 45; 1816. № 47. С. 62–66; Из записок генерал-адъютанта Красовского // Ру В. 1880. Т. 148. № 8. С. 520–522; *Богданович [М.] [И.]* История царствования императора Александра I... Т. 2. С. 131–135.
- ¹²⁶ Письма графа С. Р. Воронцова сыну его графу (позднее князю) М. С. Воронцову. Лондон, 8 января н. ст. 1806 // Архив князя Воронцова. М., 1880. Кн. 17. С. 128.
- ¹²⁷ *Михайловский-Данилевский [А.] [И.]* Описание второй войны императора Александра с Наполеоном... С. 2.
- ¹²⁸ *Мэхэн А. Т.* Указ. соч. Т. 2. С. 267.

Четвертая коалиция (1806)

- ¹ *Михайловский-Данилевский [А.] [И.]* Описание второй войны императора Александра с Наполеоном... С. 10.
- ² Записка Чарторижского. 17/29 января 1806 // Сборник РИО. СПб., 1892. Т. 82. С. 293.
- ³ *Михайловский-Данилевский [А.] [И.]* Описание второй войны императора Александра с Наполеоном... С. 10.
- ⁴ Записка Чарторижского. 17/29 января 1806 // Сборник РИО. СПб., 1892. Т. 82. С. 293.
- ⁵ *Михайловский-Данилевский [А.] [И.]* Описание второй войны императора Александра с Наполеоном... С. 10.
- ⁶ *Соловьев С. М.* Император Александр Первый... С. 106; *Богданович [М.] [И.]* История царствования императора Александра I... Т. 2. С. 114–118.
- ⁷ Записка Чарторижского. 17/29 января 1806 // Сборник РИО. СПб., 1892. Т. 82. С. 293–294.
- ⁸ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1963. Сер. 1. 1801–1815. Т. 3. С. 127.
- ⁹ *Богданович [М.] [И.]* История царствования императора Александра I... Т. 2. С. 137–138.

- ¹⁰ Из исторических записок Иоанна-Альберта Эренстрема // РС. 1893. Т. 79. Вып. 9. С. 443.
- ¹¹ Безотосный В. М. Россия в Наполеоновских войнах... С. 156.
- ¹² Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание второй войны императора Александра с Наполеоном... С. 11.
- ¹³ Соловьев С. М. Император Александр Первый... С. 107.
- ¹⁴ ПСЗ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 29. 1806–1807. № 22256. С. 701–702.
- ¹⁵ Там же. С. 702.
- ¹⁶ Paret P. Clausewitz and the state. The man, his theories and his times. Princeton University Press, 1985. P. 111.
- ¹⁷ Клаузевиц К. 1806 год. С. 187.
- ¹⁸ Фон Леттов-Форбек О. Указ. соч. Т. 1. Приложение VII. С. 336–345.
- ¹⁹ Там же. С. 343.
- ²⁰ Манифест Его Величества Короля Прусского о войне против Франции // Вест. Е. М., 1806. № 23. С. 239.
- ²¹ Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание второй войны императора Александра с Наполеоном... С. 16.
- ²² Клаузевиц К. 1806 год. С. 9.
- ²³ Записки графа Л. Л. Беннигсена о войне с Наполеоном 1807 года. С. 18.
- ²⁴ Paret P. Op. cit. P. 111.
- ²⁵ Фон Леттов-Форбек О. Указ. соч. Т. 1. С. 45–46; Клаузевиц К. 1806 год. С. 80–84.
- ²⁶ Мой побег из Берлина в Мемель в конце 1806 г. // Вест. Е. М., 1807. № 22. С. 150.
- ²⁷ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 2. С. 147–148.
- ²⁸ Бенкендорф А. Х. Указ. соч. С. 117.
- ²⁹ The memoirs of baron von Muffling. A Prussian officer in the Napoleonic wars. L., 1997. P. 7.
- ³⁰ Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание второй войны императора Александра с Наполеоном... С. 14.
- ³¹ Фон Леттов-Форбек О. Указ. соч. Т. 1. С. 50.
- ³² Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1963. Сер. 1. 1801–1815. Т. 3. С. 337.
- ³³ Клаузевиц К. 1806 год. С. 94–95.
- ³⁴ Там же. С. 189.
- ³⁵ Ллойд Г. Введение к истории войны в Германии 1756 года между прусским королем и императрицей с ее союзниками, или Военные и политические мемуары генерала Ллойда // Стратегия в трудах военных классиков / Под ред. А. Е. Снесарева и А. А. Свечина. М., 2003. С. 46.
- ³⁶ Paret P. Op. cit. P. 59.
- ³⁷ Письма Е. Б. Фукса о последней войне французов с пруссаками // Вест. Е. М., 1810. № 9. С. 21.

- ³⁸ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1963. Сер. 1. 1801–1815. Т. 3. С. 347.
- ³⁹ Соловьев С. М. Император Александр Первый... С. 128; Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1963. Сер. 1. 1801–1815. Т. 3. С. 361.
- ⁴⁰ Поход 1806 года // ВЖ. 1838. № 5. С. 75.
- ⁴¹ Фон Леттов-Форбек О. Указ. соч. Варшава, 1896. Т. 2. Пренцлау и Любек. С. 9.
- ⁴² Там же. С. 249.
- ⁴³ Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание второй войны императора Александра с Наполеоном... С. 38, 41.
- ⁴⁴ Фон Леттов-Форбек О. Указ. соч. Т. 2. С. 222.
- ⁴⁵ Поход 1806 года // ВЖ. 1838. № 5. С. 87.
- ⁴⁶ Пребывание Наполеона в Потсдаме и въезд его в Берлин. 1806 // ВЖ. 1854. № 3. С. 44–46.
- ⁴⁷ Фон Леттов-Форбек О. Указ. соч. Т. 2. С. 167, 249.
- ⁴⁸ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 2. С. 150–151.
- ⁴⁹ Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций... Т. 6. С. 396–405.
- ⁵⁰ Соловьев С. М. Император Александр Первый... С. 130.
- ⁵¹ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 2. С. 152.
- ⁵² Де Местр Ж. Указ. соч. С. 77.
- ⁵³ Фон Леттов-Форбек О. Указ. соч. Т. 2. С. 251.
- ⁵⁴ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 2. С. 152, 154.
- ⁵⁵ Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание второй войны императора Александра с Наполеоном... С. 219.
- ⁵⁶ Из дневника графини Фосс, обер-гофмейстерины прусского двора // Ру А. М., 1885. Вып. 4. С. 470–471.
- ⁵⁷ Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание второй войны императора Александра с Наполеоном... С. 219.
- ⁵⁸ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1963. Сер. 1. 1801–1815. Т. 3. С. 374.
- ⁵⁹ Там же. С. 378–380.

Формирование системы континентальной блокады

- ¹ Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание второй войны императора Александра с Наполеоном... С. 44.
- ² Там же. С. 399.

- ³ Там же. С. 363.
- ⁴ *Тарле Е. В.* Континентальная блокада... Т. 3. С. 195.
- ⁵ *Михайловский-Данилевский [А.] [И.]* Описание второй войны императора Александра с Наполеоном... С. 363; Текст закона см.: *Тарле Е. В.* Континентальная блокада... Т. 3. С. 114–116.
- ⁶ *Мэхэн А. Т.* Указ. соч. Т. 2. С. 413.
- ⁷ *Тарле Е. В.* Континентальная блокада... Т. 3. С. 198–199, 203, 219–220.
- ⁸ *Kennedy P.* The rise and fall of the Great Powers. Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. L., 1989. P. 168–169.

Четвертая коалиция (1807)

- ¹ ПСЗ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 29. 1806–1807. № 22356. С. 865–866.
- ² Там же. С. 866.
- ³ *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый... Т. 2. С. 156, 158.
- ⁴ ПСЗ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 29. 1806–1807. № 22371. С. 885–889.
- ⁵ Там же. № 22372. С. 891–892.
- ⁶ *Фон Леттов-Форбек О.* Указ. соч. Варшава, 1896. Т. 3. Поход в Польшу. С. 14, 19.
- ⁷ *Михайловский-Данилевский [А.] [И.]* Описание второй войны императора Александра с Наполеоном... С. 69–72.
- ⁸ Записки графа Л. Л. Беннигсена о войне с Наполеоном 1807 года. С. 55.
- ⁹ *Бенкендорф А. Х.* Указ. соч. С. 124.
- ¹⁰ *Морозов Н.* Сражение при Прейсиш-Эйлау // ВС. 1907. № 1. С. 2.
- ¹¹ Записки графа Л. Л. Беннигсена о войне с Наполеоном 1807 года. С. 45.
- ¹² Поход 1806 года // ВЖ. 1838. № 6. С. 1.
- ¹³ *Морозов Н.* Сражение при Прейсиш-Эйлау // ВС. 1907. № 1. С. 3.
- ¹⁴ *Попов Н. А.* Варшавское герцогство // Ру В. 1866. Т. 61. № 1. С. 9–10.
- ¹⁵ *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый... Т. 2. С. 159.
- ¹⁶ Поход 1806 года // ВЖ. 1838. № 5. С. 104–110.
- ¹⁷ *Шильдер Н. К.* Французы в Варшаве в войну 1806–1807 гг. (По воспоминаниям графини Потоцкой и заметкам графа Сегюра) // РС. 1897. Т. 91. Вып. 9. С. 485, 487.
- ¹⁸ *Дурново А.* Русская военная старина. Из бумаг Канцелярии генерал-фельдмаршала графа Каменского за 1806 год // ВС. 1907. № 4. С. 245, 249.
- ¹⁹ *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый... СПб., 1904. Т. 2. С. 159.
- ²⁰ Записки графа Карла Васильевича Нессельроде // Ру В. 1865. Т. 59. № 10. С. 536; Записки графа Александра Ивановича Рибоьера // Ру А. М., 1877. Вып. 4. С. 502.
- ²¹ *Михайловский-Данилевский [А.] [И.]* Описание второй войны императора Александра с Наполеоном... С. 99.

- ²² Записки графа Карла Васильевича Нессельроде // Ру В. 1865. Т. 59. № 10. С. 537.
- ²³ Письмо министра иностранных дел барона Будберга к московскому главнокомандующему Тутолмину // Ру А. М., 1871. Вып. 6. Ст. 1096.
- ²⁴ Из архива А. М. Римского-Корсакова. Письма Л. Л. Беннигсена к Римскому-Корсакову (1805–1807) // РС. 1898. Т. 95. Вып. 7. С. 132.
- ²⁵ Убийство фельдмаршала гр. М. Ф. Каменского. Письмо гр. Августа Делагарди к Юлию Грифиту // РС. 1875. Т. 14. Вып. 9. С. 212–213.
- ²⁶ Колюбакин Б. Прейсиш-Эйлауская операция. Сражение у Прейсиш-Эйлау (26-го и 27-го января 1807 г.). СПб., 1911. С. 4.
- ²⁷ Фон Леттов-Форбек О. Указ. соч. Т. 3. С. 78.
- ²⁸ Поход 1806 года // ВЖ. 1838. № 6. С. 20–35; Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 2. С. 181–182; Безотосный В. М. Россия в Наполеоновских войнах... С. 174–176.
- ²⁹ Бенкендорф А. Х. Указ. соч. С. 127.
- ³⁰ Сражение под Пултуском 14/26 декабря 1806 года // ВЖ. 1811. № 14. С. 47.
- ³¹ Записки графа Л. Л. Беннигсена о войне с Наполеоном 1907 года. С. 66.
- ³² Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание второй войны императора Александра с Наполеоном... С. 131, 138.
- ³³ Фон Леттов-Форбек О. Указ. соч. Т. 3. С. 130.
- ³⁴ Мемуары князя Адама Чарторьжского... Т. 2. С. 140.
- ³⁵ Вандаль А. Наполеон и Александр I. Франко-русский союз во время Первой империи. СПб., 1910. Т. 1. От Тильзита до Эрфурта. С. 13.
- ³⁶ Там же. С. 15.
- ³⁷ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 2. С. 188.
- ³⁸ Колюбакин Б. Прейсиш-Эйлауская операция... С. 6.
- ³⁹ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 2. С. 219; Безотосный В. М. Россия в Наполеоновских войнах... С. 186–188.
- ⁴⁰ Из записок генерала Марбо // Ру В. 1891. Т. 216. № 10. С. 182.
- ⁴¹ Морозов Н. Сражение при Прейсиш-Эйлау // ВС. 1907. № 1. С. 21; Колюбакин Б. Прейсиш-Эйлауская операция... С. 18–19.
- ⁴² Из записок генерала Марбо // Ру В. 1891. Т. 216. № 10. С. 183.
- ⁴³ Морозов Н. Сражение при Прейсиш-Эйлау // ВС. 1907. № 1. С. 21; Колюбакин Б. Прейсиш-Эйлауская операция... С. 20–21.
- ⁴⁴ Записки графа Л. Л. Беннигсена о войне с Наполеоном 1907 года. С. 138.
- ⁴⁵ Колюбакин Б. Прейсиш-Эйлауская операция... С. 28.
- ⁴⁶ Фон Леттов-Форбек О. Указ. соч. Варшава, 1898. Т. 4. Прейсиш-Эйлау-Фридланд. С. 88–90.
- ⁴⁷ Из архива А. М. Римского-Корсакова. Письма Л. Л. Беннигсена к Римскому-Корсакову (1805–1807) // РС. 1898. Т. 95. Вып. 7. С. 136.
- ⁴⁸ Морозов Н. Сражение при Прейсиш-Эйлау // ВС. 1907. № 1. С. 29.

- ⁴⁹ *Фон Леттов-Форбек О.* Указ. соч. Т. 3. С. 96.
- ⁵⁰ Из записок фельдмаршала Сакена // Ру А. М., 1900. Вып. 2. С. 173.
- ⁵¹ Записки графа Карла Васильевича Нессельроде // Ру В. 1865. Т. 59. № 10. С. 539.
- ⁵² Записки графа Л. Л. Беннигсена о войне с Наполеоном 1907 года. С. 151.
- ⁵³ *Морозов Н.* Сражение при Прейсиш-Эйлау // ВС. 1907. № 1. С. 29–30.
- ⁵⁴ Из воспоминаний генерала от инфантерии В. И. Тимофеева о сражении 27 января 1807 года при Прейсиш-Эйлау // ВС. 1907. № 4. С. 7.
- ⁵⁵ *Бенкендорф А. Х.* Указ. соч. С. 136.
- ⁵⁶ Записки графа Л. Л. Беннигсена о войне с Наполеоном 1807 года. С. 153.
- ⁵⁷ Записки графа Карла Васильевича Нессельроде // Ру В. 1865. Т. 59. № 10. С. 538.
- ⁵⁸ Записки графа Л. Л. Беннигсена о войне с Наполеоном 1807 года. С. 154.
- ⁵⁹ *Воронов.* Указ. соч. // ВС. 1875. № 12. С. 322.
- ⁶⁰ *Вандалъ А.* Наполеон и Александр I... Т. 1. С. 32.
- ⁶¹ Французы в Польше в 1806–1808 гг. (Из воспоминаний генерала Иосифа Шимановского) // РС. 1902. Т. 109. Вып. 2. С. 462.
- ⁶² *Давыдов Д. В.* Военные записки. М., 1982. С. 77.
- ⁶³ *Соловьев С. М.* Император Александр Первый... С. 132–133.
- ⁶⁴ *Михайловский-Данилевский [А.] [И.]* Описание второй войны императора Александра с Наполеоном... С. 238.
- ⁶⁵ Записки графа Л. Л. Беннигсена о войне с Наполеоном 1907 года. С. 159.
- ⁶⁶ Н. Н. Раевский и его письма // Ру В. 1898. Т. 254. № 4. С. 33.
- ⁶⁷ *Морозов Н.* Бои у Гутштадта и Гейльсберга: май 1807 года // ВС. 1907. № 5. С. 2.
- ⁶⁸ *Фон Леттов-Форбек О.* Указ. соч. Т. 3. С. 116.
- ⁶⁹ *Татищев С. С.* Мировой раздел. От Тильзита до Эрфурта // Ру В. 1891. Т. 217. № 11. С. 23.
- ⁷⁰ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1963. Сер. 1. 1801–1815. Т. 3. С. 527.
- ⁷¹ *Михайловский-Данилевский [А.] [И.]* Описание второй войны императора Александра с Наполеоном... С. 249–251, 254–255.
- ⁷² *Мартенс Ф. [Ф.]* Собрание трактатов и конвенций... Т. 6. С. 410.
- ⁷³ Там же. С. 412.
- ⁷⁴ Там же. С. 412–418.
- ⁷⁵ *Михайловский-Данилевский [А.] [И.]* Описание второй войны императора Александра с Наполеоном... С. 275.
- ⁷⁶ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1963. Сер. 1. 1801–1815. Т. 3. С. 574.
- ⁷⁷ *Михайловский-Данилевский [А.] [И.]* Описание Отечественной войны 1812 года. СПб., 1839. Ч. 1. С. 6–7.
- ⁷⁸ *Михайловский-Данилевский [А.] [И.]* Описание второй войны императора Александра с Наполеоном... С. 275–280.

- ⁷⁹ Соловьев С. М. Император Александр Первый... С. 141–148.
- ⁸⁰ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 2. С. 242.
- ⁸¹ Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание второй войны императора Александра с Наполеоном... С. 290.
- ⁸² Там же. С. 327.
- ⁸³ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 2. С. 282; Безотосный В. М. Россия в Наполеоновских войнах... С. 202–206.
- ⁸⁴ Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание второй войны императора Александра с Наполеоном... С. 335–337.
- ⁸⁵ Записки Ивана Степановича Жиркевича. 1789–1848 // РС. 1874. Т. 9. Вып. 1. С. 234; Воронов. Из истории л.-гв. Павловского полка. 1803–1808 годы // ВС. 1875. № 12. С. 332; Морозов Н. Фридланд 2-го июня 1807 года // ВС. 1907. № 6. С. 18–19.
- ⁸⁶ Морозов Н. Фридланд 2-го июня 1807 года // ВС. 1907. № 6. С. 20; Записки А. П. Ермолова 1798–1826. М., 1991. С. 105–106.
- ⁸⁷ Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание второй войны императора Александра с Наполеоном... С. 339.
- ⁸⁸ Записки донского атамана Денисова. 1763–1841 // РС. 1875. Т. 12. Вып. 2. С. 270–271.
- ⁸⁹ Н. Н. Раевский и его письма // Ру В. 1898. Т. 254. № 4. С. 34.
- ⁹⁰ Из архива А. М. Римского-Корсакова. Письма Л. Л. Беннигсена к Римскому-Корсакову (1805–1807) // РС. 1898. Т. 95. Вып. 8. С. 474.
- ⁹¹ Дубровин Н. Перед Тильзитом. Всеподданнейшие донесения В. С. Попова и князя Лобанова-Ростовского 1807 года // РС. 1899. Т. 98. Вып. 6. С. 587.
- ⁹² Записки генерала Отрощенко // Ру В. 1877. Т. 131. № 9. С. 180; Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций... Т. 6. С. 406–407; Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 2. С. 291.
- ⁹³ ПСЗ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 29. 1806–1807. № 22374. С. 892–897.
- ⁹⁴ Титов А. А. Народное ополчение 1806 года. Высочайшие указы и инструкции // Ру А. М., 1895. Вып. 8. С. 405–409.
- ⁹⁵ ПСЗ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 29. 1806–1807. № 22374. С. 897.
- ⁹⁶ [Федоров В. Г.] Русское огнестрельное оружие русской армии за XIX век // Оружейный сборник (далее — ОСб). 1901. № 2. С. 42.
- ⁹⁷ Федоров В. Г. Вооружение русской армии за XIX столетие. СПб., 1911. С. 9–11.
- ⁹⁸ Сперанский В. Н. Указ. соч. С. 53–54, 82.
- ⁹⁹ Записки Льва Николаевича Энгельгардта // Ру В. 1859. Т. 24. № 1. С. 599.
- ¹⁰⁰ Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание второй войны императора Александра с Наполеоном... С. 52–53.
- ¹⁰¹ Сперанский В. Н. Указ. соч. С. 83–85, 87–88.
- ¹⁰² Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание второй войны императора Александра с Наполеоном... С. 53–54.

- ¹⁰³ Блюх И. С. Указ. соч. Т. 1. С. 86.
- ¹⁰⁴ Горновский И. А. Сто лет назад // Ру А. М., 1904. Вып. 8. С. 537–539, 548–549, 551–552.
- ¹⁰⁵ Титов А. А. Указ. соч. // Ру А. М., 1895. Вып. 8. С. 410.
- ¹⁰⁶ Столетие Военного министерства 1802–1902. СПб., 1902. Т. 4. Главный штаб. Исторический очерк. Ч. 1. Кн. 1. От. 2. Комплектование войск в царствование императора Александра I. Приложение № 3. Всеподданнейшая записка генерал-лейтенанта Уварова о сокращении численности милиции 1806 г. С. 5–7.
- ¹⁰⁷ Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. // РС. 1907. Т. 131. Вып. 9. С. 568.
- ¹⁰⁸ Давыдов Д. В. Военные записки. С. 85.
- ¹⁰⁹ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1963. Сер. 1. 1801–1815. Т. 3. С. 612.
- ¹¹⁰ Карнович Е. П. Цесаревич Константин Павлович. 1779–1831 // РС. 1877. Т. 19. Вып. 8. С. 542–543.
- ¹¹¹ Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций... Т. 13. С. 296.
- ¹¹² Соловьев С. М. Император Александр Первый... С. 150.
- ¹¹³ Некоторые замечания на некоторые статьи политического сочинения г. Шлецера под названием: взор на прошедшее и настоящее // Ру В. 1808. № 3. С. 400.
- ¹¹⁴ Там же. С. 401.

Тильзит и его последствия

- ¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1963. Сер. 1. 1801–1815. Т. 3. С. 613.
- ² Дубровин Н. Перед Тильзитом. Всеподданнейшие донесения В. С. Попова и князя Лобанова-Ростовского 1807 года // РС. 1899. Т. 98. Вып. 6. С. 590.
- ³ Записки графа Л. Л. Беннигсена о войне с Наполеоном 1807 года. С. 259–261.
- ⁴ Дубровин Н. Перед Тильзитом. Всеподданнейшие донесения В. С. Попова и князя Лобанова-Ростовского 1807 года // РС. 1899. Т. 98. Вып. 6. С. 594.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Богданович М. И. Тильзитский мир // ВЕ. 1867. № 1. С. 276–277.
- ⁷ Acte d'armistice conclu à Tilsit le 21 Juin 1807 // Сборник РИО. СПб., 1893. Т. 89. С. 29–30; Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1963. Сер. 1. 1801–1815. Т. 3. С. 617–618.
- ⁸ Шильдер Н. К. Россия в ее отношениях к Европе в царствование императора Александра I. 1806–1815 гг. // РС. 1888. Т. 57. Вып. 2. С. 269.
- ⁹ Вандаль А. Наполеон и Александр I... Т. 1. С. 58.
- ¹⁰ Шильдер Н. К. Император Александр Первый... Т. 2. С. 186.

- ¹¹ *Вандаль А.* Наполеон и Александр I... Т. 1. С. 60.
- ¹² *Шильдер Н. К.* Россия в ее отношениях к Европе в царствование императора Александра I. 1806–1815 гг. // РС. 1888. Т. 57. Вып. 2. С. 303.
- ¹³ *Вандаль А.* Наполеон и Александр I... Т. 1. С. 61.
- ¹⁴ *Внешняя политика России XIX и начала XX века...* М., 1963. Сер. 1. 1801–1815. Т. 3. С. 637–642, 644–646.
- ¹⁵ *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый... Т. 2. С. 156.
- ¹⁶ ПСЗ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 29. 1806–1807. № 22854. С. 1232–1237.
- ¹⁷ *Михайловский-Данилевский [А.] [И.]* Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 1. С. 10.
- ¹⁸ *Соловьев С. М.* Император Александр Первый... С. 152–153.
- ¹⁹ Там же. С. 151.
- ²⁰ *История внешней политики России. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.).* М., 1995. С. 65.
- ²¹ *Дубровин Н. Ф.* Русская жизнь в начале XIX века. СПб., 2007. С. 47.
- ²² *Михайловский-Данилевский [А.] [И.]* Описание второй войны императора Александра с Наполеоном... С. 366.
- ²³ *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый... Т. 2. С. 194.
- ²⁴ *Шильдер Н. К.* Россия в ее отношениях к Европе в царствование императора Александра I. 1806–1815 гг. // РС. 1888. Т. 57. Вып. 2. С. 308.
- ²⁵ *Богданович [М.] [И.]* История царствования императора Александра I... Т. 2. С. 308.
- ²⁶ *Шильдер Н. К.* Россия в ее отношениях к Европе в царствование императора Александра I. 1806–1815 гг. // РС. 1888. Т. 57. Вып. 2. С. 315.
- ²⁷ *Богданович М. И.* Тильзитский мир // ВЕ. 1867. № 1. С. 282, 286.
- ²⁸ Из дневника графини Фосс, обер-гофмейстерины прусского двора // Ру А. М., 1885. Вып. 4. С. 475–476.
- ²⁹ *Богданович [М.] [И.]* История царствования императора Александра I... Т. 2. С. 308–309.
- ³⁰ *Попов А. Н.* Вопрос Польский 1806–1809 гг. // РС. 1893. Т. 77. Вып. 3. С. 670.
- ³¹ *Попов Н. А.* Варшавское герцогство // Ру В. 1866. Т. 61. № 1. С. 15–16; *Дубровин Н. Ф.* Русская жизнь... С. 431–432.
- ³² *Рехневский Ю.* Крестьянское сословие в Польше // Ру В. 1858. Т. 15. № 2. С. 237.
- ³³ Там же. С. 239.
- ³⁴ *Мартенс Ф. [Ф.]* Собрание трактатов и конвенций... СПб., 1885. Т. 7. Трактаты с Германиею 1811–1824. С. 13.
- ³⁵ *Вандаль А.* Наполеон и Александр I... Т. 1. С. 99–100.
- ³⁶ *Lieven D.* Empire. The Russian Empire and its rivals. Yale University Press, 2001. P. 35–36.
- ³⁷ *Мартенс Ф. [Ф.]* Собрание трактатов и конвенций... Т. 7. С. 1.
- ³⁸ *Соловьев С. М.* Император Александр Первый... С. 178.

- ³⁹ *Мартенс Ф. [Ф.]* Собрание трактатов и конвенций... Т. 7. С. 4.
- ⁴⁰ Из дневника графини Фосс, обер-гофмейстерины прусского двора // Ру А. М., 1885. Вып. 4. С. 476.
- ⁴¹ *Мартенс Ф. [Ф.]* Собрание трактатов и конвенций... Т. 6. С. 430–431.
- ⁴² *Соловьев С. М.* Император Александр Первый... С. 153.
- ⁴³ *Мартенс Ф. [Ф.]* Собрание трактатов и конвенций... Т. 13. С. 304.
- ⁴⁴ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1963. Сер. 1. 1801–1815. Т. 3. С. 645–646.
- ⁴⁵ *Мартенс Ф. [Ф.]* Собрание трактатов и конвенций... Т. 13. С. 307–331.
- ⁴⁶ Нота, писанная под диктовку Наполеона I. Тильзит, 21 июня (3 июля) 1807 // Сборник РИО. СПб., 1893. Т. 88. С. 59.
- ⁴⁷ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1965. Сер. 1. 1801–1815. Т. 4. Июль 1807 — март 1809 г. С. 22.
- ⁴⁸ Там же. С. 25.
- ⁴⁹ *Соловьев С. М.* Император Александр Первый... С. 162.
- ⁵⁰ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1965. Сер. 1. 1801–1815. Т. 4. С. 36–38.
- ⁵¹ Император Александр — вице-адмиралу Сенявину. Таврога, 28-го июня 1807 года // Сборник РИО. СПб., 1893. Т. 89. С. 138–139.
- ⁵² Император Александр — начальствующему над сухопутными и морскими нашими войсками в Корфу в отсутствие вице-адмирала Сенявина. Таврога, 28-го июня 1807 года // Сборник РИО. СПб., 1893. Т. 89. С. 139–140.
- ⁵³ *Панафидин П. И.* Указ. соч. // МС. 1916. № 4. С. 41.
- ⁵⁴ Наполеон к Савари. 27-го сентября (9 октября) 1807 // Сборник РИО. СПб., 1893. Т. 88. С. 226.
- ⁵⁵ *Панафидин П. И.* Указ. соч. // МС. 1916. № 4. С. 41.
- ⁵⁶ Воспоминания на флоте Павла Свинына. СПб., 1819. Ч. 2. С. 233–234.
- ⁵⁷ Император Александр — начальствующему над сухопутными и морскими нашими войсками в провинции Бокка-ди-Катро в отсутствие вице-адмирала Сенявина. Таврога, 28-го июня 1807 года // Сборник РИО. СПб., 1893. Т. 89. С. 140–141.
- ⁵⁸ Там же. С. 141–142.
- ⁵⁹ *Napoleon à Alexandre. Rambouillet, 16 septembre 1807* // Сборник РИО. СПб., 1892. Т. 83. С. 290.
- ⁶⁰ *Лессепс Талейрану.* Петербург, 15/27 августа 1807 // Сборник РИО. СПб., 1893. Т. 88. С. 148–151.
- ⁶¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1965. Сер. 1. 1801–1815. Т. 4. С. 40.
- ⁶² Судьба Копенгагена (Письмо очевидца) // Вест. Е. М., 1808. № 1. С. 75–77.
- ⁶³ *Hinde W.* Op. cit. P. 174–175.
- ⁶⁴ Условия капитуляции Копенгагена // Сборник РИО. СПб., 1893. Т. 89. С. 145.
- ⁶⁵ *Maxwell W. H.* Life of field-marshal His Grace Duke of Wellington. L., 1886. Vol. 1. P. 229.

- ⁶⁶ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1965. Сер. 1. 1801–1815. Т. 4. С. 48.
- ⁶⁷ *Раздолгин А. А., Скориков Ю. А.* Указ. соч. С. 82–83.
- ⁶⁸ Extrait de la lettre de Napoleon à Savary du 16 septembre 1807, tel qu'il a été remis à l'Empereur Alexandre // Сборник РИО. СПб., 1892. Т. 83. С. 157.
- ⁶⁹ *Блиох И. С.* Указ. соч. Т. 1. С. 86.
- ⁷⁰ ПСЗ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 29. 1806–1807. № 22653. С. 1306–1308.
- ⁷¹ Там же. С. 1306.
- ⁷² Там же. С. 1308.
- ⁷³ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1965. Сер. 1. 1801–1815. Т. 4. С. 105.
- ⁷⁴ *Огородников С.* История Архангельского порта // МС. 1875. № 10. С. 61–63.
- ⁷⁵ Подвиг мещанина Герасимова // Ру А. М., 1875. Вып. 9. С. 106.
- ⁷⁶ *Мартенс Ф. [Ф.]* Собрание трактатов и конвенций... 11. С. 141; *Богданович [М.] [И.]* История царствования императора Александра I... Т. 2. С. 357–359.
- ⁷⁷ *Шульц В.* Плен в Англии фрегата «Спешный» и транспорта «Вильгельмина» в 1807 году // МС. 1855. № 1. С. 10.
- ⁷⁸ Там же. С. 20.
- ⁷⁹ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1965. Сер. 1. 1801–1815. Т. 4. С. 107, 109–110.
- ⁸⁰ *Мельников Г. М.* Дневные морские записки, веденные на корабле «Уриил» во время плавания его в Средиземном море, с эскадрой под начальством вице-адмирала Сенявина // МС. 1873. № 12. С. 16.
- ⁸¹ Воспоминания на флоте Павла Свиньина. Ч. 2. С. 251–254, 258–260; Поход французов в Испании и Португалии в 1808 году // ВЖ. 1838. № 3. С. 81, 83–86; *И. Н.* Корабль «Св. Параскевия» // МС. 1849. № 2. С. 7; *Арцымович А.* Адмирал Дмитрий Николаевич Сенявин // МС. 1855. № 12. С. 234–238; *Гончаров В.* Адмирал Дмитрий Николаевич Сенявин // МС. 1917. № 7. С. 79–80.
- ⁸² Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1965. Сер. 1. 1801–1815. Т. 4. С. 113.
- ⁸³ *Гончаров В.* Указ. соч. // МС. 1917. № 7. С. 80.
- ⁸⁴ *Чичагов Коленкуру.* Петербург, 1/13 марта 1808 // Сборник РИО. СПб., 1893. Т. 88. С. 538–539.
- ⁸⁵ Приложения к воспоминаниям на флоте Павла Свиньина. СПб., 1819. Ч. 3. С. 56.
- ⁸⁶ *Богданович [М.] [И.]* История царствования императора Александра I... Т. 2. С. 354–355.
- ⁸⁷ *Шапиро А. Л.* Указ. соч. С. 266–267.
- ⁸⁸ Освобождение Португалии от власти французов в 1808 году // ВЖ. 1819. № 4. С. 16, 18.
- ⁸⁹ Поход французов в Испании и Португалии в 1808 году // ВЖ. 1838. № 4. С. 94, 98.

- ⁹⁰ Освобождение Португалии от власти французов в 1808 году // ВЖ. 1819. № 4. С. 18.
- ⁹¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1965. Сер. 1. 1801–1815. Т. 4. С. 427.
- ⁹² Освобождение Португалии от власти французов в 1808 году // ВЖ. 1819. № 4. С. 19; 21.
- ⁹³ Панафидин П. И. Указ. соч. // МС. 1916. № 5. С. 12.
- ⁹⁴ Освобождение Португалии от власти французов в 1808 году // ВЖ. 1819. № 4. С. 24.
- ⁹⁵ Приложения к воспоминаниям на флоте Павла Свиньина. Ч. 3. С. 66–71; Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций... Т. 11. С. 152–154.
- ⁹⁶ Приложения к воспоминаниям на флоте Павла Свиньина. Ч. 3. С. 71; Гончаров В. Указ. соч. // МС. 1917. № 7. С. 83, 86.
- ⁹⁷ Панафидин П. И. Указ. соч. // МС. 1916. № 5. С. 13.
- ⁹⁸ Лессепс к Шампаньи. Петербург, 23 октября (4 ноября) 1807 // Сборник РИО. СПб., 1893. Т. 88. С. 280.
- ⁹⁹ И. Н. Корабль «Св. Параскевия» // МС. 1849. № 2. С. 7.
- ¹⁰⁰ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 2. С. 356.
- ¹⁰¹ Злотников М. Ф. Континентальная блокада и Россия. М., Л. 1966. С. 10, 12–14, 28.
- ¹⁰² Карцов Ю., Военский К. Причины войны 1812 года. СПб., 1911. С. 45.
- ¹⁰³ Злотников М. Ф. Указ. соч. С. 11, 290.
- ¹⁰⁴ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1965. Сер. 1. 1801–1815. Т. 4. С. 135, 139.
- ¹⁰⁵ Злотников М. Ф. Указ. соч. С. 30–31, 34.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 293.
- ¹⁰⁷ Тарле Е. В. Континентальная блокада... Т. 3. С. 349.
- ¹⁰⁸ Блюх И. С. Указ. соч. Т. 1. С. 86.
- ¹⁰⁹ Злотников М. Ф. Указ. соч. С. 140–143, 307–309.
- ¹¹⁰ Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 81, 87.
- ¹¹¹ Де Местр Ж. Указ. соч. С. 124.
- ¹¹² Тарле Е. В. Континентальная блокада... Т. 3. С. 350–353.
- ¹¹³ Письмо сенатора Теплова к императору Александру Павловичу после Тильзитского мира 1807 года // Ру А. М., 1886. Вып. 6. С. 167.
- ¹¹⁴ Коленкур к Шампаньи. Петербург, 1/13 января 1808 // Сборник РИО. СПб., 1893. Т. 88. С. 415.
- ¹¹⁵ Вандаль А. Наполеон и Александр I... Т. 1. С. 194–196.
- ¹¹⁶ Мартенс Ф. Ф. Александр I и Наполеон. Последние годы их дружбы и союза // ВЕ. 1905. № 2. С. 632.
- ¹¹⁷ ПСЗ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 32. 1812–1815. № 25197. С. 405.
- ¹¹⁸ Там же. № 25233. С. 421.
- ¹¹⁹ Там же. № 25224. С. 421.
- ¹²⁰ Злотников М. Ф. Указ. соч. С. 291.

Русско-шведская война 1808–1809 годов: первый этап

- ¹ Дубровин Н. Ф. Русская жизнь... С. 47.
- ² Из исторических записок Иоанна-Альберта Эренстрема // РС. 1893. Т. 79. Вып. 9. С. 447–448.
- ³ Ниве П. А. Россия и Швеция перед войной 1808–1809 гг. // ВС. 1908. № 2. С. 7–8.
- ⁴ Из исторических записок Иоанна-Альберта Эренстрема // РС. 1893. Т. 79. Вып. 9. С. 450.
- ⁵ Лессепс Талейрану. Петербург, 11/23 августа 1807 // Сборник РИО. СПб., 1893. Т. 88. С. 127.
- ⁶ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1961. Сер. 1. 1801–1815. Т. 2. С. 207.
- ⁷ Шведская война 1808–1809 гг... Ч. 1. С. 5.
- ⁸ Из исторических записок Иоанна-Альберта Эренстрема // РС. 1893. Т. 79. Вып. 9. С. 447–450.
- ⁹ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1965. Сер. 1. 1801–1815. Т. 4. С. 86–87.
- ¹⁰ Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание финляндской войны на сухом пути и на море в 1808 и 1809 годах. СПб., 1841. С. 3.
- ¹¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1965. Сер. 1. 1801–1815. Т. 4. С. 95–96.
- ¹² Из исторических записок Иоанна-Альберта Эренстрема // РС. 1893. Т. 80. Вып. 10. С. 38–39.
- ¹³ Шведская война 1808–1809 гг... Ч. 1. С. 17–18.
- ¹⁴ Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание финляндской войны... С. 5.
- ¹⁵ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1965. Сер. 1. 1801–1815. Т. 4. С. 120.
- ¹⁶ Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание финляндской войны... С. 5.
- ¹⁷ Ниве П. А. Россия и Швеция перед войной 1808–1809 гг. // ВС. 1908. № 2. С. 18–19; Шильдер Н. К. Император Александр Первый... Т. 2. С. 226.
- ¹⁸ Шведская война 1808–1809 гг... Ч. 1. С. 32.
- ¹⁹ Там же. С. 37.
- ²⁰ Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций... СПб., 1905. Т. 14. Трактаты с Францией 1807–1820. С. 11.
- ²¹ Шведская война 1808–1809 гг... Ч. 1. С. 63.
- ²² Ниве П. А. Россия и Швеция перед войной 1808–1809 гг. // ВС. 1908. № 2. С. 10.
- ²³ Письма из Петербурга в Италию графа Жозефа де Местра // Ру А. М., 1871. Вып. 6. Ст. 123.
- ²⁴ ПСЗ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 30. 1808–1809. № 22761. С. 28.

- ²⁵ Ниве П. А. Россия и Швеция перед войной 1808–1809 гг. // ВС. 1908. № 2. С. 20.
- ²⁶ ПСЗ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 30. 1808–1809. № 22817. С. 64.
- ²⁷ Там же. С. 65.
- ²⁸ Давыдов Д. В. Военные записки. С. 105.
- ²⁹ Дубровин Н. Ф. Русская жизнь... С. 254.
- ³⁰ Шведская война 1808–1809 гг... Ч. 1. С. 128, 138, 141, 150–151, 178–179; Ниве П. А. Россия и Швеция перед войной 1808–1809 гг. // ВС. 1908. № 3. С. 4–5, 7.
- ³¹ Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание финляндской войны... С. 15, 128–129, 132–133, 139–140.
- ³² Ниве П. А. Россия и Швеция перед войной 1808–1809 гг. // ВС. 1908. № 4. С. 2, 17–18.
- ³³ Шведская война 1808–1809 гг... Ч. 1. Приложение 1. Прокламации. Обращение к жителям. С. 293–294. Воззвание к финскому солдату. С. 295; Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1965. Сер. 1. 1801–1815. Т. 4. С. 170; подробнее о воззвании см.: Ордин К. Ф. Собрание сочинений по финляндскому вопросу. СПб., 1909. Т. 3. Покорение Финляндии. С. 18–20.
- ³⁴ Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание финляндской войны... С. 19, 22–23.
- ³⁵ Ниве П. А. Россия и Швеция перед войной 1808–1809 гг. // ВС. 1908. № 7. С. 2.
- ³⁶ Там же // ВС. 1908. № 5. С. 9.
- ³⁷ Злобин К. К. Указ. соч. // Сборник РИО. СПб., 1868. Т. 2. С. 81.
- ³⁸ Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание финляндской войны... С. 64, 68.
- ³⁹ Ниве П. А. Россия и Швеция перед войной 1808–1809 гг. // ВС. 1908. № 2. С. 20; Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1965. Сер. 1. 1801–1815. Т. 4. С. 176.
- ⁴⁰ ПСЗ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 30. 1808–1809. № 22899. С. 130.
- ⁴¹ Там же. № 22911. С. 146–147.
- ⁴² Там же. № 22908. С. 145.
- ⁴³ Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание финляндской войны... С. 44–45.
- ⁴⁴ Ниве П. А. Россия и Швеция перед войной 1808–1809 гг. // ВС. 1908. № 5. С. 13.
- ⁴⁵ Там же. С. 18.
- ⁴⁶ Шведская война 1808–1809 гг... Ч. 1. Приложение 2. Declaration de Guerre de la Cour de Danemark contre la Suede, deliver a Stockholm le mars 14, 1808. С. 295–297.
- ⁴⁷ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 2. С. 344.
- ⁴⁸ Шведская война 1808–1809 гг... СПб., 1905. Приложение к Ч. 2. С. 3.
- ⁴⁹ Там же. С. 4.
- ⁵⁰ Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание финляндской войны... С. 6, 14, 17, 121–122; Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1965. Сер. 1. 1801–1815. Т. 4. С. 189.
- ⁵¹ Шведская война 1808–1809 гг... Ч. 1. С. 65–66.
- ⁵² Там же. СПб., 1911. Ч. 4. С. 13, 21–22.

- ⁵³ *Богданович [М.] [И.]* История царствования императора Александра I... Т. 2. С. 347.
- ⁵⁴ *Davies D. W.* Sir John Moore's Peninsular campaign 1808–1809. The Hague, 1974. P. 35–36.
- ⁵⁵ *Богданович [М.] [И.]* История царствования императора Александра I... Т. 2. С. 347.
- ⁵⁶ *Михайловский-Данилевский [А.] [И.]* Описание финляндской войны... С. 44–45, 123–125.
- ⁵⁷ *Бородкин М.* Психологическая загадка (Столетие взятия Свеаборга) // ВС. 1908. № 8. С. 40.
- ⁵⁸ *Бородкин М.* Взятие Свеаборга в 1808 году // ВС. 1900. № 11. С. 1, 6–8; *Ниве П. А.* Россия и Швеция перед войной 1808–1809 гг. // ВС. 1908. № 7. С. 2.
- ⁵⁹ *Бородкин М.* Психологическая загадка... // ВС. 1908. № 8. С. 25–26, 31; *Ниве П. А.* Россия и Швеция перед войной 1808–1809 гг. // ВС. 1908. № 7. С. 3.
- ⁶⁰ Александр I Наполеону. 24 марта (5 апреля) 1808 // Сборник РИО. СПб., 1893. Т. 88. С. 600.
- ⁶¹ Шведская война 1808–1809 гг... Приложения к Ч. 2. Приложение 46. Протокол военного совета в крепости Свеаборг, 3-го апреля 1808 г. С. 136.
- ⁶² *Михайловский-Данилевский [А.] [И.]* Описание финляндской войны... С. 50.
- ⁶³ Русская военная старина. К столетию русско-шведской войны 1808–1809 гг. Из всеподданнейших рапортов Буксгевдена // ВС. 1908. № 7. С. 209.
- ⁶⁴ *Ниве П. А.* Россия и Швеция перед войной 1808–1809 гг. // ВС. 1908. № 7. С. 22.
- ⁶⁵ Из исторических записок Иоанна-Альберта Эренстрема // РС. 1893. Т. 80. Вып. 10. С. 56–57.
- ⁶⁶ Шведская война 1808–1809 гг... СПб., 1907. Ч. 2. С. 274.
- ⁶⁷ *Михайловский-Данилевский [А.] [И.]* Описание финляндской войны... С. 107.
- ⁶⁸ *Ниве П. А.* Россия и Швеция перед войной 1808–1809 гг. // ВС. 1908. № 7. С. 22.
- ⁶⁹ Выписки из книги под названием: Тринадцать дней или Финляндия // Ру В. 1809. № 12. С. 362.
- ⁷⁰ *Крестовский В.* Ямбургский полк в Финляндской войне 1808 года (Эпизод из истории полка) // ВС. 1872. № 10. С. 245–246.
- ⁷¹ *Ниве П. А.* Россия и Швеция перед войной 1808–1809 гг. // ВС. 1908. № 8. С. 4, 7.
- ⁷² Там же // ВС. 1908. № 6. С. 26.
- ⁷³ *Апушкин Вл.* Аландская экспедиция 1808 г. // ВС. 1908. № 5. С. 25–27, 31.
- ⁷⁴ *Ниве П. А.* Русско-шведская война 1808–1809 гг. // ВС. 1909. № 1. С. 7.
- ⁷⁵ Журнал зимнего похода на Аландские острова корпуса Российских Императорских войск под начальством генерала от инфантерии князя Багратиона в марте 1809 года // Отечественные записки (далее — ОЗ). 1821. № 19. С. 210; *Апушкин Вл.* Указ. соч. // ВС. 1908. № 6. С. 29, 34; *Михайловский-Данилевский [А.] [И.]* Описание финляндской войны... С. 96–99.
- ⁷⁶ Шведская война 1808–1809 гг... Ч. 4. С. 81–85; *Ордин К. Ф.* Указ. соч. СПб., 1909. Т. 2. Покорение Финляндии. С. 340.

- ⁷⁷ Доверенность к начальнику // Артиллерийский журнал (далее — АЖ). 1809. № 6. С. 69.
- ⁷⁸ Русские на острове Готланде в 1808 г. (рассказ секретаря в Висбю, Антона Моландера) // РС. 1902. Т. 110. Вып. 6. С. 551–552.
- ⁷⁹ Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание финляндской войны... С. 267; Ордин К. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 341–343.
- ⁸⁰ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1965. Сер. 1. 1801–1815. Т. 4. С. 176.
- ⁸¹ Ниве П. А. Русско-шведская война 1808–1809 гг. // ВС. 1908. № 9. С. 1.
- ⁸² Ордин К. Ф. Указ. соч. СПб., 1908. Т. 1. Исследования, статьи, записки и письма. Приложение II. С. 289.
- ⁸³ Там же. С. 290.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ Воспоминания Броневского // РС. 1908. Т. 134. Вып. 6. С. 547–548; Ниве П. А. Русско-шведская война 1808–1809 гг. // ВС. 1909. № 1. С. 27–28.
- ⁸⁶ Воспоминания Броневского // РС. 1908. Т. 134. Вып. 6. С. 550.
- ⁸⁷ Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание финляндской войны... С. 271.
- ⁸⁸ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1965. Сер. 1. 1801–1815. Т. 4. С. 346.
- ⁸⁹ Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание финляндской войны... С. 321.

Эрфурт и его последствия

- ¹ Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций... Т. 14. С. 3.
- ² Наполеон Александру I. Кенигсберг, 1/13 июля 1807 // Сборник РИО. СПб., 1893. Т. 88. С. 77.
- ³ Savary à Talleyrand. Saint Petersburg, 7 août 1807 // Сборник РИО. СПб., 1892. Т. 83. С. 23.
- ⁴ Дубровин Н. Ф. Русская жизнь... С. 243–245.
- ⁵ Savary à Napoleon. Saint Petersburg, 23 août 1807 // Сборник РИО. СПб., 1892. Т. 83. С. 25.
- ⁶ ПСЗ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 29. 1806–1807. № 22854. С. 1232.
- ⁷ Оренбургский военный губернатор князь Волконский — генералу Вязьмитинову. Оренбург, 17 июля 1807 года; тайный советник Пестель — генералу Вязьмитинову. Иркутск, 31 июля 1807 года // Сборник РИО. СПб., 1893. Т. 89. С. 80–81.
- ⁸ Дубровин Н. Ф. Русская жизнь... С. 51–71.
- ⁹ Соловьев С. М. Император Александр Первый... С. 165.
- ¹⁰ Дубровин Н. Ф. Русская жизнь... С. 248–249.
- ¹¹ Шильдер Н. К. Россия в ее отношениях к Европе в царствование императора Александра I. 1806–1815 гг. // РС. 1890. Т. 65. Вып. 1. С. 221.
- ¹² Вандаль А. Наполеон и Александр I... Т. 1. С. 121–122.

- ¹³ Савари Талейрану. Петербург, 11/23 августа 1807 // Сборник РИО. СПб., 1893. Т. 88. С. 133.
- ¹⁴ Savary à Talleyrand. Saint Petersburg, 7 août 1807 // Сборник РИО. СПб., 1892. Т. 83. С. 23; Савари Талейрану. 26 июля (7 августа) 1807 // Сборник РИО. СПб., 1893. Т. 88. С. 81.
- ¹⁵ Наполеон Александру I. Венеция, 25 ноября (7 декабря) 1807 // Сборник РИО. СПб., 1893. Т. 88. С. 342–343.
- ¹⁶ Коленкур А. Мемуары. Поход Наполеона в Россию. Смоленск, 1991. С. 6.
- ¹⁷ Коленкур к Шампани. Петербург, 8/20 декабря 1807 // Сборник РИО. СПб., 1893. Т. 88. С. 347; Вандаль А. Наполеон и Александр I... Т. 1. С. 204–205.
- ¹⁸ Воспоминания Апполинария Петровича Бутенева // Ру А. М., 1881. Вып. 5. С. 46–48.
- ¹⁹ Соловьев С. М. Император Александр Первый... С. 166; Проект экспедиций в Индию предложенных Наполеоном Бонопарте... // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Издание Военно-Ученого комитета Главного штаба. СПб., 1886. Вып. XXIII. С. 64–65; Наполеон Александру I. Париж, 21 января (2 февраля) 1808 // Сборник РИО. СПб., 1893. Т. 88. С. 457; Вандаль А. Наполеон и Александр I... Т. 1. С. 244–245.
- ²⁰ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1965. Сер. 1. 1801–1815. Т. 4. С. 180–183.
- ²¹ Там же. С. 189–190.
- ²² Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций... Т. 14. С. 24–25, 27.
- ²³ Там же. С. 45–47.
- ²⁴ Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций... Т. 13. С. 306.
- ²⁵ Записка князя А. А. Чарторижского, поданная императору Александру I, 26 июля 1808 г. // Сборник РИО. СПб., 1871. Т. 6. С. 372–373.
- ²⁶ Шильдер Н. К. Накануне эрфуртского свидания. Собственноручное письмо императрицы Марии Феодоровны к императору Александру I // РС. 1899. Т. 98. Вып. 4. С. 5, 8–10.
- ²⁷ Дубровин Н. Ф. Русская жизнь... С. 268.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Шильдер Н. К. Накануне эрфуртского свидания. Собственноручное письмо императрицы Марии Феодоровны к императору Александру I // РС. 1889. Т. 98. Вып. 4. С. 17.
- ³⁰ Там же. С. 18.
- ³¹ Там же. С. 24.
- ³² Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций... Т. 14. С. 68.
- ³³ Вандаль А. Наполеон и Александр I... Т. 1. С. 418.
- ³⁴ Листки из записной книжки «Русской старины». Разговор Наполеона I с кн. А. Н. Голицыным. 1808 // РС. 1874. Т. 10. Вып. 7. С. 621.

- ³⁵ *Лощинский А. С.* Торжества в честь императоров Александра I и Наполеона I и других коронованных особ, происходившие в Веймаре и в Иене 6 и 7 октября 1808 г. // РС. 1914. Т. 157. Вып. 2. С. 312–323.
- ³⁶ О пребывании двух императоров в Эрфурте (Записки очевидца) // Вест. Е. М., 1808. № 23. С. 231–236.
- ³⁷ *Шильдер Н. К.* Письма пажа Наполеона I об эрфуртском свидании // Ру В. 1891. Т. 216. № 9. С. 318.
- ³⁸ *Мартенс Ф. [Ф.]* Собрание трактатов и конвенций... Т. 14. С. 68–73.
- ³⁹ *Соловьев С. М.* Император Александр Первый... С. 179.
- ⁴⁰ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1965. Сер. 1. 1801–1815. Т. 4. С. 319.
- ⁴¹ Там же. С. 295–298.
- ⁴² Там же. С. 317, 321–322, 330, 332, 336.
- ⁴³ Там же. С. 343.
- ⁴⁴ *Дубровин Н. Ф.* Русская жизнь... С. 275.
- ⁴⁵ *Вандаль А.* Наполеон и Александр I... Т. 1. С. 419–420.
- ⁴⁶ *Дубровин Н. Ф.* Русская жизнь... С. 275.
- ⁴⁷ *Коленкур А.* Указ. соч. С. 30.
- ⁴⁸ Там же. С. 21.
- ⁴⁹ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1965. Сер. 1. 1801–1815. Т. 4. С. 363, 669.
- ⁵⁰ Записка М. М. Сперанского о вероятностях войны с Францией после Тильзитского мира // РС. 1900. Т. 101. Вып. 1. С. 59.
- ⁵¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1965. Сер. 1. 1801–1815. Т. 4. С. 364.
- ⁵² Записки графа Карла Васильевича Нессельроде // Ру В. 1865. Т. 59. № 10. С. 543.
- ⁵³ *Майков П.* Из семейного архива графа Нессельроде // РС. 1906. Т. 125. Вып. 3. С. 632.
- ⁵⁴ *Вандаль А.* Наполеон и Александр I... Т. 1. С. 426.
- ⁵⁵ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1965. Сер. 1. 1801–1815. Т. 4. С. 364.
- ⁵⁶ *Вандаль А.* Наполеон и Александр I... СПб., 1911. Т. 2. Второй брак Наполеона. Упадок союза. С. 47–48.
- ⁵⁷ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1965. Сер. 1. 1801–1815. Т. 4. С. 389.
- ⁵⁸ Там же. С. 365.
- ⁵⁹ Там же. С. 392.
- ⁶⁰ *Михайловский-Данилевский [А.] [И.]* Описание финляндской войны... С. 290, 321.
- ⁶¹ *В-н Ф. П.* Зимняя экспедиция 1809 года через Кваркен. Отрывок из неизданного сочинения «Генерал-фельдмаршал князь Барклай де Толли» // ВС. 1900. № 7. С. 2.

- ⁶² *Ниве П. А.* Русско-шведская война 1808–1809 гг. // ВС. 1909. № 4. С. 3–7.
- ⁶³ *Михайловский-Данилевский [А.] [И.]* Описание финляндской войны... С. 341–342, 353.
- ⁶⁴ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1965. Сер. 1. 1801–1815. Т. 4. С. 407.
- ⁶⁵ Там же. С. 489–490.
- ⁶⁶ Там же. С. 506.
- ⁶⁷ Журнал зимнего похода на Аландские острова корпуса Российских Императорских войск под начальством генерала от инфантерии князя Багратиона в марте 1809 года // ОЗ. 1821. № 19. С. 212–214.
- ⁶⁸ *Михайловский-Данилевский [А.] [И.]* Описание финляндской войны... С. 368, 371.
- ⁶⁹ *Ниве П. А.* Русско-шведская война 1808–1809 гг. // ВС. 1909. № 6. С. 31–33.
- ⁷⁰ Генерал Багратион. Сборник документов и материалов. С. 48–59.
- ⁷¹ *Богданович [М.] [И.]* История царствования императора Александра I... Т. 2. С. 398.
- ⁷² *В-н Ф. П.* Зимняя экспедиция 1809 года через Кваркен... // ВС. 1900. № 7. С. 9.
- ⁷³ Журнал зимнего похода на Аландские острова корпуса Российских Императорских войск под начальством генерала от инфантерии князя Багратиона в марте 1809 года // ОЗ. 1822. № 22. С. 80–81.
- ⁷⁴ *Богданович [М.] [И.]* История царствования императора Александра I... Т. 2. С. 395–396.
- ⁷⁵ *Ордин К. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 375–376.
- ⁷⁶ *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый... Т. 2. С. 239.
- ⁷⁷ *Михайловский-Данилевский [А.] [И.]* Описание финляндской войны... С. 390.
- ⁷⁸ Журнал зимнего похода на Аландские острова корпуса Российских Императорских войск под начальством генерала от инфантерии князя Багратиона в марте 1809 года // ОЗ. 1822. № 22. С. 232–233.
- ⁷⁹ *В-н Ф. П.* Зимняя экспедиция 1809 года через Кваркен... // ВС. 1900. № 7. С. 11.
- ⁸⁰ Там же // ВС. 1900. № 8. С. 283–284; *Ниве П. А.* Русско-шведская война 1808–1809 гг. // ВС. 1909. № 6. С. 37, 42.
- ⁸¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1965. Сер. 1. 1801–1815. Т. 4. С. 514.
- ⁸² *Ниве П. А.* Русско-шведская война 1808–1809 гг. // ВС. 1909. № 6. С. 42, 48; *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый... Т. 2. С. 239.
- ⁸³ *Михайловский-Данилевский [А.] [И.]* Описание финляндской войны... С. 403, 407–408, 420–421.
- ⁸⁴ Выписки из книги под названием: Тринадцать дней или Финляндия // Ру В. 1809. № 12. С. 354–355.
- ⁸⁵ *Ордин К. Ф.* Указ. соч. Т. 3. С. 302.
- ⁸⁶ Выписки из книги под названием: Тринадцать дней или Финляндия // Ру В. 1809. № 12. С. 359–360.

- ⁸⁷ Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание финляндской войны... С. 464.
- ⁸⁸ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1965. Сер. 1. 1801–1815. Т. 4. С. 528–530.
- ⁸⁹ О переговорах см.: Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1967. Сер. 1. 1801–1815. Т. 5. Апрель 1809 — январь 1811 г. С. 140–146, 178–180, 192, 210–213.
- ⁹⁰ ПСЗ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 30. 1808–1809. № 23883. С. 1186–1193.
- ⁹¹ Там же. С. 1187.
- ⁹² Ордин К. Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 370–371.
- ⁹³ Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание финляндской войны... С. 488.
- ⁹⁴ Ордин К. Ф. Указ. соч. Т. 3. Приложение. С. 162–170.
- ⁹⁵ ПСЗ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 31. 1810–1811. № 24907. С. 1023.
- ⁹⁶ Т-н А. Воссоединение старой Финляндии с новой // ВЕ. 1901. № 7. С. 327–328.
- ⁹⁷ Император Александр I и граф Армфельд. 1811–1812 гг. // РС. 1896. Т. 87. Вып. 7. С. 143–144.
- ⁹⁸ Шильдер Н. К. Император Александр Первый... СПб., 1905. Т. 3. С. 8.
- ⁹⁹ Император Александр I и граф Армфельд. 1811–1812 гг. // РС. 1896. Т. 87. Вып. 7. С. 147.
- ¹⁰⁰ Бородкин М. История финских войск (1809–1825) // ВС. 1908. № 4. С. 94–97.
- ¹⁰¹ ПСЗ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 32. 1812–1815. № 24978. С. 166.
- ¹⁰² Бородкин М. История финских войск (1809–1825) // ВС. 1908. № 5. С. 86.
- ¹⁰³ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... М., 1896. Т. 3. С. 23.
- ¹⁰⁴ Записки князя Таллерана-Перигора. Ч. 2. С. 119, 123–124.
- ¹⁰⁵ Речь, произнесенная 21 августа 1810 г. генерал-майором Тибеллом в собрании шведского дворянства в Оребро // Вест. Е. М., 1810. № 20. С. 330.
- ¹⁰⁶ Соловьев С. М. Император Александр Первый... С. 185.
- ¹⁰⁷ Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций... СПб., 1876. Т. 3. Трактаты с Австрией 1808–1815. С. 27.
- ¹⁰⁸ Соловьев С. М. Император Александр Первый... С. 185–186.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 190.
- ¹¹⁰ Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций... Т. 7. С. 5.
- ¹¹¹ Донесения из Франции князя А. Б. Куракина императору Александру Павловичу // Ру А. М., 1870. Вып. 1. С. 8–9.
- ¹¹² Вандаль А. Наполеон и Александр I... Т. 2. С. 54.
- ¹¹³ Там же. С. 61.
- ¹¹⁴ [Броневский В. Б.] Письма морского офицера, служащие дополнением к Запискам морского офицера. М., 1826. Ч. 2. С. 407–408.
- ¹¹⁵ Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций... Т. 7. С. 7.
- ¹¹⁶ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1967. Сер. 1. 1801–1815. Т. 5. С. 25.

- 117 *Вандаль А.* Наполеон и Александр I... Т. 2. С. 82.
- 118 *Попов Н. А.* Варшавское герцогство // *Ру В.* 1866. Т. 61. № 2. С. 575–576.
- 119 *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый... Т. 2. С. 240.
- 120 *Внешняя политика России XIX и начала XX века...* М., 1967. Сер. 1. 1801–1815. Т. 5. С. 35.
- 121 *Мартенс Ф. [Ф.]* Собрание трактатов и конвенций... Т. 3. С. 33.
- 122 *Де Местр Ж.* Указ. соч. С. 122.
- 123 *Мартенс Ф. [Ф.]* Собрание трактатов и конвенций... Т. 7. С. 9.
- 124 *Внешняя политика России XIX и начала XX века...* М., 1967. Сер. 1. 1801–1815. Т. 5. С. 78.
- 125 *Богданович [М.] [И.]* История царствования императора Александра I... Т. 2. С. 440–448.
- 126 *Попов Н. А.* Варшавское герцогство // *Ру В.* 1866. Т. 61. № 2. С. 577.
- 127 *Вандаль А.* Наполеон и Александр I... Т. 2. С. 88–89, 105.
- 128 *Попов А. Н.* Вопрос Польский 1806–1809 гг. // *РС.* 1893. Т. 77. Вып. 3. С. 682.
- 129 *Внешняя политика России XIX и начала XX века...* М., 1967. Сер. 1. 1801–1815. Т. 5. С. 43–45.
- 130 *Вандаль А.* Наполеон и Александр I... Т. 2. С. 109.
- 131 *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый... Т. 2. С. 241.
- 132 *Вандаль А.* Наполеон и Александр I... Т. 2. С. 115.
- 133 *Попов А. Н.* Вопрос Польский 1806–1809 гг. // *РС.* 1893. Т. 77. Вып. 3. С. 682; *Дубровин Н. Ф.* Русская жизнь... С. 440–441, 448–449.
- 134 *Из памятных записок графа Павла Христофоровича Граббе* // *Ру А. М.*, 1873. Вып. 5. Ст. 833.
- 135 *Попов А. Н.* Вопрос Польский 1806–1809 гг. // *РС.* 1893. Т. 77. Вып. 3. С. 682.
- 136 *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый... Т. 2. С. 242.
- 137 *Внешняя политика России XIX и начала XX века...* М., 1967. Сер. 1. 1801–1815. Т. 5. С. 85.
- 138 *Дело генерал-лейтенанта князя Горчакова 2-го* // *Журнал Императорского Русского военно-исторического общества (далее — ЖИРВИО).* 1911. Кн. 2. С. 5–10.
- 139 *Вандаль А.* Наполеон и Александр I... Т. 2. С. 107.
- 140 *Русская военная старина. К столетию похода в Австрию в 1809 г.* // *ВС.* 1909. № 6. С. 232–233.
- 141 Там же. С. 233.
- 142 *Шильдер Н.* Светлейший князь Александр Иванович Чернышев. Биографический очерк // *ВС.* 1902. № 1. С. 17; *Поездка к Наполеону и Императору Францу осенью 1809 года (записка А. И. Чернышева)* // *Сборник РИО.* СПб., 1906. Т. 121. С. 9.
- 143 *Петров А. [Н.]* Указ. соч. СПб., 1887. Т. 3. 1810, 1811 и 1812 гг. Гр. Каменский 2, кн. Голенищев-Кутузов и Чичагов. С. 1.
- 144 *Поездка к Наполеону и Императору Францу осенью 1809 года (записка А. И. Чернышева)* // *Сборник РИО.* СПб., 1906. Т. 121. С. 7.
- 145 *Богданович [М.] [И.]* История царствования императора Александра I... Т. 3. С. 84.

Ухудшение русско-французских отношений: на пути к войне

- ¹ *Мартенс Ф. [Ф.]* Собрание трактатов и конвенций... Т. 14. С. 98.
- ² *Шильдер Н.* Светлейший князь Александр Иванович Чернышев... // ВС. 1902. № 1. С. 17.
- ³ *Дубровин Н. Ф.* Русская жизнь... С. 456.
- ⁴ *Мартенс Ф. [Ф.]* Собрание трактатов и конвенций... Т. 14. С. 99.
- ⁵ *Соловьев С. М.* Император Александр Первый... С. 203.
- ⁶ *Дубровин Н. Ф.* Русская жизнь... С. 497–499.
- ⁷ *Соловьев С. М.* Император Александр Первый... С. 203.
- ⁸ *Попов А. Н.* Вопрос Польский 1806–1809 гг. // РС. 1893. Т. 78. Вып. 5. С. 349–350.
- ⁹ *Мартенс Ф. [Ф.]* Собрание трактатов и конвенций... Т. 14. С. 430–433.
- ¹⁰ *Татищев С.* Тайная переписка о предполагавшемся браке Наполеона Первого с Великою Княжною Анною Павловною. 1809–1810 годы // Ру А. М., 1890. Вып. 9. С. 16.
- ¹¹ *Попов А. Н.* Вопрос Польский 1806–1809 гг. // РС. 1893. Т. 78. Вып. 5. С. 351–352.
- ¹² *Безотосный В. М.* Россия в Наполеоновских войнах... С. 231–232.
- ¹³ Посольство князя Алексея Борисовича Куракина к Наполеону Первому. 1810 год // Ру А. М., 1877. Вып. 11. С. 229–230; *Татищев С.* Тайная переписка о предполагавшемся браке Наполеона Первого с Великою Княжною Анною Павловною. 1809–1810 годы // Ру А. М., 1890. Вып. 9. С. 7.
- ¹⁴ Посольство князя Алексея Борисовича Куракина к Наполеону Первому. 1810 год // Ру А. М., 1877. Вып. 11. С. 230–231.
- ¹⁵ *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый... Т. 3. С. 13–14.
- ¹⁶ *Дубровин Н. Ф.* Русская жизнь... С. 339.
- ¹⁷ *Palmer A.* Op. cit. P. 76.
- ¹⁸ *Попов А. Н.* Отечественная война 1812 года. М., 1905. Т. 1. Сношения России с иностранными державами перед войной 1812 года. С. 222.
- ¹⁹ *Татищев С.* Тайная переписка о предполагавшемся браке Наполеона Первого с Великою Княжною Анною Павловною. 1809–1810 годы // Ру А. М., 1890. Вып. 9. С. 37.
- ²⁰ *Вандаль А.* Наполеон и Александр I... Т. 2. С. 293–294.
- ²¹ *Palmer A.* Op. cit. P. 42.
- ²² *Дубровин Н. Ф.* Русская жизнь... С. 340.
- ²³ Кто истинный виновник войны 1812 года. Секретный доклад, представленный Наполеону Министерством иностранных дел. Париж, 4 (16) марта 1810 г. // РС. 1896. Т. 89. Вып. 3. С. 431–439.
- ²⁴ Кто истинный виновник войны 1812 года. Секретный доклад, представленный Наполеону Министерством иностранных дел. Париж, 4 (16) марта 1810 г. // РС. 1896. Т. 89. Вып. 3. С. 423–424; *Дубровин Н. Ф.* Русская жизнь... С. 341.
- ²⁵ ПСЗ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 30. 1808–1809. № 23226. С. 525–526.

- 26 Там же. № 23646. С. 959–961.
- 27 Злотников М. Ф. Указ. соч. С. 161–166.
- 28 Тарле Е. В. Континентальная блокада... Т. 3. С. 357.
- 29 Злотников М. Ф. Указ. соч. С. 267, 270.
- 30 Воспоминания Апполинария Петровича Бутенева // Ру А. М., 1881. Вып. 5. С. 51.
- 31 Посольство князя Алексея Борисовича Куракина к Наполеону Первому. 1810 год // Ру А. М., 1877. Вып. 11. С. 246–250.
- 32 Попов А. Н. Отечественная война 1812 года. Т. 1. С. 11.
- 33 Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 3. С. 106.
- 34 Шильдер Н. Светлейший князь Александр Иванович Чернышев... // ВС. 1902. № 3. С. 33.
- 35 Попов А. Н. Отечественная война 1812 года. Т. 1. С. 12.
- 36 ПСЗ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 30. 1810–1811. № 24464. С. 487.
- 37 Злотников М. Ф. Указ. соч. С. 241–244.
- 38 Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 3. С. 107.
- 39 Злотников М. Ф. Указ. соч. С. 245.
- 40 Блюх И. С. Указ. соч. Т. 1. С. 133.
- 41 ПСЗ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 30. 1810–1811. № 24464. С. 486–492.
- 42 Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1967. Сер. 1. 1801–1815. Т. 5. С. 329.
- 43 Злотников М. Ф. Указ. соч. С. 293.
- 44 Из записок старого моряка. Статья IV. Выдумка английских шпионеров к уничтожению континентальной системы, изобретенной Наполеоном // МС. 1848. Декабрь. С. 492.
- 45 Злотников М. Ф. Указ. соч. С. 249–253, 267.
- 46 Попов А. Н. Отечественная война 1812 года. Т. 1. С. 44.
- 47 ПСЗ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 32. 1812–1815. № 24960. С. 17–18.
- 48 Злотников М. Ф. Указ. соч. С. 245.
- 49 Блюх И. С. Указ. соч. Т. 1. С. 113.
- 50 Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1967. Сер. 1. 1801–1815. Т. 5. С. 392.
- 51 Дубровин Н. Ф. Русская жизнь... С. 341–343.
- 52 Там же. С. 342.
- 53 Попов А. Н. Отечественная война 1812 года. Т. 1. С. 222.
- 54 Россия и Швеция. Документы и материалы. 1809–1818. С. 22.
- 55 Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 3. С. 2.
- 56 Россия и Швеция. Документы и материалы. 1809–1818. С. 26.
- 57 Там же. С. 27.
- 58 Там же. С. 28.
- 59 Там же. С. 34.
- 60 Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 3. С. 4.
- 61 Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 3. С. 93.

- ⁶² Там же. С. 96.
- ⁶³ *Богданович М. [И.] История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам.* М., 1859. Т. 1. С. 20–21.
- ⁶⁴ Румянцов Коленкуру. Петербург, 27 декабря 1807 (8 января 1808) // Сборник РИО. СПб., 1893. Т. 88. С. 405.
- ⁶⁵ *Traité de paix et d'amitié* // Сборник РИО. СПб., 1893. Т. 89. С. 55.
- ⁶⁶ Коленкур Румянцову. 8/20 января 1808 // Сборник РИО. СПб., 1893. Т. 88. С. 436–437.
- ⁶⁷ *Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I...* Т. 3. С. 97.
- ⁶⁸ *Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание Отечественной войны 1812 года.* Ч. 1. С. 21.
- ⁶⁹ *Богданович М. [И.] История Отечественной войны 1812 года...* Т. 1. С. 23.
- ⁷⁰ *Внешняя политика России XIX и начала XX века...* М., 1962. Сер. 1. 1801–1815. Т. 6. 1811–1812 гг. С. 8–9.
- ⁷¹ *Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I...* Т. 3. С. 102.
- ⁷² *Тарле Е. В. Континентальная блокада...* Т. 3. С. 219–221.
- ⁷³ *Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций...* Т. 14. С. 128.
- ⁷⁴ *Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I...* Т. 3. С. 101.
- ⁷⁵ *Внешняя политика России XIX и начала XX века...* М., 1962. Сер. 1. 1801–1815. Т. 6. С. 11–12, 13–14.
- ⁷⁶ *Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание Отечественной войны 1812 года.* Ч. 1. С. 22–23.
- ⁷⁷ *Попов А. Н. Отечественная война 1812 года.* Т. 1. С. 81.
- ⁷⁸ Там же. С. 2.
- ⁷⁹ *Майков П. Из семейного архива графа Нессельроде* // РС. 1906. Т. 125. Вып. 3. С. 652.
- ⁸⁰ *Дубровин Н. Ф. Русская жизнь...* С. 357.
- ⁸¹ *Жизнеописание князя А. И. Чернышева* // Сборник РИО. СПб., 1905. Т. 122. С. 15–16.
- ⁸² *Богданович М. [И.] История Отечественной войны 1812 года...* Т. 1. С. 39–40.
- ⁸³ *Фарфаровский С. Ф. Подготовка Наполеона к войне по мемуарам Пахье (Pasquier)* // Ру А. М., 1913. Вып. 7. С. 123–124.
- ⁸⁴ *Столетие Военного министерства 1802–1902.* СПб., 1902. Т. 4. Главный штаб. Исторический очерк. Ч. 1. Кн. 1. Отд. 2. Комплектование войск в царствование императора Александра I. С. 43–47.
- ⁸⁵ Там же. С. 140.
- ⁸⁶ *Дубровин Н. Ф. Русская жизнь...* С. 359.
- ⁸⁷ *Сперанский В. Н. Указ.* соч. С. 367.
- ⁸⁸ Там же. С. 369–371.
- ⁸⁹ *История Тульского оружейного завода* // ОСб. 1909. № 3. С. 4.

- ⁹⁰ Орфеев А. История Сестрорецкого оружейного завода // ОСб. 1901. № 1. С. 96.
- ⁹¹ ПСЗ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 29. 1806–1807. № 22464. С. 1020.
- ⁹² Там же. С. 1021.
- ⁹³ Соловьев А. М. В память столетнего юбилея основания Ижевского оружейного завода 1807 г. 10 июня — 1907 г. 10 июня. Исторический очерк. Ижевск, 1907. С. 46–47.
- ⁹⁴ Столетие Военного министерства 1802–1902. СПб., 1902. Т. 4. Главный штаб. Исторический очерк. Ч. 1. Кн. 1. Отд. 2. Комплектование войск в царствование императора Александра I. С. 49.
- ⁹⁵ Ведомость в 1807 году на разных пороховых заводах сделано пороху // АЖ. 1808. № 3. С. 94.
- ⁹⁶ О сравнении английского пороха с российским // АЖ. 1808. № 2. С. 112–115; О сравнении австрийского пороха с российским // АЖ. 1808. № 2. С. 116–118; Сравнение пороха различных государств с российским // АЖ. 1811. № 1. С. 49.
- ⁹⁷ Сперанский В. Н. Указ. соч. С. 172–173.
- ⁹⁸ Материалы для истории нашей артиллерии. Исторические сведения о наших пороховых заводах // АЖ. 1842. № 1. С. 4.
- ⁹⁹ Донесения полковника А. И. Чернышева императору Александру Павловичу // Сборник РИО. СПб., 1877. Т. 21. С. 91.
- ¹⁰⁰ Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 1. С. 49.
- ¹⁰¹ Попов А. Н. Отечественная война 1812 года. Т. 1. С. 4–5.
- ¹⁰² Донесения из Франции князя А. Б. Куракина императору Александру Павловичу // Ру А. М., 1870. Вып. 1. Ст. 122.
- ¹⁰³ Попов А. Н. Отечественная война 1812 года. Т. 1. С. 3.
- ¹⁰⁴ Донесения из Франции князя А. Б. Куракина императору Александру Павловичу // Ру А. М., 1870. Вып. 1. Ст. 125.
- ¹⁰⁵ Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 1. С. 51.
- ¹⁰⁶ Попов А. Н. Отечественная война 1812 года. Т. 1. С. 417–421.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 399.
- ¹⁰⁸ Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций... Т. 7. С. 25.
- ¹⁰⁹ Попов А. Н. Отечественная война 1812 года. Т. 1. С. 106.
- ¹¹⁰ Там же. С. 225–226.
- ¹¹¹ Там же. С. 229.
- ¹¹² Там же. С. 254.
- ¹¹³ Там же. С. 229–231.
- ¹¹⁴ Там же. С. 233.
- ¹¹⁵ Там же. С. 228.
- ¹¹⁶ Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 1. С. 66.

- 117 Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1962. Сер. 1. 1801–1815. Т. 6. С. 301.
- 118 Россия и Швеция. Документы и материалы. 1809–1818. С. 84–85.
- 119 Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1962. Сер. 1. 1801–1815. Т. 6. С. 302–303.
- 120 Россия и Швеция. Документы и материалы. 1809–1818. С. 111.
- 121 Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 1. С. 65.
- 122 Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций... Т. 7. С. 47.
- 123 Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1962. Сер. 1. 1801–1815. Т. 6. С. 306.
- 124 Попов А. Н. Отечественная война 1812 года. Т. 1. С. 455.
- 125 Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 1. С. 73.
- 126 Жизнеописание князя А. И. Чернышева // Сборник РИО. СПб., 1905. Т. 122. С. 53.
- 127 Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 3. С. 110.
- 128 Попов А. Н. Отечественная война 1812 года. Т. 1. С. 115.
- 129 Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1962. Сер. 1. 1801–1815. Т. 6. С. 336–339; Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 1. С. 78–79.
- 130 Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 3. С. 185.
- 131 Попов А. Н. Отечественная война 1812 года. Т. 1. С. 175.
- 132 Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 1. С. 80–81.
- 133 Вандаль А. Наполеон и Александр I... СПб., 1913. Т. 3. Разрыв франко-русского союза. С. 178, 191.
- 134 Из записок графа Филиппа Сегюра // Ру А. М., 1908. Вып. 1. С. 17.
- 135 Богданович М. [И.] История Отечественной войны 1812 года... Т. 1. С. 124.
- 136 Клаузевец К. 1812 год. М., Калуга, 1997. С. 21.
- 137 Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 3. С. 156.
- 138 Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 1. С. 87.
- 139 Paret P. Op. cit. P. 219.
- 140 Барон Штейн в России в 1812 году (Из бумаг А. Н. Попова) // РС. 1893. Т. 77. Вып. 2. С. 385–386, 393–394.
- 141 Клаузевец К. 1812 год. С. 21–22.
- 142 Записки графа К. Ф. Толя // ВС. 1910. № 11. С. 49.
- 143 Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций... Т. 7. С. 47.
- 144 Попов А. Н. Отечественная война 1812 года. Т. 1. С. 390–391.

- ¹⁴⁵ Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 1. С. 87.
- ¹⁴⁶ Попов А. Н. Отечественная война 1812 года. Т. 1. С. 488.
- ¹⁴⁷ Там же. С. 184.
- ¹⁴⁸ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1962. Сер. 1. 1801–1815. Т. 6. С. 343–344.
- ¹⁴⁹ Попов А. Н. Отечественная война 1812 года. Т. 1. С. 496.
- ¹⁵⁰ Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций... Т. 3. С. 87.
- ¹⁵¹ Попов А. Н. Отечественная война 1812 года. Т. 1. С. 478.
- ¹⁵² Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 1. С. 97.
- ¹⁵³ Богданович М. [И.] История Отечественной войны 1812 года... Т. 1. С. 77.
- ¹⁵⁴ Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 1. С. 68.
- ¹⁵⁵ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1962. Сер. 1. 1801–1815. Т. 6. С. 324–328.
- ¹⁵⁶ Там же. С. 430–431.
- ¹⁵⁷ Шильдер Н. К. Император Александр Первый... Т. 3. С. 106.
- ¹⁵⁸ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1962. Сер. 1. 1801–1815. Т. 6. С. 451.
- ¹⁵⁹ Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций... Т. 11. С. 162–165.
- ¹⁶⁰ Богданович М. [И.] История Отечественной войны 1812 года... М., 1859. Т. 2. С. 19, 27.
- ¹⁶¹ Там же. С. 27.
- ¹⁶² Там же. С. 28.
- ¹⁶³ Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 2. С. 189–190.
- ¹⁶⁴ Россия и Швеция. Документы и материалы. 1809–1818. С. 175–179.
- ¹⁶⁵ Из исторических записок Иоанна-Альберта Эренстрема // РС. 1893. Т. 80. Вып. 11. С. 252.
- ¹⁶⁶ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1962. Сер. 1. 1801–1815. Т. 6. С. 548–550.

Русско-турецкая война 1806–1812 гг.

- ¹ История внешней политики России. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). С. 33–34.
- ² А. Воронцов Моркову. Петербург, 20 января (1 февраля) 1803 // Сборник РИО. СПб., 1891. Т. 77. С. 22.
- ³ Там же. С. 23.

- 4 Письма Андрея Яковлевича Италинского к графам А. и С. Р. Воронцовым (1787–1806). Пера, 27 марта (8 апреля) 1803 // Архив князя Воронцова. М., 1881. Кн. 20. С. 290–291.
- 5 Там же. Константинополь, июня 14 (28) дня 1803 // Архив князя Воронцова. Кн. 20. С. 293.
- 6 Грачев В. П. Балканские владения Османской империи на рубеже XVIII–XIX вв. (Внутреннее положение, предпосылки национально-освободительных движений). М., 1990. С. 16–17.
- 7 Stavrianos L. S. The Balkans since 1453. L., 2002. P. 238.
- 8 Попов Н. А. Россия и Сербия. Исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 по 1856 год. М., 1869. Ч. 1. До устава 1839 года. С. 12.
- 9 Грачев В. П. Балканские владения Османской империи... С. 21, 29.
- 10 Письмо из Землина // Вест. Е. М., 1802. № 5. С. 83–84; Попов Н. А. Россия и Сербия... Ч. 1. С. 13–14.
- 11 Дубровин Н. Ф. Сербский вопрос в царствование императора Александра I // Ру В. 1863. Т. 49. № 7. С. 97–101.
- 12 Грачев В. П. Балканские владения Османской империи... С. 60, 71–72, 117.
- 13 Там же. С. 29.
- 14 Stavrianos L. S. Op. cit. P. 245.
- 15 Первое Сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. М., 1980. Кн. 1. 1804–1807. С. 17.
- 16 Stavrianos L. S. Op. cit. P. 246.
- 17 Первое Сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. Кн. 1. С. 29.
- 18 Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1961. Сер. 1. 1801–1815. Т. 2. С. 78–79, 91–92.
- 19 Первое Сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. Кн. 1. С. 36.
- 20 О восстановлении нового Славяно-Сербского государства. Записка митрополита Стратимировича, составленная для поднесения императору Александру Павловичу в июне 1804 года // Ру А. М., 1868. Вып. 1. С. 111–120.
- 21 Первое Сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. Кн. 1. С. 40.
- 22 Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1961. Сер. 1. 1801–1815. Т. 2. С. 203–204.
- 23 Грачев В. П. Балканские владения Османской империи... С. 149.
- 24 Первое Сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. Кн. 1. С. 75.
- 25 Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1961. Сер. 1. 1801–1815. Т. 2. С. 248–249.
- 26 Первое Сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. Кн. 1. С. 116–119.
- 27 Доклад Чарторижского. 10/22 января 1805 // Сборник РИО. СПб., 1892. Т. 82. С. 1–2.
- 28 Первое Сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. Кн. 1. С. 178–182.
- 29 Пизани Чарторижскому. Петербург, 12/24 октября 1805 // Сборник РИО. СПб., 1892. Т. 82. С. 172.

- ³⁰ В-ий А. Константинополь в 1798 и в 1839 годах (Письмо к редактору «Отечественных Записок») // ОЗ. 1840. № 12. С. 95, 98.
- ³¹ Польтр Эдувилю. Одесса, 14/26 мая 1803 // Сборник РИО. СПб., 1891. Т. 77. С. 144.
- ³² Циркуляр Талейрана. 27 июля (8 августа) 1805 // Сборник РИО. СПб., 1892. Т. 82. С. 103–104.
- ³³ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1961. Сер. 1. 1801–1815. Т. 2. С. 589–594.
- ³⁴ Первое Сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. Кн. 1. С. 211–212.
- ³⁵ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1963. Сер. 1. 1801–1815. Т. 3. С. 38–39, 76.
- ³⁶ Письма Андрея Яковлевича Италинского к графам А. и С. Р. Воронцовым. (1787–1806). Января 17 (29) дня 1806 // Архив князя Воронцова. Кн. 20. С. 307.
- ³⁷ Первое Сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. Кн. 1. С. 240.
- ³⁸ Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 1. С. 29.
- ³⁹ Вандаль А. Наполеон и Александр I... Т. 1. С. 4, 8.
- ⁴⁰ Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 1. С. 39.
- ⁴¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1963. Сер. 1. 1801–1815. Т. 3. С. 191.
- ⁴² Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. // РС. 1907. Т. 130. Вып. 5. С. 434–435.
- ⁴³ Jelavich B. History of the Balkans. Eighteenth and Nineteenth Centuries. Cambridge University Press, 1999. Vol. 1. P. 103; Палаузов С. Н. Румынские господарства Валахия и Молдавия в историко-политическом отношении. СПб., 1859. С. 181.
- ⁴⁴ Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. // РС. 1908. Т. 134. Вып. 7. С. 169.
- ⁴⁵ Восточная политика Наполеона // РС. 1905. Т. 121. Вып. 2. С. 607.
- ⁴⁶ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1963. Сер. 1. 1801–1815. Т. 3. С. 191.
- ⁴⁷ Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 1. С. 33.
- ⁴⁸ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1963. Сер. 1. 1801–1815. Т. 3. С. 267.
- ⁴⁹ Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 1. С. 33, 40–41.
- ⁵⁰ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1963. Сер. 1. 1801–1815. Т. 3. С. 276–278.
- ⁵¹ Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 1. С. 32.
- ⁵² Польтр Эдувилю. Одесса, 14/26 мая 1803 // Сборник РИО. СПб., 1891. Т. 77. С. 147.
- ⁵³ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1963. Сер. 1. 1801–1815. Т. 3. С. 304.
- ⁵⁴ Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 1. С. 58.

- 55 Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1963. Сер. 1. 1801–1815. Т. 3. С. 321.
- 56 Там же. С. 325.
- 57 Там же. С. 330.
- 58 Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1960. Сер. 1. 1801–1815. Т. 1. С. 276–278, 280–281.
- 59 Там же. М., 1963. Сер. 1. 1801–1815. Т. 3. С. 333.
- 60 Палаузов С. Н. Указ. соч. С. 147, 153–154.
- 61 Юзефович Т. [П.] Договора России с Востоком политические и торговые. СПб., 1869. С. 34.
- 62 Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 1. С. 42–43.
- 63 Там же. С. 59.
- 64 Восточная политика Наполеона // РС. 1905. Т. 121. Вып. 2. С. 608–610.
- 65 Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 1. С. 54.
- 66 Щербатов [А.] [П.] Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. СПб., 1888. Т. 1. 1782–1826. С. 14–15.
- 67 Ореус И. И. Иван Иванович Михельсон, победитель Пугачева. 1740–1807 // РС. 1876. Т. 15. Вып. 1. С. 206.
- 68 Восточная политика Наполеона // РС. 1905. Т. 121. Вып. 2. С. 610, 612.
- 69 Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1963. Сер. 1. 1801–1815. Т. 3. С. 384–387.
- 70 Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 1. С. 123.
- 71 Щербатов [А.] [П.] Указ. соч. Т. 1. С. 14.
- 72 Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 1. С. 124.
- 73 Доклад Будберга. 4/16 января 1807 // Сборник РИО. СПб., 1893. Т. 88. С. 2–6.
- 74 Щербатов [А.] [П.] Указ. соч. Т. 1. С. 22.
- 75 Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 1. С. 88–89, 92–93, 102–103.
- 76 Записи И. Котляревского о первых действиях русских войск в турецкую войну 1806 г. // Киевская старина (далее — К. Ст.). 1900. № 12. С. 339, 342–343.
- 77 Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1963. Сер. 1. 1801–1815. Т. 3. С. 370.
- 78 Первое Сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. Кн. 1. С. 314.
- 79 Овладение Дарданелами в 1783 г. Представление адмирала Самуила Грейга // РС. 1878. Т. 22. Вып. 7. С. 449–452.
- 80 Савваитов П. И. Взятие Анапы эскадрой Черноморского флота под командою контр-адмирала С. А. Пустошкина в 1807 году. СПб., 1851. С. 4; Щербачев О. Афонское сражение // МС. 1915. № 12. С. 12–13.
- 81 Ореус И. И. Указ. соч. // РС. 1876. Т. 15. Вып. 1. С. 207.
- 82 Щербатов [А.] [П.] Указ. соч. Т. 1. С. 15–21.
- 83 Афанасьев Д. М. Указ. соч. // Ру А. М., 1902. Вып. 2. С. 258–259; Савваитов П. И. Указ. соч. С. 4; Щербачев О. Указ. соч. // МС. 1915. № 12. С. 17–18.

- ⁸⁴ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 1. С. 231, 270.
- ⁸⁵ Огородников С. Ф. Исторический обзор развития и деятельности Морского министерства... С. 41, 43, 78.
- ⁸⁶ Исторический очерк развития штатов российского флота // МС. 1911. № 4. С. 13–14.
- ⁸⁷ Огородников С. Ф. Исторический обзор развития и деятельности Морского министерства... С. 41.
- ⁸⁸ Афанасьев Д. М. Указ. соч. // Ру А. М., 1902. Вып. 2. С. 258.
- ⁸⁹ Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 1. С. 331–332.
- ⁹⁰ Щербачев О. Указ. соч. // МС. 1915. № 12. С. 21, 24.
- ⁹¹ Мольтке Г. Русско-турецкая кампания в Европейской Турции 1828 и 1829 г. СПб., 1883. Ч. 2. С. 194–195; Щербачев О. Указ. соч. // МС. 1915. № 12. С. 19.
- ⁹² Восточная политика Наполеона // РС. 1905. Т. 121. Вып. 2. С. 621, 626.
- ⁹³ Из записок фельдмаршала князя Паскевича // Ру А. М., 1889. Вып. 3. С. 410.
- ⁹⁴ Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 1. С. 168.
- ⁹⁵ Щербачев О. Указ. соч. // МС. 1915. № 12. С. 21.
- ⁹⁶ Stavrianos L. S. Op. cit. P. 204.
- ⁹⁷ Davies D. W. Op. cit. P. 19–20.
- ⁹⁸ Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Удивительная история прошлого в жизнеописаниях и хронике событий. М., 1963. Т. 4. Египет под властью Мухаммада Али (1806–1821). С. 130–133.
- ⁹⁹ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1960. Сер. 1. 1801–1815. Т. 1. С. 136.
- ¹⁰⁰ Stavrianos L. S. Op. cit. P. 205.
- ¹⁰¹ Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 1. С. 130.
- ¹⁰² Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1963. Сер. 1. 1801–1815. Т. 3. С. 508.
- ¹⁰³ Арш Г. Л. Этеристское движение в России... С. 119.
- ¹⁰⁴ Воспоминания на флоте Павла Свиньина. Ч. 2. С. 45–46; Щербачев О. Указ. соч. // МС. 1915. № 12. С. 27; Панафидин П. И. Указ. соч. // МС. 1916. № 4. С. 20, 27.
- ¹⁰⁵ Щербачев О. Указ. соч. // МС. 1916. № 1. С. 2.
- ¹⁰⁶ Записки флота капитан-лейтенанта Егора Метаксы, содержащие в себе повествования о плавании и военных подвигах соединенных российской и турецкой эскадр под начальством адмирала Федора Федоровича Ушакова, от 1798 по 1801 год // МС. 1880. № 4. С. 98–100.
- ¹⁰⁷ Щербачев О. Указ. соч. // МС. 1916. № 1. С. 7.
- ¹⁰⁸ Казбек Г. Военная история Грузинского гренадерского Его Императорского Высочества Великого Князя Константина Николаевича полка в связи с историей Кавказской войны. Тифлис, 1865. С. 48.

- ¹⁰⁹ Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 1. С. 289.
- ¹¹⁰ Потто В. А. Кавказская война. Ставрополь, 1994. Т. 1. От древнейших времен до Ермолова. С. 384.
- ¹¹¹ Петров А. [Н.] Указ. соч. СПб., 1887. Т. 2. 1808 и 1809 гг. Кн. Прозоровский и кн. Багратион. С. 495.
- ¹¹² Потто В. А. Указ. соч. Т. 1. С. 385–391.
- ¹¹³ Плавание эскадры к городу Анапа, взятие оною и обратное в Севастополь прибытие // Вест. Е. М., 1807. № 13. С. 40; М. П. Взятие турецкой крепости Анапы, в 1807 году (Письмо к Н. И. Гречу) // СО. 1828. № 9. С. 83–89; Савваитов П. И. Указ. соч. С. 5–21; Потто В. А. Указ. соч. Т. 1. С. 391–393.
- ¹¹⁴ Щербатов [А.] [П.] Указ. соч. Т. 1. С. 22.
- ¹¹⁵ Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 1. С. 218.
- ¹¹⁶ Там же. С. 220.
- ¹¹⁷ Первое Сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. Кн. 1. С. 308–310.
- ¹¹⁸ Доклад Будберга. Начало мая 1807 // Сборник РИО. СПб., 1893. Т. 88. С. 42–43.
- ¹¹⁹ Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 1. С. 220–222.
- ¹²⁰ Записка Чарторижского. 9/21 апреля 1806 // Сборник РИО. СПб., 1892. Т. 82. С. 347.
- ¹²¹ Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 1. С. 223.
- ¹²² Там же.
- ¹²³ Там же. С. 225.
- ¹²⁴ Там же. С. 231.
- ¹²⁵ Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 1. С. 243–244; Stavrianos L. S. Op. cit. P. 205; Первое Сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. Кн. 1. С. 386–387.
- ¹²⁶ Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 1. С. 232.
- ¹²⁷ Там же. С. 250–252.
- ¹²⁸ Stavrianos L. S. Op. cit. P. 220.
- ¹²⁹ В-ий А. Константинополь в 1798 и в 1839 годах (Письмо к редактору «Отечественных Записок») // ОЗ. 1840. № 12. С. 96–97.
- ¹³⁰ Военное состояние европейской Турции // ВЖ. 1842. № 1. С. 126; Янычары и султан Махмуд II // ВЖ. 1845. № 5. С. 106, 113.
- ¹³¹ О нынешнем состоянии Турецкого государства // Вест. Е. М., 1816. № 20. С. 289–290; Янычары и султан Махмуд II // ВЖ. 1845. № 5. С. 119–120.
- ¹³² Бенкендорф А. Х. Указ. соч. С. 85–86.
- ¹³³ Stavrianos L. S. Op. cit. P. 220.
- ¹³⁴ Кессельбреннер Г. Л. Хроника одной дипломатической карьеры (Дипломат-востоковед С. Л. Лошкарев и его время). М., 1987. С. 232.
- ¹³⁵ Там же. С. 231.
- ¹³⁶ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1963. Сер. 1. 1801–1815. Т. 3. С. 453–544.

- ¹³⁷ *Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 1. С. 269.*
- ¹³⁸ *Кессельбреннер Г.Л. Указ. соч. С. 233.*
- ¹³⁹ *Записки флота капитан-лейтенанта Егора Метаксы... // МС. 1880. № 4. С. 108.*
- ¹⁴⁰ *Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 1. С. 172–173.*
- ¹⁴¹ *Клемент Н. Год в плену у турок, с корвета «Флора», в 1807 году // МС. 1857. № 3. С. 54–55; Он же. Гибель корвета «Флора» и приключения людей, на нем бывших // Ру А. М., 1891. Вып. 8. С. 482–483; Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 1. С. 173.*
- ¹⁴² *Кессельбреннер Г.Л. Указ. соч. С. 234.*
- ¹⁴³ *Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1963. Сер. 1. 1801–1815. Т. 3. С. 596–597, 602–606, 609–611.*
- ¹⁴⁴ *Щербачев О. Указ. соч. // МС. 1916. № 1. С. 5.*
- ¹⁴⁵ *Воспоминания о плавании Российского флота под командою вице-адмирала Сенявина на водах Средиземного моря // СО. 1816. № 49. С. 135–145; Щербачев О. Указ. соч. // МС. 1916. № 1. С. 15.*
- ¹⁴⁶ *Год в плену у турков // СО. 1840. № 21. С. 80.*
- ¹⁴⁷ *Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 1. 266.*
- ¹⁴⁸ *Кессельбреннер Г.Л. Указ. соч. С. 235.*
- ¹⁴⁹ *Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 1. С. 267.*
- ¹⁵⁰ *Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1963. Сер. 1. 1801–1815. Т. 3. С. 648–649.*
- ¹⁵¹ *Там же. С. 650.*
- ¹⁵² *Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1965. Сер. 1. 1801–1815. Т. 4. С. 75–76.*
- ¹⁵³ *Вандаль А. Наполеон и Александр I... Т. 1. С. 171–172.*
- ¹⁵⁴ *Император Александр — генералу Михельсону. 28-го июня 1807 года; Барон Будберг — генералу Михельсону. 20-го августа 1807 года // Сборник РИО. СПб., 1893. Т. 89. С. 132–133.*
- ¹⁵⁵ *Кессельбреннер Г.Л. Указ. соч. С. 236.*
- ¹⁵⁶ *Грачев В.П. Первое сербское восстание и Россия... Часть первая. С. 102–105.*
- ¹⁵⁷ *Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 1. С. 272–275.*
- ¹⁵⁸ *Кессельбреннер Г.Л. Указ. соч. С. 241, 245–246.*
- ¹⁵⁹ *Ореус И.И. Указ. соч. // РС. 1876. Т. 15. Вып. 1. С. 208.*
- ¹⁶⁰ *Письмо И.И. Михельсона к князю А.А. Прозоровскому // Ру А. М., 1899. Вып. 6. С. 367.*
- ¹⁶¹ *Щербатов [А.] [П.] Указ. соч. Т. 1. С. 34.*
- ¹⁶² *Грачев В.П. Первое сербское восстание и Россия... Часть первая. С. 112.*
- ¹⁶³ *Кессельбреннер Г.Л. Указ. соч. С. 247.*
- ¹⁶⁴ *Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 1. С. 275–276.*
- ¹⁶⁵ *Там же. С. 254.*
- ¹⁶⁶ *Шильдер Н.К. Россия в ее отношениях к Европе в царствование императора Александра I. 1806–1815 гг. // РС. 1889. Т. 61. Вып. 1. С. 19.*

- 167 Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 1. С. 254.
- 168 Там же. С. 257–259.
- 169 Там же. С. 247.
- 170 Кессельбреннер Г. Л. Указ. соч. С. 242.
- 171 Граф Румянцев — генерал-фельдмаршалу князю Прозоровскому // Сборник РИО. СПб., 1893. Т. 89. С. 135.
- 172 Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 1. С. 280–281.
- 173 Там же. С. 282–283.
- 174 Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 2. С. 4–5.
- 175 Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1965. Сер. 1. 1801–1815. Т. 4. С. 74.
- 176 Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 2. С. 5.
- 177 Там же. С. 8.
- 178 Кессельбреннер Г. Л. Указ. соч. С. 249, 253.
- 179 Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 2. С. 11.
- 180 Там же. С. 12.
- 181 Там же. С. 7.
- 182 Год в плену у турков // СО. 1840. № 21. С. 82–83.
- 183 Первое Сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. М., 1983. Кн. 2. 1808–1813. С. 10–11.
- 184 Сперанский В. Н. Указ. соч. С. 87.
- 185 Щербатов [А.] [П.] Указ. соч. Т. 1. С. 320–323.
- 186 Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 2. С. 32–34.
- 187 Первое Сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. Кн. 2. С. 13.
- 188 Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 2. С. 44.
- 189 Первое Сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. Кн. 2. С. 20–21.
- 190 Там же. С. 35.
- 191 Там же. С. 38.
- 192 Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 2. С. 45, 56.
- 193 Грачев В. П. Первое сербское восстание и Россия... Часть первая. С. 44.
- 194 Доклад Будберга. Тильзит, 23 мая (4 июня) 1807 // Сборник РИО. СПб., 1893. Т. 88. С. 51.
- 195 Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 2. С. 148–150, 152–153.
- 196 Первое Сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. Кн. 2. С. 23–24, 26–29.
- 197 Грачев В. П. Первое сербское восстание и Россия... Часть первая. С. 195–197.
- 198 Соловьев С. М. Император Александр Первый... С. 184.
- 199 Щербатов [А.] [П.] Указ. соч. Т. 1. С. 38.
- 200 Грачев В. П. Первое сербское восстание и Россия... Часть первая. С. 143.
- 201 Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 2. С. 56–58, 73–74.
- 202 Грачев В. П. Первое сербское восстание и Россия... Часть первая. С. 264–267.
- 203 Первое Сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. Кн. 2. С. 43.

- ²⁰⁴ Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 2. С. 107–108.
- ²⁰⁵ [Краснокутский А. Г.] Поездка русского офицера в Константинополь, или Ежедневные записки от 23 апреля по 11 число декабря 1808 года // Ру В. 1810. № 8. С. 31.
- ²⁰⁶ Грачев В. П. Первое сербское восстание и Россия... Часть первая. С. 372–374.
- ²⁰⁷ [Краснокутский А. Г.] Указ. соч. // Ру В. 1810. № 9. С. 8.
- ²⁰⁸ Там же. С. 16.
- ²⁰⁹ Там же. С. 20.
- ²¹⁰ Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 2. С. 107–108.
- ²¹¹ [Краснокутский А. Г.] Указ. соч. // Ру В. 1810. № 9. С. 28–33.
- ²¹² Stavrianos L. S. Op. cit. P. 221.
- ²¹³ Первое Сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. Кн. 2. С. 56.
- ²¹⁴ Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 2. С. 166.
- ²¹⁵ Там же. С. 254–256.
- ²¹⁶ Там же. С. 257.
- ²¹⁷ Первое Сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. Кн. 2. С. 68.
- ²¹⁸ Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 2. С. 170–171, 176.
- ²¹⁹ Грачев В. П. Первое сербское восстание и Россия... Часть первая. С. 419–420.
- ²²⁰ Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 2. С. 167.
- ²²¹ Там же. С. 177–178.
- ²²² Грачев В. П. Первое сербское восстание и Россия... Часть первая. С. 421.
- ²²³ Щербатов [А.] [П.] Указ. соч. Т. 1. С. 54–59.
- ²²⁴ Первое Сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. Кн. 2. С. 76.
- ²²⁵ Там же. С. 75.
- ²²⁶ Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 3. С. 8.
- ²²⁷ Щербатов [А.] [П.] Указ. соч. Т. 1. С. 59–67; Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 2. С. 227–229.
- ²²⁸ М. И. Кутузов. Сборник документов. М., 1954. Т. 3. С. 3–4.
- ²²⁹ Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 2. С. 37.
- ²³⁰ М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 3. С. 210–212.
- ²³¹ Там же. С. 223.
- ²³² Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 2. 1808 и 1809 гг. С. 270–272.
- ²³³ Там же. С. 273–274.
- ²³⁴ Первое Сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. Кн. 2. С. 85–86, 99.
- ²³⁵ Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 2. С. 234–235.
- ²³⁶ Там же. С. 236–239.
- ²³⁷ Семевский М. Граф Михаил Андреевич Милорадович. 1770–1825 годы // ВС. 1869. № 10. С. 149–150.
- ²³⁸ Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 2. С. 283–284, 318.
- ²³⁹ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 2. С. 469–470.

- 240 Всеподданнейшее донесение князя П. И. Багратиона о смерти фельдмаршала князя Прозоровского // Ру А. М., 1906. Вып. 10. С. 300.
- 241 Генерал Багратион. Сборник документов и материалов. С. 60.
- 242 Багратион в Дунайских княжествах (сборник документов). Кишинев, 1949. С. 21–26.
- 243 Там же. С. 27–30.
- 244 Щербатов [А.] [П.] Указ. соч. Т. 1. С. 77–79.
- 245 Багратион в Дунайских княжествах... С. 27–36.
- 246 Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 2. С. 375.
- 247 Багратион в Дунайских княжествах... С. 38.
- 248 Там же. С. 41.
- 249 Щербатов [А.] [П.] Указ. соч. Т. 1. С. 80–83.
- 250 Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 2. С. 389.
- 251 Багратион в Дунайских княжествах... С. 42, 57–58.
- 252 Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 2. С. 411.
- 253 Щербатов [А.] [П.] Указ. соч. Т. 1. С. 90–91.
- 254 Генерал Багратион. Сборник документов и материалов. С. 108.
- 255 Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 2. С. 312–315.
- 256 Там же. С. 449.
- 257 Багратион в Дунайских княжествах... С. 54–55.
- 258 Там же. С. 53.
- 259 Генерал Багратион. Сборник документов и материалов. С. 101–102.
- 260 Там же. С. 102.
- 261 Там же. С. 103.
- 262 Там же. С. 104.
- 263 Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 3. С. 9.
- 264 Там же. С. 11–13; Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1967. Сер. 1. 1801–1815. Т. 5. С. 361–367.
- 265 Первое Сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. Кн. 2. С. 148.
- 266 Попов А. Н. Отечественная война 1812 года. Т. 1. С. 299.
- 267 Багратион в Дунайских княжествах... С. 115–116.
- 268 Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 3. С. 17–18.
- 269 Там же. С. 25–27, 30–31.
- 270 Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1967. Сер. 1. 1801–1815. Т. 5. С. 429.
- 271 Щербатов [А.] [П.] Указ. соч. Т. 1. С. 114–115.
- 272 Первое Сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. Кн. 2. С. 154.
- 273 Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 3. С. 24–25.
- 274 Дубровин Н. Ф. Русская жизнь... С. 358.
- 275 Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 3. С. 37, 45–46, 51–52.

- 276 Там же. С. 162–163.
- 277 Там же. С. 20.
- 278 Там же. С. 19.
- 279 Попов А. Н. Отечественная война 1812 года. Т. 1. С. 290–291.
- 280 Там же. С. 294.
- 281 Там же. С. 296.
- 282 Соловьев С. М. Император Александр Первый... С. 220.
- 283 Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 3. С. 21.
- 284 Там же. С. 83, 85–86, 105–107.
- 285 Поход графа Каменского 2-го против турок, в 1810 и 1811 годах // ОЗ. 1821. № 11. С. 261–262.
- 286 Щербатов [А.] [П.] Указ. соч. Т. 1. С. 116–117; Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 3. С. 144, 148–149.
- 287 Поход графа Каменского 2-го против турок, в 1810 и 1811 годах // ОЗ. 1821. № 13. С. 156–157.
- 288 Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 3. С. 206.
- 289 Первое Сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. Кн. 2. С. 177–185, 213.
- 290 Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 3. С. 88.
- 291 Там же. С. 151–153; 155.
- 292 Поход графа Каменского 2-го против турок, в 1810 и 1811 годах // ОЗ. 1821. № 13. С. 161.
- 293 Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 3. С. 235.
- 294 Донесения полковника А. И. Чернышева императору Александру Павловичу // Сборник РИО. СПб., 1877. Т. 21. С. 4.
- 295 Там же. С. 15.
- 296 Русская военная старина. Рескрипты Александра I на имя генерала от инфантерии графа Каменского 2-го // ВС. 1908. № 6. С. 265.
- 297 Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 3. С. 235, 237.
- 298 Русская военная старина. Рескрипты Александра I на имя генерала от инфантерии графа Каменского 2-го // ВС. 1908. № 6. С. 266.
- 299 Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 3. С. 240.
- 300 Там же. С. 246–248.
- 301 М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 3. С. 293.
- 302 Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 3. С. 250.
- 303 М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 3. С. 336.
- 304 Турецкий поход русских под предводительством генерала от инфантерии Голенищева-Кутузова в 1811 году // ВЖ. 1840. № 1. С. 9.
- 305 М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 3. С. 405–406.
- 306 Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 3. С. 250.
- 307 Там же. С. 260.
- 308 Там же. С. 399–400.

- ³⁰⁹ Там же. С. 262–265.
- ³¹⁰ М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 3. С. 466–468.
- ³¹¹ Изъяснение плана сражения при Рушукке между русскими войсками под предводительством генерала от инфантерии Голенищева-Кутузова и турецкою армиею под начальством верховного визиря Ахмета-эфенди, 22-го июня 1811 года // ВЖ. 1840. № 1. С. 163–164; *Петров А. [Н.]* Указ. соч. Т. 3. С. 272.
- ³¹² *Попов А. Н.* Отечественная война 1812 года. Т. 1. С. 318.
- ³¹³ Турецкий поход русских под предводительством генерала от инфантерии Голенищева-Кутузова в 1811 году // ВЖ. 1840. № 1. С. 9, 17, 41–42.
- ³¹⁴ Там же // ВЖ. 1840. № 2. С. 22.
- ³¹⁵ Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. // РС. 1910. Т. 143. Вып. 8. С. 348; *Бенкендорф А. Х.* Указ. соч. С. 176.
- ³¹⁶ Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. // РС. 1910. Т. 143. Вып. 8. С. 349.
- ³¹⁷ Записки инженерного офицера Мартоса о Турецкой войне в царствование Александра Павловича. 1806–1812 // Ру А. М., 1893. Вып. 7. С. 356.
- ³¹⁸ *Попов А. Н.* Отечественная война 1812 года. Т. 1. С. 318.
- ³¹⁹ Там же. С. 96.
- ³²⁰ Турецкий поход русских, под предводительством генерала от инфантерии Голенищева-Кутузова, в 1811 году // ВЖ. 1840. № 2. С. 46.
- ³²¹ *Попов А. Н.* Отечественная война 1812 года. Т. 1. С. 323.
- ³²² Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. // РС. 1910. Т. 143. Вып. 8. С. 354.
- ³²³ Записки инженерного офицера Мартоса о Турецкой войне в царствование Александра Павловича. 1806–1812 // Ру А. М., 1893. Вып. 7. С. 358.
- ³²⁴ *Попов А. Н.* Отечественная война 1812 года. Т. 1. С. 323.
- ³²⁵ Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. // РС. 1910. Т. 143. Вып. 8. С. 361.
- ³²⁶ *Петров А. [Н.]* Указ. соч. Т. 3. С. 288–289.
- ³²⁷ Описание турецкого похода россиян под начальством генерала от инфантерии Голенищева-Кутузова в 1811 году // ОЗ. 1827. № 82. С. 270–272.
- ³²⁸ М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 3. С. 642.
- ³²⁹ Записки генерала Отрощенко // Ру В. 1877. Т. 131. № 10. С. 531.
- ³³⁰ М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 3. С. 642–643.
- ³³¹ *Петров А. [Н.]* Указ. соч. Т. 3. 307.
- ³³² Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. // РС. 1910. Т. 143. Вып. 9. С. 538.
- ³³³ Князь М. И. Голенищев-Кутузов-Смоленский. 1745–1813. Письма к его дочери графине Е. М. Тизенгаузен, во втором замужестве Хитрово. 1803–1813 // РС. 1874. Т. 10. Вып. 6. С. 364.

- 334 Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. // РС. 1910. Т. 143. Вып. 9. С. 539.
- 335 Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 3. С. 307.
- 336 Описание турецкого похода россиян под начальством генерала от инфантерии Голенищева-Кутузова в 1811 году // ОЗ. 1828. № 96. С. 93.
- 337 Попов А. Н. Отечественная война 1812 года. Т. 1. С. 324.
- 338 Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. // РС. 1910. Т. 144. Вып. 10. С. 211.
- 339 М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 3. С. 661.
- 340 Князь М. И. Голенищев-Кутузов-Смоленский. 1745–1813. Письма к его дочери графине Е. М. Тизенгаузен, во втором замужестве Хитрово. 1803–1813 // РС. 1874. Т. 10. Вып. 6. С. 364.
- 341 Турецкий поход русских под предводительством генерала от инфантерии Голенищева-Кутузова в 1811 году // ВЖ. 1840. № 3. С. 19.
- 342 Описание турецкого похода россиян под начальством генерала от инфантерии Голенищева-Кутузова в 1811 году // ОЗ. 1828. № 96. С. 82.
- 343 Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 3. С. 310.
- 344 Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. // РС. 1910. Т. 144. Вып. 10.
- 345 Записки генерала Отрощенко // Ру В. 1877. Т. 131. № 10. С. 532; Бенкендорф А. Х. Указ. соч. С. 181.
- 346 Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 2. С. 533–534.
- 347 Описание турецкого похода россиян под начальством генерала от инфантерии Голенищева-Кутузова в 1811 году // ОЗ. 1828. № 97. С. 267.
- 348 Турецкий поход русских под предводительством генерала от инфантерии Голенищева-Кутузова в 1811 году // ВЖ. 1840. № 3. С. 44.
- 349 Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1962. Сер. 1. 1801–1815. Т. 6. С. 241.
- 350 Там же.
- 351 М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 3. С. 707–710, 719.
- 352 Турецкий поход русских под предводительством генерала от инфантерии Голенищева-Кутузова в 1811 году // ВЖ. 1840. № 2. С. 44.
- 353 Описание турецкого похода россиян под начальством генерала от инфантерии Голенищева-Кутузова в 1811 году // ОЗ. 1828. № 97. С. 269.
- 354 Попов А. Н. Отечественная война 1812 года. Т. 1. С. 474.
- 355 Там же. С. 475.
- 356 Донесения полковника А. И. Чернышева канцлеру графу Н. П. Румянцеву // Сборник РИО. СПб., 1877. Т. 21. С. 266.
- 357 Попов А. Н. Отечественная война 1812 года. Т. 1. С. 356.
- 358 Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 1. С. 94.

- 359 *Петров А. [Н.]* Указ. соч. Т. 3. С. 334.
- 360 *Попов А. Н.* Отечественная война 1812 года. Т. 1. С. 351.
- 361 *Петров А. [Н.]* Указ. соч. Т. 3. С. 351–352.
- 362 *Внешняя политика России XIX и начала XX века...* М., 1962. Сер. 1. 1801–1815. Т. 6. С. 258.
- 363 *Петров А. [Н.]* Указ. соч. Т. 3. С. 363–364.
- 364 Там же. С. 367.
- 365 Там же. С. 364–366.
- 366 *Внешняя политика России XIX и начала XX века...* М., 1962. Сер. 1. 1801–1815. Т. 6. С. 306.
- 367 Там же. С. 307.
- 368 *Петров А. [Н.]* Указ. соч. Т. 3. С. 371–373.
- 369 *Первое Сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия.* Кн. 2. С. 251.
- 370 *Михайловский-Данилевский [А.] [И.]* Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 1. С. 95.
- 371 *Попов А. Н.* Отечественная война 1812 года. Т. 1. С. 382.
- 372 Там же.
- 373 *Из записок адмирала Чичагова. Дела Турции в 1812 году // Ру А. М., 1870. Вып. 8. С. 1525–1526.*
- 374 *Соловьев С. М.* Император Александр Первый... С. 222.
- 375 *Юзефович Т. [П.]* Указ. соч. С. 49–58; М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 3. С. 906–914.
- 376 *Юзефович Т. [П.]* Указ. соч. С. 54–55; *Первое Сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия.* Кн. 2. С. 267.
- 377 *Юзефович Т. [П.]* Указ. соч. С. VIII.
- 378 *Из записок адмирала Чичагова. Дела Турции в 1812 году // Ру А. М., 1870. Вып. 8. С. 1544.*
- 379 *Юзефович Т. [П.]* Указ. соч. С. IX.
- 380 Там же. С. 57.
- 381 М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 3. С. 905.
- 382 *Петров А. [Н.]* Указ. соч. Т. 3. С. 385.
- 383 *Из записок адмирала Чичагова. Дела Турции в 1812 году // Ру А. М., 1870. Вып. 8. Ст. 1523.*
- 384 *Надлер В. К.* Император Александр I и идея Священного Союза. Т. 1. С. 241.
- 385 *Петров А. [Н.]* Указ. соч. Т. 3. С. 397–398.
- 386 *ПСЗ. Собрание первое.* СПб., 1830. Т. 32. 1812–1815. № 25100. С. 322.
- 387 Там же. № 25199. С. 405–406.
- 388 *Первое Сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия.* Кн. 2. С. 261.
- 389 *Попов Н. А.* Россия и Сербия... Ч. 1. С. 97.
- 390 *Петров А. [Н.]* Указ. соч. Т. 3. С. 406.

Русско-персидская война 1804–1813 годов

- ¹ Юзефович Т. [П.] Указ. соч. С. 45.
- ² Щербатов [А.] [П.] Указ. соч. СПб., 1890. Т. 2. 1826–1827. С. 3–4.
- ³ Потто В. А. Указ. соч. Т. 1. С. 291.
- ⁴ Волхонский М. А., Муханов В. М. Кавказский вектор российской политики. Сборник документов. М., 2014. Т. 2. Кн. 1. 1762–1796. С. 711–716.
- ⁵ Там же. С. 731.
- ⁶ Там же. С. 734–735.
- ⁷ Дубровин Н. [Ф.] История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1886. Т. 2. С. 308–309.
- ⁸ Малькольм Дж. Жизнеописание Ага-Магомед-хана Каджара, основателя ныне царствующей в Персии династии, с кратким обозрением последовавших по его смерти главнейших происшествий // Сын Отечества и Северный архив. Журнал литературы, политики и современной истории (далее — СО и СА). 1835. № 24. С. 332.
- ⁹ Потто В. А. Указ. соч. Т. 1. С. 260–264.
- ¹⁰ Дубровин Н. [Ф.] История войны и владычества... СПб., 1886. Т. 3. С. 2–4, 38–39, 41–42.
- ¹¹ Малькольм Дж. Указ. соч. // СО и СА. 1835. № 24. С. 333.
- ¹² Sykes P. M. A history of Persia. L., 1915. Vol. 2. P. 389.
- ¹³ Бобровский П. Кубанский егерский корпус // ВС. 1893. № 2. С. 205.
- ¹⁴ Кессельбреннер Г. Л. Указ. соч. С. 160.
- ¹⁵ Бобровский П. Кубанский егерский корпус // ВС. 1893. № 2. С. 205, 215.
- ¹⁶ Князь Платон Александрович Зубов // РС. 1876. Т. 17. Вып. 12. С. 692–693.
- ¹⁷ Берже А. П. История России, изложенная персиянином // РС. 1879. Т. 24. Вып. 1. С. 168.
- ¹⁸ Персидский поход в 1796 году. Воспоминания Варвары Ивановны Бакуниной // РС. 1887. Т. 53. Вып. 2. С. 344.
- ¹⁹ Волхонский М. А., Муханов В. М. Указ. соч. Т. 2. Кн. 1. С. 766.
- ²⁰ Sykes P. M. Op. cit. Vol. 2. P. 389–390.
- ²¹ Родожницкий Ил. Историческое известие о походе Российских войск в 1796 году в Дагестан и Персию под командою графа Валериана Александровича Зубова // ОЗ. 1827. № 87. С. 144–153; Персидский поход в 1796 году... // РС. 1887. Т. 53. Вып. 2. С. 347–348, 355.
- ²² Описание похода Государя Императора Петра Великого к лежащим при Каспийском море персидским провинциям. Писано в тогдашнее время // ВЖ. 1811. № 22. С. 11–21.
- ²³ Князь Платон Александрович Зубов // РС. 1876. Т. 17. Вып. 12. С. 695–697.
- ²⁴ Письмо графа Валериана Александровича Зубова к брату его князю П. А. Зубову // Ру А. М., 1873. Вып. 5. С. 877–878.

- ²⁵ Бобровский П. О. История 13-го лейб-гренадерского Эриванского Его Величества полка за 250 лет. СПб., 1893. Ч. 3. С. 70.
- ²⁶ Бобровский П. Кубанский егерский корпус // ВС. 1893. № 2. С. 221.
- ²⁷ Родожицкий Ил. Указ. соч. // ОЗ. 1827. № 88. С. 308.
- ²⁸ Дубровин Н. [Ф.] История войны и владычества... СПб., 1886. Т. 3. С. 204.
- ²⁹ Берже А. П. История России... // РС. 1879. Т. 24. Вып. 1. С. 168.
- ³⁰ Дубровин Н. [Ф.] История войны и владычества... СПб., 1886. Т. 3. С. 205.
- ³¹ Бобровский П. Кубанский егерский корпус // ВС. 1893. № 2. С. 222.
- ³² Родожицкий Ил. Указ. соч. // ОЗ. 1827. № 88. С. 309–312; Дубровин Н. [Ф.] История войны и владычества... СПб., 1886. Т. 3. С. 205, 212.
- ³³ Кессельбреннер Г. Л. Указ. соч. С. 168.
- ³⁴ О чуме в Тифлисе в 1797 году и о задержании царем Георгия XII в Грузии принадлежащего Эчмиадзинскому престолу священного Копья (Записки вардапета Алутнян, прозываемого Гюмушханци) // Кавказская старина. Ежемесячный журнал исторический, археологический, этнографический и библиографический. Тифлис, 1873. № 6. С. 60.
- ³⁵ Дубровин Н. [Ф.] История войны и владычества... СПб., 1871. Т. 1. Очерк Кавказа и народов его населяющих. Кн. 2. Закавказье. С. 212; Там же. СПб., 1886. Т. 3. С. 215, 233, 245.
- ³⁶ Берже А. П. Присоединение Грузии к России. 1799–1831 // РС. 1880. Т. 28. Вып. 6. С. 163–164.
- ³⁷ Sykes P. M. Op. cit. Vol. 2. P. 393–394.
- ³⁸ Малькольм Дж. Указ. соч. // СО и СА. 1835. № 25. С. 400–401.
- ³⁹ Волхонский М. А., Муханов В. М. Указ. соч. Т. 2. Кн. 2. С. 5.
- ⁴⁰ Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Архив Главного управления Наместника Кавказа (далее — АКАК). Тифлис, 1866. Т. 1. Гуджары и другие акты на грузинском, арабском, персидском и турецком языках. Кавказ и Закавказье во второй половине XVIII столетия и за время управления генерал-лейтенанта Карла Федоровича Кнорринга 2-го. 1762–1802. С. 106.
- ⁴¹ Берже А. П. Присоединение Грузии к России... // РС. 1880. Т. 28. Вып. 6. С. 164.
- ⁴² Потто В. А. Указ. соч. Т. 1. С. 295.
- ⁴³ Кессельбреннер Г. Л. Указ. соч. С. 172.
- ⁴⁴ АКАК. Т. 1. С. 107.
- ⁴⁵ Там же. С. 109–110.
- ⁴⁶ Там же. С. 116.
- ⁴⁷ Там же. С. 118.
- ⁴⁸ ПСЗ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 26. 1800–1801. № 19721. С. 502.
- ⁴⁹ Потто В. А. Указ. соч. Т. 1. С. 295.
- ⁵⁰ Ключевский В. О. Сочинения в 9 т. Курс русской истории. Ч. V. М., 1989. Т. 5. С. 179.
- ⁵¹ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 1. С. 279.

- ⁵² Дубровин Н. [Ф.] История войны и владычества... СПб., 1886. Т. 3. С. 389.
- ⁵³ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1960. Сер. 1. 1801–1815. Т. 1. С. 25.
- ⁵⁴ Там же. С. 26.
- ⁵⁵ Берже А. П. Присоединение Грузии к России... // РС. 1880. Т. 28. Вып. 5. С. 6.
- ⁵⁶ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1960. Сер. 1. 1801–1815. Т. 1. С. 73.
- ⁵⁷ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 1. С. 280–281.
- ⁵⁸ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1960. Сер. 1. 1801–1815. Т. 1. С. 73.
- ⁵⁹ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 1. С. 281.
- ⁶⁰ Берже А. П. Присоединение Грузии к России... // РС. 1880. Т. 28. Вып. 6. С. 165.
- ⁶¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1960. Сер. 1. 1801–1815. Т. 1. С. 77.
- ⁶² Там же. С. 94.
- ⁶³ Грузия под скипетром Александра I // Вест. Е. М., 1805. № 19. С. 221.
- ⁶⁴ Вронченков М. Письмо из Грузии в Астрахань // Вест. Е. М., 1805. № 15. С. 63–64.
- ⁶⁵ Грузинский летописец // Ру В. 1841. № 10. С. 101.
- ⁶⁶ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 1. С. 281.
- ⁶⁷ Записки Сергея Алексеевича Тучкова. 1766–1808. М., 2011. С. 254.
- ⁶⁸ Грузия под скипетром Александра I // Вест. Е. М., 1805. № 19. С. 223.
- ⁶⁹ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 1. С. 282–283.
- ⁷⁰ Там же. С. 283.
- ⁷¹ Берже А. П. Присоединение Грузии к России... // РС. 1880. Т. 28. Вып. 5. С. 8.
- ⁷² Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 1. С. 284.
- ⁷³ Берже А. П. Присоединение Грузии к России... // РС. 1880. Т. 28. Вып. 5. С. 19.
- ⁷⁴ Записки Сергея Алексеевича Тучкова... С. 256.
- ⁷⁵ Потто В. А. Указ. соч. Т. 1. С. 304–306.
- ⁷⁶ Берже А. П. Присоединение Грузии к России... // РС. 1880. Т. 28. Вып. 6. С. 167.
- ⁷⁷ АКАК. Тифлис, 1868. Т. 2. Кавказ и Закавказье за время управления генерала от инфантерии князя Павла Дмитриевича Цицианова. 1802–1806. С. 158.
- ⁷⁸ Записки Сергея Алексеевича Тучкова... С. 262.
- ⁷⁹ АКАК. Т. 2. С. 159.
- ⁸⁰ Записки Сергея Алексеевича Тучкова... С. 262.
- ⁸¹ Лошкарев С. Записка о пенсиях членам грузинской царской фамилии // РС. 1880. Т. 29. Вып. 9. С. 180–181.
- ⁸² Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 1. С. 287.

- ⁸³ ПСЗ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 28. 1804–1805. Приложения 1804. № 21382а. С. 6–8.
- ⁸⁴ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1967. Сер. 1. 1801–1815. Т. 5. С. 372–373.
- ⁸⁵ ПСЗ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 28. 1804–1805. Приложения 1804. № 21382а. С. 8.
- ⁸⁶ *Богданович [М.] [И.]* История царствования императора Александра I... Т. 1. С. 294–297; *Дубровин Н. Ф.* История войны и владычества... СПб., 1886. Т. 4. С. 134, 136; *Шабанов Д. Ф.* История 13-го лейб-гренадерского Эриванского Его Величества полка. Тифлис, 1871. Ч. 1. От сформирования полка до его прибытия на Манглис. 1642–1825. С. 63–65; *Бобровский П. О.* История 13-го лейб-гренадерского Эриванского Его Величества полка за 250 лет. Ч. 3. С. 208–214; *Бенкендорф А. Х.* Указ. соч. С. 71–72.
- ⁸⁷ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1967. Сер. 1. 1801–1815. Т. 5. С. 314–319.
- ⁸⁸ *Шабанов Д. Ф.* Указ. соч. Ч. 1. С. 66; *Бобровский П. О.* История 13-го лейб-гренадерского Эриванского Его Величества полка за 250 лет. Ч. 3. С. 214.
- ⁸⁹ *Богданович [М.] [И.]* История царствования императора Александра I... Т. 1. С. 297–299.
- ⁹⁰ *Потто В. А.* Указ. соч. Т. 1. С. 424–429.
- ⁹¹ *Дубровин Н. [Ф.]* История войны и владычества... СПб., 1886. Т. 4. С. 432–433.
- ⁹² АКАК. Т. 2. С. 160.
- ⁹³ *Берже А. П.* Присоединение Грузии к России... // РС. 1880. Т. 28. Вып. 6. С. 167.
- ⁹⁴ *Щербатов [А.] [П.]* Указ. соч. Т. 2. С. 6.
- ⁹⁵ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1961. Сер. 1. 1801–1815. Т. 2. С. 71.
- ⁹⁶ *Дубровин Н. [Ф.]* История войны и владычества... СПб., 1886. Т. 4. С. 437.
- ⁹⁷ *Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В.* Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII — 80-е годы XIX в. М., 1984. С. 110.
- ⁹⁸ Письма князя Павла Дмитриевича Цицианова к Василию Николаевичу Зиновьеву // Ру А. М., 1872. Вып. 11. Ст. 2170.
- ⁹⁹ Русская военная старина. К истории Грузии. Рапорт генерала от инфантерии князя Цицианова Его Императорскому Величеству от 13 декабря 1804 года // ВС. 1905. № 4. С. 154.
- ¹⁰⁰ *Богданович [М.] [И.]* История царствования императора Александра I... Т. 1. С. 301.
- ¹⁰¹ *Бобровский П. О.* История 13-го лейб-гренадерского Эриванского Его Величества полка за 250 лет. Ч. 3. С. 221.
- ¹⁰² *Потто В. А.* Указ. соч. Т. 1. С. 324, 356–358.
- ¹⁰³ Письма князя Павла Дмитриевича Цицианова к Василию Николаевичу Зиновьеву // Ру А. М., 1872. Вып. 11. Ст. 2172.

- ¹⁰⁴ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1961. Сер. 1. 1801–1815. Т. 2. С. 127.
- ¹⁰⁵ Ал. Ск. Астраханский порт с 1783 по 1827 год // МС. 1851. № 1. С. 5.
- ¹⁰⁶ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 3. С. 129.
- ¹⁰⁷ Соллогуб В. [А.] Биография генерала Котляревского. Тифлис, 1854. С. 38–43; Русская военная сила. М., 1889. Вып. 9. С. 72–74; Шабанов Д. Ф. Указ. соч. Ч. 1. С. 68–83; Бобровский П. О. История 13-го лейб-гренадерского Эриванского Его Величества полка за 250 лет. Ч. 3. С. 222–236; Керсновский А. А. История русской армии. М., 1992. Т. 1. От Нарвы до Парижа. 1700–1814 гг. С. 209.
- ¹⁰⁸ Ал. Ск. Астраханский порт с 1783 по 1827 год // МС. 1851. № 1. С. 8–11; Sykes P. M. Op. cit. Vol. 2. P. 412.
- ¹⁰⁹ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 3. С. 129.
- ¹¹⁰ Там же. С. 130.
- ¹¹¹ Записки Сергея Алексеевича Тучкова... С. 338.
- ¹¹² Потто В. А. Указ. соч. Т. 1. С. 325.
- ¹¹³ Записки Сергея Алексеевича Тучкова... С. 339.
- ¹¹⁴ Потто В. А. Указ. соч. Т. 1. С. 326.
- ¹¹⁵ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1963. Сер. 1. 1801–1815. Т. 3. С. 148.
- ¹¹⁶ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 3. С. 131.
- ¹¹⁷ Шабанов Д. Ф. Указ. соч. Ч. 1. С. 85; Бобровский П. О. История 13-го лейб-гренадерского Эриванского Его Величества полка за 250 лет. Ч. 3. С. 243–246.
- ¹¹⁸ АКАК. Тифлис, 1869. Т. 3. Кавказ и Закавказье за время управления генерал-фельд-маршала графа Ивана Васильевича Гудовича. 1806–1809. С. 419.
- ¹¹⁹ Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 1. С. 294.
- ¹²⁰ АКАК. Т. 3. С. 424.
- ¹²¹ Там же. С. 426.
- ¹²² Там же. С. 429–430.
- ¹²³ Там же. С. 430.
- ¹²⁴ Дубровин Н. [Ф.] История войны и владычества... СПб., 1886. Т. 5. С. 113, 116, 120–122.
- ¹²⁵ Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 1. С. 295.
- ¹²⁶ Восточная политика Наполеона // РС. 1905. Т. 122. Вып. 4. С. 60.
- ¹²⁷ Проект экспедиций в Индию, предложенных Наполеоном Бонапарте... // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Издание Военно-Ученого комитета Главного штаба. СПб., 1886. Вып. XXIII. С. 61–63.
- ¹²⁸ Там же. С. 69.
- ¹²⁹ Там же. С. 72.
- ¹³⁰ Там же. С. 64.
- ¹³¹ Дубровин Н. [Ф.] История войны и владычества... СПб., 1886. Т. 5. С. 187.

- ¹³² Нечто о Персидском шахе и дворе его // Вест. Е. М., 1818. № 24. С. 299.
- ¹³³ *Rawlinson H.* England and Russia in the East. A series of papers on the political and geographical condition of Central Asia. L., 1875. P. 18.
- ¹³⁴ *Hopkirk P.* The Great Game. The struggle for Empire in Central Asia. N. Y., Tokyo, L., 1992. P. 31–33.
- ¹³⁵ Проект экспедиций в Индию, предложенных Наполеоном Бонапарте... // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Издание Военно-Ученого комитета Главного штаба. СПб., 1886. Вып. XXIII. С. 70.
- ¹³⁶ *Дубровин Н. [Ф.]* История войны и владычества... СПб., 1886. Т. 5. С. 250.
- ¹³⁷ АКАК. Т. 3. С. 447.
- ¹³⁸ Проект экспедиций в Индию, предложенных Наполеоном Бонапарте... // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Издание Военно-Ученого комитета Главного штаба. СПб., 1886. Вып. XXIII. С. 73.
- ¹³⁹ АКАК. Т. 3. С. 449.
- ¹⁴⁰ Там же. С. 477.
- ¹⁴¹ Там же. С. 480.
- ¹⁴² Там же. С. 484.
- ¹⁴³ *Журден.* О нынешнем Шахе Персидском // Вест. Е. М., 1815. № 8. С. 295.
- ¹⁴⁴ Там же. С. 303.
- ¹⁴⁵ АКАК. Т. 3. С. 485–486, 488–490.
- ¹⁴⁶ Проект экспедиций в Индию, предложенных Наполеоном Бонапарте... // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Издание Военно-Ученого комитета Главного штаба. СПб., 1886. Вып. XXIII. С. 101.
- ¹⁴⁷ Там же. С. 92.
- ¹⁴⁸ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1965. Сер. 1. 1801–1815. Т. 4. С. 415.
- ¹⁴⁹ *Monteith W.* Kars and Erzeroum: the campaigns of prince Paskiewitch in 1828 and 1829, and an account of the conquests of Russia beyond the Caucasus, from the time of Peter the Great to the treaty of Turcoman Chie and Adrianople. L., 1856. P. 56–57.
- ¹⁵⁰ *Hopkirk P.* Op. cit. P. 35–36.
- ¹⁵¹ *Шабанов Д. Ф.* Указ. соч. Ч. 1. С. 89–92.
- ¹⁵² *Петров А. [Н.]* Указ. соч. Т. 2. С. 522.
- ¹⁵³ АКАК. Тифлис, 1870. Т. 4. Кавказ и Закавказье за время управления генерала от инфантерии Александра Петровича Тормасова. 1809–1811. С. 682.
- ¹⁵⁴ *Шабанов Д. Ф.* Указ. соч. Ч. 1. С. 95–100.
- ¹⁵⁵ АКАК. Т. 4. С. 686–688, 690, 693.
- ¹⁵⁶ *Петров А. [Н.]* Указ. соч. Т. 3. С. 207.
- ¹⁵⁷ С-ч В. Современная история. Нечто о Персии // СО. 1826. № 17. С. 86.
- ¹⁵⁸ *Щербатов [А.] [П.]* Указ. соч. Т. 2. С. 8.
- ¹⁵⁹ *Monteith W.* Op. cit. P. 69–70.

- ¹⁶⁰ Sykes P. M. Op. cit. Vol. 2. P. 411–412.
- ¹⁶¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1962. Сер. 1. 1801–1815. Т. 6. С. 329.
- ¹⁶² Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 3. С. 210–211.
- ¹⁶³ Там же. С. 212–214.
- ¹⁶⁴ Monteith W. Op. cit. P. 65–66.
- ¹⁶⁵ Петров А. [Н.] Указ. соч. Т. 3. С. 215–219.
- ¹⁶⁶ АКАК. Тифлис, 1873. Т. 5. Кавказ и Закавказье за время управления генерал-лейтенанта маркиза Федора Осиповича Паулуччи и генерала от инфантерии Николая Федоровича Ртищева. 1811–1816. С. 185.
- ¹⁶⁷ Казбек Г. Указ. соч. С. 63.
- ¹⁶⁸ Дубровин Н. [Ф.] История войны и владычества... СПб., 1888. Т. 6. С. 40.
- ¹⁶⁹ Там же. Т. 5. С. 452–453, 464, 481.
- ¹⁷⁰ Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Указ. соч. С. 119.
- ¹⁷¹ Потто В. А. Указ. соч. Т. 1. С. 461–467.
- ¹⁷² Бобровский П. О. История 13-го лейб-гренадерского Эриванского Его Величества полка за 250 лет. Ч. 3. С. 287; Казбек Г. Указ. соч. С. 64–65.
- ¹⁷³ Дубровин Н. [Ф.] История войны и владычества... СПб., 1888. Т. 6. С. 40–41.
- ¹⁷⁴ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... М., 1871. Т. 5. С. 222–226, 230.
- ¹⁷⁵ Дубровин Н. [Ф.] История войны и владычества... СПб., 1888. Т. 6. С. 58–59, 64–68.
- ¹⁷⁶ АКАК. Т. 5. С. 367.
- ¹⁷⁷ Там же. С. 368.
- ¹⁷⁸ Там же. С. 369.
- ¹⁷⁹ Там же. С. 371.
- ¹⁸⁰ Соллогуб В. [А.] Указ. соч. С. 119–120.
- ¹⁸¹ Monteith W. Op. cit. P. 88–95.
- ¹⁸² Sykes P. M. Op. cit. Vol. 2. P. 413.
- ¹⁸³ Бобровский П. О. История 13-го лейб-гренадерского Эриванского Его Величества полка за 250 лет. Ч. 3. С. 297.
- ¹⁸⁴ Подвиги генерал-лейтенанта Котляревского в походе 1812 года // ВЖ. 1817. № 10. С. 36–39.
- ¹⁸⁵ Соллогуб В. [А.] Указ. соч. С. 120.
- ¹⁸⁶ Казбек Г. Указ. соч. С. 93; Дубровин Н. [Ф.] История войны и владычества... СПб., 1888. Т. 6. С. 86.
- ¹⁸⁷ Соханская Е. Генерал Котляревский // ВС. 1871. № 3. С. 190.
- ¹⁸⁸ Monteith W. Op. cit. P. 87.
- ¹⁸⁹ Покорение Ленкорана (Донесение командующему в Грузии генерал-лейтенанту Ртищеву генерал-майора Котляревского) // Ру В. 1841. № 1. С. 140.
- ¹⁹⁰ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 5. С. 234.
- ¹⁹¹ Покорение Ленкорана... // Ру В. 1841. № 1. С. 141.

- ¹⁹² Соханская Е. Указ. соч. // ВС. 1871. № 3. С. 192.
- ¹⁹³ Подвиги генерал-лейтенанта Котляревского в походе 1812 года // ВЖ. 1817. № 10. С. 42.
- ¹⁹⁴ Покорение Ленкорана... // Ру В. 1841. № 1. С. 142; *Бобровский П. О.* История 13-го лейб-гренадерского Эриванского Его Величества полка за 250 лет. Ч. 3. С. 304.
- ¹⁹⁵ *Соллоуб В. [А.]* Указ. соч. С. 145–147; *Богданович [М.] [И.]* История царствования императора Александра I... Т. 5. С. 234–238; *Потто В. А.* Указ. соч. Т. 1. С. 510–514.
- ¹⁹⁶ Покорение Ленкорана... // Ру В. 1841. № 1. С. 142.
- ¹⁹⁷ *Monteith W.* Op. cit. P. 97.
- ¹⁹⁸ *Дубровин Н. [Ф.]* История войны и владычества... СПб., 1888. Т. 6. С. 99.
- ¹⁹⁹ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1970. Сер. 1. 1801–1815. Т. 7. Январь 1813 — май 1814 г. С. 98.
- ²⁰⁰ Там же. С. 201.
- ²⁰¹ *Дубровин Н. [Ф.]* История войны и владычества... СПб., 1888. Т. 6. С. 122.
- ²⁰² *Sykes P. M.* Op. cit. Vol. 2. P. 414.
- ²⁰³ АКАК. Т. 5. С. 720.
- ²⁰⁴ ПСЗ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 32. 1812–1815. № 25466. С. 641–645.
- ²⁰⁵ *Monteith W.* Op. cit. P. 100.
- ²⁰⁶ *Дубровин Н. [Ф.]* История войны и владычества... СПб., 1888. Т. 6. С. 130–131.
- ²⁰⁷ Материалы к истории персидской войны 1826–1828 г. 1825 год // Кавказский сборник, издаваемый по указанию Его Императорского Высочества Главнокомандующего Кавказскою армиею (далее — КС). Тифлис, 1900. Т. 21. С. VI.
- ²⁰⁸ ПСЗ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 32. 1812–1815. № 25466. С. 641.

Отечественная война 1812 года

- ¹ *Богданович [М.] [И.]* История царствования императора Александра I... Т. 3. С. 120.
- ² *Безотосный В. М.* Разведка и планы сторон в 1812 году. М., 2005. С. 50–55.
- ³ *Вандаль А.* Наполеон и Александр I... Т. 3. С. 310–311.
- ⁴ *Тимирязев В. А.* Чернышев и Мишель. Эпизод из истории отношений между Россией и Францией перед войной 1812 года // ИВ. 1895. № 2. С. 607–616.
- ⁵ *Михайловский-Данилевский [А.] [И.]* Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 1. С. 99–107.
- ⁶ *Вандаль А.* Наполеон и Александр I... Т. 3. С. 352.
- ⁷ *Коленкур А.* Указ. соч. С. 77.
- ⁸ *Михайловский-Данилевский [А.] [И.]* Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 1. С. 122–125, 132–134.
- ⁹ *Богданович М. [И.]* История Отечественной войны 1812 года... Т. 1. С. 118.

- ¹⁰ Шильдер Н. К. Граф Эдуард Иванович Тотлебен. Его жизнь и деятельность. Биографический очерк. СПб., 1886. Т. 2. С. 453–454.
- ¹¹ Сперанский В. Н. Указ. соч. С. 261.
- ¹² Шильдер Н. К. Граф Эдуард Иванович Тотлебен... Т. 2. С. 544.
- ¹³ Безотосный В. М. Разведка и планы сторон в 1812 году. С. 76.
- ¹⁴ Записки Николая Николаевича Муравьева-Карского // Ру А. М., 1885. Вып. 9. С. 48.
- ¹⁵ Богданович М. [И.] История Отечественной войны 1812 года... Т. 1. С. 113–114, 116–118.
- ¹⁶ Шильдер Н. К. Император Александр Первый... Т. 3. С. 74.
- ¹⁷ Омелянович. План Пфуля. Эпизод из истории Отечественной войны // ВС. 1898. № 2. С. 225.
- ¹⁸ А. Т. Записки графа Л. Л. Беннигсена о кампании 1812 года // РС. 1909. Т. 138. Вып. 4. С. 214.
- ¹⁹ Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 1. С. 90–91.
- ²⁰ Клаузевиц К. 1806 год. С. 94.
- ²¹ The memoirs of baron von Muffling... P. 5.
- ²² Клаузевиц К. 1812 год. С. 23.
- ²³ The memoirs of baron von Muffling... P. 182.
- ²⁴ Записки А. П. Ермолова... С. 125.
- ²⁵ Вандаль А. Наполеон и Александр I... Т. 3.. С. 168.
- ²⁶ Генерал Багратион. Сборник документов и материалов. С. 130–138.
- ²⁷ Попов А. Н. Отечественная война 1812 года. Т. 1. С. 261.
- ²⁸ Переписка императора Александра Павловича с графом Ф. В. Ростопчиным. 1812–1814 гг. // РС. 1893. Т. 77. Вып. 1. С. 179.
- ²⁹ Россия и Швеция. Документы и материалы. 1809–1818. С. 165.
- ³⁰ Безотосный В. М. Разведка и планы сторон в 1812 году. С. 87–88, 101–102; Он же. Россия в Наполеоновских войнах... С. 269–270.
- ³¹ Вандаль А. Наполеон и Александр I... Т. 3. С. 409, 419.
- ³² Из записок графа Филиппа Сегюра // Ру А. М., 1908. Вып. 1. С. 21.
- ³³ Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 1. С. 91–92.
- ³⁴ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1962. Сер. 1. 1801–1815. Т. 6. С. 749.
- ³⁵ Безотосный В. М. Разведка и планы сторон в 1812 году. С. 81.
- ³⁶ Богданович М. [И.] История Отечественной войны 1812 года... Т. 1. Приложения. Переписка императора Александра I с Наполеоном перед войною 1812 года. С. 464.
- ³⁷ Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 1. С. 92.
- ³⁸ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1962. Сер. 1. 1801–1815. Т. 6. С. 401.

- ³⁹ Записки Якова Ивановича де Санглена. 1776–1831 // РС. 1883. Т. 37. Вып. 3. С. 543.
- ⁴⁰ *Безотосный В. М.* Разведка и планы сторон в 1812 году. С. 100.
- ⁴¹ Мои воспоминания о 1812 годе. Автобиографическая записка П. А. Тучкова // Ру А. М., 1873. Вып. 10. Ст. 1929.
- ⁴² *Соловьев С. М.* Император Александр Первый... С. 228.
- ⁴³ *Михайловский-Данилевский [А.] [И.]* Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 1. С. 93.
- ⁴⁴ *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый... Т. 3. С. 79.
- ⁴⁵ Донесения императору Александру Павловичу князя А. Б. Куракина // Сборник РИО. СПб., 1877. Т. 21. С. 348, 399–400.
- ⁴⁶ *Вандаль А.* Наполеон и Александр I... Т. 3. С. 417.
- ⁴⁷ Т. В мае 1812 года // РС. 1912. Т. 150. Вып. 5. С. 432.
- ⁴⁸ Там же. С. 433.
- ⁴⁹ Там же. С. 434.
- ⁵⁰ Донесения императору Александру Павловичу князя А. Б. Куракина // Сборник РИО. СПб., 1877. Т. 21. С. 349.
- ⁵¹ *Попов А. Н.* Отечественная война 1812 года. Т. 1. С. 209–210.
- ⁵² *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый... Т. 3. С. 80.
- ⁵³ *Безотосный В. М.* Разведка и планы сторон в 1812 году. С. 79.
- ⁵⁴ *Михайловский-Данилевский [А.] [И.]* Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 1. С. 161.
- ⁵⁵ Из записок барона Дедема // РС. 1900. Т. 103. Вып. 7. С. 121.
- ⁵⁶ Из памятных записок графа Павла Христофоровича Граббе. 1812 год // Ру А. М., 1873. Вып. 3. Ст. 423; *Бориславский.* События в Вильне в 1812 году // ВС. 1903. № 6. С. 40; *Дубровин Н. Ф.* Русская жизнь... С. 556–557.
- ⁵⁷ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1962. Сер. 1. 1801–1815. Т. 6. С. 442.
- ⁵⁸ Славянская заря в 1812 году (Из бумаг Александра Николаевича Попова) // РС. 1893. Т. 77. Вып. 1. С. 100.
- ⁵⁹ L'Empereur Alexandre au lieutenant général duc de Richelieu. Vilna, le 13 juin 1812 // Сборник РИО. СПб., 1886. Т. 54. С. 442.
- ⁶⁰ А. В. Отрывок из Записок 1812 года // СО и СА. 1829. № 4. С. 212.
- ⁶¹ *Михайловский-Данилевский [А.] [И.]* Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 1. С. 175.
- ⁶² Записки [А.] [Х.] Бенкендорфа // *Харкевич В. [И.]* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях. Материалы Военно-Ученого архива Главного штаба. Вильна, 1903. Вып. 2. 1-я и 2-я западные армии. Главная армия. С. 62.
- ⁶³ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1962. Сер. 1. 1801–1815. Т. 6. С. 443.
- ⁶⁴ Походные записки артиллериста, из кампании 1812 года // ОЗ. 1823. № 42. С. 106–107.

- ⁶⁵ Воспоминания Матвея Матвеевича Муромцева // Ру А. М., 1890. Вып. 1. С. 81.
- ⁶⁶ ПСЗ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 32. 1812–1815. № 25141. С. 354.
- ⁶⁷ У. Свидание Балашева с Наполеоном // ИВ. 1883. № 5. С. 426; Славянская заря в 1812 году... // РС. 1893. Т. 77. Вып. 1. С. 100–103.
- ⁶⁸ *Бориславский*. Указ. соч. // ВС. 1903. № 6. С. 42.
- ⁶⁹ Из памятных записок графа Павла Христофоровича Граббе. 1812 год // Ру А. М., 1873. Вып. 3. Ст. 423.
- ⁷⁰ *Левицкий О.* Тревожные годы (Очерки из общественной и политической жизни Киева и юго-западного края в 1811–1812 гг.) // К. Ст. 1892. № 12. С. 357.
- ⁷¹ *Коленкур А.* Указ. соч. С. 79.
- ⁷² *Левицкий О.* Указ. соч. // К. Ст. 1892. № 12. С. 357; *Бориславский*. Указ. соч. // ВС. 1903. № 6. С. 43.
- ⁷³ *Вандаль А.* Наполеон и Александр I... Т. 3. С. 533–535.
- ⁷⁴ Славянская заря в 1812 году... // РС. 1893. Т. 77. Вып. 1. С. 102–103.
- ⁷⁵ Там же. С. 104.
- ⁷⁶ Там же. С. 105.
- ⁷⁷ У. Свидание Балашева с Наполеоном // ИВ. 1883. № 5. С. 429.
- ⁷⁸ *Крестовский В.* Указ. соч. // ВС. 1873. № 8. С. 209.
- ⁷⁹ Записки [А.] [Х.] Бенкендорфа // *Харкевич В. [И.]* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях... Вып. 2. С. 54.
- ⁸⁰ Записки маркиза Пасторе о 1812 годе // Ру А. М., 1900. Вып. 12. С. 482.
- ⁸¹ Доклад Комиссии, принявший акт Конфедерации 28 июня 1812 г. // Сборник РИО. СПб., 1909. Т. 128. С. 25.
- ⁸² Там же. С. 27.
- ⁸³ Воззвание Генеральной конфедерации к полякам, находящимся в России // Сборник РИО. СПб., 1909. Т. 128. С. 61.
- ⁸⁴ Деятельность шавельских помещиков при отступлении русских войск. Шавли. 1812 // Сборник РИО. СПб., 1909. Т. 128. С. 291.
- ⁸⁵ *Бориславский*. Указ. соч. // ВС. 1903. № 6. С. 58.
- ⁸⁶ Приказ Наполеона I о назначении Временного правительства Великого Княжества Литовского. 1 июля 1812 г. // Сборник РИО. СПб., 1909. Т. 128. С. 133.
- ⁸⁷ *Бориславский*. Указ. соч. // ВС. 1903. № 6. С. 57.
- ⁸⁸ Ответная речь Наполеона // Сборник РИО. СПб., 1909. Т. 128. С. 99.
- ⁸⁹ Акт Присоединения Временного литовского правительства и обывателей Великого Княжества Литовского к Генеральной конфедерации Польского королевства // Сборник РИО. СПб., 1909. Т. 128. С. 103.
- ⁹⁰ Приветственная речь делегата Временного литовского правительства Еленского, произнесенная в Варшаве в заседании Совета Генеральной конфедерации Польского королевства // Сборник РИО. СПб., 1909. Т. 128. С. 65–69.
- ⁹¹ Записки маркиза Пасторе о 1812 годе // Ру А. М., 1900. Вып. 12. С. 486.

- ⁹² *Военский К. А.* Исторические записки о вооружении Литвы во время занятия ее французами в 1812 году // ЖИРВИО. 1911. Кн. 5. С. 2.
- ⁹³ *Богданович М. [И.]* История Отечественной войны 1812 года... Т. 2. С. 98–102.
- ⁹⁴ *Военский К. А.* Исторические записки о вооружении Литвы... // ЖИРВИО. 1911. Кн. 5. С. 2, 4.
- ⁹⁵ *Левицкий О.* Указ. соч. // К. Ст. 1892. № 12. С. 358.
- ⁹⁶ Акт о присоединении к Конфедерации жителей Брест-Литовска и его уезда. 3-го июля 1812 г.; Воззвание Совета Гродненской конфедерации; Акт присоединения к Конфедерации жителей Белостока. 13 июля 1812 г.; Акт присоединения к Конфедерации Минской провинции; Акт присоединения к конфедерации жителей Пинского уезда // Сборник РИО. СПб., 1909. Т. 128. С. 87–89, 101, 105, 125–127.
- ⁹⁷ *Богданович М. [И.]* История Отечественной войны 1812 года... Т. 1. С. 211.
- ⁹⁸ *Военский К. А.* Исторические записки о вооружении Литвы... // ЖИРВИО. 1911. Кн. 5. С. 6–7.
- ⁹⁹ *Арнольди К. К.* Французы в Могилеве-на-Днепре. 1812 год (Рассказ очевидца) // РС. 1873. Т. 8. Вып. 8. С. 236.
- ¹⁰⁰ *Бенкендорф А. Х.* Указ. соч. С. 191.
- ¹⁰¹ Записки минского губернатора от 31 мая 1838 г. о состоянии губернии в 1812 году // Сборник РИО. СПб., 1909. Т. 128. С. 464.
- ¹⁰² Там же. С. 461.
- ¹⁰³ *Харкевич В.* 1812 г. Березина. Военно-историческое исследование. СПб., 1883. С. 5.
- ¹⁰⁴ *Дубровин Н. Ф.* Русская жизнь... С. 587–588.
- ¹⁰⁵ *Безотосный В. М.* Разведка и планы сторон в 1812 году. С. 83–85.
- ¹⁰⁶ Волынское дворянство в 1812 г. Письмо А. Д. Балашова — графу А. А. Аракчееву // РС. 1900. Т. 102. Вып. 5. С. 260.
- ¹⁰⁷ Волынское дворянство в 1812 г. Записка графа А. А. Аракчееву — А. Д. Балашову // РС. 1900. Т. 102. Вып. 5. С. 260.
- ¹⁰⁸ *Левицкий О.* Указ. соч. // К. Ст. 1892. № 12. С. 359.
- ¹⁰⁹ *Богданович М. [И.]* История Отечественной войны 1812 года... Т. 1. С. 211.
- ¹¹⁰ Высочайший указ Святейшему синоду от 5 декабря 1812 года о производстве следствия над Архиепископом Могилевским Варлаамом // Сборник РИО. СПб., 1912. Т. 139. С. 209; *Хойнацкий А. Ф.* Варлаам Шишацкий бывший архиепископ Могилевский (Из истории 1812 года) // ИВ. 1881. № 7. С. 529–539; *Браиловский С. Н.* Могилевская церковная смута // ИВ. 1893. № 10. С. 239–241; *Сергеев А. Н.* Присяга Наполеону и моление за него в Могилевской епархии в 1812 г. (Дело архива Св. Правит. синода 1812 г. № 972) // РС. 1908. Т. 135. Вып. 12. С. 580–586; *Дубровин Н. Ф.* Русская жизнь... С. 581–584.
- ¹¹¹ *Богданович [М.] [И.]* История царствования императора Александра I... Т. 3. С. 216–218.
- ¹¹² *Коленкур А.* Указ. соч. С. 82.

- ¹¹³ Шильдер Н. К. Император Александр Первый... Т. 3. С. 108.
- ¹¹⁴ Записки Ивана Степановича Жиркевича. 1789–1848 // РС. 1874. Т. 10. Вып. 8. С. 640.
- ¹¹⁵ Шильдер Н. К. Император Александр Первый... Т. 3. С. 108.
- ¹¹⁶ Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 1. С. 177.
- ¹¹⁷ Пять собственноручных писем императора Александра I в 1812 году // РС. 1902. Т. 109. Вып. 1. С. 220.
- ¹¹⁸ К истории 1812 года. Приказы Барклая-де-Толли // Ру А. М., 1904. Вып. 2. С. 310.
- ¹¹⁹ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 3. С. 220.
- ¹²⁰ Русская военная старина. К истории 1812 года. Переписка императора Александра и Барклая де Толли от начала военных действий до отъезда Государя из армии // ВС. 1906. № 6. С. 231.
- ¹²¹ Письма генерал-фельдмаршала князя Барклая де Толли 1812–1815 гг. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. М., 2013. Вып. 11. С. 233.
- ¹²² Безотосный В. М. Разведка и планы сторон в 1812 году. С. 113.
- ¹²³ Омельянович. Указ. соч. // ВС. 1898. № 2. С. 243–244.
- ¹²⁴ Записки графа К. Ф. Толя // ВС. 1910. № 11. С. 61.
- ¹²⁵ Мои воспоминания о 1812 годе. Автобиографическая записка П. А. Тучкова // Ру А. М., 1873. Вып. 10. Ст. 1931.
- ¹²⁶ А. Т. Записки графа Л. Л. Беннигсена о кампании 1812 года // РС. 1909. Т. 138. Вып. 6. С. 515.
- ¹²⁷ Записки [А.] [Х.] Бенкендорфа // Харкевич В. [И.] 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях... Вып. 2. С. 66.
- ¹²⁸ Русская военная старина. К истории войны 1812 года (Из бумаг графа Канкринна) // ВС. 1905. № 3. С. 169–170.
- ¹²⁹ Надлер В. К. Император Александр I и идея Священного Союза. Харьков, 1892. Т. 5. С. 200.
- ¹³⁰ Клаузевиц К. 1812 год. С. 33.
- ¹³¹ Управление генерал-интенданта Канкринна. Генеральный сокращенный отчет по армиям (кроме Польской и Резервной) за походы против Французов 1812, 1813 и 1814 годов. Варшава, 1815. С. 47–48.
- ¹³² Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 1. С. 249.
- ¹³³ К истории 1812 года. Приказы Барклая-де-Толли // Ру А. М., 1904. Вып. 2. С. 311.
- ¹³⁴ Записки графа Карла Васильевича Нессельроде // Ру В. 1865. Т. 59. Кн. 10. С. 551; Харкевич В. [И.] Барклай-де-Толли в Отечественную войну после соединения армии под Смоленском // ВС. 1904. № 2. С. 60; Деша графа Жозефа де Местра Сардинскому королю о нашей Отечественной войне 1812 года // Ру А. М., 1912. Вып. 1. С. 46.

- ¹³⁵ *Богданович М. [И.] История Отечественной войны 1812 года... Т. 1. С. 323.*
- ¹³⁶ *Манифест о призыве ополчения; Первопрестольной столице Нашей Москве // РС. 1912. Т. 150. Вып. 6. С. 446–447.*
- ¹³⁷ *Манифест о призыве ополчения // РС. 1912. Т. 150. Вып. 6. С. 446.*
- ¹³⁸ *В. Приезд императора Александра I в Москву // РС. 1912. Т. 151. Вып. 7. С. 77–78.*
- ¹³⁹ *Там же. С. 80–84.*
- ¹⁴⁰ *Записки А. Д. Бестужева-Рюмина о Москве 1812 года // Ру А. М., 1896. Вып. 7. С. 348.*
- ¹⁴¹ *Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание Отечественной войны 1812 года. СПб., 1839. Ч. 2. С. 35.*
- ¹⁴² *Богданович М. [И.] История Отечественной войны 1812 года... Т. 2. С. 93.*
- ¹⁴³ *В-н Ф. Барклай-де-Толли и Отечественная война 1812 года // РС. 1912. Т. 151. Вып. 9. С. 324.*
- ¹⁴⁴ *Изображение военных действий 1812-го года. Сочинение Барклая-де-Толли. Кроме того, рекрипты, письма и документы, относящиеся до 1812 г., а также выписки из письма купца Чиликина о пребывании французов в Москве. СПб., 1912. С. 6–7.*
- ¹⁴⁵ *В-н Ф. Барклай-де-Толли и Отечественная война 1812 года // РС. 1912. Т. 152. Вып. 10. С. 119.*
- ¹⁴⁶ *Богданович М. [И.] История Отечественной войны 1812 года... Т. 1. С. 323.*
- ¹⁴⁷ *Военский К. Отечественная война в воспоминаниях современников (Материалы Военно-ученого архива). Записка рижского коменданта, генерал-лейтенанта И. Ф. Эмме о блокаде Риги в 1812 году // ВС. 1910. № 11. С. 31–32.*
- ¹⁴⁸ *Русская военная старина. Письма генерала князя Багратиона к графу Аракчееву // ВС. 1908. № 12. С. 265–266.*
- ¹⁴⁹ *Щербатов [А.] [П.] Указ. соч. Т. 1. С. 126–131.*
- ¹⁵⁰ *Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 1. С. 337.*
- ¹⁵¹ *Безотосный В. М. Россия в Наполеоновских войнах... С. 299.*
- ¹⁵² *Харкевич В. [И.] Барклай-де-Толли в Отечественную... // ВС. 1904. № 2. С. 58.*
- ¹⁵³ *Изображение военных действий 1812-го года... С. 10.*
- ¹⁵⁴ *Записки Николая Николаевича Муравьева-Карского // Ру А. М., 1885. Вып. 10. С. 228.*
- ¹⁵⁵ *Харкевич В. [И.] Барклай-де-Толли в Отечественную... // ВС. 1904. № 2. С. 58.*
- ¹⁵⁶ *Воспоминания герцога Евгения Виртембергского о кампании 1812 года в России // ВЖ. 1848. № 1. С. 41.*
- ¹⁵⁷ *Из памятных записок графа Павла Христофоровича Граббе. 1812 год // Ру А. М., 1873. Вып. 3. Ст. 440.*
- ¹⁵⁸ *Генерал Багратион. Сборник документов и материалов. С. 219.*
- ¹⁵⁹ *Клаузевicz К. 1812 год. С. 50–51.*
- ¹⁶⁰ *Коленкур А. Указ. соч. С. 120.*

- 161 *Михайловский-Данилевский [А.] [И.]* Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 2. С. 69.
- 162 *Попов А. Н.* Отечественная война 1812 года. Т. 1. С. 148.
- 163 Поход великой армии в Россию в 1812 году. Записки де ла Флиза, доктора французской императорской гвардии // РС. 1891. Т. 71. Вып. 9. С. 457, 459, 461–462.
- 164 К истории 1812 года. Дневник поручика Фоссена // Ру А. М., 1903. Вып. 11. С. 468.
- 165 *Слезкинский А.* Смоленские партизаны в 1812 г. // РС. 1900. Т. 103. Вып. 7. С. 652–653.
- 166 *Слезкинский А.* Народная война в Смоленской губернии в 1812 году // Ру А. М., 1901. Вып. 5. С. 5.
- 167 *Дубровин Н. Ф.* Русская жизнь... С. 589.
- 168 *Левицкий О.* Указ. соч. // К. Ст. 1892. № 12. С. 349.
- 169 Из записок покойного генерал-майора Н. П. Ковальского // Ру В. 1871. Т. 91. № 1. С. 33.
- 170 Записки [А.] [Х.] Бенкендорфа // *Харкевич В. [И.]* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях... Вып. 2. С. 78.
- 171 Воспоминания Апполинария Петровича Бутенева // Ру А. М., 1881. Вып. 5. С. 71.
- 172 Записки Николая Николаевича Муравьева-Карского // Ру А. М., 1885. Вып. 10. С. 235–236.
- 173 *Михайловский-Данилевский [А.] [И.]* Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 2. С. 73.
- 174 *Слезкинский А.* Народная война в Смоленской губернии в 1812 году // Ру А. М., 1901. Вып. 5. С. 8–9.
- 175 Генерал Багратион. Сборник документов и материалов. С. 226.
- 176 Письма генерал-фельдмаршала князя Барклая де Толли 1812–1815 гг. // Эпоха 1812 года... Вып. 11. С. 233.
- 177 *Михайловский-Данилевский [А.] [И.]* Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 2. С. 77.
- 178 *Павлов И. В.* Полковник Христиан Иванович Дитерих (Памяти упраздненной артиллерийской роты). 1812–1814 гг. // ЖИРВИО. 1911. Кн. 5. С. 5.
- 179 *Михайловский-Данилевский [А.] [И.]* Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 2. С. 121, 154–156.
- 180 Воспоминания герцога Евгения Виртембергского о кампании 1812 года в России // ВЖ. 1847. № 4. С. 85.
- 181 *Харкевич В. [И.]* Барклай-де-Толли в Отечественную... // ВС. 1904. № 2. С. 67.
- 182 *Богданович М. [И.]* История Отечественной войны 1812 года... Т. 2. Приложения. Письма Багратиона к графу Аракчееву. С. 504.
- 183 Русская военная старина. Письма генерала князя Багратиона к графу Аракчееву // ВС. 1908. № 12. С. 269.
- 184 *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый... Т. 3. С. 98–99; *Глинка С. Н.* Записки. М., 2004. С. 322–323.

- ¹⁸⁵ Р. Смоленск под управлением французов в 1812 году // РС. 1901. Т. 106. Вып. 4. С. 141–142.
- ¹⁸⁶ Поход великой армии в Россию в 1812 году. Записки де ла Флиза, доктора французской императорской гвардии // РС. 1891. Т. 71. Вып. 9. С. 472.
- ¹⁸⁷ С. Н. Н. Польское приветствие императору Наполеону I от лица Белоруссии // К. Ст. 1885. № 6. С. 515.
- ¹⁸⁸ Надлер В. К. Император Александр I и идея Священного Союза. Т. 1. С. 234, 243.
- ¹⁸⁹ Записки генерала В. И. Левенштерна // РС. 1900. Т. 104. Вып. 11. С. 341.
- ¹⁹⁰ Богданович М. [И.] История Отечественной войны 1812 года... Т. 2. С. 136.
- ¹⁹¹ Воспоминания герцога Евгения Виртембергского о кампании 1812 года в России // ВЖ. 1848. № 1. С. 42.
- ¹⁹² Записки Ивана Степановича Жиркевича. 1789–1848 // РС. 1874. Т. 10. Вып. 8. С. 648.
- ¹⁹³ Богданович М. [И.] История Отечественной войны 1812 года... Т. 2. С. 6.
- ¹⁹⁴ Надлер В. К. Император Александр I и идея Священного Союза. Т. 1. С. 237.
- ¹⁹⁵ М. И. Кутузов. Сборник документов. М., 1954. Т. 4. Ч. 1. С. 7–8, 72.
- ¹⁹⁶ Стихи на единогласное избрание с.-петербургским дворянством в начальники новой военной силы генерала от инфантерии Голенищева-Кутузова // Ру В. 1812. № 9. С. 130.
- ¹⁹⁷ Надлер В. К. Император Александр I и идея Священного Союза. Т. 1. С. 246.
- ¹⁹⁸ Деша графа Жозефа де-Местра Сардинскому королю о нашей Отечественной войне 1812 года // Ру А. М., 1912. Вып. 1. С. 47.
- ¹⁹⁹ Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 2. С. 185.
- ²⁰⁰ М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 4. Ч. 1. С. 74.
- ²⁰¹ Колюбакин Б. М. 1812-й год. Избрание Кутузова главнокомандующим над всеми армиями, приезд его в армию и первые дни его деятельности // РС. 1912. Т. 151. Вып. 7. С. 5.
- ²⁰² Шильдер Н. К. Император Александр Первый... Т. 3. С. 98.
- ²⁰³ Великий Князь Николай Михайлович. Переписка Императора Александра I с сестрой Великой Княгиней Екатериной Павловной. СПб., 1910. С. 87; М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 4. Ч. 1. С. 75; Самооправдание императора Александра Павловича в письме к Великой Княгине Екатерине Павловне // Ру А. М., 1911. Вып. 2. С. 304.
- ²⁰⁴ Безотосный В. М. Россия в Наполеоновских войнах... С. 324.
- ²⁰⁵ Переписка императора Александра и Барклая де Толли после оставления Государем армии // ВС. 1903. № 12. С. 224.
- ²⁰⁶ Записки генерала В. И. Левенштерна // РС. 1901. Т. 105. Вып. 1. С. 111.
- ²⁰⁷ Харкевич В. [И.] Барклай-де-Толли в Отечественную... // ВС. 1904. № 3. С. 59.
- ²⁰⁸ Богданович М. [И.] История Отечественной войны 1812 года... Т. 2. С. 125.

- ²⁰⁹ *Колюбакин Б.* 1812-й год. Последние дни командования Барклаем 1-й и 2-й западными армиями. Период со времени окончания боев под Смоленском 8-го августа до прибытия к армии Кутузова 17-го августа // РС. 1912. Т. 150. Вып. 6. С. 471.
- ²¹⁰ *Богданович М. [И.]* История Отечественной войны 1812 года... Т. 2. С. 125.
- ²¹¹ Воспоминания герцога Евгения Виртембергского о кампании 1812 года в России // ВЖ. 1848. № 1. С. 46.
- ²¹² *Колюбакин Б. М.* 1812-й год. Избрание Кутузова главнокомандующим над всеми армиями... // РС. 1912. Т. 151. Вып. 7. С. 11.
- ²¹³ *Богданович М. [И.]* История Отечественной войны 1812 года... Т. 2. С. 125.
- ²¹⁴ *Хатов 1-й [А. И.]* Бой при редуте Шевардинском, 24-го августа 1812 года (Отрывок из описания кампании 1812 года) // ВЖ. 1839. № 1. С. 140.
- ²¹⁵ *Толь К.* Описание битвы при Бородине происходившей // ОЗ. 1822. № 29. С. 310–311.
- ²¹⁶ Походные записки артиллериста из кампании 1812 года // ОЗ. 1824. № 48. С. 58–59.
- ²¹⁷ *Михайловский-Данилевский [А.] [И.]* Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 2. С. 209; *Богданович М. [И.]* История Отечественной войны 1812 года... Т. 2. С. 160.
- ²¹⁸ Два письма графа Ф. В. Растопчина к князю П. И. Багратиону // Ру В. 1842. № 2. С. 255–257.
- ²¹⁹ *Колюбакин Б.* Бородинское сражение и подготовка поля сражения в инженерном отношении (критико-историческое исследование) // Инженерный журнал (далее — ИЖ). 1912. № 8. С. 918–919, 921.
- ²²⁰ *Сперанский В. Н.* Указ. соч. С. 411–412, 416–417.
- ²²¹ Из воспоминаний Николая Ивановича Андреева // Ру А. М., 1879. Вып. 10. С. 193.
- ²²² *Богданович М. [И.]* История Отечественной войны 1812 года... Т. 2. С. 162.
- ²²³ Поход великой армии в Россию в 1812 году. Записки де ла Флиза, доктора французской императорской гвардии // РС. 1891. Т. 72. Вып. 10. С. 42–43.
- ²²⁴ *Хатов 1-й [А. И.]* Бой при редуте Шевардинском... // ВЖ. 1839. № 1. С. 168–177.
- ²²⁵ *Богданович [М.] [И.]* История царствования императора Александра I... Т. 3. С. 289.
- ²²⁶ Воспоминания Авраама Сергеевича Норова // Ру А. М., 1881. Вып. 5. С. 190–191; *Суханин.* Из журнала участника войны 1812 года // РС. 1912. Т. 149. Вып. 2. С. 281.
- ²²⁷ Записки Николая Николаевича Муравьева-Карского // Ру А. М., 1885. Вып. 10. С. 251.
- ²²⁸ Из воспоминаний Николая Ивановича Андреева // Ру А. М., 1879. Вып. 10. С. 191.
- ²²⁹ Воспоминания герцога Евгения Виртембергского о кампании 1812 года в России // ВЖ. 1848. № 1. С. 47.
- ²³⁰ *Безотосный В. М.* Россия в Наполеоновских войнах... С. 333–335.
- ²³¹ *Богданович [М.] [И.]* История царствования императора Александра I... Т. 3. С. 310.
- ²³² Воспоминания герцога Евгения Виртембергского о кампании 1812 года в России // ВЖ. 1848. № 1. С. 76.

- ²³³ Отрывки из записок генерала Раппа, напечатанных в Париже в 1824 году // Ру В. 1824. № 3. С. 32.
- ²³⁴ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 3. С. 310.
- ²³⁵ Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 2. С. 281.
- ²³⁶ М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 4. Ч. 1. С. 168.
- ²³⁷ Las Cases A. E. D. M. Mémoires de St.-Hélène. P., 1823. V. 2. P. 166; см. также: Земцов В. Н. Наполеон о войне с Россией в 1812 г. // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Т. 3. Труды ГИМ. Вып. 42. М., 2004. С. 308.
- ²³⁸ Письма Д. С. Дохтурова к его супруге. 1805–1814 // Ру А. М., 1874. Вып. 5. Ст. 1095.
- ²³⁹ Щербинин М. П. Биография генерал-фельдмаршала князя Михаила Семеновича Воронцова. СПб., 1858. С. 64.
- ²⁴⁰ Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 2. С. 276.
- ²⁴¹ Записки А. П. Ермолова... С. 129.
- ²⁴² Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. М., 1988. С. 174–176; Он же. Бородинское сражение // Отечественная история с древнейших времен до 1917 года: энциклопедия. Т. 1. С. 277.
- ²⁴³ Сегюр Ф. Поход в Москву в 1812 году. Мемуары участника, французского генерала графа де Сегюра. М., 1911. С. 42.
- ²⁴⁴ Изображение военных действий 1812-го года... С. 34.
- ²⁴⁵ Записки Николая Николаевича Муравьева-Карского // Ру А. М., 1885. Вып. 11. С. 340.
- ²⁴⁶ Клаузевиц К. 1812 год. С. 80.
- ²⁴⁷ Данилевский А. М. О сдаче Москвы // Ру В. 1819. № 5–6. С. 7.
- ²⁴⁸ Кутузов в 1812 году. Историческая характеристика Д. П. Бутурлина // РС. 1894. Т. 82. Вып. 10. С. 207–208.
- ²⁴⁹ Из записок старого офицера (К. Мартенса) // РС. 1902. Т. 109. Вып. 2. С. 412.
- ²⁵⁰ Богданович М. [И.] История Отечественной войны 1812 года... Т. 2. С. 245.
- ²⁵¹ Кутузов в 1812 году. Историческая характеристика Д. П. Бутурлина // РС. 1894. Т. 82. Вып. 10. С. 208.
- ²⁵² Богданович М. [И.] История Отечественной войны 1812 года... Т. 2. С. 245.
- ²⁵³ Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 2. С. 289; Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 3. С. 317.
- ²⁵⁴ Вильсон Р. Т. Дневник путешествий, службы и общественных событий в бытность при европейских армиях во время кампаний 1812–1813 года. Письма к разным лицам. СПб., 1995. С. 57.
- ²⁵⁵ М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 4. Ч. 1. С. 93.
- ²⁵⁶ Воспоминания герцога Евгения Виртембергского о кампании 1812 года в России // ВЖ. 1848. № 3. С. 43; Военный совет в Филях. Письмо Беннингсена Алек-

- сандру I от 19 января 1813 г. // ВС. 1903. № 1. С. 239–242; Изображение военных действий 1812-го года... С. 36–38.
- 257 *Михайловский-Данилевский [А.] [И.]* Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 2. С. 324.
- 258 Там же. С. 325.
- 259 Там же. С. 326–328.
- 260 Военный совет в Филях. Письмо Беннингсена Александру I от 19 января 1813 г. // ВС. 1903. № 1. С. 241.
- 261 Принц Евгений Вюртембергский и его записки // ВС. 1864. № 8. С. 297.
- 262 *Бантыш-Каменский Дм. [Н.]* Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. СПб., 1840. Ч. 3. С. 98.
- 263 М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 4. Ч. 1. С. 233.
- 264 Письма генерал-фельдмаршала князя Барклая де Толли 1812–1815 гг. // Эпоха 1812 года... Вып. 11. С. 235.
- 265 *Данилевский А. М.* О сдаче Москвы // Ру В. 1819. № 5–6. С. 15.
- 266 Два письма графа Ф. В. Ростопчина к князю П. И. Багратиону // Ру В. 1842. № 2. С. 255.
- 267 *Бестужев-Рюмин А. Д.* Краткое описание происшествий в столице Москве в 1812 году // Ру А. М., 1910. Вып. 5. С. 90.
- 268 Императорский Московский университет в воспоминаниях Михаила Прохоровича Третьякова. 1799–1830 // РС. 1892. Т. 75. Вып. 8. С. 316.
- 269 Походные записки артиллериста из кампании 1812 года // ОЗ. 1824. № 48. С. 73; Рассказы и воспоминания московских французов о 1812 г. Записка шевалье д'Изарна с предисловием и примечаниями г. Гадарюеля // Ру А. М., 1869. Вып. 9. Ст. 1406; Рассказ простой женщины о 1812 годе // Ру А. М., 1871. Вып. 6. С. 201; Из воспоминаний Николая Васильевича Распопова // Ру А. М., 1879. Вып. 9. С. 40.
- 270 Записки Николая Николаевича Муравьева-Карского // Ру А. М., 1885. Вып. 11. С. 346.
- 271 1812 год в записках графа Ф. В. Ростопчина // РС. 1889. Т. 64. Вып. 12. С. 702–703.
- 272 Воспоминания Апполинария Петровича Бутенева // Ру А. М., 1881. Вып. 5. С. 83.
- 273 *Военский К.* Свидание французских генералов с русскими во вторую половину кампании 1812 года (Историческая справка) // ВС. 1907. № 10. С. 20.
- 274 Кончина князя Багратиона // СО. 1813. № 11. С. 228.
- 275 *Суханин.* Указ. соч. // РС. 1912. Т. 149. Вып. 3. С. 482.
- 276 Записки генерала В. И. Левенштерна // РС. 1901. Т. 105. Вып. 1. С. 106.
- 277 *Военский К.* Свидание французских генералов с русскими во вторую половину кампании 1812 года (Историческая справка) // ВС. 1907. № 10. С. 20.
- 278 *Кисеев П. Г.* Воспоминания о бытности неприятеля в Москве в 1812 году // Ру В. 1856. Т. 5. Кн. 1. С. 169.
- 279 *Богданович М. [И.]* История Отечественной войны 1812 года... Т. 2. С. 294.

- ²⁸⁰ Воспоминания Апполинария Петровича Бутенева // Ру А. М., 1883. Вып. 1. С. 6–8.
- ²⁸¹ Изображение военных действий 1812-го года... С. 70–71.
- ²⁸² Великий Князь Николай Михайлович. Переписка Императора Александра I с сестрой Великой Княгиней Екатериной Павловной. С. 83–84.
- ²⁸³ Самооправдание императора Александра Павловича в письме к Великой Княгине Екатерине Павловне // Ру А. М., 1911. Вып. 2. С. 308.
- ²⁸⁴ Сегюр Ф. Указ. соч. С. 58.
- ²⁸⁵ Коленкур А. Указ. соч. С. 137.
- ²⁸⁶ 1812 год в записках графа Ф. В. Ростопчина // РС. 1889. Т. 64. Вып. 12. С. 688–689.
- ²⁸⁷ О московских вывесках // Ру В. 1812. № 9. С. 61.
- ²⁸⁸ Там же. С. 72.
- ²⁸⁹ Воспоминание о московских происшествиях в достопамятный 1812 год, от 11 июля до изгнания врагов из древней русской столицы // Ру В. 1814. № 9. С. 38–40.
- ²⁹⁰ Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 2. С. 336, 375.
- ²⁹¹ Киселев Н. С. Дело о должностных лицах московского правления, учрежденного французами, в 1812 году // Ру А. М., 1868. Вып. 6. С. 882–901.
- ²⁹² Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание Отечественной войны 1812 года. СПб., 1839. Ч. 3. С. 4, 96.
- ²⁹³ Записки Николая Николаевича Муравьева-Карского // Ру А. М., 1885. Вып. 11. С. 364.
- ²⁹⁴ Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 3. С. 139, 146, 148.
- ²⁹⁵ Сперанский В. Н. Указ. соч. С. 391–392.
- ²⁹⁶ Рассказы и воспоминания московских французов о 1812 г... // Ру А. М., 1869. Вып. 9. С. 1407–1408; Двенадцатый год. Показания участников и очевидцев. Показания сержанта наполеоновской гвардии Бургонья // Ру А. М., 1910. Вып. 6. С. 281–219.
- ²⁹⁷ Из записок покойного генерал-майора Н. П. Ковальского // Ру В. 1871. Т. 91. № 1. С. 94.
- ²⁹⁸ Исколь С. Н. Москва 1812 г. в записках современника (Московский «погром» глазами очевидца) // Новый Часовой. СПб., 1994. № 2. С. 7.
- ²⁹⁹ Козловский Г. Я. Москва в 1812 году, занятая французами. Воспоминание очевидца // РС. 1890. Т. 65. Вып. 1. С. 107–108.
- ³⁰⁰ Двенадцатый год. Показания участников и очевидцев. Неизвестного московского обывателя. Описание моего пребывания в Москве во время французов, с 1 по 21 сентября 1812 года // Ру А. М., 1910. Вып. 6. С. 198–199.
- ³⁰¹ О бытности французов в Москве из дневниковых записок Его Превосходительства Ивана Акинфиевича Тутолмина, самовидца ужасов, производимых врагами в древней русской столице // Ру В. 1813. № 4. С. 68.
- ³⁰² Претерпение секретаря Разумова в нашествие французов на Москву // Ру В. 1815. № 10. С. 41.

- 303 *Волконский П. А.* У французов в московском плену 1812 года. Замечания действий французов, вошедших в Москву, узнанные во время двадцатидвухдневного у них полону бригадирным князем Петром Алексеевым сыном Волконским // Ру А. М., 1905. Вып. 11. С. 352.
- 304 Рассказы очевидцев о двенадцатом годе // Ру В. 1872. Т. 102. № 11. С. 272; 1812 год. Рассказ священника Успенского собора И. С. Божанова // Ру А. М., 1899. Вып. 10. С. 256–258; Горе московских жителей в 1812 году (современные письма) // РС. 1913. Т. 154. Вып. 4. С. 62.
- 305 Замечания при чтении книги под названием «Историческое известие о пребывании в Москве французов 1812 года» // Ру В. 1813. № 7. С. 44–45; Московские монастыри во время нашествия французов // Ру А. М., 1869. Вып. 9. С. 1387–1399.
- 306 *Михайловский-Данилевский [А.] [И.]* Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 3. С. 60.
- 307 *Еврешинов М.* Память о 1812 годе // Ру А. М., 1874. Вып. 2. Ст. 463.
- 308 Из записок барона Дедема // РС. 1900. Т. 103. Вып. 7. С. 129–130.
- 309 1812 год. Рассказ священника Успенского собора И. С. Божанова // Ру А. М., 1899. Вып. 10. С. 259; *Надлер В. К.* Император Александр I и идея Священного Союза. Т. 1. С. 295–296.
- 310 *Волконский П. А.* Указ. соч. // Ру А. М., 1905. Вып. 11. С. 353.
- 311 *Сегюр Ф.* Указ. соч. С. 43.
- 312 О пребывании в Москве французов // Вест. Е. М., 1813. № 1. С. 92–93.
- 313 О бытности французов в Москве... // Ру В. 1813. № 4. С. 71.
- 314 *Снегирев И. М.* Пожар Москвы // Ру А. М., 1912. Вып. 5. С. 138.
- 315 *Искуль С. Н.* Указ. соч. // Новый Часовой. СПб., 1994. № 2. С. 7.
- 316 Претерпение секретаря Разумова... // Ру В. 1815. № 10. С. 43; Записки А. Д. Бестужева-Рюмина о Москве 1812 года // Ру А. М., 1896. Вып. 7. С. 372–373.
- 317 О бытности французов в Москве... // Ру В. 1813. № 5. С. 16–17.
- 318 К истории 1812 года. Дневник поручика Фоссена // Ру А. М., 1903. Вып. 11. С. 472.
- 319 *Р-н.* Беседа русского с соотчичами своими на развалинах Москвы (в октябре 1812 г.) // СО. 1812. № 6. С. 223.
- 320 Двенадцатый год. Показаний участников и очевидцев. Неизвестного московского обывателя. Описание моего пребывания в Москве во время французов, с 1 по 21 сентября 1812 года // Ру А. М., 1910. Вып. 6. С. 199; Двенадцатый год. Показаний участников и очевидцев. Показания сержанта наполеоновской гвардии Бургонья // Ру А. М., 1910. Вып. 6. С. 223.
- 321 *Вильсон Р. Т.* Указ. соч. С. 58.
- 322 *Клаузевиц К.* 1812 год. С. 89.
- 323 Воспоминания герцога Евгения Виртембергского о кампании 1812 года в России // ВЖ. 1848. № 3. С. 51.

- ³²⁴ Записки Николая Николаевича Муравьева-Карского // Ру А. М., 1885. Вып. 11. С. 352.
- ³²⁵ Рассказы и воспоминания московских французов о 1812 г... // Ру А. М., 1869. Вып. 9. С. 1410–1413; Письмо приказчика Максима Сокова к И. Р. Батюшкову // Ру А. М., 1871. Вып. 6. С. 219–220; Записка Г. Н. Кольчугина // Ру А. М., 1879. Вып. 9. С. 47–48; *Исколь С. Н.* Указ. соч. // Новый Часовой. СПб., 1994. № 2. С. 8.
- ³²⁶ *Свербеев А.* Воспоминания о московских пожарах 1812 года // ВЕ. 1872. № 11. С. 303–304.
- ³²⁷ О пребывании в Москве французов // Вест. Е. М., 1813. № 1. С. 97.
- ³²⁸ Французы в Москве по рассказу аббата Сюрюга // Ру А. М., 1882. Вып. 4. С. 197–198.
- ³²⁹ *Коленкур А.* Указ. соч. С. 146.
- ³³⁰ К истории 1812 года. Дневник поручика Фоссена // Ру А. М., 1903. Вып. 11. С. 473.
- ³³¹ О пребывании в Москве французов // Вест. Е. М., 1813. № 1. С. 92–93.
- ³³² Императорский Московский университет в воспоминаниях Михаила Прохоровича Третьякова. 1799–1830 // РС. 1892. Т. 75. Вып. 8. С. 326.
- ³³³ Московский воспитательный дом в 1812 году. Письмо главного надзирателя Воспитательного дома И. А. Тутолмина к почетному опекуну И. Н. Баранову // Ру А. М., 1900. Вып. 11. С. 459–461.
- ³³⁴ Письмо приказчика Максима Сокова к И. Р. Батюшкову // Ру А. М., 1871. Вып. 6. С. 225–226.
- ³³⁵ Из записок покойного графа Василия Алексеевича Перовского // Ру А. М., 1865. Вып. 3. Ст. 264.
- ³³⁶ *Мурзалевич Н. Н.* Москва в 1812 году // РС. 1873. Т. 8. Вып. 12. С. 992.
- ³³⁷ О походе французов в Россию // СО. 1814. № 46. С. 39.
- ³³⁸ Французы в Москве по рассказу аббата Сюрюга // Ру А. М., 1882. Вып. 4. С. 200.
- ³³⁹ *Сегюр Ф.* Указ. соч. С. 63.
- ³⁴⁰ 1812 год в записках графа Ф. В. Ростопчина // РС. 1889. Т. 64. Вып. 12. С. 717–718.
- ³⁴¹ Разговор с А. П. Ермоловым (из недавних записок) // Ру А. М., 1863. Вып. 5–6. Ст. 438; Новонайденные бумаги графа Ф. В. Ростопчина // Ру А. М., 1881. Вып. 5. С. 225.
- ³⁴² Из записок покойного графа Василия Алексеевича Перовского // Ру А. М., 1865. Вып. 3. С. 265–266.
- ³⁴³ Клеветы о зажигательстве Москвы // Ру В. 1813. № 2. С. 89; Воспоминание о московских происшествиях в достопамятный 1812 год... // Ру В. 1814. № 9. С. 11; Рассказы очевидцев о двенадцатом годе // Ру В. 1872. Т. 102. № 11. С. 269; Рассказы и воспоминания московских французов о 1812 г... // Ру А. М., 1869. Вып. 9. Ст. 1424; Двенадцатый год. Показаний участников и очевидцев. Показания сержанта наполеоновской гвардии Бургонья // Ру А. М., 1910. Вып. 6. С. 230.
- ³⁴⁴ *Сегюр Ф.* Указ. соч. С. 70.

- ³⁴⁵ Клочков М. В. Муниципалитет и комиссары Москвы, учрежденные французами в 1812 году // ИВ. 1912. № 8. С. 585–587, 614.
- ³⁴⁶ Воспоминания герцога Евгения Виртембергского о кампании 1812 года в России // ВЖ. 1848. № 3. С. 53.
- ³⁴⁷ Надлер В. К. Император Александр I и идея Священного Союза. Харьков, 1886. Т. 2. С. 13.
- ³⁴⁸ Кованько Ив. Солдатская песня // СО. 1812. № 1. С. 42.
- ³⁴⁹ Воспоминания Апполинария Петровича Бутенева // Ру А. М., 1883. Вып. 1. С. 8.
- ³⁵⁰ Куницын А. Послание к русским // СО. 1812. № 5. С. 179.
- ³⁵¹ Де Местр Ж. Указ. соч. С. 218.
- ³⁵² Походные записки артиллериста из кампании 1812 года // ОЗ. 1824. № 48. С. 57.
- ³⁵³ Письмо Н. М. Логинова в Лондон к графу С. Р. Воронцову // Ру А. М., 1882. Вып. 4. С. 185–187.
- ³⁵⁴ Де Местр Ж. Указ. соч. С. 220.
- ³⁵⁵ Оправдание главнокомандующего Барклая-де-Толли в действиях его во время Отечественной войны с французами в 1812 году // ЖИРВИО. 1911. Кн. 1. С. 2.
- ³⁵⁶ Записки генерала В. И. Левенштерна // РС. 1900. Т. 104. Вып. 12. С. 573.
- ³⁵⁷ Харкевич В. [И.] Барклай-де-Толли в Отечественную... // ВС. 1904. № 3. С. 64, 66.
- ³⁵⁸ Соколовский Н. Н. Материалы по истории Отечественной войны // ВС. 1904. № 4. С. 186.
- ³⁵⁹ Харкевич В. [И.] Барклай-де-Толли в Отечественную... // ВС. 1904. № 3. С. 72.
- ³⁶⁰ Переписка императора Александра и Барклая де Толли после оставления Государем армии // ВС. 1904. № 1. С. 222.
- ³⁶¹ Харкевич В. [И.] Барклай-де-Толли в Отечественную... // ВС. 1904. № 3. С. 726.
- ³⁶² Записки генерала В. И. Левенштерна // РС. 1901. Т. 105. Вып. 1. С. 110.
- ³⁶³ Письма Беннигсена императору Александру в Отечественную войну // ВС. 1904. № 2. С. 243.
- ³⁶⁴ Майков П. К биографии Л. Л. Беннигсена // ВС. 1905. № 3. С. 44–46.
- ³⁶⁵ Колюбакин Б. М. 1812-й год. Избрание Кутузова главнокомандующим над всеми армиями... // РС. 1912. Т. 151. Вып. 7. С. 7.
- ³⁶⁶ Майков П. К биографии Л. Л. Беннигсена // ВС. 1905. № 3. С. 47.
- ³⁶⁷ Н. Ш. Граф А. — Ф. Мишо де Боретур и император Александр // РС. 1893. Т. 80. Вып. 10. С. 221.
- ³⁶⁸ Военский К. Две беседы полковника Мишо с Императором Александром в 1812 году // ВС. 1906. № 8. С. 13.
- ³⁶⁹ Там же. С. 14.
- ³⁷⁰ Н. Ш. Граф А. — Ф. Мишо де Боретур и император Александр // РС. 1893. Т. 80. Вып. 10. С. 222.
- ³⁷¹ Записки графа Карла Васильевича Нессельроде // Ру В. 1865. Т. 59. Кн. 10. С. 553.
- ³⁷² Де Местр Ж. Указ. соч. С. 223.
- ³⁷³ Вильсон Р. Т. Указ. соч. С. 58.

- 374 *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый... Т. 3. С. 112.
- 375 *Грелле де Мобелье Ст.* Записки квакера о пребывании в России. 1818–1819 // РС. 1874. Т. 9. Вып. 1. С. 18–19; *Надлер В. К.* Император Александр I и идея Священно-го Союза. Т. 2. С. 126–136.
- 376 *Вильсон Р. Т.* Указ. соч. С. 63.
- 377 Русские люди в 1812 году. Отзыв современника-иноземца. Письмо Г. Ф. Фабера // Ру А. М., 1902. Вып. 1. С. 31–32.
- 378 *Давыдов Д. В.* Военные записки. С. 179.
- 379 *Розанов Н.* Замысел Фигнера, 1812 г. // РС. 1875. Т. 13. Вып. 7. С. 448, 450–451.
- 380 Из памятных записок графа Павла Христофоровича Граббе. 1812 год // Ру А. М., 1873. Вып. 3. Ст. 473; *Бычков А. Ф.* Партизан Фигнер (Письмо Дениса Васильевича Давыдова — М. Н. Загоскину) // РС. 1877. Т. 20. Вып. 12. С. 696–699; Записки Николая Николаевича Муравьева-Карского // Ру А. М., 1885. Вып. 11. С. 356.
- 381 Из памятных записок графа Павла Христофоровича Граббе. 1812 год // Ру А. М., 1873. Вып. 3. Ст. 472.
- 382 *Левенштерн В.* Из записок лифляндца. 1790–1815 // ВС. 1865. № 9. С. 184.
- 383 *Бенкендорф А. Х.* Указ. соч. С. 199.
- 384 *Альбовский Е.* Один из партизанов 1812 года // РС. 1898. Т. 95. Вып. 7. С. 97–100.
- 385 *Коленкур А.* Указ. соч. С. 152.
- 386 *Сегюр Ф.* Указ. соч. С. 77.
- 387 *Богданович [М.] [И.]* История царствования императора Александра I... Т. 3. С. 374–375.
- 388 *Попов А. И.* Движение русских войск от Москвы до Красной Пахры // РС. 1898. Т. 96. Вып. 11. С. 403.
- 389 Прием генерала Лористона главнокомандующим российскими армиями // СО. 1813. № 7. С. 39.
- 390 Там же. С. 40.
- 391 *Вильсон Р. Т.* Указ. соч. С. 69.
- 392 *Михайловский-Данилевский [А.] [И.]* Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 3. С. 89.
- 393 Там же. С. 90–91; Изображение военных действий 1812-го года... С. 72.
- 394 *К. Р.* К истории Отечественной войны 1812 года. Последняя попытка Наполеона начать мирные переговоры с императором Александром во время занятия Москвы французскими войсками // РС. 1912. Т. 149. Вып. 1. С. 60–61.
- 395 Содержание разговора между королем Неаполитанским и генералом Милорадовичем на передовых постах российской и французской армии в 2 день сентября 1812 // СО. 1812. № 9. С. 99–100.
- 396 *Вильсон Р. Т.* Указ. соч. С. 171.
- 397 *Михайловский-Данилевский [А.] [И.]* Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 3. С. 257.

- ³⁹⁸ Коленкур А. Указ. соч. С. 172; Сегюр Ф. Указ. соч. С. 80.
- ³⁹⁹ Поход великой армии в Россию в 1812 году. Записки де ла Флиза, доктора французской императорской гвардии // РС. 1891. Т. 72. Вып. 11. С. 566.
- ⁴⁰⁰ Затворницкий Н. К истории 1812 г. // РС. 1907. Т. 131. Вып. 9. С. 467.
- ⁴⁰¹ Записки [А.] [Х.] Бенкендорфа // Харкевич В. [И.] 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях... Вып. 2. С. 121.
- ⁴⁰² Там же. С. 126.
- ⁴⁰³ Рассказы очевидцев о двенадцатом годе // Ру В. 1872. Т. 102. № 11. С. 274.
- ⁴⁰⁴ Мурзалевич Н. Н. Указ. соч. // РС. 1873. Т. 8. Вып. 12. С. 994.
- ⁴⁰⁵ Первые дни в сожженной Москве. Сентябрь и октябрь 1812 года. Письмо кн. А. А. Шаховского, 1836 г., к А. И. Михайловскому-Данилевскому // РС. 1889. Т. 64. Вып. 10. С. 41.
- ⁴⁰⁶ Из писем Александра Яковлевича Булгакова к его брату. 1812-й год // Ру А. М., 1900. Вып. 5. С. 34.
- ⁴⁰⁷ Снегирев И. М. Московские храмы по уходе французов // Ру А. М., 1912. Вып. 6. С. 213.
- ⁴⁰⁸ Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 3. С. 283.
- ⁴⁰⁹ Снегирев И. М. Московские храмы по уходе французов // Ру А. М., 1912. Вып. 6. С. 213.
- ⁴¹⁰ Двенадцатый год. Воспоминания князя А. А. Шиховского // Ру А. М., 1886. Вып. 11. С. 385.
- ⁴¹¹ Записки [А.] [Х.] Бенкендорфа // Харкевич В. [И.] 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях... Вып. 2. С. 122.
- ⁴¹² Двенадцатый год. Воспоминания князя А. А. Шиховского // Ру А. М., 1886. Вып. 11. С. 3824, 387; Снегирев И. М. Московские храмы по уходе французов // Ру А. М., 1912. Вып. 6. С. 216; Богданович М. [И.] История Отечественной войны 1812 года... М., 1860. Т. 3. С. 24; Надлер В. К. Император Александр I и идея Священного Союза. Т. 1. С. 295–296.
- ⁴¹³ Волконский П. А. Указ. соч. // Ру А. М., 1905. Вып. 11. С. 354.
- ⁴¹⁴ Из записок графа Ланжерона // Ру А. М., 1895. Вып. 9. С. 151–152.
- ⁴¹⁵ Первые дни в сожженной Москве... // РС. 1889. Т. 64. Вып. 10. С. 41–42.
- ⁴¹⁶ Письма графа Ф. В. Ростопчина к Д. И. Киселеву (1812–1815) // Ру А. М., 1863. Вып. 12. Ст. 816.
- ⁴¹⁷ Рассказы и воспоминания московских французов о 1812 г... // Ру А. М., 1869. Вып. 9. С. 1439–1440.
- ⁴¹⁸ К истории 1812 года // Ру А. М., 1866. Вып. 5. Ст. 695.
- ⁴¹⁹ Киселев Н. С. Указ. соч. // Ру А. М., 1868. Вып. 6. С. 901–903.
- ⁴²⁰ Из записок старого офицера (К. Мартенса) // РС. 1902. Т. 109. Вып. 2. С. 413.
- ⁴²¹ Из архива Н. Н. Новосильцова. О российских фальшивых ассигнациях, выпущенных французами в 1812 году в Варшаве // Ру А. М., 1911. Вып. 9. С. 129–130.

- ⁴²² М. И. Кутузов. Сборник документов. М., 1955. Т. 4. Ч. 2. С. 149.
- ⁴²³ Там же. С. 38.
- ⁴²⁴ Там же. С. 39.
- ⁴²⁵ Поход великой армии в Россию в 1812 году. Записки де ла Флиза, доктора французской императорской гвардии // РС. 1891. Т. 72. Вып. 10. С. 58; Воспоминания Л. А. Нарышкина // *Харкевич В. [И.]* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях... Вып. 2. С. 155–160.
- ⁴²⁶ Первые дни в сожженной Москве. Сентябрь и октябрь 1812 года. Письмо кн. А. А. Шаховского, 1836 г., к А. И. Михайловскому-Данилевскому // РС. 1889. Т. 64. Вып. 10. С. 39.
- ⁴²⁷ Описание военных действий отряда, находившегося под начальством генерала Винценгероде в 1812 году // ВЖ. 1817. № 3. С. 40.
- ⁴²⁸ *Мартенс Ф. [Ф.]* Восточная война и Брюссельская конференция 1874–1878 г. СПб., 1879. С. 60.
- ⁴²⁹ М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 4. Ч. 2. С. 232.
- ⁴³⁰ *Михайловский-Данилевский [А.] [И.]* Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 3. С. 347; Воспоминания Л. А. Нарышкина // *Харкевич В. [И.]* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях... Вып. 2. С. 167.
- ⁴³¹ *Михайловский-Данилевский [А.] [И.]* Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 3. 349.
- ⁴³² Смесь // СО. 1812. № 7. С. 40.
- ⁴³³ Жизнеописание князя А. И. Чернышева // Сборник РИО. СПб., 1905. Т. 122. С. 73.
- ⁴³⁴ *Богданович М. [И.]* История Отечественной войны 1812 года... Т. 3. С. 12, 17–19.
- ⁴³⁵ *Безотосный В. М.* Россия в Наполеоновских войнах... С. 363–364.
- ⁴³⁶ М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 4. Ч. 2. С. 110.
- ⁴³⁷ *Сегюр Ф.* Указ. соч. С. 105; 112.
- ⁴³⁸ Из записок покойного графа Василия Алексеевича Перовского // Ру А. М., 1865. Вып. 3. С. 275–279.
- ⁴³⁹ *Надлер В. К.* Император Александр I и идея Священного Союза. Т. 2. С. 207.
- ⁴⁴⁰ Замогильные записки Шатобриана // ОЗ. 1850. № 11. С. 26.
- ⁴⁴¹ *Касторский М.* Извлечение из записок гессен-дарштадтского капитана Франца Редера о походе Наполеона в Россию в 1812 году // СО. 1851. № 8. С. 18.
- ⁴⁴² Там же. С. 21.
- ⁴⁴³ Из записок графа Ланжерона // Ру А. М., 1895. Вып. 9. С. 154.
- ⁴⁴⁴ М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 4. Ч. 2. С. 166.
- ⁴⁴⁵ *Сегюр Ф.* Указ. соч. С. 87.
- ⁴⁴⁶ *Михайловский-Данилевский [А.] [И.]* Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 3. С. 266–267.
- ⁴⁴⁷ Отступление Наполеоновской армии. Из воспоминаний сержанта Бургоня // Ру В. 1898. Т. 256. № 6. С. 196.

- ⁴⁴⁸ Из записок барона Дедема // РС. 1900. Т. 103. Вып. 7. С. 135.
- ⁴⁴⁹ Отступление Наполеоновской армии. Из воспоминаний сержанта Бургоня // Ру В. 1898. Т. 256. № 6. С. 198.
- ⁴⁵⁰ *Богданович М. [И.]* История Отечественной войны 1812 года... Т. 3. С. 2–3.
- ⁴⁵¹ Из записок барона Дедема // РС. 1900. Т. 103. Вып. 7. С. 135–136.
- ⁴⁵² Из записок покойного генерал-майора Н. П. Ковальского // Ру В. 1871. Т. 91. № 1. С. 97.
- ⁴⁵³ К истории 1812 года. Дневник поручика Фоссена // Ру А. М., 1903. Вып. 11. С. 475.
- ⁴⁵⁴ Записки генерала В. И. Левенштерна // РС. 1901. Т. 105. Вып. 2. С. 362.
- ⁴⁵⁵ 1812–1814: Секретная переписка генерала П. И. Багратиона. Личные письма генерала Н. Н. Раевского. Записки генерала М., С. Воронцова. Дневники офицеров Русской армии // Из собр. Гос. Ист. музея / сост.: Ф. А. Петров и др. М., 1992. С. 229.
- ⁴⁵⁶ *Надлер В. К.* Император Александр I и идея Священного Союза. Т. 2. С. 230–231; *Вильсон Р. Т.* Указ. соч. С. 84–85.
- ⁴⁵⁷ *Михайловский-Данилевский [А.] [И.]* Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 3. С. 363.
- ⁴⁵⁸ Воспоминания герцога Евгения Виртембергского о кампании 1812 года в России // ВЖ. 1849. № 3. С. 99.
- ⁴⁵⁹ *Безотосный В. М.* Разведка и планы сторон в 1812 году. С. 150.
- ⁴⁶⁰ *Харкевич В.* Мемуары князя Сангушки // ИВ. 1898. № 9. С. 1066.
- ⁴⁶¹ *Сегюр Ф.* Указ. соч. С. 118.
- ⁴⁶² *Богданович М. [И.]* История Отечественной войны 1812 года... Т. 3. С. 95.
- ⁴⁶³ Из записок покойного генерал-майора Н. П. Ковальского // Ру В. 1871. Т. 91. № 1. С. 97.
- ⁴⁶⁴ Пребывание французской армии в Смоленске, на возвратном пути из Москвы, в 1812 году // СО. 1827. № 20. С. 370.
- ⁴⁶⁵ Записки Н. Н. Мурзакевича. 1806–1883 // РС. 1887. Т. 53. Вып. 1. С. 24–25.
- ⁴⁶⁶ *Богданович [М.] [И.]* История царствования императора Александра I... Т. 3. С. 415.
- ⁴⁶⁷ *Касторский М.* Указ. соч. // СО. 1851. № 9. С. 13.
- ⁴⁶⁸ Пребывание французской армии в Смоленске, на возвратном пути из Москвы, в 1812 году // СО. 1827. № 20. С. 376.
- ⁴⁶⁹ *Богданович М. [И.]* История Отечественной войны 1812 года... Т. 3. С. 88.
- ⁴⁷⁰ Записки маркиза Пасторе о 1812 годе // Ру А. М., 1900. Вып. 12. С. 516.
- ⁴⁷¹ Пребывание французской армии в Смоленске, на возвратном пути из Москвы, в 1812 году // СО. 1827. № 20. С. 373.
- ⁴⁷² *Михайловский-Данилевский [А.] [И.]* Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 4. С. 2, 23.
- ⁴⁷³ Пребывание французской армии в Смоленске, на возвратном пути из Москвы в 1812 году // СО. 1827. № 20. С. 379.
- ⁴⁷⁴ Записки Н. Н. Мурзакевича. 1806–1883 // РС. 1884. Т. 53. Вып. 1. С. 26.

- ⁴⁷⁵ Записки маркиза Пасторе о 1812 годе // Ру А. М., 1900. Вып. 12. С. 525.
- ⁴⁷⁶ Слезкинский А. Народная война в Смоленской губернии в 1812 году // Ру А. М., 1901. Вып. 5. С. 15–19.
- ⁴⁷⁷ Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 4. С. 38.
- ⁴⁷⁸ Там же. С. 39.
- ⁴⁷⁹ Там же. С. 31.
- ⁴⁸⁰ Безотосный В. М. Россия в Наполеоновских войнах... С. 375.
- ⁴⁸¹ Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание Отечественной войны 1812 года. СПб., 1839. Ч. 4. С. 17.
- ⁴⁸² Богданович М. [И.] История Отечественной войны 1812 года... Т. 3. С. 105.
- ⁴⁸³ Замогильные записки Штаббриана // ОЗ. 1850. № 11. С. 27.
- ⁴⁸⁴ Князь М. И. Голенищев-Кутузов-Смоленский. 1745–1813. Письма к его дочери графине Е. М. Тизенгаузен, во втором замужестве Хитрово. 1803–1813 // РС. 1874. Т. 10. Вып. 6. С. 371.
- ⁴⁸⁵ Записки маркиза Пасторе о 1812 годе // Ру А. М., 1900. Вып. 12. С. 518–519.
- ⁴⁸⁶ Вильсон Р. Т. Указ. соч. С. 92.
- ⁴⁸⁷ Давыдов Д. Отрывки из партизанского дневника // СО. 1840. № 5. С. 96.
- ⁴⁸⁸ Попов А. Н. Отечественная война 1812 года: От Малоярославца до Березины, события с 5 по 14 ноября 1812 г. // РС. 1877. Т. 18. Вып. 4. С. 611.
- ⁴⁸⁹ Великое отступление. Из записок французского гвардейца Ж. Ф. Бургонья (1812) // Ру А. М., 1897. Вып. 2. С. 266.
- ⁴⁹⁰ Воспоминания герцога Евгения Виртембергского о кампании 1812 года в России // ВЖ. 1849. № 3. С. 135.
- ⁴⁹¹ Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 4. С. 205.
- ⁴⁹² Переправа через Березину (Из Записок адмирала Чичагова) // Ру А. М., 1869. Вып. 7–8. Ст. 1150.
- ⁴⁹³ Харкевич В. 1812 г. Березина... С. 105–106.
- ⁴⁹⁴ Переход Наполеоновской армии через Березину (в 1812 году) // СО. 1825. № 8. С. 350–351; Богданович М. [И.] История Отечественной войны 1812 года... Т. 3. С. 154, 260, 264; Безотосный В. М. Россия в Наполеоновских войнах... С. 376.
- ⁴⁹⁵ Переправа через Березину (Из Записок адмирала Чичагова) // Ру А. М., 1869. Вып. 7–8. С. 1151–1152.
- ⁴⁹⁶ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 3. С. 447–448.
- ⁴⁹⁷ Касторский М. Указ. соч. // СО. 1851. № 10. С. 19.
- ⁴⁹⁸ Военский К. Наполеон и борисовские евреи в 1812 году // ВС. 1906. № 9. С. 211–220.
- ⁴⁹⁹ Харкевич В. 1812 г. Березина... С. 151.

- 500 Письма П. В. Чичагова графу С. Р. Воронцову. Le 17 IX-bre. Nesna pres Vilna. 1812 // Архив князя Воронцова. М., 1881. Кн. 19. С. 175.
- 501 Харкевич В. 1812 г. Березина... С. 145–146.
- 502 Попов А. Н. Действия адмирала Чичагова в ноябре 1812 г. Переправа Наполеона через Березину // РС. 1877. Т. 20. Вып. 10. С. 188–189.
- 503 Харкевич В. 1812 г. Березина... С. 148.
- 504 Замогильные записки Шатобриана // ОЗ. 1850. № 11. С. 32.
- 505 Сегюр Ф. Указ. соч. С. 179.
- 506 Переход Наполеоновской армии через Березину (в 1812 году) // СО. 1825. № 8. С. 351.
- 507 Касторский М. Указ. соч. // СО. 1851. № 10. С. 20.
- 508 Попов А. Н. Переправа Наполеона через Березину // РС. 1877. Т. 20. Вып. 11. С. 353.
- 509 Крестовский В. Указ. соч. // ВС. 1873. № 10. С. 209.
- 510 Военский К. Отечественная война в воспоминаниях современников (Материалы Военно-ученого архива). Из записок И. К. Арнольди о 1812 годе // ВС. 1910. № 9. С. 14.
- 511 Там же. С. 15.
- 512 Переправа через Березину (Из Записок адмирала Чичагова) // Ру А. М., 1869. Вып. 7–8. Ст. 1163.
- 513 Касторский М. Указ. соч. // СО. 1851. № 10. С. 22, 29.
- 514 О походе французов в Россию // СО. 1814. № 46. С. 40; Переход Наполеоновской армии через Березину (в 1812 году) // СО. 1825. № 8. С. 368; В. Б. Переправа через Березину // ВЖ. 1830. № 4. С. 24; Замогильные записки Шатобриана // ОЗ. 1850. № 11. С. 32; Попов А. Н. Переправа Наполеона через Березину // РС. 1877. Т. 20. Вып. 11. С. 353.
- 515 Крестовский В. Указ. соч. // ВС. 1873. № 10. С. 227.
- 516 Щербинин М. П. Указ. соч. С. 79.
- 517 Воспоминания герцога Евгения Виртембергского о кампании 1812 года в России // ВЖ. 1849. № 3. С. 135.
- 518 В. Б. Переправа через Березину // ВЖ. 1830. № 4. С. 25.
- 519 Вильсон Р. Т. Указ. соч. С. 97.
- 520 Переправа через Березину (Из Записок адмирала Чичагова) // Ру А. М., 1869. Вып. 7–8. С. 1176–1177.
- 521 Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 4. С. 203.
- 522 Надлер В. К. Император Александр I и идея Священного Союза. Т. 2. С. 326.
- 523 Стурдза А. С. Воспоминания о жизни и деятельности графа И. А Каподистрии, правителя Греции. М., 1864. С. 43.
- 524 Воспоминания Апполинария Петровича Бутенева // Ру А. М., 1883. Вып. 1. С. 14–15.
- 525 Богданович М. [И.] История Отечественной войны 1812 года... Т. 3. С. 285.

- 526 В. Б. Переправа через Березину // ВЖ. 1830. № 4. С. 27.
- 527 Переход Наполеоновской армии через Березину (в 1812 году) // СО. 1825. № 8. С. 365.
- 528 Щербинин М. П. Указ. соч. С. 80.
- 529 Из записок графа Ланжерона // Ру А. М., 1895. Вып. 9. С. 153.
- 530 Стурдза А. С. Указ. соч. С. 42.
- 531 Клаузевиц К. 1812 год. С. 101.
- 532 Отрывки из записок генерала Раппа, напечатанных в Париже в 1824 году // Ру В. 1824. № 3. С. 38.
- 533 Богданович М. [И.] История Отечественной войны 1812 года... Т. 3. С. 307.
- 534 Сегюр Ф. Указ. соч. С. 204.
- 535 Воспоминания герцога Евгения Виртембергского о кампании 1812 года в России // ВЖ. 1849. № 3. С. 135.
- 536 Записки маркиза Пасторе о 1812 годе // Ру А. М., 1900. Вып. 12. С. 538.
- 537 Сегюр Ф. Указ. соч. С. 204.
- 538 Письма адмирала Чичагова к императору Александру I // Сборник РИО. СПб., 1871. Т. 6. С. 64.
- 539 Н. Д. Действие нашей артиллерии при березинской переправе // АЖ. 1864. № 8. С. 613.
- 540 Письма адмирала Чичагова к императору Александру I // Сборник РИО. СПб., 1871. Т. 6. С. 64.
- 541 Богданович М. [И.] История Отечественной войны 1812 года... Т. 3. С. 308.
- 542 Бориславский. Указ. соч. // ВС. 1903. № 6. С. 66.
- 543 К истории 1812 года. Дневник поручика Фоссена // Ру А. М., 1903. Вып. 11. С. 477.
- 544 Записки [А.] [Х.] Бенкендорфа // Харкевич В. [И.] 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях... Вып. 2. С. 127.
- 545 Воспоминания герцога Евгения Виртембергского о кампании 1812 года в России // ВЖ. 1849. № 3. С. 136.
- 546 Записки Николая Николаевича Муравьева-Карского // Ру А. М., 1885. Вып. 11. С. 397–399.
- 547 Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 4. С. 289.
- 548 Харкевич В. Мемуары князя Сангушки // ИВ. 1898. № 9. С. 1079.
- 549 Свечин. Из дневников русского офицера о заграничном походе 1813 года // Ру А. М., 1900. Вып. 7. С. 278.
- 550 Касторский М. Указ. соч. // СО. 1851. № 11. С. 12–13.
- 551 Перечень письма из Вильны от 1 декабря // СО. 1812. № 12. С. 211.
- 552 Касторский М. Указ. соч. // СО. 1851. № 11. С. 17.
- 553 Бориславский. Указ. соч. // ВС. 1903. № 6. С. 68, 71.
- 554 Безотосный В. М. Россия в Наполеоновских войнах... С. 384.

- 555 *Де Местр Ж.* Указ. соч. С. 232.
- 556 *Безотосный В. М.* Разведка и планы сторон в 1812 году. С. 144.
- 557 *Михайловский-Данилевский [А.] [И.]* Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 4. С. 272.
- 558 *Богданович [М.] [И.]* История царствования императора Александра I... Т. 3. С. 465.
- 559 *Богданович М. [И.]* История Отечественной войны 1812 года... Т. 3. С. 327–328.
- 560 *Михайловский-Данилевский [А.] [И.]* Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 4. С. 272.
- 561 Из воспоминаний Э. М. Арндта о 1812 годе // Ру А. М., 1871. Вып. 2. Ст. 0114.
- 562 Записки Ивана Степановича Жиркевича. 1789–1848 // РС. 1874. Т. 10. Вып. 8. С. 665.
- 563 Управление генерал-интенданта Канкрина... С. 117.
- 564 *Михайловский-Данилевский А. [И.]* Записки о походе 1813 года. СПб., 1834. С. 3.
- 565 *Вильсон Р. Т.* Указ. соч. С. 108.
- 566 Записки Ивана Степановича Жиркевича. 1789–1848 // РС. 1874. Т. 10. Вып. 8. С. 666.
- 567 *Вильсон Р. Т.* Указ. соч. С. 108.
- 568 Смесь о числе сожженных тел неприятельских // СО. 1813. № 12. С. 298.
- 569 *Богданович [М.] [И.]* История царствования императора Александра I... Т. 3. С. 485–486.
- 570 Записки А. А. Эйлера // Ру А. М., 1880. Вып. 2. С. 362.
- 571 *Богданович М. [И.]* История Отечественной войны 1812 года... Т. 3. С. 347, 351–352.
- 572 *Касторский М.* Указ. соч. // СО. 1851. № 11. С. 18–19.
- 573 Поход великой армии в Россию в 1812 году. Записки де ла Флиза, доктора французской императорской гвардии // РС. 1892. Т. 73. Вып. 2. С. 340.
- 574 *Де Местр Ж.* Указ. соч. С. 233.
- 575 *Попов А. Н.* Отечественная война 1812 года: От Малоярославца до Березины, события с 5 по 14 ноября 1812 г. // РС. 1877. Т. 18. Вып. 4. С. 631.
- 576 *Лажечников И.* Отрывки из походных писем русского офицера // Вест. Е. М., 1817. № 13. С. 74.
- 577 ПСЗ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 32. 1812–1815. № 25289. С. 481–482.
- 578 Там же. С. 482.
- 579 Там же. № 25295. С. 486.
- 580 Там же. № 25296. С. 487–488.
- 581 Высочайший приказ, данный в Вильно 25 декабря 1812 г., о выступлении русских войск за границу // Сборник РИО. СПб., 1909. Т. 128. С. 457.
- 582 *Михайловский-Данилевский [А.] [И.]* Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 4. С. 278–279.
- 583 Управление генерал-интенданта Канкрина... С. 11.
- 584 *Блиох И. С.* Указ. соч. Т. 1. С. 134.

- 585 *Корнилов А. А.* Указ. соч. С. 102.
- 586 *Безотосный В. М.* Россия и Европа в эпоху 1812 года... С. 195–198.
- 587 *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый... Т. 3. С. 128.
- 588 *Богданович М. [И.]* История Отечественной войны 1812 года... Т. 3. С. 347.
- 589 История внешней политики России. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). С. 94.
- 590 Речь к французскому посланнику и польским министрам, произнесенная Наполеоном в Варшаве во время бегства его из России // Вест. Е. М., 1813. № 9–10. С. 139.
- 591 Там же. С. 140.
- 592 *Мартенс Ф. [Ф.]* Собрание трактатов и конвенций... Т. 3. С. 94.
- 593 Там же. С. 95.
- 594 Там же. С. 95–96.
- 595 Забавное челобитье французов к Наполеону // Вест. Е. М., 1814. № 1. С. 83.

Заграничные походы русской армии и сокрушение Наполеона

- ¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1962. Сер. 1. 1801–1815. Т. 6. С. 595.
- ² Ф. Пруссаки старого времени и командовавший войсками прусским корпусом в 1812 году маршал Макдональд // РС. 1912. Т. 150. Вып. 6. С. 595–596.
- ³ *Тимченко-Рубан Г.* Рига и рижский отряд в октябре — декабре 1812 г. (По архивным бумагам маркиза Паулуччи) // ВС. 1906. № 1. С. 26–37.
- ⁴ Письмо генерала маркиза Паулуччи на имя командующего прусскими войсками генерал-лейтенанта Йорка от 2 (14-го) ноября 1812 года // Сборник РИО. СПб., 1911. Т. 133. С. 331.
- ⁵ Генерал Йорк маркизу Паулуччи из Митавы 8 (20) ноября 1812 года // Сборник РИО. СПб., 1911. Т. 133. С. 335.
- ⁶ Маркиз Паулуччи Императору Александру, 14 (26) ноября 1812 г. // Сборник РИО. СПб., 1911. Т. 133. С. 339.
- ⁷ *Тимченко-Рубан Г.* Указ. соч. // ВС. 1906. № 1. С. 26–37.
- ⁸ Воспоминания герцога Евгения Виртембергского о кампании 1812 года в России // ВЖ. 1849. № 3. С. 124.
- ⁹ Генерал Йорк маркизу Паулуччи, 26 ноября (8 декабря) 1812 г. // Сборник РИО. СПб., 1911. Т. 133. С. 352.
- ¹⁰ *Клаузевиц К.* 1812 год. С. 110.
- ¹¹ *Мартенс Ф. [Ф.]* Собрание трактатов и конвенций... Т. 7. С. 60–62; Конвенция, заключенная 18 (30) декабря 1812 года между генерал-майором Дибичем и прусским генералом Йорком // Сборник РИО. СПб., 1911. Т. 133. С. 425–427.

- ¹² Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций... Т. 7. С. 59.
- ¹³ Клаузевиц К. 1812 год. С. 115; Генерал Йорк Прусскому королю, Тильзит (22 декабря 1812 г.) 3 января 1813 г. // Сборник РИО. СПб., 1911. Т. 133. С. 439–442.
- ¹⁴ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1962. Сер. 1. 1801–1815. Т. 6. С. 667.
- ¹⁵ Г. Л. Принц Евгений-Наполеон Богарне во главе великой армии 4 (16) января — 19 апреля (1 мая) 1813 г. // ВС. 1904. № 1. С. 22.
- ¹⁶ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... М., 1869. Т. 4. С. 11.
- ¹⁷ М. И. Кутузов. Сборник документов. М., 1956. Т. 5. С. 14, 29.
- ¹⁸ Сапега Л. Л. Мемуары князя Л. Сапеги 1803–1863. Пг., 1915. С. 40.
- ¹⁹ Письма фельдмаршала князя Витгенштейна // Ру А. М., 1913. Вып. 3. С. 360.
- ²⁰ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 4. С. 7.
- ²¹ Надлер В. К. Император Александр I и идея Священного Союза. Харьков, 1887. Т. 3. С. 173.
- ²² Письма Д. С. Дохтурова к его супруге. 1805–1814 // Ру А. М., 1874. Вып. 5. Ст. 1113.
- ²³ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1962. Сер. 1. 1801–1815. Т. 6. С. 646.
- ²⁴ Г. Л. Принц Евгений-Наполеон Богарне... // ВС. 1904. № 1. С. 30.
- ²⁵ Там же // ВС. 1904. № 3. С. 3.
- ²⁶ Сипягин Н. М. Записка о военных действиях от перехода войск наших за границу до занятия г. Варшавы // ВЖ. 1817. № 2. С. 25.
- ²⁷ Palmer A. Op. cit. P. 90.
- ²⁸ Сипягин Н. М. Указ. соч. // ВЖ. 1817. № 2. С. 25.
- ²⁹ Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций... Т. 3. С. 90–91.
- ³⁰ Palmer A. Op. cit. P. 92.
- ³¹ Г. Л. Принц Евгений-Наполеон Богарне... // ВС. 1904. № 3. С. 4.
- ³² Михайловский-Данилевский А. [И.] Записки о походе 1813 года. С. 21.
- ³³ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 4. С. 7.
- ³⁴ Михайловский-Данилевский А. [И.] Записки о походе 1813 года. С. 22.
- ³⁵ Папская грамота о проклятии Бонопарта // Вест. Е. М., 1813. № 5–6. С. 134–136.
- ³⁶ Бумаги из эпохи 1812–1814 годов // Ру А. М., 1871. Вып. 10. С. 1570–1578; Учреждение Верховного Временного совета в бывшем герцогстве Варшавском (Из архива Н. Н. Новосильцова) // Ру А. М., 1908. Вып. 1. С. 52–57.
- ³⁷ Бумаги из эпохи 1812–1814 годов // Ру А. М., 1871. Вып. 10. Ст. 1550.
- ³⁸ Архив адмирала П. В. Чичагова. СПб., 1885. Вып. 1. С. 150.
- ³⁹ Царство Польское накануне Конституции 1815 года // РС. 1907. Т. 130. Вып. 4. С. 127–128.
- ⁴⁰ Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций... Т. 7. С. 64.
- ⁴¹ Воззвание к жителям Пруссии // Сборник РИО. СПб., 1911. Т. 133. С. 421.

- ⁴² Воззвание к пруссакам // СО. 1813. № 8. С. 76.
- ⁴³ Воззвание к немецкому народу // Сборник РИО. СПб., 1911. Т. 133. С. 429.
- ⁴⁴ *Адамов Б. Н.* Театрально-музыкальная жизнь в Кенигсберге в период Наполеоновских войн // *Эйлау 1807 года и Восточная Пруссия в эпоху Наполеоновских войн.* Калининград, 2013. С. 12.
- ⁴⁵ *Богданович [М.] [И.]* История царствования императора Александра I... Т. 4. С. 10–11.
- ⁴⁶ The memoirs of baron von Muffling... P. 296.
- ⁴⁷ *Станиславский М. П.* Император Александр I и русская оккупация Восточной Пруссии в конце 1812 года и в начале 1813-го // РС. 1913. Т. 156. Вып. 11. С. 293.
- ⁴⁸ *Князь М. И. Голенцев-Кутузов-Смоленский.* 1745–1813. Письма к его дочери графине Е. М. Тизенгаузен, во втором замужестве Хитрово. 1803–1813 // РС. 1874. Т. 10. Вып. 6. С. 375.
- ⁴⁹ *Лажечников И.* Отрывки из походных писем русского офицера // Вест. Е. М., 1817. № 8. С. 212–213.
- ⁵⁰ *Станиславский М. П.* Указ. соч. // РС. 1913. Т. 156. Вып. 11. С. 299.
- ⁵¹ *Мартенс Ф. [Ф.]* Собрание трактатов и конвенций... Т. 7. С. 74–81.
- ⁵² Там же. С. 82–86.
- ⁵³ Там же. С. 80.
- ⁵⁴ *Богданович [М.] [И.]* История царствования императора Александра I... Т. 4. С. 18–19.
- ⁵⁵ *Безотосный В. М.* Россия в Наполеоновских войнах... С. 406.
- ⁵⁶ Смесь. Письмо русского офицера из Берлина от 4 марта 1813 // СО. 1813. № 14. С. 90.
- ⁵⁷ Записки Ивана Степановича Жиркевича. 1789–1848 // РС. 1874. Т. 11. Вып. 11. С. 416–417.
- ⁵⁸ *Богданович [М.] [И.]* История царствования императора Александра I... Т. 4. С. 13.
- ⁵⁹ Прокламация от Его Величества Короля Прусского // Вест. Е. М., 1813. № 4. С. 287–290; Новости. Пруссия и Германия. Народу моему // СО. 1813. № 13. С. 45–47.
- ⁶⁰ От Его Величества Короля Прусского к войскам // Вест. Е. М., 1813. № 4. С. 290–292; Новости. Пруссия и Германия. Войску моему // СО. 1813. № 13. С. 47–48.
- ⁶¹ *Тяпина О. А.* Воззвание 1813 года «К моему народу» и его автор Т. Г. фон Гиппель // *Эйлау 1807 года и Восточная Пруссия в эпоху Наполеоновских войн.* Калининград, 2013. С. 107.
- ⁶² *Богданович [М.] [И.]* История царствования императора Александра I... Т. 4. С. 13.
- ⁶³ *Михайловский-Данилевский А. [И.]* Записки о походе 1813 года. С. 94.
- ⁶⁴ *Богданович [М.] [И.]* История царствования императора Александра I... Т. 4. С. 14.
- ⁶⁵ *Михайловский-Данилевский А. [И.]* Записки о походе 1813 года. С. 96.
- ⁶⁶ *Богданович [М.] [И.]* История царствования императора Александра I... Т. 4. Приложения к главе XXXIX. С. 4.

- ⁶⁷ Михайловский-Данилевский А. [И.] Записки о походе 1813 года. С. 95.
- ⁶⁸ The memoirs of baron von Muffling... P. 49, 295.
- ⁶⁹ Сперанский В. Н. Указ. соч. С. 465, 489.
- ⁷⁰ Paret P. Op. cit. P. 235.
- ⁷¹ Письмо Его Высочества наследного шведского принца к императору Александру 23 марта 1813 // СО. 1813. № 39. С. 38.
- ⁷² Там же. С. 39.
- ⁷³ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1970. Сер. 1. 1801–1815. Т. 7. С. 135–137.
- ⁷⁴ Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций... Т. 11. С. 169–176.
- ⁷⁵ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1970. Сер. 1. 1801–1815. Т. 7. С. 150.
- ⁷⁶ Там же. С. 185–186.
- ⁷⁷ Михайловский-Данилевский А. [И.] Записки о походе 1813 года. С. 62–63.
- ⁷⁸ Столетие Военного министерства 1802–1902. СПб., 1902. Т. 4. Главный штаб. Исторический очерк. Ч. 1. Кн. 1. Отд. 2. Комплектование войск в царствование императора Александра I. С. 47, 52–54, 62, 68, 74.
- ⁷⁹ Михайловский-Данилевский А. [И.] Записки о походе 1813 года. С. 35–36.
- ⁸⁰ Столетие Военного министерства 1802–1902. СПб., 1902. Т. 4. Главный штаб. Исторический очерк. Ч. 1. Кн. 1. Отд. 2. Комплектование войск в царствование императора Александра I. С. 71–72, 75, 77.
- ⁸¹ Михайловский-Данилевский А. [И.] Записки о походе 1813 года. С. 65.
- ⁸² Там же.
- ⁸³ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 4. С. 42.
- ⁸⁴ Сражение при Бауцене, 8/20 и 9/21 мая 1813 года // ВЖ. 1855. № 3. С. 84–110; Записки Николая Николаевича Муравьева-Карского // Ру А. М., 1885. Вып. 12. С. 463–466; Михайловский-Данилевский А. [И.] Записки о походе 1813 года. С. 126–127, 167; Шильдер Н. К. Император Александр Первый... Т. 3. С. 151.
- ⁸⁵ Письма фельдмаршала князя Витгенштейна // Ру А. М., 1913. Вып. 3. С. 363.
- ⁸⁶ Журнал военных действий третьей Западной армии в 1813 году, со времени принятия над нею начальства генералом от инфантерии Барклаем де Толли, до заключения перемирия в Силезии // ВЖ. 1827. № 5. С. 80–81.
- ⁸⁷ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1970. Сер. 1. 1801–1815. Т. 7. С. 219.
- ⁸⁸ The memoirs of baron von Muffling... P. 49.
- ⁸⁹ Мой век или история генерала Маевского. 1779–1848 // РС. 1873. Т. 8. Вып. 9. С. 256.
- ⁹⁰ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1970. Сер. 1. 1801–1815. Т. 7. С. 223.
- ⁹¹ Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций... Т. 14. С. 188–191.

- ⁹² Францев В. А. Русские в Чехии в XVIII и в начале XIX ст. // Ру В. 1899. Т. 261. № 5. С. 63–64.
- ⁹³ Михайловский-Данилевский А. [И.] Записки о походе 1813 года. С. 186–187.
- ⁹⁴ Глинка Ф. Взгляд на обстоятельства, сопровождавшие отступление союзных армий от Люцена и Бацена и далее до заключения перемирия // ВЖ. 1818. № 2. С. 29.
- ⁹⁵ Записки Николая Николаевича Муравьева-Карского // Ру А. М., 1886. Вып. 1. С. 5–6.
- ⁹⁶ Журнал военных действий третьей Западной армии в 1813 году, со времени принятия над нею начальства генералом от инфантерии Барклаем де Толли, до заключения перемирия в Силезии // ВЖ. 1827. № 5. С. 83.
- ⁹⁷ Столетие Военного министерства 1802–1902. СПб., 1902. Т. 4. Главный штаб. Исторический очерк. Ч. 1. Кн. 1. Отд. 2. Комплектование войск в царствование императора Александра I. Приложение № 12. Письмо Государя Императора к генерал-фельдмаршалу графу Салтыкову о неверности расчета относительно некомплекта в резервной армии. 10 июля 1813 г. С. 39–40.
- ⁹⁸ Kennedy P. Op. cit. P. 171, 176.
- ⁹⁹ Общая табель, показывающая рекрутские наборы, произведенные во Франции с 1791 по 1815 год // ВЖ. 1842. № 4. С. 156–157.
- ¹⁰⁰ Комментарии Наполеона I о наступательной войне (Из труда «Семнадцать примечаний к сочинению», озаглавленному «Размышления о военном искусстве» // Стратегия в трудах военных классиков / Под ред. А. Е. Снесарева и А. А. Свечина. С. 82.
- ¹⁰¹ Вовси Э. М. Вопросы тактики французской пехоты 1792–1815 гг. Военно-исторический журнал «Воин». Тематическое приложение № 2. 2005. С. 21.
- ¹⁰² Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций... Т. 3. С. 108.
- ¹⁰³ Там же. С. 107.
- ¹⁰⁴ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 4. С. 108.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 114.
- ¹⁰⁶ Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций... Т. 3. С. 114–115.
- ¹⁰⁷ Манифест Его Величества Императора Австрийского, Короля Венгерского и Богемского, 1813, в Праге // Вест. Е. М., 1813. № 19. С. 293–322; Манифест Его Величества Императора Австрийского, Короля Венгерского и Богемского // СО. 1813. № 25. С. 122.
- ¹⁰⁸ Дневной приказ, отданный австрийским фельдмаршалом князем Шварценбергом армии, состоявшей по его началом 5/17 августа 1813 года // СО. 1813. № 25. С. 123.
- ¹⁰⁹ Приказ австрийским войскам фельдмаршала князя Шварценберга // Вест. Е. М., 1813. № 19. С. 324.
- ¹¹⁰ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 4. С. 121–122, 133–135.
- ¹¹¹ The memoirs of baron von Muffling... P. 327.

- ¹¹² Михайловский-Данилевский А. [И.] Записки о походе 1813 года. С. 234.
- ¹¹³ Письмо русского офицера из армии от 9/21 августа 1813 // СО. 1813. № 34. С. 161.
- ¹¹⁴ Записки Николая Николаевича Муравьева-Карского // Ру А. М., 1886. Вып. 1. С. 20.
- ¹¹⁵ Воспоминания графа К. В. Нессельроде // Ру А. М., 1905. Вып. 8. С. 528.
- ¹¹⁶ Фальмерайер Якоб-Филипп. Сражение за Кульм, или Четыре дня из жизни графа Остермана-Толстого // Эпоха 1812 года... Вып. 11. С. 210–211.
- ¹¹⁷ Записки Ивана Степановича Жиркевича. 1789–1848 // РС. 1874. Т. 11. Вып. 11. С. 429.
- ¹¹⁸ Там же.
- ¹¹⁹ Письма фельдмаршала князя Витгенштейна // Ру А. М., 1913. Вып. 3. С. 366.
- ¹²⁰ Из записок покойного генерал-майора Н. П. Ковальского // Ру В. 1871. Т. 91. № 1. С. 102.
- ¹²¹ Письмо русского офицера из армии от 9/21 августа 1813 // СО. 1813. № 34. С. 162.
- ¹²² Записки Николая Николаевича Муравьева-Карского // Ру А. М., 1886. Вып. 1. С. 22.
- ¹²³ Мой век, или История генерала Маевского. 1779–1848 // РС. 1873. Т. 8. Вып. 9. С. 259.
- ¹²⁴ Письмо русского офицера из армии от 9/21 августа 1813 // СО. 1813. № 34. С. 162; Толь К. Ф. Описание сражений при селе Кульм, происходивших августа 7 и 18 чисел 1813 года между союзными и французскими войсками, и происшествий, предшествовавших оным сражениям // ВЖ. 1818. № 1. С. 23; Журнал военных действий российско-императорских и королевско-прусских армий со времени прекращения перемирия, заключенного между ними и армиями французскими, т. е. с 5/17 августа 1813 года // ВЖ. 1827. № 6. С. 128–138; *Сп-ов. Лейб-гвардии Измайловский полк в сражениях при Пирне и Кульме 16 и 17 августа 1813 года* // ЖИРВИО. 1911. Кн. 3. С. 5–9; Фальмерайер Якоб-Филипп. Указ. соч. // Эпоха 1812 года... Вып. 11. С. 214–219.
- ¹²⁵ Толь К. Ф. Описание сражений при селе Кульм... // ВЖ. 1818. № 1. С. 27; Записки Николая Николаевича Муравьева-Карского // Ру А. М., 1886. Вып. 1. С. 23–27; Михайловский-Данилевский А. [И.] Записки о походе 1813 года. С. 247–256.
- ¹²⁶ Письма генерал-фельдмаршала князя Барклая де Толли 1812–1815 гг. // Эпоха 1812 года... Вып. 11. С. 238.
- ¹²⁷ Письмо русского офицера из армии от 9/21 августа 1813 // СО. 1813. № 34. С. 163.
- ¹²⁸ Журнал военных действий российско-императорских и королевско-прусских армий со времени прекращения перемирия, заключенного между ними и армиями французскими, т. е. с 5/17 августа 1813 года // ВЖ. 1827. № 6. С. 138–139.
- ¹²⁹ Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций... Т. 3. С. 117–126; Т. 7. С. 105–112.
- ¹³⁰ Журнал военных действий российско-прусских армий под начальством генерала от инфантерии Барклая-де-Толли, против французов в 1813-м году // ВЖ. 1828. № 1. С. 145–153; Шильдер Н. К. Император Александр Первый... Т. 3. С. 174.

- ¹³¹ Михайловский-Данилевский А. [И.] Записки о походе 1813 года. С. 393.
- ¹³² Там же. С. 394–395.
- ¹³³ Журнал военных действий Польской армии, под началом генерала от инфантерии графа Беннигсена, от выступления из Варшавы до окончания военных действий в 1813 и 1814 годах // ВЖ. 1837. № 6. С. 76.
- ¹³⁴ Михайловский-Данилевский А. [И.] Записки о походе 1813 года. С. 426–427.
- ¹³⁵ Манифест Фридриха-Августа от 12 июля 1812 г. о вступлении в Генеральную конфедерацию // Сборник РИО. СПб., 1909. Т. 128. С. 71.
- ¹³⁶ Реляция Е. В. шведского наследного принца. Главная квартира, Лейпциг, 9 октября 1813 года // СО. 1813. № 46. С. 42.
- ¹³⁷ Журнал военных действий Польской армии под началом генерала от инфантерии графа Беннигсена от выступления из Варшавы до окончания военных действий в 1813 и 1814 годах // ВЖ. 1837. № 6. С. 78.
- ¹³⁸ Реляция Е. В. шведского наследного принца. Главная квартира, Лейпциг, 9 октября 1813 года / СО. 1813. № 46. С. 42.
- ¹³⁹ Там же. С. 41.
- ¹⁴⁰ Шильдер Н. К. Император Александр Первый... Т. 3. С. 174.
- ¹⁴¹ Журнал военных действий российско-прусских армий под начальством генерала от инфантерии Барклая-де-Толли против французов в 1813-м году // ВЖ. 1828. № 1. С. 153.
- ¹⁴² Попов Н. А. Вольный город Краков. 1815–1846 // ВЕ. 1875. № 1. С. 149.
- ¹⁴³ Письма Д. С. Дохтурова к его супруге. 1805–1814 // Ру А. М., 1874. Вып. 5. Ст. 1122.
- ¹⁴⁴ Воспоминания графа К. В. Нессельроде // Ру А. М., 1905. Вып. 8. С. 529.
- ¹⁴⁵ Записки Николая Николаевича Муравьева-Карского // Ру А. М., 1886. Вып. 1. С. 46.
- ¹⁴⁶ Реляция Е. В. шведского наследного принца. Главная квартира, Лейпциг, 9 октября 1813 года // СО. 1813. № 46. С. 41.
- ¹⁴⁷ Воспоминания Апполинария Петровича Бутенева // Ру А. М., 1883. Вып. 1. С. 54.
- ¹⁴⁸ Королевство Вестфальское и разрушение его генерал-адъютантом Чернышевым // ВЖ. 1852. № 4. С. 20, 25, 34–36.
- ¹⁴⁹ Донесение А. И. Чернышева генерал-адъютанту М. Б. Барклаю-де-Толли о взятии Касселя. 18-го сентября 1813 г. Гор. Кассель // Сборник РИО. СПб., 1906. Т. 121. С. 222–223.
- ¹⁵⁰ Жизнеописание князя А. И. Чернышева // Сборник РИО. СПб., 1905. Т. 122. С. 101, 103.
- ¹⁵¹ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 4. С. 323.
- ¹⁵² Михайловский-Данилевский А. [И.] Записки о походе 1813 года. С. 495–496.
- ¹⁵³ Рассказы Прасковьи Егоровны Анненковой, рожденной Гебль (Gueuble) // РС. 1888. Т. 57. Вып. 1. С. 189.
- ¹⁵⁴ Осада Данцига в 1813 году // Инженерные записки (далее — Инж. З.). 1842. Ч. 25. Кн. 1. С. 15–18; 1845. Ч. 25. Кн. 2. С. 265.

- 155 *Богданович [М.] [И.]* История царствования императора Александра I... Т. 4. С. 333–334.
- 156 Столетие Военного министерства 1802–1902. СПб., 1902. Т. 4. Главный штаб. Исторический очерк. Ч. 1. Кн. 1. Отд. 2. Комплектование войск в царствование императора Александра I. С. 73.
- 157 Маршал Султ, герцог Далматский // ВЖ. 1836. № 3. С. 164–165.
- 158 *Соловьев С. М.* Император Александр Первый... С. 256.
- 159 *Богданович [М.] [И.]* История царствования императора Александра I... Т. 4. С. 343.
- 160 Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1970. Сер. 1. 1801–1815. Т. 7. С. 432.
- 161 Записки солдата Памфила Назарова, в иночестве Митрофана. 1792–1839 гг. // РС. 1878. Т. 22. Вып. 8. С. 535.
- 162 Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1970. Сер. 1. 1801–1815. Т. 7. С. 433.
- 163 *Попов Н. А.* Россия и Сербия... Ч. 1. С. 99.
- 164 Первое Сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. Кн. 2. С. 262, 264.
- 165 *Мелихов В. И.* Описание действий Черноморского флота в продолжение войны с Турциею в 1828 и 1829 годах // МС. 1850. № 1. С. 12.
- 166 Первое Сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. Кн. 2. С. 302.
- 167 Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1970. Сер. 1. 1801–1815. Т. 7. С. 219–220.
- 168 *Морозов П. О.* Кара-Георгий и сербские эмигранты в России 1814–1830 // Исторические материалы из архива Министерства государственных имуществ. СПб., 1891. Вып. 1. С. 110.
- 169 Первое Сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. Кн. 2. С. 346–347.
- 170 *Попов Н. А.* Россия и Сербия... Ч. 1. С. 111.
- 171 *Димић Л.* Србија 1804–2004 (суочаванье са прошлошћу). В сб. Србија 1804–2004 — три вићенья или позив на дијалог. Под ред. Јовановића М., Београд, 2005. С. 31.
- 172 Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1970. Сер. 1. 1801–1815. Т. 7. С. 529–531.
- 173 *Морозов П. О.* Указ. соч. // Исторические материалы из архива Министерства государственных имуществ. СПб., 1891. Вып. 1. С. 110–111.
- 174 Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1972. Сер. 1. 1801–1815. Т. 8. Май 1814 — ноябрь 1815 г. С. 18–20.
- 175 *Морозов П. О.* Указ. соч. // Исторические материалы из архива Министерства государственных имуществ. СПб., 1891. Вып. 1. С. 114.
- 176 Первое Сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. Кн. 2. С. 354; Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1972. Сер. 1. 1801–1815. Т. 8. С. 493–496.
- 177 *Морозов П. О.* Указ. соч. // Исторические материалы из архива Министерства государственных имуществ. СПб., 1891. Вып. 1. С. 114–116.

- ¹⁷⁸ Дебидур А. Дипломатическая история Европы. Священный Союз от Венского до Берлинского конгресса. Ростов-на/Д., 1995. Т. 1. С. 20.
- ¹⁷⁹ Шильдер Н. К. Император Александр Первый... Т. 3. С. 180.
- ¹⁸⁰ Надлер В. К. Император Александр I и идея Священного Союза. Харьков, 1888. Т. 4. С. 105.
- ¹⁸¹ Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание похода во Франции в 1814 году. СПб., 1841. С. 15.
- ¹⁸² Русская военная старина. К войне 1814–1815 // ВС. 1909. № 1. С. 235–236.
- ¹⁸³ Россия и Швеция. Документы и материалы. 1809–1818. С. 460.
- ¹⁸⁴ Там же.
- ¹⁸⁵ Там же. С. 461.
- ¹⁸⁶ Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание похода во Франции в 1814 году. С. 6–7.
- ¹⁸⁷ Надлер В. К. Император Александр I и идея Священного Союза. Т. 4. С. 168.
- ¹⁸⁸ Михайловский-Данилевский А. [И.] Записки 1814 года. СПб., 1831. С. 4.
- ¹⁸⁹ Журнал английского офицера, бывшего военнопленным во Франции, и очевидцем событий, случившихся в Париже, в первые четыре месяца 1814 года // СО. 1828. № 13. С. 42–44.
- ¹⁹⁰ Там же. С. 46.
- ¹⁹¹ Перечни писем из армии // СО. 1814. № 8. С. 81.
- ¹⁹² Редигер А. [Ф.] Комплектование и устройство вооруженной силы. СПб., 1900. С. 28.
- ¹⁹³ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 4. С. 369–371.
- ¹⁹⁴ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1970. Сер. 1. 1801–1815. Т. 7. С. 574.
- ¹⁹⁵ Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций... Т. 14. С. 197–200.
- ¹⁹⁶ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 4. С. 377.
- ¹⁹⁷ Шильдер Н. К. Император Александр Первый... Т. 3. С. 191.
- ¹⁹⁸ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1970. Сер. 1. 1801–1815. Т. 7. С. 570.
- ¹⁹⁹ Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание похода во Франции в 1814 году. С. 293.
- ²⁰⁰ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 4. С. 389–401.
- ²⁰¹ Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций... Т. 3. С. 155–165.
- ²⁰² Михайловский-Данилевский [А.] [И.] Описание похода во Франции в 1814 году. С. 305.
- ²⁰³ Журнал английского офицера... // СО. 1828. № 13. С. 54.
- ²⁰⁴ Там же. № 15. С. 242.
- ²⁰⁵ Там же. С. 243.

- ²⁰⁶ Там же. С. 257.
- ²⁰⁷ Там же. С. 255.
- ²⁰⁸ Взятие Парижа // Вест. Е. М., 1816. № 12. С. 201.
- ²⁰⁹ Журнал военных действий союзных армий со времени переправы их за Рейн в декабре месяце 1813 года до выступления в мае 1814 года // ВЖ. 1837. № 1. С. 57–78; № 2. С. 2–19; *Богданович [М.] [И.]* История царствования императора Александра I... Т. 4. С. 486–489.
- ²¹⁰ Журнал военных действий российско-прусских армий против французов в 1814 году // ВЖ. 1829. № 4. С. 105–106; Журнал корпуса генерала от инфантерии графа Ланжерона во время военных действий Силезской армии против французов с последних чисел июля месяца 1813 по 21 марта 1814 года // ВЖ. 1838. № 5. С. 53.
- ²¹¹ Журнал английского офицера... // СО. 1828. № 16. С. 356.
- ²¹² Записки Николая Николаевича Муравьева-Карского // Ру А. М., 1886. Вып. 2. С. 100.
- ²¹³ Журнал английского офицера... // СО и СА. 1830. № 48. С. 69–70.
- ²¹⁴ Журнал военных действий союзных армий со времени переправы их за Рейн в декабре месяце 1813 года до выступления в мае 1814 года // ВЖ. 1837. № 2. С. 20; *Хомутов С. Г.* Из дневника свитского офицера // Ру А. М., 1870. Вып. 1. Ст. 162; *Дивов Н.* По поводу рассказа М. Ф. Орлова о взятии Парижа // Ру А. М., 1878. Вып. 1. С. 127–128.
- ²¹⁵ Журнал английского офицера... // СО. 1828. № 17. С. 71–72.
- ²¹⁶ Журнал английского офицера... // СО и СА. 1830. № 48. С. 68, 71.
- ²¹⁷ *Лажечников И.* Отрывки из походных писем русского офицера // Вест. Е. М., 1817. № 16. С. 274.
- ²¹⁸ *Поливанов М.* Русская армия в Париже // ЖИРВИО. 1914. Кн. 1. С. 31.
- ²¹⁹ Капитуляция Парижа в 1814 году. Рассказ М. Ф. Орлова // РС. 1877. Т. 20. Вып. 12. С. 640.
- ²²⁰ *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый... Т. 3. С. 206.
- ²²¹ *Безотосный В. М.* Россия в Наполеоновских войнах... С. 536.
- ²²² *Надлер В. К.* Император Александр I и идея Священного Союза. Т. 4. С. 418–419.
- ²²³ Капитуляция Парижа в 1814 году... // РС. 1877. Т. 20. Вып. 12. С. 641–642.
- ²²⁴ Там же. С. 654–655.
- ²²⁵ *Надлер В. К.* Император Александр I и идея Священного Союза. Т. 4. С. 436.
- ²²⁶ *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый... Т. 3. С. 206.
- ²²⁷ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1970. Сер. 1. 1801–1815. Т. 7. С. 629.
- ²²⁸ Занятие Парижа // СО. 1814. № 30. С. 5.
- ²²⁹ *Богданович [М.] [И.]* История царствования императора Александра I... Т. 4. С. 504.
- ²³⁰ *Надлер В. К.* Император Александр I и идея Священного Союза. Т. 5. С. 41–44.
- ²³¹ *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый... Т. 3. С. 216.

- ²³² Из записок покойного генерал-майора Н. П. Ковальского // Ру В. 1871. Т. 91. № 1. С. 111.
- ²³³ Поход во Францию 1814 г. По неизданным запискам прапорщика лейб-гвардии Семеновского полка Ивана Михайловича Казакова // РС. 1908. Т. 133. Вып. 3. С. 537.
- ²³⁴ Журнал военных действий союзных армий со времени переправы их за Рейн в декабре месяце 1813 года до выступления в мае 1814 года // ВЖ. 1837. № 2. С. 43; *Михайловский-Данилевский А. [И.]* Записки 1814 года. С. 30–31; Записки генерала Отрощенко // Ру В. 1877. Т. 132. № 11. С. 236; Записки генерала В. И. Левенштерна // РС. 1902. Т. 111. Вып. 7. С. 204.
- ²³⁵ Взятие Парижа // Вест. Е. М., 1816. № 12. С. 202; *Лажечников И.* Отрывки из походных писем русского офицера // Вест. Е. М., 1817. № 16. С. 285–288; Записки князя Таллерана-Перигора. Ч. 3. С. 116–117; *Левенштерн В.* Указ. соч. // ВС. 1866. № 1. С. 194; *Хомутов С. Г.* Указ. соч. // Ру А. М., 1870. Вып. 1. С. 163–164; Записки Ивана Степановича Жиркевича. 1789–1848 // РС. 1874. Т. 11. Вып. 12. С. 643–644; Из воспоминаний генерала Николая Богдановича Броневского // Голос Минувшего. Журнал истории и истории литературы (далее — ГМ). 1914. № 3. С. 233.
- ²³⁶ Журнал английского офицера... // СО и СА. 1830. № 48. С. 81.
- ²³⁷ *Данилевский А. М.* Вход Российской армии в Париж // СО. 1816. № 48. С. 83, 85; Принц Евгений Вюртембергский... // ВС. 1864. № 9. С. 70; *Левенштерн В.* Указ. соч. // ВС. 1866. № 1. С. 194; *Поливанов М.* Указ. соч. // ЖИРВИО. 1914. Кн. 1. С. 32–33.
- ²³⁸ Воспоминания князя Виктора Иларионовича Васильчикова со слов его отца // Си Н. СПб., 1913. Кн. 16. С. 13.
- ²³⁹ Смесь. Александр в Париже // СО. 1814. № 30. С. 158.
- ²⁴⁰ Журнал военных действий российско-прусских армий против французов в 1814 году // ВЖ. 1829. № 4. С. 106–107; Журнал военных действий союзных армий со времени переправы их за Рейн в декабре месяце 1813 года до выступления в мае 1814 года // ВЖ. 1837. № 2. С. 44.
- ²⁴¹ Записки солдата Памфила Назарова... // РС. 1878. Т. 22. Вып. 8. С. 538.
- ²⁴² Там же. С. 539.
- ²⁴³ Журнал военных действий союзных армий со времени переправы их за Рейн в декабре месяце 1813 года до выступления в мае 1814 года // ВЖ. 1837. № 2. С. 44.
- ²⁴⁴ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1970. Сер. 1. 1801–1815. Т. 7. С. 395.
- ²⁴⁵ Из записок Ипполита Оже. 1814–1817 // Ру А. М., 1877. Вып. 1. С. 53.
- ²⁴⁶ Из воспоминаний генерала Николая Богдановича Броневского // ГМ. 1914. № 3. С. 234.
- ²⁴⁷ *Данилевский А. М.* Вход Российской армии в Париж // СО. 1816. № 48. С. 84.
- ²⁴⁸ *Хомутов С. Г.* Указ. соч. // Ру А. М., 1870. Вып. 1. Ст. 164; *Глинка С. Н.* Указ. соч. С. 329.

- 249 Фарфаровский С. Ф. Русские в Париже в 1814 году // Ру А. М., 1913. Вып. 3. С. 376.
- 250 Журнал английского офицера... // СО и СА. 1830. № 48. С. 72, 77.
- 251 Занятие Парижа // СО. 1814. № 30. С. 3.
- 252 Записки Ивана Степановича Жиркевича. 1789–1848 // РС. 1874. Т. 11. Вып. 12. С. 647–648.
- 253 Занятие Парижа // СО. 1814. № 30. С. 158.
- 254 Бенкендорф А. Х. Указ. соч. С. 265.
- 255 Данилевский А. М. О пребывании русских в Париже // Ру В. 1819. № 9–10. С. 19–20; Из писем К. Я. Булгакова к его брату. 1814-й год // Ру А. М., 1904. Вып. 9. С. 18; Деменков П. С. Мои воспоминания // Ру А. М., 1911. Вып. 9. С. 125–126.
- 256 Известия // Вест. Е. М., 1814. № 8. С. 317.
- 257 Надлер В. К. Император Александр I и идея Священного Союза. Т. 5. С. 51.
- 258 Там же. С. 60–61.
- 259 Михайловский-Данилевский А. [И.] Записки 1814 года. С. 6.
- 260 Лажечников И. Отрывки из походных писем русского офицера // Вест. Е. М., 1817. № 16. С. 289.
- 261 Журнал английского офицера... // СО и СА. 1830. № 48. С. 67.
- 262 Журнал английского офицера... // СО и СА. 1830. № 40. С. 414–415; Левенштерн В. Указ. соч. // ВС. 1866. № 1. С. 196; Записки генерала Отрощенко // Ру В. 1877. Т. 132. № 11. С. 237; Поход во Францию 1814 г... // РС. 1908. Т. 133. Вып. 3. С. 539; Глинка С. Н. Указ. соч. С. 332.
- 263 Лажечников И. Отрывки из походных писем русского офицера // Вест. Е. М., 1817. № 16. С. 294.
- 264 Данилевский А. М. О пребывании русских в Париже // Ру В. 1819. № 9–10. С. 13.
- 265 Журнал корпуса генерала от инфантерии графа Ланжерона во время военных действий Силезской армии против французов, с последних чисел июля месяца 1813 по 21 марта 1814 года // ВЖ. 1838. № 5. С. 57.
- 266 Рассказы Прасковьи Егоровны Анненковой, рожденной Гебль (Gueuble) // РС. 1888. Т. 57. Вып. 1. С. 189.
- 267 Сивков К. В. Русские солдаты во Франции 1813–1814 гг. (Из записок арт. оф. А. М. Барановича) // ГМ. 1916. № 5–6. С. 154.
- 268 Сегюр Ф. Указ. соч. С. 73.
- 269 Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 4. С. 404, 513.
- 270 Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1970. Сер. 1. 1801–1815. Т. 7. С. 630.
- 271 Журнал английского офицера... // СО и СА. 1830. № 49. С. 148–149.
- 272 Фельдмаршал князь Сакен // Ру А. М., 1900. Вып. 1. С. 19–20.
- 273 Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 4. С. 514–515.

- ²⁷⁴ *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый... Т. 3. С. 216.
- ²⁷⁵ *Михайловский-Данилевский А. [И.]* Записки 1814 года. С. 44; Записки князя Таллерана-Перигора. Ч. 3. С. 126.
- ²⁷⁶ *Глинка С. Н.* Указ. соч. С. 328.
- ²⁷⁷ Поход Великой армии в Россию в 1812 году. Записки де ла Флиза, доктора французской императорской гвардии // РС. 1892. Т. 73. Вып. 3. С. 603.
- ²⁷⁸ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1970. Сер. 1. 1801–1815. Т. 7. С. 692–694.

Венский конгресс и послевоенное устройство Европы

- ¹ *Надлер В. К.* Император Александр I и идея Священного Союза. Т. 5. С. 80–89, 106.
- ² Там же. С. 122.
- ³ Записки князя Таллерана-Перигора. Ч. 3. С. 127–128; *Мартенс Ф. [Ф.]* Собрание трактатов и конвенций... Т. 14. С. 205–211.
- ⁴ Письма из эпохи 1812–1815 годов // Ру А. М., 1871. Вып. 1. С. 157.
- ⁵ Журнал английского офицера... // СО и СА. 1830. № 50. С. 226.
- ⁶ *Богданович [М.] [И.]* История царствования императора Александра I... Т. 4. С. 526.
- ⁷ *Мартенс Ф. [Ф.]* Собрание трактатов и конвенций... Т. 14. С. 214–215.
- ⁸ *Шильдер Н. К.* Граф Шувалов и Наполеон в 1814 году // РС. 1897. Т. 90. Вып. 5. С. 225.
- ⁹ Письмо из Парижа в Санкт-Петербург о путешествии Бонопарта от Фонтенбло до Френсуа (из Conservateur) // Вест. Е. М., 1814. № 12. С. 314–315.
- ¹⁰ *Мартенс Ф. [Ф.]* Собрание трактатов и конвенций... Т. 14. С. 216.
- ¹¹ *Шильдер Н. К.* Граф Шувалов и Наполеон в 1814 году // РС. 1897. Т. 90. Вып. 5. С. 225.
- ¹² Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1970. Сер. 1. 1801–1815. Т. 7. С. 670.
- ¹³ Записка о переезде Наполеона от Фрежюса до Эльбы, сочинение сэра Томас Ошера // СО. 1841. № 10. С. 347–348.
- ¹⁴ Письмо императора Александра I императрице Марии Федоровне после взятия Парижа // РС. 1914. Т. 117. Вып. 3. С. 489.
- ¹⁵ *Надлер В. К.* Император Александр I и идея Священного Союза. Т. 5. С. 207; *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый... Т. 3. С. 226–227.
- ¹⁶ *Михайловский-Данилевский А. [И.]* Записки 1814 года. С. 73.
- ¹⁷ Поход во Францию 1814 г... // РС. 1908. Т. 134. Вып. 5. С. 356.
- ¹⁸ *Соловьев С. М.* Венский конгресс // Ру В. 1865. Т. 55. Кн. 2. С. 409.
- ¹⁹ *Надлер В. К.* Император Александр I и идея Священного Союза. Т. 5. С. 207–208.

- ²⁰ Татищев С. С. Император Николай и иностранные дворы. Исторические очерки. СПб., 1889. С. 130–131; Надлер В. К. Император Александр I и идея Священного Союза. Т. 5. С. 209, 216.
- ²¹ Деменков П. С. Указ. соч. // Ру А. М., 1911. Вып. 9. С. 125; Бенкендорф А. Х. Указ. соч. С. 268.
- ²² Записки Ивана Степановича Жиркевича. 1789–1848 // РС. 1874. Т. 11. Вып. 12. С. 652–654.
- ²³ Бенкендорф А. Х. Указ. соч. С. 268.
- ²⁴ Журнал английского офицера... // СО и СА. 1830. № 49. С. 156.
- ²⁵ Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций... Т. 14. С. 238–260.
- ²⁶ Palmer A. Op. cit. P. 121.
- ²⁷ Ibid. P. 122.
- ²⁸ Шильдер Н. К. Император Александр Первый... Т. 3. С. 228.
- ²⁹ ПСЗ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 32. 1812–1815. № 25586. С. 790.
- ³⁰ Тексты конституций. М., 1905. Сб. 1. Основные законы Англии. Французские конституции 1791, 1814 и 1830 гг. Бельгийская конституция. С. 74.
- ³¹ Там же. С. 75–76.
- ³² Надлер В. К. Император Александр I и идея Священного Союза. Т. 5. С. 221.
- ³³ Соловьев С. М. Венский конгресс // Ру В. 1865. Т. 55. Кн. 2. С. 421.
- ³⁴ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1972. Сер. 1. 1801–1815. Т. 8. С. 107.
- ³⁵ Мемуары князя Адама Чарторыжского... Т. 2. С. 281.
- ³⁶ Надлер В. К. Император Александр I и идея Священного Союза. Т. 5. С. 375.
- ³⁷ Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций... Т. 7. С. 158–159.
- ³⁸ The memoirs of baron von Muffling... P. 202–203.
- ³⁹ Лемпицкий М. Александр I в Пулавах. Его отношения к семейству Чарторыхских. 1805–1825 // РС. 1887. Т. 55. Вып. 7. С. 173, 177–178.
- ⁴⁰ Шильдер Н. К. Император Александр Первый... Т. 3. С. 266.
- ⁴¹ Мемуары князя Адама Чарторыжского... Т. 2. С. 281.
- ⁴² Император Александр Павлович и князь Адам Чарторыжский // Ру А. М., 1871. Вып. 4–5. С. 815–820; Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций... Т. 3. С. 212–213.
- ⁴³ Россия и Польша в 1814–1831 гг. Костюшко. Александр I. Цесаревич Константин. Николай I // РС. 1882. Т. 34. Вып. 4. С. 242–243; Б-ов И. Н. Из истории польских повстаний // Ру В. 1892. Т. 222. № 10. С. 205.
- ⁴⁴ Россия и Польша в 1814–1831 гг. Костюшко. Александр I. Цесаревич Константин. Николай I // РС. 1882. Т. 34. Вып. 4. С. 243; Б-ов И. Н. Из истории польских повстаний // Ру В. 1892. Т. 222. № 10. С. 206.
- ⁴⁵ Шильдер Н. К. Император Александр Первый... Т. 3. С. 236.
- ⁴⁶ Оборона крепости Замостья в 1813 году // ИЖ. 1860. № 1. С. 36, 39.

- ⁴⁷ Смит Ф. История польского восстания и войны 1830 и 1831 годов. СПб., 1863. Ч. 1. С. 7.
- ⁴⁸ Уманец Ф. М. Александр I и русская партия в Польше // ИВ. 1883. № 10. С. 15.
- ⁴⁹ Попов Н. А. Варшавское герцогство // Ру В. 1866. Т. 62. № 3. С. 99; Он же. Вольный город Краков. 1815–1846 // ВЕ. 1875. № 1. С. 150.
- ⁵⁰ Царство Польское накануне Конституции 1815 года // РС. 1907. Т. 130. Вып. 5. С. 292.
- ⁵¹ Левицкий О. Указ. соч. // К. Ст. 1892. № 12. С. 360.
- ⁵² Уманец Ф. М. Указ. соч. // ИВ. 1883. № 10. С. 25; Мемуары графини Потоцкой // ИВ. 1897. № 7. С. 216.
- ⁵³ Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций... Т. 3. С. 214.
- ⁵⁴ Там же. С. 216.
- ⁵⁵ В. Записка Поццо-ди-Борго о польском вопросе // Ру В. 1866. Т. 61. № 1. С. 402.
- ⁵⁶ Там же. С. 406–407.
- ⁵⁷ Докладная записка А. И. Чернышева императору Александру I о восстановлении Польши (Вена, декабрь 1814) // Сборник РИО. СПб., 1906. Т. 121. С. 284–289.
- ⁵⁸ Жизнеописание князя А. И. Чернышева // Сборник РИО. СПб., 1905. Т. 122. С. 121–122.
- ⁵⁹ Всеподданнейшее письмо В. С. Ланского к Александру I // Ру А. М., 1864. Вып. 10–11. С. 830–832; Шильдер Н. К. Император Александр Первый... Т. 3. Приложение XXVIII. С. 552.
- ⁶⁰ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 5. Приложения к главе LIV. С. 1.
- ⁶¹ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 5. С. 2.
- ⁶² Картины из истории Венского конгресса (Из воспоминаний гр. де-ла Гарда) // ГМ. 1915. № 6. С. 136.
- ⁶³ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 5. С. 2.
- ⁶⁴ История внешней политики России. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). С. 120.
- ⁶⁵ Коленкур А. Указ. соч. С. 311.
- ⁶⁶ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 5. С. 13; Надлер В. К. Император Александр I и идея Священного Союза. Т. 5. С. 414.
- ⁶⁷ Шильдер Н. К. Император Александр Первый... Т. 3. С. 280–281.
- ⁶⁸ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 5. С. 5.
- ⁶⁹ Шильдер Н. К. Император Александр Первый... Т. 3. С. 282.
- ⁷⁰ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 5. С. 32–33.
- ⁷¹ Надлер В. К. Император Александр I и идея Священного Союза. Т. 5. С. 412.
- ⁷² Чумиков А. А. Вызов на дуэль князя Меттерниха императором Александром I. Эпизод Венского конгресса // РС. 1887. Т. 54. Вып. 6. С. 641–642.
- ⁷³ Palmer A. Op. cit. P. 138.

- ⁷⁴ *Надлер В. К.* Император Александр I и идея Священного Союза. Т. 5. С. 412.
- ⁷⁵ *Vew J. Castelreagh.* Enlightenment, war and tytanny. L., 2011. P. 379.
- ⁷⁶ *Богданович [М.] [И.]* История царствования императора Александра I... Т. 5. С. 31.
- ⁷⁷ Там же. С. 37.
- ⁷⁸ *Vew J.* Op. cit. P. 379, 385.
- ⁷⁹ *Надлер В. К.* Император Александр I и идея Священного Союза. Т. 5. С. 451.
- ⁸⁰ *Vew J.* Op. cit. P. 386.
- ⁸¹ *Надлер В. К.* Император Александр I и идея Священного Союза. Т. 5. С. 451.
- ⁸² *Соловьев С. М.* Венский конгресс // *Ру В.* 1865. Т. 55. Кн. 2. С. 437.
- ⁸³ *Надлер В. К.* Император Александр I и идея Священного Союза. Т. 5. С. 452.
- ⁸⁴ *Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1972.* Сер. 1. 1801–1815. Т. 8. С. 182.
- ⁸⁵ *Надлер В. К.* Император Александр I и идея Священного Союза. Т. 5. С. 476.
- ⁸⁶ *Vew J.* Op. cit. P. 386.
- ⁸⁷ *Чиняков М. К.* Эльбская армия // *Эпоха 1812 года... Вып. 2.* С. 158.
- ⁸⁸ *Мартенс Ф. [Ф.]* Собрание трактатов и конвенций... СПб., 1905. Т. 14. Трактаты с Франциею 1807–1820. С. 272.
- ⁸⁹ *Михайловский-Данилевский А. [И.]* Записки о походе 1813 года. С. 144.
- ⁹⁰ *Записки князя Таллерана-Перигора.* Ч. 4. С. 4.
- ⁹¹ *Михайловский-Данилевский А. [И.]* Записки о походе 1813 года. С. 144–145.
- ⁹² *Богданович [М.] [И.]* История царствования императора Александра I... Т. 5. С. 49.
- ⁹³ К № 25 прибавлений к Сыну Отечества. С. 2.
- ⁹⁴ Там же. С. 3–4.
- ⁹⁵ Достопамятные европейские происшествия. Обозрения происшествий во Франции от начала 1815 года до бегства Наполеона Бонапарта с острова Елена // *Ру В.* 1816. № 1. С. 53.
- ⁹⁶ *Чиняков М. К.* Указ. соч. С. 152, 158.
- ⁹⁷ *Мартенс Ф. [Ф.]* Собрание трактатов и конвенций... Т. 14. С. 272.
- ⁹⁸ *Новости. Бонопарте во Франции // СО. 1815.* № 10. С. 1–2.
- ⁹⁹ Там же. С. 3.
- ¹⁰⁰ *Гизо и его «Записки» // ОЗ. 1858.* Т. 119. № 5. С. 194.
- ¹⁰¹ *Письмо Бонопарте Государям Европы // СО. 1815.* № 17. С. 194–196.
- ¹⁰² *Де Местр Ж.* Указ. соч. С. 264.
- ¹⁰³ *Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1972.* Сер. 1. 1801–1815. Т. 8. С. 250.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 252.
- ¹⁰⁵ *Мартенс Ф. [Ф.]* Собрание трактатов и конвенций... Т. 3. С. 182–187.
- ¹⁰⁶ *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый... 3. С. 310, 312.
- ¹⁰⁷ *Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1972.* Сер. 1. 1801–1815. Т. 8. С. 259.

- 108 *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый... Т. 3. С. 306, 308; *Богданович [М.] [И.]* История царствования императора Александра I... Т. 5. С. 52.
- 109 Записка графа Иоанна Каподистрия о его служебной деятельности // Сборник РИО. СПб., 1868. Т. 3. С. 199.
- 110 *Татищев С. С.* Из прошлого русской дипломатии... С. 47.
- 111 Александр I. Портрет, писанный Метгерником в 1829 году // ИВ. 1880. № 1. С. 177.
- 112 *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый... Т. 3. С. 314.
- 113 *Надлер В. К.* Император Александр I и идея Священного Союза. Т. 5. С. 527.
- 114 *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый... Т. 3. С. 314.
- 115 *Чумиков А. А.* Указ. соч. // РС. 1887. Т. 54. Вып. 6. С. 642.
- 116 *Мартенс Ф. [Ф.]* Собрание трактатов и конвенций... Т. 3. С. 317–353, 359–378.
- 117 Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1972. Сер. 1. 1801–1815. Т. 8. С. 311–315.
- 118 ПСЗ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 33. 1815–1816. № 25826. С. 71–78.
- 119 *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XX века. М., 1989. С. 148.
- 120 *Соловьев С. М.* Император Александр Первый... С. 295.
- 121 *Мартенс Ф. [Ф.]* Собрание трактатов и конвенций... Т. 3. С. 238.
- 122 Там же. С. 231–315.
- 123 *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый... Т. 3. С. 318.
- 124 *Мартенс Ф. [Ф.]* Собрание трактатов и конвенций... Т. 11. С. 250–255.
- 125 Там же. Т. 3. С. 276.
- 126 Там же. С. 274.
- 127 Там же. С. 276–277.
- 128 Там же. С. 274–275.
- 129 *Богданович [М.] [И.]* История царствования императора Александра I... Т. 5. С. 68.
- 130 *De Veauchamp Al.* Catastrophe de Murat ou récit de la dernière révolution de Naples. Versailles, 1815. P. 60–61; 69; 106.
- 131 *Пытин А. Н.* Г-жа Крюденер // ВЕ. 1869. № 8. С. 626–627; *Надлер В. К.* Император Александр I и идея Священного Союза. Т. 5. С. 530–535, 541–545.
- 132 Представители России на Венском конгрессе в 1815 году (Из воспоминаний А. И. Михайловского-Данилевского) // РС. 1899. Т. 98. Вып. 6. С. 631.
- 133 *К-в А.* Баронесса Крюднер // ИВ. 1895. № 9. С. 679–680.
- 134 Великий Князь Николай Михайлович. Переписка Императора Александра I с сестрой Великой Княгиней Екатериной Павловной. Приложение V. С. 286–290.
- 135 Вторичное отречение Наполеона и белый террор // РС. 1906. Т. 127. Вып. 7. С. 199–199, 203.
- 136 *Богданович [М.] [И.]* История царствования императора Александра I... Т. 5. С. 68.
- 137 Общая табель, показывающая рекрутские наборы, произведенные во Франции с 1791 по 1815 год // ВЖ. 1842. № 4. С. 151–157.

- 138 *Богданович [М.] [И.]* История царствования императора Александра I... Т. 5. С. 69–70.
- 139 Наполеон на «Беллерофоне» (Из дневника капитана Мэтланда) // *Море*. СПб., 1908. № 2. С. 169–171.
- 140 История похода 1815 года. Приложения. № I. Воззвание герцога Веллингтона к французам // *ВЖ*. 1843. № 2. С. 110.
- 141 Там же. Приказ по армии герцога Веллингтона // *ВЖ*. 1843. № 2. С. 111.
- 142 *Мартенс Ф. [Ф.]* Собрание трактатов и конвенций... Т. 11. С. 239–240.
- 143 Русская военная старина. К войне 1814–1815 // *ВС*. 1909. № 1. С. 239–240.
- 144 *Михайловский-Данилевский А. [И.]* Воспоминания. Из записок 1815 года. СПб., 1831. С. 33.
- 145 Вторичное отречение Наполеона и белый террор // *РС*. 1906. Т. 127. Вып. 7. С. 220–223.
- 146 *Михайловский-Данилевский А. [И.]* Воспоминания. Из записок 1815 года. С. 36–37.
- 147 История похода 1815 года. Приложения. № IV. Условие Сен-Клудское // *ВЖ*. 1843. № 2. С. 113–117.
- 148 Новые декреты короля французского // *СО*. 1815. № 32. С. 257–261.
- 149 *Данилевский А. М.* О вторичном восшествии россиян в Париж // *СО*. 1817. № 4. С. 163–164.
- 150 Наполеон на «Беллерофоне» (Из дневника капитана Мэтланда) // *Море*. СПб., 1908. № 2. С. 171–185.
- 151 *Мартенс Ф. [Ф.]* Собрание трактатов и конвенций... Т. 11. С. 240–241.
- 152 Официальное предписание о заключении Бонапарта на острове Св. Елены // *СО*. 1815. № 36. С. 152–156.
- 153 Предводитель партизанов. Рассказ Эмиля Марка де Сент-Илера // *ВЖ*. 1846. № 4. С. 144–145; *Михайловский-Данилевский А. [И.]* Воспоминания. Из записок 1815 года. С. 31–32; *Богданович [М.] [И.]* История царствования императора Александра I... Т. 5. С. 62.
- 154 *Palmer A.* Op. cit. P. 146.
- 155 Вторичное отречение Наполеона и белый террор // *РС*. 1906. Т. 127. Вып. 8. С. 473–476.
- 156 *Данилевский А. М.* О вторичном вшествии россиян в Париж // *СО*. 1817. № 4. С. 166.
- 157 *Татищев С. С.* Император Николай и иностранные дворы... С. 132; *Дебидур А.* Указ. соч. Т. 1. С. 84.
- 158 *Богданович [М.] [И.]* История царствования императора Александра I... Т. 5. С. 88.
- 159 *Михайловский-Данилевский А. [И.]* Воспоминания. Из записок 1815 года. С. 44–45.
- 160 *Данилевский А. М.* О вторичном вшествии россиян в Париж // *СО*. 1817. № 4. С. 167.
- 161 *Пыпин А. Н.* Г-жа Крюденер // *ВЕ*. 1869. № 9. С. 207–211.
- 162 *Татищев С. С.* Император Николай и иностранные дворы... С. 133.
- 163 *Мартенс Ф. [Ф.]* Собрание трактатов и конвенций... Т. 14. С. 303.

- ¹⁶⁴ Там же. С. 290–302, 305–327.
- ¹⁶⁵ *Мартенс Ф. [Ф.]* Собрание трактатов и конвенций... СПб., 1878. Т. 4. Трактаты с Австрией 1815–1849. С. 18–26.
- ¹⁶⁶ *Б-в Б.* Очерк пребывания русских войск во Франции с 1815 по 1818 год // ВС. 1901. № 6. С. 41, 49–50.
- ¹⁶⁷ Достопамятные европейские происшествия. Речь Людовика XVIII при новом собрании новой Камеры депутатов, или народным поверенным // Ру В. 1816. № 11. С. 19.
- ¹⁶⁸ *Бриммер Э. В.* Служба артиллерийского офицера, воспитывавшегося в 1-м кадетском корпусе и выпущенного в 1815 году // КС. Тифлис, 1894. Т. 15. С. 72.
- ¹⁶⁹ *Б-в Б.* Очерк пребывания... // ВС. 1901. № 6. С. 60.
- ¹⁷⁰ *Татищев С. С.* Император Николай и иностранные дворы... С. 134; *Le Duc de Richelieu à S. M. I. l'Empereur de Russie.* Avril 1816 // Сборник РИО. СПб., 1886. Т. 54. С. 476.

Священный союз и его последствия. Противоречия политики Александра I

- ¹ Иностранные известия. Нравственное обозрение областей европейских // Ру В. 1817. № 11–12. С. 51.
- ² *Ячменихин К. М.* Армия и реформы: военные поселения в политике российского самодержавия. Чернигов, 2006. С. 36–37.
- ³ Управление генерал-интенданта Канкринина... С. 12.
- ⁴ Что стоила война с французами 1812, 1813 и 1814 годов (взято из подлинного отчета Государю Императору главнокомандующего графа Барклая де Толли от 24 марта 1815 года, в Варшаве) // Ру А. М., 1874. Вып. 9. С. 735.
- ⁵ *Блиох И. С.* Указ. соч. Т. 1. С. 135–136.
- ⁶ Там же. С. 135.
- ⁷ *Корнилов А. А.* Указ. соч. С. 110.
- ⁸ *Мартенс Ф. [Ф.]* Собрание трактатов и конвенций... Т. 4. С. 5.
- ⁹ *Грелле де Мобелье Ст.* Указ. соч. // РС. 1874. Т. 9. Вып. 1. С. 19.
- ¹⁰ *Мартенс Ф. [Ф.]* Собрание трактатов и конвенций... Т. 4. С. 5.
- ¹¹ *Татищев С. С.* Внешняя политика императора Николая I. Введение в историю внешних сношений России в эпоху Севастопольской войны. СПб., 1887. С. 7.
- ¹² *Надлер В. К.* Император Александр I и идея Священного Союза. Т. 5. С. 639.
- ¹³ *Мартенс Ф. [Ф.]* Собрание трактатов и конвенций... Т. 4. С. 6.
- ¹⁴ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1972. Сер. 1. 1801–1815. Т. 8. С. 519.
- ¹⁵ *Мартенс Ф. [Ф.]* Собрание трактатов и конвенций... Т. 11. С. 249.
- ¹⁶ *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый... Т. 3. С. 436.
- ¹⁷ *Gooch G. P., Masterman J. H. B.* A century of British foreign policy. L., 1917. P. 3.

- ¹⁸ Ibid. P. 4.
- ¹⁹ ПСЗ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 33. 1815–1816. № 25842. С. 117–119.
- ²⁰ Там же. С. 118.
- ²¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1972. Сер. 1. 1801–1815. Т. 8. С. 347.
- ²² Император Александр Павлович и князь Адам Чарторыжский // Ру А. М., 1871. Вып. 4–5. Ст. 871.
- ²³ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 5. С. 111–112.
- ²⁴ Император Александр Павлович и князь Адам Чарторыжский // Ру А. М., 1871. Вып. 4–5. Ст. 874.
- ²⁵ Цветаев Д. Новосильцев о конституции царства Польского // Ру В. 1904. Т. 294. № 12. С. 538.
- ²⁶ Б-ов И. Н. Из истории польских повстаний // Ру В. 1892. Т. 222. № 10. С. 209.
- ²⁷ Россия и Польша в 1814–1831 гг. Костюшко. Александр I. Цесаревич Константин. Николай I // РС. 1882. Т. 34. Вып. 4. С. 246–247; Рябинин И. С. Тадеуш Косцюшко // ГМ. 1915. № 6. С. 56.
- ²⁸ Статья из Варшавы // Вест. Е. М., 1815. № 21. С. 130–139.
- ²⁹ Письма Алексея Петровича Ермолова к Арсению Андреевичу (впоследствии графу) Закревскому. 14-го ноября 1815 г. Варшава // Сборник РИО. СПб., 1890. Т. 73. С. 191.
- ³⁰ Царство Польское накануне Конституции 1815 года // РС. 1907. Т. 130. Вып. 5. С. 299.
- ³¹ Шильдер Н. К. Император Александр Первый... Т. 3. С. 354–356.
- ³² Смит Ф. Указ. соч. Ч. 1. С. 17.
- ³³ Конституционная хартия 1815 года и некоторые другие акты бывшего Царства Польского. СПб., 1907. С. 41–42; 46.
- ³⁴ Мироненко С. В. Указ. соч. С. 151.
- ³⁵ Р. J. Биографическое известие о князе Иосифе Зайончеке // Вест. Е. М., 1818. № 12. С. 315.
- ³⁶ Майков П. Царство Польское после Венского конгресса // РС. 1902. Т. 112. Вып. 10. С. 193.
- ³⁷ Воззвание к полякам от наместника Польского Царства, воеводы и генерала Зайончека // Вест. Е. М., 1816. № 1. С. 64.
- ³⁸ Смит Ф. Указ. соч. Ч. 1. С. 19–20.
- ³⁹ Корнилов А. А. Указ. соч. С. 100–101.
- ⁴⁰ Пузыревский [А.] [К.] Польско-русская война 1831 г. СПб., 1890. Т. 1. С. 9–11.
- ⁴¹ Карнович Е. П. Указ. соч. // РС. 1877. Т. 19. Вып. 8. С. 556.
- ⁴² Польша в 1814–1831 гг. (Из воспоминаний генерала Клементия Колачковского) // РС. 1902. Т. 109. Вып. 3. С. 624.

- ⁴³ Шильдер Н. К. Собственноручная записка императрицы Екатерины II о греческом проекте // РС. 1892. Т. 76. Вып. 10. С. 2.
- ⁴⁴ Записки Николая Викторовича Веригина // РС. 1892. Т. 76. Вып. 11. С. 299.
- ⁴⁵ Карнович Е. П. Указ. соч. // РС. 1877. Т. 20. Вып. 9. С. 87–88.
- ⁴⁶ Польша в 1814–1831 гг. (Из воспоминаний генерала Клементия Колачковского) // РС. 1902. Т. 109. Вып. 3. С. 630.
- ⁴⁷ Уманец Ф. М. Указ. соч. // ИВ. 1883. № 10. С. 42; Записки Николая Викторовича Веригина // РС. 1892. Т. 76. Вып. 11. С. 310–313.
- ⁴⁸ Россия и Польша в 1814–1831 гг. Костюшко. Александр I. Цесаревич Константин. Николай I // РС. 1882. Т. 34. Вып. 4. С. 250–253.
- ⁴⁹ Карцов П. О военных поселениях при графе Аракчееве // Ру В. 1890. Т. 206. № 2. С. 143.
- ⁵⁰ Ячменихин К. М. Указ. соч. С. 38–39, 42–43.
- ⁵¹ Из записок сенатора А. Я. Стороженка // К. Ст. 1884. № 11. С. 449–450.
- ⁵² ПСЗ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 33. 1815–1816. № 26059. С. 424–429.
- ⁵³ Там же. С. 424.
- ⁵⁴ Там же. С. 426.
- ⁵⁵ Там же. С. 428.
- ⁵⁶ Там же. С. 429.
- ⁵⁷ Шильдер Н. К. Император Александр Первый... СПб., 1905. Т. 4. С. 2.
- ⁵⁸ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1974. Сер. 2. 1815–1830. Т. 1 (9). Ноябрь 1815 — сентябрь 1817 г. С. 112.
- ⁵⁹ Там же. С. 116.
- ⁶⁰ Де Местр Ж. Указ. соч. С. 282.
- ⁶¹ Заблоцкий-Десятовский А. П. Граф П. Д. Киселев и его время. Материалы для истории императоров Александра I, Николая I и Александра II. СПб., 1882. Т. 1. С. 34.
- ⁶² Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1974. Сер. 2. 1815–1830. Т. 1 (9). С. 112.
- ⁶³ Ячменихин К. М. Указ. соч. С. 44.
- ⁶⁴ Шильдер Н. К. Император Александр Первый... Т. 4. С. 26.
- ⁶⁵ Можайский И. П. Времена военных поселений (Из рассказов бывшего военного поселенца) // ИВ. 1886. № 8. С. 353–355.
- ⁶⁶ Щебальский П. К. Военные поселения и граф Аракчеев // Ру В. 1871. Т. 95. № 10. С. 488, 518.
- ⁶⁷ Ячменихин К. М. Указ. соч. С. 64–65, 358.
- ⁶⁸ Карцов П. О военных поселениях при графе Аракчееве // Ру В. 1890. Т. 207. № 3. С. 112.
- ⁶⁹ Шильдер Н. К. Император Александр Первый... Т. 4. С. 8.
- ⁷⁰ Письма императора Александра I и других особ царственного дома к Ф. Ц. Лагарпу. СПб., 1870. С. 44.
- ⁷¹ Шильдер Н. К. Император Александр Первый... Т. 4. С. 8.
- ⁷² Там же.

- ⁷³ *Мартенс Ф. [Ф.]* Собрание трактатов и конвенций... Т. 4. С. 41–45.
- ⁷⁴ *Внешняя политика России XIX и начала XX века...* М., 1974. Сер. 2. 1815–1830. Т. 1 (9). С. 469–470.
- ⁷⁵ *Le Duc de Richelieu au comte Gouriev.* Paris, le 2 (14) octobre 1815 // Сборник РИО. СПб., 1886. Т. 54. С. 442.
- ⁷⁶ *Мартенс Ф. [Ф.]* Собрание трактатов и конвенций... Т. 14. С. 373.
- ⁷⁷ *Соловьев С. М.* Император Александр Первый... С. 401–402.
- ⁷⁸ Император Александр I. Портрет, писанный Меттернихом в 1829 году // ИВ. 1880. № 1. С. 171.
- ⁷⁹ *Внешняя политика России XIX и начала XX века...* М., 1976. Сер. 2. 1815–1830. Т. 2 (10). Октябрь 1817 — апрель 1819 г. С. 427.
- ⁸⁰ Там же. С. 428.
- ⁸¹ *Мартенс Ф. [Ф.]* Собрание трактатов и конвенций... Т. 7. С. 302–306.
- ⁸² Там же. С. 311–314.
- ⁸³ Там же. С. 314–321.
- ⁸⁴ *Военский К.* Император Николай и Польша в 1830 году. Материалы для истории польского восстания 1830–1831 гг. Перевод с рукописи Фаддея Вылежинского. СПб., 1905. С. 102.
- ⁸⁵ Речь, произнесенная государем императором Александром I при открытии сейма Царства Польского, 15 марта 1818 г. // РС. 1873. Т. 7. Вып. 5. С. 613.
- ⁸⁶ *Внешняя политика России XIX и начала XX века...* М., 1976. Сер. 2. 1815–1830. Т. 2 (10). С. 274.
- ⁸⁷ *Богданович [М.] [И.]* История царствования императора Александра I... Т. 5. С. 376.
- ⁸⁸ *Пржецлавский О. А.* Станислав Сестренцевич Богуш // РС. 1890. Т. 66. Вып. 4. С. 162–164.
- ⁸⁹ *Майков П.* Царство Польское после Венского конгресса // РС. 1903. Т. 113. Вып. 3. С. 431.
- ⁹⁰ *Богданович [М.] [И.]* История царствования императора Александра I... Т. 5. С. 376.
- ⁹¹ Мемуары графини Потоцкой // ИВ. 1897. № 7. С. 219.
- ⁹² *Тимошук В.* Великий князь Николай Михайлович. Донесения австрийского посланника при русском дворе Лебцельтерна. Император Александр I в Варшаве в 1818 г. // РС. 1914. Т. 157. Вып. 1. С. 86.
- ⁹³ Там же. С. 87.
- ⁹⁴ *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый... Т. 4. С. 91–96.
- ⁹⁵ Из бумаг Н. М. Карамзина. Мнение русского гражданина // Старина и новизна. Исторический сборник, издаваемый при обществе ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. СПб., 1898. Кн. 2. С. 15.
- ⁹⁶ *Богданович [М.] [И.]* История царствования императора Александра I... Т. 5. Приложения к главе LXV. Письмо Николая Михайловича Карамзина к императору Александру I после разговора с ним о Польше в 1819 году. С. 83.

- ⁹⁷ Государственная Уставная Грамота Российской империи // Ру А. М., 1905. Вып. 9. С. 104, 116–121.
- ⁹⁸ *Покровский В. И.* Рассказы из истории последнего пятидесятилетия // ОЗ. 1868. № 6. Кн. 1. С. 238–239.
- ⁹⁹ *Богданович [М.] [И.]* История царствования императора Александра I... Т. 5. С. 409.
- ¹⁰⁰ *Соловьев С. М.* Император Александр Первый... С. 410.
- ¹⁰¹ *Надлер В. К.* Меттерних и европейская реакция. Харьков, 1882. С. 15.
- ¹⁰² *Соловьев С. М.* Император Александр Первый... С. 410.
- ¹⁰³ Г. Взгляд на 1817 год // СО. 1818. № 1. С. 41.
- ¹⁰⁴ *Надлер В. К.* Меттерних и европейская реакция. С. 17–18.
- ¹⁰⁵ *Соловьев С. М.* Эпоха конгрессов // ВЕ. 1867. № 1. С. 347–348.
- ¹⁰⁶ *Чебышев А. А.* Драма в Мангейме (К биографии Коцебу) // ГМ. 1913. № 2. С. 48, 65.
- ¹⁰⁷ Г. Взгляд на 1817 год // СО. 1818. № 1. С. 41.
- ¹⁰⁸ *Надлер В. К.* Меттерних и европейская реакция. С. 21.
- ¹⁰⁹ *Palmer A.* Op. cit. P. 170.
- ¹¹⁰ *Надлер В. К.* Меттерних и европейская реакция. С. 22.
- ¹¹¹ Достопамятный год жизни Августа Коцебу, или Заключение его в Сибирь и возвращение его оттуда, описанные им самим. М., 1816. С. 4–5, 11.
- ¹¹² *Соловьев С. М.* Император Александр Первый... С. 410.
- ¹¹³ *Чебышев А. А.* Указ. соч. // ГМ. 1913. № 2. С. 73.
- ¹¹⁴ *Покровский В. И.* Указ. соч. // ОЗ. 1868. № 6. Кн. 1. С. 243.
- ¹¹⁵ *Соловьев С. М.* Эпоха конгрессов // ВЕ. 1867. № 1. С. 348.
- ¹¹⁶ *Чебышев А. А.* Указ. соч. // ГМ. 1913. № 2. С. 79.
- ¹¹⁷ *Надлер В. К.* Меттерних и европейская реакция. С. 28.
- ¹¹⁸ *Покровский В. И.* Указ. соч. // ОЗ. 1868. № 6. Кн. 1. С. 243.
- ¹¹⁹ *Соловьев С. М.* Император Александр Первый... С. 415.
- ¹²⁰ *Феоктистов Е. М.* Магницкий. Материалы для истории просвещения в России // Ру В. 1864. Т. 51. № 6. С. 465–466, 490, 497; *Пыпин А. Н.* Российское библейское общество // ВЕ. 1868. № 11. С. 229–230.
- ¹²¹ *Лажечников И. И.* Как я знал М. Л. Магницкого // Ру В. 1866. Т. 61. № 1. С. 139.
- ¹²² *Шильдер Н. К.* Из воспоминаний Михайловского-Данилевского // Ру В. 1890. Т. 210. № 9. С. 169.
- ¹²³ *Пятковский А.* Цензурный проект Магницкого (Из истории цензуры в России) // ОЗ. 1869. № 10. С. 481–482.
- ¹²⁴ *Лажечников И. И.* Как я знал М. Л. Магницкого // Ру В. 1866. Т. 61. № 1. С. 137.
- ¹²⁵ *Покровский В. И.* Указ. соч. // ОЗ. 1868. № 6. Кн. 1. С. 243.
- ¹²⁶ *Богданович [М.] [И.]* История царствования императора Александра I... Т. 5. С. 418–422.
- ¹²⁷ *Palmer A.* Op. cit. P. 185.
- ¹²⁸ *Мартенс Ф. [Ф.]* Собрание трактатов и конвенций... Т. 4. С. 267.

- ¹²⁹ *Шугуров М. Ф.* Черты русской политики в 1819 году // Ру А. М., 1867. Вып. 5–6. С. 863–864.
- ¹³⁰ *Соловьев С. М.* Император Александр Первый... С. 415.
- ¹³¹ *Шугуров М. Ф.* Указ. соч. // Ру А. М., 1867. Вып. 5–6. С. 865–866.
- ¹³² *Мартенс Ф. [Ф.]* Собрание трактатов и конвенций... Т. 4. С. 270.
- ¹³³ *Шугуров М. Ф.* Указ. соч. // Ру А. М., 1867. Вып. 5–6. Ст. 898.
- ¹³⁴ *Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1979. Сер. 2. 1815–1830. Т. 3 (11). Май 1819 — февраль 1821 г. С. 255.*
- ¹³⁵ *Мироненко С. В.* Указ. соч. С. 173, 175, 184–185; *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый... Т. 4. Приложения. Государственная уставная грамота Российской империи. С. 499–526.
- ¹³⁶ *Tucker G.* Down like Thunder. The Barbary wars and the birth of the US Navy. Indianapolis, 1963. P. 43.
- ¹³⁷ Life of the late gen. William Eaton; several years an officer in the United States' army, consul at the regency of Tunis on the coast of Barbary, and commander of the Christian and other forces that marched from Egypt through the desert of Barca in 1805 and conquered the city of Derne which led to the treaty of peace between the United States and regency in Tripoly. Principally collected from his correspondence and other manuscripts. Brookfield, 1813. P. 184.
- ¹³⁸ Известия о предприятии эскадры Соединенных Северо-Американских областей против варварийцев с описанием сих земель // СО. 1816. № 35. С. 107–108.
- ¹³⁹ *Tucker G.* Op. cit. P. 100–101.
- ¹⁴⁰ Ibid. P. 151–170.
- ¹⁴¹ *Daly J. C. K.* Russian seapower and «the Eastern Question» 1827–1841. Naval Institute Press, Annapolis, Maryland, 1991. P. 60.
- ¹⁴² Известия о предприятии эскадры Соединенных Северо-Американских областей против варварийцев с описанием сих земель // СО. 1816. № 35. С. 108–112; 1816. № 36. С. 153–159; Экспедиция французов против Алжира в 1830 году // ВЖ. 1830. № 4. С. 96; *Tucker G.* Op. cit. P. 447–465.
- ¹⁴³ Известия о предприятии эскадры Соединенных Северо-Американских областей против варварийцев с описанием сих земель // СО. 1816. № 34. С. 59.
- ¹⁴⁴ Экспедиция французов против Алжира в 1830 году // ВЖ. 1830. № 4. С. 97, 99, 111–112.
- ¹⁴⁵ Послание Президента Соединенных Северо-Американских областей // Вест. Е. М., 1817. № 1. С. 140–141.
- ¹⁴⁶ Взгляд на Варварийские области // Вест. Е. М., 1816. № 20. С. 298–306.
- ¹⁴⁷ Морские разбойники // СО. 1817. № 47. С. 81.
- ¹⁴⁸ Император Александр I Бонапарту, Петербург, 10/22 апреля 1803 // Сборник РИО. СПб., 1891. Т. 77. С. 101.
- ¹⁴⁹ *Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1974. Сер. 2. 1815–1830. Т. 1 (9). С. 629–630.*

- ¹⁵⁰ Там же. М., 1976. Сер. 2. 1815–1830. Т. 2 (10). С. 784.
- ¹⁵¹ Отрывок из походных записок в Испанию флота лейтенанта Владимира Романова // ОЗ. 1820. Ч. 3–4. С. 32; 40–41.
- ¹⁵² Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1979. Сер. 2. 1815–1830. Т. 3 (11). С. 121.
- ¹⁵³ Роспись доходам и расходам на 1818 год // Сборник РИО. СПб., 1885. Т. 45. С. 270–271.
- ¹⁵⁴ Роспись доходам и расходам 1819 год // Сборник РИО. СПб., 1885. Т. 45. С. 280–281.
- ¹⁵⁵ Роспись доходам и расходам на 1820 год // Сборник РИО. СПб., 1885. Т. 45. С. 290–291.
- ¹⁵⁶ Роспись доходам и расходам на 1821 год // Сборник РИО. СПб., 1885. Т. 45. С. 300–301.
- ¹⁵⁷ Lynch J. The Spanish American revolutions 1808–1826. L., 1973. P. 19, 35, 137.
- ¹⁵⁸ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1976. Сер. 2. 1815–1830. Т. 2 (10). С. 35.
- ¹⁵⁹ Там же.
- ¹⁶⁰ Vew J. Op. cit. P. 455–456.
- ¹⁶¹ Записка графа Иоанна Каподистрия о его служебной деятельности // Сборник РИО. СПб., 1868. Т. 3. С. 221.
- ¹⁶² Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1976. Сер. 2. 1815–1830. Т. 2 (10). С. 67.
- ¹⁶³ Там же. С. 83.
- ¹⁶⁴ Там же. С. 91.
- ¹⁶⁵ Там же. С. 182.
- ¹⁶⁶ Там же. С. 528–531.
- ¹⁶⁷ Там же. С. 609.
- ¹⁶⁸ Там же. С. 609–610.
- ¹⁶⁹ Надлер В. К. Меттерних и европейская реакция. С. 56.
- ¹⁷⁰ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 5. С. 276–277.
- ¹⁷¹ Белозерская Н. А. Записки Ван-Галена // ИВ. 1884. № 5. С. 403–404.
- ¹⁷² Покровский В. И. Указ. соч. // ОЗ. 1868. № 7. Кн. 1. С. 96.
- ¹⁷³ Надлер В. К. Меттерних и европейская реакция. С. 58–59.
- ¹⁷⁴ Там же. С. 60.
- ¹⁷⁵ Соловьев С. М. Эпоха конгрессов // ВЕ. 1867. № 2. С. 304–305.
- ¹⁷⁶ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1979. Сер. 2. 1815–1830. Т. 3 (11). С. 303.
- ¹⁷⁷ Там же. С. 304.
- ¹⁷⁸ Там же. С. 304–305.

- 179 *Соловьев С. М.* Эпоха конгрессов // ВЕ. 1867. № 2. С. 306.
- 180 *Надлер В. К.* Меттерних и европейская реакция. С. 61–63.
- 181 Подробное известие об умерщвлении герцога Беррийского // Прибавление к 8 книжке Сына Отечества. 1820. № 1. С. 1–8; Последние часы Дюка Беррийского // Вест. Е. М., 1820. № 10. С. 123–125.
- 182 *Покровский В. И.* Указ. соч. // ОЗ. 1868. № 6. Кн. 1. С. 252–253.
- 183 *Надлер В. К.* Меттерних и европейская реакция. С. 67.
- 184 *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый... Т. 4. С. 183–184.
- 185 Мемуары князя Адама Чарторьжского... Т. 1. С. 77.
- 186 История внешней политики России. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). С. 160–162.
- 187 Записка императора Александра I, данная гр. П. А. Шувалову при отправлении его во Францию в 1820 году // РС. 1871. Т. 4. Вып. 7. С. 84.
- 188 *Дебидур А.* Указ. соч. Т. 1. С. 439.
- 189 *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый... Т. 4. С. 180.
- 190 О Конституции Польского царства // Вест. Е. М., 1816. № 21. С. 145.
- 191 *Майков П.* Царство Польское после Венского конгресса // РС. 1903. Т. 115. Вып. 7. С. 5.
- 192 Там же. С. 6.
- 193 *Богданович [М.] [И.]* История царствования императора Александра I... М., 1871. Т. 6. С. 167–173.
- 194 Там же. С. 151.
- 195 *Майков П.* Царство Польское после Венского конгресса // РС. 1903. Т. 115. Вып. 7. С. 7.
- 196 Там же. С. 10.
- 197 Там же. С. 11.
- 198 *Корнилов А. А.* Указ. соч. С. 124.
- 199 *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый... Т. 4. С. 179.
- 200 *Майков П.* Царство Польское после Венского конгресса // РС. 1903. Т. 115. Вып. 7. С. 16.
- 201 Россия и Польша в 1814–1831 гг. Костюшко. Александр I. Цесаревич Константин. Николай I // РС. 1882. Т. 34. Вып. 4. С. 253–254.
- 202 *Цветаев Д.* Новосильцев о конституции царства Польского // Ру В. 1904. Т. 294. № 12. С. 539.
- 203 *Майков П.* Царство Польское после Венского конгресса // РС. 1903. Т. 115. Вып. 7. С. 16.
- 204 *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый... Т. 4. С. 331–332; *Богданович [М.] [И.]* История царствования императора Александра I... Т. 6. С. 188–192.
- 205 Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1979. Сер. 2. 1815–1830. Т. 3 (11). С. 560.

- ²⁰⁶ Там же.
- ²⁰⁷ Там же. С. 561.
- ²⁰⁸ Там же. С. 566.
- ²⁰⁹ *Богданович [М.] [И.]* История царствования императора Александра I... Т. 5. С. 489–491; *Записки барона Андрея Евгеньевича Розена* // ОЗ. 1876. № 2. С. 468; *Карцов П. П.* Событие в лейб-гвардии Семеновском полку в 1820 г. // РС. 1883. Т. 37. Вып. 3. С. 686–696; *Карцов П. П.* Лейб-гвадии Семеновский полк в царствование императоров Павла и Александра I // РС. 1883. Т. 38. Вып. 5. С. 326–328; *Соколовский М.* После грома побед (Русская гвардия в 1815–1834 годах) // Ру А. М., 1906. Вып. 12. С. 549–560; *Он же.* Русская гвардия после Наполеона (1815–1834 гг.) // *Офицерская жизнь.* Варшава. 20 января (2 февраля) 1907 г. № 53. С. 37; Из записок декабриста М. И. Муравьева-Апостола // ГМ. 1914. № 1. С. 133–137.
- ²¹⁰ Из истории лейб-гвардии Семеновского полка. Записки В. П. Рачинского о возмущении 1820 года // Ру А. М., 1902. Вып. 11. С. 414; 417–419.
- ²¹¹ Записки Филиппа Филипповича Вигеля. М., 1892. Ч. 6. С. 16.
- ²¹² Семеновская история 1820 года. Новое подлинное свидетельство // Ру А. М., 1870. Вып. 10. С. 1784–1812; Бумаги покойного председателя Государственного совета князя Иллариона Васильевича Васильчикова // Ру А. М., 1875. Вып. 6. С. 127–128; Из истории лейб-гвардии Семеновского полка. Записки В. П. Рачинского о возмущении 1820 года // Ру А. М., 1902. Вып. 11. С. 420–422; Записки полковника Вадковского. 1820–1822 // РС. 1873. Т. 7. Вып. 5. С. 637–647; *Карцов П. П.* Событие... // РС. 1883. Т. 37. Вып. 3. С. 696–702; Т. 38. Вып. 4. С. 61–72, 77–78; *Лапин В. В.* Семеновская история. Л., 1991. С. 111–124.
- ²¹³ Бумаги покойного председателя Государственного совета князя Иллариона Васильевича Васильчикова // Ру А. М., 1875. Вып. 3. С. 347.
- ²¹⁴ *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый... Т. 4. С. 184.
- ²¹⁵ Бумаги покойного председателя Государственного совета князя Иллариона Васильевича Васильчикова // Ру А. М., 1875. Вып. 3. С. 353–354.
- ²¹⁶ Там же. Вып. 6. С. 136–140.
- ²¹⁷ *Бибииков Г. Н.* А. Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М., 2009. С. 103–104.
- ²¹⁸ *Карцов П. П.* Событие... // РС. 1883. Т. 38. Вып. 4. С. 72–74.
- ²¹⁹ Письма князя Петра Михайловича Волконского к Арсению Андреевичу (впоследствии графу) Закревскому. 8 ноября 1820 г. Троппау // *Сборник РИО.* СПб., 1890. Т. 73. С. 24.
- ²²⁰ *Богданович [М.] [И.]* История царствования императора Александра I... Т. 5. С. 518.
- ²²¹ *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый... Т. 4. С. 185.
- ²²² Письма императора Александра Павловича к графу Аракчееву // РС. 1870. Т. 1. Вып. 1. С. 480; *Богданович [М.] [И.]* История царствования императора Александра I... Т. 5. С. 512.

- 223 Александр I и Николай I... // РС. 1885. Т. 45. Вып. 1. С. 200.
- 224 Александр I. Портрет, писанный Меттернихом в 1829 году // ИВ. 1880. № 1. С. 169.
- 225 Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций... Т. 4. С. 282.
- 226 Там же. С. 283.
- 227 Письма императора Александра I к генералу Васильчикову // Си Н. СПб., 1913. Кн. 16. С. 30.
- 228 Гродовский А. Д. Система Меттерниха // ВЕ. 1884. № 1. С. 141.
- 229 Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций... Т. 4. С. 284–285.
- 230 Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1979. Сер. 2. 1815–1830. Т. 3 (11). С. 602.
- 231 Там же. С. 647.
- 232 Дела неаполитанские // Вест. Е. М., 1820. № 21. С. 53–57.
- 233 Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 6. С. 1–4.
- 234 Гродовский А. Д. Указ. соч. // ВЕ. 1884. № 1. С. 136.
- 235 Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1980. Сер. 2. 1815–1830. Т. 4 (12). Март 1821 — декабрь 1822 г. С. 16.
- 236 Италия в военно-статистическом отношении // ВЖ. 1837. № 6. С. 146.
- 237 Надлер В. К. Меттерних и европейская реакция. С. 68.
- 238 Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 6. С. 10–12.
- 239 Обзорение 1821 года // СО. 1822. № 13. С. 243.
- 240 Письма князя Петра Михайловича Волконского к Арсению Андреевичу (впоследствии графу) Закревскому. 30 января 1821 г. Лайбах // Сборник РИО. СПб., 1890. Т. 73. С. 43.
- 241 Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 6. С. 6–7, 12.
- 242 Там же. С. 12–14.
- 243 Соловьев С. М. Эпоха конгрессов // ВЕ. 1867. № 2. С. 337.
- 244 Письма князя Петра Михайловича Волконского к Арсению Андреевичу (впоследствии графу) Закревскому. 3 марта 1821 г. Лайбах // Сборник РИО. СПб., 1890. Т. 73. С. 54–55.
- 245 Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 6. С. 15–17.
- 246 Надлер В. К. Меттерних и европейская реакция. С. 87.

Греческое восстание 1821 года и его влияние на внешнюю политику Александра I. Тулик

- ¹ Mango C. The phanariots and the Byzantine tradition // The struggle for Greek independence. Essays to mark 150-th anniversary of the Greek war of independence. L., 1973. P. 44–45.
- ² Jelavich B. History of the Balkans... Vol. 1. P. 103; Палаузов С. Н. Указ. соч. С. 181.

- ³ Арш Г. Л. Материалы к истории русско-греческих связей начала XIX в. // Балканские исследования. М., 1982. Вып. 8. Балканские народы и европейские правительства в XVII — начале XX века. С. 56, 67.
- ⁴ Арш Г. Л. Этеристское движение в России... С. 167–168.
- ⁵ Francos G. D. The Philiki Etaria. A premature national coalition // The struggle for Greek independence. Essays to mark 150-th anniversary of the Greek war of independence. L., 1973. P. 94.
- ⁶ Dakin D. The Greek struggle for independence. University of California Press, 1973. P. 44.
- ⁷ Francos G. D. Op. cit. // The struggle for Greek independence. Essays to mark 150-th anniversary of the Greek war of independence. L., 1973. P. 88.
- ⁸ Палеолог Г. [Н.], Сивинис М. [С.] Исторический очерк народной войны за независимость Греции и восстановления королевства при вмешательстве великих держав России, Англии и Франции. СПб., 1867. Т. 1. С. 10–11.
- ⁹ Dakin D. Op. cit. P. 46.
- ¹⁰ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 6. С. 19.
- ¹¹ Теплов В. А. Граф Иоанн Каподистрия, президент Греции // ИВ. 1893. № 8. С. 328.
- ¹² Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1979. Сер. 2. 1815–1830. Т. 3 (11). С. 220.
- ¹³ Замечания о Греции // Вест. Е. М., 1821. № 11. С. 233.
- ¹⁴ Морозов П. О. Указ. соч. // Исторические материалы из архива Министерства государственных имуществ. СПб., 1891. Вып. 1. С. 132.
- ¹⁵ Попов Н. А. Россия и Сербия... Ч. 1. С. 194.
- ¹⁶ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1972. Сер. 1. 1801–1815. Т. 8. С. 157.
- ¹⁷ Там же. С. 199–200.
- ¹⁸ Там же. С. 197.
- ¹⁹ Glenny M. The Balkans 1804–1999. Nationalism, war and the Great Powers. L., 1999. P. 18–19.
- ²⁰ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1974. Сер. 2. 1815–1830. Т. 1 (9). С. 10.
- ²¹ Там же. С. 11–13.
- ²² Jelavich B. History of the Balkans... Vol. 1. P. 203.
- ²³ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1974. Сер. 2. 1815–1830. Т. 1 (9). С. 174.
- ²⁴ Там же. С. 176.
- ²⁵ Там же. С. 211.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же. С. 430.
- ²⁸ Там же. С. 430–432.
- ²⁹ Там же. С. 491–492.

- ³⁰ Там же. С. 677.
- ³¹ Георгий Петрович Черный, предводитель сербов // Вест. Е. М., 1808. № 2. С. 165.
- ³² Морозов П. О. Указ. соч. // Исторические материалы из архива Министерства государственных имуществ. СПб., 1891. Вып. 1. С. 128.
- ³³ Вуич Э. О выходе венгерских сербов в Россию // ИВ. 1916. № 9. С. 731.
- ³⁴ Сведения из Хотина о Георгии Петровиче Черном, знаменитом Верховном вожде сербского народа // ОЗ. 1818. Ч. 1. С. 46.
- ³⁵ Морозов П. О. Указ. соч. // Исторические материалы из архива Министерства государственных имуществ. СПб., 1891. Вып. 1. С. 128–130.
- ³⁶ Жизнеописание Сербского вождя Черного Георгия // ВЖ. 1843. № 4. С. 100–102.
- ³⁷ Морозов П. О. Указ. соч. // Исторические материалы из архива Министерства государственных имуществ. СПб., 1891. Вып. 1. С. 132.
- ³⁸ Попов Н. [А.] Переписка барона Гр. А. Строганова с Милошем Обреновичем в 1817–1826 годах. М., 1866. С. 10.
- ³⁹ Там же. С. 8.
- ⁴⁰ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1976. Сер. 2. 1815–1830. Т. 2 (10). С. 138, 142.
- ⁴¹ Там же. С. 231–232.
- ⁴² Там же. С. 271.
- ⁴³ Там же. С. 272.
- ⁴⁴ Dakin D. Op. cit. P. 42–43.
- ⁴⁵ Сборник биографий кавалергардов 1724–1899 / Под ред. С. Панчулидзева. СПб., 1906. Т. 3. 1801–1826. С. 195–196; Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 6. С. 21–22.
- ⁴⁶ Записка графа Иоанна Каподистрия о его служебной деятельности // Сборник РИО. СПб., 1868. Т. 3. С. 228.
- ⁴⁷ Иовва И. Ф. Бессарабия и греческое национально-освободительное движение. Кишинев, 1974. С. 79.
- ⁴⁸ Семенова Л. Е. Восстание 1821 г. в Валахии и Россия // Международные отношения на Балканах. М., 1974. С. 62–64.
- ⁴⁹ Палаузов С. Н. Указ. соч. С. 168, 177.
- ⁵⁰ Иовва И. Ф. Указ. соч. С. 84.
- ⁵¹ Палаузов С. Н. Указ. соч. С. 175.
- ⁵² Ильинский В. Русские у берегов Эпира // РС. 1915. Т. 161. Вып. 2. С. 259–260, 263.
- ⁵³ Палаузов С. Н. Указ. соч. С. 175.
- ⁵⁴ Воззвание к грекам князя Ипсиланти // Ру А. М., 1868. Вып. 2. Ст. 295.
- ⁵⁵ Письма Павла Дмитриевича (впоследствии графа) Киселева к Арсению Андреевичу (впоследствии графу) Заревскому. 14-го марта 1821 г. Тульчин // Сборник РИО. СПб., 1891. Т. 78. С. 63–64; Арш Г. Л. Этеристское движение в России... С. 301.
- ⁵⁶ Палаузов С. Н. Указ. соч. С. 176.

- ⁵⁷ Новости политические. Молдавия // СО. 1821. № 15. С. 49.
- ⁵⁸ Стурдза А. С. Указ. соч. С. 109.
- ⁵⁹ Сборник биографий кавалергардов 1724–1899. Т. 3. С. 198.
- ⁶⁰ Записка графа Иоанна Каподистрия о его служебной деятельности // Сборник РИО. СПб., 1868. Т. 3. С. 256.
- ⁶¹ Шильдер Н. К. Император Александр Первый... Т. 4. С. 198.
- ⁶² Соловьев С. М. Император Александр Первый... С. 488.
- ⁶³ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1980. Сер. 2. 1815–1830. Т. 4 (12). С. 39.
- ⁶⁴ Зabloцкий-Десятовский А. П. Указ. соч. Т. 1. С. 81–82.
- ⁶⁵ Новости политические. Молдавия // СО. 1821. № 15. С. 50–51; Шильдер Н. К. Император Александр Первый... Т. 4. С. 200.
- ⁶⁶ Письма князя Петра Михайловича Волконского к Арсению Андреевичу (впоследствии графу) Закревскому. 8 (20) марта 1821 г. Лайбах // Сборник РИО. СПб., 1890. Т. 73. С. 57.
- ⁶⁷ Сборник биографий кавалергардов 1724–1899. Т. 3. С. 199.
- ⁶⁸ Жигарев С. [А.] Русская политика в восточном вопросе (ее история в XVI–XIX веках, критическая оценка и будущие задачи). Историко-юридические очерки. М., 1896. Т. 1. С. 306.
- ⁶⁹ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1980. Сер. 2. 1815–1830. Т. 4 (12). С. 71.
- ⁷⁰ История внешней политики России. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). С. 191.
- ⁷¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1980. Сер. 2. 1815–1830. Т. 4 (12). С. 116.
- ⁷² Письма Павла Дмитриевича (впоследствии графа) Киселева к Арсению Андреевичу (впоследствии графу) Заревскому. 4-го апреля 1821 г. Тульчин // Сборник РИО. СПб., 1891. Т. 78. С. 65–66.
- ⁷³ Новости политические. Турция // СО. 1821. № 29. С. 135–136; № 32. С. 281–282; Феоктистов Е. М. Борьба Греции за независимость // ОЗ. 1862. № 7. С. 251–252; Палаузов С. Н. Указ. соч. С. 181, 184–186.
- ⁷⁴ Покровский В. И. Указ. соч. // ОЗ. 1868. № 8. С. 573.
- ⁷⁵ Письма Павла Дмитриевича (впоследствии графа) Киселева к Арсению Андреевичу (впоследствии графу) Заревскому. 22 июля 1821 г. Одесса // Сборник РИО. СПб., 1891. Т. 78. С. 74.
- ⁷⁶ Зabloцкий-Десятовский А. П. Указ. соч. Т. 1. С. 138–139.
- ⁷⁷ Иовва И. Ф. Указ. соч. С. 150–151.
- ⁷⁸ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1982. Сер. 2. 1815–1830. Т. 5 (13). Январь 1823 — декабрь 1824 г. С. 50.
- ⁷⁹ Там же. М., 1980. Сер. 2. 1815–1830. Т. 4 (12). С. 117.

- ⁸⁰ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 6. С. 27.
- ⁸¹ Арш Г.Л. Тайный узник венского двора: Александр Ипсиланти в австрийских крепостях // Новая и новейшая история. 1987. № 2. С. 128–144.
- ⁸² Палаузов С.Н. Указ. соч. С. 187.
- ⁸³ Письмо из Бухареста // Вест. Е. М., 1822. № 20. С. 306–307.
- ⁸⁴ Гросул В. [Я.] Молдавское движение до и после образования Румынии (1821–1866 гг.). Кишинев, 2014. С. 66.
- ⁸⁵ Жмакин В. Погребение Константинопольского патриарха Григория V в Одессе // РС. 1894. Т. 82. Вып. 12. С. 198.
- ⁸⁶ *Eliot Ch. Turkey in Europe. L., 1908. P. 280, 283.*
- ⁸⁷ Заблоцкий-Десятовский А.П. Указ. соч. Т. 1. С. 141.
- ⁸⁸ *Koliopoulos J. Brigands with a cause. Brigandage and irredentism in Modern Greece. Oxford, 1987. P. 26, 28.*
- ⁸⁹ Жигарев С. [А.] Указ. соч. Т. 1. С. 306.
- ⁹⁰ *Lieven D. Op.cit. P. 130.*
- ⁹¹ Соловьев С.М. Император Александр Первый... С. 491.
- ⁹² Феоктистов Е.М. Русская дипломатия в борьбе Греции за независимость // Ру В. 1868. Т. 68. № 5. С. 201.
- ⁹³ Соловьев С.М. Эпоха конгрессов // ВЕ. 1867. № 3. С. 354.
- ⁹⁴ Феоктистов Е.М. Русская дипломатия в борьбе Греции за независимость // Ру В. 1868. Т. 68. № 5. С. 201.
- ⁹⁵ Жмакин В. Указ. соч. // РС. 1894. Т. 82. Вып. 12. С. 199.
- ⁹⁶ Новости политические. Турция // СО. 1821. № 22. С. 112; Феоктистов Е.М. Русская дипломатия в борьбе Греции за независимость // Ру В. 1868. Т. 68. № 5. С. 202; Современные бумаги о кончине и погребении патриарха Григория. 1821. Секретное письмо графа А. Ф. Ланжерона к князю А. Н. Голицыну от 10 мая 1821 г. (получено 19 мая 1821 г.) // Ру А.М., 1871. Вып. 11. Ст. 1920.
- ⁹⁷ Современные бумаги о кончине и погребении патриарха Григория. 1821. Секретное письмо графа А. Ф. Ланжерона к князю А. Н. Голицыну от 10 мая 1821 г. (получено 19 мая 1821 г.) // Ру А.М., 1871. Вып. 11. С. 1920–1928; Жмакин В. Указ. соч. // РС. 1894. Т. 82. Вып. 12. С. 199–204.
- ⁹⁸ Надгробное слово Блаженному Константинопольскому Патриарху Григорию // Вест. Е. М., 1821. № 15. С. 211–238; Современные бумаги о кончине и погребении... Церемониал погребению святейшего Константинопольского патриарха Григория // Ру А.М., 1871. Вып. 11. С. 1934–1938; Жмакин В. Указ. соч. // РС. 1894. Т. 82. Вып. 12. С. 204–211.
- ⁹⁹ *Eliot Ch. Op. cit. P. 253; Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 6. С. 28–29; Ковалевский Е.П. Восточные дела в двадцатых годах // ВЕ. 1868. № 3. С. 128.*
- ¹⁰⁰ Стурдза А.С. Указ. соч. С. 131–132.

- ¹⁰¹ Новости политические. Турция // СО. 1821. № 24. С. 236.
- ¹⁰² Соловьев С. М. Император Александр Первый... С. 492.
- ¹⁰³ Попов Н. А. Россия и Сербия... Ч. 1. С. 171.
- ¹⁰⁴ Шильдер Н. К. Император Александр Первый... Т. 4. С. 200.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 201.
- ¹⁰⁶ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1980. Сер. 2. 1815–1830. Т. 4 (12). С. 159.
- ¹⁰⁷ Записка графа Иоанна Каподистрия о его служебной деятельности // Сборник РИО. СПб., 1868. Т. 3. С. 269.
- ¹⁰⁸ Турецкий документ из эпохи греческого восстания. Произведение покойного Акифа-паши. 1238 хиджры 1822 // Ру А. М., 1886. Вып. 6. С. 173.
- ¹⁰⁹ *Stavrianos L. S.* Op. cit. P. 275.
- ¹¹⁰ Записки полковника Вутье // СО. 1824. № 18. С. 164.
- ¹¹¹ Арш Г. Л. Материалы к истории русско-греческих связей начала XIX в. // Балканские исследования. М., 1982. Вып. 8. Балканские народы и европейские правительства в XVII — начале XX века. С. 72.
- ¹¹² Майков П. М. Герцог Ришелье в России // РС. 1897. Т. 91. Вып. 7. С. 40.
- ¹¹³ Амфитеатров А. Младенчество и первая юность Одессы в рассказе итальянцев-современников // РС. 1914. Т. 160. Вып. 10. С. 132.
- ¹¹⁴ Багале́й Д. И. Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры // К. Ст. 1889. №№ 5–6. С. 463–464; Надлер В. К. Одесса в первые эпохи ее существования. Одесса, 1893. С. 31, 51–52, 91.
- ¹¹⁵ Амфитеатров А. Указ. соч. // РС. 1914. Т. 160. Вып. 10. С. 133.
- ¹¹⁶ Письмо господину N. N. об Одессе // СО. 1817. № 21. С. 52.
- ¹¹⁷ Взгляд на Одессу (Из живописного путешествия по России изд. Отеч. Зап. 1825 г.) // ОЗ. 1830. № 110. С. 44–45; Де Местр Ж. Указ. соч. С. 316.
- ¹¹⁸ И. Очерк Одесского порта, его заграничного судоходства и торговли // МС. 1872. № 4. С. 8–9.
- ¹¹⁹ Письмо господину N. N. об Одессе // СО. 1817. № 21. С. 53.
- ¹²⁰ *Stavrianos L. S.* Op. cit. P. 288.
- ¹²¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1982. Сер. 2. 1815–1830. Т. 5 (13). С. 217.
- ¹²² Шильдер Н. К. Император Александр Первый... Т. 4. С. 224.
- ¹²³ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 6. С. 31, 33.
- ¹²⁴ Юзефович Т. [П.] Указ. соч. С. 28.
- ¹²⁵ Там же. С. 30.
- ¹²⁶ История внешней политики России. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). С. 195.
- ¹²⁷ Соловьев С. М. Император Александр Первый... С. 493.

- 128 Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1980. Сер. 2. 1815–1830. Т. 4 (12). С. 167.
- 129 Там же. С. 168.
- 130 Там же.
- 131 Соловьев С. М. Император Александр Первый... С. 503.
- 132 Заблоцкий-Десятовский А. П. Указ. соч. Т. 1. С. 148.
- 133 Гейсман П. Генеральный штаб в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. // ВС. 1910. № 3. С. 74.
- 134 Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1980. Сер. 2. 1815–1830. Т. 4 (12). С. 208.
- 135 Там же. С. 209.
- 136 Там же. С. 224.
- 137 Турецкий документ из эпохи греческого восстания. Произведение покойного Акифа-паши. 1238 хиджры 1822 // Ру А. М., 1886. Вып. 6. С. 173.
- 138 Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1980. Сер. 2. 1815–1830. Т. 4 (12). С. 215, 219, 652–653.
- 139 Curtiss J. S. Russia's Crimean war. Duke University Press, Durham, N. C., 1979. P. 12.
- 140 Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 6. С. 35–36.
- 141 Шильдер Н. К. Император Александр Первый... Т. 4. С. 226, 237.
- 142 Заблоцкий-Десятовский А. П. Указ. соч. Т. 1. С. 153.
- 143 Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 6. С. 36.
- 144 Там же. С. 37.
- 145 Там же. С. 37–38.
- 146 Там же. С. 39–41.
- 147 Блиох И. С. Указ. соч. Т. 1. С. 148, 152.
- 148 Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций... Т. 4. С. 307.
- 149 Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 6. С. 43–44.
- 150 Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций... Т. 4. С. 305.
- 151 Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 6. С. 44.
- 152 Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций... СПб., 1909. Т. 15. Трактаты с Францией 1822–1906. С. 10.
- 153 Записки полковника Вутье // СО. 1824. № 20. С. 248.
- 154 Koumoulides J. Syrgus and the war of Greek independence 1821–1829. L., 1974. P. 45–48.
- 155 Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 6. С. 48.
- 156 Koumoulides J. Op. cit. P. 69.
- 157 Записки полковника Вутье // СО. 1824. № 20. С. 253.
- 158 Шильдер Н. К. Император Александр Первый... Т. 4. С. 226.
- 159 Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1980. Сер. 2. 1815–1830. Т. 4 (12). С. 289.

- ¹⁶⁰ Шильдер Н. К. Император Александр Первый... Т. 4. С. 226.
- ¹⁶¹ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 6. С. 46.
- ¹⁶² Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1980. Сер. 2. 1815–1830. Т. 4 (12). С. 329.
- ¹⁶³ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 6. С. 48.
- ¹⁶⁴ Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций... Т. 11. С. 324.
- ¹⁶⁵ Там же. С. 326.
- ¹⁶⁶ История внешней политики России. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). С. 194.
- ¹⁶⁷ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 6. С. 49.
- ¹⁶⁸ Там же. С. 51.
- ¹⁶⁹ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1980. Сер. 2. 1815–1830. Т. 4 (12). С. 429.
- ¹⁷⁰ Там же. С. 430; Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций... Т. 4. С. 310.
- ¹⁷¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1980. Сер. 2. 1815–1830. Т. 4 (12). С. 453, 491.
- ¹⁷² Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций... Т. 7. С. 419.
- ¹⁷³ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1980. Сер. 2. 1815–1830. Т. 4 (12). С. 514.
- ¹⁷⁴ Шильдер Н. К. Император Александр Первый... Т. 4. С. 232.
- ¹⁷⁵ Там же. С. 231.
- ¹⁷⁶ Татищев С. С. Из прошлого русской дипломатии... С. 53.
- ¹⁷⁷ Eliot Ch. Op. cit. P. 254.
- ¹⁷⁸ Ответ Президента Греции посланным из Константинополя // Вест. Е. М., 1828. № 15. С. 206–212.
- ¹⁷⁹ Eliot Ch. Op. cit. P. 254.
- ¹⁸⁰ Записки полковника Вутье // СО. 1824. № 20. С. 250–252; Падение Хиоса // СО. 1824. № 24. С. 26–28; № 36. С. 102; Покровский В. И. Указ. соч. // ОЗ. 1868. № 8. С. 575; Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 6. С. 55.
- ¹⁸¹ Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 6. С. 58–59.
- ¹⁸² Надлер В. К. Меттерних и европейская реакция. С. 90–91, 94, 99–101.
- ¹⁸³ Там же. С. 104–106.
- ¹⁸⁴ Из переписки Штаббриана с герцогиней Дюрас // Ру А. М., 1899. Вып. 2. С. 366.
- ¹⁸⁵ Мартенс Ф. [Ф.] Собрание трактатов и конвенций... Т. 4. С. 324–326.
- ¹⁸⁶ Надлер В. К. Меттерних и европейская реакция. С. 108.
- ¹⁸⁷ Там же. С. 109.
- ¹⁸⁸ Объявление от Франции испанскому правительству // Вест. Е. М., 1823. № 1. С. 60.
- ¹⁸⁹ Там же. С. 61.

- ¹⁹⁰ *Надлер В. К.* Меттерних и европейская реакция. С. 109–111.
- ¹⁹¹ *Griffith P.* Military thought in the French army, 1815–51. Manchester, N. Y., 1989. P. 22.
- ¹⁹² Новости политические. Франция // СО. 1823. № 6. С. 284.
- ¹⁹³ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1982. Сер. 2. 1815–1830. Т. 5 (13). С. 75.
- ¹⁹⁴ Там же. С. 73.
- ¹⁹⁵ *Recit des operations de l'armee Francaise en Espagne, sous les orders de S. A. R. Mr. Duc D'Angouleme.* P., 1823. P. 42, 44–53, 55.
- ¹⁹⁶ Новости политические. Франция // СО. 1823. № 16. С. 91–93; Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1982. Сер. 2. 1815–1830. Т. 5 (13). С. 138.
- ¹⁹⁷ Новости политические. Франция // СО. 1823. № 16. С. 93.
- ¹⁹⁸ *Recit des operations de l'armee Francaise en Espagne...* P. 63.
- ¹⁹⁹ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1982. Сер. 2. 1815–1830. Т. 5 (13). С. 98.
- ²⁰⁰ *Надлер В. К.* Меттерних и европейская реакция. С. 114–115.
- ²⁰¹ *Покровский В. И.* Указ. соч. // ОЗ. 1868. № 7. Кн. 1. С. 101.
- ²⁰² *Récit des opérations de l'armée Française en Espagne...* P. 68.
- ²⁰³ Новости политические. Война в Испании // СО. 1823. № 22. С. 87–88.
- ²⁰⁴ *Récit des opérations de l'armée Française en Espagne...* P. 114, 117–118.
- ²⁰⁵ *Griffith P.* Op. cit. P. 24.
- ²⁰⁶ Новости политические. Война в Испании // СО. 1823. № 22. С. 89.
- ²⁰⁷ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1982. Сер. 2. 1815–1830. Т. 5 (13). С. 134.
- ²⁰⁸ *Récit des opérations de l'armée Française en Espagne...* P. 182–183.
- ²⁰⁹ *Надлер В. К.* Меттерних и европейская реакция. С. 127–128.
- ²¹⁰ *Récit des opérations de l'armée Française en Espagne...* P. 243; Новости политические. Испания // СО. 1823. № 42. С. 89–91.
- ²¹¹ *Надлер В. К.* Меттерних и европейская реакция. С. 128–129.
- ²¹² Новости политические. Испания // СО. 1823. № 44. С. 171–172; *Histoire de la révolution d'Espagne de 1820 a 1823.* P., 1824. Vol. 2. P. 483–485.
- ²¹³ *Histoire de la révolution d'Espagne...* P., 1824. Vol. 2. P. 488.
- ²¹⁴ *Покровский В. И.* Указ. соч. // ОЗ. 1868. № 7. Кн. 1. С. 103.
- ²¹⁵ Новости политические. Испания // СО. 1823. № 47. С. 38–40.
- ²¹⁶ *Надлер В. К.* Меттерних и европейская реакция. С. 129–134.
- ²¹⁷ Франция в царствование Карла X // СО. 1825. № 12. С. 391.
- ²¹⁸ *Покровский В. И.* Указ. соч. // ОЗ. 1868. № 7. Кн. 1. С. 103.
- ²¹⁹ *Мартенс Ф. [Ф.]* Собрание трактатов и конвенций... Т. 15. С. 26.
- ²²⁰ Новости политические. Франция // СО. 1824. № 2. С. 85.
- ²²¹ *Мольтке Г.* Русско-турецкая кампания в Европейской Турции 1828 и 1829 г. СПб., 1876. Вып. 1. С. 15.

- 222 *Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 6. С. 62–63.*
- 223 Там же. С. 66.
- 224 Там же. С. 68.
- 225 *Vew J. Op. cit. P. 544.*
- 226 *Епанчин Н. [А.] Очерк похода 1829 г. в Европейской Турции. СПб., 1905. Ч. 1. Подготовка к походу. С. 38.*
- 227 *Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 6. С. 69.*
- 228 *Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1982. Сер. 2. 1815–1830. Т. 5 (13). С. 686.*
- 229 *Hinde W. Op. cit. P. 385.*
- 230 *Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1982. Сер. 2. 1815–1830. Т. 5 (13). С. 686.*
- 231 Там же. С. 93.
- 232 *Богданович [М.] [И.] История царствования императора Александра I... Т. 6. С. 69–71.*
- 233 *Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1982. Сер. 2. 1815–1830. Т. 5 (13). С. 94.*
- 234 Там же. С. 122–125.
- 235 Там же. С. 124.
- 236 *Польша в 1814–1831 гг. (Из воспоминаний генерала Клементия Колачковского // РС. 1903. Т. 110. Вып. 5. С. 409–410.*
- 237 *Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1982. Сер. 2. 1815–1830. Т. 5 (13). С. 314–319.*
- 238 *Jelavich B. Russia's Balkan entanglements 1806–1914. Cambridge University press, 2004. P. 70.*
- 239 *Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1982. Сер. 2. 1815–1830. Т. 5 (13). С. 477, 508–510.*
- 240 *Jelavich B. Russia's Balkan... P. 70.*
- 241 *Мольтке Г. Русско-турецкая кампания в Европейской Турции 1828 и 1829 г. СПб., 1876. Вып. 1. С. 16.*
- 242 *Феоктистов Е. М. Борьба Греции за независимость // ОЗ. 1862. № 9. С. 133.*
- 243 *Bickford-Smith A. H. Greece under king George. L., 1893. P. 132.*
- 244 *Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1982. Сер. 2. 1815–1830. Т. 5 (13). С. 594–595, 764.*
- 245 *Картина турецкого войска // Вест. Е. М., 1822. № 7. С. 229.*
- 246 *Об армии Мегмеда-Али, паши Египетского, образованной европейскими офицерами с биографическими известиями о начальниках оной. Соч. Гюберта Лаверно, тулонского корабельного доктора // СО. 1826. № 12. С. 314–319; О Египте и военном его устройстве // СО и СА. 1832. № 41. С. 43–49.*

- ²⁴⁷ Р. К истории Восточного вопроса // Ру В. 1877. Т. 127. № 1. С. 9.
- ²⁴⁸ Первое упоминание о ваххабитах в русской прессе: О Вагабисах // Вест. Е. М., 1805. № 1. С. 49–65; № 2. С. 137–155; см. также: Об опасностях, угрожающих Турецкой империи // Вест. Е. М., 1811. № 21. С. 77–78.
- ²⁴⁹ Вехабиты // Вест. Е. М., 1819. № 7. С. 227; № 8. С. 310–315; Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Удивительная история прошлого в жизнеописаниях и хронике событий. Т. 4. С. 391–393.
- ²⁵⁰ *Daly J. C. K.* Op. cit. P. 2.
- ²⁵¹ Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Удивительная история прошлого в жизнеописаниях и хронике событий. Т. 4. С. 638–639.
- ²⁵² *Koutoulides J.* Op. cit. P. 71–77, 85.
- ²⁵³ *Stavrianos L. S.* Op. cit. P. 286.
- ²⁵⁴ О нынешнем положении дел в Греции // Вест. Е. М., 1824. № 14. С. 138–143.
- ²⁵⁵ *Stavrianos L. S.* Op. cit. P. 286.
- ²⁵⁶ Внешняя политика России XIX и начала XX века... М., 1985. Сер. 2. 1815–1830. Т. 6 (14). Январь 1825 — декабрь 1826 г. С. 132–133, 134, 141.
- ²⁵⁷ Там же. С. 154–155, 159–160.
- ²⁵⁸ Там же. С. 195.
- ²⁵⁹ *Татищев С. С.* Внешняя политика императора Николая I... С. 259.
- ²⁶⁰ *Каратыгин П. П.* Супружество императора Александра I // Ру В. 1886. Т. 186. № 12. С. 622.
- ²⁶¹ Там же. С. 624.
- ²⁶² *Майков П.* Царство Польское после Венского конгресса // РС. 1904. Т. 120. Вып. 12. С. 622.
- ²⁶³ *Богданович [М.] [И.]* История царствования императора Александра I... Т. 6. С. 184–187, 429.
- ²⁶⁴ *Майков П.* Царство Польское после Венского конгресса // РС. 1904. Т. 120. Вып. 12. С. 624.
- ²⁶⁵ Там же. С. 635.
- ²⁶⁶ Там же. С. 636.
- ²⁶⁷ *Бенкендорф А. Х.* Указ. соч. С. 342.

Именной указатель

А

- Аббас-мирза (1789–1832), персидский полководец и дипломат, наследный принц, сын шаха Фетх-Али — 220, 231–232, 235–247
- Абдулла-паша (1801–?), паша Акки и Сидона (1820–1822) — 440
- Ага-Мохаммед (1742–1797), основатель династии Каджаров, шах Персии (с 1796) — 217–220, 230, 232
- Агафангел I (ум. 1832), патриарх Константинопольский (1826–1830) — 445
- Александр Ираклиевич (1778–1838), грузинский царевич, сын царя Картли-Кахетии Ираклия II — 173, 221, 227, 229, 233–234, 237, 243–245
- Али-паша Тепелин (Лев Янины) (1744–1822), паша Янины (с 1788), создал фактически независимое государство на землях Албании, Греции и Македонии — 420–421, 429, 432
- Алопеус Давид Максимович (1769–1831), граф (1820), русский дипломат — 101–102, 104
- Анна Павловна (1795–1865), дочь Павла I, королева Нидерландская (1840–1849) — 133
- Анреп Роман (Рейнгольд-Генрих) Карлович (1756–1807), русский военный деятель, генерал-майор — 42
- Анстет Иван Жан-Проте (Осипович) (1766–1835), барон, русский дипломат, действительный тайный советник (1828) — 360
- Анфимий III (ум. 1842), патриарх Константинопольский (1822–1824) — 445
- Аракчеев Алексей Андреевич (1769–1834), граф (1799), русский государственный и военный деятель, генерал от артиллерии (1807), сенатор (1808), министр военно-сухопутных сил (1808–1810), член Государственного совета (1810), главный начальник военных поселений (1817–1826) — 107, 119–120, 123, 184, 191–194, 265, 270–271, 384, 386, 410
- Армфельд Густав Мориц (Густав-Маврикий Максимович) (1757–1814), граф (1812), шведский и русский государственный и военный деятель, генерал от инфантерии, член Государственного совета (1812) — 124
- Аттила (ум. 455), король гуннов — 292, 317
- Ахмед-паша (Лаз-Азиз-Ахмед) (ум. 1819), великий визирь Османской империи (1811–1812), затем паша Бурсы, Алеппо и Эрзерума — 203–205

Б

- Багратион Петр Иванович (1769–1812), князь, герой войны 1812 г., выдающийся русский военный деятель, генерал от инфантерии (1809) — 46, 49, 75, 120–121, 193–199, 251, 253, 264, 267–274, 282, 291
- Балашев (Балашов) Александр Дмитриевич (1770–1837), генерал-адъютант (1809), генерал от инфантерии (1823), военный губернатор Ревеля (1800–1804), обер-полицмейстер Москвы (1804–1807), Санкт-Петербурга (1808–1809), военный губернатор Петербурга, член Государственного совета (1810), министр полиции (1810–1819), генерал-губернатор центральных губерний (1823–1828) — 257–259, 263
- Барклай де Толли Михаил (Михаэль Андреас) Богданович (1757–1818), граф (1813), князь (1815), русский военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал (1814), финляндский генерал-губернатор (1808–1809), военный министр (1810–1812), главнокомандующий русскими и прусскими войсками (1813) — 122, 143, 145, 198, 208, 251, 253, 264–275, 279–281, 289–291, 329, 334, 338–339, 342, 346, 350–351, 365
- Бенкендорф Александр (Константин Александр Карл Вильгельм) Христофорович (1783–1844), граф (1832), русский военный и политический деятель, генерал-адъютант (1819), генерал от кавалерии (1829), почетный член Петербургской академии наук (1827), шеф Отдельного корпуса жандармов, командующий Императорской главной квартирой и начальник 3-го отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии (с 1826) — 258, 261, 270, 294–295, 310, 409, 460
- Беннигсен Леонтий Леонтьевич (Левин Август Готлиб) (1745–1826), граф (1812), генерал от кавалерии (1802), виленский военный губернатор (1801–1806), главнокомандующий действующей армией (1807), начальник Главного штаба объединенных армий (1812) — 55, 64, 71, 73–78, 80, 83–84, 264, 274, 279–282, 290, 335
- Бернадот Жан-Батист Жюль (1763–1844), генерал (1794), военный министр Франции (1799), маршал Французской империи (1804), князь Понте-Корво (1806), наследный принц Швеции (с 1810), король Швеции Карл XIV Юхан (с 1818) — 76, 106, 125, 139, 148–150, 154–156, 253, 291, 332, 335–336, 342
- Бертран Анри Грасьен (1773–1844), граф (1808), французский генерал, главный маршал императорского двора (1813) — 352
- Бертье Луи Александр (1753–1815), князь Невшательский и Валаанженский (1806), князь Ваграмский (1809), французский военный деятель, начальник Генерального штаба Наполеона (1796–1814), военный министр (1799–1806), маршал Французской империи, вице-коннетабль, обер-егермейстер (1804) — 84, 296
- Блюхер Гебхард Лебрехт фон (1742–1819), князь фон Вальдштадт (1814), выдающийся прусский военачальник, главнокомандующий прусской армией, генерал-фельдмаршал (1813) — 327, 332, 334, 343–344, 365, 371
- Богарне Гортензия (1783–1837), падчерица Наполеона, жена Людовика Наполеона Бонапарта, короля Голландии, мать Наполеона III — 373

- Богарне Евгений (1781–1824), пасынок Наполеона, принц (1805), князь Венецианский (1807), вице-король Италии (1805), дивизионный генерал (1809), герцог Лейхтенбергский и князь Эйхштадтский (после 1815) — 320
- Бонапарт Люсьен (1775–1840), брат Наполеона I, министр внутренних дел Франции (1799) — 373
- Будберг Андрей Яковлевич (1750–1812), барон, тайный советник, генерал-майор, министр иностранных дел (1806–1807) — 27, 59–60, 65, 89, 166–168, 175, 180, 183, 234
- Буксгевден Федор Федорович (Фридрих-Вильгельм) (1750–1811), граф (1797), русский военный деятель, генерал от инфантерии (1803), петербургский военный губернатор (1796–1799), рижский генерал-губернатор (1803) — 46, 49, 102–103, 107–108, 110, 119
- Бутурлин Дмитрий Петрович (1790–1849), государственный и военный деятель, военный историк, генерал-майор (1824), сенатор (1833), член Государственного совета (1840), действительный тайный советник (1846) — 449

В

- Вандам Доминик Жозеф Рене (1770–1830), граф Узенбургский (1808), дивизионный генерал (1799) — 333–334
- Варлаам (в миру Григорий Шишацкий) (1750–1823), архиепископ Могилевский и Витебский (1808–1812) — 262
- Васильчиков (Васильчиков 1-й) Илларион Васильевич (1776–1847), князь (1839), государственный и военный деятель, генерал-адъютант (1801), генерал от кавалерии (1823), член Государственного совета (1821), председатель Государственного совета и Комитета министров (с 1838) — 347, 410
- Вейротер Франц фон (1754–1806), австрийский военный теоретик, офицер Генерального штаба, генерал-майор (1801), начальник штаба союзных армий (1805) — 52–53
- Веллингтон Артур Колли Уэлсли (1769–1852), принц Ватерлоо (1815), фельдмаршал (1813), фельдмаршал российской, прусской и австрийской армий (1818), главнокомандующий британской армией (1827–1828), премьер-министр Великобритании (1828–1830), министр иностранных дел (1834–1835), министр без портфеля (1841–1846) — 361, 365, 371–372, 375, 446
- Виктор-Эммануил I (1759–1824), король Сардинии, герцог Савойский, Пьемонтский и Аостский (1802–1821) — 412
- Вильнев Пьер-Шарль Сильвестр де (1763–1806), французский военный моряк, вице-адмирал (1804) — 50
- Вильсон Роберт Томас (1777–1849), барон Священной Римской империи (1800), британский военный и политический деятель, генерал армии (1841), губернатор и главнокомандующий в Гибралтаре (1841–1848) — 80, 280, 293, 314
- Винценгероде Фердинанд Федорович (1770–1818), барон, русский военный деятель, генерал-адъютант (1802), генерал от кавалерии (1813) — 297, 327

- Витворт Чарльз (1752–1825), барон (1800), эрл (1815), виконт (1817), британский дипломат и политический деятель, посол во Франции (1802–1803), лорд-наместник Ирландии (1813–1820) — 13, 30–31
- Витгенштейн Петр Христианович (Сайн-Витгенштейн-Берлебург Петер Людвиг Адольф) (1768–1843), светлейший князь (1836), русский военный деятель, генерал-фельдмаршал (1826), член Государственного совета (1818), главнокомандующий (1813) — 266–267, 305–306, 311, 316, 319, 328, 333, 345, 424
- Владимиреску Тодор (1780–1820), поручик русской армии, вождь валашского восстания (1821) — 421–422, 427
- Волконский Петр Михайлович (1776–1852), светлейший князь (1834), военный и государственный деятель, генерал-адъютант (1801), генерал-фельдмаршал (1850), член Государственного совета (1819), начальник императорской Военно-походной канцелярии (1801), начальник Главного штаба Действующей армии (1812–1821), министр императорского двора и уделов (1826) — 424
- Вольтер (1694–1778), французский писатель и философ — 302
- Воронцов Александр Романович (1741–1805), граф, сенатор, государственный канцлер (1802) — 26, 28
- Воронцов Михаил Семенович (1782–1856), граф, светлейший князь (1852), генерал-адъютант (1815), генерал-фельдмаршал (1856), новороссийский генерал-губернатор (1823–1844), член Государственного совета (1826), почетный член Петербургской академии наук (1826), наместник Кавказа и главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом (1844–1854) — 278, 375–376, 388
- Воронцов Семен Романович (1744–1832), граф, военный деятель и дипломат, генерал от инфантерии (1796) — 13, 20, 22–23, 25, 32, 51, 93
- Вуич Николай Васильевич (1765–1836), русский военный деятель, генерал-лейтенант (1824) — 108–109

Г

- Галатис Николай, этерист — 420
- Гардан Шарль-Матье (1766–1818), граф (1809), французский военный деятель и дипломат, бригадный генерал (1799) — 236–237, 239
- Гарденберг Карл-Август фон (1750–1822), барон, князь (1814), выдающийся прусский и германский государственный деятель, дипломат, министр иностранных дел (1804–1806), канцлер Пруссии (1810) — 47, 344, 361–362, 367
- Гаугвиц Христиан Август Генрих Курт (1752–1832), граф, прусский государственный деятель и дипломат, министр иностранных дел (1792–1804) — 45, 48, 51, 55, 61
- Генрих IV Бурбон (1553–1610), король Наварры (с 1572), Франции (с 1589) — 448
- Георг III (1738–1820), король Великобритании и курфюрст (с 1814 — король) Ганновера (с 1760) — 60, 240

- Георг IV (1762–1830), сын Георга III, принц Уэльский, принц-регент (1811–1820), король Великобритании и Ганновера (с 1820) — 378
- Георгий XII (1746–1800), последний царь Картли-Кахети (с 1798) — 220–222, 225, 227
- Германий (Герман) (1776–1826), епископ Патр и Триполицы — 429
- Гермоген (ок. 1530–1612), патриарх Московский и всея Руси (с 1606) — 295
- Гизо Франсуа-Пьер-Гийом (1787–1874), французский историк, государственный и политический деятель, член Французской академии (1836), министр внутренних дел (1830–1832), министр образования (1832–1836), министр иностранных дел (1840–1847), премьер-министр (1847–1848) — 365
- Гика Григорий (1755–1834), господарь Валахии (1822–1828) — 428
- Гиљемино Арман Шарль (1774–1840), граф (1823), французский военный и дипломат, дивизионный генерал (1813), пэр Франции (1823) — 181
- Глазенап Григорий Иванович (1750/51–1819), русский военный деятель, генерал-лейтенант (1800), главнокомандующий на Кавказе (1806–1807) — 233
- Гнейзенау Август-Вильгельм-Антон фон (1760–1831), граф (1814), выдающийся прусский военный и государственный деятель, член Государственного совета Пруссии (1817), генерал-фельдмаршал (1825), главнокомандующий прусской армией (1830) — 325
- Гогенлоэ Нейнштейн-Ингельфинген Фридрих-Людвиг (1746–1826), принц, прусский военный деятель, генерал — 65–66
- Голицын Александр Николаевич (1773–1844), князь, государственный деятель, действительный тайный советник 1-го класса (1841), статс-секретарь (1803), член Государственного совета (1810), сенатор (1812), почетный член Петербургской академии наук (1826), обер-прокурор Святейшего синода (1803–1817), министр духовных дел и народного просвещения (1817–1824) — 292, 394
- Голицын Сергей Федорович (1749–1810), князь, генерал от инфантерии (1797), член Государственного совета (1810), рижский военный губернатор (1801–1804) — 130
- Горчаков Алексей Иванович (1769–1817), князь, генерал от инфантерии (1814), член Государственного совета (1815), Выборгский военный губернатор (1800–1801), военный министр (1814–1815) — 273
- Горчаков 2-й Андрей Иванович (1779–1855), князь, генерал от инфантерии (1819) — 130
- Граббе Павел Христофорович (1789–1875), граф (1866), русский военный деятель, генерал-адъютант (1839), генерал от кавалерии (1855), член Государственного совета (1866) — 268
- Греч Николай Иванович (1787–1867), журналист, писатель, действительный статский советник (1838), член-корреспондент Петербургской академии наук (1827), редактор и издатель журнала «Сын Отечества» (1812–1839) — 393
- Григорий V Этномартирас (Мученик народа) (в миру Георгий Ангелопулос) (1751–1821), Патриарх Константинопольский (1797–1799, 1806–1808, с 1819), прослав-

- лен как священномученик (1871), канонизирован как святой Элладской православной церковью (1921) — 428, 430, 435, 444
- Гувион Сен-Сир Лоран де (1764–1830), граф, маркиз (1817), маршал Французской империи (1812), военный министр (1817–1819) — 267, 335
- Гудович Иван Васильевич (1741–1820), граф (1796), генерал-фельдмаршал (1807), член Государственного совета, сенатор (1809), киевский военный губернатор (1796–1800), командующий войсками в Грузии и Дагестане (1806–1809) — 173–174, 234–235, 238–240
- Гумбольдт Фридрих-Вильгельм фон (1767–1835), знаменитый лингвист и прусский политический деятель, основатель Берлинского университета (1810), министр внутренних дел (1819) — 361, 392, 394
- Гурьев Дмитрий Александрович (1751–1825), граф (1819), русский государственный деятель, действительный тайный советник (1804), сенатор (1799), почетный член Российской академии (1818) и Петербургской академии наук (1821), министр уделов (с 1806), финансов (1810–1823) — 314
- Гуссейн-Кули (ум. 1845), хан бакинский (1797–1806) — 232–233
- Густав IV Адольф (1778–1837), король Швеции (1792–1809) — 36, 99–100, 102, 104, 106–107, 109, 121–123

Д

- Даву Луи Николя (1770–1823), герцог Ауэрштедский (1808), князь Экмюльский (1809), маршал Французской империи (1804) — 72, 144, 255, 267, 372
- Давыдов Денис Васильевич (1784–1839), герой войны 1812 г., генерал-лейтенант (1831), военный писатель, поэт — 77, 292
- Дадзиани Григорий Кациевич (1772–1804), владетельный князь Мингрелии (с 1789) — 228
- Дакворт Джон Бартоломью (1747–1817), адмирал британского флота (1810), губернатор Ньюфаундленда (1810–1812) — 171
- Демустье Шарль Альбер (1760–1801), французский писатель — 302
- Дибич (с 1829 — Дибич-Забалканский) Иван Иванович (Иоганн Фридрих Карл Антон) (1785–1831), граф (1827), русский военный деятель, генерал-адъютант (1818), генерал-фельдмаршал (1829), член Государственного совета (1823), начальник Главного штаба Его Императорского Величества (с 1824), главнокомандующий в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг., действующей армии в Царстве Польском (с 1830) — 318, 437–438
- Долгорукий Петр Петрович (1777–1806), князь, генерал-адъютант (1798) — 52
- Долгорукий-2-й Сергей Николаевич (1769–1829), князь, русский военный деятель и дипломат, генерал-лейтенант (1799) — 318
- Дохтуров Дмитрий Сергеевич (1759–1816), русский военный деятель, генерал от инфантерии (1810) — 271, 278, 320

Дударов Ахмет, осетинский алдар — 230

Дюма Матье (1753–1837), граф Французской империи (1810), дивизионный генерал (1805), генерал-интендант Великой армии (1812), член Государственного совета (1814–1815), пэр Франции (1831) — 311

Дюрок Жиро Кристоф Мишель (1772–1813), герцог Фельтрский и Фриульский (1808), французский военный и дипломат, дивизионный генерал (1803), обер-гофмаршал (1805) — 25

Е

Евгений II (1780–1822), патриарх Константинопольский (с 1821) — 444–445

Евгений (Фридрих Ойген Карл Пауль Людвиг) фон Вюртемберг (1788–1857), герцог, племянник императрицы Марии Федоровны, генерал от инфантерии (1814) — 273, 288, 304, 310

Екатерина II (Софья-Августа-Фредерика Ангальт-Цербстская) (1729–1796), императрица Российской империи (с 1762) — 26, 169, 218, 383

Екатерина Павловна (1788–1818), великая княгиня, герцогиня Ольденбургская (1809), королева Вюртембергская (1816), дочь Павла I — 114, 274, 282

Ермолов Алексей Петрович (1772–1861), выдающийся русский военный и государственный деятель, генерал от инфантерии (1818), от артиллерии (1837), член Государственного совета (1831), почетный член Петербургской академии наук (1818), главноуправляющий в Грузии и командующий Отдельным Кавказским корпусом (1816–1827) — 252, 263, 269, 334, 380

Ж

Жером (Иероним) Бонапарт (1784–1860), брат Наполеона I, король Вестфальский (1807–1813), маршал Франции (1850) — 267, 373

Жирар Жан-Батист (1775–1815), барон Французской империи (1808), дивизионный генерал (1809) — 306, 330

Жоан VI (1769–1826), регент Португалии (1799–1816), король (1816–1826) — 93, 447, 451

Жозеф Бонапарт (1768–1844), брат Наполеона I, король Неаполитанский (1806–1808), король Испании (1808–1813) — 126, 343, 345, 373

Жозеф-Франсуа-Шарль Бонапарт (Наполеон II) (1811–1832), король Римский, наследник империи (1811–1814), в 1814 и 1815 гг. Наполеон I пытался провозгласить его императором — 345, 351

Жозефина (по первому браку Богарне) (1763–1814), императрица французов (1804–1809), жена Наполеона I — 85

Жюно Жан Андош (1771–1813), герцог д'Абантес (1807), французский военный деятель, дивизионный генерал (1801), губернатор Венеции (1813), затем временный генерал-губернатор Иллирийских провинций — 93–95

- Зайончек Иосиф (Юзеф) (1752–1826), князь (1818), польский и русский военный и государственный деятель, дивизионный генерал французской службы (1802), генерал от инфантерии русской службы (1815), наместник (вице-король) Царства Польского (с 1815) — 382, 406–407, 459
- Занд Карл-Людвиг (1795–1820), студент Тюбингенского и Эрлангенского университетов, участник войны 1815 г., убийца А. фон Коцебу — 393–394
- Засс Андрей Павлович фон (1753–1816), русский военный деятель, генерал-лейтенант (1806) — 205, 207
- Зубов Валериан Александрович (1771–1804), граф (1793), генерал от инфантерии (1800) — 218

И

- Ибрагим-паша (1789–1848), сын Мехмеда-Али, паша Хиджаза (1817–1840), Морей (1825–1828), Дамаска (1832–1840), правитель Египта (1848) — 457–459
- Ибрагим-хан (1732–1806), хан Карабаха (с 1763) — 233–234
- Измаил-бей, османский военачальник — 205
- Ипсиланти Александр Константинович (1792–1828), князь, флигель-адъютант (1816), генерал-майор (1817), руководитель греческого восстания 1821 г. — 413–414, 420, 422–425, 427–428
- Ипсиланти Георгий Константинович (1795–1846), князь, штаб-ротмистр Кавалергардского полка — 422, 428
- Ипсиланти Дмитрий Константинович (1793–1832), князь, председатель Законодательного корпуса Греции (1822) — 434
- Ипсиланти Константин Александрович (1760–1816), князь, господарь Молдавии (1799–1801), господарь Валахии (1802–1806, 1807), в России (с 1807) — 163
- Ипсиланти Николай Константинович (1796–1833), офицер русской службы, участник греческого восстания — 420, 428
- Иракий II (1720–1798), царь Кахетии (с 1732) и Картли (с 1762) — 216–220, 222, 225
- Исаев Иван Иванович (1748–1810), русский военный деятель, генерал-майор (1806) — 176, 192–193, 195, 198–199
- Италинский Андрей Яковлевич (1743–1827), русский дипломат, востоковед, исследователь этрусского искусства, почетный член Петербургской академии наук (1819), Петербургской академии художеств и Римской академии наук, член Российской академии — 157, 159–160, 162, 164–167, 231, 416–417

Й

- Йорк Ганс Давид Людвиг (1759–1830), граф фон Вартенбург (1814), прусский военный деятель, генерал-фельдмаршал (1821) — 316–318, 320

К

- Кадуаль Жорж (1771–1804), предводитель роялистских повстанцев (шуанов) во Франции — 33
- Каменский Михаил Федотович (1738–1809), граф (1797), генерал-фельдмаршал, петербургский генерал-губернатор (1802), главнокомандующий (1806) — 71–74
- Каменский Николай Михайлович (1776–1811), граф (1799), русский военачальник, генерал от инфантерии (1809) — 196–202
- Канкрин Егор (Георг Людвиг) Францевич (1774–1845), граф (1829), русский военный и государственный деятель, генерал от инфантерии (1828), член Государственного совета (1821), почетный член Петербургской (1824) и Парижской (1829) академий наук, министр финансов (1823–1844) — 264, 312
- Каннинг Джордж (1770–1827), британский государственный деятель и дипломат, министр иностранных дел (1807–1809, 1822–1827), премьер-министр (1827) — 91, 453
- Кантемир Дмитрий Константинович (1673–1723), молдавский и русский государственный деятель, писатель, господарь Молдавии (1710–1711) — 414
- Каподистрия Иван (Иоаннис) Антонович (1776–1831), граф, статс-секретарь по иностранным делам республики Семи Соединенных Островов (1803–1807), управлял вместе с К. В. Нессельроде Министерством иностранных дел России (1816–1822), президент Греции (с 1827) — 338, 360, 366, 387–389, 396, 401–402, 404, 407, 413, 415, 420–423, 425, 434, 441, 444–445
- Карагеоргий (Черный Георгий, Джордже Петрович) (1762–1817), руководитель Первого Сербского восстания 1804–1813 гг., основатель династии Карагеоргиевичей — 158, 161, 166, 168, 174–177, 185–186, 189–190, 192, 197–198, 204, 214, 235, 339–340, 415, 418–419
- Карамзин Николай Михайлович (1766–1826), историк, писатель, поэт, публицист и журналист, действительный статский советник (1824), член Российской академии (1818), почетный член Петербургской академии наук (1818) — 26, 125, 391
- Карл IV (1748–1819), король Испании (1788–1808) — 113
- Карл XII (1682–1718), король Швеции (с 1697) — 99, 296
- Карл XIII (1748–1818), герцог Зюдерманландский (до 1809), король Швеции (с 1809), король Норвегии Карл II (с 1814) — 121, 123, 149
- Карл II Вильгельм-Фердинанд (1735–1806), герцог Брауншвейг-Вольфенбютельский, прусский генерал-фельдмаршал (1787) — 64–66
- Карл-Альберт (1798–1849), король Сардинии, герцог Савойский, Пьемонтский и Аостский (с 1831) — 413
- Карл-Людвиг-Иоганн (1771–1847), эрцгерцог, выдающийся австрийский военачальник, фельдмаршал (1801), почетный член Императорской военной академии в России (1832), президент гофкригсрата (1801–1805), военный министр (1805–1809) — 37, 45, 50, 79, 126–127, 129, 131, 134, 186

- Карл-Феликс (1765–1831), король Сардинии, герцог Савойский, Пьемонтский и Аостский (с 1821) — 413
- Карл Юхан — см. Бернадот Ж.
- Карлос-Мария-Исидро де Бурбон (дон Карлос Старший) (1788–1855), инфант, младший брат Фердинанда VII, претендент на престол (1833–1844), затем в эмиграции под именем графа де Молина — 403
- Карягин Павел Михайлович (1752–1807), полковник (1800) — 232
- Квируга Антонио (1784–1841), испанский генерал и государственный деятель, участник войны против Наполеона, либерал — 402
- Киприанос (1776–1821), архиепископ Кипрский (с 1810) — 440
- Киселев Павел Дмитриевич (1788–1872), граф (1839), выдающийся военный и государственный деятель и дипломат, генерал-адъютант (1823), генерал от инфантерии, полномочный председатель диванов княжеств Молдавии и Валахии (1829–1834), член Государственного совета (1834), начальник 5-го отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии (1836–1856), министр государственных имуществ (1837–1856) — 427, 435
- Клаузевиц Карл Филипп Готфрид фон (1780–1831), выдающийся германский военный историк и теоретик, полковник русской службы (1814), генерал-майор прусской службы (1818), начальник штаба Русско-немецкого легиона (1813–1814) — 44, 63, 251, 265, 279, 286, 308
- Ключевский Василий Осипович (1841–1911), выдающийся русский историк, профессор (1882), академик Петербургской академии наук (1900), член Государственного совета (1906) — 222
- Кнорринг Богдан Федорович (1746–1825), русский военный деятель, генерал от инфантерии (1806) — 76, 119–120, 122
- Кнорринг Карл Федорович (1744/46–1820), русский военный деятель, генерал-лейтенант (1798), первый русский главнокомандующий и главный управляющий гражданской частью в Грузии (1801–1803) — 220–221, 224, 226
- Кобенцель Людвиг фон (1753–1809), граф, австрийский государственный деятель и дипломат, государственный канцлер и министр иностранных дел (1801–1805) — 37
- Кованько Иван Афанасьевич (1773–1830), русский поэт и ученый, статский советник (1825) — 289
- Коленкур Арман Огюстен Луи (1773–1827), маркиз, герцог Виченцкий (1808), дивизионный генерал (1805), сенатор (1813), министр иностранных дел (1813–1814, 1815), пэр Франции (1815) — 94, 112, 114, 116–117, 132–133, 135–136, 152, 259, 269, 278, 283, 287, 292, 343
- Комаровский Евграф Федотович (1769–1843), граф (1803), генерал-адъютант (1801), генерал от инфантерии, сенатор (1828) — 273
- Конде (Луи-Жозеф де Бурбон, принц де) (1736–1818), принц крови, французский военачальник и государственный деятель — 16

- Константин Павлович (1779–1831), великий князь, сын императора Павла I, цесаревич (1799), главнокомандующий польской армией (1815–1830) — 51, 83, 313, 348, 358, 382–383
- Костюшко Анджей Тадеуш Бонавентура (1746–1817), польский военный и политический деятель, участник войны за независимость США, бригадный генерал (1783), организатор восстания 1794 г. — 357, 380
- Котляревский Петр Степанович (1782–1851), русский военачальник, генерал от инфантерии (1826) — 240, 243–247
- Коцебу Август-Фридрих-Фердинанд фон (1761–1819), германский драматический писатель и публицист, русский генеральный консул в Кенигсберге (1816–1818) — 393–394
- Кочубей Виктор Павлович (1768–1834), граф (1799), князь (1831), русский государственный деятель и дипломат, сенатор (1801), член Государственного совета (1810), член Российской академии (1818), почетный член Петербургской академии наук (1818), управляющий Коллегией иностранных дел (1801–1802), министр внутренних дел (1802–1807), управляющий Министерством внутренних дел (1816–1823), председатель Государственного совета и Комитета министров (с 1827) — 26, 41–42
- Криденер Варвара Юлиа фон (1764–1824), баронесса, мистик, писательница — 370–371, 374
- Кронстед Карл Олаф (1756–1820), вице-адмирал (1801), комендант Свеаборгской крепости, с 1808 в русском подданстве — 107
- Кульнев Яков Петрович (1763–1812), генерал-майор (1808) — 121–122, 267
- Куницын Александр Петрович (1783–1840), выдающийся русский юрист, почетный член Петербургского университета (1838) — 289
- Куракин Александр Борисович (1752–1818), князь, русский дипломат и государственный деятель, действительный камергер (1778), действительный тайный советник 1-го класса (1796), член Российской академии (1798), член Государственного совета (1802) — 23, 57, 85, 119, 126, 142, 146–147, 154, 200, 211, 256
- Курута Дмитрий Дмитриевич (1769–1833), граф (1826), генерал от инфантерии (1828), генерал-адъютант (1831), член Военного совета (1832) — 383
- Кутузов (Голенищев-Кутузов) Михаил Илларионович (1747–1813), граф (1811), светлейший князь Смоленский (1812), выдающийся русский военачальник и дипломат, генерал-фельдмаршал (1812), киевский военный губернатор (1806–1808), виленский генерал-губернатор (1808–1811), главнокомандующий, член Государственного совета (1812) — 45–46, 48–50, 52–55, 156, 192, 202–212, 214, 249, 273–278, 280–284, 289–293, 296–299, 303–304, 311, 314–315, 319, 321–323, 327–328
- Кучук-Мехмед, паша Кипра (1821) — 440
- Кэслри Роберт-Генри Стюарт (1769–1822), второй маркиз Лондондерри, виконт, британский государственный деятель и дипломат, военный министр (1807–1809), министр иностранных дел (1812–1822) — 344, 361–363, 367, 385, 389, 400, 442, 452–453

Л

- Ланжерон Александр Федорович де (Александр Луи Андро) (1763–1831), граф, маркиз де ла Косс, барон де Конни, генерал от инфантерии (1811), херсонский военный губернатор (с 1815) — 53, 202, 207–208, 428
- Ланской Василий Сергеевич (1754–1831), русский государственный деятель, действительный тайный советник (1812), сенатор (1809), член Государственного совета (1815), президент временного правительства на землях герцогства Варшавского (1813–1815), наместник Царства Польского (1815), министр внутренних дел (1825–1828) — 359
- Лафайет Мари-Жан-Поль-Рош-Ив-Жилбер дю Мотье де (1757–1834), маркиз, участник войны за независимость США и двух французских революций, начальник Национальной гвардии (1789–1791, 1830) — 371
- Левенштерн Владимир Иванович (1777–1858), барон, русский военный деятель, генерал-майор (1826) — 274
- Лёвенгельм Густав Карл Фредерик (1771–1856), граф, генерал-лейтенант, шведский военачальник и дипломат — 149–150
- Ливен Христофор (Христофор Генрих) Андреевич (1774–1838), барон, граф (1799), светлейший князь (1826), русский военный и государственный деятель, дипломат, генерал от инфантерии (1819) — 326, 400
- Лисаневич Дмитрий Тихонович (1778–1825), русский военный деятель, генерал-лейтенант (1824) — 233–234
- Ллойд Генри (1729–1783), английский военный писатель, генерал-майор русской армии (1763) — 65–66
- Лобанов-Ростовский Дмитрий Иванович (1758–1838), князь, государственный и военный деятель, генерал от инфантерии (1807), член Государственного совета (1813), военный губернатор Санкт-Петербурга (1808–1809), лифляндский, эстляндский и курляндский генерал-губернатор и рижский военный губернатор (1810–1812), министр юстиции (1817–1827) — 84, 327
- Лористон Жак Александр Бернар Ло (1768–1828), граф (1808), пэр Франции (1815), маркиз (1817), министр королевского двора (1820–1824), маршал Франции (1823), министр и королевский обер-егермейстер (с 1824) — 59, 257, 293, 296
- Лошкарев (Лашкарев, Лашкаришвили-Бибилури) Сергей Лазаревич (1739–1814), русский дипломат, тайный советник (1799) — 180–184
- Луи-Антуан-Анри де Бурбон (1772–1804), герцог Энгиенский, последний представитель дома Конде, боковой линии Бурбонов — 33–34, 37–38, 100, 112
- Луи-Антуан, герцог Ангулемский (1775–1844), сын Карла X, дофин (1824), король в изгнании Людовик XIX (с 1830) — 448–450
- Луиза-Августа-Вильгельмина-Амалия (1776–1810), королева Пруссии (с 1799), супруга Фридриха-Вильгельма III — 48, 87

- Людовик IX Святой (1214–1270), король Франции (с 1226), канонизирован (1297) — 448
- Людовик XVI (1754–1793), король Франции (1774–1792) — 353
- Людовик XVIII (Людовик-Станислав-Ксаверий) (1755–1824), брат Людовика XVI, граф Прованский (до 1795), король в изгнании (с 1795), король Франции (с 1814) — 16–17, 39, 351–355, 362–365, 370, 372, 374, 378, 381, 388, 447–448, 451
- Лютер Мартин (1483–1536), один из инициаторов Реформации, богослов — 393

М

- Магницкий Михаил Леонтьевич (1778–1844), государственный деятель, публицист, действительный статский советник (1810), симбирский губернатор (1817–1819) — 394–395
- Макаров Михаил Кондратьевич (1747–1813), русский военный и государственный деятель, адмирал (1801), член Государственного совета (1810) — 13, 21
- Макдональд Этьен Жак (1765–1840), маршал Французской империи, герцог Тарентский (1809) — 345, 372
- Макк (Мак) Карл, барон фон Лейберих (1752–1828), австрийский военачальник, фельдмаршал-лейтенант (1796), фельдмаршал (1819) — 43, 45–46
- Маккензи Фрейзер Александр (1758–1809), британский военный деятель шотландского происхождения, генерал-лейтенант — 172
- Мамед-Али, мирза — 234
- Марашли-Али-паша (ум. после 1819), паша Смедерева (1815–1817), Диарбекира (1817–1819) — 416
- Маре Юг Бернар (1763–1839), герцог Бассано и граф империи (1809), французский дипломат и политический деятель, член Французской академии (1803–1816), министр иностранных дел (1811–1813), министр внутренних дел (1815), пэр Франции (1815, 1831), президент Совета (1834) — 257
- Мария Людовика (Луиза) Франциска Тереза Иозефа Лючия фон Габсбург-Лотринген (1791–1847), дочь императора Франца, вторая жена Наполеона Бонапарта и императрица Франции (1810–1814), герцогиня Пармы, Пьяченцы и Гуасталлы (с 1815) — 134, 345, 351, 353, 363
- Мария Федоровна (София-Доротея-Августа-Луиза Вюртембергская) (1759–1828), императрица, жена Павла I — 86, 114–115, 133
- Марков Евгений Иванович (1769–1828), генерал-лейтенант (1807) — 206–208
- Мармон Огюст Фредерик Луи Виесс де (1774–1852), герцог Рагузский (1808), маршал Франции (1809), генерал-губернатор Далмации (1806–1809) и Илирийских провинций (1809–1811), пэр Франции (1814), государственный министр (1817) — 345–346
- Массена Андре (1758–1817), герцог Риволи (1808), князь Эсслингский (1810), маршал Французской империи (1804), пэр Франции (1815) — 50–51

- Махмуд II (1785–1839), султан Османской империи (с 1808) — 187, 189
- Медисон Джеймс (1751–1836), государственный секретарь (1801–1809), президент США (1809–1817) — 399
- Мейендорф Казимир Иванович (1749–1813), барон, генерал от кавалерии (1807) — 182–184
- Меттерних-Виннебург Клемент-Венцеслав-Лотар (1773–1859), князь, герцог де Портелла, австрийский государственный деятель и дипломат, канцлер и министр иностранных дел (1809–1848) — 44, 130, 134, 139–140, 200, 209, 321, 331, 340–341, 355, 361–362, 364, 366, 370, 378, 388–389, 392, 394–397, 404–405, 407, 409–411, 413, 423–424, 431, 435, 439, 441, 444, 452
- Мехмед IV Авджи (Охотник) (1642–1693), султан Османской империи (1648–1687) — 177
- Мехмед-Али (1769–1849), по происхождению албанец, вали (губернатор) Египта (1805–1811), независимый правитель Египта (с 1811) — 172, 456–457
- Милорадович Михаил Андреевич (1771–1825), граф (1813), генерал от инфантерии (1809), военный губернатор Петербурга (с 1818) — 193, 275, 282, 293, 321, 346
- Милош Обренович I (1780–1860), участник Первого Сербского восстания и руководитель Второго Сербского восстания (1815–1817), основатель династии Обреновичей, князь Сербии (1815–1839, с 1858) — 415–417, 419, 458
- Минчаки Матвей Яковлевич (1769–1852), дипломат, вице-председатель диванов княжеств Молдавия и Валахия (1828–1829) — 458
- Михаил Павлович (1798–1849), великий князь, сын императора Павла I, генерал-адъютант (1831), член Государственного совета (1825), сенатор (1834), шеф нескольких армейских полков — 319
- Михайловский-Данилевский Александр Иванович (1790–1848), военный историк, генерал-лейтенант (1835), сенатор, председатель Военно-цензурного комитета (1835) — 312, 342, 372
- Михельсон Иван Иванович (1740–1807), русский военачальник, генерал от кавалерии, витебский и моголевский военный губернатор (1803) — 166–167, 169, 174, 176, 180–181, 202
- Мишо де Боретур Александр Францевич (1771–1841), граф (1814), русский военный деятель, генерал-адъютант (1813), генерал от инфантерии (1841) — 264, 291
- Мольтке Гельмут-Карл-Берхард фон (1800–1891), граф (1870), выдающийся прусский и германский военный теоретик и военачальник, генерал-фельдмаршал (1871), начальник Большого генерального штаба (1857–1888) — 451, 455
- Морков Аркадий Иванович (1747–1827), граф (1796), дипломат, действительный тайный советник (1801), член Государственного совета (1821) — 28, 30
- Мортье Адольф Эдуард Казимир Жозеф (1768–1835), герцог Тревизский (1808), маршал Французской империи (1804), военный министр (1834) — 46, 48–49, 345–346
- Мулла-паша, паша Видина (1811) — 204–205

- Муравьев-Карский Николай Николаевич (1794–1866), граф Карский (1855), русский военный и государственный деятель, генерал-адъютант (1832), генерал от инфантерии (1853), член Государственного совета (1856), наместник Кавказа (1854–1856) — 276, 286
- Мурузи Александр Дмитриевич (1750–1813), князь, господарь Валахии (1793–1796, 1799–1801), Молдавии (1790, 1803–1806), с 1807 г. в России — 163
- Мурузи Дмитрий (1768–1812), турецкий дипломат, великий драгоман Порты, господарь Молдавии (1812) — 214
- Мурузи Константин (ум. 1822), великий драгоман Порты — 430
- Муса, хан Гиляна (1804–1815) — 234
- Мустафа IV (1779–1808), султан Османской империи (с 1807) — 179, 185, 187–188
- Мустафа-паша Байрактар (Олимдар, «знаменосец») (1765–1808), великий визирь Османской империи (1808) — 185, 187–188
- Мюрат Иоахим (1767–1815), маршал Французской империи (1804), принц империи и генерал-адмирал флота (1805), король Неаполитанский (1808–1815) — 46, 49, 75, 113, 259, 282, 293–294, 309–310, 370, 373, 403
- Мюффлинг Фридрих Карл Фердинанд фон (1775–1851), барон, прусский военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал (1847), военный губернатор Парижа (1815), начальник Генерального штаба (1821–1838), губернатор Берлина (1838–1847), военный писатель (псевдоним Карл фон Вейсс) — 323

Н

- Надир-шах Афшар (1688–1747), шах Персии (с 1736) — 217
- Наполеон Бонапарт (1769–1821), первый консул Франции (1799), император французов Наполеон I (1804–1814, 1815) — 14–19, 25, 28–31, 33–34, 36, 38–39, 41, 45–56, 58–61, 63–64–77, 79–82, 84–87, 89–91, 93–94, 98–100, 102–103, 106, 110–119, 125–128, 130–134, 136, 138–153, 160, 162–165, 168, 174, 180, 182, 185–187, 199–201, 205, 209, 211, 213, 235–236, 238–239, 247–250, 252–257, 259–263, 267, 269, 272, 275–280, 283–284, 286, 291–294, 297–299, 303–306, 308–310, 313–316, 318–323, 325–326, 328–331, 333, 335–336, 338–353, 358, 361, 363–368, 370–373, 379, 381, 384, 387, 391, 399, 412–413
- Нарбонн-Лара Луи Мари Жак Амальрик (1755–1813), граф (1810), незаконнорожденный сын короля Людовика XV, французский военный деятель, дивизионный генерал (1801), генерал-адъютант (1811), губернатор Торгау (1813) — 254–256, 331
- Нарышкина София Дмитриевна (1808–1824), внебрачная дочь Александра I — 459
- Ней Мишель (1769–1815), герцог Эльхингенский (1808), князь Московский (1813), маршал Французской империи (1804) — 46, 150, 303, 311, 330, 373
- Нельсон Гораций (1758–1805), лорд, виконт Нильский и Бурнхем-Торнский, выдающийся британский флотоводец, вице-адмирал (1801), командующий Средиземноморской эскадрой (1803) — 21, 23, 50

Нессельроде Карл (Карл-Роберт) Васильевич (1780–1862), граф, действительный тайный советник (1823), член Государственного совета (1821), вице-канцлер (1828), государственный канцлер (1845), почетный член Петербургской академии наук (1833), министр иностранных дел (1822–1856) — 73, 118, 143, 315, 340, 355, 358–360, 363, 387–388, 397, 401, 403–404, 407–408, 415, 419, 424–426, 431, 434, 439–440, 442, 444, 448–449, 455, 458

Николай I Павлович (1796–1855), российский император (с 1825) — 428, 459

Новосильцев Николай Николаевич (1762–1838), граф (1835), государственный деятель, дипломат, тайный советник (1805), сенатор (1806), член Государственного совета (1831), председатель Государственного совета и Комитета министров (1834) — 40–41, 93, 391–392, 396, 459

О

Ожеро Жан Пьер (1772–1836), барон (1811), генерал-лейтенант (1815) — 301

Ожеро Шарль Пьер Франсуа (1757–1816), герцог Кастильоне (1808), маршал Французской империи (1804) — 75

Октавиан Август (Гай Октавиан Фурин) (63 г. до н. э.— 14 г. н. э.), римский император — 316

Орбелиани Дмитрий Захарович (1763–1827), князь, русский военный деятель, генерал-майор (1800) — 244

Орлов Василий Петрович (около 1745–1801), генерал от кавалерии, войсковой атаман Войска Донского (1797) — 18–20

Орурк Иосиф Корнилович (1762–1849), граф, русский военный деятель, генерал от кавалерии (1841) — 204

Остен-Сакен Фабиан (Фабиан Готлиб) Вильгельмович фон дер (1752–1837), барон, граф (1821), князь (1832), русский военный деятель, генерал-фельдмаршал (1826), член Государственного совета (1818), генерал-губернатор Парижа (1814) — 350

Остерман-Толстой Александр Иванович (1771–1857), граф, генерал-адъютант (1814), генерал от инфантерии (1817) — 333

П

Павел I Петрович (1754–1801), российский император (с 1796) — 13–20, 25, 36, 158, 218, 221–222, 231, 393

Панафидин Павел Иванович (1784–1869), русский офицер, капитан-лейтенант (1810) — 57

Паскевич Иван Федорович (1782–1856), граф Эриванский (1828), светлейший князь Варшавский (1831), выдающийся русский полководец, государственный деятель, генерал-адъютант (1824), генерал-фельдмаршал (1829), командующий войсками Отдельного Кавказского корпуса (1826–1831) — 191

- Паулуччи Филипп (Филиппо) Осипович (1779–1849), маркиз, русский и сардинский военный и государственный деятель, генерал-адъютант (1812), генерал от инфантерии (1823), главнокомандующий и управляющий гражданской частью в Грузии (1811–1812), рижский губернатор (1812–1829), губернатор Генуэзской провинции и министр Сардинского королевства (после 1829) — 242–243, 264, 317
- Педро I (1798–1834), император Бразилии (1822–1831) — 447
- Перовский Василий Алексеевич (1795–1857), граф (1855), русский военный и государственный деятель, генерал-адъютант (1833), генерал от кавалерии (1843), член Государственного совета (1845), военный губернатор Оренбурга и командующий Отдельным Оренбургским корпусом (1833–1842), генерал-губернатор Оренбургской и Самарской губерний (1851–1857) — 287
- Петр I (1672–1725), царь (с 1682), император (с 1721) — 26, 218, 225, 318, 414
- Петр III (Карл-Петер-Ульрих) (1728–1762), герцог Голштейн-Готторпский (1739–1762), российский император (1762) — 141
- Петр-Фридрих-Георг (Георгий Петрович) (1784–1812), принц Ольденбургский, генерал от кавалерии, эстляндский генерал-губернатор, затем тверской, новгородский и ярославский генерал-губернатор, главный директор водных и сухопутных сообщений (1809) — 141
- Петр-Фридрих-Людвиг (1755–1829), администратор великого герцогства Ольденбургского (1785–1823), герцог Ольденбургский (с 1823) — 141
- Пий VII (Григорио Луиджи Барнаба Кьярамонти) (1742–1829), папа Римский (с 1800) — 322
- Платов Матвей Иванович (1753–1818), граф (1812), генерал от кавалерии (1809), войсковой атаман Войска Донского (1801) — 18, 80, 270, 277, 301, 347
- Понятовский Станислав-Август (1732–1798), последний польский король (1764–1795) — 361
- Понятовский Юзеф Антоний (1763–1813), князь, польский и французский военный деятель, маршал Французской империи (1813), военный министр герцогства Варшавского (1807–1813), главнокомандующий Войском Польским (с 1808) — 127, 129, 132, 272, 320, 358
- Поццо ди Борго Карл-Андрей (Карло-Андреа) Осипович (1764–1842), граф (1826), президент Государственного совета Корсики (1794), позднее русский дипломат — 68, 125, 178–180, 353, 359–360, 388, 411, 450–451
- Прозоровский Александр Александрович (1732–1809), князь, генерал-фельдмаршал (1807) — 183–193
- Публий Квинтилий Варр (46 до н. э.— 9 н. э.), римский полководец, пропретор Германии — 316
- Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837), классик русской литературы — 289

Р

- Раевский Николай Николаевич (1771–1829), русский военачальник, генерал от кавалерии (1813), член Государственного совета (1826) — 77, 80, 267, 271, 277, 335
- Разумовский Андрей Кириллович (1752–1836), граф, светлейший князь (1815), русский дипломат — 168, 360
- Рибопьер Александр Иванович (1781–1865), граф, русский государственный деятель и дипломат, член Государственного совета, управляющий Государственным коммерческим банком (1817–1823), Государственным заемным банком (1820–1823) — 456
- Риго-и-Нуньес Рафаэль дель (1784–1823), испанский военный и государственный деятель, фельдмаршал (1822), руководитель либерального восстания 1821–1823 гг. — 402–403, 450
- Римский-Корсаков Александр Михайлович (1753–1840), генерал от инфантерии (1801), член Государственного совета (1830), литовский военный губернатор (1812–1830) — 73
- Ришелье Эммануил Осипович (Арман-Эммануэль дю Плесси) (1766–1822), герцог, русский и французский государственный деятель, генерал-лейтенант русской службы (1799), херсонский военный губернатор, управляющий гражданской частью в Екатеринославской и Таврической губерниях, начальник войск крымской инспекции (1805–1815), министр иностранных дел Франции (1815–1818), глава правительства (1815–1818, 1820–1821) — 211, 257, 375–376, 388, 442
- Родофиникин Константин Константинович (1760–1838), русский дипломат, сенатор (1832), член Государственного совета (1838) — 177
- Розили-Месрос Франсуа Этьен де (1748–1832), граф, вице-адмирал французского флота — 50
- Ростопчин Федор Васильевич (1765–1826), государственный деятель, генерал-адъютант (1796), генерал от инфантерии, сенатор (1812), член Государственного совета (1814), московский военный губернатор, главнокомандующий в Москве (1812–1814) — 253, 276, 281, 288, 351
- Ртищев Николай Федорович (1754–1835), генерал от инфантерии (1816), сенатор (1817), главнокомандующий и главноуправляющий по гражданской и пограничной частям Грузии (1812–1817) — 244–245, 247
- Румянцев Николай Петрович (1754–1826), граф (1774), государственный деятель, коллекционер и меценат, государственный канцлер (1809), почетный член Российской академии (1819), министр коммерции (1802–1810), управляющий Министерством иностранных дел (1807), министр иностранных дел (1808–1814), председатель Государственного совета и Комитета министров (1810–1812) — 27, 98, 100–101, 111, 116, 132–133, 136, 147, 155, 183, 191, 197, 211, 214, 228, 238, 247, 249, 315

С

- Савари Анн Жан Мари Рене (1774–1833), герцог де Ровиго (1808), французский военный и государственный деятель, дивизионный генерал (1805), министр полиции (1810–1814) — 52, 102, 110–113
- Салтыков Николай Иванович (1736–1816), граф (1790), светлейший князь (1814), государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал (1796), сенатор (1794), член Государственного совета (1810), президент Военной коллегии (1796–1802), председатель Государственного совета и Комитета министров (с 1812) — 258
- Сангушко Евстафий-Эразм (1768–1844), князь, дивизионный генерал французской службы (1813) — 262
- Себастьяни де ла Порта Орас Франсуа Бастьен (1772–1851), граф (1809), французский военный и дипломат, маршал Франции (1841), морской министр (1830), министр иностранных дел (1830–1832) — 163–167, 171, 178, 184, 187
- Сегюр Филипп Поль де (1780–1873), граф (1809), французский военный деятель и дипломат, генерал-лейтенант (1831), член Французской академии (1830), начальник пажей (1813), пэр Франции (1831) — 254, 279, 285, 288, 299, 349
- Селим III (1761–1808), султан Османской империи (1789–1807) — 158, 162–163, 165, 173, 177–179, 185–187
- Сенявин Дмитрий Николаевич (1763–1831), выдающийся русский флотоводец, генерал-адъютант (1825), адмирал (1826), сенатор (1826) — 42, 57–59, 90, 92–95, 169, 171–173, 178–180
- Сеславин Александр Никитич (1780–1858), русский военный деятель, генерал-майор (1813) — 298
- Скуфас Николай (Николаос) (1779–1818), греческий революционер, один из основателей общества «Филики Этерия» — 414
- Соломон II (1773–1815), царь Имеретии (1789–1810) — 173, 229, 234
- Сперанский Михаил Михайлович (1772–1839), граф (1839), выдающийся русский государственный деятель, действительный тайный советник (1827), государственный секретарь (1810), член Государственного совета (1821), почетный член Петербургской академии наук (1819), действительный член Российской академии (1831), пензенский губернатор (1816–1819), генерал-губернатор Сибири (1819–1821) — 118, 381, 394
- Спренгпортен Георг-Магнус (1741–1819), барон (1778), граф (1809), русский и финляндский государственный деятель, генерал от инфантерии (1801), финляндский генерал-губернатор (1809) — 19, 104, 120
- Стадион Иоганн-Филипп-Карл-Йозеф фон (1763–1824), австрийский дипломат, граф, министр иностранных дел (1805–1809) — 37
- Степанов, майор — 235
- Стефан (Стратимирович) (1757–1836), митрополит Сербский (с 1790) — 160, 175–176

- Строганов Григорий Александрович (1770–1857), барон, граф (1826), государственный деятель и дипломат, действительный тайный советник (1821), обер-камергер (1846), член Государственного совета (1827), почетный член Академии наук (1832) — 417–419, 426, 430–431, 434–437, 439–440
- Строганов Павел Александрович (1774–1817), граф, государственный и военный деятель, дипломат, тайный советник (1802), генерал-адъютант (1811), генерал-лейтенант (1812), сенатор (1802) — 58
- Стурдза Александр Скарлатович (1791–1854), российский дипломат, писатель — 308, 413, 422
- Стурдза Иоанн (1761–1842), господарь Молдавии (1822–1828) — 428
- Суворов Александр Васильевич (1730–1800), граф Рымникский (1789), князь Итальянский (1799), русский полководец и теоретик военного дела, генералиссимус (1799) — 19, 274
- Сульт Никола Жан де Дьё (1769–1851), герцог Далматский (1807), военный и государственный деятель Франции, маршал империи (1804), военный министр (1814), пэр Франции (1814, 1819), премьер-министр (1832–1834, 1839–1847), министр иностранных дел (1839–1840), военный министр (1840–1845), главный маршал Франции (1847) — 338, 364
- Сухтелен Петр (Иоганн Петер) Корнилович ван (1751–1836), граф (1822), русский военный инженер и дипломат, инженер-генерал (1799), член Государственного совета (1812) — 107, 140, 149
- Суцо (Суцу) Александр (1758–1821), господарь Молдавии (1801–1802), Валахии (с 1802) — 421

Т

- Талейран-Перигор Шарль-Морис (1754–1838), князь Беневентский (1806–1815), герцог Дино (1817), министр иностранных дел Франции (1797–1807, 1815), глава правительства (1815) — 19, 31, 33, 36–37, 41, 118–119, 161, 347, 349, 355, 361–364, 366
- Татищев Дмитрий Павлович (1767–1845), русский дипломат, обер-камергер, член Государственного совета — 401–402, 443
- Теймураз (1782–1846), грузинский царевич — 232
- Толь Карл (Карл Вильгельм) Федорович фон (1777–1842), граф (1829), генерал-адъютант (1823), генерал от инфантерии (1826), член Государственного совета (1830) — 269
- Тормасов Александр Петрович (1752–1819), граф (1816), генерал от кавалерии (1801), член Государственного совета (1813), киевский (1803–1807), рижский (1807) военный губернатор, главнокомандующий на Кавказской линии и в Грузии (1808–1812), московский военный губернатор и главнокомандующий (с 1814) — 240–242, 251, 257, 291

Траверсе Иван Иванович (Жан Батист Прево Сансак) де (1754–1831), маркиз, адмирал (1801), член Государственного совета (1810), главный командир Черноморского флота и портов, военный губернатор Севастополя и Николаева (1802–1809), морской министр (1809–1828) — 170

У

Убри Петр Яковлевич (1774–1847), действительный тайный советник (1811), временно управляющий Министерством иностранных дел (1823–1824) — 37, 57–59

Уваров Федор Петрович (1773–1824), генерал-адъютант (1798), генерал от кавалерии (1813), член Государственного совета (1823) — 83, 277

Удино Никола Шарль (1767–1847), герцог Реджио (1810), маршал империи (1809) — 150, 267, 332, 345

Ф

Федоров Владимир Григорьевич (1874–1966), русский и советский ученый и конструктор, генерал-майор (1916), основоположник отечественной школы конструкторов автоматического стрелкового оружия — 81

Фердинанд I (1751–1825), сын Карла III Испанского, король Неаполя (Фердинанд IV, 1759–1798, 1799–1806), Сицилии (1798–1799, 1806–1816), обеих Сицилий (с 1816) — 370, 408, 411–412

Фердинанд VII (1784–1833), король Испании (с 1813) — 113, 374, 397, 401–403, 450–451

Фердинанд Карл Йозеф фон Остеррейх-Эсте (1781–1850), эрцгерцог, фельдмаршал, генерал-губернатор Галиции и Трансильвании (1830–1846) — 45, 130

Фетх-Али (Баба-хан, «Маленький хан») (1772–1834), шах Персии (с 1797) — 168, 220–221, 230, 233–238, 240–241, 244, 248

Фигнер Александр Самойлович (1787–1813), герой войны 1812 г., подполковник — 292

Франц (Франц-Иосиф-Карл) (1768–1835), император Священной Римской империи германской нации Франц II (1792–1806), император Австрии Франц I (с 1806) — 37–38, 45, 49, 52, 54, 61, 68, 79, 126, 130, 134, 154, 320, 329, 341, 354, 361–362, 378, 437, 439, 444, 446, 452

Франциск I (1770–1830), король Обеих Сицилий (с 1825) — 411

Фредерик Август (1763–1827), герцог Йоркский и Олбанский, сын короля Георга III, фельдмаршал (1795), главнокомандующий британской армией (1795) — 18

Фридрих II Великий (1712–1786), король Пруссии (с 1740) — 48, 65–68, 252, 322

Фридрих-Август III (1750–1827), король Саксонии (с 1806), герцог Варшавский (1807–1813) — 87, 336

Фридрих-Вильгельм III (1770–1840), король Пруссии (с 1797) — 35, 38, 44, 47–48, 51, 55–56, 61, 64, 66–68, 78, 81, 86–88, 102, 126, 128, 151, 153, 318, 324, 334, 356, 374, 378, 393, 395, 446

Фуль Карл Людвигович (Карл Людвиг Август) (1757–1826), барон, генерал-лейтенант (1809) — 251–253, 264–265, 272

Х

Хаджи-Мухтар (Хаджи-Мустафа) (1733–1801), паша Белграда (с 1793) — 158

Ц

Цицианов Павел Дмитриевич (1754–1806), князь, русский военный деятель, генерал от инфантерии (1804), инспектор пехоты на Кавказе, астраханский военный губернатор и главнокомандующий в Грузии (с 1802) — 173, 226–234

Цукато Егор Гаврилович (ум. 1810), граф, генерал-майор (1799) — 199

Ч

Чаадаев Петр Яковлевич (1794–1856), русский философ и публицист — 409

Чарторыйский Адам (Адам-Ежи) Адамович (1770–1861) князь, сенатор (1805), управляющий Министерством иностранных дел России (1804–1806), сенатор-воевода и член административного совета Царства Польского (1815–1830), глава правительства мятежников (1830–1831), «король де факто» в эмиграции (с 1834) — 24, 26–27, 33, 39, 41, 44, 47, 57, 60, 74, 93, 114, 159–160, 175, 231, 319, 356–357, 379–381, 404

Чернышев Александр Иванович (1785–1857), граф (1826), князь (1841), светлейший князь (1849), военный и государственный деятель, генерал-адъютант (1812), генерал от кавалерии (1827), сенатор (1827), военный министр (1832–1852), председатель Государственного совета и Комитета министров (1848–1856), почетный президент Военной академии (с 1852) — 143–144, 146–147, 149, 151, 201, 209, 211, 250, 298, 337, 359

Чичагов Павел Васильевич (1767–1849), генерал-адъютант (1801), адмирал (1807), член Государственного совета (1811–1834), почетный член Петербургской академии наук (1814), министр морских сил (1807–1811) — 22, 91, 94, 169–170, 212, 263, 271, 291, 305, 311

Ш

Шампаньи Жан-Батист де (1756–1834), герцог де Кадор (1811), министр иностранных дел (1807–1811), сенатор (1813) — 116, 133–134, 138

Шарль-Фердинанд (1778–1820), сын Карла X, герцог Беррийский — 403

Шарнхорст Герхард-Иоганн-Давид (1755–1813), выдающийся прусский военный и государственный деятель, начальник Генерального штаба (с 1808), военный министр (1808–1810, с 1813), генерал-лейтенант (1813) — 325

Шатобриан Франсуа-Рене де (1768–1848), виконт, французский государственный деятель и дипломат, писатель, один из основателей французского романтизма, член

Французской академии (1811, 1814), пэр Франции (1815), министр иностранных дел (1822–1824) — 437, 446, 452

Шварц Федор Ефимович (ум. 1869), генерал-майор (1828) — 408

Шварценберг Карл Филипп фон (1771–1820), герцог фон Крумау, князь, австрийский военный и государственный деятель, фельдмаршал (1812), президент гофкригскрата (1815–1817) — 126, 321, 331–332, 343–344, 365

Штакельберг (Стакельберг) Густав Оттонович фон (1766–1850), граф, русский дипломат — 60, 154, 326, 360

Штейн Генрих Фридрих Карл фон (1757–1831), барон, прусский государственный деятель, министр финансов (1804–1807), глава правительства (1807–1808), член Государственного совета (с 1827) — 152–153, 366–368

Шувалов Павел Андреевич (1776–1823), граф, генерал-адъютант (1808), генерал-лейтенант (1809) — 352, 404

Э

Эбле Жан Батист (1758–1812), барон (1808), граф Французской империи (1813), дивизионный генерал (1793), военный министр Вестфалии (1808–1810), главнокомандующий артиллерией Великой армии (1812) — 305–307

Эристов Георгий Евсеевич (1769–1863), князь, русский военный деятель, надворный советник (1802), генерал от инфантерии (1836), сенатор (1830) — 244

Эссен (Эссен 3-й) Петр Кириллович фон (1772–1844), граф (1833), русский военный деятель, генерал от инфантерии (1819), оренбургский военный губернатор (1817–1830), член Государственного совета (1830), Санкт-Петербургский военный губернатор (1830–1842) — 204

Ю

Юлий Цезарь (100–44 до н. э.), римский диктатор — 252

Юсуф ибн Али (1766–1838), паша и дей Триполи (1795–1832) из турецкой династии Караманли — 398

Научное издание

Айрапетов Олег Рудольфович

**История
внешней политики
Российской империи
1801–1914
В 4 томах**

**Том 1
Внешняя политика
императора Александра I
1801–1825**

*Редакторы Е. И. Рычкова, Е. Р. Ароян
Корректоры Е. А. Сирин, Е. Р. Цегельник
Выпускающий редактор Е. Д. Щепалова
Художественное оформление М. А. Миллер
Компьютерная верстка В. Г. Курочкин, Л. Ф. Комаровская
Допечатная подготовка М. А. Рогова*

ООО «Кучково поле»
119071, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 10, оф. 420
Тел./факс: (495) 256 04 56
info@kpole.ru
123022, Москва, ул. Красная Пресня, д. 28, стр. 2, оф. 307
Тел.: (499) 253 90 01
books@kpole.ru
www.kpole.ru

Подписано в печать 06.09.2017. Формат 165 × 235 мм
Усл. печ. л. 49,4. Тираж 1000 экз.

